63.3(2)
О-285

ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО ФЕОДАЛЬНОЙ РОССИИ

633(2) О-28

ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО ФЕОДАЛЬНОЙ РОССИИ

Сборник статей,
посвященный 70-летию
академика
ЛЬВА ВЛАДИМИРОВИЧА
ЧЕРЕПНИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1975

ЛЕВ ВЛАДИМИРОВИЧ
ЧЕРЕПНИН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

академики
Н. М. ДРУЖИНИН, Д. С. ЛИХАЧЕВ,
А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ, М. В. НЕЧКИНА,

член-корреспондент
В. Л. ЯНИН,

доктора исторических наук
Л. Н. ПУШКАРЕВ, С. М. ТРОИЦКИЙ,

кандидат исторических наук
А. П. САХАРОВ,

В. Д. НАЗАРОВ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

доктор исторических наук
В. Т. ПАШУТО

Б. 1696776

Государственная
публичная библиотека
им. В.Г. Белинского
г. Свердловск

О $\frac{10604-372}{042(2)-75}$ —БЗ—20—10—75

© Издательство «Наука», 1975 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1975 г. исполняется 70 лет со дня рождения академика Льва Владимировича Черепнина, выдающегося советского ученого, талантливого педагога и организатора науки. Обладая огромной эрудицией и колоссальной работоспособностью, ученый-коммунист Л. В. Черепнин за почти полвека своей деятельности внес крупный вклад в развитие советской исторической науки. Им созданы фундаментальные труды, в которых с позиций марксистско-ленинской методологии освещены многие кардинальные проблемы отечественной истории периода феодализма.

Научные интересы Л. В. Черепнина чрезвычайно широки, а проблематика его исследований весьма разнообразна и многогранна. Наряду с трудами по истории экономики, социальных отношений, классовой борьбы трудящихся масс, внутренней и внешней политики государства, общественной мысли и культуры народов СССР с древнейших времен до начала XIX в., Л. В. Черепнин опубликовал много ценных работ по историографии, источниковедению, палеографии, дипломатике и другим вспомогательным историческим дисциплинам. Ему также принадлежат крупные заслуги в пропаганде и популяризации лучших достижений советской исторической науки в нашей стране и за рубежом.

Предлагаемый тематический сборник посвящен академику Л. В. Черепнину [1]. В нем помещены статья академика Н. М. Дружинина и В. Т. Пашуто, посвященная 70-летию Л. В. Черепнина, и статья Я. С. Гросула и Н. А. Мохова «Роль Л. В. Черепнина в становлении исторической науки в советской Молдавии».

В сборнике предпринята попытка исследовать ряд важных и недостаточно изученных в историографии вопросов истории общества и государства в России в период феодализма. Проблематика и хронологические рамки этого сборника тесно связаны с научным творчеством Л. В. Черепнина. Сборник распадается на три тематических раздела: классовая и сословная структура феодального общества, ее отражение в общественно-политической мысли, влияние сословной структуры общества и классовой борьбы на эволюцию государства в России.

В первом разделе помещены статьи, свидетельствующие о роли и устойчивости крестьянской общины (Я. Н. Щапов, В. А. Александров). Развитие классов в XIV—XV вв., изучаемое на материале Псковской земли (Ю. Г. Алексеев), и воспроизводство феодалов из среды черносошного крестьянства на земле Новгородской (В. Л. Янин) — дополняются статьями по истории сословной структуры верхов господствующего класса (В. Д. Назаров, В. И. Буганов), города (А. М. Сахаров) и о складывании третьего сословия (П. Г. Рындзюнский). С комплексом этих существенных тем связаны анализ изменений в сложной социальной струк-

[1] В 1972 г. был опубликован сборник статей «Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе», также посвященный Л. В. Черепнину (М., 1972).

туре страны эпохи складывания абсолютизма и методологически важное выявление смешанных (переходных) форм буржуазного развития в среде классов-антагонистов XVII—XVIII вв. (А. А. Преображенский), которое позже в условиях кризиса крепостнической системы вызывало упадок прогрессивных промышленных заведений (Е. И. Дружинина).

Эта сложность и противоречивость исторического процесса в стране проявились и в развитии общественно-политической мысли, которой посвящены статьи второго раздела. Достаточно сопоставить официозное единодержавие в политической практике централизации (А. Л. Хорошкевич), в борьбе за титулы и родословия (М. Е. Бычкова, Л. А. Никитина), споры в публицистике вокруг образа «идеального», но сословного государя (И. С. Чичуров, Н. А. Казакова), с трагическим противоречием между ее материально-политическим воплощением и религиозно-этическим замыслом (А. И. Клибанов, Н. В. Синицына, В. С. Румянцева, М. Я. Волков), с отражением его в народном самосознании (Л. Н. Пушкарев); наконец, отображение противоборствующих общественных стремлений эпохи развивающегося абсолютизма в проектах, оценках и утопиях — в рекомендациях Комиссии Тимакова (С. М. Троицкий), в отношении В. Н. Татищева к петровским реформам (А. И. Юхт), в несбыточных замыслах И. Тревогина (М. Д. Курмачева), в колоритных записках Вильбуа (Л. А. Никифоров).

История русской государственности, которой посвящен третий раздел, начинается (как показывает А. Н. Сахаров) с первых шагов политической истории Древней Руси. Государственная эволюция России неотделима от усложнения форм эксплуатации крестьян (С. М. Каштанов, Н. А. Горская) и роста их сопротивления гнету феодалов и государства (А. Д. Горский). Она сопровождается переменами в иммунитетной политике правительства (И. А. Булыгин), которые становятся более ясными при их сопоставлении с условиями стран, не знавших централизованных государственных форм (И. П. Старостина). Сама централизация государства в России (Б. Н. Флоря) была процессом долгим и чрезвычайно сложным, особенно во времена правления Ивана Грозного (А. А. Зимин, С. О. Шмидт); в дальнейшем правительство вырабатывало своеобразные политические формы с учетом подходящего для местных условий зарубежного опыта (А. Г. Маньков, Г. А. Некрасов).

Небольшие статьи сборника, понятно, не претендуют на исчерпывающие решения и не в этом их задача. Их цель — содействовать разработке коренных проблем истории России, для исследования которых так много сделал и делает Л. В. Черепнин. Юбилейный сборник — коллективный труд особого рода, отражающий связь юбиляра с ученым миром и многообразие взглядов и течений в последнем, предоставляя каждому одинаковую возможность (по объему и форме) выразить свои взгляды.

Научно-организационная работа по сборнику выполнена В. Г. Шерстобитовой.

Н. М. Дружинин, В. Т. Пашуто

К СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЮ Л. В. ЧЕРЕПНИНА

Хорошо сознавая огромные качественные сдвиги, происшедшие в отечественной историографии в советское время, мы видим, какое место принадлежит в этих переменах отдельным ее деятелям — нашим современникам.

С расцветом отечественной исторической науки на арену международной историографии выходят выдающиеся ученые, вооруженные марксистско-ленинской методологией и исполненные патриотического пафоса, широко эрудированные, партийно мыслящие исследователи — творцы советского представления о мировой истории и роли в ней нашей Родины, ее народов и, прежде всего, русского народа. Среди этих ученых видное место занимает Лев Владимирович Черепнин: его труды и вся его деятельность немало содействовали тому, что советская историография целой эпохи — эпохи феодализма — и своим научным методом, и охватом источников намного превзошла старых классиков отечественной науки и их зарубежных адептов.

Обычный вопрос: «Почему и как Вы стали историком?» — вызывает у Л. В. Черепнина лишь улыбку. В двух словах не объяснишь. Выступая недавно перед молодыми учеными, Л. В. Черепнин говорил: «Что требуется, чтобы стать историком? Призвание, дарование, любовь, знания, опыт — все вместе. Тут многое зависит от природы, но не меньше — от себя, от стремления к эрудиции, от одержимости разысканием. К этому надо идти очень долго и целеустремленно, до конца жизни» [1].

Л. В. Черепнин родился 12 апреля 1905 г. в Рязани. Он рос в среде, которая не могла не пробудить уважения к знаниям и интереса к прошлому. Его дед, Алексей Иванович Черепнин,— ученый-самородок. Став археологом и видным нумизматом, он опубликовал несколько работ; среди его учеников был В. А. Городцов. Отец тоже был просвещенным человеком: окончил историко-филологический факультет Московского и юридический факультет Петербургского университетов, а также Петербургский Археологический Институт.

Л. В. Черепнин начал учиться в классической гимназии, а окончил ее уже преобразованной в советскую трудовую школу (1921 г.). «Конечно, в гимназии было немало схоластики»,— вспоминал Л. В. Черепнин, но знание трех языков и хорошее гуманитарное образование имели важное значение для будущих занятий... «В понимании этого значения я очень многим обязан моей учительнице Надежде Николаевне Хорошкевич, кстати говоря, тетушке нашей исследовательницы А. Л. Хорошкевич». В школе были прочитаны Соловьев и Ключевский и немало книг по истории общественно-политической мысли. И языки, и книги — существенный фактор

[1] Здесь и ниже цитируется диктофонная запись выступления Л. В. Черепнина 1 июня 1972 г., хранящаяся в секторе истории древнейших государств Института истории СССР АН СССР.

общекультурного развития. «Меня удивляет,— говорил Л. В. Черепнин,— когда я узнаю, что кандидаты в аспирантуру не читали того, что мы знали уже в школе».

Путь Л. В. Черепнина в науку лежал через Рязанский пединститут — один из новых вузов, в котором преподавали учителя средних школ, но преподавали основательно. Здесь судьба столкнула Льва Владимировича с Н. Г. Бережковым, в будущем тонким исследователем летописной хронологии и Литовской метрики, который познакомил его с трудами А. А. Шахматова. Увлечение источниковедением укрепило Л. В. Черепнина в выборе профессии. Он решил пройти университетский курс.

Московский университет был типичным вузом тех лет: советская власть, при поддержке К. А. Тимирязева, В. П. Волгина и других передовых ученых, широко распахнула его двери перед новыми слушателями — в красноармейских шинелях, кожанках, блузах и спецовках. Они заполнили аудитории и коридоры, впервые приобщаясь к научному знанию. Историко-филологического факультета уже не было, ему на смену пришел факультет общественных наук с экономическим, юридическим, общественно-педагогическим и другими отделениями. Наряду с известными профессорами — специалистами буржуазного направления, лекции читали многие видные деятели советской науки и культуры (М. Н. Покровский, А. В. Луначарский и др.). В старых стенах Московского университета ломались вековые воззрения, кипели студенческие страсти, складывалась советская высшая школа. Л. В. Черепнин, перебиваясь уроками, факультативно слушал лекции в 1922—1925 гг. Тут, в бурной рабоче-крестьянской студенческой среде, начали формироваться общественно-политические воззрения недавнего гимназиста.

Первые труды Л. В. Черепнина, подготовленные уже после сдачи им экзаменов за университет и поступления в 1926 г. в аспирантуру Института истории Российской Ассоциации научных институтов общественных наук (РАНИОН), были посвящены истории русских крестьян и западных вилланов. У истоков научного творчества Л. В. Черепнина стояло несколько крупных ученых. В просеминарии Д. М. Петрушевского, где тогда приобщались к науке А. И. Неусыхин, С. А. Никитин, Н. В. Устюгов, А. С. Нифонтов и др., Л. В. Черепнина манили к себе занятия западноевропейской историей. Но С. В. Бахрушин и А. И. Яковлев уже увлекли молодого ученого в архив на Большой Пироговской. Богатство архива, заполненного документами по истории нашей страны, поразило и предопределило его будущее.

Люди, окружавшие Л. В. Черепнина, срослись с архивом: одни являлись туда ежедневно, словно на службу, подобно М. М. Богословскому, собиравшему материал о Петре I; другие, как С. Б. Веселовский и А. И. Яковлев, разыскивали новые источники и готовили их к изданию,— но все они, казалось, знали архив вдоль и поперек. Заслуженные ученые с мировыми именами, они никогда не чурались трудной, повседневной работы копиистов, веря в будущее русской археографии. Одно лето Л. В. Черепнин провел вместе с С. Б. Веселовским в келье Троице-Сергиевской лавры, с 6 часов утра до 3 часов дня от руки копируя акты. Уменье читать и понимать документ как часть комплекса источников, любовь к черновой работе — вот что воспитали эти люди в Л. В. Черепнине. Об этом невольно вспоминаешь, когда думаешь не только о его археографической деятельности, но и о редактированных им трудоемких изданиях по истории СССР, по истории Мордовии и Татарии, Молдавии и Румынии...

Покидая стены РАНИОНа и поступая на работу в Отдел рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, 25-летний Л. В. Черепнин был ученым, твердо убежденным в своем призвании, прошедшим школу марксистской подготовки, наставленным в первых исследовательских опытах лучшими эрудитами предшествующей русской историографии.

Ко времени защиты кандидатской диссертации (1942 г.) на тему «Феодальная вотчина XIV—XVI вв.» в Московском городском педагогическом институте им. В. И. Ленина Л. В. Черепнин уже имел позади долгий ряд лет работы над рукописными актами, работы, результаты которой лишь позднее отразились в печати.

Творческие возможности Л. В. Черепнина полностью раскрылись с поступлением его в докторантуру (1942 г.), а позднее (1946 г.) и в штат Института истории АН СССР.

Мог почитать себя счастливым тот, кто, как Л. В. Черепнин, попал в сектор истории СССР периода феодализма. В нем был собран цвет русской медиевистики послевоенных лет. Обстоятельно, всесторонне обсуждались доклады на его заседаниях, где можно было услышать и блестящий экспромт К. В. Базилевича, и едкую реплику П. П. Смирнова, где неоправданный восторг неофита тонул в простых, но неодолимых вопросах Н. Г. Бережкова, И. А. Голубцова, А. Н. Насонова, где всех московских дьяков и подьячих знал наперечет добрейший С. К. Богоявленский, где всегда были готовы поддержать начинающего Н. В. Устюгов и А. А. Новосельский. Здесь горячая преданность факту В. П. Любимова сочеталась с убедительным синтезом В. И. Шункова; здесь выступали с докладами Б. Д. Греков и В. И. Пичета, а председательствовал С. В. Бахрушин. Здесь с наукой не шутили, ее чтили и считали главным делом своей жизни. Тут родилась «История Москвы», отсюда пошли «Очерки истории СССР». Здесь и развернулся исследовательский талант Л. В. Черепнина во всей его многогранности.

Уже в 1946 г. он представил докторскую диссертацию «Русские феодальные архивы XIV—XV вв.» Ее защита была одним из самых ярких диспутов наших дней.

Новаторское значение этого труда в том, что Л. В. Черепнин, опираясь на труды основоположников марксизма, разработал принципы научного анализа актового источника как памятника политической, классовой борьбы. Это позволило критически переосмыслить буржуазное актовое источниковедческое наследство, обратить его фактологические богатства и методические достижения на пользу советской науке. Автор раскрыл взаимосвязь между источником и историей хранящего его сборника или собрания, между историей архивных фондов XIV—XV вв. и процессом централизации России.

Актовый источник — не самодовлеющая единица среди разновременных памятников, собранных в хронологическом порядке, а ступень в истории права, в закономерном процессе утверждения политического господства класса или его правящей группы. Через историю источников и архивов Л. В. Черепнин постиг социально-экономическую сущность «собирания власти». Одновременно он раскрыл неполноту, тенденциозность архивных фондов, сохраненных московской правительственной канцелярией.

Если проследить научную деятельность Л. В. Черепнина последних тридцати лет, то обнаруживается ее глубокая внутренняя последовательность, органически слитая с общей закономерностью развития советской историографии. Фундаментальный докторский труд, опубликованный в

1948—1951 гг., стал основой его последующих исследований, приведших к известной книге «Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках» (М., 1960). Эта книга осветила решающую роль русского народа в экономическом возрождении России периода централизованного государства. Цельная и стройная концепция возникновения централизованных государств стала ведущей в нашей историографии и послужила предпосылкой сравнительно-исторических исследований на материале сперва Восточной, а затем и всей Европы. Исследования Л. В. Черепнина по истории Русского централизованного государства сыграли в нашей науке такую же роль, как труды Б. Д. Грекова по истории государства Древнерусского. Л. В. Черепниным создана целая школа ученых, разрабатывающих отдельные темы по этой проблеме. Если собрать их вместе, образуется целый Институт. Но собрать их трудно: они разбросаны по всей стране. Ученики, сами ученые нескольких поколений, питают прежде всего огромное уважение к учителю, его знаниям и авторитету.

Его перу принадлежат и работы, посвященные становлению и эволюции сословно-представительной монархии в России, социально-экономическим и политическим сдвигам, которые характеризовали ее переход к абсолютизму. Одна из важнейших тем научного творчества Л. В. Черепнина — классовая борьба народных масс и прежде всего крестьянские войны в России XVII—XVIII вв.: хронология и этапы, лозунги и характер идеологии повстанцев, объективное значение, направленность и последствия этих гражданских войн эпохи феодализма.

Докторский труд Л. В. Черепнина заложил фундамент советского актового источниковедения и открыл путь осуществленному под руководством автора многотомному образцовому изданию серий уникальных источников. Эти серии были положительно оценены международным ученым миром.

С открытием и введением в научный оборот новгородских берестяных грамот Л. В. Черепнин применил к ним свой опыт анализа письменных актов. В книге «Новгородские берестяные грамоты как исторический источник» (М., 1969) он сопоставил берестяные грамоты с обычными, не только определив их место в корпусе дошедших актов, но, используя устойчивость формуляра, сумел прочитать многие утраченные и угасшие тексты. Благодаря такой методике берестяные грамоты позволили увидеть правовую жизнь, социальные и бытовые конфликты на Руси — Русскую Правду в действии.

Труды Л. В. Черепнина по актовому источниковедению сочетались с углубленным изучением таких специальных дисциплин, как хронология, метрология, палеография, и стали классическими, сформировав успешно развивающееся научное направление советской историографии. Л. В. Черепнин — один из выдающихся основоположников марксистско-ленинской разработки источниковедения и вспомогательных исторических наук.

Выдвинутая партией задача — создать обобщающие труды по отечественной и всеобщей истории — требовала от историков анализа теоретических проблем феодализма. Теоретические изыскания в области периодизации побуждали Л. В. Черепнина к дальнейшему творческому освоению наследия классиков марксизма. Так родились статьи о значении трудов Маркса, Энгельса и Ленина для русской феодальной историографии, периодизации и источниковедения.

Участвуя в качестве редактора и автора в создании «Очерков истории СССР», «Всемирной истории», вузовского учебника и академического многотомника «История СССР», Л. В. Черепнин изучает общие и частные закономерности истории СССР, непрерывно совершенствуя внутреннюю

структуру курсов отечественной истории, формулируя и выдвигая новые проблемы, относящиеся к общественно-политическому, этническому и культурному прошлому страны. В этом он опирается на большой творческий коллектив сектора истории СССР периода феодализма (которым руководит с 1951 г.) и всего Отдела истории докапиталистических формаций на территории СССР Института истории СССР (возглавляемого Л. В. Черепниным с 1969 г.).

Исследовательской работе сопутствовала, обогащая ее, долголетняя преподавательская деятельность Л. В. Черепнина как профессора. Л. В. Черепнин-лектор — всегда искатель, раскрывающий слушателям трудный, полный сомнений путь открытия, сопоставления, обобщения источников и выводов из них. Отсюда — добрая слава его курсов, читанных в Историко-архивном институте, Институте международных отношений, Московском государственном университете, Академии общественных наук при ЦК КПСС и, наконец, в парижской Сорбонне. Не случайно и работа теоретического семинара, который Л. В. Черепнин ведет много лет, вылилась в содержательный научный сборник статей его участников — «Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма» (М., 1970).

Л. В. Черепнин много сделал для научно-критического освоения наследства классиков исторической литературы — досоветской (С. М. Соловьева, А. Е. Преснякова, А. С. Лаппо-Данилевского и др.) и советской (М. Н. Покровского, Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина и др.). Этой проблеме посвящена и его книга «Русская историография до XIX в.» (М., 1957), принесшая автору, наряду с трудом по палеографии, звание лауреата Ломоносовской премии Московского государственного университета. Историографическая работа всегда сочетается у Льва Владимировича с острой партийной критикой современных зарубежных фальсификаторов нашей истории.

Глубоко эрудированный марксист, прекрасный оратор и полемист, Л. В. Черепнин неоднократно с честью представлял советскую науку на международных конгрессах, конференциях и симпозиумах (в Риме, Стокгольме, Вене, Париже, Москве, Бухаресте, Брюсселе, Лондоне, Тулузе, Будапеште, Секешфехерваре, Венеции), отстаивая основы советского мировоззрения и остро, глубоко критикуя взгляды реакционных буржуазных ученых. Он — постоянный член Национального комитета историков Советского Союза, член Международной комиссии по славянским исследованиям, вице-президент Международной комиссии по истории сословно-представительных и парламентских учреждений.

Л. В. Черепнин вышел и за пределы собственно историографии, создав из серии этюдов 1963—1967 гг. своеобразную книгу «Исторические взгляды классиков русской литературы» (М., 1968), в которой раскрыл истоки и сущность историзма русских писателей, притом не на отдельных примерах, как это делали и до него, а на столетнем отрезке истории литературы, начиная с Пушкина и кончая Блоком.

Давний интерес к сравнительно-историческому анализу разнородных источников (актовых, летописных, археологических, агиографических), естественно, вел Л. В. Черепнина к сопоставлению самих отраженных в них юридических институтов сперва русских, а затем и иных (молдавских, румынских, французских). В творчестве Л. В. Черепнина возрастает внимание к типологии уже не источников и институтов, а целых стержневых проблем, таких, как судьба сословий (тому пример — написанный им раздел в труде «Пути развития феодализма». М., 1972).

Именно поэтому традиционная оценка, выраженная словами, что юбиляр находится в расцвете своего творчества, по отношению к Л. В. Че-

репнину звучит особенно правдиво и выразительно. Он разрабатывает историю русского крестьянства в рамках подготовляемого под его редакцией коллективного труда «История крестьянства в Европе в средние века», пишет монографию по истории сословно-представительных учреждений в России, в разгаре и проводимая под его руководством работа по подготовке к печати актов Русского государства XVI — начала XVII в. От внимательного читателя не могут ускользнуть и статьи, посвященные Л. В. Черепниным памяти своих коллег-современников. Можно надеяться, что эти очерки выльются в особую книгу. Льву Владимировичу есть что вспомнить и о чем рассказать. Такая книга нужна: среди деятелей русской досоветской историографии мемуарный жанр не был популярен, да и советские историки не слишком щедры на воспоминания.

Творчество Заслуженного деятеля науки РСФСР, автора более трехсот работ, академика-коммуниста Л. В. Черепнина — редкий пример органического сочетания огромной эрудиции, высокой исследовательской техники и теоретического синтеза. Его творческий путь — благородный пример патриотического служения советской науке.

Характеристика Л. В. Черепнина была бы неполной, если бы мы не коснулись его личных особенностей как человека. Те, кто непосредственно соприкасался с Львом Владимировичем, хорошо знают, что за его внешней строгой сдержанностью таится не только богатый мир образов и идей, но и большое душевное благородство. Одна из главных черт его морального облика — внимание и уважение к человеку, свободное от всяких пристрастий и посторонних соображений. Следит ли он за научными прениями в руководимом им секторе, консультирует ли своего ученика, спорит ли с научным противником, он стремится прежде всего вдуматься в приводимые доводы,— отсюда его исключительное, проникновенное внимание к говорящему. И здесь он прежде всего ищет истину, отрешаясь от всего, что выходит за границы научного обмена мнениями. Он старается возбуждать работу мысли своих собеседников, но не навязывать им свои выводы силой личного авторитета. Он бывает рад, если его собрат по науке убедит его новыми фактами и аргументами, а если останутся разногласия, он будет бороться оружием мысли.

Другой основной чертой Л. В. Черепнина является его личное бескорыстие в самом широком смысле этого слова. Он руководствуется в своих действиях интересами науки, отметая в сторону всякие ненаучные мотивы. Он никогда не превращает науку в средство для достижения личных целей, идет ли речь о внешних преимуществах, о степенях и званиях, о признании его авторитета и пр. Его всегда интересует наука, которую он любит, которой предан и которой служит всю свою жизнь, независимо от занимаемого положения и возникающих препятствий.

Третья основная особенность Л. В. Черепнина — его твердость в жизненных испытаниях; она помогала ему продолжать во всех условиях непрерывно и целеустремленно вести работу историка, разыскивая новые источники, анализируя и обобщая их самостоятельно в свете передовой марксистско-ленинской методологии.

Эти личные черты Л. В. Черепнина гармонически сочетаются с его природным дарованием ученого, усиливая замечательную плодотворность его научной деятельности. Вот почему Л. В. Черепнин пользуется уважением и любовью не только своих учеников, но и всех, кто работал с ним вместе, кто не ограничивался чтением его трудов, но мог в близком духовном общении почувствовать высоту его морального облика.

Я. С. Гросул, Н. А. Мохов

РОЛЬ Л. В. ЧЕРЕПНИНА В СТАНОВЛЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В СОВЕТСКОЙ МОЛДАВИИ

Нелегко писать о человеке, с которым связан длительно творчески, а Лев Владимирович Черепнин не только для нас, а и для большинства молдавских историков-медиевистов стал учителем в прямом смысле этого слова.

Научная разработка исторического прошлого молдавского народа была одной из самых актуальных задач национального строительства в послевоенной Молдавии. Потребность в комплексных марксистских исследованиях была тем более велика, что в годы румынской и последующей румыно-немецкой фашистской оккупаций местное население подвергалось антисоветской идеологической обработке. Объективные потребности развития научного знания прямо сопрягались с практическими, политическими задачами коммунистического воспитания народа. Истории господарей и господствующего класса, войн и дипломатии надо было противопоставить историю народа, его классовой и национально-освободительной борьбы, показать решающую роль трудовых масс в прошлом страны.

В 1947 г. группе историков было поручено подготовить научный курс истории Молдавии. В эту группу вошли практически все квалифицированные историки республики, но и они только начинали свою исследовательскую деятельность (притом лишь трое из них имели ученую степень).

Первый вариант рукописи первого тома «История Молдавии» был подготовлен в 1948 г. Он охватывал период с древнейших времен до социалистической революции. Этот вариант обсуждался в Институте истории АН СССР на специальном совещании. Обсуждение прошло весьма оживленно, было высказано много ценных замечаний [1]. Среди выступавших был и Л. В. Черепнин. В своем выступлении он основательно разобрал существенные вопросы курса истории феодальной Молдавии: периодизацию, характеристику категорий крестьянства, вопросы молдавско-русских связей. Особенно подробно остановился он на методике использования трудов классиков марксизма-ленинизма. Его критика тома была сурова, строга, но справедлива. Вот тогда Л. В. Черепнин и был приглашен в редакторы издания [2]. Это была его первая встреча с историками Молдавии.

С той поры, на протяжении уже более двадцати пяти лет, Л. В. Черепнин тесно связан с молдавской исторической наукой, в первую очередь, разумеется, с историками, исследующими феодализм. Консультируя, рецензируя и редактируя отдельные исследования, Л. В. Черепнин все больше включался в разработку наиболее важных проблем прошлого молдавского народа. Много сил отдает Л. В. Черепнин непосредствен-

---

[1] «Вопросы истории», 1950, № 4, хроника.

[2] Ответственным редактором тома стал А. Д. Удальцов, принявший участие в редактировании только первых глав книги, посвященных истории населения Молдавии I—VII вв. н. э.

ному воспитанию исследовательских кадров. Он действительно является куратором, или, говоря по-молдавски, даскалом (учителем-наставником) наших историков.

На протяжении многих лет Л. В. Черепнин по поручению Отделения истории АН СССР курировал работу молдавских историков. Высокая требовательность к качеству работы, огромная работоспособность, высокое чувство партийной ответственности за порученное дело, преданность интересам исторической науки Л. В. Черепнина служат примером для молдавских авторов.

Работа над курсом истории Молдавии была трудной и долгой и потребовала больших предварительных разысканий. Был выпущен сборник статей [3], были защищены и первые диссертации (Ф. А. Грекул, Е. М. Руссев). И всем этим руководил Л. В. Черепнин. В 1951 г. был опубликован курс истории Молдавской ССР [4] — первый, рассчитанный на широкого читателя марксистский курс истории Молдавии до социалистической революции. Книга сыграла большую роль в формировании молдавской социалистической культуры и была одним из показателей успехов в ее развитии. Издание получило положительную оценку в печати.

Выход в свет тома стимулировал научный поиск, позволил выявить «узкие» места в историографии молдавского народа и способствовал выработке перспективных методик анализа социально-экономической и политической проблематики. При деятельном участии Л. В. Черепнина совершенствовалась структура книги, обрастали фактами прежде лишь намеченные узлы общей схемы. В 1965 г. вышло второе, переработанное издание [5], которое отразило успехи исторической науки за прошедшие годы. Это издание также получило высокую оценку научной общественности. В 1972 г. редактор этого труда Л. В. Черепнин и группа авторов были удостоены Государственной премии Молдавской ССР.

В своем творчестве Л. В. Черепнин всегда сочетает сугубо исследовательскую работу и значительную по масштабам археографическую деятельность. Эту черту он передал и молдавским историкам. Постоянное расширение источниковедческих изысканий стимулировало постановку новых проблем, обеспечивая материальную основу научного поиска. При его поддержке началась публикация нескольких серий документов. Он был членом редколлегии всей серии и редактором одного из томов пятитомника «История Молдавии. Документы и материалы», посвященной социальной истории Молдавии XIX — начала XX в. Под его редакцией была осуществлена публикация славяно-молдавских грамот эпохи феодализма [6]. Огромный археографический опыт Л. В. Черепнина послужил и созданию трехтомной публикации источников по истории молдавско-русских и румыно-русских связей за XV — начало XVIII в. Это издание готовилось совместно историками Москвы, Кишинева и Бухареста [7].

---

[3] «Феодальные отношения в Молдавии в период XIV—XVIII веков (Сб. статей)». Под ред. А. Д. Удальцова и Л. В. Черепнина. Кишинев, 1950.

[4] «История Молдавии», т. I (От древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции). Под ред. А. Д. Удальцова и Л. В. Черепнина. Кишинев, 1951. В 1954 г. книга вышла в переводе на молдавский язык.

[5] «История Молдавской ССР», т. I (От древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции). Отв. ред. Л. В. Черепнин. Кишинев, 1965.

[6] «Молдавия в эпоху феодализма», т. I. Славяно-молдавские грамоты (XV — первая четверть XVII в.). Под ред. Л. В. Черепнина. Кишинев, 1961.

[7] «Исторические связи народов СССР и Румынии в XV — начале XVIII в. Документы и материалы», т. I. 1408—1632. М., 1965; т. II, 1633—1673. М., 1968; т. III, 1673—1711. М., 1970. Редакционная коллегия: Я. С. Гросул, А. К. Оцетя, А. А. Новосельский, Л. В. Черепнин.

История Молдавии на протяжении веков была тесно связана с историей Валахии (позже Румынии). Л. В. Черепнин уделяет немалое внимание и ее феодальному периоду в качестве редактора советско-румынских изданий. Монография Л. Е. Семеновой о русско-валашских связях была опубликована под редакцией Л. В. Черепнина [8]. Ныне Л. В. Черепнин в качестве ответственного редактора возглавляет подготовку коллективного труда «История Румынии с древнейших времен до 1848 г.»

На молдавских исследователей наибольшее влияние оказало само творчество Л. В. Черепнина. Это, во-первых, его исследования по молдавской истории. Посвященные различным сюжетам, они имеют одну общую и притом весьма существенную черту — сравнительно-исторический метод анализа ряда аналогичных исторических процессов в прошлом России и Молдавии. Так, в докладе ««Соборное уложение» 1649 года и «Правила» Василе Лупу 1646 года как источники по истории закрепощения крестьян в России и в Молдавии» (на научной сессии в Бухаресте в июне 1958 г.) [9] автор сопоставил два юридических памятника, которые были составлены почти одновременно в Москве и Яссах, сыграв решающую роль в оформлении закрепощения крестьян. Разобрав нормы обоих кодексов, исследователь сделал убедительный вывод о том, что сравнительно-исторический метод «весьма поможет пониманию основных закономерностей в развитии крепостного права в России, Польше, Венгрии, в славянских странах Балканского полуострова, в Молдавии, Валахии» [10].

Доклад Л. В. Черепнина на сессии в Кишиневе (в ноябре 1958 г.) «Из истории общественной мысли в России и Молдавии на рубеже XV и XVI веков» был посвящен сопоставительному изучению некоторых памятников общественно-политической мысли Молдавии и Русского государства в конце XV — начале XVI в. Мобилизовав весьма значительный материал русских источников, автор показал взаимосвязь и взаимовлияние общественной мысли России и Молдавии [11].

Близкими к этой проблематике являются и опубликованные в Бухаресте две статьи Л. В. Черепнина: одна — «Русские и молдавские феодальные институты средневековья» [12], другая — «К вопросу об иммунитете в Молдавии и на Руси в XV—XVI вв.» [13]. Для молдавских историков оказались важными и сама методика указанных работ Л. В. Черепнина (анализ, начатый сопоставлением отдельных источников, завершался сравнительным изучением существенных сторон феодальных обществ России и Молдавии) и их направленность — выявление общих и особенных черт развития России и Молдавии в эпоху зрелого феодализма.

Во-вторых, значительное влияние на научный поиск молдавских историков оказали труды Л. В. Черепнина, где определяется методика

---

[8] *Л. Е. Семенова.* Русско-валашские отношения в конце XVII — начале XVIII в. Отв. редактор Л. В. Черепнин. М., 1969.

[9] «Studii privind Relaţiile Romîno-Ruse şi Romîno-Sovietice. Sesiunea comună a istoricilor Romini si Sovietici, iunie, 1958». Bucureşti, 1958, p. 30—41; «О румыно-русских и румыно-советских связях. Совместная сессия румынских и советских историков, июнь 1958». М., 1960, стр. 55—70; см. также *Л. В. Черепнин.* Поездка делегации советских историков в Румынию.— «Вестник АН СССР», 1958, № 9, стр. 95—96.

[10] «О румыно-русских и румыно-советских связях», стр. 70.

[11] «Вековая дружба. Материалы научной сессии Института истории Молдавского филиала АН СССР, состоявшейся 27—29 ноября 1958 г.» Кишинев, 1961, стр. 87—110.

[12] «Omagiu lui P. Constantinescu-Jaşi cu prilejul împlinirii a 70 de ani». Bucuresti, 1965, p. 187—191.

[13] «Revue Roumaine d'histoire», Bucureşti, 1969, t. VIII, N 3, p. 481—489.

сравнительно-исторического анализа, а также его конкретные исследования по сопоставительному изучению ряда явлений феодального общества в России и других европейских странах. Он же был редактором монографии П. В. Советова, посвященной типологическим особенностям молдавского феодального общества на разных этапах его эволюции [14].

Первые итоги более углубленной характеристики типа феодализма в Молдавии были подведены в 1973 г. на симпозиуме в Кишиневе. В его работе приняли участие советские специалисты и ряд ученых из других социалистических стран. Руководителем симпозиума был Л. В. Черепнин, который и сформулировал основные проблемы обсуждения в статье «Актуальные проблемы истории Юго-Восточной Европы эпохи феодализма» [15]. Проведенные исследования и плодотворная дискуссия на симпозиуме с применением сравнительно-исторического метода подвели к выводу о необходимости выделения исследования Юго-Востока Европы в особый регион.

Специалистам по истории отдельных народов и стран всегда грозит опасность замкнуться в сравнительно узких рамках изучаемых проблем. Л. В. Черепнин с первых дней знакомства призывал молдавских историков к широкому рассмотрению фактов истории Молдавии в сопоставлении и в связи с историей России, других народов Юго-Востока и Центральной Европы.

Известно, какое большое внимание уделяют партия и правительство интернациональному воспитанию братских народов СССР. Выявление давних исторических взаимосвязей народов Советского Союза, их совместной классовой и национально-освободительной борьбы — почетный долг советских историков. Творчество ученого-коммуниста Л. В. Черепнина и в этом отношении было примером для молдавских историков.

Партия и правительство заботятся о развитии науки в национальных республиках нашей Родины. Президиум АН СССР поощряет личные связи отдельных крупных ученых с исследовательскими центрами на местах. Участие Л. В. Черепнина в развитии молдавской историографии, его значительный вклад в нее — это и результат его личных научных интересов, и проявление закономерного развития советской науки. Именно потому столь заметна роль Л. В. Черепнина в становлении исторической науки Советской Молдавии. Мы уверены, что дальнейшее творческое его сотрудничество с молдавскими исследователями приведет к еще более плодотворным результатам.

---

[14] *П. В. Советов.* Исследования по истории феодализма в Молдавии, т. I. Очерки истории землевладения в XV—XVIII вв. Отв. редактор Л. В. Черепнин. Кишинев, 1972.

[15] «Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма. Резюме докладов Кишиневского симпозиума 1973 г.» Кишинев, 1973, стр. 3—10.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

КЛАССОВАЯ И СОСЛОВНАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА

Я. Н. Щапов

О ФУНКЦИЯХ ОБЩИНЫ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Проблема общины и ее роли в процессе формирования классового общества у восточных славян не менее важна для этого региона, чем для других обществ Старого света в древности. Известно, какую роль играла общинная организация в XV—XVII вв. на русском Севере, где существовали особые формы землевладения и связанные с ними социальные отношения. Еще более знакома общественная борьба во второй половине XIX в. вокруг оценки роли русской общины в прошлом, настоящем и будущем России.

В науке давно установлено, что община в России — не результат административного или финансового правотворчества централизованного государства, а одна из основных форм организации общества, возникающая в процессе перехода от первобытного строя к классовому, причем, при всех возможных отличиях, форма, широко распространенная в мире. Применительно к восточнославянской проблематике речь идет, следовательно, о выявлении конкретных форм существования здесь общинных организаций и их особенностей, определении места древнерусской общины в процессе формирования классового строя, периодизации ее истории и т. п.

Эти проблемы ставились еще М. М. Ковалевским, Н. П. Павловым-Сильванским, А. Е. Пресняковым. В советской историографии значительный вклад в этой области принадлежит Б. Д. Грекову, С. В. Юшкову, И. И. Ляпушкину, Л. В. Черепнину, А. А. Зимину. В последние годы, благодаря главным образом работам М. О. Косвена, дискуссия о характере древнерусской общины вновь возродилась, и в ней приняли участие новые исследователи, по-разному оценивающие общественный строй Древней Руси (И. Я. Фроянов, В. И. Горемыкина, О. М. Рапов, Ю. А. Кизилов).

В дискуссии подняты такие вопросы, как стадиальный, типологический уровень общины на Руси, соотношение в ней индивидуального и коллективного, родового и соседского начал. Все это в конечном счете связано с оценкой уровня общественного развития Руси в IX—XII вв.

Изучение древнерусской общины раннего времени имеет не только объективные трудности из-за ограниченности письменных свидетельств, но и затруднения, связанные с методикой исследования письменных, археологических и этнографических данных.

В важнейших письменных источниках, Краткой и Пространной Правдах, община отражается в ту пору ее развития, когда государственная, княжеская власть оказала на нее значительное деформирующее влияние, причем она показана здесь с особой стороны — в основном под углом зрения уголовной ответственности ее членов перед княжеской властью. Для реконструкции сущности общины в пору, предшествующую XI—XII вв., необходимо, следовательно, вычленить те функции, которые принадлежали ей до узурпации их княжеской властью раннефеодального государства. Аналогичный характер имеет и другой сходный источник — устав князя Ярослава о церковных судах, фиксирующий нормы семейного, брачного и имущественного права, нарушение которых до возникновения церковной организации должно было подлежать ведению общины и большой семьи.

Некоторые исследователи для характеристики общины (и семьи) IX—XII вв. довольно широко используют сведения об этих формах в XVII—XIX вв., во время существования централизованного государства [1]. Это опасно и нередко приводит к ошибочным выводам, ибо развитие ранних общественных форм в течение веков не было прямолинейным и непрерывным, а феодальный строй и государственная власть оказывали на них значительное влияние. На это уже справедливо указывалось [2].

Из археологических памятников наиболее ценны для изучаемой темы поселения с выявленным расположением жилых строений, хозяйственных и общественных помещений. Погребальные комплексы, обусловленные культом предков, нередко искусственно воспроизводят ранние формы связи людей, уже преодоленные в жизни. Однако и планы поселений могут служить надежной опорой исследователя лишь тогда, когда вскрыт весь комплекс целиком, а не отдельные его части и когда можно твердо установить, какие из находящихся на селище строений принадлежат одному времени и действительно составляют комплекс, а не сменяют друг друга на протяжении существования поселения.

Работы, намечающие новые аспекты проблемы, особенно ценны, позволяя уловить неизвестные ранее местные формы организации восточнославянского общества раннеклассовой поры. Так, несомненный интерес представляет установленное Б. А. Рыбаковым существование общинных ремесленников, обеспечивающих округу кузнечными и ювелирными изделиями и порвавших с сельским хозяйством [3].

Открытия археологами новых селищ, укреплений, городищ, городских кварталов — ценнейших источников для социологических обобщений и исторических построений — нередко уже на начальных этапах публикации материала сопровождаются индуктивной интерпретацией и рассматриваются как иллюстрация принятых взглядов на социальные структуры [4].

Значительно затрудняет исследование и особенно дискуссию нечеткость в обозначении различных форм и типов общинных организаций, в частности применение терминов «патронимия», «сельская община», «земледельческая община», каждый из которых требует дополнительного

---

[1] *В. И. Горемыкина.* Об общине и индивидуальном хозяйстве в Древней Руси.— «История СССР», 1973, № 5, стр. 133.

[2] *Ю. А. Кизилов.* Спорные вопросы истории древнерусского феодализма.— «История СССР», 1973, № 5, стр. 150—151.

[3] *Б. А. Рыбаков.* Ремесло.— В кн.: «История культуры Древней Руси», т. I. М.— Л., 1948, стр. 180.

[4] *А. Н. Москаленко.* Городище Титчиха. Из истории древнерусских поселений на Дону. Воронеж, 1965, стр. 163—166.

определения, поскольку стоящие за ними реалии по-разному понимаются исследователями.

После этих вводных замечаний обратимся к основной теме — древнерусской общине и ее функциям в дофеодальный период и в более позднее время, в XI—XII вв.

На смену крупным брачно-родственным коллективам, защищавшим интересы своих членов в столкновениях с другими и выполнявшим внутренние производственные и административные функции, с распадом этих коллективов и выделением малых семей-хозяйств приходит новая общественная форма. Это соседский коллектив, состоящий из больших и малых семей,— вервь. В него входят семьи, как связанные между собой родством, так и родственно чуждые друг другу. Такое сочетание родственных и чужих семей могло образоваться в результате заселения восточными славянами в течение VIII—XII вв., в процессе колонизации после окончания великого переселения народов огромной территории Восточноевропейской равнины, на которой встречались не только носители разного этноса, но и представители различных микроплемен и родовых общин этой ветви славянства.

Изучение форм древнерусской семьи в IX—XII вв. не позволяет согласиться с теми исследователями, которые сомневаются в существовании больших семей в ту пору и считают индивидуальную семью универсальной малой формой восточнославянского общества древнерусского времени [5]. Также нельзя принять заключения и историков, считающих большую семью на Руси в XI—XII вв. основной микроструктурой общества, в том числе формой производственных связей [6]. По письменным (и археологическим) свидетельствам можно проследить существование в IX—XII вв. обоих типов семей, однако основными, производственными общностями, микроструктурами, объединенными и одним жилищем, в это время все явственнее становились малые семьи. Большая семья утратила к XI—XII вв. производственный характер, но сохраняла определенную управленческо-правовую общность: члены ее имели наследственные права, традиционно обладали обязанностью и правом кровной мести, непременной чертой этой организации была ее экзогамия [7].

К XI—XII вв., когда сведения о верви проникают на листы древнерусских памятников права, она прошла уже долгий, многовековой путь развития от родовой общины к соседской. В течение нескольких веков догосударственного существования общество, вышедшее из первобытно-родового строя, выработало в форме общины-верви сильную политическую организацию, которая защищает его основы от разрушения, препятствуя имущественному и классовому делению внутри нее, не позволяя одним эксплуатировать других. Политические функции общинных организаций направлены как к регулированию внутренних отношений, так и к отражению натиска извне, со стороны государственной, княжеской, власти и феодальной вотчины.

Письменные источники сохранили сведения о статусе этой общины, относящиеся к сравнительно позднему времени, когда она претерпела ряд важных изменений, лишилась некоторых своих функций и приобрела новые, не свойственные ей прежде.

---

[5] *О. М. Рапов.* Была ли вервь Русской Правды патронимией? — «Советская этнография», 1969, № 3, стр. 109—113.

[6] *В. И. Горемыкина.* Указ. соч., стр. 139.

[7] *Я. Н. Щапов.* Большая и малая семьи на Руси в VIII—XIII вв.— В кн.: «Становление раннефеодальных славянских государств. Материалы научной сессии польских и советских историков. Киев, 1969». Киев, 1972, стр. 186—189.

Как было сказано, Русская Правда полнее всего характеризует общину по линии уголовной ответственности ее членов перед князем. Этому посвящено несколько статей, из которых выясняется, что существует территория, связанная с определенным коллективом людей, называемым вервью (Кратк. 20; Простр. 3, 19, 70). Этот коллектив — устойчивая организация, которая платит князю «дикую виру» — штраф за нераскрытое убийство на ее территории, причем платит в рассрочку, в течение нескольких лет (Простр. 4). Вервь несет перед княжеской властью коллективную ответственность за убийство в разбое, происшедшем на ее территории. Кроме того, вервь выступает в той же сущности ответственного коллектива и в другом случае, когда ее член нарушает права вотчинной княжеской собственности, возможно, в свое время принадлежавшей не князю, а общине. Эта ответственность выражается в денежных штрафах (дикой вире) за убийство или за другое нарушение (продаже) (Кратк. 20; Простр. 3, 19, 70). Вервь в Русской Правде выступает, таким образом, перед лицом государственной власти и княжеской вотчины, с одной стороны, как юридическое лицо, первичная административная ячейка общества, а с другой, как автономная организация, обладающая функциями внутреннего самоуправления.

Ряд статей Правды характеризует внутреннюю структуру верви. Член ее имеет право на материальную помощь с ее стороны: вира за убийство, совершенное им, может быть уплачена частью убийцей («головником»), а частью вервью (Кратк. 19; Простр. 5, 6). При этом членство в верви по уплате виры не безусловный институт, определяемый таким естественным обстоятельством, как, например, родство. Участие в уплате виры вервью для ее члена явление возможное, но не обязательное и зависит, очевидно, от него самого, как можно судить по условной форме фразы «иже ся прикладываеть (или «прикладывають») вирою» (Простр. 6). Специально об участии и неучастии в институте дикой виры говорится в ст. 8 Пространной Правды, где применена формула «аже кто не вложить ся в дикую виру», предполагающая такое активное отношение члена верви к этому институту.

Княжеская власть вторгается во внутренние дела общины, и порядок уплаты виры вервью регулируется ею тогда, когда деятельность членов верви угрожает отправлению этой властью ее функций. В том случае, если членом верви был убит высший представитель княжеской администрации (огнищанин), причем убит умышленно («в обиду»), княжеская власть лишает вервь права совместной выплаты виры, но возлагает уплату огромной суммы в 80 гривен на одного убийцу (Кратк. 19). Это сумма, которую трудящийся земледелец не мог выплатить даже в течение всей своей жизни.

Поэтому, по древнерусским правовым нормам, он изымался из общины, терял личную свободу и превращался в княжеского холопа, работавшего в господском хозяйстве.

Те же результаты — лишение членов общины ее защиты и превращение их в рабов — имели действия княгини Ольги, когда она, по сообщению Повести временных лет в 945 г., после покорения Древлянской земли, одних убила, «а другия работе предасть мужем своим», а остальных оставила платить дань. «Работа» — это принудительный труд на земле, в данном случае — в хозяйствах княжеских дружинников.

Что касается нормы Краткой Правды об убийце огнищанина «платити за нь 80 гривен убийци, а людем не надобе» (ст. 19), то она представляет собой, видимо, развитие и приспособление к классовому строю второй половины XI в. древней нормы, отразившейся в ст. 7 Пространной

Правды [8]. Согласно последней, члену общины — убийце, действия которого не могут быть оправданы смягчающими обстоятельствами, община не оказывает никакой помощи, но он выдается вместе с семьей «на поток и разграбленье». Возможно, что здесь княжеская власть изменила традиционную общинную норму в своих, государственных интересах.

Русская Правда свидетельствует и о существовании такой функции общины, как суд по делам, касающимся имущественных отношений между ее членами. Кроме названных уже статей Пространной редакции, о функциях такого суда и судебном процессе говорит группа статей 13—16 Древнейшей Правды. Здесь, в ст. 15 упоминается и сам судебный орган, называемый «изводом», который состоял из 12 человек. Наряду с этой цифрой, в ст. 18 Пространной Правды фигурируют «послухов 7»— необходимое число свидетелей, показания которых могут снять с обвиняемого, очевидно, члена общины, подозрения в убийстве. Цифры 7 и 12, характеризующие состав коллегии общинного суда, могут говорить не только о характере этого суда как демократическом органе, состоявшем из всех глав семей, входивших в данную общину и оформивших свое гражданство в ней соучастием в платеже виры, но и о размерах самой общины. Это соседская организация, состоявшая из 7—12 и более семей.

Как в Русской Правде, так и в Уставе князя Ярослава есть нормы регулирования имущественных, наследственных отношений, брака и опеки, которые предполагают принадлежность соответствующих дел государственной власти: княжеской — в Русской Правде, власти митрополита и епископа — в Уставе Ярослава, или прямо относят их к юрисдикции последних. Таковы, например, статьи Пространной Правды о порядке наследования детей и жены (статьи 92—95, 99—106), по существу, однако, не связанные с княжеской юрисдикцией и принадлежащие дофеодальному времени. Реконструкция первоначальных правовых норм и прерогатив общины на основании этих статей была предпринята рядом исследователей [9].

Признав возможность восстановить некоторые нормы древнерусского права IX—X вв. по кодексам XI—XIII вв., мы располагаем новыми свидетельствами о правах сельской соседской общины. Этой общине, возможно, в лице тех же, видимо, типичных 7 или 12 «людей», принадлежали значительные права по регулированию взаимоотношений как между ее согражданами, отдельными семьями, так и внутри семей в случаях, если нарушения традиционных норм права затрагивали интересы всей общины.

К ведению этого коллектива можно отнести вопросы заключения и расторжения брака со всеми отклонениями от принятых норм, зафиксированными в Уставе Ярослава: архаичное и изживавшее себя умыкание невесты [10] (этот обычай отсутствовал уже у полян), отказ жениха от брака после состоявшегося сговора [11], отказ мужа содержать свою жену без достаточных оснований для этого [12]. Древнерусской и очень ранней

---

[8] Л. В. Черепнин относит возникновение текста этой статьи ко времени Владимира Святославича (*Л. В. Черепнин.* Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда.— В кн.: «Древнерусское государство и его международное значение». М., 1965, стр. 167).

[9] См., например, в советской литературе: *Б. Д. Греков.* Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века, кн. 1, изд. 2. М., 1952, стр. 313—320; *И. И. Смирнов.* Очерки социально-экономических отношений Руси XII—XIII вв. М.— Л., 1963, стр. 74—79; *Л. В. Черепнин.* Указ. соч., стр. 137, 165—166, 264, и др.

[10] ПРП, вып. 1, стр. 258, 265—266.

[11] Там же, стр. 269.

[12] Там же, стр. 259, 266.

Б. 1646746

Государственная публичная библиотека им. В.Г. Белинского г. Свердловск

нормой нужно считать денежную ответственность родителей за вступление их дочери в брак [13]. В условиях раннего средневековья, когда женщина не имела иных средств существования, чем те, которые предоставил ей муж, незамужество женщины лишало ее основной социальной функции — возможности растить для общества новое поколение. Дочери, по древнерусскому праву раннефеодального времени, при наличии мужских наследников не получали наследства [14]. В этих условиях коллектив в лице общины, который, как это видно по порядку выплаты виры, участвовал в помощи своим согражданам, был заинтересован как в материальной поддержке замужней женщины ее мужем, так и в замужестве девушки и поддержке ее мужем прежде смерти ее бывших опекунов-родителей. В противном случае ответственность за нарушение этой нормы возлагалась на родителей, а денежный штраф, о котором говорит Устав Ярослава, до возникновения церковной власти шел, очевидно, не большой семье, а общине, обязанной тогда содержать старую деву из своих общественных средств [15]. Ко второй половине XII в., к которой можно отнести поновления в ст. 90 Пространной Правды, в общине, попавшей в феодальную зависимость от князя, незамужние дочери получили право на «часть» наследства, которая должна была заменить помощь ослабевшей общины.

Как выясняется, древнерусская община как особая политическая организация принесла из доклассового общества в раннеклассовое, раннефеодальное, свою внутреннюю структуру, свои судебные функции относительно сограждан, свое право защиты членов общины от произвола политической власти, стоящей над общиной. Возникшая в условиях существования общинных организаций княжеская власть вынуждена была считаться с ними, лишь постепенно, по мере своего усиления, меняя все более роль общины, придавая ей новые функции ответственности перед властью за нарушение государственных интересов.

Памятники древнерусского права говорят о том, что при выполнении княжескими органами судебных функций они имели дело с двумя типами подданных, во-первых, с самими «убийцами», «головниками», индивидуальными лицами, ответственными членами общины, которые могли, иногда с ее помощью, платить виру (и продажу), и, во-вторых, с коллективным, юридическим лицом — общиной, платившей «дикую виру».

Мы рассмотрели свидетельства о существовании общины главным образом в деревне, но соседская община известна не только там. Можно говорить о существовании такой же организации и в древнерусском городе. Обратить на нее внимание важно не столько для того, чтобы включить в исследование особенности города, игравшего свою роль в структуре древнерусского общества, сколько с целью рассмотреть другой тип общины в XII—XIII вв., как представляется, генетически связанный с рассмотренным выше.

О ранней такой общине позволяют говорить статьи Древнейшей Правды, посвященные Новгороду начала XI в. [16] Об общине в городе в начале XIII в. свидетельствует сообщение Новгородской I летописи в связи с рассказом о восстании в Новгороде в 1207 г. Придя к власти, новый посадник Дмитр Мирошкинич со своими братьями «повелеша на новго-

---

[13] ПРП, вып. 1, стр. 267.
[14] Там же, стр. 117—118.
[15] *Я. Н. Щапов.* Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. XI—XIV вв. М., 1973, стр. 286—287.
[16] *Л. В. Черепнин.* Указ. соч., стр. 136—139.

родьцих сребро имати, а по волости куры брати, по купцем виру дикую, и повозы возити, и все зло»[17]. Как явствует из контекста, все эти мероприятия были нарушением традиционных прав различных сословных групп Новгорода. Упоминание здесь «дикой виры» является для нас сейчас наиболее интересным. Древний институт «дикой виры» тесно связан с оформленной соседской организацией, несущей перед внеобщинной властью коллективную ответственность за преступления, совершаемые на ее территории. Летописная статья говорит не о введении или отмене этого института, а о попытке распространения его с основного трудящегося населения на купцов[18]. Об уплате «дикой виры» в городе говорится, как считает Л. В. Черепнин[19], также в новгородской берестяной грамоте XII в. № 115, в которой убийца, член общины Нестор, вносит всего 6 гривен, т. е. примерно $^1/_6$ или $^1/_7$ часть виры, участвуя в ней наряду с другими членами общины.

Эти свидетельства позволяют предполагать, что в XI—XIII вв. в Новгороде тоже существовали соседские организации, в которые входило трудящееся непривилегированное население. Что это были за организации? Тот же новгородский материал называет улицу, совокупность усадеб как часть новгородского «конца» в качестве организации, имевшей определенные внутренние и внешние функции. А. В. Арциховский называет «уличан» «самоуправляющейся корпорацией»[20].

«Улицы» в Новгороде в XIII в. несли городские повинности по поддержанию в порядке мостовых, зафиксированные в Уставе «о городских мостех»; в XIV в. «уличане» ставили на свои средства церкви на своих улицах[21]; в XV в. улицы имели «улицких старост», представлявших их население во взаимоотношениях Новгорода с великим князем. В 1400 г. кузмодемьянские бояре во главе с Юрием Онциферовичем «и вся улица Кузмодемьяня» положили в уличанскую церковь книгу Пролог[22]. Новгородская судная грамота говорит об участии «конца» и «улицы» в лице своих представителей в судебном процессе, касающемся членов этих организаций[23]. Новгородская берестяная грамота № 140 с дендрохронологической датой 1310—1330-х годов ссылается на свидетельство «уличан» об уплате долга («серебра»), наряду со свидетельством «господина Семена», «перед» которым этот долг был возвращен[24]. Ссылка на свидетельства как представителя власти, так и членов уличанской организации говорит о том, что эта организация также обладала юридическим голосом при решении спорных дел, касающихся ее члена[25].

---

[17] НПЛ, стр. 51, 248.

[18] *А. А. Зимин.* Феодальная государственность на Руси и Русская Правда.— «Исторические записки», т. 76, стр. 269—270.

[19] *Л. В. Черепнин.* Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969, стр. 38—39.

[20] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1955 г. М., 1958, стр. 16.

[21] НПЛ, стр. 385.

[22] *М. В. Щепкина* и др. Описание пергаменных рукописей Государственного исторического музея.— АЕ за 1964 г. М., 1965, стр. 178—179.

[23] ПРП, вып. 2, стр. 227.

[24] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* Указ. соч.

[25] Близко к этому оценивает свидетельство грамоты № 140 о судебных функциях улиц Л. В. Черепнин (*Л. В. Черепнин.* Новгородские берестяные грамоты..., стр. 325). Договор Новгорода с Готским берегом 1189—1199 гг. содержит упоминание «12 мужь послухы» — двенадцати свидетелей, показания которых являются решающими при конфликте между «русином» и «варягом», вызванном отказом одного из них в уплате долга другому. В литературе этот коллектив свидетелей сопоставляется с 12 мужами — общинными судьями ст. 15 Краткой Правды (ПРП,

Такая «улица» может с большим основанием рассматриваться как коллектив, который обладал функциями и обязанностями древнерусской общины. Однако особые городские условия существования этих общин накладывали на них определенный отпечаток. Исследования В. Л. Янина и П. И. Засурцева [26] показали, что на раскопанных древних новгородских улицах при примерно одинаковых размерах входивших в них усадеб не было социального равенства, и несколько усадеб принадлежало одному хозяину, боярину-землевладельцу. В городе развитие частной земельной собственности обгоняло деревню, сведения о продаже городской земли есть уже в XII в. [27]

В отличие от деревенской верви на территории «улицы» жили не только ремесленники и селяне, но и купцы, и бояре, и житьи люди. Они также, вероятно, входили в уличанскую организацию, однако, в отличие от сельской верви, имели по отношению к ней различные права и обязанности. Что касается прав, то формально все они, кроме боярских холопов, имели право голоса в уличанских вечах при решении внутренних хозяйственных дел, хотя бояре благодаря своему экономическому и политическому положению определяли политику улицы и стояли во главе ее организации [28]. Обязанности этих «уличан» были различны. Цитированное летописное сообщение говорит о том, что неучастие в платеже «дикой виры» являлось привилегией купцов. Новгородское купечество в XIII—XIV вв. получает особый сословный статус, нашедший отражение в Уставной грамоте церкви Ивана на Опоках, что закрепило ослабление его связей с традиционными общинными организациями.

Новгородская уличанская организация, сохраняя свою общую форму с территориальной сельской организацией, еще более, чем та, изменила свою социальную сущность: из коллектива, защищавшего интересы трудящегося населения как внутри общины, так и вовне, она стала организацией господства феодального класса, прикрепившей ремесленное население города к своим уличанским объединениям, внутри которых все еще действовали ранние нормы Русской Правды.

Представляется очень вероятным, что в раннее время, в XI в., начальная организация новгородских улиц, которую можно реконструировать на основе более поздних свидетельств, не отличалась значительно от существовавшей в других городах. Позднейшие новгородские уличанские организации могли оформиться и войти составной частью в республиканскую структуру города только в том случае, если их первоначальная основа, близкая к верви, существовала в городе с самого его возникновения. Это позволяет ставить вопрос о том, что протоструктура уличанской организации не была новгородской особенностью, но имела более широкое распространение в древнерусских городах X—XI вв.

вып. 1, стр. 91). При этом, однако, вряд ли можно видеть в 12 новгородских мужах отражение общинной уличанской юрисдикции. В отличие от конфликта, предусмотренного в Правде, конфликт в договоре, несомненно, выходит за пределы одной общины. Видимо, здесь новгородский договор включил древнюю деформированную норму, не связанную уже с какой-либо соседской организацией.

[26] *В. Л. Янин.* Проблемы социальной организации Новгородской республики.— «История СССР», 1970, № 1; *П. И. Засурцев.* Усадьбы и постройки древнего Новгорода.— «Материалы и исследования по археологии СССР», № 123. М., 1963, стр. 8.

[27] «Житие Авраамия смоленского».— «Памятники древнерусской литературы», вып. 1. Издал С. П. Розанов. СПб., 1912, стр. 18.

[28] В. Л. Янин обратил особое внимание на роль боярских родовых и церковных организаций в социальной и политической структуре новгородских концов (*В. Л. Янин.* Возможности археологии в изучении древнего Новгорода.— «Вестник Академии наук СССР», 1973, № 8, стр. 70—75), но существование уличанских организаций в этой схеме не учтено.

Итак, источники позволяют проследить сущность древнерусской общины как организации раннеклассового общества, выполнявшей функции судебно-административного самоуправления: суд на основе обычного права, фискальную деятельность, общение с внешним миром в общих интересах коллектива. Хозяйственные, производственные функции общины почти не отразились в источниках, но они, несомненно, были. Деятельность общинной организации была направлена на поддержание имущественного равенства внутри нее, что задерживало оформление аллода, хотя это равенство нарушалось социально-функциональным различием ее членов и постоянно подвергалось нападениям изнутри, со стороны обладавших хозяйственной самостоятельностью и административными функциями семей, и извне, со стороны вотчины и государственной власти.

Община, продолжавшая жить в условиях феодального государства, сохраняла свою сущность в измененном виде, ибо она лишилась в пользу государства части прав на используемые ею земли. Вместе с тем она приобрела неизвестные ей прежде функции органа княжеского управления, ограничившие ее права, осложнившие ее уравнительные и защитительные возможности. Община сохраняет их в весьма деформированном виде, они все сужаются, по мере того как уменьшаются ее права на землю, которая становится монопольной собственностью класса феодалов.

Община и большая семья, вошедшие в классовый строй из предшествующего, доклассового, испытали в течение IX—XII вв. три сильных натиска, которые значительно повлияли на их судьбу. Первый такой натиск связан с формированием государства в IX в. и укреплением его в X—XI вв., когда возникшая государственная власть, выражавшая интересы князей и боярства и эксплуатировавшая население путем даней, вир и продаж, узурпировала у общины ряд ее функций и возложила на нее обязанности, сделав первый шаг в сторону превращения ее в орган княжеского управления.

Второй натиск произошел в XI в. и позже в результате возникновения на Руси церковной государственной организации. Церковь в лице митрополита, епископов и их управления и суда также включилась в формирование государственного строя и аппарата. Она отняла от общинных и семейных организаций ряд других функций, связанных с оформлением семьи и ее жизнью, с социальными конфликтами, не угрожавшими прямо новому, эксплуататорскому классу, но, кажется, не возложила на общину новых обязанностей.

В таком трансформированном виде древнерусская община продолжала жить и осуществлять в суженном объеме свою власть сельского коллектива, одновременно выполняя и новые функции до тех пор, пока она не подверглась в XI—XII вв. новому натиску. На сей раз он шел не сверху, со стороны княжеских или церковных государственных органов, а со стороны вотчины. Под влиянием этой новой силы, там, где она выступила на арену, общинная организация, сохранившаяся после первых ударов, или разрушается, или подчиняется вотчине, теряя остатки своих доклассовых функций. Городская община под влиянием особенностей городской жизни, значительного развития индивидуальной собственности на землю ее членов, классовой дифференциации, приводившим к острым противоречиям, отличалась значительным своеобразием и, в свою очередь, накладывала на сам строй древнерусского феодального города характерный отпечаток. В XIII—XIV вв. это форма феодального властвования в условиях города.

Ю. Г. Алексеев

«НАЙМИТ» И «ГОСУДАРЬ» ПСКОВСКОЙ СУДНОЙ ГРАМОТЫ

Хотя вопрос о «наймитах» затронут в той или иной форме почти во всех работах, посвященных Псковской судной грамоте (далее — ПСГ), он до сих пор не служил предметом специального исследования. Проблема найма в это время представляет интерес как один из аспектов развития феодальных отношений в Псковской земле XIV—XV вв. Фигуры «наймита» и «государя», выразительно рисуемые ПСГ, привлекают также внимание и сами по себе — как живые образы псковского общества, и в своих связях с другими «наймитами» и «государями» этого или близкого времени, известными из источников.

Теме «наймита» ПСГ посвящает три статьи — 39, 40 и 41. Последние две как бы накладываются на первую, разрабатывая и поясняя отдельные ее положения. Перед нами, таким образом, не просто совокупность отдельных рядом стоящих статей, а цельный раздел, связанный определенным внутренним единством,— своего рода Устав о наймитах, регулирующий правовые основы института найма [1].

В дошедшем списке ПСГ [2] в ст. 39 утрачено примерно 25% текста протографа. Но и в теперешнем виде она имеет фундаментальное значение для понимания сущности отношений найма и взаимоотношений наймита и государя [3]. Статья начинается с определения круга лиц, попадающих под действие ее норм, называя мастера, плотника, наймита. Кто такой мастер? О мастерах и наймитах не раз говорит псковская летопись. Так, в 1363/64 г. и «псковичи даша наимитом 2 ста рублев истребити им стена...» В 1364/65 г. «заложиша церковь... и даша мастером делу мзды 400 роублев». В 1399/1400 г. «владыка Иван... повеле... паняти наимитов ставити костер» [4]. Как видим, летопись сближает мастера с «наймитом», понимая под ним скорее всего подрядчика, получающего за свое «дело» «мзду». В ПСГ мастер встречается еще один раз —

---

[1] Вопрос о времени составления статей о наймитах и о соотношении их с другими частями ПСГ решается в литературе по-разному. М. К. Рожкова относит их к древнейшей части ПСГ (статьи 1—50), составленной в XIV в. (*М. К. Рожкова.* К вопросу о происхождении и составе Псковской судной грамоты. М., 1927, стр. 15); Б. Б. Кафенгауз включает их в раздел статей 34—44, возникший в XV в. (*Б. Б. Кафенгауз.* О происхождении и составе Псковской судной грамоты.— «Исторические записки», кн. 18, стр. 305, 315; перепечатано в переработанном виде в кн.: *Б. Б. Кафенгауз.* Древний Псков. М., 1969, стр. 112—132); Л. В. Черепнин датирует статьи о наймитах XIV веком,— в составе особого Устава, «регулирующего область гражданских взаимоотношений» (*Л. В. Черепнин.* Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 1. М., 1948, стр. 433). В настоящей статье я исхожу из предположения, что ПСГ отражает в основном нормы, действовавшие в XIV и XV вв., а частично сложившиеся еще раньше.

[2] Текст ПСГ цитируется нами по изданию ПРП, вып. 2.

[3] «А которои мастер плотник или наимит отстоит свои урок и плотник или наимит (пропуск 20—21 знаков) свое дело отделает (пропуск 18—20 знаков) на государех и взакличь сочит своего наима» (ПРП, вып. 2, стр. 291).

[4] ПЛ, вып. II, стр. 103, 109.

в ст. 102 [5]. Мастер, выступая по отношению к «государю» в одном ряду с «наймитом» и «плотником», по отношению к своему ученику сам играет роль «государя». Это важно отметить и с точки зрения социальной характеристики мастера, и для уяснения содержания термина «государь».

Рядом с мастером ст. 39 ставит плотника и наймита. Нет основания рассматривать их в качестве пояснения термина «мастер», как разновидность общего, родового понятия: «плотник» и «наймит» — самостоятельные определения и здесь, и в следующих статьях. Напротив, общим (родовым) определением персонажей ст. 39 является именно «наймит» — тот, кто «сочит своего наима» «на государех». Однако статья понимает под наймитом, в отличие от летописи, не только того, кто «свое дело отделает», но и того, кто «отстоит свои урок» [6]. Она объединяет, таким образом, мастера, получающего «мзду» за свое «дело», и урочного наймита, порядившегося на срок. С ее точки зрения они составляют одну юридическую категорию, объединенную общими принципами найма и противостоящую «государю».

«Государь» тут упомянут в ПСГ впервые. «Государь» ст. 39 и последующих статей — тот, кто присваивает на определенных условиях труд работающего на него наймита.

Термин «государь» встречается в ПСГ еще в двух контекстах — в ст. 103 о подсуседнике и в статьях об изорниках, начинающихся сразу после Устава о наймитах. Не касаясь здесь проблемы изорничества, отметим, что «государь» статей об изорниках — тот, по отношению к которому изорник несет известные повинности, тот, кто так или иначе присваивает результаты труда изорника.

Таким образом, «государь» — не просто один из участников гражданской сделки найма, а особый участник этой сделки, выступающий в роли владельца имущества и присваивающий плоды труда «наймита». Однако, как мы видели, «наймит» (мастер) сам является «государем». Следовательно, между «наймитом» и «государем» нет пропасти. Противостояние «государя» и «наймита» ст. 39 — еще не полное и не постоянное, а пока еще относительное и временное, определяемое не принадлежностью к противоположным антагонистическим классам, а конкретной жизненной ситуацией. «Государь» Устава о наймитах — не феодал, наделенный особыми привилегиями и правами, а просто хозяин, связанный с наймитом определенными экономическими отношениями. Сущность этих отношений — работа «наймита» на «государя» и получение им «найма».

Из текста статьи вытекает, что «найм» — то, что полагается наймиту, «отстоявшему свой урок» или «отделавшему свое дело», т. е. вознаграждение, обусловленное заранее и следующее «наймиту» после выполнения взятых на себя обязательств.

Термин «найм» употребляется в источниках XII—XIV вв. в разных смыслах. «Найм... рекше лихвы» — один из сюжетов знаменитого Вопрошания Кирикова [7]. Под «наймом» Кирик разумел процент с данных взаймы денег (и имущества вообще). Трактовка найма как платы вперед — «задатка», устанавливающей статус челядина-наймита, вытекает из текста ст. 29 Правосудия митрополичьего [8].

---

[5] «А которои мастер иметь сочить на ученики учебнаго, а ученик запрется, — ино воля государева; хочет сам поцелует на своем учебном или ученику верить» (ПРП, вып. 2, стр. 299).

[6] Это отметил А. А. Зимин в своем комментарии (там же, стр. 351).

[7] РИБ, т. 6. СПб., 1880, стлб. 24—25.

[8] АСЭИ, т. III, № 8, стр. 25. И. И. Смирнов справедливо отметил, что «право на использование господином рабочей силы челядина-наймита вытекало из тех отно-

Иначе надо понимать соответствующие тексты древнерусской редакции «Законов земледельных». «Найм» статей 24, 32, 33 памятника — плата пастуху или садовому сторожу по выполнении ими своих обязательств. Нашим термином здесь переведено греческое слово μισθος [9]. Аналогично употребляет его и русская редакция XIII—XIV вв. «Закона Судного людем» (далее — ЗСЛ): в статье «О ратаи» «наймом» названа плата ратаю и пастырю, «иже пасеть стадо» [10]. Наконец, летописные тексты называют «наймом» плату за выполнение отдельных работ — «мзду» за «дело».

Таким образом, наряду с наймом-лихвой и наймом-задатком, источники знают и другой найм — условленную плату за выполненную работу, в том числе и за «урок». ПСГ именно в этом смысле примыкает к «Законам земледельным» и статье «О ратаи». Особенностью «найма»-платы в этой трактовке является то, что получение его не ведет к состоянию зависимости «наймита» и не определяет наперед каких-либо отношений его с «государем». Напротив, получение найма является заключительным актом этих отношений.

Логический центр тяжести ст. 39 лежит в ее последних словах: «...на государех и взакличь сочит своего наима». Что такое «взакличь»? Этот термин встречается в ПСГ дважды: при иске «наймита» к «государю» в настоящем случае и при иске государем покруты с изорника в ст. 44. «Взакличь» — это особая форма иска, при которой не надо предъявления письменных документов. Поясняя мысль статьи 44, статья 51 описывает иск о покруте так: «государю тому поставить люди сторонние человеки 4 и[ли] 5... А толко государь не поставит людеи... ино тот человек покруты своея не доискался». Таким образом, решающий момент иска «взакличь» — показания «сторонних людей». Упрощенная процедура иска «взакличь» имеет корни в глубокой старине. В каких условиях может осуществляться такой иск? Основное — наличие соответствующих «сторонних людей», т. е. определенной общественной среды, как арбитра в таких спорах. Эта среда должна состоять из людей, во-первых, знающих обстоятельства дела, во-вторых, достаточно авторитетных в глазах тяжущихся. «Сторонними» они названы, видимо, потому, что сами непосредственно не заинтересованы в процессе. Такие «сторонние люди», хорошо знающие условия найма, живут где-то рядом, они, скорее всего, члены той же городской или сельской общины, в состав которой входят и тяжущиеся стороны. Иск «взакличь» — это иск «в своем миру», выражаясь словами Краткой Правды.

Как и «суд о земле» ст. 9 ПСГ, не опирающийся на письменный акт [11], иск «взакличь» отражает старые общинные процессуальные нормы [12]. В эпоху ПСГ такие нормы продолжают действовать в определен-

---

шений, которые создавал между ними акт дачи-получения «задатка», т. е. акт «найма» (*И. И. Смирнов.* Очерки социально-экономических отношений Руси XII—XIII вв. М.— Л., 1963, стр. 295). «Старый закуп превратился... в человека, работающего по найму»,— пишет по поводу этой статьи А. А. Зимин (Холопы на Руси. М., 1973, стр. 357).

[9] *А. С. Павлов.* Книги законные. СПб., 1885, стр. 48, 50.

[10] «Закон Судный людем Пространной и Сводной редакции». Под ред. М. Н. Тихомирова. М., 1961, стр. 39. Термин «найм» Пушкинского списка заменен в Археографическом списке XV в. словом «орание» (там же, стр. 69).

[11] *Ю. Г. Алексеев.* Частный земельный акт в средневековой Руси.— В сб.: «Вспомогательные исторические дисциплины», вып. VI. Л., 1974, стр. 132—134.

[12] Из дореволюционных историков ближе всего к пониманию социального смысла иска «взакличь» подошел Н. Л. Дювернуа, видевший в нем «следы непосредственного суда общины» (*Н. Л. Дювернуа.* Источники права и суд в древней России. СПб., 1868, стр. 366). Развивая эту мысль, И. И. Полосин рассматривал иск

ной социальной среде — в среде свободных общинников, параллельно с новыми нормами, предусматривающими формальный процесс и предъявление письменных доказательств и отражающими новые, развивающиеся феодальные отношения.

Сама возможность иска «взакличь» со стороны «наймита» предполагает принадлежность его и «государя» к одной и той же общине, к одному и тому же «миру». Это обстоятельство представляется чрезвычайно существенным в характеристике взаимных отношений «государя» и «наймита». «Наймит» может апеллировать к общине, к «сторонним людям» из нее, и «государь» должен подчиниться их мнению. Такое положение «государя» по отношению к «миру» не дает возможности трактовать его как феодала в точном смысле слова — как человека, наделенного особыми привилегиями и стоящего вне «мира» и над ним [13].

Итак, первая статья Устава о наймитах определяет общие, принципиальные основы взаимоотношений между «наймитом» и «государем». Эти отношения не носят еще оформившегося классово антагонистического характера — они развертываются (пока) в рамках одной и той же общины, напоминая категории «Законов земледельных» [14].

Если ст. 39 говорит о «наймитах» вообще, то ст. 40 посвящена исключительно одной разновидности «урочного наймита»—«наймиту дворному» [15]. Он нанят на определенное время («урок»), для выполнения раз-

---

«взакличь» как непосредственную апелляцию к общине: «местная община («суседи») знала хорошо, кто у кого на каких условиях работал» («Псковская судная грамота». Перевод и комментарии И. И. Полосина.— «Ученые записки Московского гос. педагогического института им. В. И. Ленина», т. LXV, вып. 3. М., 1952, стр. 75). Нельзя, однако, согласиться с И. И. Полосиным, когда он трактует «взакличь» как «призыв к восстанию масс». Едва ли такой «призыв» мог найти отражение в законодательном сборнике. А. А. Зимин в своем комментарии пошел не за Дювернуа, а за Владимирским-Будановым («взакличь сочит — публично взыскивает»), он сравнивает эту статью со ст. 32 Пространной Правды («закличють на торгу») (ПРП, вып. 2, стр. 352). Однако, хотя «закличь» ПСГ и «закличють на торгу» Пространной Правды имеют, вероятно, общий корень — обращение к общине, процессуальная роль «заклича» в этих памятниках разная: в Правде — только объявление об иске, в ПСГ — участие общины (через своих представителей) в судебном процессе.

[13] Иначе трактует «государя» И. И. Полосин: для него «в статьях 39—41 и многих других «государь» — значит «феодал»» (*И. И. Полосин.* Указ. соч., стр. 74). Однако такое заявление не подтверждено у автора какими-либо доказательствами. А. А. Зимин с достаточным основанием видит в «государе» хозяина (ПРП, вып. 2, стр. 351). А. Л. Шапиро отмечает, что «наниматель именуется... государем, т. е. тем термином, каким обозначается и феодал-землевладелец» (*А. Л. Шапиро.* О характере найма в Древней Руси.— «Проблемы отечественной и всеобщей истории», вып. II. Л., 1973, стр. 100). Однако в ПСГ «государь» — феодал только в потенции.

[14] Советское византиноведение обосновало тезис о происхождении самого Земледельческого закона в связи с крестьянской общиной (*Е. Э. Липшиц.* Очерки истории византийского общества и культуры. М.— Л., 1961, стр. 54 и сл.).

Досоветские комментаторы ст. 39 трактовали отношения, устанавливаемые ею, как наем «в чистом виде», безотносительно к природе общества, в котором совершается эта сделка. Потому само по себе правильное наблюдение, что «личный наем в ПСГ не связан ни с каким правовым ограничением» (*Н. Н. Дебольский.* Гражданская дееспособность по древнерусскому праву. СПб., 1902, стр. 101), исторически не обосновано и не поставлено в связь с другими явлениями. И. И. Полосин видит в этой статье прежде всего отражение борьбы князя и господы, причем князь «демагогически» использует форму иска «взакличь» (*И. И. Полосин.* Указ. соч., стр. 75). Едва ли, однако, текст статьи уполномочивает на такие выводы.

[15] «А которои наимит дворнои поидет прочь от государя, не достояв своего урока, ино ему наиму взяти по счету; а сочит ему наима своего за год, чтобы 5 годов, или 10 год стоявши, и всех тых ему год наима сочить, ...толко будет наима не имал у государя; а толко поидет болши года,— ино им не сочити на государех» (ПРП, вып. 2, стр. 291).

ных работ во дворе государя по усмотрению последнего. Необходимо подчеркнуть, что «наймит дворный»— не новая по отношению к ст. 39 разновидность «наймита», а один из тех «наймитов», которые подпадают под общие нормы этой статьи, прямо говорящей об «уроке», как и о «деле». Таким образом, ст. 40 определяет только некоторые специфические черты «наймита дворного». Черты свободы и социальной полноценности «наймита», отчетливо выступающие в ст. 39, здесь еще более подчеркнуты. Оказывается, «наймит дворный» может «пойти» от «государя», даже не «достояв своего урока». При этом он сохраняет право на иск к государю о невыплаченном «найме» — он получает его по счету проработанных у государя лет [16]. Он может «сочить» этого найма в течение года после ухода от государя. Таким образом, даже частичное невыполнение «наймитом» взятых на себя обязательств не меняет юридического существа его отношений с «государем»— он сохраняет право уйти от «государя» и «сочить» на нем своего «найма».

Возможность получения «найма» по числу отработанных лет отличает «наймита дворного» ПСГ от «ратая» русской редакции ЗСЛ, который «не доорав до року а идет прочь, да лише найма» [17]. Причина разницы, видимо, в специфике труда «дворного наймита», не связанного, в отличие от «ратая», с сезонными земледельческими работами, а возможно, также и в принадлежности «наймита дворного» к городской, а не сельской общине.

Однако в облике «наймита дворного» проступают и другие черты. Существенно в его положении именно то, что он — «дворный». Он, видимо, живет и во всяком случае работает на «дворе»— т. е. в хозяйстве — «государя». Возникает подозрение, что такой «наймит» в отличие от мастера, не только не имеет «ученика», по отношению к которому он мог бы играть роль «государя», но не имеет даже и хозяйственной самостоятельности. Эта сторона «наймита дворного» особенно подчеркивается тем обстоятельством, что, как выясняется, он может «стоять» свой «урок» по многу лет, не получая «найма» и фактически работая или бесплатно, или за харчи, за содержание. В сущности, перед нами дворовый (домашний) слуга.

Что же заставляет «наймита дворного» работать в хозяйстве государя по многу лет, не получая «найма»? Очевидно, слабость или отсутствие собственного хозяйства. Многолетним дворовым слугой, работающим за харч, может быть только очень бедный человек, которому продолжение отношений с «государем» важнее, чем расчет с ним и обретение самостоятельности. Если перед законом он равен мастеру-наймиту, «делаю-

---

[16] И. Е. Энгельман дал два взаимоисключающих варианта объяснения этого текста: 1) «Если наемник уйдет до истечения срока, то он хотя бы и не получал платы за несколько лет, может требовать платы только за последне-истекший год». 2) ««Наймит» после отхода может отыскать наемную плату в течение одного года» (*И. Е. Энгельман.* Систематическое изложение гражданских законов, содержащихся в Псковской судной грамоте. СПб., 1855, стр. 63–64). М. Ф. Владимирский-Буданов принял первое толкование (Христоматия по истории русского права, вып. 1. изд. 5. СПб.– Киев, 1900, стр. 164). Н. Н. Дебольский (указ. соч., стр. 100) и (менее отчетливо) Н. Л. Дювернуа (указ. соч., стр. 301) встали на вторую точку зрения. И. И. Полосин, трактуя наймита как феодально зависимого кабального человека, подчеркивает, что «перерасчет за 5, за 10 лет не допускался; трудящиеся по истечении года теряли право иска на оплату работы за истекший год» (*И. И. Полосин.* Указ. соч., стр. 75—76). А. А. Зимин, напротив, справедливо указывает, что «...наймит, работавший на господском дворе, может покинуть досрочно своего хозяина, получить плату за проработанное время, если только иск предъявлен им в течение первого года после ухода» (ПРП, вып. 2, стр. 352).

[17] ЗСЛ, стр. 39.

щему дело», то в реальной жизни между ними огромная разница. «Наймит дворный» такого типа, оставаясь формально свободным человеком, фактически стоит на грани потери своей свободы — на грани превращения в застарелого дворового слугу, живущего за господином и получающего от него содержание.

Древнерусскому праву хорошо известны дворовые слуги, работающие задаром у господина. Правосудие митрополичье в ст. 29 рисует облик «челядина-наймита» [18]. В положении «челядина-наймита» Правосудия и застарелого «наймита дворного» ПСГ есть черты сходства. И тот, и другой названы «наймитами», чем подчеркнуто первоначально экономическое происхождение их отношений с «господином». И тот, и другой могут легально прекратить эти отношения и уйти от «господина». Главное же, что их сближает,— это однородная сфера применения их труда: оба они работают за содержание в хозяйстве «господина», что предполагает отсутствие у них хозяйственной самостоятельности. Однако при всем сходстве фигуры «челядина-наймита» и «наймита дворного» далеко не равнозначны ни в социальном, ни в историческом плане.

Персонаж Правосудия — человек, получивший «задаток» и тем самым ставший «челядином-наймитом», своего рода «холопом по ряду», находящимся в условной, но бессрочной зависимости от «осподаря». Ни о каких платежах «осподаря» наймиту и речи нет — при уходе наймит платит двойную цену за то, чтобы его отпустили.

Перед нами — несвободный слуга. Между ним и «осподарем» — социальная пропасть, еще больше подчеркнутая следующей ст. 30, которая борется с искушением «осподаря» рассматривать «наймита» как полного холопа [19].

На фоне суровой зависимости «челядина-наймита» правовой статус «наймита дворного» вырисовывается особенно четко. В его положении нет черт юридической несвободы. Даже многолетнее пребывание во дворе «государя» формально не лишает его качества свободного полноправного человека — он сохраняет свои права по отношению к «государю», в том числе и важнейшее — право требовать через суд выплаты всего «найма» по числу проработанных лет. Следовательно, экономическое неравенство, вызывающее появление застарелой многолетней разновидности «наймита дворного», не приводит еще в ПСГ к потере им прежнего социального статуса, к разрыву его социальных связей [20]. В этом — основное отличие «наймита дворного» ПСГ от «челядина-наймита» Правосудия митрополичьего.

Наши источники знают и другой тип «изнемогшего» человека, вынужденного работать за содержание. Это получивший «дачу» персонаж ст. 111 Пространной Правды [21] и близкий к нему «вдавшийся» человек

---

[18] «А се стоит в соуде челядин-наимит, не похочет быти [у] оснодар(я), несть емоу вины, но дати ему въдвое задаток: а побежит от осподар(я), выдат(и) его осподар(ю) в полницу» (АСЭИ, т. III, № 8, стр. 24).

[19] И. И. Смирнов сближает челядина-наймита с закупом (*И. И. Смирнов.* Указ. соч., стр. 293—295). А. А. Зимин, также видя в челядине-наймите «старого закупа», в то же время подчеркивает, что он — наймит (*А. А. Зимин.* Холопы..., стр. 356—357). Но при этом необходимо помнить, что он «наймит» особого рода, «наймит» через «найм» — задаток.

[20] А. Л. Шапиро, склонный видеть черты неравноправия в положении наймита, подчеркивает, однако, что «в Псковской Судной Грамоте мы встречаем такие затрудняющие перевод наймита в холопа нормы, каких не знала Русская Правда» (*А. Л. Шапиро.* Указ. соч., стр. 100).

[21] «А в даче не холоп, ни по хлебе роботять, ни по придатъце; но оже не доходять года, то ворочати ему милость; отходить ли, то не виноват есть» (ПРП, вып. 1, стр. 119).

ЗСЛ Пространной редакции (по Археографическому списку) [22]. «Вдавшийся человек» имеет некоторые общие черты с «наймитом дворным». Он поступает к «господину» по чисто экономическим соображениям; он не теряет свободы; он работает «даром», как и застарелый «дворный наймит». Однако, хотя экономический характер отношений, мягкость зависимости и сохранение свободы роднят «вдавшегося человека» с «наймитом дворным», между ними есть существенная разница. «Вдавшийся человек» отрабатывает или возвращает полученную «милость», наймит «дворный» при расчете с «государем» сам получает «найм».

Связь «вдавшегося человека» с «господином» носит временный и случайный характер, он мыслится прежде всего самостоятельным человеком, ведущим собственное хозяйство.. «Наймит дворный», «отстаивая» свой «урок» у «государя», делает это для получения «найма», без которого, очевидно, затрудняется или не может вести самостоятельное хозяйство (если оно у него есть). Фигура такого «наймита» свидетельствует скорее всего о более стойкой экономической несостоятельности свободного человека, чем у «вдавшегося человека» ЗСЛ, пострадавшего от стихийных бедствий. Сама возможность многолетней работы во дворе «государя» говорит о развивающемся процессе имущественного неравенства. Характер «наймита дворного» определяется двумя чертами — сохранением личной свободы и утратой (или резким сокращением) хозяйственной самостоятельности. В этом специфика его облика и качественное своеобразие его положения по сравнению с другими формами зависимости, известными памятникам XII—XIV вв. [23]

Итак, ст. 40 не только существенно дополняет нормы статьи 39, но и дает возможность увидеть реальную сложность и дифференцированность социальных отношений «найма». Именно эта статья имеет решающее значение для понимания социальной природы «наймита».

Ст. 41 посвящена спору между наймитом-плотником и государем [24]. В отличие от двух предыдущих статей, говорящих о сочении «найма» в общей, декларативной форме, она на конкретном примере рисует сам процесс сочения. По смыслу статьи истцом, возбуждающим иск, является «наймит». «Государь» фигурирует на суде в качестве ответчика — по нормам процессуального права ПСГ он как ответчик («на ком сочат»— ср. статьи 17, 18, 20 и др.) и решает, присягать ли ему или возложить присягу на наймита-истца [25]. На суде, таким образом, «наймит» и «государь» выступают как равноправные тяжущиеся стороны, что вполне

---

[22] «Аще ся дасть человек или женщина оу тошна времени, деръ емоу не надобе, а поидеть прочь, да дасть 3 гривны, а слоужил даром» (разделение слов и пунктуация мои.— *Ю. А.*; ЗСЛ, стр. 78).

[23] По мнению И. И. Полосина (указ. соч., стр. 76), ст. 40 отражает «ту сложную систему взаимоотношений, какая складывалась между государем-феодалом и ремесленником-наймитом, феодально зависимым кабальным человеком». Однако в его анализе статьи эту «сложную систему» уловить трудно. Нелегко отличить «наймита» ПСГ от «кабального человека» XVI в. и от «закупа» Русской Правды: все они на одно лицо, поскольку они «феодально зависимы» и «закабалены».

[24] «А которои наимит плотник, а почнет сочить наима своего на государи, а дела его не отделает, а поидет прочь, а ркучи так государю: «у тебе есми отделал дело свое все», и государь молвит: «не отделал еси всего дела своего»,— ино государю у креста положыть, чего сочить, или государь сам поцелует, аже у них записи не будет» (ПРП, вып. 2, стр. 291—292).

[25] Н. Л. Дювернуа установил, что «положить у креста» значит возложить тяжесть присяги на истца (*Н. Л. Дювернуа.* Указ. соч., стр. 403—404; см. также *И. И. Полосин.* Указ. соч., стр. 76). Едва ли можно поэтому согласиться с А. Л. Шапиро, что «закон не предусматривал целования креста наймитом», в чем и проявлялось неравноправие положения последнего (*А. Л. Шапиро.* Указ. соч., стр. 100).

соответствует букве и духу всего Устава о наймитах. Весьма существенное значение имеет упоминание о записи. Старый институт найма превращается на наших глазах в документально оформленное юридическое отношение. Это, несомненно, относительно новое для XIV в. явление, современное и аналогичное по своей природе таким моментам развития права, как вытеснение доски записью и суд о земле по грамотам. Однако на данном этапе запись о найме не вносит, по-видимому, принципиально новых черт в отношения «наймита» и «государя» [26].

Итак, три статьи ПСГ, которые мы назвали Уставом о наймитах, рисуют своеобразное социальное и юридическое явление, отражающее определенный — новый по сравнению с Русской Правдой — этап развития феодальных отношений. Особенность этого этапа — распространение взаимоотношений «наймита» и «государя» в одной социальной среде, в рамках одной общины.

Вероятно, и во времена ПСГ продолжают действовать основные нормы Русской Правды о холопах, закупах и т. п. Но если Пространная Правда еще почти не касается внутриобщинных отношений, то ПСГ вводит нас в мир городской и сельской общины, показывая идущие в ней процессы социального расслоения. Именно мягкость и гибкость форм найма позволяют ему распространяться в среде свободных мелких землевладельцев и горожан, составляющих основу псковского общества XIV в. [27] Само развитие найма в этой среде свидетельствует о процессе имущественного расслоения, перерастающего постепенно в расслоение социальное. Уходящий корнями в старину институт найма ПСГ — один из примеров того «причудливого переплетения старого с новым», того приспособления общинных институтов к потребностям развивающегося феодального общества, которое отметил Л. В. Черепнин для эпохи ранних берестяных грамот [28]. И. И. Полосин называет «государя» феодалом. Пожалуй, это несколько преждевременное определение. Превращение «государя» в феодала, а «наймита» в кабального человека — результат дальнейшего исторического развития. Устав о наймитах отражает один из этапов этого процесса, но далеко не его завершение.

---

[26] И. И. Полосин тонко подметил «разностадиальность» статей 39—40, с одной стороны, и ст. 41 — с другой. Последняя «показывает, как и в государев двор... проникает письменный документ» (*И. И. Полосин.* Указ. соч., стр. 76). Однако «разностадиальны» нормы статей, а не сами статьи, кодифицированные (в их теперешней редакции), видимо, одновременно.

[27] О преобладании в Псковской земле мелкого свободного землевладения см.: *Л. М. Марасинова.* Новые псковские грамоты XIV—XV вв. М., 1966, стр. 150 и др.

[28] *Л. В. Черепнин.* Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969, стр. 112.

В. Л. Янин

КОМПЛЕКС БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТ № 519—521 ИЗ НОВГОРОДА

9 июля 1974 г. работница Строительного управления № 77 Новгорода Р. П. Филатова при копании ямы под столб ворот новой ограды Новгорводопровода на Торговой стороне (ул. Красилова, д. 2) обнаружила на глубине 1,10 м сверток берестяных грамот, который сразу же был ею передан в Новгородскую археологическую экспедицию. В свертке содержались три исписанных берестяных листа. Два из них, находившиеся внутри, составляют основной документ; третий, наружный лист служил для них оберткой. В общей нумерации новгородских берестяных грамот эти листы получили порядковые номера 519, 520 и 521.

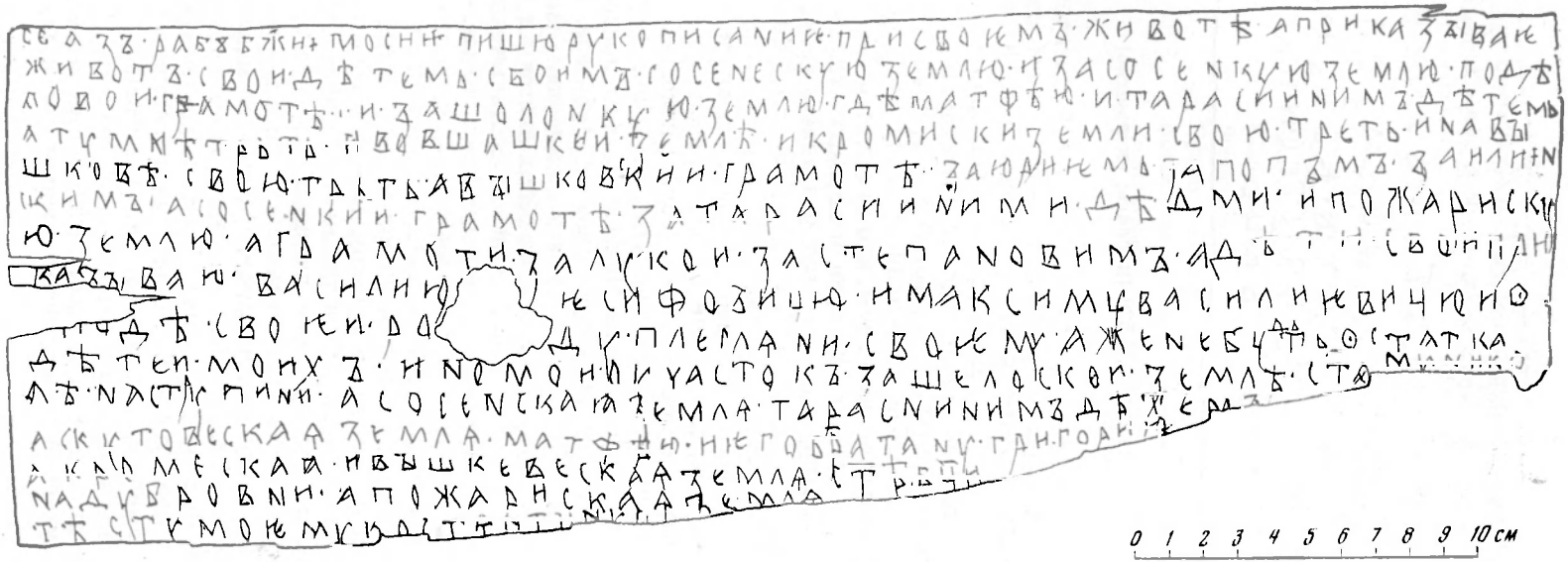
Берестяная грамота № 519 — самая большая из всех когда-либо найденных в Новгороде — имеет длину 47,2 см, ширину 16 см и содержит текст в 15 строк:

Се азъ·рабъ б(о)жи мосии·пишю рукописание. при своемъ·животѣ·
а приказываѥ
животъ. свои. дѣтемъ. своимь. сосенескую землю. и засосенкую землю. по
дѣ
ловои. грамотѣ. и. зашолонкую. землю. гдѣ матфѣю. и. тарасиинимъ.
дѣтемь
а ту мнѣ трьть. и во вшашкеи. землѣ. и кромиски земли. свою. треть.
и на вы
шковѣ. свою. трьть. а вышковскии. грамотѣ. за юриемь. за попъмъ. за
илиıн
скимъ. а сосенкии. грамотѣ . за тарасииними. дѣдми. и пожариску
ю. землю. а грамоти. за лукои. за степановимъ. а дѣти. свои при
казываю. василию ѥсифовицю. и максиму василиѥвицю и о
[с]подѣ. своеи. роду. племѧни. своему. аже не будьть остатка
дѣтеи. моихъ. ино мои оучастокъ. зашелоскои. землѣ. с(вя)тому нико
лѣ. на струпини. а сосенскаꙗ землѧ. тараснинимъ дѣтемъ
а скутовескаѧ землѧ. матфѣю·и ѥго братану·григорию
а кромескаꙗ. и вышкевескаѧ землѧ·с(вя)тѣ(и)·б(огороди)ци
на дубровни·а пожарискаѧ землѧ
тѣсту моему костѧнтину

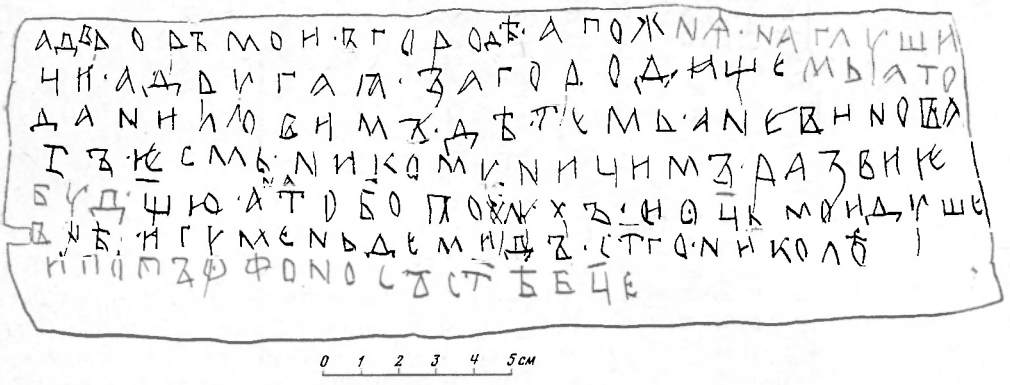
Берестяная грамота № 520, вложенная внутрь свитка № 519, имеет длину 25,8 см, ширину 8,8 см и содержит текст в 7 строк:

А двроръ мои·в городѣ ·а пожнѧ·на глуши
ци·а другаꙗ·за городищемъ а то
даниловимъ·дѣтемь·а не винова
тъ· ѥсмь·никому ницимъ·развиѥ
б(ог)у д(у)щ(о)ю· а на то бо(гъ) послухъ·и о(те)ць мои душе
внѣ (и)·игумень демидъ. с(вя)т(о)го·николѣ
и попъ офоносъ с(вя)тѣ(и) б(огороди)це

Оба листа написаны одним почерком, в чем убеждает последовательное сопоставление начерков всех букв, а также полное единство системы пунктуации и манеры исправления описок. Поскольку обстоятельства



Берестяная грамота № 519 (прорись; уменьшено)



Берестяная грамота № 520 (прорись; уменьшено)

находки исключают возможность стратиграфической датировки, определить время написания документа можно только по палеографическим признакам. В этой связи важным оказывается написание Ю и иотованных букв. Все они имеют косые перемычки, что характерно для второй половины XIV—XV в. К тому же времени относится якорное Е. Н и И имеют диагональные соединительные линии; форма Н еще аналогична латинской букве N, а И здесь подобна современному виду этой буквы. Ножки буквы Д во многих случаях удлинены, что тяготеет к XV в. Можно назвать много берестяных грамот, начерки в которых отличаются теми же признаками; все они датируются в рамках указанного времени. Наиболее показательны аналогии в грамотах № 248 (1396 г.), 313 (первая четверть XV в.), 446 (рубеж XIV—XV вв.).

Единство почерка само по себе еще не говорит о принадлежности обоих листов к одному и тому же документу, хотя в обоих случаях мы имеем дело с завещательными распоряжениями. Принадлежность обоих текстов к одной духовной вполне доказывается другим способом. В грамоте № 519 в числе альтернативных наследников Моисея названы монастырь святого Николы на Струпине и церковь Богородицы на Дубровне. Между тем в грамоте № 520 игумен монастыря Николы и поп церкви Богородицы фигурируют в качестве послухов. Соединение обоих листов в один документ не нарушает логики текста, который в целом соответствует типичному для рассматриваемого времени формуляру духовных грамот.

Следует отметить и некоторые отличия от традиционного формуляра. В начале документа отсутствует обязательная фраза «Во имя отца и сына и святого духа», а в конце нет заклятия против возможных нарушителей воли завещателя. Документ в целом передает суть распоряжений Моисея и является, несомненно, берестяным черновиком будущей пергаменной грамоты. Окончательную юридическую силу духовной придавало скрепление ее свинцовой печатью владычного наместника, а привесить буллу к берестяному листу нельзя: любой разрыв коры влечет разрушение листа и утрату печати. Обратим внимание на то, что этот черновик не был автографом Моисея. Уже в первой строке документа первое лицо («Се аз», «пишю») чередуется с третьим («приказывае») — противоречие, которое могло возникнуть, вероятно, в ходе диктовки.

Рассмотрим теперь существо завещательной грамоты. Моисей, кроме городского двора и двух пожен, владеет несколькими земельными участками, которые в духовной перечислены дважды — сначала как заве-

щанные детям, потом как завещанные разным юридическим лицам в случае смерти детей. Эти два списка в грамоте не вполне совпадают, что требует их сопоставления:

Земли первого списка	Земли второго списка
Сосенская	Сосенская
Засосенская	
Зашолонская	Зашолонская
Вшашская	
Кромиская	Кромиская
Вышковская	Вышковская
Пожариская	Пожариская
	Скутовская

Во втором списке избыточной оказывается Скутовская земля, но в нем нет Засосенской и Вшашской земель первого списка. Поэтому можно предположить, что Скутовский участок синонимичен Засосенскому или Вшашскому. Дополнительное основание для такого отождествления получаем при наблюдениях над происхождением прав Моисея на его владения.

Моисей владеет своими землями по деловым (т. е. раздельным) грамотам. Таких грамот и, следовательно, разделов было три. С Лукой Степановым Моисей поделил Пожарискую землю. С ильинским попом Юрием — Вышковскую и, очевидно, Кромискую земли: оба участка завещаны одному альтернативному наследнику в сопровождении только «Вышковских грамот». С Тарасьиными детьми и Матфеем Моисей поделил Сосенскую, Засосенскую, Зашолонскую и Вшашскую земли, однако грамоты на все эти участки называются просто «Сосенскими» и хранятся у Тарасьиных детей. Между тем бывшие совладельцы этих участков Тарасьины дети оказываются в числе альтернативных наследников Моисея. Следует ожидать, что в числе таких же наследников окажется и другой бывший совладелец этих участков — Матфей. Действительно, ему Моисей отказывает Скутовский участок, принадлежащий, следовательно, к тому же массиву «Сосенских» земель.

Итак, духовная имеет дело с тремя массивами земельных владений Моисея. Попытаемся локализовать их на карте.

1. Для локализации Сосенской, Засосенской, Зашолонской, Вшашской и Скутовской земель важным оказывается упоминание в числе наследников Моисея по этому массиву Никольского монастыря на Струпине. Струпинский погост с монастырем св. Николая упоминается в Перечневой книге 1500 г. Он был упразднен уже в начале XVI в., поскольку в писцовой книге 1552—1553 гг. Никольская церковь в Струпине существует в качестве приходской, погостской. Населенный пункт Струпино существует и сейчас в низовьях Шелони, чуть выше Шимска [1].

В непосредственной близости к Струпину при впадении в Шелонь ее правого притока р. Сосенки писцовая книга 1539 г. называет д. Сосну (современная д. Сосницы) [2], которая и дает привязку Сосенским землям.

[1] *А. М. Андриашев.* Материалы по исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498—1576 гг. I. Списки селений. М., 1914, стр. 182.
[2] Там же.

Засосенская земля может быть локализована как находящаяся здесь же, но на противоположном берегу Сосенки. Зашолонская земля может быть понята тоже как обозначение участка, находящегося напротив устья Сосенки, за Шелонью.

Что касается Вшашской земли, то под ней возможно понимать, по-видимому, Пшашскую и Мшашскую землю, расположенную по нижнему течению впадающего в Шелонь слева почти напротив Сосницы притока Пшаги (Мшаги) [3]. Пшашские земли числились в Струпинском погосте, но затем были выделены в особую административную единицу Новую Русу или Новую Соль, которая отождествляется с современным населенным пунктом Мшагой Ямской, находящимся на левом берегу Шелони в непосредственной близости к Соснице. Священники из Новой Русы называются «пшашскими попами», писцовые книги знают в XVI в. целую группу «пшашских» помещиков [4]. Можно догадываться, что Моисею принадлежала не вся Пшашская (Вшашская) земля, а только один участок в ней. Не он ли и назывался Скутовским? К сожалению, писцовые книги по Новой Соли крайне дефектны. Как бы то ни было, мы видим, что все перечисленные земли с полным основанием могут быть объединены под общим наименованием «Сосенских», коль скоро они группируются вокруг д. Сосна.

2. Кромиская и Вышковская земли завещаны церкви Богородицы на Дубровне. Дубровенский погост с церковью Рождества богородицы расположен по верхнему течению левого притока Шелони р. Удохи, на расстоянии примерно 80 км от устья Сосенки. В этом погосте писцовая книга 1498 г. называет д. Вышково и д. Кромско, описанные как находящиеся в непосредственной близости одна от другой.

3. В том же Дубровенском погосте та же писцовая книга называет д. Пожарища [5].

Локализация владений Моисея способствует и установлению места его жительства. В духовной упоминается его городской двор, а также окологородные пожни на Глушице и за Городищем, но в ней нет названия города. Топоним Городище, фигурирующий здесь же, вызывает в памяти Городище под Новгородом, но вблизи Новгорода нет и не было Глушицы. Глушица имеется в Околорусье, но там нет Городища [6]. Оба топонима — Глушица и Городище — встречаются только в Порховском окологородье [7], что и определяет Моисея как жителя Порхова. Город Порхов находится на расстоянии 15—18 км от дубровенских владений Моисея и примерно в 100 км от его сосенских владений.

Для выяснения социальной характеристики Моисея важен прежде всего размер его земель. Труднее всего он устанавливается для владений, расположенных вблизи Струпина, поскольку неясно, входили ли все эти участки в собственно «Сосенские земли». Однако показательно, что общая площадь пахотных земель д. Сосны исчисляется всего в 3 обжи [8]. Моисей владеет третью Сосенских земель, следовательно, только одной обжей. Если в эту обжу не входят Засосенские, Зашолонские и Вшашские земли (а они могут входить в нее), то эти участки вряд ли могли быть большими, чем Сосенский, который первым стоит в списке земель Моисея. Па-

---

[3] Чередование В и П отмечено в новгородских писцовых книгах. Ср. Вышково, оно же Пышково (*А. М. Андриашев.* Указ. соч., стр. 431).
[4] Там же, стр. 178.
[5] Там же, стр. 427, 431—433.
[6] Там же, стр. 225.
[7] Там же, стр. 385, 394.
[8] Там же, стр. 182.

хотные земли д. Кромско оценивались в $4^1/_2$ обжи. Моисею из них принадлежала третья часть, т. е. $1^1/_2$ обжи. Пахотные земли д. Пожарища равнялись всего лишь $^1/_8$ обжи [9]. На долю Моисея здесь приходится буквально лоскут. Не располагая точными сведениями о других участках, мы все же вряд ли можем допустить сколько-нибудь заметное их отличие от названных здесь. А это значит, что все богатство Моисея было крайне незначительным. Вряд ли оно превосходило 4—5 обеж [10].

Какова природа этих владений? Располагает ли Моисей остатками крупной вотчины, измельчившейся в ходе наследственных разделов? Или это формирующийся землевладелец, выходец из простой чади, земец? Обращает на себя внимание отсутствие в духовной обычных для такого рода документов терминов «отчина и дедина», хотя Моисей не безродный человек: он упоминает свою «осподу», т. е. семью, а также «род и племя свое». Моисей владеет своими третями по раздельным грамотам, которые постоянно употреблялись при родственных разделах, но его разделы произведены с разными лицами, о родственных связях которых с Моисеем ничего не сказано. В случае смерти детей он завещает свои участки монастырю, церкви, тестю (т. е. не родственнику, а свойственнику). Пожалуй, только Даниловы дети, поскольку они наследуют городской двор и окологородные пожни Моисея, могут претендовать на родство с ним. Что касается включения в число возможных наследников Матфея и Тарасьиных детей, с которыми некогда был произведен раздел земель, вряд ли возвращение им Моисеевых третей можно рассматривать как восстановление отчины. Организация работ на этих участках, находившихся в сотне километров от места жительства Моисея, вероятно, была в руках Матфея и Тарасьиных детей, которым Моисей мог сдавать сосенские земли в аренду, получая свою долю дохода, и он компенсировал бывших совладельцев за услуги.

Создается впечатление, что владение Моисея было его собственным «скоплением». Поначалу он был совладельцем земель на основе складничества с разными лицами, затем обособил свои участки в полную собственность по раздельным грамотам. Такой характеристике не противоречит и то обстоятельство, что заботу о своих детях Моисей поручает, несомненно, крупным феодалам, поименованным им с «вичем»,— Василию Есифовичу и Максиму Васильевичу. Оба вотчинника, возможно, были его влиятельными соседями по владениям. Максима Васильевича в других источниках отыскать не удалось. Василий Есифович в рассматриваемое время известен. Так звали новгородского боярина, который в 1405 г. был степенным тысяцким, в 1410 г. в той же должности принимал участие в проведении известной денежной реформы, в 1416 г. был избран на посадничью степень, в 1418 г. фигурирует в рассказе о восстании Степанки и в последний раз как посадник упоминается под 1421 г. [11] Это имя можно было бы привлечь для уточнения датировки духовной Моисея временем до 1405 г. (Василий Есифович в берестяной грамоте назван еще без титула), однако полной уверенности в его тождестве с летописным лицом все же нет.

---

[9] Там же, стр. 432, 433.

[10] Для сравнения укажем, что, например, у Марфы Борецкой по писцовым книгам была 651 обжа, у Кузьмы Фефилатова $260^1/_2$ обеж, а у посадника Захарии Овина и его сына Ивана 987 обеж (*С. А. Тараканова-Белкина.* Боярское и монастырское землевладение в новгородских пятинах в домосковское время. М., 1939, стр. 93, 96, 100).

[11] НПЛ, стр. 402—403; ГВНП, стр. 85, 86, 88, 98—100, № 48, 50, 60. В грамоте № 292 (ГВНП, стр. 292) упоминается сын Василия Есифовича Лука.

До настоящего времени сохранилось около трех десятков новгородских духовных периода независимости. Все они дошли в монастырских архивах, будучи связаны с передачей по завещательным распоряжениям во владение монастырей земельных участков. Одни из них касаются только этих участков и, следовательно, не характеризуют собственности завещателей в целом. Другие, например, духовные бояр Шенкурских [12], связаны с владениями очень богатых семей и, таким образом, не дают представления об имущественном положении землевладельцев из других сословий. Поэтому духовная Моисея оказывается первым и пока единственным документом, знакомящим нас с объемом владения мелкого земельного собственника.

Хорошо известно, что классовое расслоение в Новгороде вело к постоянной социальной поляризации непривилегированных сословий. Значительное большинство свободного черного населения Новгорода беднело, а затем нищало, пополняя категорию боярской челяди. Другая же его часть получала возможность накапливать богатства и феодализироваться. На протяжении XIII—XIV вв. в Новгороде расширяется и укрепляется сословие «житьих людей» — феодалов небоярского происхождения, выходцев из низших сословий, чьи владения порой достигали размеров боярских латифундий. И теперь мы впервые знакомимся на конкретном примере с первоначальной стадией такого процесса, составляющего существенную черту развития именно феодальных порядков, поскольку обогащение части черного населения не превращало его в буржуазию, а расширяло класс феодалов.

А Моисей уже стал феодалом. Видеть в нем крестьянина невозможно, несмотря на мизерность его владений, уже в силу того, что его участки разбросаны на значительном пространстве, а сам он живет в городе. Обрабатывать принадлежащие ему земли он может, только эксплуатируя чужой труд.

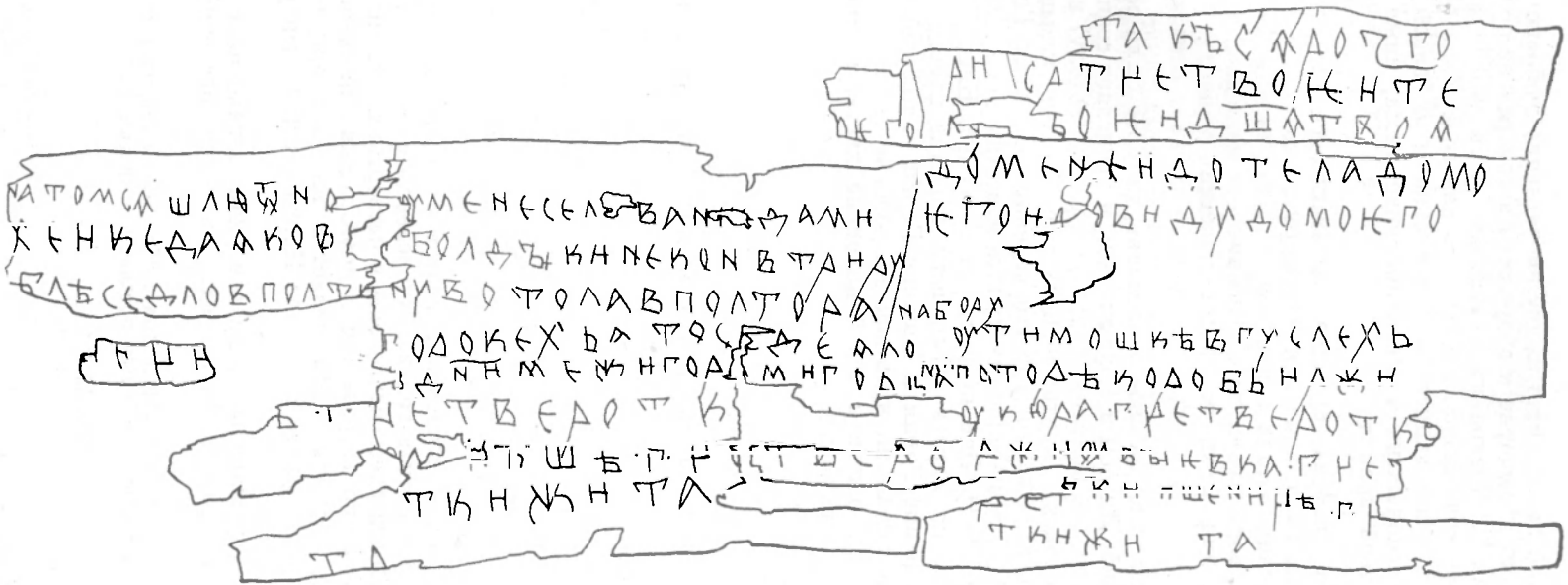
Дополнительные материалы к характеристике Моисея дают записи на берестяном листе, употребленном в качестве обертки для духовной грамоты и получившем порядковый № 521. Этот лист фактурно близок грамоте № 519 и имеет одинаковый с ней размер (в сохранившемся виде — 38,5 см ×14,5 см). По-видимому, он снят с того же дерева, что и лист берестяной грамоты № 519. Грамота № 521 дошла до нас в лохмотьях, которые, однако, подобрались почти полностью и дают сравнительно полное представление о текстах.

На этом листе четыре разнородные записи. В верхней части листа помещен следующий текст, отделенный слева вертикальной чертой от других записей:

...такъ сѧ розго
ри с(е)ртце твоѥ и те
ло твоѥ и д(у)шѧ твоѧ
до мене и до тела до мо
ѥго и до виду до моѥго

Запись, находящаяся слева от воспроизведенной, не сохранилась; из нее читается лишь фрагмент «...оѥго». В целом эту запись возможно реконструировать примерно в таком виде: «[Какъ ся розгоре сердце мое и тело мое и душа моя до тебе и до тела до твоего и до виду до твоего], такъ ся розгори сердце твое и тело твое и душа твоя до мене и до тела до моего и до виду до моего».

[12] ГВНП, стр. 166—171, № 110, 111.



Берестяная грамота № 521 (прорись; уменьшено)

На первый взгляд, запись производит впечатление любовного заговора, «присухи». Однако обращение к сборникам заговоров не подтвердило этого предположения [13]. Поскольку начальная часть записи аккуратно оторвана еще в древности, можно думать, что она содержала обращение к конкретному лицу, а вся запись была черновиком любовной записки.

Вторая запись расположена в левой половине листа, ниже несохранившейся части первой записи:

На том сѧ шлю ѿнѧ[ли] оу мене сел[и]ванке да ми
хеике да ѧкове... болдыкине кон в три ру
блѣ седло в полтину вотола в полтора
. . . . . торокехъ а то с[о]деѧло
. . . . . дни межи гор[к]ами горками
на бору

Автор записи ссылается на свое ограбление, которое было совершено Селиванкой, Михейкой, Яковом и Болдыкиным, и исчисляет свои убытки: коня в три рубля, седло в полтину, верхнюю одежду (вотолу) в полтора рубля и что-то в «торокех» (притороченных вьюках). Он указывает день (число не сохранилось) и место, где «то содеялось»: между Горками и Горками на Бору. Все три населенных пункта известны писцовым книгам в Дубровенском погосте [14]. Они существуют и сейчас. Близ Дубровны, на речке Степеринке, на картах обозначены стоящие неподалеку друг от друга деревни Верхние Горки и Нижние Горки (в писцовых книгах Горки и Горки) и между ними, чуть южнее, деревня Бор.

Третья запись расположена в левой половине листа, в нижней его части. Она наиболее отрывочна:

...·г·цетверотк...
оу ...пѣ.·г·цетверо
тки жита

Четвертая запись расположена в правой половине листа, в нижней его части:

Оу тимошкѣ в гуслехь.
по(л)торѣ коробьи ржи
оу кюра ·г· цетверотке
ржи оу выѥвка·г· цет[ве]
ретки пшеницѣ·г·це[тверо]
тки жита

Последние две записи — исчисление долгов в зерне. Деревня Гусли известна по писцовым книгам в том же Дубровенском погосте [15]. Существует она и сегодня. Долги здесь исчислены в четвертках. Эта мера сыпучих тел чрезвычайно редко встречается в новгородских памятниках, но вполне характерна для Пскова, что является лишним аргументом в пользу порховского происхождения текстов: Порхов расположен у самого псковского пограничья.

Все четыре записи выполнены одним почерком, однако не тем, которым написана духовная грамота. Уже предположив, что последняя писа-

[13] Ср., например, хорошую подборку старинных любовных заговоров в кн.: *М. Забылин.* Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1880, стр. 302—317.
[14] *А. М. Андриашев.* Указ. соч., стр. 430, 433.
[15] Там же, стр. 432.

лась под диктовку, мы имеем право признать грамоту № 521 автографом самого Моисея. Обращают на себя внимание некоторые признаки того, что почерк грамоты № 521 несколько старше почерка грамот № 519 и 520. В частности, здесь еще нет якорного Е и косых отсечек при иотованных буквах.

В пользу отождествления автора записей с Моисеем говорит и самый характер текстов. Исчисление долгов — необходимая часть духовной грамоты. Запись их могла быть предназначена для включения в окончательный текст духовной. Как это видно из завещания, Моисей был вдовцом (он упоминает детей, но не жену), и любовная записка могла связываться с желанием вторичной женитьбы, что и вызывало необходимость составить духовную в пользу детей от первого брака.

Но главное — автор записей предстает перед нами весьма незначительным земельным собственником. Крестьяне должают ему мизерные суммы. Псковская летопись под 1475/76 г., к примеру, оценивает четвертку ржи «по полъпяте денге» [16]. Будучи ограбленным вполне установленными по именам злоумышленниками, он не имеет возможности сам расправиться с ними и пытается взыскать свои убытки законным путем.

В целом перед нами открытый впервые черновик завещания мелкого земельного собственника Новгородской земли рубежа XIV—XV вв., вероятно, привезенный им для юридического оформления в Новгород и здесь случайно потерянный.

---

[16] ПЛ, вып. II, стр. 200.

В. Д. Назаров

О СТРУКТУРЕ «ГОСУДАРЕВА ДВОРА» В СЕРЕДИНЕ XVI В.

Образование Русского централизованного государства закономерно сопровождалось перестройкой сословно-политической структуры общества. Характер и содержание этого сложного и длительного процесса в XIV — начале XVI в. с наибольшей полнотой исследован в советской историографии Л. В. Черепниным [1]. В первой половине — середине XVI в. в России складываются главные черты сословного строя, политических институтов и государственной системы, типичные для сословно-представительной монархии. Преобразования, итог которым в значительной мере подвели реформы и законодательство 50-х годов, произвели и глубокую перестройку внутренней структуры господствующего класса. Указанные изменения затронули прежде всего его экономически наиболее могущественную и политически самую активную часть — «Государев двор».

Изучение данной проблематики имеет давние традиции, и тем не менее весьма обширный круг вопросов еще далек от детального разрешения. Подробно разработаны сюжеты, связанные с личным составом верхней прослойки двора — думных и дворцовых чинов [2], отдельные аспекты развития двора вскрыты в исследованиях по истории политической борьбы [3], а также в трудах историко-генеалогического характера [4]. При всем том двор как институт социально-политической структуры господствующего класса, как форма организации его верхних слоев в историографии специально не изучался. Не исследовано и внутреннее строение двора, его эволюция в конце XV — середине XVI в.

Сословно-чиновное членение двора в конце XVI— начале XVII в. теперь хорошо известно благодаря разысканиям А. Л. Станиславского [5]. Сравнение с характером записей дворовых в Дворовой тетради, где ос-

[1] *Л. В. Черепнин.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960; *он же.* La reorganisation de l'appareil d'Etat durant la periode de la centralisation politique de la Russie fin du XV-e et debut du XVI-e siecles.— «Annali della fondazione italiana per la storia amministrativa». Milano, 1964, N 1; *он же.* Некоторые вопросы истории докапиталистических формаций в России.— «Коммунист», 1975, № 1, стр. 67—69.

[2] *С. Б. Веселовский.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969; *А. А. Зимин.* Состав Боярской думы в XV—XVI веках.— АЕ за 1957 г. М., 1958; *он же.* О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV—XVI в.— «Исторические записки», т. 63.

[3] *С. Б. Веселовский.* Исследования по истории опричнины. М., 1963; *А. А. Зимин.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964; *он же.* Россия на пороге нового времени. М., 1972; *Н. Е. Носов.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969; *И. И. Смирнов.* Очерки политической истории Русского государства 30-х—50-х годов XVI в. М.—Л., 1958; *С. О. Шмидт.* Становление российского самодержавства. М., 1973; *Р. Г. Скрынников.* Начало опричнины. Л., 1966; и др.

[4] *С. Б. Веселовский.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев; и др.

[5] *А. Л. Станиславский.* Источники для изучения состава и структуры Государева двора последней четверти XVI — начала XVII в. Автореф. канд. дисс. М., 1973; *С. П. Мордовина, А. Л. Станиславский.* Боярские списки конца XVI — начала XVII века как исторический источник.— «Советские архивы», 1973, № 2.

новная масса членов двора распределена по территориальным корпорациям (княжеским и городовым)[6], приводит к выводу о более позднем (в сопоставлении с реформами 50-х годов) становлении структуры двора и ее принципов[7]. Заключение парадоксальное: оформление сословного статуса политически ведущей части класса феодалов запаздывает на 15—25 лет по сравнению с организацией провинциального дворянства, утверждением сословного положения купцов и горожан, развитием органов сословного представительства в центре и на местах. Парадокс этот, однако, мнимый. Объясняется он характером известных науке оперативно-учетных документов по истории двора в середине XVI в., поскольку единственным памятником такого рода до последнего времени оставалась Дворовая тетрадь. Правда, исследователи предполагали наличие приказной документации, аналогичной боярским спискам конца XVI в. В. И. Новицкий в этой связи вполне справедливо указывал на список 1542 г. князей и детей боярских («которые в Думе не живут»), сохранившийся в составе русско-литовских дипломатических дел[8]. По мнению А. А. Зимина, боярские списки могли быть одним из источников для составителя протографа Никифоровского и Музейного списков Дворовой тетради. Возникновение протографа он отнес к 50-м годам XVI в., и, следовательно, тем же временем следует датировать и упомянутые им боярские списки[9]. Впрочем, приведенные указания мало что меняют при конкретной постановке вопроса. Перечень 1542 г. по своей структуре аналогичен Дворовой тетради (принцип распределения дворовых по группам — территориальный), а о возможной структуре боярских списков 50-х годов А. А. Зимин не высказал никаких суждений. Имеющимся же упоминаниям стольников, стряпчих, дворян и жильцов в летописных известиях за 50-е годы XVI в. и в различных разрядах за те же годы[10] не придавалось должного значения, видимо, из-за их сравнительной малочисленности. В сравнении с Дворовой тетрадью, которая молчаливо признавалась памятником, адекватно отразившим не только состав, но и структуру «Государева двора» в данные годы, отдельные сообщения разрядов и летописей не могли, конечно, оцениваться более высоко. Дело меняется с вводом в научный оборот отрывков подлинников боярских списков конца 40-х годов XVI в. Их анализ и составляет задачу настоящей статьи (тексты документов публикуются в Приложениях 1—3).

Указанные источники дошли до нас в составе так называемых свадебных дел и свадебных разрядов, хранящихся в Древлехранилище ЦГАДА — фонде, давно и хорошо известном историкам. Превратности судьбы архивов XVI в. сказались на них самым прямым образом. К настоящему времени названные дела сохранились частично, причем не только в виде подлинников, но и копий первой трети XVII в. Не менее существенно, что в XVII—XVIII вв. документы свадебных дел и разрядов Василия III (свадьба 1526 г.), Ивана IV (свадьба 1547 г.) и его брата

---

[6] Помимо списков членов двора, сгруппированных по территориальному признаку, в Дворовой тетради содержатся перечни думных чинов, лиц, возглавлявших дворцовое управление и Казну, а также списки дьяков и служилых князей.

[7] А. Л. Станиславский датировал оформление структуры двора временем опричнины (*А. Л. Станиславский.* Указ. соч., стр. 2).

[8] *В. И. Новицкий.* Выборное и большое дворянство XVI—XVII веков. Киев, 1915, стр. 18—19.

[9] *А. А. Зимин.* Реформы Ивана Грозного. М., 1960, стр. 374—375.

[10] *В. И. Новицкий.* Указ. соч., стр. 5—6, 17 и др.; *А. Л. Станиславский.* Указ. соч., стр. 2; см. также ПСРЛ, т. XIII, ч. 1, стр. 162, 163, 189, 198, 199 и др.; ДРВ, ч. XIII, изд. 2. М., 1790, стр. 55, 74, 77, 82 и т. п.

кн. Юрия оказались перепутанными [11]. Видимо, именно поэтому интересующие нас документы получили у архивистов неверные заголовки. Свадебные разряды были изданы еще в конце XVIII в.[12], а из свадебных дел публиковались позднее только отдельные грамоты [13]. До сих пор исследователи проходили мимо этих уникальных источников. Даже в новейшем описании Древлехранилища, автором которого был опытнейший архивист В. Н. Шумилов, допущены ошибки в определении данных документов — они названы именными списками бояр, окольничих, дворецких, стольников и стряпчих, приглашенных на царскую свадьбу. Никакой аргументации в пользу своих предположений автор не привел [14].

Однако перед нами — не один список, а два отрывка разновременных документов. В этом убеждают прежде всего палеографические особенности. Так, перечень думных и дворцовых чинов (лл. 11—12; см. Приложение 2) исполнен одним почерком (четкой приказной скорописью середины XVI в.) с одним цветом чернил, на склейках с одинаковой бумагой, имеющих идентичные вержеры и пуантюзо и одну и ту же филигрань — «инициалы», две взаимно дополняющие части которой находятся на каждом из листов. Водяной знак почти тождествен № 9761 альбома Брике (датируется 1538, 1542, 1545 гг.) [15]. На данных склейках нет зачеркиваний, исправлений и позднейших дополнений. Все пометы принадлежат писцу этих листов и сделаны одновременно с их написанием (полностью совпадает цвет чернил основного текста и помет). Иными словами, это чистовой экземпляр документа, не использовавшийся позднее в делопроизводственных целях.

Бумага склеек 13—16 (см. Приложение 1) резко отличается от бумаги лл. 11—12. Так, ширина вержеров первых составляет 2,8—3 см, в то время как у последних — 2,2—2,4 см [16]. Другая и филигрань — по правому обрезу лл. 13, 15 различима корона небольших размеров, завершающая руку (на л. 15 просматриваются окончания трех пальцев). Сравнительно близкая аналогия (отождествляем по типу короны) — № 10911 альбома Брике (1540, 1546 гг.). Склейки 13—16 написаны двумя писцами (первым — лл. 13—14, вторым — лл. 15—16). Оба почерка близки друг к другу и, так же как и почерк лл. 11—12, представляют собой отрабо-

---

[11] Так, в свадебное дело Василия III сейчас включены две росписи лиц, посланных в города для выбора невест, список дьяков и детей боярских, назначенных в караулы в Кремле, и перечень дьяков [ЦГАДА, ф. 135 (Древлехранилище), отд. IV, рубр. II, № 2, лл. 6—14; см. также «Государственное древлехранилище хартий и рукописей. Опись документальных материалов фонда № 135». М., 1971, стр. 90—91]. Все эти документы и по палеографическим признакам (почерк, филиграни), и по составу лиц относятся, однако, к свадьбе Ивана IV 1547 г. В свою очередь, в документации о бракосочетании Ивана Грозного находится память казначеям от 19 октября 1547 г., связанная с подготовкой свадьбы кн. Юрия Васильевича, брата царя (ЦГАДА, ф. 135, отд. IV, рубр. II, № 5, л. 7; «Государственное древлехранилище...», стр. 97). Наконец, в свадебное дело кн. Юрия попал отрывок списка начала XVII в. разряда свадьбы Василия III (ЦГАДА, ф. 135, отд. IV, рубр. II, № 8, лл. 4—6, правильный порядок листов — л. 5, 4, 6; ср. ДРВ, ч. XIII, стр. 16—19; в кн. «Государственное древлехранилище...», стр. 99 неверно определено содержание этих склеек и неправильно обозначен их тип).

[12] ДРВ, ч. XIII, стр. 1—85 и далее.

[13] СГГД, ч. II, № 34, стр. 43; № 35, стр. 44; № 36, стр. 44 и др.

[14] «Государственное древлехранилище...», стр. 98.

[15] *C. Briquet.* Les filigranes. Ed. 2-me, t. 3. Leipzig, 1923.

[16] Бумага лл. 13—14 кажется отличной (по цвету) от бумаги лл. 15—16. Но это объясняется просто: первые склейки несут на себе гораздо больше следов внешнего воздействия (влага, обрывы), чем лл. 15—16. Отметим попутно, что склейки 11—12 и 13—16 по качеству бумаги и филиграням не совпадают с документами свадебного дела Ивана IV (ЦГАДА, ф. 135, отд. IV, рубр. II, № 5, лл. 1—10, 18—54).

танную приказную скоропись середины XVI в. Список стольников и стряпчих надо признать единой рукописью. Во-первых, в этом убеждает одинаковая бумага (одна и та же филигрань, идентичные вержеры и пуантюзо). Во-вторых, перечень стряпчих начат на л. 14 (где писал первый писец) и продолжается вторым почерком на лл. 15—16. На склейках 13—16, в отличие от списка думных и дворцовых чинов, находим многочисленные зачеркивания, дополнения и пометы, сделанные позже возникновения списка. Так, все зачеркивания (как в сфере первого почерка, так и второго) произведены чернилами иного цвета [17]. Дополнения на лл. 13—14 в основном исполнены второй рукой, вписаны между строк кн. Н. Ф. Прозоровский и Ф. А. Чулков (на л. 13), вписаны в конце перечня стольников шесть стольников (на л. 14), так что последняя строка этого дополнения оказалась ниже подзаголовка «Стряпчие» [18]. Большинство помет на лл. 15—16 (все пометы типа «умре», «болен», а также «на Соли на Малой», «в Василегород») сделаны скорее всего третьим писцом [19]. Сложно идентифицировать помету «в Смол[енск] на год», находящуюся рядом с пометой «в Василегород»: ясно только, что они не одновременные и принадлежат разным писцам. Итак, перед нами — отрывок документа, активно использовавшегося после его создания в приказном делопроизводстве.

Тип документов предварительно определяется из характера их содержания и особенно помет. Анализируемые перечни — отрывки подлинных списков членов «Государева двора» [20], разбитых по чиновно-сословным группам. В первом случае сохранилось начало документа — списки членов думы, дворецких и казначеев. Во-втором — мы имеем среднюю часть (в боярских списках более позднего времени перечни стольников и стряпчих следовали за думными чинами и до рубрик «московских дворян» и «выбора из городов»). Вопреки мнению В. Н. Шумилова, нет никаких оснований считать наши перечни списками приглашенных на свадьбу Ивана IV. Ни одна из помет не содержит даже косвенного указания на связь со свадебными торжествами, хотя многие из перечисленных лиц упомянуты в свадебном разряде (кн. И. Ф. Мстиславский, В. М., И. М. и Н. Р. Юрьевы, кн. А. М. Ромодановский, кн. Ю. И. Пронский-Шемякин, С. С. Морозов, А. Ф. Адашев и др.). Все пометы наших документов, аналогично боярским спискам конца XVI — начала XVII в., отражают текущие и предстоящие служебные назначения военного и административного свойства [21], готовность или пригодность дворовых к выполнению службы [22]. Таким образом, перед нами — отрывки подлинных боярских списков середины XVI в. Отсутствие заголовков вполне объяснимо: еще в конце XVI — начале XVII в. большинство документов такого

---

[17] Основной цвет чернил первого почерка — светло-коричневый, а второго — почти черный. Зачеркивания сделаны главным образом более светлыми чернилами. Произведены ли они одновременно или в несколько приемов — точно сказать нельзя, но более вероятно последнее предположение.

[18] Первое слово этой приписки — «Степан» — написано первым писцом. Более поздняя вставка Ф. И. Чулкова в списке стряпчих (на л. 14) сделана вторым писцом.

[19] Возможно, третьему писцу принадлежит и значительная часть зачеркиваний (совпадает цвет чернил). За консультацию при отождествлении почерков приносим благодарность Б. М. Клоссу.

[20] Конечно, и думные чины, и стольники, и стряпчие являлись членами двора и в середине XVI в. Все упомянутые в перечнях лица, за исключением умерших, обнаруживаются в Дворовой тетради.

[21] Пометы типа: «х Казани», «у наряду», «в Смол[енск]», «в Смол[енск] на год», «на Пскове», «на Новегороде», «в Василегород» и др.

[22] Пометы типа: «болен», «умре».

рода не имело самоназваний, хотя в других разрядных материалах и именовались «боярскими списками» [23].

Состав упомянутых лиц и содержание помет над ними позволяют датировать довольно точно наши перечни. В списке стряпчих хронологически определяются две пометы: «в Василегород» над кн. И. А. Селеховским — в разрядных книгах он там указан третьим воеводой с Петрова дня (т. е. с 29 июня) 1547 г., и «в Смол[енск] на год» над И. Ф. Упиным — был четвертым воеводой в Смоленске с 25 декабря 1546 г. [24] Таким образом, список возник до декабря 1546 г. Эту дату подтверждают и биографические данные вычеркнутых лиц из числа стольников. Левая верхняя часть л. 13 оборвана, а потому текст второй строки сейчас выглядит так: «... да Иван Михайловы дети Юрьева» (вся строка зачеркнута). На утраченном месте могло уместиться 6—7 букв. У М. В. Юрьева-Захарьина было три сына: Иван Большой, Василий и Иван Меньшой. Так как Иван Большой еще в 1539—1540 гг. был рязанским дворецким, то в реконструируемом тексте мог быть назван только Василий [25]. В. М. Юрьев, в свою очередь, стал тверским дворецким между февралем — июлем 1547 г.[26], когда его и вычеркнули из состава стольников. Датирующее значение имеет и зачеркнутое имя Долмата Романовича Юрьева: согласно показаниям надгробия и помянника Новоспасского монастыря, он умер 5 сентября 1545 г.[27]

Совокупность приведенных данных дает основания для двух датировок. Отрывок боярского списка с перечнем стольников и стряпчих можно отнести к осени 1545 г. (до 5 сентября). Но не исключено, что имя Д. Р. Юрьева попало в список из предшествующего аналогичного документа (когда он был еще жив), а по наведении справок зачеркнуто. В таком случае наш источник следует датировать осенью 1546 г. В пользу этого предположения свидетельствуют и некоторые косвенные данные. Во-первых, обычное время использования в делопроизводственных нуждах подобных материалов не превышало года, а чаще составляло еще меньший срок [28]. Последние точно датированные пометы и исправления относятся к лету 1547 г. Назначения же до декабря 1546 г. в источнике не прослеживаются (особенно показательно отсутствие упоминаний служб в связи с царским походом лета 1546 г. на Коломну). Во-вторых, в перечне стольников нет младших представителей рода Воронцовых, что следует связывать с летними опалами и казнями 1546 г. Иными словами, составление списка более вероятно именно осенью 1546 г. (до декабря).

Точнее определяется дата создания боярского списка, от которого сохранился перечень думных чинов, дворецких и казначеев. В числе бояр отсутствует кн. Ю. В. Глинский, убитый в ходе Московского восстания

---

[23] *А. Л. Станиславский.* Указ. соч., стр. 2.

[24] РК, стр. 112.

[25] *А. А. Зимин.* О составе дворцовых учреждений, стр. 192; РК, стр. 100. Стольники никогда дворецкими не служили. Обычно получение должности дворецкого предшествовало пожалованию думного чина (если данное лицо не имело его при назначении в дворецкие). Уже на свадьбе Ивана IV И. М. Юрьев упомянут бояриным (ДРВ, ч. XIII, стр. 30; РК, стр. 10; ЦГАДА, ф. 135, отд. IV, рубр. II, № 5, л. 18).

[26] На свадьбе Ивана IV упомянут без указания на должность дворецкого (РК, стр. 11), а в июльском разряде царского похода 1547 г. уже назван дворецким (там же, стр. 111).

[27] «Краткое историческое описание московского первоклассного ставропигиального Новоспасского монастыря». М., 1802, стр. 98; «Царские прародители, погребенные в обители всемилостиваго Спаса на Новом». М., 1912, стр. 44.

[28] *А. Л. Станиславский.* Указ. соч., стр. 4, 5, 6; *С. П. Мордовина, А. Л. Станиславский.* Указ. соч., стр. 91, 93.

летом 1547 г. Среди окольничих нет имени И. И. Беззубцева, умершего не позднее 8 июня 1547 г.[29] С другой стороны, в перечне нет окольничего Ф. Г. Адашева, получившего этот думный чин не позднее 11 декабря 1547 г. [30] Многочисленные пометы списка «х Казани» следует связывать с предполагавшимся первым «царским» походом на Казань конца 1547 — начала 1548 г. Эта же помета стоит над боярином кн. И. И. Пронским Турунтаем. Но в походе он не участвовал [31]. 5 ноября 1547 г. (в заключительный день свадебных торжеств кн. Юрия) он вместе с кн. М. В. Глинским предпринял неудачную попытку бегства в Литву [32], из-за чего подвергся опале (его владения, по крайней мере, частично, были конфискованы [33], а с него не позднее 9 декабря 1547 г. была взята поручная запись [34]). Итак, документ с подобной пометой мог быть составлен только до 5 ноября, и скорее всего в сентябре — октябре 1547 г. События, связанные с бегством М. В. Глинского и И. И. Пронского, видимо объясняют, почему позднее наш список не использовался в делопроизводственных целях.

Предлагаемой датировке не противоречат сведения помет списка об административно-военных назначениях. Боярин кн. Ю. М. Булгаков был наместником в Новгороде Великом на протяжении 1546—1548 гг.[35] Боярин кн. А. Д. Ростовский еще в июле 1547 г. возглавил разряд от «казанские украины», будучи первым воеводой во Владимире, и, судя по всему, оставался там до поздней осени [36]. Боярин кн. Ю. И. Темкин-Ростовский упоминается в других источниках наместником Пскова не позднее января 1548 г. [37] Еще 18 декабря 1546 г. псковским наместником был кн. И. И. Пронский Турунтай, которого специальной грамотой вызвали на свадьбу Ивана IV [38]. Вернулся ли он во Псков после февраля 1547 г., пока неизвестно. В начале июня делегация псковичей принесла жалобу Ивану IV на И. И. Пронского [39], в связи с которой, видимо, и произошла летом 1547 г. смена наместников во Пскове (по перечню Ю. И. Темкин находился в Пскове). Наконец, боярин И. И. Хабаров стал наместником в Смоленске не позднее 25 декабря 1547 г.[40] Помету над его именем следует расшифровывать как «в Смол[енск]», т. е. как предстоящее назначение. Итак, склейки 11—12 представляют собой отрывок подлинного боярского списка, составленного в сентябре — октябре 1547 г.

---

[29] *С. Б. Веселовский.* Исследования по истории класса, стр. 155.

[30] Указан окольничим в числе лиц, сопровождавших Ивана IV в Казанском походе (РК, стр. 112). Царь выступил из Москвы 11 декабря 1547 г. (ПСРЛ, т. XIII, ч. 1, стр. 155).

[31] РК, стр. 112—115. В нашем списке помета «х Казани» находится и над именем окольничего И. И. Рудака Колычева. Он, однако, в походе не участвовал, а оставался на Москве с кн. Владимиром Андреевичем Старицким (там же, стр. 115). Все остальные лица с такой пометой приняли участие в походе.

[32] ПСРЛ, т. XIII, ч. 1, стр. 154—155.

[33] ЦГАДА, ф. 1199 (Савво-Сторожевский монастырь), кн. 76, лл. 37 об.— 38 об.; «Обзор грамот Коллегии экономии», вып. III, № 417, стр. 115; ЦГАДА, ф. 281 (Грамоты Коллегии экономии), № 16/4690.

[34] СГГД, ч. I, № 165—166, стр. 454—459.

[35] *А. А. Зимин.* Наместническое управление в Русском государстве второй половины XV — первой трети XVI в.— «Исторические записки», т. 94, стр. 282.

[36] РК, стр. 111.

[37] *И. И. Смирнов.* Указ. соч., стр. 173; *А. А. Зимин.* Наместническое управление, стр. 285.

[38] ЦГАДА, ф. 135, отд. IV, рубр. II, л. 2. А. А. Зимин (Наместническое управление, стр. 285) ошибочно относит эту грамоту к декабрю 1547 г.

[39] Псковичи били челом царю в его подмосковной резиденции (с. Острове) в те дни, когда на Москве упал колокол «Благовестник» (ПЛ, вып. II, стр. 232). Падение колокола произошло 3 июня (ПСРЛ, т. XIII, ч. 1, стр. 152).

[40] РК, стр. 115.

В отрывках свадебного дела кн. Юрия Васильевича сохранился перечень князей и детей боярских, назначенных в «поезд» на свадьбе и сгруппированных по территориальному признаку (см. Приложение 3) [41]. Списки поезжан в свадебных разрядах не имеют членения по княжеским и городовым корпорациям [42]. Отсюда заключаем, что перед нами первичная выпись из текущего документа по учету двора (т. е. боярского списка), сохранившая структуру этого его раздела. Дата выписи определяется следующим образом. Решение о свадьбе Юрия было принято 18 сентября, а брачные торжества состоялись 3—5 ноября 1547 г.[43] Документ был составлен ближе к первой дате, и вот почему. В списке немало помет о состоянии здоровья и служебных назначениях упомянутых лиц (большинство дворовых с пометой «болен» зачеркнуто). Это можно объяснить, только признав, что создание выписи отделено от самой свадьбы достаточно длительным промежутком времени. Иначе непонятно включение в перечень дворовых, которые заведомо не могли участвовать в свадебных церемониях. Кроме того, пометы о свадебных службах над некоторыми лицами (а они внесены в список позднее его написания) соответствуют окончательному свадебному разряду и не совпадают с первоначальным его проектом [44]. Из сказанного следует, что выпись была сделана в конце сентября — начале октября 1547 г.

Какой боярский список послужил для нее источником? Точно ответить на этот вопрос нельзя. Из тех двух, отрывки которых дошли до нас (осени 1546 г. и осени 1547 г.), предпочтительнее считать протографом выписи список 1547 г., а точнее — черновой, делопроизводственный его вариант (напомним, что сохранившийся отрывок — часть белового экземпляра).

Структура боярских списков середины XVI в. реконструируется следующим образом. «Государев двор» делился — подобно тому как это имело место в последней трети XVI в.— на ряд сословно-чиновных группировок, перечни которых и являлись разделами документов по его учету. Это список думных и дворцовых чинов (бояре, окольничие, дворецкие, казначеи, а также, видимо, оружничий, постельничие, печатник, сокольничие и ловчие), перечни стольников, стряпчих, а также князей и детей

---

[41] ЦГАДА, ф. 135, отд. IV, рубр. II, № 8, лл. 8—10. И заголовок перечня («Князи и дети боярские, быти им у князя Юрья Васильевича в поезду»), и весь его текст исполнен одной рукой (приказной скорописью середины XVI в.) на одной и той же бумаге. Ее филигрань (рука с сильно отогнутым большим пальцем и инициалами «PIB» на манжете; ее окончания на данных склейках нет) весьма близка к № 11383 альбома Брике (датируется 1537, 1546 гг.) и № 1671 альбома Н. П. Лихачева (знак извлечен из Синодальной рукописи ок. 1553 г.). Зачеркивания, дополнения и пометы произведены позднее двумя другими писцами. Второй сделал вставку и пометку на л. 8 (цвет чернил — черный). Затем правил и делал пометки третий писец, которому и принадлежит большинство поновлений в тексте (почерком третьего писца исправлена одна буква во вставке на л. 8, написанной второй рукой). Цвет чернил основного текста (светло-коричневый) отличен от третьего почерка по оттенку. Писцы этого списка не идентифицируются с лицами, писавшими и правившими упомянутые выше отрывки боярских списков 1546 и 1547 гг., хотя характер письма во всех документах принципиально един — отработанная приказная скоропись середины XVI в.

[42] ДРВ, ч. XIII, стр. 2—4, 56, 59 и др.

[43] Там же, стр. 36; ПСРЛ, т. XIII, ч. 1, стр. 154.

[44] С. В. Яковля помечен в нашей выписи «у зголовья» и упомянут в свадебном разряде, изданном в ДРВ (ч. XIII, стр. 39). В списке с первоначального варианта разряда вместо него указан З. П. Яковля (ЦГАДА, ф. 135, отд. IV, рубр. II, № 7, л. 5). Над кн. Ф. И. Кашиным есть в нашем списке помета «у короваев». В ДРВ (ч. XIII, стр. 46) он показан вторым «у княжего коровая». В первом варианте разряда на его месте фигурирует П. С. Злобин (ЦГАДА, ф. 135, отд. IV, рубр. II, № 7, л. 7).

боярских (служилые князья, княжеские и городовые корпорации) [45]. Последняя рубрика в некоторых источниках данного времени, возможно, иногда именуется дворянами (см. ниже). Несомненно, в боярских списках существовал раздел с перечнем дьяков. В свадебном деле Ивана IV сохранился черновой список дьяков (в нем перечислены 33 человека иногда по именам и фамилиям, а иногда только по именам), составленный в связи с росписью караулов и другими службами в ходе брачных церемоний [46]. Его источником следует считать боярский список 1546 г. Открытым пока остается вопрос о наличии в них раздела жильцов (в летописях они упомянуты под 1552 г.) [47]. Следует подчеркнуть, что на основании наших источников структура «Государева двора» рисуется существенно отличной в сравнении со структурой Дворовой тетради.

Нам остается ответить еще на два вопроса. Первый — есть ли иные следы бытования и использования боярских списков в документации 40—50-х годов? Второй — насколько совпадают принципы выделения сословно-чиновных группировок двора в середине и в конце XVI в.

На первый вопрос положительный ответ извлекаем из описания Казанского похода 1549—1550 гг. пространной редакцией разрядных книг. В отличие от редакций 1556 и 1598 гг. [48], в ней содержится подробный перечень назначений в период осады Казани. В нем сохранились перечни думных и дворцовых чинов, рынд [49], есаулов (есаулов из дворян — по обозначению Щукинского списка [50] и есаулов из стольников) [51], а также дворовых, сопровождавших царя на пути из Москвы во Владимир, сгруппированных по территориальным рубрикам [52]. Непосредственным источником послужил, конечно, походный разрядный список тех членов «Государева двора», которые принимали участие в военных действиях. Как известно из делопроизводственной практики конца XVI в., такие походные

---

[45] Ср. ТКиДТ, стр. 111—117, 117—124 и далее.

[46] ЦГАДА, ф. 135, отд. IV, рубр. II, № 2, л. 14. А. А. Зимин (Дьяческий аппарат в России второй половины XV — первой трети XVI в.— «Исторические записки», т. 87) вслед за архивистами ошибочно относит этот перечень к 1526 г.

[47] ПСРЛ, т. XIII, ч. 1, стр. 189.

[48] См. об этом: *В. И. Буганов.* Разрядные книги последней четверти XV — начала XVII в. М., 1962, стр. 144—145. За возможность использования подготовляемого издания пространной редакции мы искренне признательны В. И. Буганову и Н. Г. Савич.

[49] ГПБ, Эрмитажное собр., № 390 б (далее — Э), л. 177. Перечень рынд под Казанью отличен от списка походных рынд (ср. РК, стр. 122—123). Среди думных и дворцовых чинов в период осады названы бояре, окольничие (оставшиеся «за разрядом»), казначей, оружничий, постельничий и печатник.

[50] В Э (л. 177) нет подзаголовка для есаулов не-стольников. В Щукинском списке (ГИМ, Щукинское собр., № 496, л. 249 об.) они названы дворянами. То, что дворяне этого перечня равны дворовым князьям и детям боярским документов 1547 г., помимо логических аргументов, доказывается совпадением ряда имен. Есаулы-дворяне — кн. Д. И. Немово-Оболенский, кн. И. И. и Ф. И. Кашины, Х. И. Салтыков, В. П. и П. П. Головины, кн. Ю. И. Деев, Д. М. Плещеев — фигурируют в выписи из боярского списка 1547 г. в разделе князей и детей боярских (Э, л. 177—177 об.; ср. Приложение 3).

[51] Есаулы были выделены, видимо, во Владимире. Из числа дворовых, сопровождавших царя от Москвы до Владимира (здесь они не названы есаулами), получили это назначение кн. Г. И. Темкин, В. П. и П. П. Головины, Ф. И. и А. А. Бутурлины, кн. П. Д. Пронский, З. П. Яковля, В. Д. Данилов, М. И. и Х. И. Салтыковы (Э, лл. 177—178).

[52] Э, лл. 177 об.— 178. Названы следующие рубрики: князи Ярославские, Москва, Дмитров, Переславль, Юрьев, Кострома, Руза, Можайск, Бежецкий Верх, Вязьма, «Руза князь Юрьевская Ивановича». Последнее наименование показывает, что в ряде городов деление дворовых на два списка (один из них — двор бывшего удельного княжества) сохранялось в 40-е годы и фиксировалось в боярских списках.

списки составлялись на основе текущих боярских списков [53]. Данный источник позволяет, таким образом, охарактеризовать структуру боярского списка 1549 г.: думные и дворцовые чины, стольники, дворяне (=князьям и детям боярским боярских списков 1547 г.) [54]. Отсутствие стряпчих вполне объяснимо. Они, без сомнения, фигурировали в походном списке в качестве особой группы, в перечни же служб они не попали потому, что уровень их военных назначений был более низким, чем у стольников, и не фиксировался разрядными книгами (тем более не учитывалась ими специфическая придворная служба стряпчих). Менее отчетливые следы текущих боярских списков отразились и в последующих разрядах царских походов (к примеру, летом 1556 г.) [55]. Итак, разрядные источники времени после 1547 г. позволяют утверждать, что структура двора, реконструированная выше по материалам 1546—1547 гг., оставалась неизменной и фиксировалась аналогичной по типу документацией в последующие годы. С концом XVI в. приблизительно совпадала и периодичность составления боярских списков (1—2 в год).

Ответ на второй вопрос возможен на основе просопографического изучения всех лиц, упомянутых в наших источниках. Всего в них перечислено 163 человека (30— в отрывке перечня думных и дворцовых чинов [56], 32 стольника, 54 стряпчих, 55 — в списке князей и детей боярских; из них имена восьми записаны в двух документах [57]). Это, конеч-

---

[53] *А. Л. Станиславский.* Указ. соч. стр. 13—14.

[54] Такое упоминание дворян в Щукинском списке — одно из первых в исторических памятниках.

[55] РК, стр. 156—158 (см. особенно список голов в царском полку — стр. 157—158).

[56] Отметим ряд дополнений к исследованию А. А. Зимина о Боярской думе на основании наших источников (*А. А. Зимин.* Состав Боярской думы, стр. 59—61 и др.). И. И. Хабаров стал боярином не позднее января — февраля 1547 г. (ДРВ, ч. XIII, стр. 34). Кн. Ю. И. Темкин получил это звание не позднее осени 1547 г., а скорее всего сразу после Московского восстания 1547 г. Кн. Д. Ф. Палецкий получил боярство где-то в январе-феврале 1547 г. (ЦГАДА, ф. 135, отд. IV, рубр. II, лл. 20, 33), как и кн. И. И. Пронский Турунтай. Кн. В. М. Щенятев упоминается боярином уже в апреле 1544 г. (РК, стр. 109; ср. *А. А. Зимин.* Состав Боярской думы, стр. 60). Наконец, подтверждается известие Шереметьевского списка о боярстве кн. И. А. Ростовского Катыря (*А. А. Зимин.* Состав Боярской думы, стр. 52, прим. 139). Помета «болен» в нашем источнике объясняет отсутствие его имени в разрядах. В нашем списке нет имен бояр И. М. Большого Юрьева, М. В. Тучкова [А. А. Зимин считает их живыми в 1547 г. и позднее (там же, стр. 59)], И. С. Воронцова и кн. А. Б. Горбатого. И. М. Юрьев умер вскоре после свадьбы царя: он не упоминается ни в летописях (в связи с Московским восстанием 1547 г.), ни в разряде царского похода июля 1547 г., ни в свадебном разряде кн. Юрия в ноябре 1547 г. Все его родственники (родные и двоюродные братья) приняли активное участие в брачных церемониях царского брата, и отсутствие И. М. Большого Юрьева объяснимо только его смертью. В 1552 г. умер его младший брат И. М. Меньшой Юрьев (*С. Б. Веселовский.* Исследования по истории класса, стр. 154). О смерти (или же постриге) М. В. Тучкова до 1547 г. веские аргументы приведены Н. Е. Носовым (указ. соч., стр. 220—221) и С. О. Шмидтом («Новое о Тучковых».— В сб.: «Исследования по социально-политической истории России». Л., 1971, стр. 132—133). Отсутствие И. С. Воронцова понятно в связи с опалами лета 1546 г. на Воронцовых. Остается пока неясным пропуск имени кн. А. Б. Горбатого. Кн. Ф. А. Куракин-Булгаков в декабре 1547 г. был боярином кн. Юрия Васильевича (РК, стр. 115; ср. *А. А. Зимин.* Состав Боярской думы, стр. 60) и получил это звание скорее всего в связи с выделением удела кн. Юрию летом-осенью 1547 г. В работе А. А. Зимина не указан и боярин царицы В. Ю. Малого-Траханиотов. В списке окольничих отметим только тот факт, что Г. В. Морозов получил это звание не позднее сентября-октября 1547 г.

[57] С. С. Морозов, В. П. Яковля, кн. Ф. В. Сисеев дописаны в списке стольников и фигурируют в основном тексте перечня стряпчих. Ф. И. Чулков зачеркнут в списке стольников и вписан в число стряпчих. Кн. Ф. И. Немого-Оболенский и И. М. Ромодановский, а также С. В. Яковля записаны в списке стольников и в

но, далеко не полный состав двора в 1546—1547 гг. Среди думных и дворцовых чинов нет оружничего, постельничих, сокольничих, ловчих, печатника (они, конечно, фигурировали на последующих за л. 12 склейках, которые, к сожалению, не сохранились). Заведомо неполон список князей и детей боярских, поскольку в состав поезжан были включены далеко не все дворовые даже из числа бывших в сентябре—октябре 1547 г. на Москве. Нет абсолютной уверенности и в том, что до нас дошли все склейки боярского списка осени 1546 г., где перечислялись стольники и особенно стряпчие. Не исключено также, что в 40-е годы XVI в., как и в конце XVI — начале XVII в., составлялись боярские списки разных типов. Может быть, документ 1546 г.— отрывок списка наличных дворовых, т. е. только тех, кто в момент его написания был на Москве. Но при всех указанных оговорках имеющийся материал следует признать достаточно репрезентативным. Итак, какие же выводы можно сделать из анализа состава стольников и стряпчих?

Лица, записанные в группу стольников, принадлежали к цвету русской аристократии XVI в. Княжеские фамилии представляют Мстиславский, Пронские, Немой-Оболенский (из старшей ветви рода и одной из наиболее заметных фамилий — Телепневых-Немых), Щепин-Оболенский и Репнин (также из князей Оболенских), Сисеев (из старшей линии Ярославских князей) и Прозоровские (из ветви князей Ярославских-Моложских), Ромодановские и Татевы (из рода Стародубских князей). Старомосковские боярские роды представлены Захарьипыми-Юрьевыми (Юрьевы, Яковли), Морозовыми (Морозов, Скрябин, Салтыковы), Чулковыми (сородичи Хромых, Чеботовых, Челядниных), Колычевым и Плещеевым. Все стольники — молодые люди, только начинающие свою карьеру при дворе. Это следует, во-первых, из того, что в разрядах не зафиксировано ни одного их служебного назначения до 1547 г., а во-вторых, ни в Тысячной книге, ни в Дворовой тетради ни у кого из них не записаны сыновья. Для многих из названных лиц на протяжении ближайших десяти лет типичны именно те службы, которые были характерны для стольников в конце XVI—XVII в., а именно: служба рындами, а также головами и есаулами в царском полку. Так, из семи рынд, упомянутых в царских походах 1547—1548 гг., пятеро фигурируют в нашем списке (кн. И. Ф. Мстиславский, С. В. и И. П. Яковли, Н. Р. Юрьев, кн. Ф. Н. Щепин), из семи рынд 1549—1550 гг. в нашем списке числятся четверо (кн. Ю. И. Пронский, кн. А. И. и П. И. Татевы, кн. М. П. Репнин), наконец из шести рынд 1555 г. трое — стольники нашего отрывка (кн. Ф. И. Татев, кн. Ф. В. Сисеев, кн. П. И. Татев) [58]. В перечне есаулов-стольников Казанского похода 1549—1550 гг. из восьми лиц пятеро записаны в разделе стольников нашего документа (С. В. и И. П. Яковли, кн. И. И. Пронский, Н. Р. Юрьев, Ф. И. Салтыков), а из четырех голов-стольников 1556 г. трое фигурируют в нашем списке (Н. Р. Юрьев, кн. М. П. Репнин, кн. П. И. Татев) [59]. Сопоставим перечень стольников с Тысячной книгой, исключив из него трех лиц, умерших до ее составления [60]. Из 29 человек 26 числятся в Тысячной книге, в том числе двое бояр (кн. И. Ф. Мстиславский, В. М. Юрьев), четверо тысяч-

перечне князей и детей боярских. В нем же фигурирует и В. Ф. Наумов, упомянутый в списке стряпчих.

[58] См. Приложение № 1 и РК, стр. 111, 113, 122—123, 128, 150—151; Э, л. 177.

[59] См. Приложение № 1 и Э, л. 177 об.; РК, стр. 158.

[60] Д. Р. Юрьев (см. выше); Ф. А. Чулков (умер до 9 сентября 1549 г.— см. «Обзор грамот Коллегии экономии», т. IV, № 985); кн. Ф. Н. Щепин (не записан ни в Дворовой тетради, ни в Тысячной книге; в разрядах упомянут только летом 1547 г.— РК, стр. 111).

пиков 1-й статьи (кн. Ю. И. и И. И. Пронские, Н. Р. Юрьев, И. П. Яковля), семь тысячников 2-й статьи (кн. М. П. Репнин, Ф. И. Салтыков, кн. П. И. Татев, И. М. Юрьев, М. В., С. В. и В. П. Яковли) и 13 тысячников 3-й статьи [61]. Для служебно-социального статуса наших стольников весьма показательна их последующая карьера. Девять человек до 1560 г. получили думные чины, т. е. более четверти (а фактически более трети [62]) стольников вошло в правящую верхушку государства. Те же, кто не удостоился «синклитского» звания, служили с 50-х годов в «стратилатских» чинах (полковыми и городовыми воеводами [63]).

Иная ситуация со стряпчими. И среди них можно выделить аристократическую прослойку, но она невелика [64]. Подавляющая часть стряпчих — представители старомосковских родов, некогда (до середины XV в.) поставлявших членов думы, позднее оттесненных на вторые — третьи позиции в составе двора (Квашнины, Меликовы-Старого, Хвостовы-Отяевы, Образцовы, Старковы), а также выходцы из тверских и рязанских боярских фамилий (Яхонтовы, Кобяковы). Если все стольники — молодые люди, то многие стряпчие уже заканчивают свою карьеру, имея за плечами в отдельных случаях свыше тридцати лет службы [65]. Стряпчие нашего перечня до 1547 г. получали разнообразные назначения: военные (воеводские и приставами у служилых татар), посольские (И. Яхонтов был, к примеру, посланником в Казанском ханстве), административные (ряд наших стряпчих были писцами в 40-е годы) [66]. Аналогичен характер служб стряпчих и в ближайшие после составления документа годы: они исполняют обязанности городовых воевод и городничих, голов при наряде, писцов [67]. Иными словами, престижность их назначений ступенькой

---

[61] ТКиДТ, стр. 54, 56, 57, 58, 59, 60 и др.

[62] Не позднее начала 50-х годов умерли кн. И. И. Пронский, кн. Ф. И. Немого, И. Г. Колычев, Г. И. Салтыков, И. М. Юрьев, Ф. И. Чулков уже в нашем документе переведен из стольников в стряпчие. Иными словами, в думу попало к 1560 г. 9 из 23 стольников (это — кн. И. Ф. Мстиславский, В. М. Юрьев, кн. Ю. И. Пронский, кн. М. П. Репнин, Н. Р. Юрьев, С. В., М. В., И. П. и В. П. Яковли). К 1575 г. окольничим стал кн. П. И. Татев.

[63] Так, Ф. И. Салтыков уже в 1551 г. был воеводой на Туле (РК, стр. 133), кн. В. И. Прозоровский в 1554 г. был одним из „ смоленских воевод (там же, стр. 146) и т. д.

[64] К ней можно причислить кн. И. Т. Долгорукого, кн. И. И. Желай Лыкова-Оболенского, кн. Ф. Д. Приимкова Бахтеяра, кн. И. В. Мезецкого Власова, кн. Ю. И. и Г. И. Щетининых (из рода Ярославских князей), кн. Д. М. Дашкова, а также ряд представителей старомосковских боярских родов, стоявших достаточно высоко и в середине XVI в. (Жулебин, Чулковы, Упин-Слизнев).

[65] Кн. Ю. И. Щетинин еще в 1513 г. «стряпал у доспеху» при оружничем Н. И. Карпове, а позднее получал воеводские назначения (РК, стр. 51, 68, 100). Уже в 1539/40 г. был городовым воеводой кн. И. Т. Долгорукий (там же, стр. 100), а С. Отяев в 1528 г. был прикомандирован к татарскому отряду (там же, стр. 72). В семи случаях в Тысячной книге записаны сыновья стряпчих, а сами они не упоминаются ни в ней, ни в Дворовой тетради, т. е. умерли, имея уже взрослых сыновей (кн. Д. Дашков, Д. Мансуров, С. Отяев, А. Писемский, кн. Ф. Д. Приимков, С. Чертов, И. Яхонтов). Аналогичны случаи, когда в Дворовой тетради фигурируют только сыновья наших стряпчих (М. Стунишин и др.).

[66] О воеводских назначениях см. сн. 65; о И. Яхонтове — ПСРЛ, т. XIII, ч. 1, стр. 124, 127, 148; писцами в 40-е годы были, к примеру, П. Квашнин и С. Отяев (*С. Б. Веселовский.* Исследования по истории опричнины, стр. 395; АГР, т. I, стр. 242).

[67] Городовыми воеводами были, например, кн. И. А. Селеховский, И. Ф. Упин (см. о них выше), кн. И. В. Мещерский-Киясов (на Дедилове в 1557 г., РК, стр. 165) и А. П. Сатин (в Мценске в 1560 г., РК, стр. 186—188); городчиками-городничими служили Ф. В. Старков (в Смоленске в 1549—1550 гг., РК, стр. 125) и Я. М. Старого (в Свияжске в 1554 г., РК, стр. 145). Последний в Казанском походе 1549—1550 гг. был головой «у наряда» (РК, стр. 121). Ф. В. Старков в 1551 г. описывал

ниже служб стольников, а отдельные совпадения (и стольники, и стряпчие в 50-е годы бывали городовыми воеводами) надо объяснять своеобразной «выслугой» и относительной знатностью некоторых стряпчих. Сравнивая наших стряпчих с Тысячной книгой, обнаруживаем только одного тысячника 1-й статьи (знаменитого А. Ф. Адашева), одного тысячника 2-й статьи (кн. И. Т. Долгорукого) и девять тысячников 3-й статьи, т. е. тысячники составляли чуть более четверти всех живших к 1550 г. стряпчих [68]. Думные чины из стряпчих получили только двое: все тот же А. Ф. Адашев и И. И. Чулков (окольничий с 1565 г.) [69]. Таким образом, можно констатировать существенное отличие между стольниками и стряпчими нашего документа.

Сопоставив полученные результаты с принципами выделения этих группировок в конце XVI в., можно сделать следующие выводы [70]. Практически полностью совпадают факторы, определяющие включение того или иного лица в состав стольников (аристократическое происхождение, возраст), особенности их служб и последующей карьеры. Весьма близки характер и размер сословной дистанции, отделяющей стряпчих от стольников (определялась происхождением, выражалась в престижности назначений, возможности получения думных чинов и пр.). Между стряпчими двух периодов можно наблюдать как сходство, так и различия. Совпадает в основном генеалогический их состав (в конце XVI в. среди них, как правило, не бывало представителей аристократических фамилий) и в известной мере тип служб (дворцовой; военных назначений стряпчие в конце века обычно не получали). Значительно разнятся возрастной ценз и количество стряпчих (к концу века в стряпчих служили по преимуществу молодые люди, а их число не превышало двух-трех десятков). Если бы наших стряпчих распределить по чиновным рубрикам боярских списков конца XVI в., то они попали бы (помимо собственного раздела) в состав московских дворян и выбора из городов. Аналогичные выводы можно сделать и при подобном анализе состава лиц, записанных в перечне князей и детей боярских (см. Приложение 3).

Сравнение наших списков с Тысячной книгой и Дворовой тетрадью, а также более поздними документами позволяет вскрыть особенности структуры двора в середине XVI в. Если считать важнейшей характеристикой ее эволюции постепенный переход от территориального по преимуществу членения двора к принципам сословно-чиновного его строения, то указанная специфика заключается в следующем. К середине XVI в. сложились главные принципы выделения и основные признаки сословного статуса таких групп, как стольники, стряпчие и (видимо, не позднее 50-х годов) дворяне. Это, однако, не означало еще полного разрыва с прежней, территориальной структурой двора. Запись всех живших стольников и стряпчих в соответствующие территориальные рубрики Дворовой тетради свидетельствует в известной мере о двойственном их положении. Но решительный шаг в перестройке принципов оформления двора был уже сделан.

дворцовые села в Московском у. (*С. Б. Веселовский.* Исследования по истории класса, стр. 411).

[68] Исключаем из подсчетов А. Кобякова, трех, переведенных в стольники (кн. Ф. В. Сисеева, В. П. Яковлю и С. С. Морозова) и девять лиц, указанных в сн. 65, явно умерших к 1550 г. (за исключением кн. И. Т. Долгорукого), т. е. на 41 стряпчего приходится 11 тысячников.

[69] *А. А. Зимин.* Состав Боярской думы, стр. 73, пр. 384.

[70] Характеристику стольников и стряпчих в конце XVI в. даем на основании результатов упомянутого выше исследования А. Л. Станиславского.

Документы публикуются в соответствии с правилами издания, принятыми для источников XVI—XVII вв. Восстанавливаемый по смыслу текст заключен в квадратные скобки, все пометы вносятся в строку и отделяются от лиц, к которым они относятся, знаком тире.

ПРИЛОЖЕНИЯ

№ 1

[*Осень 1546 г.*] — *Отрывок подлинника «боярского списка».*

л. 13 Стольники

[Кня]зь [Ива]н княж Федоров сын Мстиславского; [Василей][1] да Иван Михайловы дети Юрьева[1]; Долмат[2] да[2] Микита Романов дети[3] Юрьева; князь[4] Онтон да Иван княж Михайловы дети Ромодановского[4]; князь Федор княж Иванов сын Немово; князь Василей да князь Олександро княж Ивановы дети Прозоровского; князь Михайло да[5] князь Никита[5] княж Федоровы дети[6] Прозоровского; Михайло да Семен Васильевы дети Яковля; Федор[7] Олексеев сын Чюлков; Иван Колычев[7]; Глеб Иванов сын Салтыков; Федор[8] Иванов сын Чюлков[8]; Иван Петров сын Яковля; брат[9] его Василей[9]; князь Петр да князь Ондрей да князь Федор княж Ивановы дети Татева;
л. 14 князь ‖ Федор княж Микитин сын Щепин Оболенского; Олексей Иванов сын Скрябин; князь Михайло княж Петров сын Репнина; Степан[10] Морозов; Федор Игнатьев сын Салтыков; князь Федор Сисеев; Гришка Плещеев; князь Юрьи Шемякин; брат его князь Иван[10].

Стряпчие

Василей Петров сын Яковля; Степан Семенов сын Морозов; князь Федор княж Иванов сын Сисеев[11]; Иван Иванов сын Чюлков; Борис Иванов сын Жюлебин; Олексей Постников сын Сатин; Иван Яковлев сын Мансуров; Олексей Федоров сын Одашев; Фе-
л. 15 дор[12] Иванов сын Чюлков[12]; ‖ князь Иван Желай[13]; князь Федор Бахтеяр Приимков; князь Дмитрей Дашков; князь Иван Рыжко Долгорукой; князь Юрьи да князь Григорей Щетинины; князь Иван Власов Мезецкой; Василей да Данило Фомины; Федор[14] Старков[14] — болен; князь[15] Иван да Володя Киясовы[15]; Жокула да Василей — на Соли на Малой — Наумовы; Иван да Арман Наумовы; Василей Иванов[16] Усов Наумов; Олексей[17] Кобяков[17] — умре; Иван[18] Полев[18] — болен; Дмитрей Поливанов; Василей Меликов; Овчина[19] да Давыд Мансуровы[19]; Гаврило Спасителев; Семен Тушин; Семен Чертов; князь[20] Иван Селеховской[20] — в Василегород; Иван Упин — в Смол[енск] на год; Федор Челищов; Роман Образцов; Степан[21] Отя-
л. 16 ев[21] — болен; Офонасей[22] Сатин[22]; Другой Тихме‖нев[23]; Игнатей да Григорей Яхонтовы; Поярок Квашнин; Ондрей Писемской; Олексей[24] Меликов[24]; Полуехт Поливанов; Яков[25] Михайлов сын Старого[25]; Михайло Ступишин; Петр Ступишин; Третьяк Семенов сын Старово; Третьяк да Василей Митрофановы.

ЦГАДА, ф. 135, отд. IV, рубр. II, № 5, лл. 13—16.

№ 2

[*Осень 1547 г.*] — *Отрывок подлинника «боярского списка».*

л. 11 Бояре

Князь Дмитрей Феодорович Белской — х Казани; князь Иван Михайлович Шуйской — х Казани; князь Юрьи Михайлович Булгаков — на Новегороде; Иван Григорьевич Морозов; князь Федор Иванович Шуйской; Иван Петрович Федорова — х Казани; князь Юрьи Иванович Темкин — на Пскове; князь Ондрей Дмитреевич Ростовской — в Володимере; князь Михайло Васильевич Глинской; князь Михайло Иванович Кубенской; князь Дмитрей Федорович Палецкой; князь Данило Дмитреевич Пронской — х Казани; князь Иван Иванович Пронской — х Казани; Иван Иванович Хабаров — в Смол[енск]; князь Василей Михайлович Щенятев; Григорей Юрьевич; Василей Дмитреевич Шеин — у наряду; князь Иван Ондреевич Ростовской Катырь — болен.

Великие княгини боярин

Василей Юрьевич Малого. ‖

л. 12 Окольничие

Данило[26] Романович Юрьев[26]; Иван Дмитреевич Шеин; Григорей Васильевич Морозов; Иван Иванович Кулычев[27] — х Казани; Федор Михайлович Нагово.

Дворецкие

Тверской — Василий Михайлович Юрьева.
Дмитровской — Долмат Федорович Карпова.
Рязанской — Василий Михайлович Тучков.

Казначеи

Иван Иванович Третьяков; Федор Иванович Сукин.

ЦГАДА, ф. 135, отд. IV, рубр. II, № 5, лл. 11 — 12.

№ 3

[Осень 1547 г.] — Выпись из «боярского списка».

8 Князи и дети боярские, быти им у князя Юрья Васильевича в поезду

Князи Суздальские

Князь Петр княже Иванов сын Шуйского; князь Василий княже Иванов сын Горбатого.

Из[28] Торусы

Князь Иван Васильевич Пронской[28].

Князи Оболенские

Князь[29] Костянтин княже Иванов сын Шкурлятев[29] — отпущен[30] на жалованье[30]; князь Юрьи да[31] князь Федор[31] — у кораваев[32] — княж Ивановы дети Кашина; князь Иван княже Александров сын Кашин; князь Василей княж Семенов сын Серебряного; князь Дмитрей да[33] князь Федор[33] — с чаркою[32] — княже Ивановы дети Немого; князь Самсон княже Иванов сын Туренин — болен[32]; князь[34] Петр княж Семенов сын Серебряного[34]; князь Иван княже Тимофеев сын Тростенского.

Князи Ярославские

Князь[35] Василей княже Иванов сын Пенков[35] — болен[32]; князь Ондрей княже Ми-
9 хайлов сын Курбского; князь Юрьи княж Ива‖нов сын Деев; князь Иван княже Михайлов сын Троекуров; сын[36] его князь Федор[36].

Москва

Василей да[37] Петр[37] — в Муром[32] — да Михайло Петровы дети Головина; Иван Юрьев сын Грязного; князь Ондрей княже Иванов сын Стародубского; князь Иван княже Михайлов сын Козлоков Ромодановского; Михайло Михайлов сын Старого; Услюм Иванов сын Данилова; Иван[38] Григорьев сын Колычев[38] — болен[32].

Тферь

Василей Петров сын Борисова; сын его Михайло.

Волок

Князь Василей княже Федоров сын Рыбин Пронского; Игнатей Тимофеев сын Хлуденев; Иван[39] Федоров сын Карамышев[39].

Вязьма

Худяк Игнатьев Салтыков.

Торжек ‖

10 Михайло[40] Иванов сын Колычев[40] — болен[32]; Ондрей да Иван Игнатьевы дети Яхонтова.

Бежитцкой Верхь

Ондрей[41] Иванов сын Очин Плещеева[41].

Переславль

Дмитрей Ондреев сын Чеботова; Дмитрей Михайлов сын Плещеева; князь Иван княже Ондреев сын Булгакова; Иван[42] Ташлыков сын Слизнева[42] — бо[ле]н[32]; Григорей Иванов сын Нагово; Ондрей[43] Иванов сын Микулина-Ярого[43]; Василей Костянтинов сын Замытцкого.

Коломна

Семен Васильев сын Яковля — у зголовья[32]; Василей[44] Федоров сын Наумова[44]— на Соли[32]; Иван[45] Григорьев сын Собакин[45]; Семен да[46] Микита[46] да Иван Меншой Васильевы[47] дети Шереметева.

Рязань

Иван да Федор Булгаковы дети Денисьева; Михайло Васильев сын Верхдеревского.

Кашин

Иван Петров сын Заболоцкого; Федор[48] Ондреев сын Карпова[48].

ЦГАДА, ф. 135, отд. IV, рубр. II, № 8, лл. 8 — 10.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1–1] *В ркп. зачеркнуто; имя* Василей *также было вычеркнуто: это подтверждается тем, что, во-первых, линия зачеркивания продолжается за слово* да, *во-вторых, вычеркнуты отчество и фамилия, что было бы невозможным в противоположном случае.* [2–2] *В ркп. зачеркнуто.* [3] *В ркп. зачеркнуто.* [4–4] *В ркп. зачеркнуто.* [5–5] *Слова* да князь *приписаны в конце строки вторым писцом документа; им же приписано* Никита *над началом следующей строки.* [6] *Приписано над строкой вторым писцом документа.* [7–7] *Приписано над строкой вторым писцом документа.* [8–8] *В ркп. зачеркнуто.* [9–9] *Приписано над строкой вторым писцом документа.* [10–10] *Приписано позднее:* Степан — *первым писцом, все остальные — вторым писцом документа.* [11] *Так в ркп.; следует* князь Федор Васильев сын Сисеев. [12–12] *Приписано вторым писцом документа в конце строки.* [13] *Это кн. И. И. Желай-Лыков.* [14–14] *В ркп. зачеркнуто.* [15–15] *В ркп. зачеркнуто; это князья И. В. и В. В. Киясовы-Мещерские.* [16] *В ркп. зачеркнуто.* [17–17] *В ркп. зачеркнуто.* [18–18] *В ркп. зачеркнуто.* [19–19] *В ркп. зачеркнуто.* [20–20] *В ркп. зачеркнуто.* [21–21] *В ркп. зачеркнуто.* [22–22] *В ркп. зачеркнуто; после зачеркивания над именем поставлен знак +.* [23] *В ркп.* Тихмененев. [24–24] *В ркп. зачеркнуто.* [25–25] *В ркп. зачеркнуто.* [26–26] *Написано в ркп. на отдельной строке.* [27] *Так в ркп.* [28–28] *Приписано вторым писцом документа.* [29–29] *В ркп. зачеркнуто.* [30–30] *Приписано над строкой вторым писцом документа.* [31–31] *В ркп. зачеркнуто.* [32, 32, 32, 32, 32, 32, 32, 32, 32, 32] *Пометы приписаны над строкой третьим писцом документа.* [33–33] *В ркп. зачеркнуто.* [34–34] *В ркп. зачеркнуто.* [35–35] *В ркп. зачеркнуто; так в ркп.; следует* князь Иван Васильев сын Пенков. [36–36] *В ркп. приписано первым писцом документа.* [37–37] *В ркп. зачеркнуто.* [38–38] *В ркп. зачеркнуто.* [39–39] *В ркп. зачеркнуто.* [40–40] *В ркп. зачеркнуто.* [41–41] *В ркп. зачеркнуто.* [42–42] *В ркп. зачеркнуто.* [43–43] *В ркп. зачеркнуто.* [44–44] *В ркп. зачеркнуто.* [45–45] *В ркп. зачеркнуто.* [46–46] *В ркп. зачеркнуто.* [47] *Исправлено из неверного* Ивановы *первым писцом.* [48–48] *В ркп. зачеркнуто.*

В. И. Буганов

К ИЗУЧЕНИЮ СОСТАВА «ГОСУДАРЕВА ДВОРА» XVI В.

Среди источников, содержащих сведения о классе феодалов в России XVI в., одно из первых мест по праву занимают разрядные книги. Помимо того, что, как и все другие источники, они отражают интересы господствующего класса в целом, разрядные книги — источник узко и строго сословный. Речь в них идет не о всех русских помещиках и вотчинниках, а преимущественно о представителях «Государева двора», т. е. высших «чинов» дворянства — думного чина (бояре, окольничие, думные дворяне, думные дьяки), московского чина (стольники, стряпчие и др.) и так называемого выбора, т. е. выборных людей из провинциальных дворян и детей боярских. Основная масса провинциальных дворян оставалась вне разрядов, не упоминалась в них по фамилиям (иногда приводятся лишь обобщенные данные о количестве дворян — серпуховичей, коломничей и т. д.— с тем или иным воеводой или головой).

Разрядные книги, будучи официальным источником, в котором записывались сведения о службах феодалов на гражданском и военном поприщах, прошли сложный путь в своем развитии. Первые записи разрядного характера носили отрывочный характер, велись в последней четверти XV и первой четверти XVI в. нерегулярно, затем в основном ежегодно. Они сводились в «служебные книги» (или «большие книги», «книги в Разряде») по свежим следам событий. Так продолжалось в течение всего XVI в. Помимо этих разрядных книг текущих записей, или пространной редакции, составлялись более краткие редакции, имевшие значение официального справочника о службах верхушки класса феодалов и использовавшиеся в местнических целях. Первый такой «Государев разряд» был составлен в 1556 г. (с текстом за 1475—1556 гг.), затем — в 1584 и 1585 гг. после смерти Ивана Грозного, в 1598 г., в 1604 г. Сохранились также различной степени полноты выписки из обеих редакций, составлявшиеся нередко по частной инициативе [1].

Разрядные книги различных редакций — источник богатый и разносторонний. Их значение усиливается тем, что за XVI в. до нас почти не дошло подлинных разрядных первоисточников. Разрядные же книги, являясь их кратким сводом, во многом восполняют эту потерю. Кроме того, в ряде случаев они сохранили полные тексты документов или их пересказы, изложения, более или менее подробные.

Разрядные книги, перечисляя по фамилиям служилых феодалов, уделяя им первостепенное внимание, дают возможность судить не только об их карьере, продвижении по чиновной лестнице, но и о важнейших сторонах жизни страны — государственном управлении, внутренней и внеш-

[1] *В. И. Буганов.* Разрядные книги последней четверти XV — начала XVII в. М., 1962. Тексты: «Древнейшая разрядная книга официальной редакции». М., 1901 (далее — ДРК); ДРВ, ч. XIII—XIV, изд. 2. М., 1790; «Разрядная книга 1475—1598 гг.» М., 1966 (далее — РК); «Разрядные книги 1598—1638 гг.». М., 1974; «Синбирский сборник». М., 1844; «Разрядная книга 1559—1605 гг.» М., 1974.

ней политике, составе, организации и комплектовании русской армии, войнах и военном искусстве, местничестве и др. Не имея возможности рассмотреть весь этот довольно широкий круг вопросов, остановлюсь на одном из них.

Важнейшее место занимают в разрядных книгах данные о службах представителей феодальной верхушки. Разрядные книги имеют в этом плане, без преувеличения, первостепенное значение как источник. Нигде больше мы не найдем столь полные данные — перечни упомянутых деятелей, служивших воеводами и головами в полках и городских гарнизонах, участвовавших в военных походах. Весьма показательны в этом отношении разрядные росписи походов с участием великого князя Василия III, его отца и внука, царя Бориса Годунова. В них помещены списки представителей придворной верхушки, сопровождавших своих правителей. Они дают представление о группах, категориях феодалов, составлявших привилегированный слой правящих лиц при великом князе и царе или состоявших при нем для различных услуг, об эволюции структуры «Государева двора», а также развитии самого источника на протяжении XVI в. (объем записей, подробность списков служивших лиц и др.).

*

За XVI в. в разрядных книгах сохранилось более двух десятков описаний великокняжеских и царских походов. Возьмем в качестве примера по одному подобному разряду за правления Василия III, Ивана IV, Федора Ивановича и Бориса Федоровича Годунова.

Поход Василия III на Смоленск в 1512 г. нашел отражение в соответствующих росписях разрядных книг. В них, как и в других случаях, помимо росписи собственно «государева полка», т. е. лиц, сопровождавших правителя, помещаются росписи полковых воевод, направлявшихся в разные «посылки».

По данным «государевых разрядов», Василий III 19 декабря 1512 г. вышел из Москвы вместе с братом Дмитрием и зятем Петром-царевичем. Далее перечисляются бояре (кн. Д. В. Щеня, кн. А. В. Ростовский, Григорий Федорович); окольничие К. Г. Заболоцкий, А. В. Сабуров, Петр Яковлевич; дворецкий Василий Андреевич; оружничий А. М. Салтыков; с казною (казначей) П. И. Головин; постельники Я. Мансуров, Ф. Кучецкий; ловчие М. И. Нагой, М. В. Дятлов; бараши А. и Б. Хомяковы. Далее этот перечень не очень удачно прерывается сообщением о брате великого князя Юрии, князе Федоре Борисовиче «с своими людми», царевиче Шиховлиаре «з городецкими татары», которые (как и бояре Воротынский и Житов) «пришли к великому князю в Можаеск» [2]. Этот текст должен по смыслу стоять в начале записи 19 декабря — там, где говорится о другом брате Василия III Дмитрии. Именно так сделано в пространной редакции, в которой Юрий поставлен перед Дмитрием [3]; в остальном она сходна с «государевыми разрядами», кое в чем их дополняет; например, о кн. Федоре Борисовиче говорится: «Волоцкой»; к словам о походе «в Литовскую землю» добавлено: «к городу Смоленску ратью». Но в то же время в пространной отсутствует указание на городецких татар, которые были вместе с царевичем Шиховлиаром.

Далее сходны списки дьяков, входивших в состав свиты великого князя во время похода. То же можно сказать и о полковой росписи воевод,

---

[2] ДРК, стр. 49; РК, стр. 48—49.
[3] ГИМ, Щукинское собр., № 496, л. 75; ГПБ, Эрмитажное собр., № 390, л. 50 об.

шедших с войском из Можайска к Смоленску вместе с великим князем. Но, помимо обычных дополнений пространной редакции к «государевым разрядам» (в фамилиях, прозвищах воевод), в ней дворовые воеводы, т. е. командиры государева полка, более правильно написаны перед полковыми воеводами, тогда как в «государевых разрядах» наблюдается обратный порядок. Этими воеводами были уже упомянутые дворецкий Василий Андреевич (только в пространной приводится его фамилия — Челяднин) и оружничий А. М. Салтыков [4].

Как видим, пространная редакция содержит, как правило, более подробные записи о походах на Смоленск; текст же «государевых разрядов» — результат более поздних обработок и сокращений. Все они дают представление о том круге приближенных к великому князю лиц (бояре, окольничие и другие чины, кончая дьяками), которые входили в состав «Государева двора», а во время походов с участием великого князя в государев полк.

Более подробен разряд похода Ивана IV на Казань в 1549 г. Приговор о нем датирован июлем. Вышел же царь из Москвы 24 ноября вместе с братьями Юрием Васильевичем и Владимиром Андреевичем. Описав некоторые назначения и мероприятия на пути во Владимир и из него в Нижний Новгород, «государевы разряды» приводят список лиц, сопровождавших царя из Нижнего в Казань. Он значительно подробнее росписи 1512 г. Помимо царя Шах-Али (Шигалея) и астраханского царевича Едигера, роспись 1549 г. включает имена девяти бояр (в том числе конюшего И. П. Федорова и дворецкого Д. Р. Юрьева), двух окольничих, одного оружничего, двух дворовых воевод (из числа указанных выше бояр), рязанского дворецкого, дмитровского дворецкого, казначея, постельничего, печатника, трех дьяков, шести рынд и девяти поддатней у них, двух ясельничих, 12 «у коня детей боярских», приставов и голов с нерусскими царем и царевичами; последним называется кн. И. В. Боровитинов-Мещерский, который был приставлен к цареву знамени [5].

В пространной редакции, помимо этих данных, подчас более подробных, приводится список бояр, окольничих, дворовых воевод и некоторых других лиц, которые с царем «шли с Москвы в Володимер»; он несколько отличается от росписи, приуроченной ко времени похода царя из Нижнего Новгорода в Казань. По отношению к дворовым воеводам прямо сказано, что они служили «в государеве цареве и великого князя полку..., идучи х Козани, и под Казанью были, и ведоли детей боярских, и смотрили их, и сторожи ставили» [6].

Кроме того, в пространной приводятся (отсутствующие в «государевых разрядах») подробные росписи воевод по полкам, у наряда, «за туры» во время похода к Казани и ее осады. После слов «А царь и великий князь стоял на Цареве лугу у Кобана озера» следует новая, еще более подробная роспись членов «Государева двора», бывших с царем. Это — пять бояр «за розрядом» (т. е. тех, которые не получили разрядного назначения непосредственно в полки, и т. д.), шесть окольничих, казначей, оружничий, постельничий, печатник, двое дворовых воевод, четыре рынды («были у царя и великого князя пот Казанью»), 26 есаулов, 8 стольников («были в есоулех»). Далее составитель разряда царского

---

[4] ГИМ, Щукинское собр., № 496, лл. 75—76; ГПБ, Эрмитажное собр., № 390, л. 51—51 об.; ДРК, стр. 49—50; РК, стр. 49.

[5] ДРК, стр. 137—139; РК, стр. 121—123.

[6] ГИМ, Щукинское собр., № 496, лл. 245—247; ГПБ, Эрмитажное собр., № 390, лл. 173 об.—175 об.

похода возвращается к более раннему времени: «А се, которые с царем и великим князем с Москвы ехоли в Володимер» — и приводит перечень трех ярославских князей и дворян и детей боярских по «городам», т. е. «выборных» дворян из уездов (например: «Москва: Семен Иванов сын Морозов» и т. д., всего 7 человек; по Дмитрову — 1, Переславлю — 5, по одному — от Юрьева, Костромы, Рузы, Можайска, Бежецкого Верха; от Вязьмы — 3, Рузы — 2) [7].

Дальнейшее увеличение объема записей можно наблюдать на примере похода царя Федора Ивановича против шведов в 1590 г. Различные редакции по-разному располагают известия о нем. В пространной сообщается о выходе Федора из Москвы 14 декабря 1589 г. в Великий Новгород. Говорится об оставлении в Москве боярина С. В. Годунова и дьяка Е. Вылузгина, о местах остановки царя на первом и втором станах («а всех было станов государю от Москвы до Новагорода 20 станов»). Далее помещен список членов «Государева двора» — четырех бояр, которые «з государем с Москвы в поход пошли..., опричь тех, которые были в полкех в воеводах»; двух окольничих, двух кравчих, двух казначеев, четырех думных дворян, постельничего, ясельничего, двух думных дьяков (А. и В. Щелкаловы), 10 других дьяков (отдельно называются дворцовые, конюшенный, стрелецкий, пушечные); «в окольничих место перед государем ездили»— кн. М. Ф. Кашин и ловчий Д. А. Замыцкий [8].

Затем пространная редакция говорит о приходе 4 января царя Федора в Новгород, назначениях воевод и голов в посылки, в полки, о местнических спорах между ними, служебных перемещениях, взятии Ямгорода, Копорья, Ивангорода [9].

Приводятся росписи шести рынд царя Федора во время похода в «немецкую землю» из Новгорода, воевод у царского знамени, 45 голов государева полка («а в есоулех они ж были»); четырех бояр и дворян, оставленных в Новгороде с царицей Ириной [10].

Особое место занимают запись распоряжения от 18 февраля («а у наказу рука дьяка Ондрея Щелкалова») со списком воевод и голов во время штурма ивангородской крепости («у пролому»; сообщаются цифровые данные); список воевод, оставленных в захваченных городах, во Пскове [11]. Имеется список дворян государева полка для посылок во время похода к Ругодиву (Нарве) и под Ругодивом [12] и др.

В сокращенной редакции 1605 г. из всех известий, относящихся к этому походу, имеются только две полковые росписи, некоторые записи о служебных назначениях и местнических спорах, список воевод и голов у ивангородского «пролому» от 18 февраля (с теми же цифровыми показателями и отметкой о подписи А. Щелкалова). Взято все это из пространной редакции [13].

В отличие от редакции 1605 г. сокращенная редакция 1636 г. (тоже зависимая от пространной) помещает, помимо полковых росписей, список лиц, входивших в государев полк. Правда, список этот несколько отличается от того, который приводится в пространной. В последней упоминаются только те, которые шли с царем из Москвы, и не включены лица,

---

[7] ГИМ, Щукинское собр., № 496, лл. 247 об.—250 об.; ГПБ, Эрмитажное собр., № 390, лл. 176—178.
[8] ГПБ, Эрмитажное собр., № 390, л. 736—736 об.
[9] Там же, лл. 736 об.— 739 об.
[10] Там же, лл. 739 об.— 740 об.
[11] Там же, лл. 741—742.
[12] Там же, л. 742.
[13] «Разрядная книга 1559—1605 гг.». М., 1974, стр. 256—260.

которые получили назначения в полки. В редакции 1636 г. говорится о боярах «в походе» с царем без оговорки «опричь тех...» и т. д., как в пространной; в ней называются фамилии не четырех, а 8 (в некоторых, списках — 9) бояр, т. е. вдвое больше. Но в дальнейшем записи менее подробны — не названы фамилии окольничих, одного из кравчих, отсутствуют казначеи, думные дворяне, ясельничий, дьяки; но есть стряпчий с ключом. Менее подробны другие записи [14].

В известной степени записи сокращенной редакции 1636 г. перекликаются с записями «Государева разряда» 1598 г., но они намного короче их. Можно сказать, что данные последнего отличаются при описании событий 1590 г. наибольшей подробностью. Это объясняется тем, что составители «Государева разряда» использовали, помимо текста пространной редакции (причем, возможно, оригинал, который не сохранился; известные ее списки, даже наиболее подробные, могут иметь пропуски и т. д.), различные дополнительные документы. Кроме того, текст этого «Государева разряда» составлялся в конце правления Федора и начале царствования Бориса, и это наложило на него отпечаток — в нем сильно выпячено участие Бориса Годунова в событиях 1590 г. Помимо росписей государева и других полков, записей о перемещениях воевод и их местнических спорах, в этой официозной редакции подробно описана осада Нарвы, ход переговоров со шведами, в которых активную роль играл Б. Ф. Годунов [15]. События похода описываются в этой редакции детально, день за днем.

В росписи государева полка сообщается ряд дополнительных данных — о посылке 1 октября в Великий Новгород окольничего кн. П. С. Лобанова и думного дворянина Р. М. Пивова, для того чтобы «поделати свой государев двор» и «роздати» дворы боярам, окольничим, дворянам, стольникам, стряпчим, жильцам, детям боярским и всем ратным людям. 3 декабря царь «отпустил перед собою в околничих» кн. М. Ф. Кашина и ловчего Д. А. Замыцкого [16].

В «Государеве разряде» не говорится о лицах, оставленных для управления в Москве, о царских станах (см. выше о пространной редакции), но сообщается, что вместе с царем 14 декабря направились в поход три царевича. Список бояр включает 10 человек. Далее идут один (а не два) окольничий, один (а не два) кравчий, два казначея и т. д. Отсутствуют думные дворяне. Дьяки здесь не разделяются по «специальностям» (разрядные и др.), но их вдвое больше (24 вместо 12 пространной редакции).

После сообщения о приходе 4 января царя в Новгород в связи с новым его распоряжением повторяется роспись государева полка. Снова перечислены бояре и т. д. вплоть до ловчего (дьяков на этот раз нет); с одной стороны, в этом списке появляются фамилии деятелей, не упоминавшихся в предыдущей росписи той же редакции, но включенных в пространную (например, запись о казначеях, думных дворянах и др.), с другой — имеются фамилии бояр и думных дворян, которые отсутствуют в пространной. Списки рынд и голов в «Государеве разряде» более подробны (приводятся фамилии 17 подрынд, 27 дворян «в ясаулех», 38 голов, которым «ставити сторожи», и других, которых нет в пространной) [17].

Столь же, если не более, детальна роспись государева похода Бориса Годунова в Серпухов (1598 г.) в связи с ожидавшимся нашествием с

---

[14] ГПБ, F. IV. 166, лл. 216—218.
[15] РК, стр. 412—428; см. также: *В. И. Буганов.* Разрядные книги последней четверти XV — начала XVII в., стр. 205—206.
[16] РК, стр. 412—413.
[17] Там же, стр. 413—417.

юга крымцев Казы-Гирея. Обе основные редакции — пространная, с одной стороны, и «государевы разряды» 1598 и 1604 гг., с другой,— содержат подробные данные о событиях, связанных с царским походом, в том числе росписи государева полка.

В пространной после сообщений о предварительных распоряжениях царя (посылке людей в Серпухов для подготовки жилья и др.) и его выходе из Москвы в Серпухов «на берег» 7 мая перечисляются пять царевичей с их приставами, двое волошских воеводичей с сыновьями, 8 бояр, двое дворовых воевод, оружничий, печатник, трое думных дворян, постельничий, стряпчий с ключом, сокольничий, двое ловчих (в том числе тверской), ясельничий, 10 дьяков (опять присутствуют указания на место службы). Указывается также (без перечисления фамилий), что стольников с царем было 44 человека, стряпчих — 23, приказных дьяков — 11, жильцов — 274, один бараш (конечно, в подлинной росписи похода они назывались по фамилиям; в разрядную же книгу из нее включались далеко не все данные).

Затем подробно перечислены лица, оставленные в Москве с царицами Александрой Федоровной (вдовой царя Федора и сестрой Годунова), Марией Григорьевной и царевичем Федором Борисовичем (бояре и пр., начальники в приказах, воеводы и головы, охранявшие отдельные части города — Кремль, Китай и т. д.).

Далее следуют списки рынд и поддатней с ними, береговых полковых воевод, голов государева полка, есаулов (в том числе стольников, дворян); воевод и голов у знамени; голов из дворян, ставивших сторожи; воевод и голов у наряда, обоза.

Описание передвижения Годунова из Москвы в Серпухов содержит упоминания о некоторых остановках на станах, списки лиц во время «столов». Распоряжение царя от 18 мая (он был уже в Серпухове) об усилении охраны засек сопровождается перечислением посланных к ним воевод. По вестям о выходе сил Казы-Гирея из Крыма и их продвижении к «государевым украинам» Борис Федорович распорядился, чтобы все полковые и городовые воеводы «стояли наготове» и писали о «вестях». Приводятся известия о присылке таких вестей.

Наконец, при получении сообщения о посылке крымским ханом посланников к новому русскому царю последний, по известиям пространной редакции, принял меры, чтобы организовать им внушительную встречу, продемонстрировать грозные военные силы, собранные в районе Серпухова по реке Оке. После описания приема (опять приводятся фамилии тех, кто присутствовал во время «стола») сообщается о возвращении царя Бориса в Москву (вышел из Серпухова 30 июля) [18].

Гораздо менее подробны записи о походе 1598 г. в сокращенных редакциях 1605 г. (списки рынд и поддатней, голов в стане у огней; две береговые росписи; список лиц, оставленных в Москве) [19] и 1636 г. (списки бояр и т. д. до дьяков; рынд; лиц, присутствующих во время «столов» на станах по пути в Серпухов; лиц, оставленных в Москве, и др.) [20]. Они сходны с записями пространной, но короче их; многое отсутствует.

В «государевых разрядах» после записи о посылке Годуновым в Серпухов «наперед своего государскова походу» (о пяти царевичах и двух волошских воеводах не упоминается) перечисляются 9 бояр — па одного

---

[18] ГПБ, Эрмитажное собр., № 390, лл. 877 об.— 890.
[19] «Разрядная книга 1559—1605 гг.», стр. 311—316.
[20] ГПБ, F. IV. 166, лл. 249 об.— 251 об. и сл.

больше, чем в пространной (кн. И. Шуйский в ней отсутствует). Есть и еще одна разница в этом списке, довольно любопытная: если в пространной бояре С. В. и И. В. Годуновы, родственники царя Бориса, поставлены в конце, т. е. на 7-м и 8-м местах, то в «государевых разрядах» они помещены соответственно на 4-е и 5-е места — после очень знатных бояр князей Ф. И. Мстиславского, В. И. и Д. И. Шуйских, но перед боярами князьями Т. Р. Трубецким, И. И. Голицыным, А. и И. Шуйскими, которым они тоже были явно не «в версту», а тем более не могли быть выше их. Это незаконное перемещение двух Годуновых сделано явно в угоду царю из этого рода, возможно — по его указанию.

В сравнении с пространной добавлена также фамилия окольничего С. Ф. Сабурова (тоже родственника Годунова), после фамилий двух думных дворян продолжено: «да в думе ж» кн. П. И. Буйносов-Ростовский, после ловчего Д. А. Замыцкого добавлен тверской ловчий П. Д. Усов. Из дьяков названы только три думных (а не 10, как в пространной).

Затем идут перечни рынд и поддатней, голов и есаулов, воевод и голов у знамени, у наряда, у обоза, записи о засеках [21].

21-м мая датирована новая роспись государева полка — опять перечислены дворовые воеводы (они на этот раз на первом месте), бояре (двое) и т. д. вплоть до трех думных дьяков. Перед списком рынд и т. д. снова написан заголовок: «Роспись государева царева и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии полку» (головы, есаулы и др.; характерно упоминание о воеводах из украинных городов: «а быти им в государеве... полку в головах») [22]. После ряда полковых и городовых росписей, уже в самом конце разряда за 7106 г., помещен список лиц, оставленных царем в Москве на время своего отсутствия [23].

Записи «государевых разрядов» и пространной редакции, имеющие разное построение, расположение, взаимно дополняют друг друга. Как правило, известия пространной стоят ближе к описываемым событиям. В «государевых разрядах» заметна более поздняя обработка, подчас в духе, угодном Б. Ф. Годунову и его роду.

Таким образом, на протяжении XVI в. значительно расширяется круг лиц, представителей «Государева двора», фамилии которых вносятся в разрядные росписи государева полка. Если в начале столетия они включают два—три десятка лиц (бояре, окольничие, дворецкие, оружничие, казначеи, постельничие, ловчие, бараши, дьяки), то впоследствии их количество значительно расширяется, доходя к концу века до многих десятков и даже до одной—полутора—двух сотен человек. Появляются не упоминавшиеся ранее чины, звания, должности; например, думные дворяне, думные дьяки, кравчие, печатники, рынды и подрынды (поддатни), ясельничие, головы, стольники и др. Эти данные свидетельствуют об усложнении состава, структуры «Государева двора», увеличении числа служивших в нем лиц, отражают процесс общего расширения и усложнения функций аппарата государственного управления. Разряды дают ясно понять особое положение, которое занимали представители «Государева двора» в общей системе государственного управления,— достаточно вспомнить в этой связи о включении украинных воевод, занимавших довольно высокое положение в местнической иерархии, в роспись государева полка в качестве голов.

---

[21] РК, стр. 521—527.
[22] Там же, стр. 527—530.
[23] Там же, стр. 542—547.

А. М. Сахаров

О ТЕРМИНЕ «ГОРОД» В ИСТОЧНИКАХ XVI В.

Термин «город» в летописных и других источниках русского средневековья имеет разное значение. Употребление этого термина отражало различные стороны общественной функции города в условиях средневекового общества.

Чаще всего понятие «город» употреблялось в его исторически древнейшем смысле, как военного укрепления. Примеры такого употребления понятия многочисленны, они бросаются в глаза в любом летописном тексте. Так, в 1509 г. «повелением великого князя Василиа Ивановича всеа Русии поставиша град древян на Туле. А после того на пятое лето поставишя град камен» [1]; в 1514 г. «граду Смоленску великие скорби и бои пушками и пищалми по многи дни сотвориша; град же имеа твердость, стремнинами гор и холмов высоких застворено и стенами великими укреплено» [2]; «июля в 31 день князи и бояря Смоленские град отвориша» [3]; в 1525 г. были посланы люди «делати Коломна град камен» [4]; в 1534 г. «срублен бысть град древян в Новегороде Великом на Софейской стороне» [5]; «того же лета... заложиша град землен, от каменного града възле Неглимну к живоначалной Троицы..., того же лета, мая 16... повелели град камен ставити подле земляной город» [6] в Москве; в 1535 г. велели «Ивану Буторлину на Литовской земле на озере на Себеже город поставити» [7]; «тое же осени... зделан град Почап землям на старом же месте... Того же месяца зделан град древян в Мещере на реце на Мокше... Того же месяца велел князь велики поставити во Ржевьском на Литовском рубежи град землян, нарек его Заволочье и дворы Ржевские велел перевести.— Того же месяца... поставлен городок в Костромском уезде Буй-городок на Кореге... Тое же весны преставлен град Темников на иное место, на реце на Мокше же.— Тое же весны зделан град Стародуб, на старом же месте, землян... Тоя же весны зделан град Устюг древян.— Того же лета, июля в 18, згорел город Ярославль от церкви святого Николы и поставлен бысть нов того же лета.— Того же лета почат град делати на Болахне землен, а зделан 45-го лета, октовриа во 8 день... И того же лета поставлен град на Проне» [8] и т. п.

Близко к значению «город-укрепление» употребление термина «город» в смысле территории внутри укрепления. Понятие «город» переносится, распространяется с самого укрепления на поселение внутри этого укрепления. При штурме Смоленска в 1514 г. «весь град в пламяни и ку-

[1] ПСРЛ, т. XIII. М., 1965, стр. 12.
[2] Там же, стр. 16.
[3] Там же, стр. 19.
[4] Там же, стр. 45.
[5] Там же, стр. 79.
[6] Там же, стр. 82—85.
[7] Там же, стр. 86.
[8] Там же, стр. 88—90.

рении дыма мняшеся воздыматися ему»[9]; в 1531 г. в Новгороде «решотки повеле ставити по всему граду и огневщики уставити»[10]; в 1533 г. в Москве «градцкым людем повеле животы возити в град»[11]; в том же году во Пскове «весь Средний град выгоре, где живут гости Московские»[12]; в 1525 г. в Москве «поставлена церковь... у Фроловских ворот в городе», от этого местоположения отличается поставленная тогда же «церковь камена же святых мученик Бориса и Глеба па Орбате за Неглинною»[13]; в 1547 г. «все дворы в граде погореша»[14].

В соответствии с этим в памятниках отличаются «город» и «посад». В 1519 г. во время наводнения на р. Сухоне у Великого Устюга «лед город стерл и посад по всему берегу обрыло»[15]; в 1534 г. литовские воеводы «пришли к Мстиславлю с нарядом, да посад изгонили, на посаде многих людей имали в полон, а иных секли, а посад сожгли, а город Мьстиславль отстоялся»[16]; тогда же литовцы пришли «к Смоленску, к посаду, да и посад были зажгли... и великого князя люди с Литовскими людми билися и посаду им жечь не дали и отбили их от города»[17]; в 1572 г. крымский хан «прииде преже на Тулу и посады пожег»[18]; в 1593 г. был заложен деревянный «град на Москве... около всего посаду и слобод»[19]; тогда же крымский хан «преже поиде к Туле и посады пожег, а граду не доспе ничто же. И поиде к Оке реке и перелезе под Серпуховым и тут посады же пожег»[20]. Чаще всего посад и город упоминаются при описании военных действий, но различаются они и в других случаях. Например, в 1519 г. из Москвы «за посады» провожали «святые иконы», после чего отслужили молебен у вновь построенной «за посады» же церкви «ея Стретения», «и възвратишася в град»[21].

Однако встречаем и такое употребление термина «город», когда он относится ко всему поселению, включая собственно город и посады. Об основании Новодевичьего монастыря говорится в летописи так: «поставиша нов монастырь девичь у града Москвы, за посадом, близ монастыря святого Савы»[22]. «Города» в смысле «укрепления вокруг посада» тогда еще не было, под «городом» понимается все поселение в целом. Вряд ли можно думать, что только о территории и поселении внутри укрепления речь идет в таких текстах: по случаю рождения наследника у Василия III «бысть же въ граде Москве радость»[23], в 1598 г. «в Новегороде в Великом полгорода, Торговая сторона вся выгоре»[24]. При описании торжественных по тогдашним понятиям случаев употреблялось выражение «славный град Москва» — например, при встрече иконы Владимирской богома-

---

[9] Там же, стр. 19.
[10] Там же, стр. 60.
[11] Там же, стр. 71.
[12] Там же, стр. 74.
[13] *С. О. Шмидт.* Продолжение Хронографа редакции 1512 г.— «Исторический архив», т. VII. М., 1951, стр. 283.
[14] ПСРЛ, т. XIII, стр. 153.
[15] «Устюжский летописный свод». Подг. к печати К. Н. Сербиной. М.— Л., 1950, стр. 108.
[16] «Пискаревский летописец». Подг. к печати О. А. Яковлевой.— В кн.: «Материалы по истории СССР», вып. 2. М., 1955, стр. 34.
[17] ПСРЛ, т. XIII, стр. 80—81.
[18] «Пискаревский летописец», стр. 80.
[19] Там же, стр. 92.
[20] Там же, стр. 93.
[21] «Иоасафовская летопись». Подг. к печати А. А. Зиминым и С. А. Левиной. М., 1957, стр. 181.
[22] ПСРЛ, т. XIII, стр. 45.
[23] Там же, стр. 48.
[24] *С. О. Шмидт.* Указ. соч., стр. 277.

тери [25], при сообщении о рождении князей [26] (вариант — «славный царствующий град Москва»), говорится также о раздаче «милостыни» «на весь град» [27]; «стречали со кресты устюжана всем городом у воздвижения Николу Великорецкого» [28] и т. п. В принадлежащей псковскому автору повести «Взятие Псковское» встречаем риторическое обращение: «О славнейший во градех великий Пскове, почто бо сетуеши, почто бо плачеши. И отвеща град Псков: како ми не сетовати, како ми не плакати». И там же — «А иные во граде постригахуся в черньцы... не хотяше в полон ити от своего града во иные грады» [29].

С термином «город» связано употребление понятия «горожане» и вообще упоминания о населении городов. Здесь мы довольно часто встречаемся с таким употреблением этого понятия, которое охватывает, очевидно, отнюдь не только население, живущее внутри города-укрепления. При взятии Смоленска в 1514 г. «владыка Смоленской Варсунофий и князи и бояря Смоленскиа, и мещаня и все гражане выслаша из града бити челом» [30]; при встрече иконы Владимирской богоматери вышли «народи славнаго града Москвы, многое множьство, князи и боляре и гости, старци со юнотами, матери, девици, и ипоки, и иноцыни, мужие и жены и младенци» [31]; «градцким людем повеле животы возити в град» (1533 г.) [32]; в 1541 г. Москва готовилась к обороне: «людие же градцкие с великим хотением пачаша прилежно делати» [33]; и в 1547 г. «черные люди града Москвы от великие скорби пожарные всколебашася яко юроди» [34]; в 1565 г. в Рязани «не сущу бо тогда служилым людем никому, кроме городских людей, ту живущих, и селян, которые успели во град прибежати» [35]. Последнее словоупотребление особенно примечательно: автор его отчетливо отличает горожан от «селян», причем нет никаких оснований полагать под горожанами в данном случае население собственно города-укрепления, поскольку прямо сказано, что служилых людей тогда в городе «не сущу».

В документах Стоглавого собора 1551 г. понятие «городские люди» прямо связывается с посадскими тяглыми людьми: «А с посаду вперед городцких людей в слободы не называти и не приимати... которые христианы похотят итти во град на посады» [36]. Итак, в понятие «город» включается посад, а «городские люди» — это посадские люди.

Понятно, почему грамота Ивана Грозного из Александровской слободы адресуется «к гостем же и х купцом и ко всему православному крестиянству града Москвы», а в ответ «гости и купцы и многие черные люди со многим плачем и слезами града Москвы поехали» [37]. Позднее царские грамоты «о Ростриге» — Лжедмитрии I — также адресуются «к бояром и к дворяном и детем боярским, и к гостем, и к торговым людем, и ко всем москвичем» [38].

---

[25] ПСРЛ, т. XIII, стр. 29.
[26] Там же, стр. 66.
[27] Там же, стр. 36.
[28] «Устюжский летописный свод», стр. 109.
[29] ПЛ, вып. I, стр. 97.
[30] ПСРЛ, т. XIII, стр. 19.
[31] Там же, стр. 29.
[32] Там же, стр. 71.
[33] Там же, стр. 105.
[34] Там же, стр. 154.
[35] Там же, стр. 389.
[36] «Стоглав». Изд. Д. Е. Кожанчикова. Казань, 1863, стр. 414.
[37] ПСРЛ, т. XIII, стр. 392—393.
[38] «Пискаревский летописец», стр. 113.

Можно заметить, что в понятие «городские люди» входит и все вообще население города, включая посад, и особо — посадские люди.

Понятие «город» в источниках XVI в. имеет и еще более широкое, впрочем, традиционное употребление — в смысле административно-территориальной единицы, города с уездом, города со всеми тянущими к нему доходами. Иван Грозный в опричнину отписал «город Можаеск, город Вязьму..., город Перемышль, два жеребья..., город Лихвин обе половины, город Ярославец и с Суходровью, город Медынь и с Товарковою, город Суздаль и с Шуею, город Галич со всеми пригородки, с Чюхломою и с Унжею и с Коряковым и з Белогородьем... город Устюг со всеми волостьми... и поместья им подавал в тех городех с одново, которые городы поимал в опришнину; а вотчинников и помещиков, которым не быти в опришнине, велел ис тех городов вывести и подавати земли велел в то место в ыных городех» [39]. Подобные примеры легко умножить — «бысть дорог хлеб по всем градом» [40] и т. п.

Итак, употребление в источниках XVI в. терминов «город» и «горожане», «городские люди» не имеет четко определенного содержания, оно многозначно. Это явление не ново — оно отмечалось и для XIV—XV вв.[41] Как и прежде, многозначность названных терминов отражает многообразие функций феодального города и еще далеко неустоявшееся выделение его и горожан как особого типа поселения и особого сословия в феодальной России XVI в.

Из этого следует, во-первых, что наличие в источниках терминов «город» и «городские люди» еще не дает исследователю основания для безусловного отнесения упоминаемых в этой связи поселений к городам в научном, прежде всего социально-экономическом, значении этих терминов. Тем более рискованно опираться на такое словоупотребление источников при определении количества городов в России XVI в., составлении их списков и тому подобных исследовательских решениях.

Во-вторых, указанное словоупотребление дает возможность оценить характер представлений современников о том, что такое город в их понимании. Заметно, что многозначность термина существует не вообще, а, как правило, связана в каждом отдельном случае с определенными обстоятельствами. Город как укрепление выступает на страницах источника всякий раз тогда, когда речь идет о военных действиях или подготовке к ним, об укреплении рубежей и поселений. В этом случае мы можем быть вполне уверены в достоверности источника, точно указывающего на развитие оборонительных сооружений, а иногда и на создание укрепленных исходных позиций для последующих наступательных действий, как это имело место в отношении Свияжска перед наступлением на Казань. Создание городов-укреплений прямо связывается с внешней опасностью. Некоторые города, как Буй, ставились по челобитью местных жителей «того ради, что тамо волости многие, а от городов далече» [42]. Развитие городских посадов, а также заселение новых территорий непосредственно отражались на развитии градостроительства. Поэтому, хотя мы имеем в данном случае дело с употреблением понятия «город» в смысле «укрепление», есть основание для косвенных суждений относительно степени внутреннего развития прикрываемых городами-крепостями поселений и территорий.

---

[39] ПСРЛ, т. XIII, стр. 394—395.
[40] ПЛ, вып. I, стр. 111.
[41] *А. М. Сахаров.* Города Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М., 1959, стр. 18—23.
[42] ПСРЛ, т. XIII, стр. 107.

Город как центр феодального властвования предстает обычно в связи с административными мероприятиями, с перераспределением земельных фондов внутри господствующего класса, с определением службы служилых людей, с распределением повинностей и доходов в пользу государства.

То новое, что появляется в источниках XVI в. в отношении понятия «город», непосредственно связано опять-таки с интересами государственной казны — под горожанами начинают прямо понимать тяглое население городских посадов. Но объективно это отражает процесс внутреннего развития последних, к которому старается приспособить свои интересы государство, стремящееся включить развитие городов как экономических центров в русло феодальных, крепостнических традиций.

Примечательно и расширительное толкование понятия «городские люди» на все население городов в отличие от сельского. Какого-либо экономического или юридического критерия этого отличия еще невозможно заметить. Однако видно другое — в сознании современников город все более переставал быть «большой деревней», он представлялся уже как нечто особое, отличное от сельского поселения. Можно говорить, что в этом отражались углублявшиеся отличия городской жизни во всех формах ее проявления, утверждения нового явления в общественной структуре средневекового феодального общества в России XVI в. Понятно, конечно, что всестороннее исследование этого важного исторического явления возможно лишь при комплексном изучении источников с учетом особенностей употребления термина «город» в них.

Дело, разумеется, не только в источниках, но и в необходимости выработки должных научных критериев для выделения городов из массы других ячеек феодального общества. Это большой и сложный вопрос, требующий специального исследования. Недавно интересные наблюдения на этот счет высказал Я. Е. Водарский [43], общее направление рассуждений которого относительно необходимости учета не только экономического, но и сословно-юридического положения населения мне представляется совершенно правильным. Некоторые аспекты наблюдений Я. Е. Водарского требуют еще дальнейшего исследования, в частности, спорное утверждение, что к XVI в. необходимость укрепления городов миновала и поэтому военно-оборонительная функция из понятия города того времени исключалась; не следует упускать и административно-фискальную функцию города. Что же касается чрезвычайно широких обобщающих заключений этого автора о русских городах XVI в., то этот вопрос требует обстоятельного исследования и не может быть решен на столь ограниченном материале, который приведен им. Тем более этот вопрос выходит далеко за рамки настоящей статьи.

Мы хотели лишь обратить внимание на многозначность понятия термина в источниках, отражающую многообразие социальных функций города в системе общественного устройства XVI в.

---

[43] *Я. Е. Водарский.* Города и городское население России в XVII веке.— В кн.: «Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в. Очерки по исторической географии XVII в.» М., 1974, стр. 48—116 (ротапринт).

А. А. Преображенский

ОБ ЭВОЛЮЦИИ КЛАССОВО-СОСЛОВНОГО СТРОЯ В РОССИИ

Дворянско-буржуазная историческая и историко-юридическая наука нередко изображала процесс возникновения и утверждения сословий в России как результат законотворчества верховной власти, притом не ранее петровского времени и даже конца XVIII в. Едва ли не всерьез принимались слова Екатерины II о том, что от ее высочайшего желания зависит завести «у себя в империи всякого рода сословия» [1]. Даже В. О. Ключевский не избавился от влияния идеи определяющей роли государственного начала в оформлении классово-сословного строя [2].

Научные основы марксистского понимания проблемы развития классово-сословного строя в России феодальной эпохи заложены В. И. Лениным. Ленинские положения о классах-сословиях как характерных признаках рабовладельческой и феодальной формаций имели огромное значение для последующего изучения данной тематики советскими исследователями. Напомним также, что Ленин в своих работах неоднократно ставил рядом такие взаимодополняющие понятия, как «феодализм», «средневековье», «сословные и местные союзы», а сословные перегородки пореформенного времени рассматривал в качестве анахронизма, пережитка феодальной эпохи [3]. Ленин писал о «стародворянском, сословном строе» в России, против которого боролась «бессословная» (т. е. буржуазная) интеллигенция [4]. Лишь великий Октябрь до конца и последовательно разрушил в России «вековое здание сословности» [5].

Советские исследователи, творчески осваивая ленинские оценки классово-сословного строя и его эволюции, преодолели ошибочные концепции дворянско-буржуазной литературы, показав, что классово-сословные начала были присущи России на всем протяжении феодальной формации. В советской историографии последних лет заметно повысился интерес к вопросам классово-сословной структуры позднефеодальной России [6]. Принципиальные разногласия по этим предметам возникли в ходе недавней дискуссии о русском абсолютизме [7]. Притом расхождения касаются отнюдь не третьестепенных сюжетов, а затрагивают коренные проблемы исторического процесса. Рассмотрение некоторых сторон эволюции

[1] Сб. РИО, т. 1, СПб., 1867, стр. 275 (из письма Екатерины II М. Жоффрен).
[2] *В. О. Ключевский.* История сословий в России. М., 1913, стр. 1—2.
[3] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 2, стр. 213, 236; т. 44, стр. 146.
[4] *В. И. Ленин.* Поли. собр. соч., т. 1, стр. 442.
[5] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, стр. 146.
[6] *Н. В. Устюгов.* Классы и классовая борьба в России в XVII в.— В кн.: *Н. В. Устюгов.* Научное наследие. М., 1974, стр. 133—176; *М. Т. Белявский.* Классы и сословия феодального общества в России в свете ленинского наследия.— «Вестник МГУ», Серия IX, История, 1970, № 2 ,стр. 65—79; *С. М. Троицкий.* К проблеме консолидации дворянства России в XVIII в.— «Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР», сб. VIII. М., 1974, стр. 128—151; *он же.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М., 1974; и др.
[7] «История СССР», 1969, № 1, стр. 65—66; 1970, № 4, стр. 60—61.

классово-сословного строя России XVII—XVIII вв. и составляет предмет данной статьи. Разумеется, автор не претендует ни на полноту охвата этой сложной, многоплановой темы, ни на бесспорность предлагаемых выводов и наблюдений. Центральное место в статье уделяется двум противоборствующим классам-сословиям той эпохи — дворянству и крестьянству. О городском населении речь идет лишь в связи с эволюцией главных классов — антагонистов.

Позднефеодальное общество в России характеризовалось сложным переплетом классово-сословных отношений. В условиях борьбы феодально-крепостнической системы с тенденциями буржуазного развития эти отношения приобретали своеобразную окраску, их внутренняя противоречивость, включая несоответствие формы и содержания, еще более усугублялась. Постоянно происходивший в недрах феодализма процесс образования различных сословных групп был присущ и изучаемому времени. Однако изменение общеисторической обстановки, завершение оформления крепостного права, распространение вширь и вглубь товарно-денежных отношений, а на их базе и начальных стадий генезиса капитализма приводили не только к деформации старых классов и сословий, но и к рождению таких социальных слоев, которые были непривычны феодальной сословности, слабо вязались с нею и указывали на крупные сдвиги в социально-экономической жизни страны.

Изучение сословно-представительной монархии в России XVI в., итоги которого недавно были подведены Л. В. Черепниным [8], с несомненностью свидетельствует о достаточно зрелой стадии развития классово-сословных отношений той поры. С тем большими основаниями это можно сказать о второй половине XVII в. Коллективная дворянская челобитная 1660 г. по поводу сыска беглых крестьян и холопов прямо говорит о наличии «четырех чинов» в тогдашнем обществе («освященный и служивый и торговый и земледелательный» [9]). Этот «крепостной устав», предусматривавший неколебимость каждого «чина», по сути дела был почти дословно повторен через столетие, когда в Уложенную комиссию поступил наказ Сената: «По самым делам и опытам известно, что разные в государстве чины, не удовольствуясь своим преимуществом, входят в другого право и пользуются его преимуществом, а, следовательно, его промыслом и пропитанием; и потому нужно утвердить каждому чину свое преимущество и промыслы и чтобы один в другого промысел не мешался» [10]. Разумеется, господа сенаторы, представляя свое мнение, прежде всего имели в виду сохранение крепостного права и привилегий помещичьего класса.

Если говорить о ведущей линии внутренней политики царского правительства XVII—XVIII вв., то она была проникнута духом средневековой сословности. Испытывая воздействие реальных жизненных ситуаций, правительство проявляло порой колебания, частично отступало от безусловно крепостнического курса. Однако чаще оно цеплялось за старое, насаждая сословные начала даже там, где они выглядели очевидным анахронизмом. Например, попытки введения и сохранения цехового устройства русских ремесленников в XVIII в. были явно запоздалыми.

---

[8] *Л. В. Черепнин.* К вопросу о складывании сословно-представительной монархии в России (XVI век).— «История СССР», 1974, № 5, стр. 51—70.

[9] *А. А. Новосельский.* Побеги крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве второй половины XVII века.— «Труды Института истории РАНИОН», т. 1. М., 1926, стр. 352; *А. Г. Маньков.* Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века. М.— Л., 1962, стр. 40.

[10] Сб. РИО, т. 43. СПб., 1885, стр. 16.

Военная и государственная служба считалась сферой деятельности служилых людей, прежде всего служилых «по отечеству». В XVII столетии мы застаем довольно сложную иерархию различных «чинов», составляющих класс феодалов. Бояре, окольничие, стряпчие, стольники являли собой наряду с думными дворянами и дворянами московскими верхний слой светских феодалов. На низшей ступени служилых «по отечеству» находились провинциальные (городовые) дворяне и дети боярские, а также жильцы. Если взять служилое сословие в целом, то оно тогда было шире собственно класса феодалов, ибо включало также и служилых людей «по прибору»: казаков, стрельцов, пушкарей и т. п. Эти последние длительное время, выполняя военную повинность, были освобождены от налогов, свойственных тяглому, зависимому населению, хотя по своему социальному происхождению чаще всего были связаны с этой средой. Лишь в следующем столетии самоназванием класса феодалов стало понятие «дворянства». При всей условности мы применяем его в качестве обобщенного и по отношению к XVII веку. Встречающийся иногда в литературе термин «одворянивание» класса феодалов мы не считаем удачным. Господствующее, привилегированное положение дворян — землевладельцев и душевладельцев было зафиксировано в Соборном уложении 1649 г. и подтверждено последующими актами абсолютистского правительства. В частности, указ 18 февраля 1762 г. провозглашал «благородное дворянство... яко главный в государстве член» [11]. «Наказ» Екатерины II, несмотря на некоторые реверансы в сторону «среднего рода людей» (мещан), полагал, что «дворянство есть нарицание в чести, различающее от прочих тех, кои опыми украшены» [12].

Прежде чем перейти к рассмотрению вопроса о переменах в господствующем классе феодалов, необходимо сделать следующее немаловажное замечание. При всех изменениях в социальной структуре класса-сословия дворян он в ту эпоху оставался главным тормозом общественного прогресса. Условия существования и развития дворянства создавали питательную среду для сохранения пестроты социально-экономических форм, прежде всего в деревне. Расширение территории России в XVII—XVIII вв. приводило к пополнению господствующего класса за счет социальных верхов населения новых областей. Притом длительное время сохранялись известные местные особенности в положении и правах привилегированных землевладельцев. Монополия на земельную собственность и крепостные рабочие руки выражалась в чрезвычайно многообразной картине земельных и рентных отношений. В XVII в. распространенным явлением была распыленность феодальных имений, принадлежащих одному и тому же владельцу. Так, боярин Н. И. Романов имел землю и крестьян в 16 уездах [13], боярин Б. И. Морозов — в 19 [14], стольник А. И. Безобразов — в 11 уездах [15] и т. д. Троице-Сергиев монастырь обладал вотчинами почти в 40 уездах [16]. Владения патриаршей кафедры были разбросаны на территории 16 уездов [17]. Собственно царское хозяй-

---

[11] ПСЗ, т. XV, № 11444.
[12] Там же, т. XVIII, № 12949.
[13] *Е. И. Заозерская.* Из истории феодальной вотчины и положения крестьян в первой половине XVII века.— «Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР», сб. IV. М., 1960, стр. 40.
[14] *Д. И. Петрикеев.* Крупное крепостное хозяйство XVII в. Л., 1967, стр. 32.
[15] *А. А. Новосельский.* Вотчинник и его хозяйство в XVII веке. М.— Л., 1929, стр. 30.
[16] *А. А. Новосельский.* Роспись крестьянских дворов, находившихся во владении высшего духовенства, монастырей и думных людей по переписным книгам 1678 г.— «Исторический архив», т. IV. М.—Л., 1949, стр. 93—94.
[17] Там же, стр. 91.

ство (ведомство дворца) имело населенные земли в пределах 20 уездов государства [18]. Понятно, что и картина землевладения в отдельно взятом уезде будет мозаичной. Известно и другое явление того же порядка — дробление одного населенного пункта между несколькими помещиками [19]. Позже такие имения назывались разнопоместными. В XVIII в. территориальная расчлененность дворянских владений сохранялась [20]. Ее не смогли устранить и общегосударственные межевые работы, и частные соглашения между помещиками. Все это приводило к своеобразной децентрализации хозяйственной жизни в стране, что находилось в вопиющем противоречии с процессом экономического слияния ранее обособленных «областей, земель и княжеств» (В. И. Ленин). Но этот процесс прокладывал себе дорогу, подрывая средневековые перегородки.

Социальная иерархия господствующего класса феодалов не оставалась неизменной. Система «чинов» в результате реформ Петра I и его преемников преобразуется в более стройную организацию, в чем немалую роль сыграло создание регулярной армии, а также изменения финансово-налоговой системы абсолютистского государства. Исчезают такие категории высшего слоя феодалов, как бояре, окольничие, стольники. Та же судьба постигла детей боярских и жильцов. Отходит в область прошлого и деление на «московских» и «городовых» дворян. Феодальный вассалитет предельно упрощается. Между монархом и дворянином теперь нет посредствующих звеньев, свойственных эпохе уделов и становления централизованного государства. К исходу XVII в. исчезает система вассалов и у высших церковных иерархов, ранее имевших своих дворян и детей боярских. Отныне все дворяне-помещики являются прямыми вассалами монарха.

Иммунитетные права феодалов также претерпевают в позднефеодальный период определенную эволюцию. Усиление публично-правовой власти формирующегося абсолютизма расширяет юрисдикцию последнего в общегосударственном масштабе. Вместе с тем в частно-правовой сфере возрастает роль помещика — почти полного господина над жизнью и имуществом крепостного человека — опять-таки в пределах всего государства. Углубляется расщепление землевладения и политической власти феодалов, что также знаменательно для «нового периода» русской истории. Унификация юридического положения дворянства, «шляхетства» — налицо. И тем не менее различия и некоторые противоречия в среде феодалов не были устранены. Отмечая большое значение отмены местничества, не следует, однако, и переоценивать роль этого акта в судьбах дворянства. Неоднородность состава класса феодалов не только осталась, но и в ряде отношений усугубилась. Земельная аристократия, изменившаяся по своему составу (вспомним слова Г. Котошихина о том, что старинные роды «без остатку миновалися»), не ослабляет, а укрепляет свои позиции в государстве. На фоне прогрессирующего разорения значительного числа помещичьих родов формируются мощные латифундии горстки наиболее приближенных ко двору фамилий.

Князья, графы и бароны Российской империи стоят у кормила правления, им подчиняется разветвленный чиновничий аппарат абсолютизма.

---

[18] *А. И. Заозерский.* Царская вотчина в XVII в. М., 1937, стр. 19—20 и др.

[19] *Ю. В. Готье.* Замосковный край в XVII веке. М., 1937, стр. 269—274.

[20] «Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в.» Сб. документов. М., 1951, стр. 4; *С. М. Троицкий.* Хозяйство крупного сановника России в первой четверти XVIII в.— В кн.: «Россия в период реформ Петра I». Сб. статей. М., 1973, стр. 219, табл. 1; *К. Н. Щепетов.* Из жизни крепостных крестьян России XVIII—XIX веков. М., 1963, стр. 12.

Рядовое дворянство, имея по закону равные права с первыми лицами государства, на практике оказывается в далеко неравном с ними положении. И это не противоречит всесилию какого-нибудь захудалого, мелкопоместного дворянина в собственном имении с его почти безграничной властью над «своими» крепостными.

Во второй половине XVII в. и в последующее время сословные права дворянства получили более четкую организацию. Стремление отгородиться от других сословий, придать дворянству корпоративный, кастовый характер прослеживается во внутренней политике укреплявшегося абсолютизма. Еще Г. Котошихин писал, что из простонародья «дворянство не даетца никому» [21]. Особенно после Крестьянской войны под предводительством С. Т. Разина усилилась линия на проведение «чистки» служилого сословия. Низшие категории служилых людей «по прибору», связанные происхождением с тяглыми лицами, все более отдаляются от «отеческих детей» [22]. Наиболее массовым был перевод этих групп служилых в разряд государственных крестьян в связи с введением ревизского учета населения и подушной подати (позже их именовали однодворцами) [23]. Своеобразной сословной организацией провинциального дворянства в XVII в. был «служилый город». По мере замены дворянского ополчения полками нового строя, а затем регулярной армией ослабевала и эта организация [24]. Разрядный приказ, ведавший служилыми людьми, время от времени проводил проверку дворянского происхождения верхних слоев служилого сословия. Конец XVII в. ознаменовался появлением большого числа частных дворянских родословий, достоверность которых нередко была более чем сомнительной. В том же плане интересен указ 1739 г. о замене представителями «знатного шляхетства добрых и пожиточных и совестных людей», находившихся на воеводских должностях Сибирской губернии, «из тамошних обывателей, а именно: из купечества и козаков и прочих тому подобных...» [25]. В 1768 г. был издан указ о наведении справок в Разрядном архиве о прежнем порядке поверстания в чины от городового сына боярского до стряпчего «и почитались ли они за дворян» [26]. Учреждение Департамента герольдии, а после издания «Жалованной грамоты дворянству» 1785 г. и специальных книг в губерниях для учета лиц, имеющих дворянское достоинство, также говорило в пользу укрепления сословной организации дворянства. Этой же цели были подчинены такие институты, как дворянские собрания, и узкосословные учебно-воспитательные заведения, учреждения по опеке, кредитованию (Дворянский банк) и др.

---

[21] *Г. Котошихин.* О России в царствование Алексея Михайловича, изд. 4. СПб., 1906, стр. 28.

[22] «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в.». М., 1955, стр. 344; *Н. П. Павлов-Сильванский.* Сочинения, т. I. СПб., 1909, стр. 195—199.

[23] *В. А. Александров.* К вопросу о происхождении сословия государственных крестьян.— «Вопросы истории», 1950, № 10; *он же.* Стрелецкое население южных городов России в XVII в.— В кн.: «Новое о прошлом нашей страны». Сб. статей. М., 1967, стр. 235—250; *В. М. Важинский.* Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке (по материалам южных уездов России). Воронеж, 1974, стр. 232—233; *В. М. Проторчина.* К истории воронежских однодворцев в XVIII в.— «Известия Воронежского гос. педагогического института», т. 19, 1956, стр. 107—131.

[24] *А. А. Новосельский.* Правящие группы в служилом «городе» XVII в.— «Ученые записки Института истории РАНИОН», т. 5. М., 1928, стр. 315—335; *он же.* Распад землевладения служилого «города» в XVII в. (по десятням).— В кн.: «Русское государство в XVII веке». Сб. статей. М., 1961, стр. 231—253.

[25] ПСЗ, т. X, № 7730.

[26] *А. Романович-Славатинский.* Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права, изд. 2. Киев, 1912, стр. IX.

В конце XVIII в. считалось непозволительным, если рекрут (следовательно, выходец из податных сословий) был однофамильцем кого-либо из дворян. В таких случаях фамилию рекрута меняли на производную от отчества [27]. Помимо более полного учета экономических интересов дворян (а они тоже не оставались неизменными), на эти перемены мощное воздействие оказал натиск со стороны угнетенных классов и его апофеоз — восстание Е. И. Пугачева.

Все эти факты свидетельствуют об известной консолидации дворянского класса, прежде всего в плане правового положения, усовершенствовании его сословной организации перед лицом усиливавшейся в стране классовой борьбы крестьянства:

Фасадной, наиболее заметной стороне развития класса-сословия феодалов в направлении консолидации сопутствовал и другой ряд явлений. Уже «Табель о рангах» 1722 г. до некоторой степени подрывала монополию феодалов па государственное управление и получение чинов [28]. Фупкция государственного управления все более становится прерогативой того слоя, который имеет более широкую, чем дворянство, социальную генеалогию. Формирующаяся бюрократия, чиновничество приобретают в жизни страны все возрастающее значение. Выполняя в конечном счете роль проводника дворянской политики, бюрократия одновременно известным образом отслаивается от господствующего класса, обретает черты сословной группы, пользующейся определенной самостоятельностью.

Уже в середине XVII в. влияние формирующейся бюрократии было достаточно ощутимым. Мы имеем в виду не столько ее верхушку, теснейшим образом связанную с дворянской аристократией и крупным землевладением, сколько рядовую массу дельцов государственных учреждений России. В коллективных челобитных дворян отмечались дьяки, подьячие и «канцеляристы», от которых происходило утеснение [29]. Этот мотив присутствует и в челобитных второй половины XVII в. [30] Нечего говорить о том, что другие классы населения страдали от нарождающейся бюрократии куда сильнее. Дьяки, подьячие разных статей, повытчики и прочие служители центральных и местных приказных учреждений XVII в. становятся важной силой в государстве [31]. К исходу века дьяков насчитывалось около 140 человек, подьячих — до 3 тыс. человек [32]. Аппарат государственных учреждений Российской империи в 1764 г. уже превышал 16 тыс. человек [33]. По данным переписи чиновников 50-х годов XVIII в., самый большой процент чиновников-недворян приходился на представителей бюрократии предыдущей поры — потомков приказных

---

[27] ПСЗ, т. XVII, № 12748. В литературе отмечено, что «сибирское дворянство находилось не только на территориальной, но и на социальной периферии господствующего класса; оно составляло одну из групп переходного характера» (*М. М. Громыко.* К характеристике сибирского дворянства XVIII в.— В кн.: «Русское население Поморья и Сибири (Период феодализма)». М., 1973, стр. 363).

[28] *С. М. Троицкий.* Из истории создания «Табели о рангах».— «История СССР», 1974, № 1, стр. 105, 111 и др.

[29] *Павел Смирнов.* Челобитные дворян и детей боярских всех городов в первой половине XVII в.— «Чтения ОИДР», 1915, кн. 3, разд. I, стр. 53—54, 58—59.

[30] *А. А. Новосельский.* Коллективные дворянские челобитья по вопросам межевания и описания земель в 80-х годах XVII в.— «Ученые записки Института истории РАНИОН», т. 4. М., 1929, стр. 105—106.

[31] *С. К. Богоявленский.* Приказные судьи XVII в. М.—Л., 1946.

[32] *Н. Ф. Демидова.* Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII—XVIII вв.— В кн.: «Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.)». Сб. статей. М., 1964, стр. 215; *она же.* Приказные люди XVII в. (Социальный состав и источники формирования).— «Исторические записки», т. 90, стр. 332—354.

[33] *С. М. Троицкий.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в., стр. 163, 177.

людей XVII в. (48,5%) [34]. В это время недворянская часть бюрократии численно преобладала над дворянской. К середине следующего столетия, наоборот, чиновников, произведенных в дворянство, было в 3—4 раза больше, чем простых канцеляристов. Количественно бюрократия составляла тогда около 100 тыс. человек [35]. Незадолго до реформы 1861 г. обнаружились едва ли не самые реакционные на протяжении изучаемого времени тенденции ограничения притока в ряды бюрократии выходцев из недворянских сословий. Закон 1845 г. значительно повысил класс получения дворянства по выслуге [36].

Социальная функция бюрократии, несмотря на одворянивание последней, все более приобретает черты буржуазности. Слияние верхов чиновничества с придворной камарильей и латифундистами не могло коренным образом повлиять на перемены в государственном строе, которые клонились к эволюции феодальной монархии в буржуазную. Характерно появление в это время проектов упразднения чинов [37].

Оставаясь крепостническим по своим главным классовым функциям, чиновничество занимало тем не менее особое место в ряду других сословных групп. Поскольку основное назначение чиновников государственного аппарата состояло в службе интересам царской монархии, это обеспечивало последней известную самостоятельность, пределы которой были достаточно широки, создавая порой иллюзию «надклассовости» верховной власти.

Потребности экономического развития страны (и прежде всего промышленности) понудили царское правительство открыть доступ к подневольной рабочей силе представителям купечества и других недворянских сословий. Покупка деревень к мануфактурам, приписка крестьян к частным заводам, передача казенных предприятий вместе с наличным штатом работников — все эти хорошо известные факты расширяли возможности эксплуатации крепостного труда со стороны лиц недворянского происхождения. Следовательно, дворянское право душевладения также оказалось несколько потесненным.

В прямой связи с этим находилось проникновение в среду дворянства значительного числа предпринимателей из купцов и посадских [38]. И вообще социальная «чистота» дворянства, о которой пеклось правительство, на практике очень часто нарушалась. Восемнадцатый век принес, пожалуй, самый мощный пласт выходцев из других сословий [39]. М. М. Щербатов перед лицом этого факта написал сочинение с характерным названием — «Размышления о ущербе торговли, происходящем вхождением великого числа купцов в дворяне и в офицеры», называя при этом Лазарева, Логинова, Барышникова, Мещанинова и других лиц, добившихся дворянских дипломов [40]. В конечном счете, несмотря на колебания политической линии абсолютизма, верхам купечества были при-

---

[34] Там же, стр. 215, табл. 5 (продолжение).

[35] *П. А. Зайончковский.* Высшая бюрократия накануне Крымской войны.— «История СССР», 1974, № 4, стр. 154—164.

[36] *Н. П. Ерошкин.* Основные тенденции развития государственности феодально-крепостнической России первой половины XIX в. Автореф. докт. дисс. М., 1973, стр. 65.

[37] Там же.

[38] *Н. И. Павленко.* История металлургии в России XVIII века. М., 1962, стр. 495—519.

[39] *С. М. Троицкий.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в., стр. 182 и сл. В 1816 г. личных дворян, т. е. выходцев из непривилегированных сословий, было более 44% общего числа дворянства империи (*В. М. Кабузан, С. М. Троицкий.* Изменения в численности, удельном весе и размещении дворянства в России в 1782—1858 гг.— «История СССР», 1971, № 4, стр. 167).

[40] *А. Романович-Славатинский.* Указ. соч., стр. 270.

своены некоторые привилегии, сближавшие их с дворянами и в известной мере облегчавшие переход в «благородное» сословие. Это выразилось, например, в том, что купцы первой гильдии, особо отличившиеся в торгах и имеющие непрерывный гильдийский «стаж» 12 лет, стали получать чин коммерции советников. Они могли иметь земельные владения с крепостными крестьянами. Коммерции советники и все купцы первой гильдии освобождались от государственных податей, рекрутских наборов и не подлежали телесным наказаниям [41]. Несмотря на последующую отмену права покупки деревень к заводам, крепостные, купленные по указу 1721 г., оставались за крупными мануфактуристами-купцами [42].

Встречный процесс состоял в том, что многие дворяне и сами со временем все больше и больше обращались к не свойственным их положению занятиям. Еще в 1662 г. купечество упрекало «духовный и воинский и судебный чин» в завладении «лутчими промыслами и торгами» [43]. Этот момент находит отражение в политических актах центральной власти. Петровский указ 1714 г. о единонаследии провозглашал возможность для дворянских детей и тех дворян, «кому за сорок лет», «идтить в чин купеческой или какое знатное художество... и в духовные, то есть в белые священники», причем такое изменение сословной принадлежности де-факто не должно восприниматься как «бесчестье» фамилии [44]. Если ранее хозяйственные заботы господствующего класса тесно увязывались со службой государю и занимали по отношению к ней подчиненное положение, то теперь обстоятельства существенно меняются. Оставаясь главной социальной опорой престола, дворянство с течением времени получает расширяющиеся возможности для участия в экономической жизни страны, включая торгово-промышленную сферу. Сокращение сроков дворянской службы шло в том же плане. Затем было позволено не посылать на службу одного из сыновей или брата при отсутствии детей «для лучшей государственной пользы и содержания шляхетских домов и деревень» или, как говорилось в манифесте 1736 г., «для смотрения деревень и экономии» [45]. Знатнейшие персоны империи оказывались втянутыми в предпринимательскую игру [46]. Наконец, указ о «вольности» дворянства освободил благородное сословие от обязательной службы, что сыграло большую роль в развертывании «недворянских» занятий помещиков на почве коммерции.

Официальная линия политики отражала противоречивые тенденции развития и различные позиции отдельных слоев помещиков. Отрицательно относясь к возможности занятий дворян торговлей, Екатерина II с удивлением обнаружила в числе винных откупщиков князей Долгорукова, Гагарина, Куракина. А графа Апраксина она назвала сумасшедшим за то, что он пожелал записаться в купечество, да еще в низшую (третью) гильдию [47]. Сенату приходилось заниматься вопросом о право-

---

[41] *В. Болтин.* Разсуждение о происхождении купеческого состояния в России, о переменах в оном со времени императора Петра I и о правах и повинностях оного ныне. М., 1827, стр. 34–37; *Ю. Р. Клокман.* Социально-экономическая история русского города. Вторая половина XVIII века. М., 1967, стр. 111, 117, 121; *П. Г. Рындзюнский.* Городское гражданство дореформенной России. М., 1958; *Л. Г. Бескровный.* Русская армия и флот в XIX веке. М., 1973, стр. 70.

[42] ПСЗ, т. XII, № 9267.

[43] *А. Зерцалов.* О мятежах в городе Москве и в селе Коломенском 1648, 1662 и 1771 гг. М., 1890, стр. 263.

[44] ПСЗ, т. V, № 2789.

[45] Там же, т. IX, № 7142; т. XI, № 8021.

[46] *С. М. Троицкий.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в., стр. 318–364.

[47] *А. Романович-Славатинский.* Указ. соч., стр. 267.

мерности перехода некоторых московских дворян в купечество. Вняв представлениям губернского прокурора и стряпчего, которые решительно выступили против, Сенат вынес определение, запрещающее впредь подобную «измену» дворянскому достоинству [48]. Справедливо заметил И. И. Полосин: «Крепостники-дворяне получили все, о чем только могли мечтать. Именно поэтому дальнейший рост дворянских прав и привилегий стал невозможным... Дворянин с увлечением занимался сельским хозяйством, охотно торговал продуктами своей вотчины, но не сразу понял, что означало для истории дворянства появление нового слоя дворянства — «дворянства купечествующего», своеобразного «дворянства во купечестве»» [49].

Следовательно, тот процесс, который в нашей литературе не без оснований назван обуржуазиванием «части дворянства» [50], не способствовал консолидации этого класса, во всяком случае на старофеодальной базе.

На изменения в социальном облике дворянства влияло и то, что фактор «службы с земли» потерял свое первенствующее значение к исходу изучаемого периода. Дворянские «вольности», помимо всего прочего, способствовали усилению черт паразитизма в широких кругах помещиков. Это влекло за собой рост классового протеста в среде крепостных крестьян, для которых становилось все более очевидным, что барин — тунеядец, эксплуататор.

Однако средневековое пользование землей за службу, как примечательная черта феодальных отношений, проявлялась и в изучаемое время, но уже для других социальных категорий населения. В основном оно сохранялось и даже получало некоторое развитие там и тогда, где и когда царские власти пытались проводить режим экономии денежных расходов и обращались к этой архаичной форме обеспечения службы, что приводило к возникновению новых сословных групп населения. Так было с ландмилицкими полками в Европейской России, «выписными» казаками в Сибири, а в начале XIX в.— с военнопоселенцами, которые официально признавались самостоятельным сословием. Конечно, это не было простым возвращением к институту «приборных» служилых людей прошлого, но известная регенерация явления налицо. По существу в близком положении к названным группам населения находились и другие иррегулярные воинские формирования типа казачьих войск. Расслоение в среде казачества было использовано царизмом в своих целях. Казачья верхушка, занимавшая командные должности, например на Дону и Яике, по правам постепенно приравнивается к дворянам [51].

Большие перемены в социальном облике дворянства, таким образом, знаменовали, хотя и в искаженном виде, заметные сдвиги в развитии иосднефеодального общества. Пополнение господствующего класса шло разными каналами, имело различную окраску. Наблюдается сложный, глубоко противоречивый социальный симбиоз, сделавший дворянство до-

---

[48] Там же, стр. 268–269.

[49] *И. И. Полосин.* Предисловие.– В кн.: *К. Н. Щепетов.* Крепостное право в вотчинах Шереметевых (1708—1885). М., 1947, стр. 8; см. также *Н. Л. Рубинштейн.* Сельское хозяйство в России второй половины XVIII в. М., 1957, стр. 72.

[50] *Н. И. Павленко.* К вопросу об эволюции дворянства в XVII–XVIII вв.– В кн.: «Вопросы генезиса капитализма в России». Сб. статей. Л., 1960, стр. 75.

[51] *Л. Г. Бескровный.* Русская армия и флот в XVIII веке. М., 1958, стр. 46–48, 318, 321–322; *он же.* Русская армия и флот в XIX веке, стр. 36–38; *В. И. Петров.* К вопросу о социальном происхождении сибирского казачества (XVIII – первая половина XIX в.).– В кн.: «Сибирь периода феодализма», вып. 2. Новосибирск, 1965, стр. 210 и др.; *А. П. Пронштейн.* Земля Донская в XVIII веке. Ростов-на-Дону, 1961, стр. 176—183; *И. Г. Рознер.* Яик перед бурей. М., 1966, стр. 35—41.

статочно гибким, приспособленным к новым условиям классом-сословием. Можно полагать, именно этим объясняется тот факт, что российское дворянство оказалось «гораздо более «крепким», твердым, могучим, всесильным, «чем где бы то ни было в цивилизованном мире»» [52].

Обращаясь к классу-сословию крестьян, мы можем отметить тот же двуединый процесс, что и для господствующего класса. С одной стороны — неоднократные подтверждения приниженного, податного положения разных разрядов крестьян, всеобщий запрет «выхода», политическое бесправие, унификация налогообложения, усиление регламентации обязанностей, всевозможные стеснения неземледельческих занятий и прочие меры, с несомненностью свидетельствующие об определенной общности угнетенного состояния сельского тяглого населения. Наиболее наглядно данное явление сказалось в обостряющемся противостоянии антагонистических классов — феодалов и крестьян, что выразилось в мощных крестьянских войнах.

И вместе с тем в литературе не без оснований указывалось, что было бы неверно все крестьянство России после 1649 г. безоговорочно полагать единой закрепощенной массой [53]. Достаточно внушительные различия как между отдельными категориями крестьянства, так и внутри каждой группы давали о себе знать. Имели значение исторические особенности тех или иных областей, не говоря о различиях положения крестьян в зависимости от форм феодальной ренты. Барщинные селения были не совсем похожи на оброчные, особенно денежнооброчные. В рамках феодально-крепостнической зависимости отмечаются градации от почти рабского состояния некоторых групп крепостных до относительно свободного оброчного обязательства. Внеэкономическое принуждение оставалось всюду, но его конкретные проявления очень разнились. Вовсе не одинаково чувствовали себя крестьяне в руках временного хозяина-помещика и родовитого вотчинника, уверенного в том, что его дети унаследуют именно это владение и этих крестьян. Да и размеры имений, их населенность, местоположение влияли на внутреннюю жизнь крестьян.

Сохранение средневековых перегородок, множественность разрядов населения со своими правами и особенностями — характерные свойства феодальной социальной структуры — во многом сохраняли свою силу и в последние века существования феодально-крепостнической формации. В. И. Ленин при анализе докапиталистической экономики деревни на примере земско-статистических данных по Саратовской губернии показал, что «крестьяне раздроблены массой разнообразных делений их на разряды, на категории по величине надела, по размерам платежей и пр.», называя далее более 20 таких разрядов. «И внутри разрядов подобных же различий масса: иногда даже крестьяне одной и той же деревни разделены на две совершенно отличные категории: «бывших г-на NN» и «бывших г-жи М. М.»». Подводя итог этому важнейшему наблюдению, объясняющемуся «историей аграрных отношений», В. И. Ленин заключает: «Вся эта пестрота была естественна и необходима в средние века, во времена далекого прошлого» [54].

Крестьяне частновладельческие, помещичьи были самой многочисленной категорией. После массовых раздач черносошных земель в центре страны уже к середине XVII в. исчезли волости черных (государст-

---

[52] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 23, стр. 16.
[53] *А. Н. Сахаров.* Русская деревня XVII в. М., 1966, стр. 5; *Ф. Я. Полянский.* Первоначальное накопление капитала в России. М., 1958, стр. 407.
[54] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 3, стр. 381.

венных) крестьян. Наступление феодалов протекало интенсивно. Помимо уездов Нечерноземного Центра крепостные порядки утвердились в районах Черноземного Центра и в Поволжье, в западных и северо-западных областях (Смоленск, Псков, Новгород). Барских крестьян по справедливости считают самой бесправной группой крепостного населения.

Но со временем доля крепостного крестьянства в составе податного населения страны заметно снижается, несмотря на вовлечение в орбиту крепостнических порядков новых территорий и новых групп населения. Это было следствием не только падения естественного прироста жителей в крепостных селениях, но и увеличения числа крестьян, разными путями выпадавших из частновладельческих рук. Уже в середине XVII в. по результатам сыска беглых крестьян и холопов на территории Рязанского уезда обнаруживается, что лишь немногие беглецы сохраняют свое «частновладельческое существование». Большинство сысканных оказалось среди дворцовых крестьян, приборных служилых людей, солдат [55]. Известная непоследовательность правительственной политики при заселении территорий на окраинах в немалой мере была тому причиной и позже (конец XVIII в.). Беглые помещичьи крестьяне оставались на землях Причерноморья, Нижнего Поволжья, Кубани, Предкавказья, Сибири, их признавали казенными, а владельцам выплачивали компенсации или засчитывали изъятых беглых за рекрутов [56]. Остается фактом, что на окраинах частнофеодальный крепостнический сектор не получил определяющих позиций. Вследствие этого крестьянство вновь заселяемых районов (а также близкие ему в социальном плане категории трудового населения) в большинстве своем принадлежало к различным разрядам государственных крестьян. Удельный вес государственных крестьян на протяжении XVIII в. почти удвоился, приблизившись к 40% на исходе столетия. Эти демографические сдвиги фиксируются исследователями для различных районов России [57].

Крупным событием в социальном развитии крестьянства следует признать секуляризацию церковных имуществ, первый этап которой относился еще к царствованию Петра I [58], а заключительный — к 1764 г. Почти миллионная масса крестьян по своему положению приблизилась к государственным крестьянам, получив наименование «экономических»,

---

[55] *А. А. Новосельский.* Отдаточные книги беглых как источник для изучения народной колонизации на Руси в XVII веке.— «Труды МГИАИ», т. 2. М., 1946, стр. 23.

[56] *Е. И. Дружинина.* Северное Причерноморье в 1775—1800 гг. М., 1959, стр. 260—261; *В. А. Голобуцкий.* Черноморское казачество. Киев, 1956; *А. В. Фадеев.* Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957; *Н. П. Гриценко.* Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII — первой половине XIX в. Грозный, 1961; *С. А. Чекменев.* К истории сельскохозяйственного освоения территории Предкавказья в дореформенный период.— В кн.: «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1964 г.». Кишинев, 1966, стр. 453—455; *Т. П. Бондаревская.* Беглые крестьяне Среднего Поволжья в середине XVIII в.— В кн.: «Крестьянство и классовая борьба в феодальной России». Сб. статей. Л., 1967, стр. 391—392 и др.; *В. И. Шунков.* Вопросы аграрной истории России. М., 1974; *М. М. Громыко.* Западная Сибирь в XVIII веке. Новосибирск, 1965; *В. А. Александров.* Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. М., 1964; *Л. А. Кондрашенков.* Крестьяне Зауралья в XVII—XVIII веках, ч. I—II. Челябинск, 1966—1969; *А. А. Преображенский.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в. М., 1972; и др.

[57] *Н. М. Дружинин.* Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. I. М.—Л., 1946, стр. 45. См. также демографические исследования Я. Е. Водарского, В. М. Кабузана, А. Д. Колесникова, П. А. Колесникова, С. М. Троицкого, Н. М. Шепуковой и других авторов.

[58] *И. А. Булыгин.* Церковная реформа Петра I.— «Вопросы истории», 1974, № 5, стр. 85—89.

под именем которых объединили прежних патриарших (позже синодальных), архиерейских, монастырских и церковных. Но и до секуляризации крестьяне церковных феодалов имели некоторые отличия от частновладельческих крепостных. Их, как правило, не превращали в объект купли-продажи, реже встречались насильственные переселения. Хотя «святые отцы» не брезговали разного рода «мирскими», притом жестокими, методами воздействия на своих крестьян, само положение «божьих обителей» диктовало несколько более смягченные формы крепостнического угнетения. Поэтому встречающиеся в литературе попытки приравнения монастырских да и других церковных крестьян к помещичьим не могут быть признаны обоснованными. С другой стороны, положение о том, что после секуляризации церковь и монастыри перестали быть феодалами, также требует уточнений. И до реформы 1764 г. к феодалам принадлежала лишь небольшая часть верхушки духовенства, а также монастыри.

Светские феодалы веками ратовали за ликвидацию церковно-монастырских вотчин, но акт секуляризации не привел к передаче земель и крестьян в руки частных владельцев. Государство сохранило за собой право эксплуатации этой группы податного населения, ущемив тем самым узкоэгоистические интересы дворянства, среди которого, как известно, было много малопоместных и разорившихся хозяев. В условиях существования крепостного права секуляризация может рассматриваться как первый ощутимый шаг к освобождению крестьян «сверху» и брешь в крепостнической системе. Вместе с тем это явление усиливало экономический потенциал абсолютизма, что в свою очередь придавало верховной власти еще большую самостоятельность (относительную, разумеется).

Ревизский учет и подушная подать привели к некоторой нивелировке групп населения, названных государственными крестьянами. Внутри этого сословия, однако, сохранялись немалые различительные признаки отдельных социальных компонентов. Черносошные крестьяне русского Севера, может быть, в наиболее «чистом» виде представляли этот разряд государственных тяглецов [59]. Наступление крепостничества отразилось на их положении. С середины XVIII в. усилились ограничительные меры законодательства в отношении земельных сделок черносошных крестьян.

Много общего с черносошными было у «государевых» крестьян Сибири, в большинстве своем и по происхождению связанных с Поморьем. Но и у них наблюдаются некоторые черты своеобразия. Например, казенная барщина — обработка десятинной пашни была тут отменена лишь в середине XVIII в., уступив место денежному оброку [60].

В районах, потерявших свое оборонительное значение засечных черт южнее Оки, бывшие приборные служилые люди, а отчасти представители низшего слоя служилых «по отечеству» — детей боярских, образовали достаточно многочисленную категорию государственных крестьян — однодворцев. Они обладали большей свободой в распоряжении своими

---

[59] *В. И. Семевский.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, т. II. СПб., 1901, стр. 593–666; *М. Островская.* Земельный быт сельского населения русского Севера в XVI–XVIII веках. СПб., 1913; *П. А. Колесников.* Северная Русь, вып. 1–2. Вологда, 1971–1973.

[60] «История Сибири с древнейших времен до наших дней», т. II. Л., 1968; *З. Я. Боршинова.* О формировании сословия государственных крестьян в Сибири (XVIII – первая четверть XIX в.).– «Труды Томского гос. университета», т. 177, 1964, стр. 44–54; *В. А. Александров.* Особенности феодального периода в Сибири (XVII в.).– «Вопросы истории», 1973, № 8; и др.

земельными участками, им не возбранялось даже иметь крепостных (но на весьма ограниченных основаниях). Однодворцы являли собой внутрисословную, обособленную группу. Главным образом в тех же местностях проживали так называемые служилые люди старых служб, также причисленные к государственным крестьянам, но власти учитывали их отдельно по тем же причинам [61].

Сословие государственных крестьян включило и ясачных людей, т. е. по преимуществу нерусское население Волжско-Камского края и Сибири. Кроме ясачных крестьян, сюда относились служилые мурзы и другие представители мелких феодалов нерусского населения. «Чистка» коснулась и их. Сравнительно немногие из них уцелели в рядах господствующего класса [62].

Очень непохожей на прочие разряды государственных крестьян была категория припущенников на башкирских землях (тептяри, бобыли и др.) [63].

О крайне малочисленной группе «обельных» крестьян, может быть, и не стоило бы упоминать, но для показа многосложности сословия государственных крестьян и этот факт имеет свое значение. За те или иные заслуги отдельные крестьяне и их потомки получали по указу верховной власти освобождение от налогов или вносили их в уменьшенном, льготном размере [64].

Позднефеодальная эпоха вызвала к жизни незнакомые предыдущим столетиям социальные разряды крестьян. Развитие крупной мануфактурной промышленности на базе углубления общественного разделения труда привело к созданию института приписных крестьян, призванных обеспечивать производственный процесс в не свойственной феодальному хозяйству сфере. От первых десятков «рудных» крестьян 30-х годов XVII в. на Урале эта категория в начале XVIII в. уже повела счет на тысячи, а затем на десятки и сотни тысяч людей. Притом речь может идти не только о металлургии. В XVII в. значительные контингенты крестьян (государственных, дворцовых и частновладельческих) привлекались для работы на предприятиях поташных и смольчужных. В следующем столетии номенклатура производств такого рода резко возросла. Наряду с приписной имела место покупка деревень к мануфактурам. Помимо того появилась многочисленная группа прикрепленных к предприятиям посессионных работников, включая и крестьян. Для социальных градаций феодальной деревни все это было ново и необычно. Следовательно, сословная структура крестьянства в ту пору усложнилась и в этом направлении. Приписные к казенным заводам по своему юридическому статусу могут рассматриваться в качестве разряда государ-

---

[61] *В. И. Семевский.* Указ соч., т. II, стр. 721–775, 776–803; *В. И. Недосекин.* Социально-экономическое развитие Черноземного Центра России во второй половине XVIII в. Автореф. докт. дисс. М., 1968.

[62] *И. Д. Кузнецов.* Очерки по истории чувашского крестьянства. Чебоксары, 1957; *В. Д. Димитриев.* История Чувашии XVIII века. Чебоксары. 1959. См. также обобщающие труды по истории Башкирии, Марийского края, Мордовии, Татарии, Удмуртии и Сибири.

[63] *С. М. Васильев.* К вопросу о землепользовании пришлого нерусского населения Башкирии в конце XVII – начале XVIII в.– В кн.: «Материалы научной сессии, посвященной 400-летию присоединения Башкирии к Русскому государству». Уфа, 1958, стр. 127–146; *У. Х. Рахматуллин.* Ясачные башкиры и башкирские припущенники в связи с колонизацией Башкирии XVIII века.– В кн.: «Вопросы социально-экономической и политической истории Среднего Поволжья и Приуралья периода феодализма. Научная сессия. Тезисы докладов». Чебоксары, 1973, стр. 42–45.

[64] *В. И. Семевский.* Указ соч., т. II, стр. 822–927.

ственных крестьян, равно как и посессионные. Купленные к мануфактурам, а также переведенные на них владельцами-помещиками крестьяне имели немало сходства с крепостными. Однако полного совпадения здесь не было [65].

Сам род занятий, специфика промышленного труда, подчас становящегося потомственным и малосвязанным с сельским хозяйством, денежная форма оплаты и другие моменты вырабатывают своеобразный социальный тип крестьянина. Он уже по ряду признаков не вполне крестьянин, а скорее «рабочий с наделом». В этом убеждает и судьба крепостных работников вотчинных мануфактур после реформы 1861 г. Они чаще всего пополняли ряды промышленного пролетариата. Все это приводило к частичному перераспределению населения по сферам производства в пользу промышленности.

Промышленное развитие, потребность в рабочих руках, тяга к повышению денежных доходов у помещиков делают возможным появление законтрактованных работников из крестьян. Владелец мануфактуры и владелец крепостных душ договариваются о передаче первому вторым крестьян для работы на предприятии, причем причитающиеся за работу деньги поступают в карман помещика. Здесь имеет место нечто напоминающее капитализированную заводскую барщину, что также создает особые условия существования для этой группы крестьян.

В районах Алтая и Нерчинска на протяжении XVIII в. складывается горнопромышленное хозяйство императорского Кабинета. Десятки тысяч крестьян этих мест работали на обслуживании рудников и заводов, образуя специфический слой зависимого населения, имевшего отличия и от дворцовых крестьян и от приписных к государственным и частным мануфактурам.

Для Среднего Поволжья и Прикамья в XVIII в. становится характерным наличие большого числа крестьян, привлеченных к обслуживанию нужд кораблестроения (заготовка и сплав строевого леса). Получившие наименование лашманов, эти крестьяне (как правило, из нерусского тяглого населения) также имели свои специфические черты.

Развитие гужевого транспорта, связанного с казенными, а также частными перевозками, привело к значительному увеличению числа ямщиков, составлявших сословную группу, и во второй половине XVIII в. по ряду признаков приравненных к крестьянам (но не крепостным) [66].

Те или иные сословные особенности, узкоместные черты отдельных групп населения (в том числе и упомянутых выше) время от времени даже подтверждались законодательно. Так, в середине XVIII в. магистрат г. Казани попытался пресечь торговлю местных ямщиков и служилых татар, не записанных в посад. До трех десятков лавок было опечатано. Пострадавшие, ссылаясь на давние царские грамоты и указы, обжаловали это решение в Сенате. Последний, несмотря на явное противоречие данного дела общераспространенному порядку, взял сторону

---

[65] Этим категориям населения посвящены многочисленные исследования по истории промышленности как по общим вопросам и отраслям (Е. И. Заозерской, Г. С. Исаева, К. А. Пажитнова, А. М. Панкратовой, Ф. Я. Полянского, Н. И. Павленко, С. Г. Струмилина), так и по отдельным районам: Уралу (П. А. Вагиной, Б. Б. Кафенгауза, А. Г. Козлова, В. Я. Кривоногова, П. В. Устюгова, А. С. Черкасовой, Е. Д. Харитоновой), Севера (Я. А. Балагурова, А. П. Глаголевой), Сибири (Т. И. Агаповой, О. Н. Вилкова, М. М. Громыко, Г. П. Жидкова, З. Г. Карпенко, И. И. Комогорцева, А. Н. Копылова).

[66] *В. И. Семевский.* Указ. соч., т. II, стр. 804–821.

ямщиков и татар. Им подтвердили прежние права в области торговли, а ямщикам — монополию на занятие «береговым извозом» [67].

Многочисленной категорией крестьянства являлись дворцовые. Перемены в их положении на протяжении XVII—XVIII вв. были достаточно существенными. С одной стороны, мы встречаемся с ограничением некоторых прав дворцовых крестьян, учащением практики насильственных переселений и другими фактами, дающими основания для вывода о сближении их с частновладельческими крепостными [68]. С другой стороны, более свободное обращение к вненадельному землевладению, разрешение некоторых земельных сделок, возможность подавать жалобы на администрацию (помещичьи крестьяне потеряли право жаловаться на своих господ), а также отсутствие практики торговли «живым товаром» — все это говорило в пользу эволюции данного разряда крестьян в направлении к государственным. Внутри дворцового крестьянства были устойчивые деления на собственно дворцовых, конюшенных и т. д. Короче говоря, и здесь не было полного единства в положении отдельных слоев дворцовой деревни. Некоторой внешней унификации категория дворцового крестьянства подверглась после образования Департамента уделов и переименования дворцовых крестьян в удельных (1797 г.) [69].

Если бы мы обратились к рассмотрению крестьянства Украины, Белоруссии, Прибалтики (что не входит в задачи статьи), то обнаружили бы и там много общего в классово-сословном делении с великороссийскими территориями. В то же время эти районы имели немало специфических черт исторического развития, что сказалось и на положении различных групп крестьянства. Многообразие сословных градаций было присуще и этим районам, так что взятая в целом Россия представляла собой еще более сложный, разнохарактерный социальный организм.

По необходимости самая краткая и общая характеристика класса-сословия крестьян дает право утверждать, что и в позднефеодальный период истории России наблюдается множественность разрядов и групп сельского трудового населения. Положение о консолидации этого класса в изучаемое время может быть понято лишь с учетом указанного обстоятельства, связанного с консервирующим влиянием феодально-крепостнической системы на нисходящей стадии ее развития. Попытки втиснуть в пределы узаконенной сословной структуры те группы крестьянства, которые по существу представляли своеобразный тип работников крупного промышленного производства, порождали новые и новые подразделения крестьянской массы. Но это уже не согласовалось с простым воспроизводством социальной структуры типично феодальной деревни. Здесь заключались признаки разложения усложняющейся системы феодального строя русской деревни.

Феодально-сословные рамки, в сохранении которых были заинтересованы абсолютистское государство и класс помещиков-крепостников, сплошь и рядом нарушались всем ходом исторического процесса. Они оказывались тесными для того, чтобы вместить все многообразие социальных типов крестьянства. Некоторые из этих типов утвердили свое существование, не будучи оформлены в какую-либо сословную категорию.

---

[67] ПСЗ, т. XVI, № 11888, 11889.
[68] *Е. И. Индова.* Дворцовое хозяйство в России. Первая половина XVIII в. М., 1964, стр. 18—40, 315—317.
[69] *В. И. Семевский.* Указ соч., т. II., стр. 1—193.

Знакомая по XVII — началу XVIII в. категория «гулящих людей»[70] (в значительной мере крестьян по происхождению) законодательно пресекается к середине XVIII в. Но на смену ей приходит новая группа временно выпавших из сферы феодальных отношений лиц, коих официальные бумаги стали называть «праздношатающимися» и «не помнящими родства». Насильственные меры по загону этих людей в крепостное ярмо или в разряд принудительно занятых на казенных и частных предприятиях работников не смогли в полной мере достигнуть своей цели. Эта неустойчивая, но в численном отношении немалая группа населения нередко поставляла кадры наемного труда для промышленности и сельского хозяйства[71].

Надо заметить, что повседневная действительность выдвигала перед государственным аппаратом России такие задачи, которые он не мог решить обычным бюрократическим путем, хотя и пытался это делать. Так, известно, что в течение XVIII в. сформировалась значительная прослойка лично свободного податного населения, источником для которой были отставные солдаты, матросы и их дети, отпущенные на волю крепостные, не состоявшие при должностях родственники представителей низших слоев духовенства, канцеляристов и т. п. Все эти люди за неимением в лексиконе царской бюрократии нужных определений получили обобщенное наименование «разночинцы». Из них выделялась тонкая прослойка демократической интеллигенции[72]. Но дело здесь было, конечно, не только в недостатке привычных словесных формул. Просто эта категория жителей империи как бы диссонировала с общим «крепостным уставом» страны, занимая промежуточное положение. Если присоединить сюда городское население, чья деятельность протекала в области промышленности и торговли, то можно говорить о складывании «третьего сословия» в России.

В обстановке «нового периода русской истории» хозяйственное неравенство постепенно вызывало и углубляло социальную дифференциацию крестьянства. Последняя шла в нескольких направлениях. Разорение полноценных тяглоспособных крестьян (причины его разнообразны: рост феодальной ренты и государственных налогов; сокращение производственных возможностей двора из-за выбытия работоспособного населения в армию, на заработки; стихийные бедствия; деятельность торгово-ростовщического капитала на почве втягивания крестьян в рыночные отношения и т. д.) приводило к росту бобыльских дворов, половничества и других форм поддержания хозяйства на пониженном уровне или полного разорения[73]. Нищенство, скитание «по миру», «меж двор» стало рас-

---

[70] *И. В. Степанов.* Гулящие — работные люди в Поволжье в XVII в.— «Исторические записки», т. 36, стр. 165—186; *Н. Б. Голикова.* Наемный труд в городах Поволжья в первой четверти XVIII века. М., 1965; *А. А. Преображенский.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII века. М., 1972, стр. 100—118.

[71] *Е. И. Заозерская.* Бегство и отход крестьян в первой половине XVIII в.— В кн.: «К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII—XVIII вв.)». Сб. статей. М., 1958, стр. 144—188; *И. В. Чекан.* Формирование рабочей силы для Астраханских и Красноярских казенных садов в середине XVIII в.— Там же, стр. 264—295.

[72] *М. М. Штранге.* Демократическая интеллигенция России в XVIII веке. М., 1965, стр. 13 и др.; *Г. Н. Вульфсон.* Понятие «разночинец» в XVIII — первой половине XIX в.— В кн.: «Очерки истории народов Поволжья и Приуралья», вып. 1. Казань, 1967, стр. 107—124.

[73] *А. Л. Шапиро.* Эволюция бобыльства в России XVIII в.— В кн.: «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1958 г.» Таллин, 1959, стр. 100 и др.; *А. Х. Горфункель.* Термин «бобыль» в источниках XVII века.— В кн.: «Вопросы историографии и источниковедения истории СССР». Сб. статей. М.—Л., 1963, стр. 647;

пространенным явлением. Попытки законодательно принудить помещиков к минимальному обеспечению маломощных, находящихся на грани разорения крестьян почти не имели эффекта. Феодал считал для себя более выгодным выпроводить крестьянина-голяка за пределы вотчины, чтобы поживиться за счет его доходов от работы на стороне. Периодически проводимые в деревне переделы земли до известной степени тормозили, сглаживали социальную градацию крестьянства, но пресечь ее не могли. Общинная организация крестьян не спасала от расслоения.

Прогрессирующее разорение широких крестьянских масс, отрыв части сельского населения от земли и другие факторы влияли на отношения помещика и крепостного, на формы эксплуатации. Земля как источник дохода постепенно теряет свое универсальное значение и в глазах феодала, и в представлениях правительства. В первом случае имеют место учащающиеся факты перевода крестьян на денежную ренту или на барские работы, преследующие выгоды от рыночной реализации продуктов (барщина с товарным уклоном, «месячина» и т. д.). Во втором случае меняется принцип налогообложения, также свидетельствующий об отходе от безусловности земельного кадастра. Налоговая реформа 1679—1681 гг. ввела вместо посошного подворное обложение, а правительство Петра I пошло еще дальше, почитая за облагаемый объект ревизскую душу.

Признаки той нищеты, которую феодализм передал по наследству капиталистическому обществу, стали в изучаемую эпоху сочетаться с иными факторами, указывавшими на принципиальные перемены в социальной структуре крестьянства. Да и сами институты типа половничества приобретают во многом характер, не свойственный предыдущим стадиям развития. Если перед нами крестьянин, посадский или купец, который имеет десятки, а в некоторых случаях сотни половников, эксплуатируя их труд в целях рыночной реализации полученной сельскохозяйственной продукции, то феодальной здесь остается лишь форма, оболочка [74]. Заметим, что значение этих смешанно-переходных форм труда, своеобразного синтеза старого и нового под традиционной скорлупой чрезвычайно велико. Попытки выделить непременно «чистые», свободные от наслоений буржуазные черты в эволюции крестьянства не всегда оправданы. Они в основном имеют значение для теоретических разработок, но не для конкретно-исторического исследования.

Начальные фазы формирования классов будущего капиталистического общества в большой мере протекали на базе углубляющегося расслоения крестьянства всех категорий. В недрах класса-сословия крестьян возникают группы с противоположными общественными интересами эксплуататоров и эксплуатируемых в условиях генезиса буржуазных отношений. Несмотря на всевозможные наслоения эпохи, вопреки искажающему

Ю. А. Тихонов. Имущественное положение половников Устюжского уезда в середине XVII в.— В кн.: «Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России». Сб. статей. М., 1961, стр. 54—60; *Н. Ф. Демидова.* К вопросу о социальной сущности половничества в XVIII в. (по материалам Яренского уезда).— В кн.: «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1963 г.» Вильнюс, 1964, стр. 305—316; *А. И. Комиссаренко.* Половничество на Вятке в первой половине XVIII в.— В кн.: «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1966 г.» Таллин, 1971, стр. 242—248; и др. Ср. поздние типы порядных в половники на Севере (середины XIX в.) (*А. А. Камкин.* Порядные крестьян-половников поморских уездов в XVI—XIX вв.—В кн.: «Аграрная история Европейского Севера СССР». Вологда, 1970, стр. 104—107).

[74] *А. С. Черевань.* Из истории земледельческого хозяйства государственных крестьян Карелии, Европейского Севера России и Урала во второй половине XVIII — первой трети XIX в.— В кн.: «Вопросы истории» (Сб. статей). Петрозаводск, 1961, стр. 90—91.

форму явлений феодально-крепостническому строю новое вторгается в жизнь, пробивает себе дорогу. На почве распространения товарно-денежных отношений происходит отслоение специализирующейся на торгово-промышленном предпринимательстве крестьянской верхушки, переход части ее в города, а также на купеческое положение[75]. В некоторых случаях феодальный патронат играл сложную, противоречивую роль. Могущественные магнаты типа Шереметевых поощряли предпринимательство своих крестьян, имея от эксплуатации «крепостной буржуазии» определенные выгоды. И в то же время они как бы оберегали здешний пролетариат от богачей[76].

Хорошо известно соперничество на рынке между купцами и торгующими крестьянами, особенно обострившееся в середине XVIII в. Даже в официальной отчетности казенных палат фигурирует специальный сбор с «крестьян купечествующих»[77].

Выделение слоя «капиталистых» крестьян, деревенской буржуазии наиболее отчетливо проявилось в жизни таких сельских пунктов, по социально-экономическому облику приближавшихся к городским центрам, как Павлово и Иваново. Сталеслесарные промыслы первого и текстильные второго стали базой вызревания капиталистического предпринимательства достаточно широкого масштаба.

Одновременно деревня выталкивала в широкий «мир» значительные группы работавших по найму в разных районах страны и в различных сферах народного хозяйства. Там встречались обладатели капиталов и наемные работники (сколь бы ограниченными ни были их права, если речь идет о крепостных) — и те, и другие крестьяне. На этот счет собран и обобщен довольно значительный материал по XVII—XVIII вв.[78] Тип двойной эксплуатации, о которой писал В. И. Ленин (со стороны помещика — «по наделу», со стороны предпринимателя — «по заработкам»), становится распространенным фактом для отходников.

Вне сельскохозяйственного производства, т. е. в промышленности, торговле, на транспорте, роль крестьянина-отходника была гораздо значительнее, чем в собственно деревне. Крестьянство всех разрядов являлось поставщиком наемной рабочей силы для мануфактур (частных и казенных), речного и гужевого транспорта, в качестве различного рода прислуги в городах, работающих за плату приказчиков, «сидельцев» и других служащих по торговым делам купцов. Это предполагало временность их пребывания в данном состоянии. Но, во-первых, сроки отхода были нередко достаточно длительными и повторяющимися. Введение паспортной

[75] *Л. Л. Муравьева.* Деревенская промышленность Центральной России второй половины XVII в. М., 1971; *Я. Е. Водарский.* Промышленные селения центральной России в период генезиса и развития капитализма. М., 1972; *С. И. Волков.* Крестьяне дворцовых владений Подмосковья в середине XVIII в. М., 1959; *Е. И. Индова.* Роль дворцовой деревни первой половины XVIII в. в формировании русского купечества.— «Исторические записки», т. 68, стр. 189—210; *В. И. Макаров.* К вопросу о разложении казенного крестьянства России в 50—60-е годы XVIII века.— «Ученые записки Ленинградского гос. педагогического института им. А. И. Герцена», т. 278, 1965, стр. 212—234; *С. М. Томсинский.* Торговля и подрядничество крестьян Приуралья в 1720—1740 годах.— «История СССР», 1965, № 2.

[76] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 3, стр. 403, 469.

[77] ПСЗ, т. XX, № 14957.

[78] *Е. И. Индова, А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов.* Буржуазное расслоение крестьянства в России XVII—XVIII вв.— «История СССР», 1962, № 3; *они же.* Классовая борьба крестьянства и становление буржуазных отношений в России (вторая половина XVII — XVIII в.).— «Вопросы истории», 1964, № 12; *Н. Л. Рубинштейн.* Сельское хозяйство России второй половины XVIII в. М., 1957, стр. 239—241, 309—310 и др.; *Б. Д. Греков.* Избранные труды, т. III. М., 1960, стр. 279; *В. Н. Шерстобоев.* Илимская пашня, т. II. Иркутск, 1957, стр. 670—671; и др.

системы свидетельствовало, что уход крестьян на заработки приобрел, вопреки всевозможным препятствиям, права гражданства даже в условиях креностническо-абсолютистского режима. Во-вторых, в силу распространения вширь и вглубь отход из деревни (подчас переплетающийся с бегством) получал свойства постоянно действующего фактора. Наиболее отчетливо он был выражен в государственной деревне, а также в оброчных селениях помещиков. Монастырских (после секуляризации — экономических) и дворцовых крестьян мы также часто видим в числе отходников [79].

Вполне справедливо замечено в литературе, что крестьяне-отходники были тогда предтечей рабочего класса капиталистической эпохи [80]. Они уже образовали слой общества, с которым нельзя было не считаться. По своим социальным функциям отходничество было объединяющим моментом для разных феодальных групп крестьянства. В номенклатуре сословий и сословных групп отходники не значились. Но постепенно усложнялась система законодательных норм, относящихся к регулированию отхода из деревни. Все чаще правительство обращается к регламентации условий наемного труда [81]. Взаимоотношения работодателя и наемного работника оказываются в поле зрения царских властей, центральных и местных. Важно учесть, что для сельской местности даже в XIX в. были широко распространены устные договоры между сторонами без фиксации в правительственных учреждениях. Но это не меняет сути дела. Все указывало на вторжение в классово-сословную структуру феодального общества явлений классообразования буржуазного типа. Эти выводы подтверждаются и в цикле исследований религиозно-оппозиционных течений в среде трудящихся [82].

Начальные стадии формирования будущих классов-антагонистов капиталистической эры, таким образом, приходятся на период позднего феодализма, особенно на вторую половину XVIII в. и предреформенные десятилетия XIX в. Новые социальные группы, типы населения развиваются как в рамках традиционной феодальной сословности, так и за ее пределами. В момент своего зарождения они нередко предстают в качестве межсословных и даже классово разнородных элементов. Так, буржуазия (с течением времени уже не только торговая) формируется за счет купечества, коммерсующего крестьянства и части «купечествующего» дворянства. Предпролетариат вбирает в себя разоряющиеся слои городского и сельского населения, крестьян-отходников, потомственных мануфактурных работников. Этот процесс протекает как путем разложения классово-сословной структуры феодализма, так и посредством появления новых, подчас усложненных социальных слоев, по внешним признакам еще сохраняющих облик феодальных, но уже изрядно видоизмененных категорий.

---

[79] «История Москвы», т. II. М., 1953, стр. 58—59, 308—309; *Л. Н. Семенова.* Рабочие Петербурга в первой половине XVIII века. Л., 1974, стр. 102; *Н. Л. Рубинштейн.* Некоторые вопросы формирования рынка рабочей силы в России XVIII века.— «Вопросы истории», 1952, № 2, стр. 89—93; и др.

[80] *А. М. Панкратова.* Наймиты на Руси в XVII в.— В кн.: «Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия». Сб. статей. М., 1952, стр. 215; *Н. М. Дружинин.* Генезис капитализма в России.— В кн.: «Десятый международный конгресс историков в Риме. Сентябрь 1955 г. Доклады советской делегации». М., 1956, стр. 196.

[81] *Б. Н. Казанцев.* Законодательство русского царизма по регулированию крестьянского отхода в XVII—XIX вв.— «Вопросы истории», 1970, № 6, стр. 20—31.

[82] *А. И. Клибанов.* К характеристике новых явлений в русской общественной мысли второй половины XVII — начала XVIII в.— «История СССР», 1963; № 3; *он же.* История религиозного сектантства России. М., 1965; *он же.* Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. М., 1973, стр. 74—117.

П. Г. Рындзюнский

СОСЛОВНО-ПОДАТНАЯ РЕФОРМА 1775 Г. И ГОРОДСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ

При феодализме социальная структура оформлялась как система классов-сословий, в отличие от последующего капиталистического общества, где существовали классы, свободные от юридического оформления. В истории России законодательная разработка сословной регламентации социальных отношений усилилась в период начавшегося разложения феодальных и становления капиталистических отношений; особенно много в этом направлении было сделано в XVIII в. То была реакция дворянского правительства на тревожные для него социальные процессы. В городах борьба нового со старым ощущалась особенно сильно, что осложняло поиски приемлемых для правительства решений. В сословно-податных реформах, несомненно, выразилось стремление абсолютизма в какой-то мере укрепить правовое положение буржуазии, но это еще не определяет их истинного исторического значения. Исследователю необходимо выяснить, насколько соответствовали предпринимаемые меры действительным потребностям буржуазного развития, имея в виду, что абсолютизм допускает последнее лишь в определенных рамках и формах. Оценить реформы и дать им правильную характеристику можно лишь путем соотнесения их с конкретной исторической обстановкой и исследования фактических последствий претворения их в жизнь.

В данной статье изучается характер сословно-податных преобразований городского строя 1775 г. и ближайших последующих лет, которые создали ту структуру официально признаваемого городского общества, которая в основном удержалась до конца феодальной эпохи и во многих своих чертах оставалась и при капитализме.

Дореволюционная историческая литература говорила о реформе 1775 г. преимущественно описательно. Наиболее интересно, пожалуй, о преобразованиях городского устройства писал А. С. Лаппо-Данилевский. Он пытался ответить на вопрос о соответствии устанавливаемых правительством норм действительным нуждам времени. Суждения историка на этот счет были достаточно определенны. В них, с одной стороны, безмерно идеализировалось создаваемое сословное объединение как организации «взаимного страхования свободной жизнедеятельности каждого из ее членов», с другой — утверждалось, что разработанное правительством устройство городов долгое время оставалось «мертвой формой, лишенной живого содержания», поскольку горожане «все еще не обладали достаточным запасом материальных и духовных сил» [1]. Представление о «преждевременности» городской политики русского абсолютизма, ввиду того что косное городское гражданство не могло воспользоваться даруемыми ему возможностями для самоорганизации на новых началах, разделялось и другими представителями государственной школы историков.

[1] *А. С. Лаппо-Данилевский.* Очерк внутренней политики Екатерины II. СПб., 1898, стр. 17–18, 35–36.

В работах советских исследователей обобщены сведения о ходе городского законодательства и привлечен важный архивный материал для его более глубокого изучения [2].

Советская историческая наука освободилась от идеализации законодательства Екатерины II, свойственного дореволюционным историкам. Указывая на классовую сущность реформ, проведенных дворянским правительством, авторы склонны отмечать их ограниченно прогрессивный характер. По вопросу же о соответствии реформ потребностям времени достаточно четких суждений не имеется.

Податная реформа 1722 г. распространила на горожан обязанность уплачивать подушную подать. Это упростило существовавшую до того систему обложения, но вместе с тем «усиливало феодальный характер прямого обложения посадского населения». «Городское население при обложении прямыми налогами было уравнено с основной массой населения феодально-крепостнической России» [3]. Как показал С. М. Троицкий, несоответствие приемов обложения и сословного устройства, насаждаемого правительством, с условиями жизни в городах привело к резкому обострению общественных отношений сразу же после провозглашения реформы. Противоречия в последующие 50 лет нарастали под влиянием усиления дифференциации городского населения и развития буржуазных отношений.

Манифест 17 марта 1775 г. [4] положил только начало новой сословно-податной системе в городах. Необходимые уточнения проводились правительством в течение последующих десяти лет.

Отделив купцов от мещан, манифест оставил последних при прежних платежах, а от купцов потребовал уплаты 1% с объявляемого ими добровольно и «по совести» капитала, минимальный размер которого равнялся 500 руб. Эта цифра реально означала лишь то, что человек, желавший войти в купечество, соглашался уплачивать по пять рублей в год. Новая купеческая подать заменила дополнительный сбор в 80 коп. к подушной подати и многочисленные частно-промысловые сборы, которые широко разрослись в предшествовавшие десятилетия.

Начав преобразования, Сенат в апреле и мае 1775 г. проводил работу по уточнению положения о купечестве, в связи с чем на места посылались запросы о существующем порядке разделения купечества на гильдии и о его службах. Собирались также данные о первых результатах податной реформы: о количестве лиц, записавшихся в купцы, и о размерах объявляемых капиталов. По сведениям Сената на 23 мая 1775 г., из имевшихся ранее 221 573 купцов по новому распорядку в купечество записалось только 27 тысяч человек [5].

В нашем распоряжении имеется подробная ведомость о распределении посадского населения на купцов и мещан в различных местностях

---

[2] *Ю. Р. Клокман.* Город в законодательстве русского абсолютизма.— В кн.: «Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.)». Сб. статей. М., 1964; *он же.* Социально-экономическая история русского города. Вторая половина XVIII века. М., 1967; *М. П. Павлова-Сильванская.* Социальная сущность областной реформы Екатерины II.— В кн.: «Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.)». Сб. статей; *М. Я. Волков.* Формирование городской буржуазии в России XVII—XVIII вв.— В кн.: «Города феодальной России». Сб. статей. М., 1966.

[3] *С. М. Троицкий.* Борьба посадов против фискальной политики русского абсолютизма в 20-х годах XVIII в.— В кн.: «Города феодальной России». Сб статей, стр. 430—431.

[4] ПСЗ, т. XX, № 14275.

[5] ЦГАДА, ф. 248 (Сенат), оп. 259/14, кн. 4585, д. 12, л. 295 об. О разделении купцов на гильдии, 1789 г.

России, вплоть до отдельных городов [6]. В ней в итоге показано записавшихся в купцы 24 562 человека и (по г. Орлу) 402 двора. По предшествовавшей III ревизии (1762 г.), вместе с людьми, прибывшими после нее, по тем городам, откуда ко времени составления ведомости успели поступить сведения о разделении между мещанством и купечеством, считалось 213 053 души (всего по России, включая население вновь присоединившихся по разделу Польши городов,— 229 748 душ). Таким образом, в рассматриваемом нами источнике учтены почти все горожане, числившиеся по III ревизии. Согласно сделанному составителями ведомости расчету, в котором, очевидно, принималось во внимание лишь зарегистрированное в III ревизию посадское население, в мещанстве должно было быть остаточных 184 354 души и (по г. Орлу) 1100 дворов. Рукопись «Статистические сведения о купечестве», как называется эта ведомость, точной даты не имеет, но, судя по обозначенному в ней количеству записавшихся в купцы, которое меньше числа, указанного в докладе Сената 23 мая 1775 г., документ этот фиксирует самые первоначальные результаты применения правил, изложенных в манифесте.

Сведения о распределении горожан между двумя главными вновь образованными сословиями интересны как свидетельство степени успеха податной реформы и одновременно как показатель расслоения населения русского города. Со времени проведения III ревизии к 1775 г. прошло около 13 лет. По обычному правилу естественные перемены за этот срок в составе записанных по ревизии горожан не принимались во внимание; по разным случаям «убылые души» оставались в окладе. Поэтому общее число горожан, отмеченное в ведомости, не соответствовало действительному их количеству. Однако в нашем документе, хотя и не по всем, но по большинству городов, помимо формального числа горожан указаны и наличные «души». Под последними, впрочем, нельзя подразумевать весь контингент живущих в городах, поскольку в круг «наличных», видимо, не входили родившиеся после ревизии или люди, каким-либо путем вступившие в горожане в этот срок. Но естественный прирост городского населения был очень мал, и родившиеся после ревизии по своему возрасту еще не могли стать хозяйственно самостоятельными людьми. Поэтому число наличных душ в городах, указанное в ведомости, может считаться сравнительно близким к действительности.

Московская и Смоленская губернии во время III ревизии сосредоточивали у себя 36,9% всего купеческого в тогдашнем смысле этого слова (в дальнейшем будем означать его термином «посадское») населения России. По разделении 1775 г. на этой территории оказалось 47,2% лиц, записавшихся в купцы от общего их числа в России. В превышении второй цифры процента над первой сказалось передовое положение, какое занял нечерноземный центр в буржуазном развитии. Превосходство доли записавшихся в купечество над долей всех горожан в этом районе было большим, чем в каком-либо другом районе России.

Распределение наличных душ между купечеством и людьми, оставшимися при прежних правах и окладах, т. е. мещанами, можно узнать по всей этой территории, за исключением Костромской и Суздальской провинций Московской губернии. В купечество вошло 22,5%, в мещанство 77,5%. Следовательно, относительно состоятельная верхушка горожан здесь была значительна.

---

[6] ЦГАДА, ф. 19 (Госархив), разряд XIX, 1775–1776 гг., д. 319, лл. 1–33. Статистические сведения о купечестве.

Новгородская и Псковская губернии вместе с городом Петербургом по III ревизии имели 19,4% посадских, купцов же в них при записи в 1775 г. оказалось меньше: 16,9%. Распределение наличных душ между купцами и мещанами известно лишь по Олонецкой провинции, где в купцы записалось только 12,2% горожан, а 87,8% осталось в мещанах.

В Северном районе количество лиц, согласившихся платить купеческую подать, соответствовало весомости района по численности горожан. В Архангелогородской губернии посадских по III ревизии было 5,2% от общего их числа в России, и точно такой же показатель дали лица, записавшиеся в купцы. Здесь купцов из всей массы наличных горожан оказалось меньше среднего уровня: 16,7%, в мещане вступило 83,3%.

Другое положение сложилось в Среднем и Нижнем Поволжье и в Заволжье. В Нижегородской, Казанской, Оренбургской и Астраханской губерниях в купцы вошло лишь 8,5% от общего их количества по России, в то время как посадских по III ревизии числилось 15,3%. Таким образом, в Поволжье заметно отставание роста городской буржуазии. Из наличных посадских в купцы вошло только 9,2%, остальные 90,8% отказались объявить капиталы и стали мещанами (в этот последний подсчет не вошли сведения по Казанской, Арзамасской и Илецкой провинциям).

Центральное черноземное пространство представлено Воронежской и Белгородской губерниями. Обладая 15,8% посадских, эти губернии дали 17,8% вновь записанных купцов. Из наличных горожан захотели стать купцами 21,2%, в мещанах же оказалось 78,8% горожан (в сведения не вошла Шацкая провинция). Как видно, в относительном исчислении более богатой части горожан (купечества) земледельческий центр почти не отставал от центра промышленного.

Западный район, представленный Могилевской губернией, обладая по III ревизии 2,4% посадских России, дал лишь 0,6% купечества.

Сибирь в нашей ведомости представлена Тобольской провинцией. По III ревизии в ней записано 4,9% посадских, но в купечество поступило только 2,3% от общего его числа по России.

Наконец, в южных районах (Азовская и Новороссийская губернии), в связи с территориальными изменениями и административными преобразованиями, динамика численности городских сословий затемнена. Ко времени составления ведомости прослойка купечества в городском населении оказалась весьма значительной: 23,1% купцов и 76,9% мещан.

Для получения более отчетливой картины распределения горожан по сословно-податным категориям во всей России, каким оно было в первое время после провозглашения податной реформы 1775 г., сведем указанные выше данные в таблицу (см. на стр. 90).

Из таблицы видно, что преобладание доли лиц, вновь записавшихся в купечество, над долей людей, числившихся в горожанах по III ревизии, имело место в центрально-нечерноземных, центрально-черноземных и (условно) южных губерниях. Наоборот, меньшая доля записавшихся в купцы по сравнению с долей горожан была в северо-западных, приволжских, западной и сибирской губерниях. В северной губернии оба сравниваемые относительные показатели были равны. Изучая данные ведомости, следует иметь в виду поспешность ее составления, в связи с чем по отдельным местам, особенно по дальним окраинам, количество записавшихся в купцы могло быть учтено неполно. В этом случае по принятой системе расчета не только занижалось число купцов, но и автоматически превышалась численность мещанства.

Таблица*

Районы	Количество людей городских сословий по III ревизии	Записалось в купечество по манифесту 1775 г.	Из известного количества наличных душ вошло	
			в купечество	в мещанство
	в % к итогу по России		в % к итогу по району	
Центрально-нечерноземные губернии: Московская и Смоленская	36,9	47,2	22,5	77,5
Северо-западные губернии: Новгородская, Псковская, г. Петербург	19,4	16,9	12,2	87,8
Северная губерния: Архангелогородская	5,2	5,2	16,7	83,3
Приволжские губернии: Нижегородская, Казанская, Оренбургская, Астраханская	15,3	8,5	9,2	90,8
Центрально-черноземные губернии: Воронежская, Белгородская	15,8	17,8	21,2	78,8
Западная губерния: Могилевская	2,4	0,6	—	—
Сибирская губерния: Тобольская	4,9	2,3	—	—
Южные губернии: Азовская, Новороссийская	0,1	1,5	23,1	76,9
Итого:	100,0	100,0	19,0	81,0

* Указанные в ведомости по Орловской провинции «дворы» причислены к числу лиц из расчета: 1 «двор» = 1 лицу, подлежащему обложению.

В целом по России в купцы пошли многие горожане: 11,8% от числившихся по ревизии посадских, а от наличных людей, где на этот счет имеются сведения,— 19,0%.

Каковы были первые финансовые результаты реформы? В среднем купцы объявляли капиталы с тем расчетом, чтобы платить ежегодной подати по 6 руб. 16 коп., т. е. в большинстве случаев приближаясь к минимальному размеру объявляемого капитала (500 руб.). Все же реформа обещала дать к ранее собиравшимся с городского населения 261 396 руб. прирост в 113 730 руб. 11,8% прежних посадских теперь в форме купеческой подати обязывались обеспечить поступление 59% собиравшихся ранее с горожан денег или 41% от возросшей от разделения на купцов и мещан суммы податей.

Видимо, такое приращение доходов правительству казалось недостаточным. При пробном эксперименте, который был сделан в Москве [7], предполагалось, что доходы с горожан увеличатся более чем вдесятеро. Неудовлетворяющий правительство результат активизировал поиски новых решений сословно-податного устройства горожан. Из Сената вновь посылались запросы к местным властям о действительном положении вещей в городах и о желательных мерах его улучшения.

Из ответов, полученных в Сенате, выделяется сообщение могилевского губернатора, который передавал мнения купцов — членов местного

[7] *Ю. Р. Клокман.* Социально-экономическая история русского города, стр. 91—92.

магистрата, что они являются «не в образец прочим существительными дворянами» с правом торговли и потому могут торговать, не входя в гильдии. Эти притязания местного купечества опирались на привилегии, данные царем Алексеем Михайловичем. В связи с этим могилевский губернатор, чтобы парировать сепаратистские тенденции, советовал подготовляемый закон о городах оформить торжественно, назвав его «Жалованной ее императорского величества грамотой». Так еще за 10 лет до того было сформулировано название будущего основного закона о городах [8]. В связи с сообщением могилевского губернатора отметим важную сторону Городового положения 1785 г. Внося единство в городское устройство, оно преодолевало пережиточные черты своеобразия в западных районах страны (Белоруссии, Правобережной Украины, Прибалтики), которые, возвышая бюргерскую верхушку, тягостно отражались на положении основной массы горожан.

В ходе разработки реформы в Сенате после указа 25 мая 1775 г., уточнившего вопрос о разделении купцов на гильдии [9], рассматривались две записки: «План о выгодах и должностях купечества и мещанства» и «Записка о подкреплении скудных граждан». Автором первого документа указывался обер-прокурор I департамента Сената М. Ф. Соймонов. Очевидно, уточнение правового и податного положения различных разрядов купечества и мещанства в «Плане» стимулировалось мыслью о том, что недостаточное, по мнению Сената, перечисление в купечество проистекает от нечеткого разделения прав и обязанностей мещан и купцов. При таком условии мещане надеются и без уплаты купеческой подати иметь достаточные возможности для ведения промыслов. «План» Соймонова частично повторял положения указа 25 мая 1775 г. и явился подготовительным звеном в разработке общего Городового положения. Он рассмотрен в монографии Ю. Р. Клокмана [10].

«Записка о подкреплении скудных граждан» [11] находится в том же деле, что и «План» Соймонова, но отсутствуют точные сведения, что она рассматривалась в Сенате. Ее содержание идет вразрез общему направлению городского законодательства своего времени. «Записка» обращает внимание на судьбу тех, кто за выключением купечества по новому положению должен был остаться в мещанстве: какие у них будут источники существования, насколько они будут платежеспособны? При ответе на эти вопросы неизвестный нам автор «Записки» держался самых пессимистических взглядов. Прежде, при круговой поруке, за беднейших горожан подати уплачивали богатые купцы; теперь, когда последние в податном отношении отделились, этого уже не будет. Надо искать средства для повышения платежеспособности мещан, улучшения их быта и усовершенствования городского устройства.

Поиски в этом направлении привели автора к следующему. Он обратил внимание на чрезвычайное развитие крестьянского предпринимательства в городах, несмотря на все запретительные меры. «Некоторые объявляют,— сказано в «Записке»,— что в одном Петербурге таких торгующих крестьян находится до 10 тысяч человек; причиною же состоят некоторые из купцов, потому что позволили им иметь до 2000 лавок под своими именами, получая от них за одно только имя по 10-ти и по 15-ти рублей

---

[8] ЦГАДА, ф. 248, оп. 259/14, кн. 4585, д. 12, л. 229.
[9] ПСЗ, т. XX, № 14327.
[10] *Ю. Р. Клокман.* Социально-экономическая история русского города, стр. 110—112.
[11] ЦГАДА, ф. 248, оп. 259/14, кн. 4585, д. 12, лл. 308—309 об.

с каждой лавки». По расчетам автора богатые купцы, таким образом, получают в свои руки 20—30 тысяч руб. Он убежден, что запрещать крестьянскую торговлю в городах безнадежно и потому следует ее разрешить, но с тем чтобы крестьяне имели дело в городах не с частными лицами — богатыми купцами, а с магистратами и ратушами, куда уплачивали бы особый сбор: по одному проценту с объявляемого ими капитала или «с места, где торг производить будут». В «Записке» высказывается уверенность, что этот способ собирания денег окажется перспективным и не только подкрепит неимущих граждан, но, за удовлетворением этой первейшей потребности, останутся еще деньги на устройство в городах школ и разных благотворительных учреждений.

Особенность документа в том, что в нем торговля в городах крестьян не осуждается, как это тогда было принято,— автор даже заботится о нуждах торгующих крестьян. «Сим образом (т. е. предложенным автором способом.— *П. Р.*) крестьяне, свободно отправляя в городах и слободах торговлю, не будут опасаться потеряния капитала своего, чему они по нынешним запрещениям всегда подвержены». Вся изобличительная и осуждающая сторона «Записки» обращена на «корыстолюбивых людей», т. е. богатых купцов; сочувствием автора пользуются бедные горожане и в некоторой мере крестьяне, промышлявшие в городах.

Такая сравнительно демократическая настроенность автора записки-проекта резко противополагает его главному направлению государственной политики в отношении регулирования городообразовательных процессов, которая состояла в том, чтобы затруднить приход в город крестьян. Автор «Записки» предвосхищал следующий этап сословно-податной политики в городах, который начал давать о себе знать лишь в самом конце XVIII в. при принятии уставов столичных городов (1798—1799 гг.), когда ценой уплаты акциза в пользу города крестьяне приобретали право на некоторые промыслы в городах.

Пока же возымела верх тенденция иного порядка: задерживать проникновение крестьян в город. Здесь законодатели встретились с необходимостью как-то реагировать на самые живые и решающие проблемы городского развития. Последнее в огромной мере зависело от того, насколько свободным будет процесс восполнения и роста городского населения извне, потому что при обычной естественной его убыли и при экономической отсталости верхушки городской буржуазии только приток новых кадров мог оживить хозяйственную жизнь городов и увеличить их население. Но решение вопроса об этом непосредственно сопрягалось с признанием или непризнанием за русским городом освободительной миссии по отношению к приходящим в него крепостным или полукрепостным людям.

В какой-то мере это, видимо, осознавалось правящими инстанциями. Существующую систему перехода крестьян в города даже Сенат признал «несносною». Отсюда необычное для официальных актов предваряющее окончательное решение вопроса всенародное оповещение о подготовке кардинального изменения этой системы, содержавшееся в указах 10 октября 1776 г. и 25 июля 1777 г.[12] В последнем имелось провоцирующее уверение, что если предполагаемая реформа не произойдет, то записавшиеся в город крестьяне смогут безболезненно для себя вернуться в прежнее свое положение (обещание это не было выполнено). Для правительства сильным стимулом к постановке вопроса об изменении порядка

---

[12] ПСЗ, т. XX, № 14516, 14632.

вступления в городское гражданство была практика основания новых городов из сел, успех которой ограничивался затруднениями при переходе людей из одного сословия в другое.

Почему же после колебаний в решении вопроса, имевшего столь большое значение для судеб города, правительство раньше в указе 2 июля 1782 г., а затем в Городовом положении 1785 г.[13] резко и решительно свернуло на путь закрепления прежней запретительной системы?

Этому способствовало то обстоятельство, что, подав надежду на ослабление преград для перехода людей в города, правительство неожиданно столкнулось с проявлением большой общественной активности, в которой нельзя было не приметить разрушительного по отношению к крепостнической системе начала. Высшим моментом в развитии этой тенденции оказались события в Петрозаводске. В постановлении Сената 5 декабря 1778 г. они прямо квалифицировались как «злоупотребление», возможность повторения которого где-либо надо было постараться пресечь. Сущность «злоупотребления» состояла в том, что когда приписанные к олонецким заводам крестьяне целыми волостями стали просить о приписке их в купцы и мещане Петрозаводска, местные власти, преследуя цель лишь увеличить число горожан, этому потворствовали. Просьбы заводских крестьян о переводе их в горожане объяснялись Соймоновым стремлением избавиться от обязательных заводских работ [14].

Консервативное решение проблемы, имевшей основное значение для развития процессов городообразования, уже дает нам основание для соответствующей квалификации всего городского законодательства 70—80-х годов XVIII в. Но остановимся на том, какое значение имело оно для укрепления позиции городской буржуазии.

Здесь большую роль играют показатели динамики численности купечества. Сопоставим данные на две даты: IV ревизии по окладной книге 1786 г. и V ревизии по окладной книге 1800 г.[15] В двух столичных губерниях, Петербургской и Московской, в 1786 г. на каждую сотню душ, состоявших в окладе, горожан (купцов, мещан и цеховых) в среднем было 5,5, а в 1800 г.— 7,6 душ муж. пола. Рост небольшой. Его значение умеряется еще и тем, что он происходил главным образом за счет прибыли мещан, т. е. людей, по своему податному положению, да и во многих других отношениях мало отличавшихся от государственных крестьян. В самом деле, если в 1786 г. на каждые 100 человек мещан муж. пола приходилось в этих губерниях по 88,7 купцов, то в 1800 г. лишь 62,4. В 9 остальных губерниях центральной нечерноземной полосы развитие шло в том же духе: доля горожан во всем податном населении по аналогичному исчислению поднялась лишь с 3,3 до 3,6, а доля купцов по отношению к мещанам снизилась с 62,1 до 40,2. Схожая динамика обнаруживается и в семи губерниях центрально-черноземной полосы: относительно всего податного населения небольшой рост горожан — с 2,6 до 3,2; в распределении горожан по сословиям снижение доли купечества — с 52,7 до 46,9.

В 1800 г. в рассмотренных трех группах губерний сосредоточивалось более половины всего городского гражданства Европейской России (51,2%), к тому же это были районы центральные, олицетворявшие своей

---

[13] Там же, т. XXI, № 15459; т. XXII, № 16188, п. 139.

[14] ЦГАДА, ф. 248, оп. 259/14, кн. 4585, д. 12, л. 310 об.; см. также *Ю. Р. Клокман.* Социально-экономическая история русского города, стр. 104—109.

[15] «Переписи населения России», вып. IV. М., 1972 (ротапринт); *П. Г. Рындзюнский.* Городское гражданство дореформенной России. М., 1958, стр. 98—103.

эволюцией путь развития страны в целом. Они рисуют картину застоя относительного количества горожан и деградацию их состава, поскольку рост купечества отставал от мещанства. Мы имеем дело с небольшим промежутком времени, всего в 14 лет. Но, сочетая наши сведения с известным в литературе процессом в первой четверти XIX в., можно заключить, что то было симптомом начавшегося «упадка купеческих капиталов», который быстро нарастал и с большой силой выявился в XIX в. [16]

В уменьшении численности патентованной городской буржуазии находило выражение развитие капиталистических отношений,— новому его этапу уже не соответствовало старое купечество, для которого условия феодально-крепостнического строя являлись главной опорой роста и благополучия [17].

В XVIII в. на окраинах развитие шло несколько по-другому, чем в центре. В двух Приуральских губерниях (Вятской и Пермской) поднялся удельный вес не только всего городского населения (с 1,5 до 1,9), но и купечества относительно мещанства (с 10,9 до 15,8). Еще резче это проявилось в приволжских губерниях (Симбирской, Казанской, Пензенской — ее в 1800 г. не было, Саратовской, Астраханской) [18]. Там рост выражался соответственно: с 2,2 до 3,2 и с 19,4 до 39,9. В Прибалтике произошли аналогичные изменения: с 2,7 до 2,9 и с 17,9 до 37,1. Но районы, где умножалось городское гражданство и рост числа купцов обгонял рост числа мещан, не изменяли общероссийской картины.

Под давлением обстоятельств администрация, вопреки торжественно объявленной в законе свободе записи в ту или иную купеческую гильдию и уверений, что правильность объявлений капиталов не будет проверяться, стала заставлять купцов оставаться в старых окладах. Сведения об этом шли из разных мест. Особенно выразительны они по Москве. Там даже самые богатые купцы опрашивались, почему они снижают объявленные капиталы; к тем, кто это делал или совсем уходил из купечества, применяли угрозу насильственно записать в прежнюю гильдию, а то и грозились в виде наказания поставить в дома «воинские экспедиции» [19]. В подобных действиях администрации наглядно выражается неудача сословно-податной реформы даже в отношении тех дел, которые касались слоев населения, получавших наибольшие блага от нее.

В чем причина неудачи реформаторской деятельности правительства? Одна из них — непоследовательность изменений. В сословном отношении купечество не было радикально отъединено от податного сословия мещан. Выход в купцы, в сущности, означал лишь временный откуп от подушной подати, от круговой поруки, от рекрутчины в натуре и от других последствий пребывания в податном сословии; при временном неуспехе, когда пропадала возможность вести по-прежнему дела и платить прежнюю подать, купец механически переводился в мещанство. Такая переборка кадров купцов происходила ежегодно. Неустойчивость пребывания в купцах снижала его привлекательность. Немалое значение имело и постепенное возвышение гильдейских платежей, минимальный размер которых с 1775 по 1797 г. дошел по гильдиям с 100, 10 и 5 руб. соответственно до

---

[16] *П. Г. Рындзюнский.* Указ соч., стр. 96—106.

[17] Об экономических причинах падения численности купечества см.: *В. Н. Яковцевский.* Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. М., 1953.

[18] В данные по губерниям внесены исправления соответственно изменению административных границ.

[19] ЦГА г. Москвы, ф. 16 (Канцелярия московского военного генерал-губернатора), оп. 1, д. 259, 1787 г.; д. 635, 1789 г.

200, 80 и 20 руб. (за это время курс ассигнационного рубля понижался сравнительно немного: с 99 до 79 коп. серебром).

Однако основная глубинная причина неуспеха заключалась в другом. Реформы 70—80-х годов XVIII в. были рассчитаны на то, чтобы оказать некоторую поддержку преимущественно тем издавна сложившимся кадрам буржуазии, которые выросли на почве средневековых порядков, срослись с ними. Ходом экономического развития эта буржуазия разорялась и была осуждена на вымирание. Только этого типа буржуазию соглашалось поддерживать феодально-абсолютистское правительство. Выраставшие в крестьянской среде капиталисты, поднимающиеся из рядов мелкой городской буржуазии удачливые элементы не находили себе должной поддержки. А именно из их среды могло приходить пополнение купечества. Важнейший порок реформирования городского строя — закрепление того порядка перехода в городские сословия извне, который был принят в стародавние времена и, по существу, был малодейственным. В этом с особой силой сказывались феодальные, консервативные черты городского законодательства.

Из сказанного явствует, насколько неправа была дореволюционная историография, утверждая, что русский город недозрел еще до того, чтобы наполнить живым содержанием предлагавшиеся законодателем сословные формы. В современной советской исторической литературе имеется тенденция характеризовать городское законодательство Екатерины II как серию мер, ограниченно способствовавших прогрессу и направленных на поддержку высших слоев городской буржуазии. В свете ранее сказанного было бы более уместно подчеркивать консервативные черты этого законодательства, которые определяли общий его характер.

Е. И. Дружинина

СУДЬБЫ КРУПНЕЙШЕГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ НОВОРОССИИ

История казенной промышленности дореформенной России привлекала к себе внимание многих исследователей, изучавших ее применительно к отдельным предприятиям, отраслям и регионам.

Для южной части Украины (Новороссии) создание в конце XVIII в. государственных мануфактур имело исключительно важное значение, так как ранее на этой территории крупной промышленности не существовало. Настоящая статья имеет целью показать на конкретном примере «Екатеринославской казенной суконной фабрики» (с научной точки зрения — мануфактуры) особенности эволюции государственной промышленности в период кризиса феодального строя. Этому помогают документы, хранящиеся в Центральном государственном военно-историческом архиве (далее — ЦГВИА), в значительной части не тронутые исследователями.

Изучающие екатеринославскую суконную мануфактуру обращаются прежде всего,— и это вполне естественно,— к фонду этого предприятия, хранящемуся в Государственном архиве Днепропетровской области (далее — ГАДО). Фонд состоит из деловой переписки администрации предприятия (41 ед. хр. за 1789—1802 гг.).

Неискушенный исследователь на первых порах может быть озадачен: мануфактура под названием «Екатеринославской» существует в 1786—1794 гг. не в Екатеринославе, а в местечке Дубровна Могилевской губернии. Кроме нее, под Москвой в слободе Купавна комплектуется «Екатеринославская шелково-чулочная казенная фабрика». Для того и другого предприятий государство покупает у владельцев и на аукционе сведущих в суконном и шелкомотальном деле крепостных, приглашает иностранных специалистов, приобретает ткацкие, прядильные и прочие станы.

Все это объяснялось тем, что Екатеринослав еще только строился. Основанный в 1776 г. при впадении р. Кильчени в р. Самару, он был перенесен в 1784 г. на правый берег Днепра. В первые годы в нем негде было поместить промышленные предприятия, не говоря уже о том, что в Новороссии нельзя было найти ни оборудования, ни соответствующих кадров для суконной промышленности. Между тем правительство считало, что именно здесь, в пограничном районе, необходимо как можно скорее создать предприятия, которые обеспечивали бы армию обмундированием, снаряжением и вооружением. При этом Г. А. Потемкин и его активный помощник в Новороссии В. С. Попов учитывали перспективы развития Степной Украины, где быстро растущее овцеводство обещало со временем стать источником сырья для изготовления солдатских и офицерских сукон.

Таким образом, документы «дубровинского периода» красноречиво свидетельствуют, во-первых, о роли правительственной инициативы в создании крупной промышленности Новороссии, а во-вторых, о значении технического опыта более развитых — центральных районов страны для раз-

вития промышленности юга. Характерно, что вскоре после перевода мануфактуры в Екатеринослав в 1794 г. помещики соседних с Новороссией губерний стали посылать туда своих крепостных для обучения суконному делу.

Ценным дополнением к материалам ГАДО являются отдельные документы из фонда В. С. Попова, хранящиеся в Государственном архиве Крымской области в Симферополе. Здесь имеется материал, подобный хранящемуся в ГАДО, в частности, отчеты о количестве и качестве выпущенной продукции. К одному из отчетов прикреплены разноцветные образчики изготовленного сукна, свидетельствующие о высоком качестве материала и красок.

Наконец, фонд Мануфактур-коллегии, находящийся в настоящее время в Центральном государственном историческом архиве СССР в Ленинграде (далее — ЦГИА СССР) — содержит очень важные сводные данные о числе рабочих, инвентаре и масштабах производства екатеринославской мануфактуры в конце XVIII — начале XIX в.

Материалы указанных трех фондов позволяют конкретно представить историю екатеринославской мануфактуры за первые годы ее существования, когда она сформировалась, была переведена на место своего назначения и разместилась в наскоро сколоченных деревянных корпусах Екатеринослава. Суконное и шелковочулочное предприятия вскоре слились здесь в единую централизованную мануфактуру. Поблизости от мануфактуры в слободе Сурской были поселены приписные крестьяне, выполнявшие различные подсобные функции (подноска воды в красильню и пр.).

Уже в начале XIX в. екатеринославская мануфактура стала одним из самых крупных суконных предприятий в стране. Если среднее число рабочих в суконной промышленности России составляло в течение всей первой четверти XIX в. около 200 человек, то на екатеринославской мануфактуре в 1804 г. работало 1305 мастеровых, рабочих и низших служащих обоего пола. Кроме того, приписные Сурской слободы составляли 1033 человека. Квалификация мастеров и рабочих была настолько высока, что мануфактура могла выпускать тонкие сукна для гвардии. Однако потребность в солдатских сукнах нередко давала ей другое направление; так, в 1790-х годах она выпускала ежегодно 76 230 аршин солдатского сукна и 47 099 аршин каразеи. Продукция поступала в казну, а отчасти сбывалась на ярмарках [1].

Три фонда, охарактеризованные выше и отчасти использованные в литературе, содержат сведения, не выходящие за рамки начала XIX в. Отсутствие в них более поздней документации о екатеринославской казенной мануфактуре побудило украинских исследователей, в частности Т. И. Деревянкина, сделать вывод, что, возникнув в конце XVIII в., она «вскоре закрылась» [2]. В обобщающей работе Г. С. Исаева о текстильной промышленности 1760—1860 гг. екатеринославская мануфактура даже не упоминается [3].

---

[1] *К. А. Пажитнов.* На казенной Екатеринославской суконной и шелково-чулочной фабрике.— «Труд в России». Исторический сборник, кн. 2. Л., 1924; *Е. И. Дружинина.* Северное Причерноморье в 1775—1800 гг. М., 1959, стр. 229—239; *она же.* Южная Украина в 1800—1825 гг. М., 1970, стр. 264—275. Данные о числе рабочих-суконщиков по стране взяты из кн.: *К. А. Пажитнов.* Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России. Шерстяная промышленность. М., 1955, стр. 31, 35, 55.

[2] *Т. И. Деревянкин.* Мануфактура на Украине в конце XVIII — первой половине XIX в. (Текстильное производство). Автореф. канд. дисс. Киев, 1959, стр. 5.

[3] *Г. С. Исаев.* Роль текстильной промышленности в генезисе и развитии капитализма в России, 1760—1860 гг. Л., 1970.

Между тем вывод о ликвидации екатеринославской мануфактуры в начале XIX в. опровергают другие источники, в том числе и документы «Полного собрания законов Российской империи». В ПСЗ имеются прямые указания на то, что в 1804 г. «Екатеринославская казенная суконная фабрика» была передана в ведение Комиссариатского департамента Военного министерства и отнюдь не была закрыта[4]. На существование в Екатеринославе казенной суконной фабрики указывают и материалы ревизий, в которых сообщаются данные о численности прикрепленных к ней «мастеровых и крестьян» вплоть до 1834 г.[5] Наконец, историки должны принимать во внимание и такие источники, как архитектурные памятники. От Екатеринославской фабрики до наших дней сохранился двухэтажный каменный корпус, построенный, как мне уже приходилось отмечать[6], в стиле 20-х годов XIX в. Считая фабрику ликвидированной в начале XIX в., авторы «Истории Украинской ССР» отнесли этот ценный памятник архитектуры к XVIII веку[7]. В новейшем (1974 г.) путеводителе по Днепропетровску он датирован концом XVIII — началом XIX в.

Обнаруженные мной документы ЦГВИА не только подтверждают высказанные ранее предположения, но и позволяют определить время построения на территории мануфактуры важнейших корпусов, а также выяснить обстоятельства и точную дату упразднения этого предприятия. Сейчас, когда Днепропетровск (б. Екатеринослав) готовится к празднованию своего 200-летия (1776—1976 гг.), ответить на эти вопросы особенно своевременно.

Наиболее подробные сведения по истории промышленности, связанной со снабжением армии, содержатся в фонде упомянутого выше Комиссариатского департамента Военного министерства, хранящемся в ЦГВИА. Комиссариатский департамент ведал вещевым и денежным довольствием войск, снабжал их оружием, перевозочными средствами, а также всем необходимым для оказания медицинской помощи. Под его руководством функционировали четыре крупных предприятия по изготовлению сукна и суконных изделий, кожи и кожаных изделий, офицерских вещей. Специальные комиссии и комиссариатства департамента производили закупки необходимых для армии предметов путем заключения контрактов с многочисленными поставщиками и подрядчиками. Как видим, документы Комиссариата необходимы не только для изучения истории промышленности, но и для разработки проблемы о первоначальном накоплении капитала и формировании буржуазии.

В этом фонде мной выявлено более 80 дел, относящихся непосредственно к екатеринославской суконной мануфактуре. Это — официальные документы, а именно: переписка Комиссариатского департамента с дирекцией предприятия. К рапортам директоров мануфактуры (Драгневича, Адлерберга, Назимова) прилагались многочисленные ведомости и описи, относящиеся к составу рабочей силы, количеству и качеству станков, машин, «фабричных» построек, к выпускаемой продукции и т. д. Нередко директор вносил предложения об усовершенствовании техники, возведении новых корпусов, приглашении на штатную должность архитектора или других специалистов. Из Комиссариатского департамента на имя ди-

---

[4] ПСЗ, т. XXVIII, № 21116, 21223 и др.

[5] См. окладную книгу за 1834 г.: ЦГИА СССР, ф. 571 (Окладные книги ревизий), оп. 9, д. 32.

[6] *Е. И. Дружинина.* Южная Украина в 1800—1825 гг., стр. 273; см. также фотографию памятника на стр. 275.

[7] «Історія Української РСР», т. I. Київ, 1967, стор. 341, подпись под фотографией.

ректора екатеринославской мануфактуры посылались предписания, согласованные с Военным министерством; в некоторых из них утверждались или отклонялись предложения, сделанные директором. После ликвидации екатеринославской мануфактуры в Комиссариатский департамент поступил ее архив, о чем свидетельствует «Сдаточная опись». И хотя некоторых документов архива, сформировавшегося после передачи мануфактуры в ведение Комиссариата, обнаружить не удалось, «Опись» представляет ценность сама по себе, поскольку в ней имеется полный перечень дел мануфактуры с указанием их краткого содержания [8].

Переписка Военного министерства с Комиссариатским департаментом по делам екатеринославской суконной мануфактуры частично отложилась в фонде Канцелярии Военного министерства. Это огромный фонд, его описи составляют 43 объемистых тома. Документы «Екатеринославской казенной суконной фабрики» тонут в массе других материалов. Однако именно здесь оказались важнейшие данные об упразднении суконной мануфактуры в Екатеринославе (дата, мотивировка и т. д.). В этом же фонде имеется источник, представляющий исключительный интерес для изучения положения рабочих на казенной мануфактуре. Речь идет о «Прошении общества мастеровых», поданном в 1834 г. на имя военного министра А. И. Чернышева, с изложением всех насилий и издевательств, чинимых администрацией.

Наконец, следует указать на ценный графический материал, хранящийся в фонде Главного инженерного управления Военного министерства, где имеются чертежи фасадов и планы корпусов, расположенных на территории екатеринославской мануфактуры.

Изучая архивный материал ЦГВИА, мы убеждаемся в том, что уже в 1820-х годах Екатеринославская суконная фабрика стала в известной мере оправдывать свое название, т. е. превращаться из мануфактуры в подлинную фабрику. В январе 1820 г., когда новый директор екатеринославской мануфактуры Драгневич рапортовал в Комиссариатский департамент об осмотре им строений фабрики и имеющегося на ней инвентаря, он констатировал наличие в ней нескольких прядильных и ворсосушильных машин, а также одной шерсточесальной машины [9]. В описи Драгневича упоминается только один каменный корпус (высотой 4 аршина), в котором на специальных станах производилось прессование сукна. Следовательно, ни одного двухэтажного каменного корпуса в 1820 г. еще не существовало.

В интересах ускорения производственного процесса Драгневич добился официального разрешения на возведение на вверенной ему фабрике «каменного в два этажа корпуса для помещения чесальных, стригальных и прядильных машин с отделением для машины, которая будет обращаться действием волов...». В декабре 1822 г. он представил смету, которую вместе с ним подписал «архитектор 10 класса Торопов» [10]. Одновременно проектировалось построение еще нескольких каменных корпусов в 1, 2 и 3 этажа. Особенно настоятельной была необходимость расширения площади для ткацких станов, число которых быстро росло.

Как видим, идея построения каменных корпусов была связана с планами расширения производства сукна путем частичной замены ручного

---

[8] ЦГВИА, ф. 396 (Комиссариатский департамент Военного министерства), оп. 11, д. 225.
[9] Там же, оп. 2, д. 101, лл. 5–20.
[10] Там же, оп. 4, д. 500, лл. 2–4.

труда машинным. Здания решено было строить прочными и красивыми (в сметах упоминались колонны, которые надлежало оштукатурить).

К постройке «каменного машинного корпуса» было приступлено весной 1823 г. А 12 декабря 1825 г. генерал-кригскомиссар (начальник Комиссариатского департамента) рапортовал военному министру, ссылаясь на сообщение Драгневича, о том, что двухэтажный корпус «длиною 50 сажен, шириною 15 аршин ныне постройкою окончен» [11]. Размеры здания, очевидно, были указаны округленно. В позднейших документах длина фасада самого крупного двухэтажного корпуса обозначалась цифрами 44—45 сажен. Величина сохранившегося в Днепропетровске здания бывшей казенной суконной мануфактуры позволяет заключить, что именно этот памятник архитектуры был создан в 1823—1825 гг. [12]

Итак, екатеринославская мануфактура не была ликвидирована в начале XIX в. Напротив, она продолжала расти и в исходе первой четверти XIX в. стала на путь значительного расширения производства. С этим и было связано появление на ее территории, начиная с 1825 г., ряда крупных каменных зданий, одним из которых жители города любуются и поныне.

Нам остается ответить на вопрос, когда и почему была упразднена екатеринославская мануфактура.

Во второй четверти XIX в. введение машин для замены ручного труда более производительным продолжалось. В этом отношении Екатеринославская фабрика шла в общем русле экономического развития России, вступившей в начальный период промышленного переворота. Расширение ткачества потребовало ускорения процесса прядения. С этим связано приобретение 150 прядильных машин и построение для них трехэтажного каменного корпуса. Составление проекта этой постройки и соответствующей сметы были поручены архитектору Инженерного департамента Штауберту, который должен был обеспечить «единообразие в строениях военного ведомства» [13]. В сентябре 1826 г. проект Штауберта был утвержден Военным министерством.

Первоначально машины на Екатеринославской фабрике приводились в движение «воловым ходом» и силой человеческих рук. Однако уже в феврале 1826 г. генерал-кригскомиссар ходатайствовал перед Военным министерством об устройстве на екатеринославской мануфактуре паровой машины «силою противу 24 лошадей», которая должна была заменить 160 рабочих [14].

Показателем роста предприятия в 1830-е годы было приглашение на работу в качестве «главного мастера» крупного знатока суконного дела Ивана Бруна из Нидерландов. Заключенный с Бруном контракт [15] предусматривал «подробное рассмотрение устроенных на фабрике машин и прочих к сукноделию относящихся заведений». Брун должен был, не ограничиваясь исправлением поломанных машин, «употреблять все, что только может служить к улучшению фабрики, по новейшим изобретениям...» [16] За свою работу он должен был получать 5500 руб. асс. в год.

---

[11] ЦГВИА, ф. 1 (Канцелярия Военного министерства), оп. 1, т. 3, д. 5579, лл. 4, 23.
[12] Приношу благодарность местным историкам Г. И. Шевченко, А. А. Тутыку и Р. С. Поповой за содействие в установлении размеров бывшей екатеринославской мануфактуры на проспекте К. Маркса.
[13] ЦГВИА, ф. 1, оп. 1, т. 3, д. 5579, л. 51.
[14] Там же, лл. 26—27.
[15] Там же, ф. 396, оп. 4, д. 579, лл. 21—22 об.
[16] Там же, л. 21 об.

Отчет екатеринославской мануфактуры за 1832 г., составленный ее новым директором — Адлербергом, позволяет судить о степени механизации производственных процессов. На фабрике числилось 327 машин общей стоимостью в 192 343 руб. асс. (в целом имущество фабрики оценивалось в 1 649 546 руб. асс.). Число прядильных машин превысило 220; кроме того, имелись машины для чесания шерсти (53), для ее смасливания, для резания скребельной и кардочной проволоки (8), а также трепальные, ворсильные, стригальные машины, сукновальная машина с прибором, автоматические прессы и, наконец, две паровые машины: одна — для действия сукновальни (оцененная в 28 646 руб. асс.), другая — для действия шерсточесальных машин (в 42 731 руб. асс.). Ткачество производилось еще на ручных станах (число которых приближалось к 200), однако очередной задачей было приобретение ткацких станов «новейшего изобретения под названием механических» [17].

Фабрика имела большие запасы ворсильных шишек и красителя вайды, разведенных на собственных плантациях. Предполагалось высеять в качестве опыта семена еще одного красителя — крапа.

Вместе с Бруном Адлерберг изучал вопрос о переходе с дровяного отопления на угольное, что было особенно важно для функционирования паровых машин [18].

Все это говорит о том, что екатеринославская мануфактура не стояла в стороне от технического прогресса. Введение машин повышало производительность труда, освобождая часть рабочих.

На территории предприятия возводились все новые каменные корпуса. Графические материалы ЦГВИА открывают нам целый архитектурный ансамбль, в который входило не 3 (как считалось до сих пор), а целых 8 каменных зданий [19]. Кроме двух одноэтажных корпусов, стоявших в стороне, мы видим на чертежах и планах 1840 г., выполненных с натуры [20], пять двухэтажных корпусов и один трехэтажный. Последний (прядильный) корпус стал центром для двух больших симметрично расположенных двухэтажных корпусов. В строгий облик трехэтажного строения, растянувшегося в длину, вносили оживление разные варианты окон (которых было по 41 на каждом этаже со стороны фасада) и небольшой фронтон. Другую группу зданий составляли два магазина (склада), между которыми находился корпус с пожарной каланчой. Магазины, совершенно одинаковые по виду и размерам (9×4 саж.), напоминали дворянские особняки — так изысканно они были построены в стиле итальянских «палаццо» с колоннами, балконами и рустовкой. Военное ведомство учитывало, что мануфактура расположена на главной улице города, и старалось, чтобы новые здания были его украшением. За художественными каменными корпусами располагалось около 200 деревянных и отчасти глинобитных. В состав рабочих входило, согласно отчету 1832 г., 2976 мастеровых (включая престарелых и малолетних) и 1134 «землепашцев» приписной Сурской слободы [21]. В работах на мануфактуре использовались все, кроме престарелых и детей моложе 7-летнего возраста. Количество выпускаемого сукна высшего качества достигло 170—200 тыс. аршин в год [22].

---

[17] Там же, д. 593, лл. 63, 64 об.
[18] Там же, д. 574.
[19] Все эти корпуса перечислены в описи 1833 г. (там же, д. 603, л. 33 и сл.).
[20] Там же, ф. 349 (Главное инженерное управление Военного министерства), оп. 12, д. 5603—5605, 5609.
[21] Там же, ф. 396, оп. 4, д. 593, л. 84.
[22] Там же, ф. 1, оп. 1, т. 4, д. 10103, л. 4.

Однако в условиях феодально-крепостнического строя технический прогресс наталкивался на отсталые социальные отношения. Основанная на принудительном труде мастеровых и приписных крестьян, мануфактура в Екатеринославе не могла проявлять необходимую гибкость, т. е. регулировать число рабочих, применяться к рыночной конъюнктуре. Администрация обязана была обеспечить рабочих продовольствием (которое обходилось более 100 тыс. руб. асс. в год), жильем и одеждой. В списке фабричного инвентаря значились сотни простыней, наволок, одеял, рубах мужских и женских, колпаков, «утиральников», носовых платков и т. д. Для медицинского обслуживания рабочих имелись врачи, госпиталь, хирургические инструменты, термометры и пр. Был поставлен вопрос об устройстве богадельни. Для поощрения трудовых усилий рабочих им выплачивалась небольшая (обычно сдельная) заработная плата. Престарелые, которые не могли работать, получали по 2 руб. 50 коп. асс. в месяц. Совершенно ясно, что расходы, связанные с такой громоздкой организацией труда и быта, повышали стоимость выпускаемой продукции. И хотя значительная часть сукна поставлялась в Комиссариат, все же у предприятия накапливались излишки, которые залеживались, не находя сбыта на вольном рынке.

Другое, еще более серьезное препятствие на пути превращения екатеринославской мануфактуры в фабрику заключалось в том, что рабочие, принудительно согнанные на предприятие и трудившиеся из-под палки, не были заинтересованы в результатах своего труда. Это понижало эффективность действия машин и зачастую вело к порче последних. Стараясь выжать из рабочих максимум возможного, администрация усиливала наказания. Однако это вызывало со стороны рабочих все более решительный протест. Кульминационного пункта столкновения между рабочими и администрацией достигли в 1834 г. Об этом свидетельствует дело, возникшее в связи с жалобой, поданной от имени «Общества мастеровых Екатеринославской казенной суконной фабрики» военному министру А. И. Чернышеву. Из материалов дела [23] выясняется, что ежедневно целые группы рабочих подвергались телесным наказаниям, арестам и заключению на гауптвахте. Мужчин избивали палкой, женщин и детей розгами, при этом детей привязывали к столбам. Новый директор суконной мануфактуры Назимов, отнюдь не скрывая своих злодеяний, педантично заносил имена наказанных в специальную книгу. Рабочие жаловались, что зимой их заставляют работать в плохо отапливаемых помещениях; что им задерживают заработную плату, запрещая в то же время выполнять в свободные часы работу на стороне для поддержания своих семей.

Все эти факты подтверждают существующее мнение о том, что уже в 30—50-х годах XIX в. казенная и посессионная промышленность переживала кризис [24]. С этим и было связано упразднение казенной суконной мануфактуры в Екатеринославе.

Как выясняется из документов фонда Канцелярии Военного министерства, большая роль в ее ликвидации принадлежала новороссийскому генерал-губернатору М. С. Воронцову. В октябре 1835 г. при личной встрече с Николаем I в Белой Церкви Воронцов указал царю на убыточность для государства изготовления сукон на «Екатеринославской казен-

---

[23] ЦГВИА, ф. 1, оп. 1, т. 4, д. 9778.

[24] *Н. М. Дружинин.* К вопросу о генезисе капитализма в России.— «Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы», Серия обществ. наук, Ростов-на-Дону, 1974, № 1.

ной суконной фабрике». Воронцов считал, что приобретение сукон на частных предприятиях обойдется казне дешевле и в то же время будет способствовать «ободрению» частной инициативы [25]. Эти доводы нашли поддержку у Николая I, по указанию которого военный министр А. И. Чернышев подписал 1 ноября 1835 г. распоряжение о закрытии казенной мануфактуры с передачей «как ее строений, так и фабричного народонаселения в Департамент военных поселений» [26]. Однако это решение оказалось невозможно выполнить сразу, так как сырье было закуплено на весь 1836 г. Только в конце 1836 г. предприятие перестало функционировать, причем самые опытные мастеровые в количестве 269 мужчин и женщин (из 3210) должны были перебраться на подводах («как только установится зимний путь») на Павловскую казенную суконную фабрику в Подмосковье. Последнюю предполагалось расширить, с тем чтобы она поставляла в достаточном количестве солдатское сукно [27]. Изготовление же гвардейского сукна и каразеи решено было ежегодно заказывать в форме подрядов «частным фабрикантам» Новороссии, у которых уже имелись крупные предприятия.

Так окончила свое существование Екатеринославская казенная суконная фабрика. Новые документы, обнаруженные в ЦГВИА, неопровержимо свидетельствуют о том, что это предприятие просуществовало полстолетия (1786—1836) и было одним из купнейших в стране. Сохранившееся от него двухэтажное каменное здание являлось одним из корпусов большого архитектурного комплекса, сложившегося во второй половине 1820-х годов.

На конкретном примере суконной мануфактуры г. Екатеринослава мы видим эволюцию русской промышленности от мануфактуры к фабрике, а также проявления кризиса, наметившегося в казенной промышленности в последние десятилетия перед реформой 1861 г.

---

[25] ЦГВИА, ф. 1, оп. 1, т. 4, д. 10103, л. 19 об.
[26] Там же, л. 1.
[27] Там же, лл. 40—44 об.

В. А. Александров

ОБЩИННОЕ УПРАВЛЕНИЕ В ПОМЕЩИЧЬИХ ИМЕНИЯХ XVIII — НАЧАЛА XIX В.

Сложность исследования проблемы сельской общины в России в эпоху феодализма обусловливается необходимостью освещения ее истории в разных аспектах — социальном, административном, тягло-фискальном, хозяйственном, бытовом. Для того чтобы понять реальность положения сельской общины в составе частного феодального владения — помещичьего имения, прежде всего необходимо знать основы ее повседневного существования, ее структуру и функции.

Положение сельской общины определялось волей помещика, о чем свидетельствуют сохранившиеся инструкции («наказы», «уложения» и т. п.) для управления имениями. Управление помещичьими имениями строилось на разных принципах, и проследить какое-либо единообразие в их господстве над деревней невозможно. В одних случаях оно осуществлялось путем чисто полицейской регламентации всех сторон жизни крестьян вотчинным правлением, назначенным самим феодалом. В других, главным образом оброчных, имениях помещики передавали под своим общим контролем все функции управления выборным мирским представителям. Наконец, управление барского и крестьянских хозяйств строилось на основе сочетания собственно вотчинных и мирских органов [1].

Здесь мы рассматриваем второй тип, в котором наиболее отчетливо проявлялись возможности общины и более цельно прослеживается устойчивое бытование традиционного распорядка ее жизни даже в апогее развития крепостнического хозяйства [2]. Для характеристики структуры мирского управления и функционирования его органов особый интерес представляют систематические данные, отраженные в мирских приговорах. Как правило, в вотчинных фондах они сохранились плохо.

Наиболее ранние сколько-нибудь подробные данные по мирским приговорам о внутренней жизни сельской общины уцелели по обширной вотчине князей Долгоруких с центром в с. Лежнево (Суздальский у.). Более 30 мирских приговоров, относящихся к 1713—1760 гг., вместе с приказами владельцев и другими материалами вотчинного правления позволяют воссоздать порядок управления, функции «мира» и его выборных представителей [3].

В 1732 г. в с. Лежнево и 84 деревнях насчитывалось в наличии 2601 душ м. п. Эта, безусловно, крупная для первой половины XVIII в. вотчина представляла собой фактически общину-волость; мирское представительство в ней осуществлялось по «дачам» и «третям», каждая из которых объединяла два-три десятка деревень.

---

[1] Об этом см.: *В. А. Александров.* Сельская община и вотчина в России (XVII — начало XIX в.).— «Исторические записки», кн. 89.

[2] Там же, стр. 255—259.

[3] ЦГАДА, ф. 1373 (Вотчинное правление кн. Долгоруких в с. Лежнево), оп. 1, д. 1а, лл. 1, 5, 7—9, 13, 16, 30, 31 об., 33, 37, 43, 46 об., 51, 54; д. 14, л. 1; д. 28, л. 1 об.; д. 81, лл. 2 об.— 4 об.; д. 88, л. 1.

По наиболее раннему сохранившемуся приговору 1713 г. видно, что в Лежневе прослеживалась старинная мирская традиция: приговоры составлялись от имени «мира» и адресовались выборным представителям или приказчику, так сказать, к исполнению. «Валовые» (т. е. всеобщие) сходы каждой «дачи» или «трети» собирались в Лежневе в приказной избе и состояли из представителей каждого селения (от одного до восьми человек от деревни, по-видимому, в зависимости от числа дворов). На такие сходы собиралось от 50 до 70 человек. По особо важным, главным образом финансово-хозяйственным, вопросам созывались валовые сходы двух соседних волостей — Лежневской и также принадлежавшей Долгоруким Воскресенской с 130—140 участниками. Помимо выбора постоянных представителей мирской администрации (старост, выборных, сотских, десятских, рекрутских «отдатчиков», различных целовальников, и среди них — ведавшего хозяйством местного церковного прихода) и лиц, на которых возлагались эпизодические поручения (например, тяглые окладчики), наиболее существенное внимание сходы уделяли земельной и тяглой разверстке повинностей. Эти важнейшие для крестьянства вопросы выносились на обсуждение и утверждение сходов ежегодно. Так же систематически на сходах обсуждались и утверждались кандидаты в рекруты и расходы на их сдачу воинским властям. Валовые сходы утверждали меры по противопожарной охране, принимали решения о расположении лавок на торговой площади в Лежневе и т. п.[4] Судебная власть принадлежала общинному правлению (старостам, позднее — бурмистрам). За несение мирских «служб» общины представителям своей выборной администрации чаще выделяли дополнительные участки земли, устанавливали льготы по тягловому обложению и несению разных повинностей; денежная компенсация не имела широкого распространения.

В те периоды, когда Долгорукие во главе вотчины ставили приказчиков, за общиной сохранялась выборность мирских представителей, земельная и тяглая раскладка и рекрутская разверстка. Приказчики только осуществляли общий контроль над общиной в этих делах, отвечали за высылку феодалу оброка и были уполномочены проводить «суд и расправу»[5]. Когда Лежнево было подведомственно дворцовой администрации (с середины 1730-х до начала 1740-х годов), мирские сборщики окладных сборов и «расходчики», ведавшие раскладкой окладных сборов, ежегодно обязаны были давать отчет назначенным подьячим приказной избы. Однако и в этом случае общины отдельных «дач» предварительно выбирали своих счетчиков, проверявших приходные и расходные книги[6].

Описанный порядок внутреннего управления в суздальских вотчинах Долгоруких в первой половине XVIII в. очень сходен с порядками, существовавшими в других, оброчных частнофеодальных владениях Центральной России. Устойчивость форм общинного управления тем более примечательна в тех случаях, когда она проявлялась в вотчинах, на протяжении десятилетий переходивших от одного владельца к другому. Очень последовательно это прослеживается в вотчине с центром в с. Писцово (Костромская губ. Нерехотский у.). До 1660-х годов дворцовое, это село было пожаловано князьям Долгоруким и до середины XVIII в. оставалось в их владении. Затем оно перешло к князю Г. В. Грузинскому, а в 1760-х годах в качестве приданого его дочери — к князю А. Б. Голицыну. В 1813 г. вотчину унаследовала его дочь, бывшая замужем за

[4] Там же, д. 1, лл. 6 об., 8—11, 23, 24, 32 об., 35 об., 38, 39, 42, 43; д. 47, лл. 1—5; д. 69, лл. 79, 80.
[5] Там же, д. 57. лл. 1—3 об.
[6] Там же д. 28, л. 5 об.; д. 43, лл. 1—3 об.

героем Отечественной войны А. И. Остерманом-Толстым. С 1762 г. (3-я ревизия) по 1811 г. (6-я ревизия) население вотчины, проживавшее в 6 селах и более чем 40 деревнях, возросло с 3006 душ м. п. до 5122 [7].

О жизни общины Писцовской вотчины дают представление более сотни мирских приговоров, указы Долгоруких, Г. В. Грузинского и А. Б. Голицына [8]. На протяжении этих 80 лет в Писцове сохранялся устойчивый порядок мирского представительства на сходах; даже формуляры мирских приговоров, которые, как и в Лежневе, выносились от имени мирских людей и адресовались «выборному», а позднее — бурмистру, были неизменны. Когда в 20—30-х годах XVIII в. вотчина была подведомственна приказчикам Долгоруких, они не подменяли полностью выборных представителей общины. В Писцове ежегодно избирались «выборный», возглавлявший общину, староста и целовальники, отвечавшие за сбор подушных и оброчных денег; староста представлял на обсуждение и утверждение мирского схода смету расходов, которая проверялась мирскими комиссиями. В 1760-х годах и позже во главе вотчинного управления находились выборные бурмистры. Они выбирались на неопределенный срок. Их перевыборы совершались с согласия всего мира, причем кандидатуры обязательно утверждались помещиками. Кроме бурмистра, по решению сходов замещались все прочие общинные должности и выбирались члены периодически созываемых мирских комиссий. Они назначались по разным поводам (ревизия финансовой документации; разбор жалоб на действия бурмистра; раскладка оброка; выделение кандидатов в рекруты; обмер пахотных земель).

На протяжении 1730-х годов — начала XIX в. общие мирские сходы собирались при обязательном представительстве на них уполномоченных от каждого селения, и в мирских приговорах поименно приводился список участников схода и деревень, которые они представляли. Представительность сходов зависела от характера ставившихся на их решение вопросов. Общие сходы общины нередко насчитывали от 60 до 100—115 человек, но случалось, что в сходе участвовали лишь представители некоторых селений (30—50 человек). Валовые сходы давали санкцию на проверку мирской финансовой документации, выбирали общинную администрацию, утверждали порядок раскладки оброка и подушной подати, выполнения натуральных помещичьих и государственных (рекрутская, дорожная) повинностей, принимали решения о денежных сборах на мирские расходы, о различных земельных делах, перепланировке селений.

Таким образом, валовые сходы на протяжении десятилетий неизменно решали один и тот же комплекс вопросов: избрание общинной администрации и проверка ее финансовой деятельности, выполнение частнофеодальных и государственных повинностей, земельное перераспределение в связи с изменением тяглых окладов у крестьян. Более мелкие вопросы решались на сельских и деревенских сходах. Частные иски, жалобы, просьбы отдельных крестьян, сельские происшествия, т. е. дела, так или иначе носившие судебный характер, рассматривались общинным управле-

---

[7] ЦГАДА, ф. 1396 (Писцовское вотчинное правление), оп. 1, д. 849, л. 2 об.; д. 1296, лл. 1, 2; д. 1412, л. 4.

[8] За 1733—1737 гг. сохранилось 27 мирских приговоров (ЦГАДА, ф. 1396, оп. 1, д. 120, лл. 1—14; д. 137, лл. 1—12; д. 172, лл. 1, 2; д. 189, лл. 1, 2; д. 194, лл. 1—6); за 1770-е годы — 41 приговор (там же, д. 508, лл. 1, 2, 4, 6, 7; д. 532, лл. 1—4; д. 546, лл. 1—12; д. 656, лл. 1—17; д. 670, лл. 1—4); за 1794—1798 гг. — 37 приговоров (там же, д. 930, лл. 1—4; д. 944, лл. 1—8; д. 962, лл. 1—19; д. 981, лл. 1—15; д. 1005, л. 1); за 1807 г. — 1 и за 1816 г. — 4 приговора (там же, д. 1203, л. 1; д. 1412, лл. 1—6).

нием [9]. Они выносились управлением на обсуждение схода лишь в исключительных случаях, а потому в мирских приговорах о них данных почти нет.

Поименное сличение участников сходов, собиравшихся на протяжении одного года, свидетельствует о сохранявшейся довольно развитой общинной «демократии». Судя по подписям на приговорах, от каждого селения выбиралось для представительства на сходы по нескольку человек, и они присутствовали на них по очереди. В мирском приговоре от 12 мая 1773 г. было указано, что присутствуют крестьяне, «которые мирским сходом на сходы ходить приговорены и сверх иных многия рядовые как села Писцова, так приселков и деревень крестьяня» [10]. Однако и при таком широком представительстве во главе схода постоянно находилась определенная, не очень многочисленная группа крестьян. В этом не трудно убедиться, сличая подписи на приговорах за 1795—1797 гг., когда отдельные представители деревень из года в год систематически скрепляли мирские решения.

В традиционно сохранявшейся системе общинного управления в Писцове можно, тем не менее, заметить, как, по сравнению с первой половиной XVIII в., Г. В. Грузинский и особенно А. Б. Голицын существенно бюрократизировали свой надзор над вотчиной, над деятельностью выборных бурмистров, и подчинили, в частности, контролю домовой конторы мирские расходы.

В еще большей степени бюрократизация общинного управления прослеживается в огромных оброчных, главным образом поволжских, а также подмосковных владениях графов Орловых. Для изучения сельской общины архивные фонды Орловых имеют исключительное значение [11]. В них содержатся все необходимые типы документов, на основании которых выявляется повседневная общинная жизнь («повеления» владельцев, рапорты бурмистров, мирские приговоры и другая документация мирского управления). При однотипности управления вотчин Орловых деятельность общин и степень их правомочности можно проследить на одном примере. Обратимся к хорошо сохранившемуся делопроизводству двух половин ярославской вотчины с центрами в селах Елохово и Никольское (Ярославская губ. Рыбинский у.). Каждая половина составляла отдельную общину со своим вотчинным управлением, постоянные представители которого обеспечивались общинным денежным жалованием. В 1770—1810-х годах Никольская община объединяла более 40 деревень. По данным 1810 г., в ней насчитывалось 1295 душ м. п., в Елоховской — 968 душ [12].

Приговоры общины с. Никольского за 1771, 1780, 1785, 1786, 1788, 1806—1814 гг., частично за 1776 и 1816—1820 гг. и приговоры общины с. Елохово с 1798 по май 1804 г. дают полное представление о многообразных функциях общин и сложной структуре их управления [13].

Принципы управления вотчинами были обобщены в 1796 г. В. Г. Орловым в обширном «Уложении» [14]. Как бы ни поддерживал В. Г. Орлов наиболее зажиточную часть своих крестьян, все они вне зависимости от

---

[9] Там же, д. 781, 912.

[10] Там же, д. 546, л. 8 об.

[11] ЦГАДА, ф. 1384 (Орловы-Чесменские), оп. 1; ф. 1273 (Орловы-Давыдовы), оп. 1, 2; ф. 1454 (Сидоровское вотчинное правление Орловых и Паниных), оп. 2.

[12] Там же, ф. 1384, оп. 1, д. 2, лл. 4, 5; д. 583, лл. 67, 68; д. 907, лл. 1 об., 8.

[13] Там же, д. 2, лл. 1—14; д. 15, лл. 1—3; д. 28, лл. 1—22; д. 72, лл. 1—19; д. 82, лл. 1—25; д. 115, лл. 1—64; д. 344, лл. I—IV, 1—66; д. 368, лл. I—III, 3—56; д. 467, лл. 1—43; д. 583, лл. 1—210; д. 814, лл. 2—14.

[14] Характеристику «Уложения» В. Г. Орлова см.: *В. А. Александров.* Указ. соч., стр. 259—261.

материального положения должны были следовать установлениям крепостнической дисциплины. Во главе вотчинных управлений стояли выборные и утвержденные феодалом бурмистры. Им предоставлялись большие полномочия. В «Уложении» (гл. 1, п. 1) положение бурмистра было очерчено вполне четко — «главное начальство имеет в вотчине бурмистр, а потому и быть у него всем крестьянам в полном повиновении». Особенно беспощадны были решения В. Г. Орлова в отношении крестьян, выступавших против бурмистров на сходах и тем нарушавших «мирское спокойствие». Первоначально, в 1770—1780-х годах, общины пытались систематически переизбирать и бурмистров. Однако под давлением В. Г. Орлова полномочия их стали бессрочными.

Домовые конторы Орловых, где их доверенные люди ведали делами отдельных имений, были высшей инстанцией (помимо самого владельца, конечно), решавшей дела по судопроизводству; туда же поступали на утверждение или окончательное решение документы по наиболее существенным вопросам, рассматривавшимся в общинах. Эта бюрократизация сказалась и в организации письменного делопроизводства. Каждый приказ домовой конторы, касавшийся общины в целом, фиксировался мирским приговором и отражался в отписке бурмистра о исполнении «повеления». О четкости делопроизводства можно судить также по письменному оформлению принятых сходом или вотчинным правлением решений, по строгому подразделению вопросов, разбиравшихся в зависимости от степени важности правлением или сходкой, по практике письменных приказов бурмистров мирским комиссиям.

Сохраняя за сельскими общинами право выбора местной администрации и наделяя бурмистров немалой властью, В. Г. Орлов не только не допускал их бесконтрольности, но и ставил под ответственность мира добросовестность выборных управителей своих вотчин.

Внутри общины в ее повседневной жизни контроль над мирскими властями осуществлялся участниками сходов, точнее — их руководящей верхушкой. Жалобы на бурмистров в домовую контору были разрешены, но чреваты опасностью. Если они признавались «не дельными», то челобитчик, как «кляузник», подлежал телесному наказанию [15]. Если же жалобщики добивались успеха, то начиналось следствие, которое В. Г. Орлов поручал либо своим доверенным людям, либо общинным представителям других имений, либо комиссиям, выбранным тем «миром», откуда исходила жалоба [16]. В последнем случае В. Г. Орлов умело использовал общинные традиции сельского самоуправления, так как в рамках вотчинных узаконений члены схода были отнюдь не безгласны перед бурмистром и порой одергивали его.

На общемирском сходе для подготовки решений по различным вопросам выбирались комиссии, которые играли существенную роль. Одни из них создавались ежегодно, другие — по мере необходимости. Ежегодно перед началом полевых работ создавалась земельно-тяглая комиссия (от 7 до 20 человек), проводившая частичную переоброчку крестьянских хозяйств; еще раньше, в январе — марте учреждалась комиссия по финансовой ревизии старост, ведавших всеми денежными сборами и расходами общины. Старосты переизбирались ежегодно, поэтому ревизовавшие их комиссии представляли мирскому сходу свое мнение о финансовой

---

[15] ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 28, лл. 7 об.—9 об.; д. 113, л. 27 об.; ф. 1273, оп. 1, д. 508, л. 66; д. 510, лл. 18—20.

[16] Там же, ф. 1384, оп. 1, д. 19, лл. 12—16 об.; д. 22, л. 17; д. 344, лл. 60—62; ф. 1273, оп. 1, д. 510, лл. 70—72 об.; д. 511, л. 71 об.

добросовестности каждого закончившего срок службы старосты или о необходимости начета на него. Точно такие же комиссии эпизодически создавались при перевыборах бурмистров. Такие мирские комиссии проверяли финансовое «хозяйство» за все годы управления того или иного бурмистра и нередко возводили на него денежные начеты.

При каждом рекрутском наборе учреждалась рекрутская комиссия, представлявшая сходу кандидатов для сдачи в рекруты. Нередко сходы заранее признавали, что решения земельно-тяглых и рекрутских комиссий окончательны и не подлежат обсуждению. Это фиксировалось в мирском приговоре, утверждавшем состав комиссии [17]. В 1798 г., когда в Елохове бурмистр попытался единолично сдать в рекруты четырех крестьян, сход усмотрел в этом нарушение мирских правил и вовсе освободил их от готовившейся им участи [18]. Эпизодически как по приказу домовой конторы, так и по самостоятельно принятым на сходах решениям мирским комиссиям поручалась подготовка приговоров по разным хозяйственным вопросам (земельное межевание, порядок использования различных угодий, опись крестьянских хозяйств, планировка селений и т. п.). Крестьянам было запрещено обращаться в домовую контору феодала с «незначительными» делами, и все частные иски и внутрисемейные ссоры и конфликты подлежали общинному суду на сходах. К помещикам крестьяне в этих случаях могли адресоваться лишь с апелляциями или если их дела, по свидетельству бурмистра, не могли быть решены в общине. Решение подобных дел осуществлялось сходом или правлением при участии мирских комиссий, проводивших предварительное следствие.

Полные годовые «комплекты» приговоров Никольской и Елоховской общин свидетельствуют о регулярном созыве сходов. На протяжении года они собирались по нескольку раз в месяц, за исключением периода летних полевых работ, когда только экстренные вопросы могли вызвать их созыв. В с. Никольском, по данным 1770—1780-х и 1811—1814 годов, сходы собирались от 13 до 32 раз в год; в Елохове в 1798—1803 гг.— по 10—14 раз. Как в Никольском, так и в Елохове на сходах присутствовали представители отдельных селений, но из-за небрежности подписей на приговорах трудно проследить систематичность и длительность их полномочий. В зависимости от важности ставившихся на обсуждение вопросов на сход созывалось разное число представителей. Даже тогда, когда приговор оформлялся от имени «полной мирской сходки» (или — «всего общества»), его подписывало (в том числе по доверенности за неграмотных) разное число лиц — от 15 до 50. Мелкие дела решались мирскими властями без обсуждения на сходе, но и в этом случае обязательно составлялись приговоры, которые подписывались 5—12 людьми. Эти люди составляли вместе с бурмистром и старостой собственно мирское правление и выбирались из состава схода на определенный срок (по «Уложению» 1796 г.— на год), но их выборы почему-то никогда не фиксировались в приговорах.

В своих приказах 1770—1780-х годов В. Г. Орлов не требовал, чтобы мирские должности замещались первостатейными крестьянами. Он предпочитал более гибкую формулировку о «способных, верных, умных и совестных» людях. Однако в 1790-х годах в его указах и самом «Уложении» появился термин «лучшие люди», более реально отражавший существо общинного представительства. И на практике во главе общин неизбежно становились именно первостатейные крестьяне.

---

[17] Там же, ф. 1384, оп. 1, д. 344, лл. 36 об.— 37; д. 72, л. 7 об.; д. 82, л. 6 об.
[18] Там же, д. 344, лл. 12—15 об.

О господстве на сходах определенной группы крестьян свидетельствует состав важнейших ежегодных комиссий — по финансовой проверке старост и по земельно-тяглому обложению. На протяжении 1806—1814 гг. в Никольском первая комиссия избиралась 8 раз, вторая — 9 с общим составом участников в 158 человек. Поименное их сличение показало, что фактически в работе комиссий участвовало лишь 65 человек, из которых 31 человек — 1 раз, 26 человек — по 2—4 раза, а 8 человек — по 5—12 раз. Таким образом, в самых существенных делах общины тон задавала относительно небольшая группа людей — 34 человека, в тех или иных сочетаниях заседавшие в комиссиях; если учесть, что из этих 34 человек 26 участвовали в работе комиссий 64 раза, а 8 человек — 63 раза, то роль последних становится тем более очевидной.

Из числа наиболее часто упоминавшихся в составе комиссий лиц выбирались бурмистры и общемирские старосты. Их имущественное лицо выявляется из решения мирской «сходки» Никольской общины 9 февраля 1814 г., когда в приговоре был оформлен сложившийся порядок — «из первостатейных крестьян, которые дома жительствуют и определяются в комиссии, то есть в щетчики, окладчики, таковых в десяцкие не определять»; выбирать на хлопотные низшие должности постановлено было маломощных крестьян, или, если таковых не окажется, следовать очереди [19]. В Сидоровской вотчине Орловых (Костромская губ. Нерехотский у.), по данным 1793 г., комиссия оброчных окладчиков избиралась из представителей разных имущественных слоев крестьянства, но преимущественно она представляла интересы зажиточных крестьян (из «первостатейных» — 2, из «средних» — 2, из «небогатых» — 1) [20].

В поддержание государственного правопорядка и крепостнической дисциплины функции общины были довольно многообразны. Община повседневно контролировала передвижения крестьян, оформляла отпуск в отход, была обязана ловить своих беглых членов, а после их поимки или добровольного возвращения имела фактически решающий голос в определении их дальнейшей судьбы. Все внешние связи общины с государственными учреждениями и посторонними частными лицами осуществлялись или непосредственно через домовую контору В. Г. Орлова, или по его письменной доверенности («верющее письмо») бурмистру.

Аналогичный, не менее бюрократизированный строй общинного управления известен в двух заволжских оброчных вотчинах (Костромская губ. Чухломской у.). Одно из них принадлежало Головиным, а с 1784 г. князьям Куракиным, другое — графу М. А. Дмитриеву-Мамонову.

Первая из этих вотчин с центром в с. Погорелки в 1780-х — 1820-х годах состояла не менее чем из 45 селений, в которых в 1794 г. насчитывалось 1262, а в 1814 г.— 1364 души м. п. В 1760-х годах во главе вотчины стоял выборный староста, но в начале 1770-х годов Головины для усиления своего контроля над общиной стали назначать бурмистров по согласованию с миром. Этот порядок сохранялся и впредь. Прочие должностные лица мирского управления избирались сходом и обеспечивались общиной, как и бурмистр, денежным жалованием (общинный и церковный старосты; староста, ведавший хлебным запасным «магазином»; земский, отвечавший за письменное делопроизводство, и т. д.). На мирские сходы в «схожую избу» собирались представители селений (десятские). Они выполняли свои обязанности не по выбору, а по очереди, обязательной для всех дворов, и также вознаграждались денежным жа-

[19] ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 583, лл. 174—176.
[20] Там же, ф. 1454, оп. 2, д. 498, л. 1 и сл.

лованьем [21]. Вероятно, при таком порядке представительства на сходе слабее проявлялись интересы разных имущественных слоев крестьян. Но в начале XIX в., кроме десятских, в общине стали избираться от селений старшины «для всяких советов вотчинных дел» [22]. Старшины должны были входить в состав мирских комиссий, а потому, можно полагать, они представляли интересы наиболее зажиточной части деревни. За 1780-е — 1810-е годы известно более 50 приговоров Погорелковской общины [23]. Они подтверждают изложенные выше наблюдения о круге вопросов, решавшихся мирскими сходами. На протяжении этих лет в формуляре приговоров неизменно сохранялась, как и в других общинах, мирская традиция адресовать решение «всех соседей» или «мирских людей» главе управления — бурмистру. Состав схода зависел от «повестки дня», и на нем присутствовали представители тех селений, которые были заинтересованы в обсуждении поставленных вопросов. Поэтому приговоры составлялись то от имени представителей 20—23 селений, то — всех или почти всех селений. Иногда сходы привлекали и значительную часть дворохозяев, т. е. тех «соседей», от имени которых представительствовали десятские. Решения приговоров касались порядка выполнения государственных и помещичьих повинностей, выбора общинных должностных лиц, тягло-земельных дел, ревизий финансовой документации, «хлебного магазина» и заемного денежного банка, созданного в вотчине в начале XIX в., строительства церкви и замещения должностей причта. Наиболее ответственные решения для схода подготовлялись мирскими комиссиями (ежегодно — по финансовой проверке старост, систематически — по земельно-тяглой разверстке, эпизодически — по финансовой проверке переизбранных бурмистров, по рекрутским делам). Эти комиссии составлялись из представителей селений и насчитывали от 25 до 35 человек.

Конкретные данные о деятельности выборных властей другой чухломской общины, объединявшей на 1805 г. 225 крестьян-дворохозяев сельца Аксенова и 17 деревень, содержит книга «для вписывания в оную всяких мирских приговоров» [24]. Эта книга дает не текст приговоров, а лишь их изложение; составлена она была, по всей вероятности, единовременно, причем крайне небрежно. Вотчинный земский, объединяя воедино содержание мирских приговоров за предшествующие годы, не затруднял себя строго хронологической последовательностью. Некоторые приговоры вовсе не датированы. Тем не менее в целом за 1809—1820 гг. в источнике прослеживаются общинные решения по 152 вопросам, зафиксированные в 149 приговорах.

Во главе Аксеновского правления стоял бурмистр, избиравшийся по «повелению» феодала на неопределенный срок. По всей вероятности, как и в Погорелках, он назначался по согласованию с миром. Сама община периодически проверяла его финансовую деятельность и переутверждала [25]. Ежегодно «мир» самостоятельно переизбирал и ревизовал старосту,

---

[21] Там же, ф. 1369 (Натальинское вотчинное правление Чичериных), оп. 1, д. 4, л. 6 об.; д. 14, л. 14 об.; д. 59, л. 7 об.; д. 79, лл. 16, 18; д. 80, л. 43; д. 81, лл. 3, 4, 9 об.; д. 112, л. 24; д. 113, л. 2; д. 120, л. 5; д. 137, л. 18; д. 189, л. 30; д. 301, лл. 1, 2.

[22] Там же, д. 81, л. 7; д. 190, л. 16 об.

[23] Там же, д. 28, лл. 2, 3; д. 51, лл. 1—5, 9, 12 об., 17, 18, 20 об., 21 об.; д. 61, лл. 10, 11; д. 68, лл. 4—16, 19—39; д. 80, лл. 47 об., 51 об.; д. 81, лл. 1, 2, 5 об., 7, 8 об.; д. 82, лл. 12, 14, 15; д. 116, лл. 1, 38; д. 137, лл. 10, 11; д. 140, лл. 15, 28 об.; д. 143, лл. 1, 2; д. 189, лл. 22—24; д. 197, л. 1; д. 211, л. 1; д. 231, л. 1.

[24] Там же, ф. 1268 (Аксеновское вотчинное правление графа Дмитриева-Мамонова Чухломского уезда), оп. 3, д. 3.

[25] Там же, лл. 3 об.— 4, 27 об.

которому поручались все окладные и неокладные денежные сборы. Кроме того, сходом избирались земский, ведавший делопроизводством, староста, возглавлявший общинный «запасный хлеб», и деревенские старосты.

Мирские приговоры принимались от имени бурмистра, выборных (старшин) и всех крестьян, но более конкретно о персональном составе сходов в Аксенове за неимением данных судить можно лишь предположительно. Скорее всего решающим голосом на сходах обладали деревенские старосты (старшины) и члены разных комиссий. Как правило, такие комиссии ежегодно создавались для проверки финансовой деятельности старост (бурмистров — при их переизбрании) и для переверстки поземельного тягла; эпизодически — для уточнения порядка рекрутской очереди. В отличие от порядка, существовавшего в рассмотренных выше общинах, рекрутская мирская комиссия, уточнив перед набором очередность выполнения повинности каждым двором, непосредственное определение в рекруты передавала «на волю» бурмистра, что, безусловно, усиливало его власть. Мирские комиссии в Аксенове, как и в Погорелках, состояли из представителей всех селений и имели постоянную численность (18 человек). Внешне они отражали мирскую «демократию», но поименный анализ их состава за 1811, 1813, 1815—1820 гг. полностью подтверждает наблюдения, которые можно было сделать по мирским приговорам Никольской общины. За эти годы в Аксенове было избрано 18 различных комиссий. В их работе приняло участие 114 человек, т. е. фактически половина всех дворохозяев. Однако 136 раз в работе комиссий принимала участие небольшая группа крестьян — 19 человек (по 5—13 раз каждый); остальные же 95 человек были членами комиссий не многим больше — 147 раз. От некоторых деревень в комиссиях единолично представительствовали из года в год одни и те же лица. Именно эта небольшая группа и определяла мнение мирского схода.

Мирскими приговорами скреплялись ежегодные тягло-земельные ведомости, эпизодические решения по использованию угодий, размежеванию земель между деревнями или внутри их. Частные иски, судебные дела, прошения, споры и жалобы крестьян разбирались не на сходах, а непосредственно в вотчинном правлении, и решения по ним заносились в специальную «книгу» [26].

Итак, судя по приведенным материалам, традиционность мирского управления в частнофеодальных помещичьих владениях не вызывает сомнения. Особенно это очевидно для тех оброчных вотчин, где управление передавалось феодалами в руки представителей общин и тем самым допускались в условиях крепостничества максимальные возможности для жизнедеятельности сословного крестьянского органа. При этих условиях нет оснований думать о затухании традиционного распорядка общинной жизни в крепостной деревне. Рассмотренное общинное управление в Лежневе, Писцове, Елохове и Никольском, Погорелках и Аксенове, расположенных в разных губерниях средней России и принадлежавших разным владельцам, обнаруживает поразительное сходство. На протяжении XVIII — первой четверти XIX в. это управление сохраняло одну и ту же достаточно сложную структуру и одни и те же весьма многообразные функции.

В вотчинах, где управление основывалось на мирском представительстве, наиболее четко проявлялся общественный дуализм общины, как орудия частнофеодального управления и как органа защиты интересов крестьян перед феодалом и царской администрацией.

---

[26] ЦГАДА, ф. 1268, оп. 3, д. 6, лл. 1—17, 55—57.

Разумеется, жизнь деревни и деятельность сельской общины предопределялись волей феодала, зафиксированной в инструкции, которая по своему содержанию сплошь и рядом представляла собой частнофеодальный «кодекс». В повседневной жизни власть помещиков над деревней поддерживалась самой общинной организацией. Конкретно эта сторона общественного дуализма общины проявлялась в ее административных, фискально-податных, полицейских функциях,— в поддержании установленного социального правопорядка и обеспечении феодальной ренты. Эти функции на протяжении всего рассматриваемого времени неизменно сохраняли свое значение. Помещики порой доверяли выборным общинным представителям даже свою важнейшую прерогативу — судебно-исполнительную власть. Сохраняя атрибуты общинного быта, они повседневно поддерживали власть над общиной за счет усиления бюрократизации ее же органов управления.

Одновременно сельская община представляла собой сословный орган крестьянства, характерный для структуры феодального общества. Факт его существования объективно сдерживал крепостническое всевластие феодалов. При абсолютной власти над крестьянством помещики вынуждены были учитывать мнение сельской общины. Общины сохраняли за собой право распоряжения в хозяйственном использовании «своей» земли; распорядительные функции общины распространялись на земельно-тяглое хозяйство, сохранялись при выполнении государственных повинностей (рекрутской, дорожной, постойной и т. п.), в поддержании сельского бытового распорядка жизни.

Общественный дуализм сельской общины отражался и в сосуществовании двух типов противоречивых по своей сути документов, на основе которых претворялось все управление крепостной общины — помещичьих «кодексов» и мирских приговоров. «Кодексы» обязывали все крестьянство следовать многообразным установлениям крепостнической дисциплины. Мирские приговоры, будучи обычно правовыми документами, обязывали всех крестьян выполнять решение общины. Принятием приговора община выражала свое согласие (или отказ) выполнять навязанные ей феодалом обязательства. В этом проявлялась реальная сила мирского приговора в повседневном сосуществовании крестьянской общины с феодалом.

Для освещения роли общины, как сословного органа крестьян, представят огромный интерес исследования о ее роли в классовых протестах и выступлениях крестьян против феодального гнета. Пока таких исследований нет. Между тем даже в использованных для настоящей статьи мирских приговорах и других материалах содержатся данные о борьбе общин за сохранение своих распорядительных функций, о борьбе против усиливавшегося феодального гнета, но эта тема по своей значимости и объему заслуживает особого рассмотрения.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

СОСЛОВИЯ И ВЛАСТЬ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

А. Л. Хорошкевич

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ПУБЛИЦИСТИКЕ ВРЕМЕН ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ

Становление идеологии самодержавия в последние годы основательно изучается в советской исторической литературе. Критическому пересмотру мнений буржуазной историографии сопутствовал тщательный анализ источников, благодаря чему выясняются обстоятельства и время складывания памятников публицистики, их роль в политической борьбе конца XV — начала XVI в.[1]

Одной из важных тем русской публицистики этого времени была история русской государственности, истоки и происхождение власти князей, атрибутов этой власти, наконец, генеалогия князей, основателей Древнерусского и Российского государств. К вопросам генеалогии идеологи самодержавия сводили в основном всю проблему, поскольку понятие государства идентифицировалось с личностью государя.

В ограничении темы автор настоящей статьи следует за тогдашними историографами, авторами Чудовской повести и первой редакции Сказания о князьях владимирских. Поэтому теории перенесения империи и Москвы — третьего Рима специально не рассматриваются. Однако изучение даже одного аспекта темы — происхождения русских князей — позволяет сопоставить идеи русской публицистики с основными течениями предшествующей и современной европейской историографии.

До 90-х годов XV в. официальная точка зрения на происхождение русской государственности носила патримониальный характер.

В 1471—1472 гг. в связи с новгородско-московскими отношениями великий князь Иван III выступил с развернутым обоснованием своей власти, которую он называл «изначальной», «отчинной». В соответствии с традицией «Повести временных лет» основателем великокняжеской династии считался варяг Рюрик. Эти представления, как и идея о божественном источнике власти великих князей, были отражены в летописях[2].

Истоки великокняжеской власти памятники 70—80-х годов XV в. возводили ко временам киевских князей, а великих князей московских объявляли прямыми преемниками киевских и владимирских князей.

[1] См. работы А. А. Зимина, Р. П. Дмитриевой, Н. Н. Масленниковой, Я. С. Лурье, Л. В. Черепнина.

[2] ПСРЛ, т. XVIII. СПб., 1913, стр. 226—227; т. XXV. М.— Л., 1949, стр. 284—285. См. подробнее: *Я. С. Лурье.* Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – начала XVI века. М. –Л., 1960, стр. 366.

В послании Вассиана Рыло на Угру 1480 г. высказываются те же идеи божественного источника и «отчинного» характера власти государя Руси, что должно было обосновать и суверенность его власти. Иван III должен был, подобно «древнему Моисею и Иисусу и иным, освободившим Израиля», стать освободителем «новаго Израиля, христоименитых людей от окаяннаго хвалящагося на ны новаго фараона, поганаго Ахмата» [3].

В советской исторической литературе подчеркивалась роль Федора Курицына в формировании идеологии самодержавия. Как пишет Я. С. Лурье, идеи национального единства нашли выражение в декларации Федора Курицына 1488 г. Он говорил Николаю Поппелю: «Мы,— речь шла от имени Ивана III,— божиею милостью государи на своей земле изначала, от первых своих прародителей и поставление имеем от бога, как наши прародители, так и мы, а просим бога, чтобы нам дал бог и нашим детям и до века в том быти, как есмя ныне государи на своей земле» [4]. В этом заявлении ясно выражены свойственные средневековью идеи божественного происхождения власти и ее патримониального характера. Впрочем, в условиях того времени они могут рассматриваться и как идеи суверенитета Русского государства, и как идеи национального единства [5].

Основные черты этой теории присущи официальной генеалогии многих европейских государств.

Патримониально-теократическая теория происхождения власти русских князей, традиционная для средневековых государств, на протяжении 70—80-х годов XV в. не претерпела изменений, поскольку она полностью отвечала запросам времени собирания в единое государство русских земель, раздробленных между отдельными княжествами и республиками, и утверждения его суверенности.

Завершение собирания основных русских земель и начавшаяся борьба за воссоединение тех земель, которые входили в состав иных крупных государственных образований, поставили задачу идеологического обоснования этой борьбы и уточнения места России в мировом историческом процессе. Эту задачу отчасти выполнил Хронограф, венец иосифлянской исторической мысли [6], написанный, как показал Б. М. Клосс, в 1488—1494 гг.[7]

Идеи Русского хронографа вполне укладываются в рамки патримониально-теократических теорий, бытовавших в Болгарии в эпоху первого и второго царств и в Сербии XIV в. и изложенных в хрониках, широко обращавшихся на Руси. Автор Хронографа в качестве источников этого произведения широко использовал сербские и болгарские жития и летописи [8].

---

[3] ПСРЛ, т. VI. СПб., 1853, стр. 229.

[4] «Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными», т. I. СПб., 1851, стр. 17—18.

[5] *Я. С. Лурье.* Указ. соч., стр. 374.

[6] ПСРЛ, т. XXII, ч. 1. СПб., 1911, стр. 3—441.

[7] *Б. М. Клосс.* О времени создания Русского хронографа.— ТОДРЛ, т. XXVI. Л., 1971, стр. 254.

[8] *В. В. Качановский.* Сербские жития и летописи как источник для истории южных славян XIV и XV веков.— «Славянский сборник», т. III. СПб., 1876, стр. 183—222; *С. П. Розанов.* Житие сербского деспота Стефана Лазаревича и Русский хронограф.— ИОРЯС, т. XI, кн. 2. СПб., 1906; *он же.* Время составления первоначальной редакции Русского хронографа.— Там же, т. XXX. Л., 1926; *V. Jagič.* Ein Beitrag zur serbischen Annalistik mit literaturgeschichtlicher Einleitung. — «Archiv für slavische Philologie», Bd. II. Berlin, 1877; *Б. М. Клосс.* Указ. соч., стр. 246, 253.

Наряду с сербскими житиями Хронограф в качестве одного из источников использовал и византийскую хронику Константина Манассии, известную на Руси в болгарском переводе [9]. Именно в нем прозвучало пожелание о процветании России: «И сиа убо приключишу ся старому Риму, наш же новыи Цариград доит и растит, крепит ся и омлаждает ся. Буди же ему и до конца расти, ею царю въсеми царствууи» [10]. В русском тексте иная редакция этого места: «Наша российская земля божией милостью растет и младеет и возвышается, ей же христе милостивый дажь расти и младети и разширятися и до скончания века» [11].

Составитель Хронографа, по мнению С. П. Розанова, серб [12], унаследовав от «Повести временных лет» мысль о происхождении Рюрика от варягов, повторял идеи, развиваемые вслед за византийской и южнославянской литературой, о великокняжеской власти, ее пределах, назначении и происхождении.

Хронограф, проводя идею преемственности Русского государства от Византии и южных славян — болгар и в особенности сербов — от Руси эпохи Древнерусского государства, тем самым подготавливал почву для возникновения теории «Москва — третий Рим». От идеи Хронографа до теории «Москва — третий Рим» оставалось немного. Несколько шагов по направлению к этой теории сделал митрополит Зосима в своем предисловии «Изложения пасхалии» 1492 г.: «Прослави бог первого царя Константина... И ныне же в последния сиа лета, яко же и в перваа, прослави бог сродника его еже в православии просиавшего благовернаго и христолюбиваго великаго князя Ивана Васильевича, государя и самодержъца всея Руси, новаго царя Констяптина новому граду Констяптину — Москве и всей Русской земле и иным новым землям государя» [13].

Как отметил Я. С. Лурье, «наименование Ивана III «новым Константином», а «Москвы и всей Русской земли» «новым градом Константина» делалось... в смысле противопоставления и вытеснения «новым градом Константина» старого... перед нами — та самая идея перехода мирового значения Византии на Русь, которую в XVI в. подробнее развил Филофей» [14].

В средневековье «империя» или «императорская власть» рассматривались как нечто, свободно передаваемое из одного государства в другое, при этом неделимое и неуменьшаемое. Наиболее распространены еще с раннего средневековья были идеи о переносе империи из Рима к франкам (имелась в виду империя Карла Великого) и затем к немцам [15]. Вторым Римом в теории Филофея считался Константинополь, а третьим — Москва.

Хотя идея переноса империи была типично средневековой, она не изжила себя в Европе второй половины XV в. Немецкие гуманисты,

---

[9] Переведена на среднеболгарский к 1331—1340 гг. (*Ю. Трифонов.* Бележки върху среднебългарския превод на Манасиевата хроника.— «Известия на Българския археологически институт», т. II. София, 1923—1924, стр. 137—173; *А. С. Орлов.* Древняя русская литература XI—XVII веков. М.— Л., 1945, стр. 203).

[10] *J. Bogdan.* Cronica Iui Constantin Manasses. Traducere di mediobulgara faculta pe la 1350. Bucureşti, 1922, p. 99—100.

[11] ПСРЛ, т. XXII, ч. 1, стр. 440; *А. Н. Попов.* Обзор хронографов русской редакции, т. II. М., 1869, стр. 64, 249; *он же.* Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869, стр. 81, 86—87 и др.

[12] *С. П. Розанов.* Время составления, стр. 311—322.

[13] РИБ, т. VI. СПб., 1880, № 118, стр. 799.

[14] *Я. С. Лурье.* Указ. соч., стр 379.

[15] *О. Л. Вайнштейн.* Западноевропейская средневековая историография. М.— Л., 1964; *Fr. Hertz.* The Development of the German Public Mind. Mass., 1957, p. 74—75.

стремившиеся доказать мировой общественности, что Священная римская империя германской нации является непосредственным продолжением и преемницей античной империи, широко использовали фальшивку Анния де Витербо «Том различных древностей с комментариями», в которой он издал вымышленные им сочинения античных авторов, якобы не сохранившиеся до его времени,— Манетона, Берозия, Фабиана, Пихтора, Мегастена и др. Вывод Витербо о происхождении немцев непосредственно от Ноя был воспринят с большим энтузиазмом, и, ссылаясь на авторитет псевдоантичных авторов, немецкие гуманисты (Цельтес, Иреникус и др.) энергично боролись против мнения итальянских гуманистов о варварском происхождении немецкого народа и доказывали новыми средствами старую идею «переноса империи к немцам» [16].

В России идея переноса империи приняла законченный вид позднее — на исходе первой трети XVI в. В конце же XV в. получила распространение иная теория, освящавшая персональную власть русского государя не только авторитетом старины, но и авторитетом знатного происхождения. Эта теория отвечала запросам новой эпохи: выход России на международную арену, ее превращение в одну из ведущих держав Европы требовали создания такой теории, которая ставила бы ее государя в один ряд с государями других европейских стран.

Новая трактовка вопроса о происхождении русского самодержавия нашла выражение в ряде произведений, часть которых носила официальный характер. В 1489 г. при императорском дворе Юрию Траханиоту было поручено сделать весьма интересное заявление: «Государь наш великий государь, уроженный изначала от своих прародителей (повторял Траханиот вслед за Курицыным.— *А. Х.*), а и наперед того от давных лет прародители его по изначяльству были в приятельстве и в любви с передними Римскими цари, которые Рим отдали папе, а сами царствовали в Византии» [17]. Вторая часть этой декларации содержит два новых момента: о древности рода русских князей, восходящего ко времени Константина, и о «приятельстве и любви» с «римскими царями», бывшими владетелями самого Рима.

Так далеко, как Траханиот, не заходил еще ни один русский идеолог великокняжеской власти. Инок Фома, автор «Похвального слова» тверскому великому князю Борису Александровичу, только сравнивал его с Моисеем, Августом, Юстинианом, Константином [18].

Декларация Юрия Траханиота в трактовке вопроса о генеалогии и власти русских князей подчеркивает лишь взаимоотношения прародителей великого князя московского с древнейшими римскими императорами. Вполне земное «приятельство» с римскими императорами казалось всему великокняжескому окружению самым важным доказательством высокого положения Ивана III на иерархической лестнице государей Европы. Поэтому в отличие от предшественников он не ссылался на божественную милость как источник своей власти.

Становление независимых политических образований сопровождалось созданием теорий о римских истоках власти их правителей [19]. Чешское

---

[16] *E. Fueter.* Geschichte der neueren Historiographie. München — Berlin, 1925, S. 135, 181–205, 224–242; *T. Thompson.* History of Historical Writing. New York, 1942, p. 516, 525, 593.

[17] «Памятники дипломатических сношений...», т. I, стр. 17–18.

[18] *Н. П. Лихачев.* Инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче. СПб., 1908.

[19] *В. Е. Грабарь.* Священная Римская империя в представлениях публицистики начала XIV в.– «Средние века», вып. I. М.– Л., 1942, стр. 96.

государство возводилось к некоему Чеху, выходцу из Хорватии [20]. В XIV в. в Польше появилась легенда о Лехе, брате Чеха, основателе Польского государства. Одновременно с этим в Польше ходили и другие теории — о Пясте и его жене Жепсе, князе Попеле, Краке и Ванде [21].

Древность правящих в том или ином государстве династий соответствовала древности самих народов, большая часть которых якобы восходила к Ною. Такие идеи развивали и болгарские и сербские цари. Согласно сербским летописям XIV в., сербский великий жупан Стефан Первовенчанный (1196—1227 гг.) был дальним родственником Константина Хлора (305—306 гг.), происходившего в свою очередь от Августа [22]. Болгарские Асени в начале XIII в., современники византийского императора Калояна (1197—1208 гг.), возводили свое родословие к античному Риму [23].

Укрепление положения Молдавского государства во времена Стефана Великого и желание поднять еще выше авторитет его главы в глазах московского великого князя Ивана III вызвали к жизни новый вариант версии о происхождении молдавских господарей от правителей Рима. Эта версия относится к началу 80-х годов XV в., ко времени переговоров о браке Елены Стефановны Волошанки и Ивана Ивановича Молодого [24].

Еще в XIV в. версию об античном происхождении государственной власти в Пруссии выдвинул идеолог Тевтонского ордена Петр Дюсбург. Согласно его теории, владетель г. Ромове, название которого, по его мнению, происходит от Рима, основал теократическое государство, подчинив ему литовцев и народы Ливонии, создав тем самым идеальный прообраз Орденского государства [25]. В измененном виде эту теорию использовали в Литве. Во второй половине XV в. она оказалась записанной Яном Длугошем [26] и литовской летописью краткой редакции [27], что, по мнению М. Захары-Вавжинчик, свидетельствует о ее широком распространении [28].

В белорусско-литовских летописях упомянут некий Палемон, мифический основатель Литовского государства, римский военачальник времен Нерона, который якобы оставил Рим и приплыл в Ливонию. Сыновья его, согласно этой легенде, заложили ряд литовских городов: Борк основал Юрборк, Кунас — Каунас и т. д. Генеалогическое древо Палемона достигало Гедимина, далее же история Литвы излагалась по русским ле-

---

[20] *J. B. Navák.* Patriotismus Karla IV.— «Česky casopis historicky». Praga, 1926, r. XXXII, s. 18—27.

[21] *K. Tymieniecki.* Poczatki narodowosci polskiej.— «Przeglad wspólczesny», N 195. Warszawa, 1938, s. 3 i dal; *он же.* Polska legenda sredniowieczna oraz zarys dziejow historiografii polskiej. Krakow, 1948; *M. Zachara-Wawrzynczik.* Geneza legendy o rzymskiem pochodzeniu litwinow.— «Zeszyty historyczne». Warszawa, 1963, s. 8. Эти легенды были внесены в Русский хронограф только в XVII в. (*А. Н. Попов.* Изборник..., стр. 131—133).

[22] *Л. Стојановић.* Српски родослови и летописи.— «Гласник Српског ученог друштва», т. III. Београд, 1884, стр. 23—24, 29—31, 44, 48 и др.

[23] *А. Н. Попов.* Обзор хронографов русской редакции, т. I. М., 1866, стр. 25—27; *он же.* Изборник..., стр. 3—4 и др.; *М. Н. Тихомиров.* Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в.— «Славянский сборник». М., 1947.

[24] *А. В. Болдур.* Славяно-молдавская хроника в составе Воскресенской летописи.— АЕ за 1963 г. М., 1964, стр. 72—86.

[25] «Scriptores rerum prussicarum», t. I. Leipzig, 1861, S. 53.

[26] *J. Dlugosz.* Opera omnia, t. IV, ks. X, p. 442; t. XII, ks. X, p. 473. О родстве литовского и прусского языков с латынью см. подробнее: *A. Mierzynski.* Zródla do mytologii litewskiej, cz. II, t. II. Warszawa, 1892—1896, c. 21—24; *A. Bruckner.* Starozytna Litwa. Ludi i bogi. Szkice historyczne i mitologiczne. Warszawa, 1904, s. 19.

[27] ПСРЛ, т. XVII. СПб., 1907, стр. 228—229, 235, 240—251 и др.

[28] *M. Zachara-Wawrzynczik.* Op. cit., s. 17—19.

тописям [29]. Та же версия, но в сокращенном виде, встречается в летописи Быховца [30].

Складывание независимых государств в XIV—XV вв. возбуждает интерес к античной государственности и способствует формированию теорий о родстве государей национальных политических образований с римскими императорами.

Таким образом, попытка Юрия Траханиота связать род русских князей с римскими императорами, пусть пока не родственными узами, но «приятельством», была вполне в духе времени.

Разработка теории происхождения русской государственности шла рука об руку с укреплением политического престижа Ивана III, титул которого все более усложнялся [31]. В 1498 г. состоялось венчание на великое княжение Дмитрия-внука по образцу византийского коронования наследника императора. Во время церемонии Иван III выступил в роли императора, надеясь тем самым приобрести царский титул.

Были предприняты и усилия в разработке теории происхождения власти русских князей.

Чудовская повесть, носившая название «Начало царема римски и всем православным великим князем» [32] и возникшая, по весьма вероятному предположению Л. В. Черепнина и А. А. Зимина, в конце XV в.[33], обосновывала родство русских князей с римскими императорами, в частности Августом. Согласно концепции Повести Август разделил весь мир между своими родственниками. Некоему Прусу досталась часть Балтики с Гданьском, Хойницей и Марборком. Четырнадцать поколений его потомков сменились в Прусской земле, когда новгородский воевода Гостомысл, знавший о родстве прусских князей с Августом, умирая, предложил своим соотечественникам пригласить князя из Пруссии. Так на Руси появился Рюрик, основатель династии русских князей, потомком которого в четвертом колене был Владимир.

Повесть подчеркивает близость Рюрика к римскому императорскому дому, ни словом не упоминая о его варяжском происхождении. Старая теория о родстве первых русских князей с варягами, которая могла украсить иноземным величием род русских князей в то время, когда по всей Европе существовали основанные скандинавами государства, теперь уже не прибавляла блеска династии русских князей. И вот под пером изобретательных идеологов русского самодержавия появляется видоизмененное родословие русских князей.

Их связь с императором Августом (популярность которого в средние века объясняют тем, что Рим при нем достиг наивысшего процветания, ко времени же его правления Евангельское предание относит рождение

---

[29] *J. Jakubowski.* Studia nad stosunkami narodowosciowymi na Litwie przed Unią Lubelska. Warszawa, 1912, s. 46.

[30] «Хроника Быховца». Подг. к печати Н. Н. Улащик. М., 1963, стр. 35.

[31] *В. А. Кучкин.* О времени написания Буслаевской Псалтири.— В кн.: «Древнерусское искусство. Рукописная книга». М., 1972, стр. 223—224; *А. Л. Хорошкевич.* Об одном из эпизодов династической борьбы в России в конце XV в.— «История СССР», 1974, № 5.

[32] Опубликована Р. П. Дмитриевой в книге «Сказание о князьях владимирских». М.— Л., 1955.

[33] *Л. В. Черепнин.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960, стр. 16; *А. А. Зимин.* Античные мотивы в русской публицистике конца XV в.— «Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. Сб. статей, посвященный Л. В. Черепнину». М., 1972, стр. 137. Впрочем, Р. П. Дмитриева считает Чудовскую повесть переделкой первой редакции Сказания о князьях владимирских и Послания Спиридона-Саввы и относит ее таким образом ко времени не ранее конца 20-х годов XVI в.

Христа, от Августа ведут свое начало империя и христианская церковь [34]) вполне отвечала общим теориям происхождения власти в Европе XV в.

Разрыв с традицией в вопросе о генеалогии русских князей обнаруживает ряд памятников. Вслед за Повестью о варяжском происхождении Рюрика забыли и Послание Спиридона-Саввы, и Сказание о князьях владимирских. Новая теория, как обратил внимание еще И. Н. Жданов, оказала влияние и на летописцы [35]. В ряде летописей этого времени записано: «Первый князь на Рускои земли Рюрик, пришед из Немецкои земли, роди Игоря» [36] или «Князь Рюрик от немець пришед» [37]. Родословия русских князей, помещенные вместе со Сказанием, также содержат неопределенное сообщение о приходе Рюрика «из немец» [38].

Понятие «немцев» подробно раскрывают лишь Повесть и Сказание. В них речь идет только о немцах — жителях Северной и Центральной Европы, говорящих на немецком языке. Ни родословия, ни летописи той поры не поясняли, каких немцев они имели в виду, рассказывая о происхождении Рюрика. Родословия середины XVI в. более точны. Судя по Государеву родословцу, Рюрик — это «из Немец из Прус муж честен от рода Римска царя Августа кесаря» [39]. Эволюция термина «немцы» в русских летописях проследил Г. Штёкль [40].

Если в XI—XIV вв. этот термин как этнографическое понятие знало лишь южнорусское и новгородское летописание, то в конце XV — начале XVI в. такое понимание проникло и в московские летописи. Г. Штёкль, по-видимому, заблуждается, полагая, что в начале XVI в. словом «немцы» обозначались также шведы [41]. Действительно, в Воскресенской и Уваровской летописях слово «немецкий» употребляется по отношению к Карелии, в частности к г. Выборгу, однако каждый раз подобное словоупотребление сопровождается пояснением, что Выборг расположен в «Свейской земле», в «Свейском государстве» [42].

В XV в. псковские летописцы имели точное представление о свейских немцах, т. е. шведах, и собственно немцах [43]. Свейских немцев выделяют и памятники XVI в.— Степенная книга и Опись Царского архива [44]. Можно предполагать, что и в части, относящейся к обозначению национальной принадлежности Рюрика, летописи писали о «немцах» в собственном, идентичном современному смысле слова.

---

[34] *A. Craf.* Roma nella memoria e nelle imaginazioni del medio evo, v. I. Torino, 1882. p. 309.

[35] *И. Н. Жданов.* Повести о Вавилоне и «Сказание о князех владимирских». СПб., 1891, стр. 84, прим. 1.

[36] ПСРЛ, т. XVI. СПб., 1889, стр. 261, 307; *А. Х. Востоков.* Описание славяно-русских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1841, стр. 509.

[37] *М. Н. Тихомиров.* Малоизвестные памятники.— ТОДРЛ, т. XVI. Л., 1960, стр. 454—455.

[38] Р. П. Дмитриева (Сказание..., стр. 126—127) указывает следующие родословные: XV в.— БАН, 13.3.22; ГБЛ, Собр. Румянцевского музея, № CCXLVII; Собр. Рум., № 358; Собр. Троице-Сергиевой лавры, № 770; ГПБ, Собр. СПб. дух. акад., № 430; XVI в.— БАН, 17.15.19; ГБЛ, Собр. Рум., № 349; Муз., № 617; ГИМ, Заб. № 427; Увар, № 786 в четверку; № 570 в лист; № 206 в лист; ГПБ, Q XVII, 32; Вяз. F141; FIV, 733; Погод. № 1522.

[39] «Родословная книга» («Временник ОИДР», кн. X. М., 1851. Материалы, стр. 131).

[40] *G. Stokl.* Das Bild des Abendlandes in den altrussischen Chroniken. Koln und Opladen, 1965, S. 27, 29, 34.

[41] Ibid., S. 40.

[42] ПСРЛ, т. VIII. СПб., 1859, стр. 230—231; т. XXV, стр. 167; т. XXVIII. М., 1963, стр. 326, 329.

[43] ПЛ, вып. II, стр. 14, 30.

[44] ПСРЛ, т. XXI, ч. 1. СПб., 1908, стр. 306; «Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года». [Подг. к печати С. О. Шмидт и С. А. Левина]. Под ред. С. О. Шмидта. М., 1960, стр. 28, 36, 38.

В последующее время в России, судя по отечественным и иностранным источникам, понятия «варягов» и «немцев» не покрывали друг друга. Впрочем, Степенная книга соединила обе версии происхождения Рюрика: он «прииде из Варяг ..., бе от племени Прусова, по его же имени Пруская земля именуется» [45],— и таким образом отнесла варягов к пруссам.

Теория происхождения русского правящего дома от немцев была известна многим иностранцам (в том числе Фейту Зенгу и Дж. Флетчеру) [46]. Иван Грозный неоднократно с гордостью упоминал о происхождении рода Рюриковичей от Августа и немцев. Свои права на царский титул он обосновывал ссылкой на родство с Августом [47] и в дипломатических переговорах с польским королем в 1556 г., и в Государеве родословце [48], и в посланиях шведскому королю Иогану III, и в послании Полубенскому [49]. К 1576 г. относится перевод на латынь родословия русских князей, в котором излагалась теория об их происхождении от Августа и Пруса [50]. Впрочем, в зависимости от обстоятельств упор делался на ту или иную часть предания — либо на немецко-прусскую, либо на римскую. Последняя также нашла отражение в сказаниях иностранцев. «Русские хвалятся,—отмечал С. Герберштейн,—что эти братья (Рюрик, Синеус и Трувор.— *А. Х.*) происходили от римлян, от которых повел, как он (Василий III.—*А. Х.*) утверждает, свой род и нынешний московский государь» [51]. Я. Я. Стрейс упоминал о том, что Грозный «установил свое происхождение от римских императоров» [52].

Вслед за правящей династией о происхождении своих родов от пруссов и немцев заговорили и представители крупнейших боярских фамилий России. К концу XV — началу XVI в., по-видимому, относится возникновение легенд о родстве с немцами знатнейших русских родов — Шереметевых, Колычевых, Морозовых, Пушкиных и др.[53] Легенды о Ратше — основателе рода Пушкиных, Камбиле — Кобыле, от которого пошли Шереметевы, Кобылины, Романовы, Колычевы, о Мише Прушанине Морозове, Гавриле, предке Голенищевых-Кутузовых [54] были занесены в Государев родословец середины XVI в.[55] и позднее, в XVIII в., были пополнены увлекательнейшими деталями [56].

---

[45] ПСРЛ, т. XXI, ч. 1, стр. 7. Почти то же в рассказе о Владимире Святославиче (там же, стр. 60).

[46] См. послание Фейта Зенга Альбрехту Прусскому от 20 декабря 1566 г. (*Дж. Флетчер.* О государстве Русском. СПб., 1905, стр. 19). Правда, у Флетчера добавлено, что общее название царского дома Белым происходит от венгерского короля Белы.

[47] Сб. РИО, т. 59. СПб., 1887, стр. 519, 1556 г.

[48] *Н. П. Лихачев.* Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888, стр. 400—414.

[49] «Послания Ивана Грозного». Подг. текст Д. С. Лихачев и Я. С. Лурье. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.— Л., 1951, стр. 158, 200.

[50] *И. Н. Жданов.* Указ. соч., стр. 60—61.

[51] *С. Герберштейн.* Записки о московитских делах. М., 1908, стр. 4—5.

[52] *Я. Я. Стрейс.* Три путешествия. М., 1935, стр. 176; *А. Л. Гольдберг.* Отражение историко-политических идей русской письменности в западноевропейской печати XVI—XVII вв.— «Рукописная и печатная книга». М., 1975, стр. 127—139.

[53] О них см.: *С. Б. Веселовский.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969, стр. 39, 140, 196.

[54] В действительности большинство этих фамилий тюркского происхождения (*Н. А. Баскаков.* Русские фамилии тюркского происхождения. VI. Восточнославянская ономастика. М., 1972, стр. 178, 190).

[55] «Родословная книга», стр. 107—108, 110, 159, 180.

[56] Так, в частности, предок рода Шереметевых, Сухово-Кобылиных, Романовых, Колычевых оказался неким Недроном, владетелем Судовии и Самогитии, четвертым из 12 сыновей прусского короля Вейдевута; его потомок Гланд Камбила Дивонович при Александре Невском выехал на Русь («Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи», т. II. СПб., 1792, стр. 10).

В середине XVI в. эти легенды были очень популярны и использовались в политической борьбе. Так, А. М. Курбский, разоблачая антибоярскую политику Грозного, писал о древности рода Морозовых: «вышли от Немец, вкупе с Рюриком, прародителем руских княжат, седмь мужей храбрых и благородных» [57], в том числе и Миша Прушанин Морозов.

Благодаря созданию Чудовской повести и Сказания был переброшен мостик от Рюрика к представителям иной национальности, с которой в других странах Европы связывалось понятие империи. Породнив Рюрика с Августом и немцами, официальная историография конца XV в. ввела русского государя в семью правящих домов Европы, более того, уравняла его с представителями немецкого императорского дома.

Чудовская повесть имела и другой внешнеполитический аспект. Она, подобно русским родословиям великих князей литовских [58], должна была стать противовесом теориям римского происхождения литовцев, возникшим в середине XV в., и разрабатываемым Яном Длугошем польским теориям о подданстве русских князей полякам уже на заре образования Древнерусского государства, а всех русских — полякам и литовцам [59].

До тех пор, пока вопрос о воссоединении западнорусских и белорусских земель не был решен, этот аспект памятников оставался актуальным. Не случайно, как отметила Р. П. Дмитриева, широко применялось Сказание о князьях владимирских в дипломатической практике XVI в.[60]

Сказание о князьях владимирских имело некоторые точки соприкосновения с предшествующей «хронографической» традицией — от нее оно унаследовало представление об «изначальности» власти русских князей: в Сказании подчеркивалась прямая линия, связывавшая русских князей XV в. с киевскими и владимирскими. Однако в условиях XVI в. и эта идея наполнилась несколько иным содержанием. Сказание с его устремленностью во внешнюю политику утверждало право русских князей на все древнерусские земли, которые еще оставались за пределами Русского государства, оно идеологически обосновывало выставляемые в течение XVI—XVII вв. требования возвращения киевских, черниговских и других земель в состав Русского государства.

Наконец, был третий внешнеполитический аспект Чудовской повести и Сказания. Выводя предков Рюрика из Пруссии, они обосновывали ни много, ни мало претензии великого князя России на этот район Балтики. Чудовская повесть весьма своеобразно истолковывала факты давней славяно-балтской, а точнее славяно-прусской связи и общности исторических судеб, до сих пор не до конца изученные.

Под пером историографа конца XV в. приглашение потомка Пруса Рюрика делало самую Пруссию «отчиной» великого князя. Чудовская повесть пишет: «Оттоле же начат в ней княжити князь велики» [61], имея в виду великого князя из рода Пруса, предшественника Рюрика. Впрочем,

---

[57] «Сочинения князя Курбского» (РИБ, т. 31. СПб., 1914, стб. 303).

[58] О них см.: *М. Е. Бычкова.* Отдельные моменты истории Литвы в интерпретации русских генеалогических источников XVI в.— В кн.: «Польша и Русь». Сб. статей. М., 1974, стр. 365—377; *она же.* Первые родословные росписи литовских князей в России.— стр. 133—140 настоящей книги.

[59] Ян Длугош выдвинул теорию, будто польские князья на Руси были древнее Рюриковичей. По его мнению, Киев был основан польским князем Кием, а его потомками были Аскольд и Дир. Таким образом, с помощью теории о древности польской власти на Руси он пытался доказать права поляков на украинские земли. Права же их на великорусские земли должна была доказать теория о Русе, одном из внуков Леха.

[60] *Р. П. Дмитриева.* Сказание..., стр. 146.

[61] Там же, стр. 197.

в конце XV в. Тевтонский орден, стремившийся к возврату отошедших по Торуньскому миру 1466 г. городов, в том числе Гданьска, Торуня и др., был потенциальным союзником России против Польско-Литовского государства [62]. Не случайно в 1491 г. Иван III по просьбе имперского посла Георга фон Турна согласился на «соблюденье» Тевтонского ордена [63], пытавшегося перейти под покровительство императора Максимилиана [64].

Во втором десятилетии XVI в. дело дошло до заключения союза России с Тевтонским орденом и открытого их выступления против Польско-Литовского государства. В конечном итоге давно переживший свое время Орден был ликвидирован. России, встретившейся со многими трудностями и внутреннего и внешнеполитического характера [65], не удалось стать наследницей Ордена. Однако с этими событиями может быть связано окончательное оформление Сказания о князьях владимирских, сформулировавшего внешнеполитическую программу России на северо-западе Европы. В период Ливонской войны произошло лишь некоторое территориальное смещение: «отчиной» Ивана Грозного, восходящей к владениям Рюрика, была объявлена Ливония («та земля извечно от прародителей наших наша, почен от великого государя русского Рюрика и до нас» [66]).

Четвертый внешнеполитический аспект Чудовской повести — ее, если употреблять современные термины, откровенный антинорманизм связан с характером русско-шведских отношений.

Понятие «варяги» в русском летописании еще с XIII в. идентифицировалось с одним из шведских племен. Это характерно и для Летописца Переяславля-Суздальского, и для Новгородской I летописи [67]. Дополнения «варязи, зовутся свее» были внесены и в некоторые редакции «Повести временных лет» [68]; с середины XVI в. варягов стали относить к немцам [69]. Однако в изучаемое время варяги считались одним из шведских племен.

Русско-шведские отношения конца XV в. оставляли желать много лучшего. Предметом спора России и Швеции были карельские земли на пограничье Руси и Финляндии. В 1496 г. разыгралась русско-шведская война из-за Выборга. Жертвой шведского нападения стал построенный в 1492 г. Ивангород. Ни в перемирии 1497 г., ни на переговорах весной 1498 г. русско-шведские противоречия не были улажены, и вскоре военные действия возобновились [70]. Им не смогли воспрепятствовать союзнические отношения Руси с Данией, к которой в это время отошли спорные территории [71].

---

[62] *В. Н. Балязин.* Россия и Тевтонский орден.— «Вопросы истории», 1963, № 6, стр. 60—72. Сам же Иван III еще в 1489 г. интересовался вопросом о принадлежности городов Гданьска, Торуня, Хойницы (Сб. РИО, т. 35. СПб., 1882, стр. 40).

[63] «Памятники дипломатических сношений...», т. I, стр. 76—81.

[64] *К. В. Базилевич.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952, стр. 274.

[65] *А. А. Зимин.* Россия на пороге нового времени. М., 1972, стр. 240 и др.

[66] Сб. РИО, т. 71. СПб., 1892, стр. 56, см. также стр. 231.

[67] «И идоша за море к варягом, сице бо зваху Варяг Русью, яко се друзии зовутся свее» [«Летописец Переяславля-Суздальского».— «Временник ОИДР», кн. IX. М., 1851. Материалы, стр. 5; см. также НПЛ, стр. 229—230, 240 (1188, 1201 гг.)].

[68] ПВЛ, ч. I, стр. 19.

[69] ПСРЛ, т. XV. СПб., 1863, стр. 30, список второй половины XVI в.; т. XX, ч. 1. СПб., 1910, стр. 43.

[70] *Г. В. Форстен.* Борьба из-за господства на Балтийском море в XV и XVI столетиях. СПб., 1884, стр. 159.

[71] *С. М. Каштанов.* Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI века. М., 1967, стр. 140—141.

Чудовская повесть с ее полным забвением роли варягов в становлении русской государственности вполне отвечала состоянию русско-шведских отношений.

Чудовская повесть, отличающаяся сугубо светским характером и вместо божественной милости искавшая обоснование власти русских государей в их родстве с римскими императорами, может быть сопоставлена с произведениями гуманистического толка. Если для средневекового автора границы истории указаны Библией, а посему он начинает изложение с сотворения мира [72], то автор Чудовской повести открывает свой рассказ одним из эпизодов всемирной истории. Это единственный памятник русской публицистики и историографии изучаемого времени, опустивший библейскую часть «истории».

Конечно, секуляризация историографической мысли на Руси, как и в Германии [73], носила непоследовательный характер. И в Сказании, и в летописи изложение ведется со времен Ноя, а новая теория о родстве русских князей с императором Августом становится лишь фрагментом общей схемы, восходящей к Повести временных лет [74]. Возникают и новые теории средневекового типа (теория третьего Рима, изложенная в посланиях Филофея).

В русской историографии сосуществовали две струи: средневековая (патримониально-теократическая) и несравненно более слабая гуманистическая. Впрочем, и в других странах Европы победа гуманистической мысли в области историографии была неполной. Особенностью России (как отчасти Литвы, Польши и Германии) было другое — использование средневековых теорий для идеологического обоснования внутри- и внешнеполитических запросов страны. Эти теории о возникновении государственности приобретали в странах Центральной и Восточной Европы гуманистические тенденции, которые оказались на службе государства.

---

[72] *P. Rousset.* La conception de l'histoire à l'epoque feodale.— «Melanges d'histoire du moyen age dediees à la memoire Louis Halphen». Paris, 1951, p. 628.

[73] Если в большинстве европейских стран гуманистические настроения дали себя знать в секуляризации историографической мысли, отказе от фантастических построений средневековья, в попытках рационалистического объяснения прошлого и противопоставлении новых созидаемых ими теорий устарелым теологическим идеям, то немецкие гуманисты по вопросу о происхождении государственности сделали шаг назад, возвращаясь к средневековым идеям (*P. Joachimsen.* Geschichtsauffassung und Geschichtsschreibung in Deutschland unter dem Einfluss des Humanismus.— «Beitrage zur Kulturgeschichte des Mittelalters und der Renaissance», Hf. 6. Leipzig — Berlin, 1910, S. 29; *E. Fueter.* Geschichte der neueren Historiographie. München — Berlin, 1911, S. 137, 164).

[74] Летописи, возникшие в 10—20-е годы XVI в., своды 1518 и 1526 гг., сохранившиеся в Уварской, Воскресенской, Вологодско-Пермской и других летописях, в определении этнической принадлежности Рюрика также непоследовательны. Под влиянием Сказания они сообщают о приходе Рюрика «из Немец», но при этом поясняют, что Рюрик принадлежал к «варяжскому роду», возвращаясь тем самым к прежней традиции.

И. С. Чичуров

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ИДЕОЛОГИИ ГОСПОДСТВУЮЩЕГО КЛАССА ДРЕВНЕЙ РУСИ В КОНЦЕ XV—XVI В.

Развитие форм государственности отражается и закрепляется в идеологии — опосредованном выражении экономических, социальных, политических и культурных процессов. Так, становление Русского централизованного государства сопровождалось оформлением идеологии сильной великокняжеской власти и, в частности, представлений об идеальном государе. При этом в построениях древнерусских авторов использовались как собственно русские материалы, так и иноязычные, в том числе византийские. Постановке вопроса о роли византийского наследия в формировании образа идеального государя на Руси в конце XV—XVI в. посвящается наша статья.

В системе представлений средневекового христианства об идеале монарха одну из ключевых позиций, наряду с библейскими царями, занимал образ императора Константина I (306—337). Само по себе это обстоятельство не вызывает удивления: кто, как не Константин, легализовавший христианство, должен был воплотить собой образец (парадигму) «земного царя» — коррелят «царю небесному». Поэтому современного исследователя привлекает не столько сам факт общезначимости образа Константина для всего христианского мира средневековья, сколько трансформация исторического облика императора в зависимости от времени и места бытования легенды о Константине. В трактовке роли этого императора и в характере упоминаний о нем с неизбежностью отражались факторы национального, социального и идейно-политического порядка. Именно в этом кроется причина парадоксального сосуществования в образе Константина общезначимости и многовариантности. И действительно, при тождестве основных источников в трактовке исторического облика Константина (сочинения его современника Евсевия Кесарийского) византийский вариант существенно отличается от западноевропейского, а в рамках последнего прослеживаются локальные версии [1].

Не приходится специально доказывать, что и на Руси обращение к образу Константина было явлением, достаточно распространенным. Уже

---

[1] *E. Ewig.* Das Bild Constantins des Grossen in den ersten Jahrhunderten des abendlandischen Mittelalters.— «Historisches Jahrbuch im Auftrage Gorres-Gesellschaft», 75 Jahrgang. München, 1956, S. 14, 21, 24 f., 35 cf. *idem* Zum christlichen Konigsgedanken im Frühmittelalter.— «Vortrage und Forschungen», Bd. III. Lindau — Konstanz, 1956, S. 17. О роли образа Константина в формировании западноевропейских представлений об идеальном императоре см. также: *H. Wolfram.* Constantin als Vorbild fur den Herrscher des hochmittelalterlichen Reiches.— «Mitteilungen des Instituts fur osterreichische Geschichtsforschung», 68 (1960), S. 226—243; *H. H. Anton.* Fürstenspiegel und Herrscherethos in der Karolingerzeit. Bonn, 1968, S. 275—277, 352, 441, 445 f.; *W. Ullmann.* The Carolingian Renaissance and the Idea of Kingship. London, 1969, p. 44 and n. 4, 50, 56. О парадигме Константина в агиографии меровингского времени см.: *F. Graus.* Volk, Herrscher und Heiliger im Reich der Merowinger. Studien zur Hagiographie der Merowingerzeit. Praha, 1967, S. 381, 434 Anm. 788, 457.

для первого русского летописца Константин Великий был «живым примером» в сопоставлении его с князем Владимиром [2]. Соотносимость русского настоящего и прошлого со всемирным вообще, а русских князей с библейскими царями и византийскими императорами, в частности, осознавалась и использовалась в Древней Руси. Но сравнение русского царя с Константином дожило и до нового времени: «новым Константином» называли в России [3] и на Западе Петра I [4]. Более того, эта топика нашла свое место и в русской историографии XVIII в.: в 1810 г. в Москве появилось сочинение с длинным, но предельно ясным заглавием — «Сравнение свойств и дел Константина Великого первого из римских христианского императора со свойствами и делами Петра Великого, первого всероссийского императора и произшествий в царствование обоих сих монархов случившихся. Творение покойного И. И. Голикова, известного сочинителя деяний Петра Великого».

Насколько нам известно, в отечественной историографии нет работы, непосредственно посвященной анализу судьбы и роли парадигмы Константина в истории общественно-политической мысли России. Появившаяся сто лет тому назад книга Ф. А. Терновского, задавшегося целью показать тенденциозное преломление истории Византии на Руси, не удовлетворит современного историка своим основным выводом: в использовании литературой до XV в. византийского опыта автор видит лишь поиски древнерусскими идеологами аналогий, но никак не отражение их тенденциозности [5]. Последнее Терновский прослеживает начиная с XV в., связывая тенденциозность русской трактовки истории Византии с появлением фальсификатов типа «Константинова дара» [6]. Однако подобному освещению византийской истории служили не только подложные грамоты, но и исторические факты, подобранные в определенной последовательности и снабженные соответствующими характеристиками. Разумеется, и в конкретно-историческом плане исследование киевского историка нуждается в уточнениях на уровне современной историографии.

Вопроса о судьбе и роли образа Константина на Руси специально не ставили и такие историки идеологии, как В. И. Савва [7], В. Е. Вальденберг [8], М. А. Дьяконов, хотя последний и отмечал, что сравнение русских государей с Константином способствовало «усвоению теократических понятий» в XV—XVI вв. [9] Сопоставлений с Константином не мог-

---

[2] ПВЛ, т. I, стр. 89.

[3] *Ф. А. Терновский.* Изучение византийской истории и ее тенденциозное приложение в древней Руси, вып. 1. Киев, 1875, стр. 26.

[4] *A. Theiner.* Monuments historiques, relatifs aux regnes d'Alexis Michailovitch, Feodor III et Pierre le Grand, Czars de Russie. Extraits des Archives du Vatican et de Naples. Rome, 1859, p. 377 cf. *W. K. Medlin.* Moscow and East Rome. A Political Study of the Relations of Church and State in Muscovite Russia. Geneve, 1952, p. 218, n. 2.

[5] *Ф. А. Терновский.* Указ. соч., вып. 2. Киев, 1876, стр. 125.

[6] Там же, стр. 134—135.

[7] *В. И. Савва.* Московские цари и византийские василевсы. К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей. Харьков, 1901.

[8] *В. Е. Вальденберг.* Древнерусские учения о пределах царской власти. Пг., 1916; *он же.* Наставления писателя VI в. Агапита в русской письменности.— ВВ, т. XXIV, 1926, стр. 27—34; *он же.* Речь Юстина II к Тиверию.— «Известия АН СССР», 1928, серия VII, Отделение гуманитарных наук, № 1—10, стр. 111—140; *он же.* Речь Юстина II в древнерусской литературе.— «Доклады АН СССР», серия В, 1930, № 7, стр. 121—127.

[9] *М. А. Дьяконов.* Власть московских государей. Очерки из истории политических идей древней Руси до конца XVI века. СПб., 1889, стр. 101 (в связи с анализом политических воззрений Иосифа Волоцкого).

ли не коснуться исследователи древнерусской публицистики И. У. Будовниц [10] и Я. С. Лурье [11], но и ими этот вопрос не ставился специально.

Однако именно конец XV — середина XVI в. в силу особенной напряженности идейно-политической борьбы наиболее удобны для того, чтобы на немногих примерах показать неадекватность трактовок образа Константина в древнерусской общественно-политической мысли и тем самым поставить вопрос о судьбе и роли парадигмы Константина. Подчеркиваем — поставить, но не решить.

В выборе материала для анализа мы вынуждены ограничиться наиболее известными памятниками лишь двух жанров (летописания и публицистики), отдавая себе отчет в важности житийной и правовой литературы для нашей темы. Что касается критериев анализа, то и здесь мы останавливаемся пока только на двух моментах: отношении традиции к негативным фактам биографии Константина (незаконнорожденность и незнатное происхождение императора, версия крещения в Никомидии и арианское вероисповедание Константина, убийство им своего сына Криспа) и смысловой нагрузке парадигмы Константина в аргументации древнерусских авторов.

Обратимся прежде всего к трактовке образа Константина в трех взаимосвязанных летописных памятниках, отразивших события не только русской, но и всемирной истории: Еллинском летописце второго вида [12], Хронографе 1512 г.[13] и Хронографе западнорусской редакции [14].

Если рассматривать повествование о правлении Константина в Еллинском летописце с точки зрения «теневых сторон» биографии императора, то нельзя не заметить некоторой незавершенности образа в плане его идеализации. С одной стороны, в Еллинском летописце присутствует ложная генеалогия, возводящая род Константина к императору Клавдию (л. 285), осуждаются люди, утверждающие, что Константин был рожден от «блудницы» (л. 286 об.), ничего не говорится об убийстве Константином Криспа, т. е. так или иначе устраняются детали, дисгармонирующие с идеализированным портретом императора; с другой — автор не скрывает незаконности брака Консты и Елены (законной женой, по его словам, была Феодора — л. 288 об.), пусть с осуждением, но все же приводит версию незаконнорожденности и арианского вероисповедания Константина (л. 302), оставляя тем самым читателю материал и место для сомнения. Значимость последних двух упоминаний проявляется при сравнении Хронографа 1512 г. и Хронографа западнорусской редакции.

Хронограф 1512 г. сохраняет идеализирующую основу парадигмы Константина (например, ложную генеалогию от Клавдия [15]), опуская те негативные моменты (версия незаконнорожденности и Никомидийского

---

[10] *И. У. Будовниц.* Русская публицистика XVI века. М.— Л., 1947, стр. 60, 89, 102—103, 157—158, 168, 171, 176—177, 180, 196, 202, 291. Ср. единичные упоминания Константина в работе того же автора «Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI—XIV вв.)» (М., 1960, стр. 34, 67, 70).

[11] *Я. С. Лурье.* Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI века. М.— Л., 1960, 227—228, 232—233, 244, 282, 378—379, 383, 486. Вскользь сопоставления князя Владимира с Константином касается также Г. Штёкль (*G. Stokl.* Die politische Religiositat des Mittelalters und die Entstehung des Moskauer Staates.— «Saeculum», Bd. 2, H. 3. Freiburg — München, 1951, S. 403).

[12] Мы используем Кирилло-Белозерский список начала XVI в. по рукописи ГИМ, Синодальное собр., № 86.

[13] ПСРЛ, т. XXII, ч. 1. СПб., 1911.

[14] Там же, ч. 2. Пг., 1914.

[15] Там же, ч. 1, стр. 259; ср. стр. 261.

крещения), которые присутствовали в Еллинском летописце. Напротив, Хронограф западнорусской редакции не избегает ни арианской версии крещения [16], ни версии незаконнорожденности Константина и, наоборот, законности первой жены Консты Феодоры [17].

Один и тот же сюжет о рождении Константина Хронограф 1512 г. и Хронограф западнорусской редакции излагают композиционно по-разному. В Хронографе 1512 г. сначала помещается рассказ о посольстве Консты в Персию, знакомстве с Еленой, чудесном зачатии Константина и только затем — сообщение о женитьбе Консты на Феодоре [18]. Тем самым последовательностью изложения несколько затушевывается вопрос о незаконности брака Консты и Елены: ведь женитьба на Феодоре относится к более позднему времени [19]. Иначе в Хронографе западнорусской редакции, где прежде говорится о женитьбе на Феодоре, а затем только о Елене, так что упоминание Феодоры, как первой и законной жены Консты, находится в полном согласии с последовательностью повествования [20]. Кстати сказать, здесь опять-таки проявляется неадекватность подхода авторов хронографов к использованию материала Еллинского летописца: если Хронограф западнорусской редакции сохраняет порядок изложения Еллинского летописца (лл. 285—286), то Хронограф 1512 г. отступает то него.

В основном рассказы хронографов о созыве Константином первого вселенского собора совпадают. Однако и здесь прослеживается некоторое смещение акцентов. Автор Хронографа 1512 г. пишет: «Великий же царь Коньстянтин видев церковь смущаему и хотящим христианьское приимати возбраняемым Ариевым оучением, болезнуаше душею и в 12 лето царства своего посла повсюду носилы и копьми и колесницами людскыми собрати вся святыя отца в Никию» [21]. Западнорусская редакция гораздо «суше» в рассказе о том же событии, ограничиваясь лаконичной фразой: «Великий же царь Константин виде церковь Арием возмущену и повеле собору быти» [22].

Такое же смещение акцентов заметно и в повествовании о паломничестве Елены в Иерусалим: по Хронографу 1512 г., это инициатива не только Елены, но и Константина, посылающего мать на поиски «животворящего креста» [23]. Напротив, западнорусская редакция Хронографа, опуская слова о Константине [24], скрадывает его роль в паломничестве Елены. И далее, в том же эпизоде, согласно Хронографу 1512 г., по возвращении Елены Константин, как благочестивый император, сотворил три «честных креста» наподобие тех, что привиделись ему перед сражением с Максенцием, и высек на них надпись «Иисус Христос — победитель» [25]. И в этом случае западнорусский редактор не использует столь благоприятный для характеристики благочестия Константина момент [26].

Заключительная характеристика Константина в Хронографе 1512 г.

---

[16] ПСРЛ, т. XXII, ч. 2, стр. 85; ср. ч. 1, стр. 264.
[17] Там же, ч. 2, стр. 81; ср. ч. 1, стр. 261—262.
[18] Там же, ч. 1, стр. 261; ср. ч. 2, стр. 80.
[19] Там же, ч. 1, стр. 261.
[20] Там же, ч. 2, стр. 80, 81.
[21] Там же, ч. 1, стр. 269.
[22] Там же, ч. 2, стр. 89.
[23] Там же, ч. 1, стр. 271.
[24] Там же, ч. 2, стр. 90.
[25] Там же, ч. 1, стр. 272.
[26] Там же, ч. 2, стр. 90—91.

(«Святый же и блаженный царь Коньстянтин царство свое добре оуправив, сирым и нищим заступник быв» [27]) опять-таки «щедрее», чем в западнорусской редакции Хронографа («Святый же и блаженный царь Константин, царство добре оуправив...» [28]). Западнорусский редактор пропускает, в отличие от редактора 1512 г., и фразу об основании Константином Константинополя в рассказе о захвате столицы Византии турками [29]. Все эти пропуски достаточно красноречивы, особенно если учесть, что объем повествования о правлении Константина в Хронографе 1512 г. вчетверо меньше, чем в Хронографе западнорусской редакции [30].

Если принять во внимание выводы О. В. Творогова о соотношении Хронографа 1512 г. и Хронографа западнорусской редакции [31], то разница в подходе редакторов к созданию образа Константина обнаружится с еще большей наглядностью: негативные моменты, исчезающие в редакции 1512 г., появляются, а положительные характеристики — скрадываются в результате правки текста 1512 г. западнорусским редактором по Еллинскому летописцу второго вида.

Итак, проведенный анализ летописных памятников обнаруживает неадекватность трактовок образа Константина: следы незавершенности идеализированной парадигмы в Еллинском летописце тщательно устраняются редактором 1512 г., в то время как для западнорусского редактора они не представляли помех. Вполне понятно, что распространение концепции «Москва — третий Рим», становление на Руси идеологии сильной великокняжеской власти могли влиять на оформление идеализированного образа первого христианского императора. Однако проблема не исчерпывается ответом на вопрос об идеологической подоплеке того или иного варианта парадигмы Константина. Важно также понять, к какому типу парадигмы (византийскому или западноевропейскому) где и когда тяготела древнерусская историография.

Переходя к публицистике XVI в., подчеркнем, что нас интересует прежде всего, в какой связи русские публицисты обращались к опыту Константина и как их представления о Константине соотносились с летописной легендой о нем.

Идеолог стяжателей Иосиф Волоцкий видел в Константине императора, узаконившего церковное и монастырское землевладение [32]. Здесь явственно проступают политическая и идеологическая мотивировки использования легенды о Константине, не осложненные второстепенными моментами. Неоднозначно отношение Иосифа Волоцкого к предшествую-

---

[27] Там же, ч. 1, стр. 273.

[28] Там же, ч. 2, стр. 91.

[29] Там же, стр. 205—207; ср. ч. 1, стр. 437. Отметим попутно в этом фрагменте западнорусской редакции пропуски наименования Константинополя «новым Римом» (ср. ч. 1, стр. 437), что едва ли случайно: «новый Рим» опускается и в двух других местах западнорусского Хронографа (там же, ч. 2, стр. 91) в отличие от редакции 1512 г. (там же, ч. 1, стр. 273). Значимость этих пропусков станет очевидной, если вспомнить о характеристике А. Н. Насоновым Хронографа 1512 г. как проводника теории «Москва — третий Рим» (*А. Н. Насонов.* История русского летописания XI — начала XVIII века. М., 1969, стр. 411; ср. *А. А. Зимин.* Россия на пороге нового времени. М., 1972, стр. 342 и сл.).

[30] ПСРЛ, т. XXII, ч. 1, стр. 261—262; ср. ч. 2, стр. 80—82.

[31] Западнорусский Хронограф восходит к Хронографу 1512 г. [*О. В. Творогов.* К истории жанра хронографа.— ТОДРЛ, т. XXVII. Л., 1972, стр. 204; ср. *он же.* К изучению древнерусских хронографических сводов (I. Редакции Еллинского летописца. II. О происхождении Хронографа западнорусской редакции).— Там же, стр. 393—404; ср. стр. 400].

[32] «Послания Иосифа Волоцкого». Подготовка текста А. А. Зимина и Я. С. Лурье. М.— Л., 1959, стр. 322—323; ср. стр. 325, 327.

щей традиции. С одной стороны, он не использует летописную версию [33]. видимо, она не удовлетворяла целям полемики с нестяжателями. С другой — необходимость противопоставить доводам нестяжателей свои соображения, подкрепленные историческими примерами, обусловила обращение волоколамского игумена к житию Константина и Елены [34], содержащему в себе мотив «Константинова дара». Сугубая тенденциозность Иосифа Волоцкого, призывавшего к решительной и беспощадной борьбе с еретиками, проявляется и в приписывании им Константину (императору арианского вероисповедания) активной роли в преследовании Ария [35].

Казалось бы, в споре со стяжателями контраргументы, почерпнутые из предания о Константине, мы должны найти у противника стяжателей Максима Грека, тем более что он не ограничен русским вариантом легенды о Константине, но знаком как с византийской, так и с западноевропейской традициями. Однако полемика с версией «Константинова дара» отсутствует в оригинальных сочинениях святогорского инока. Вместе с тем приписывание волоколамским игуменом Константину активной роли в борьбе с Арием противостоит стремлению Максима Грека (может быть, сознательному?) избежать совместных упоминаний Константина и Ария [36]. На фоне стереотипных представлений о Константине, как о первом императоре, насаждавшем христианство, совсем нетрадиционен повышенный интерес Максима Грека к астрологии: распространенные и повторяющиеся упоминания о Константине посвящены именно отношению императора к астрологическим предсказаниям [37]. Подчеркнем, здесь важен не столько сам факт осуждения Максимом Греком астрологии, что диктовалось необходимостью полемики с астрологическими увлечениями на Руси в XVI в.[38], сколько отклонение афонского старца от традиционного использования парадигмы Константина. Весьма знаменательно и другое: Константин, видимо, не представлялся Максиму Греку безусловным примером для подражания. Отвечая тем, кто ссылался на пример Константина, обратившегося к астрологу за предсказанием о судьбе Константинополя, Максим Грек писал: «...не нужа належит благочестиве ныне царствующим соблюдати обычаи древних римских царей; многа бо от обычаев еллинских со цари внидоша во гражданство благочестивых, не возмогшим изначала царем вся вкупе оставити» [39].

---

[33] По мнению Б. М. Клосса, протограф Русского хронографа был составлен в 1488—1494 гг. в Иосифо-Волоколамском монастыре (*Б. М. Клосс.* О времени создания Русского хронографа.— ТОДРЛ, т. XXVI. Л., 1971, стр. 244—245). Однако, пока мы не знаем, в каком виде вошли в протограф статьи по всемирной истории (в том числе и о Константине), трудно судить об отношении Иосифа Волоцкого к летописной традиции легенды о Константине в хронографической редакции.

[34] «Послания Иосифа Волоцкого», стр. 323.

[35] Там же, стр. 230 («темнаго оного и богопротивнаго и втораго Июду, Ария, глаголю, до конца низложи...»). Напомним, что в Хронографе 1512 г. и его западнорусской редакции речь идет о созыве собора в Никее императором, обеспокоенным деятельностью Ария, но не о конечном низложении последнего, что, собственно говоря, произошло после смерти Константина на втором вселенском соборе в 381 г. (см., например: «Theophanis Chronographia rec. C. de Boor», v. I. Lipsiae, 1883, p. 69. 19—21; ср. «История Византии в трех томах», т. I. М., 1967, стр. 169—170, 179—180).

[36] «Сочинения Максима Грека», ч. I—III. Казань, 1859—1862; ч. I, стр. 29, 32, 137, 225; ч. II, стр. 373; ч. III, стр. 63—65, 164, 262.

[37] Там же, ч. I, стр. 359—360, 382—383, 363, 364.

[38] Об отношении «жидовствующих» к астрологии, влиянии «профессора медицины и астрологии» Николая Немчина и увлечении астрологией Федора Карпова см., например: *И. У. Будовниц.* Русская публицистика, стр. 57, 64, 139, прим. 1, 183; ср. *А. А. Зимин.* Указ соч., стр. 325—326, 340 и особенно 355—357.

[39] «Сочинения Максима Грека», ч. I, стр. 363—364.

Иллюстрацией неадекватности трактовки образа Константина в русской публицистике может служить переписка Ивана Грозного и Андрея Курбского. Для Ивана Грозного Константин остается образцом, его опыт используется московским государем в оправдание собственных слов и дел, хотя это и не исключает отступлений от традиционных мотивов легенды о Константине. Говоря о нем, как о первом христианском императоре [40], Иван Грозный не только следует уже давно сложившемуся стереотипу, но и отступает от него по крайней мере в двух случаях. Упадок Византии, по Ивану Грозному, начинается сразу по смерти Константина и разделении власти между его сыновьями [41], что хорошо согласуется с самодержавными устремлениями московского князя, но противоречит официальным византийским представлениям о начале «новой эры» с правлением Константина [42]. Убийство императором своего сына Крипса из любовной интриги [43] превращается под пером Ивана Грозного в убийство «царьствия ради» [44] и служит оправданием и санкцией царю па жестокость в обращении со своими политическими противниками.

При сопоставлении с трактовкой образа Константина в сочинениях Курбского важно и то, что Иван Грозный видит в Константине безусловный пример для подражания. Если у московского царя даже убийство отцом своего сына приводилось как факт положительной характеристики императора, то гораздо менее предосудительный момент биографии Константина (заключение трех послов в темницу) истолкован Курбским, порицающим Грозного и его советников, в критическом духе: незаконное заключение послов, хотя и с последующим освобождением,— следствие того, что Константин «приклонил ухо к похлебником, или ко ласкателем пресквернымъ» [45]. С именем Константина Курбский связывает и созыв собора «неправедных судей» в Тире, которого «с божей помощью» избежал Афанасий Великий [46]. Опальный князь не упускает также случая подчеркнуть, что победа над Максенцием была дарована Константину «еще погану сущу и непросвященну» [47]. Видимо, Курбский склонялся к критизирующему варианту парадигмы Константина, и в этом он близок своему учителю Максиму Греку, сомневающемуся в безусловности примера Константина для «царствующих благочестиво».

Как и летописание, русская публицистика XVI в. неоднозначно трактовала легенду о Константине. И здесь идеализированным представлениям о первом христианском императоре противостоит тенденция к критическому переосмыслению опыта Константина, чему сопутствовало и что, видимо, отчасти вызывалось обращением русских публицистов к западноевропейской и ближневосточной истории. На конец XV в. приходится

---

[40] «Послания Ивана Грозного». Подг. текст Д. С. Лихачев и Я. С. Лурье. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.— Л., 1951, стр. 9, 45, 180, 200—201.

[41] Там же, стр. 23—24.

[42] О формировании таких представлений в византийской идеологии начиная с Евсевия Кесарийского см.: *G. Podskalsky*. Byzantinische Reichseschatologie. Die Periodisierung der Weltgeschichte in den vier Grossreichen (Daniel, 2 und 7) und dem Tausendjahrigen Friedensreiche (Apok., 20). Eine motivgeschichtliche Untersuchung. München, 1972, S. 71.

[43] Так, например, у Зонары (*A. Jacobs*. Ζωναρᾶς — Зонара. Die byzantinische Geschichte bei Johannes Zonaras in slavischer Übersetzung.— «Slavische Propylaen», Bd. 98, München, 1970, S. 113 f.; ср. «Паралипомен Зонарин». Изд. О. Бодянский. М., 1847, стр. 86—87).

[44] «Послания Ивана Грозного», стр. 19.

[45] «Сочинения князя Курбского» (РИБ, т. 31. СПб., 1914, стб. 149).

[46] Там же, стб. 479—480.

[47] Там же, стб. 148—149.

появление памятника прокатолической направленности («Слово кратко»), в котором «хранителем православной веры», наряду с Константином, выступает Карл Великий (768—814) [48]. В XVI в. Иван Пересветов, формулируя свое политическое кредо, опирался на пример «нечестивого Магмета-салтана» [49]. В этой связи встает вопрос об «удельном весе» парадигмы Константина в системе представлений об идеальном государе.

Приведенные нами примеры с достаточной наглядностью иллюстрируют многовариантность трактовок образа Константина в литературе XVI в. За каждой из трактовок скрыта определенная политико-идеологическая подоплека, обусловившая отношение автора к традиции легенды о Константине и характер ее привлечения. Так возникает первый и основной вопрос в исследовании судьбы парадигмы Константина на Руси: каковы конкретные причины, вызывавшие трансформацию исторического облика Константина. Разумеется, исчерпывающий ответ на этот вопрос возможен лишь после детального изучения всей русской традиции легенды о Константине. Проведенное сопоставление летописных и публицистических памятников выявило сложность соотношения историографии и полемической прозы, не объяснимого простым заимствованием летописных материалов публицистикой (по крайней мере, в применении к Константину). Русская публицистика XVI в. ставит исследователя перед необходимостью изучения житийной версии легенды о Константине, т. е. перед неизбежностью анализа рукописной традиции жития Константина и Елены и так называемого «Константинова дара».

Выявление источников парадигмы Константина подводит нас к вопросу о роли переводной литературы в формировании русского варианта образа Константина, причем ответ на этот вопрос не ограничивается выявлением конкретных источников. Определение их круга поможет выяснить, к какой традиции (византийской или западной) склонялись древнерусские авторы. Выяснение места Руси в европейской традиции приближает и к решению проблемы типологии образа идеального монарха. Наконец, анализ русского варианта парадигмы Константина не должен исключать исследования художественных принципов создания исторического образа. Именно таким представляется автору круг основных проблем, возникающих перед исследователем судьбы и роли образа Константина Великого в истории общественно-политической мысли Древней Руси.

---

[48] *Я. С. Лурье.* Указ. соч., стр. 225—229; ср. «Собрание на лихоимцев» — неизданный памятник русской публицистики конца XV в.» (Публикация Я. С. Лурье).— ТОДРЛ, т. XXI. Л., 1965, стр. 143—144.

[49] На роль опыта Магмета-салтана в построениях Ивана Пересветова обращали внимание И. У. Будовниц (Русская публицистика, стр. 155, 213—218) и А. А. Зимин («Сочинения Ивана Пересветова». Подготовил текст А. А. Зимин. М.— Л., 1956, стр. 20—25).

М. Е. Бычкова

ПЕРВЫЕ РОДОСЛОВНЫЕ РОСПИСИ ЛИТОВСКИХ КНЯЗЕЙ В РОССИИ

Эволюция господствующего класса России периода образования централизованного государства в последние годы все больше привлекает внимание исследователей[1]. Однако при изучении этого вопроса вне поля зрения ученых пока остаются созданные на Руси на рубеже XV—XVI вв. родословные легенды и росписи великокняжеских родов московской и литовской династий как памятники, отразившие принципиальные изменения в характере отношений между государственной властью и аристократической верхушкой класса феодалов.

Для второй половины XV — начала XVI в. русские родословные росписи насчитываются единицами[2]. Они составлялись для нужд разных учреждений и сохранили индивидуальные особенности, которые позволяют связать их появление с определенными семьями и лицами, выявить начало генеалогических традиций на Руси и которые были утрачены позднее, когда получили распространение родословные книги.

Объектом нашего анализа послужат три редакции родословных росписей литовских князей, включенные в русские публицистические произведения конца XV — первой четверти XVI в. Основной частью этих сочинений являются легенды о происхождении литовского правящего дома, и исследование росписей будет произведено нами в сопоставлении с соответствующими редакциями легенд.

Известны три великокняжеские родословные легенды этого времени: великих князей владимирских, литовских и молдавских господарей. Тексты первых двух сохранились в составе одних и тех же рукописей, расположены рядом и обычно анализируются в совокупности.

---

[1] *С. Б. Веселовский.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969; *А. А. Зимин.* Состав Боярской думы в XV—XVI веках.— АЕ за 1957 г. М., 1958; *он же.* Феодальная знать Тверского и Рязанского великих княжеств и московское боярство конца XV — первой трети XVI века.— «История СССР», 1973, № 3; *он же.* Дмитровский удел и удельный двор во второй половине XV — первой трети XVI в.— «Вспомогательные исторические дисциплины», вып. V. Л., 1973; *он же.* Наместническое управление в Русском государстве второй половины XV — первой трети XVI в.— «Исторические записки», т. 94; *он же.* Служилые князья в Русском государстве конца XV — первой трети XVI в.— В кн.: «Дворянство и крепостной строй России XVI — XVIII вв.» Сб. статей, посвященный памяти А. А. Новосельского М., 1975; *В. Б. Кобрин.* О формах светского землевладения в Русском государстве конца XV — XVI в.— «Ученые записки Московского гос. педагогического института им. В. И. Ленина», № 309. М., 1969; *Б. Н. Флоря.* Эволюция податного иммунитета светских феодалов России во второй половине XV — первой половине XVI в.— «История СССР», 1972, № 1.

[2] Кроме великокняжеских росписей, помещенных в летописных сводах второй половины XV в., известны роспись троицкого монастырского дьяка Вороны (АСЭИ, т. I, № 391), относящаяся к 60—70-м годам XV в., и родословные материалы, помещенные в Типографской летописи (ПСРЛ, т. XXIV. Пг., 1921, стр. 227—233), составление которых С. Б. Веселовский относил к концу XV в. (*С. Б. Веселовский.* Указ. соч., стр. 12—13).

В современной советской историографии подробно исследовано время составления отдельных редакций этих памятников, а также их идеологическая и публицистическая направленность. Р. П. Дмитриева, изучавшая и опубликовавшая Сказание о князьях владимирских и близкий к нему круг произведений, пришла к выводу, что первой редакцией легенды было Послание Спиридона-Саввы, составленное между 1511—1521 гг.[3] Позднее, исследуя Архангельский список, она убедительно доказала, что к 1527—1529 гг. весь цикл памятников, группировавшихся вокруг Сказания, был широко распространен и использовался при составлении новых редакций родословных легенд [4]. А. А. Зимин связал появление первой редакции родословия московских великих князей (он назвал ее Чудовской повестью) с событиями конца XV в., когда в России состоялось первое официальное венчание на царство [5].

Л. В. Черепнин отнес составление первой великокняжеской родословной к 80—90-м годам XV в., связав ее возникновение с русско-валашскими отношениями и деятельностью Федора Курицына [6]. В. Т. Пашуто относил составление первых редакций родословной легенды литовских князей ко второй половине XV в., связав их с редактированием русских летописей. Автор отметил, что редактирование легенды происходило и в Москве и в Твери [7].

Исследуя историю создания родословной легенды великих князей литовских и появление ее различных редакций в родословных книгах XVI в., автор настоящей работы пришла к выводу, что в Москве с конца XV в. до 1527 г. на основе русских источников были созданы три редакции этой легенды (наиболее ранняя существовала вместе с Чудовской повестью, а потом — Сказанием о князьях владимирских; вторая помещена в Послании Спиридона-Саввы; третья обнаружена Р. П. Дмитриевой в Архангельском списке) [8]. В этих памятниках в соответствии с интересами московского правительства устанавливалось незнатное происхождение Гедимина, предка литовских великих князей, подчеркивалась их связь с русскими великими князьями. Позднее, с 30-х годов XVI в. в Воскресенской летописи, а затем в родословных книгах появляется новая редакция этой легенды, где они становятся Рюриковичами — потомками смоленских князей. Здесь исчезает полемическая заостренность

---

[3] *Р. П. Дмитриева.* Сказание о князьях владимирских. М.— Л., 1955, стр. 81—82. В дальнейшем, называя памятники Чудовской повестью, Посланием Спиридона-Саввы. Архангельским списком, мы имеем в виду лишь родословия литовских князей, помещенные с этими произведениями.

[4] *Р. П. Дмитриева.* К истории создания «Сказания о князьях владимирских».— ТОДРЛ, т. XVII. М.— Л., 1961, стр. 342—346.

[5] *А. А. Зимин.* Рецензия на книгу Р. П. Дмитриевой «Сказание о князьях владимирских».— «Исторический архив», 1956, № 3; *он же.* Античные мотивы в русской публицистике конца XV в.— В кн.: «Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. Сб. статей, посвященный Л. В. Черепнину». М., 1972.

[6] *Л. В. Черепнин.* Из истории общественной мысли в России и Молдавии на рубеже XV и XVI веков.— В кн.: «Вековая дружба. Материалы научной сессии Института истории Молдавского филиала АН СССР, состоявшейся 27—29 ноября 1958 г.» Кишинев, 1961. О молдавской хронике, которая, по мнению Л. В. Черепнина, была составлена одновременно с первой редакцией великокняжеского родословия, см.: *А. В. Болдур.* Словяно-молдавская хроника в составе Воскресенской летописи.— АЕ за 1963 г. М., 1964.

[7] *В. Т. Пашуто.* Образование Литовского государства. М., 1959, стр. 63—67.

[8] *М. Е. Бычкова.* Отдельные моменты истории Литвы в интерпретации русских генеалогических источников XVI в.— В кн.: «Польша и Русь». Сб. статей. М., 1974. Легенда из Архангельского сборника опубликована Г. Бугославским (*Г. Бугославский.* Сокращенная литовская летопись начала XVI в.— «Смоленская старина», вып. I, ч. II. Смоленск, 1911, стр. 16—19).

вопроса о происхождении литовских князей, существовавшая в родословиях первой трети XVI в.

Трем ранним редакциям родословных легенд соответствуют и с ними определенным образом сочетаются четыре родословные росписи потомков литовских великих князей, помещенные соответственно в Румянцевском и Чудовском списках Чудовской повести [9], в Послании Спиридона-Саввы [10] и в Архангельском списке [11].

В них записаны те потомки Ольгерда, которые были одновременно литовскими великими князьями и польскими королями, а также от одной до трех фамилий Гедиминовичей, переехавших на службу в Москву.

В родословных росписях есть упоминания о свадьбах, пострижении в монахи, смерти, что является дополнительным датирующим признаком редакций родословных легенд.

Родословная легенда и соответствующая ей роспись не обязательно должны были составляться одновременно. Родословные легенды литовских князей имели официальное происхождение, объясняемое деятельностью русских публицистов. В то же время родословные росписи скорее всего создавались в семьях, где могли помнить и записать своих предков. Для придания такому документу официального характера он должен фиксироваться в соответствующем учреждении, где и объединялась легенда и роспись. Поэтому время создания росписи может свидетельствовать и о том, что в это время определенная редакция легенды уже существовала, и о том, что легенда эта была составлена одновременно с росписью.

Для нас важно проследить, каким редакциям родословных легенд соответствовали те или иные росписи.

Наиболее короткая и ранняя по составу лиц роспись находится в Румянцевском списке Чудовской повести. Кроме литовских великих князей, здесь записаны сын и внук Наримонта, брата Ольгерда — Патрикей и Юрий Патрикеевич, литовский князь, выехавший на Русь (см. таблицу на стр. 136). Потомки Наримонта помещены после детей Ольгерда, по оговорено, что Наримонт — старший сын Гедимина. В Чудовском списке текст Румянцевского полностью повторен, но дальше записаны два сына Юрия и пять его внуков, причем имена внуков даны с прозвищами. Роспись кончается пятью видными деятелями второй половины XV в., а отсутствие упоминаний о пострижении в монахи Василия Ивановича Косого и казни его брата Ивана Мунынды дает основание датировать ее временем до 1499 г. [12]

Росписи Патрикеевых, помещенные вместе с Чудовской повестью, позволяют высказать два предположения. Возможно, что большая краткость Румянцевского списка связана с дефектом его протографа, так как в самой рукописи следов механического обрыва текста мы не находим, и в протографе Чудовской повести была роспись, соответствующая помещенной в Чудовском списке [13]. Но можно также

---

[9] *Р. П. Дмитриева.* Сказание..., стр. 204—205.

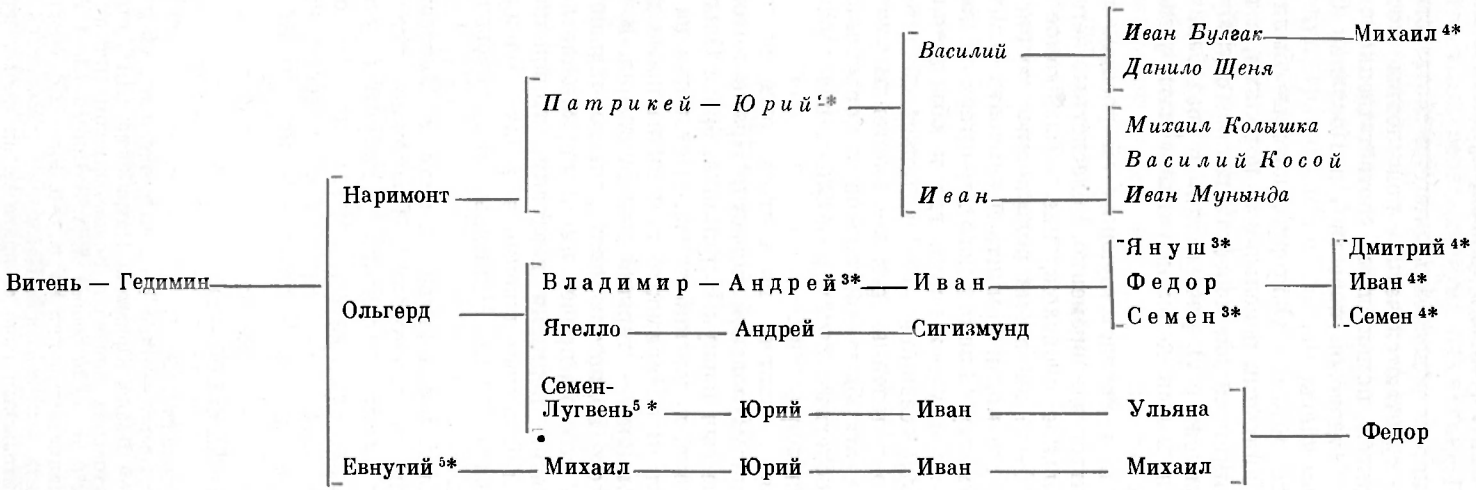
[10] Там же, стр. 170.

[11] *Г. Бугославский.* Указ. соч., стр. 18—19.

[12] Старший брат Василия Косого — Иван Колышка, очевидно, умер еще раньше. Он не упомянут в духовной Ивана Юрьевича Патрикеева (ДДГ, стр. 345—349).

[13] Отсутствие росписи литовских князей в Волоколамском списке Чудовской повести, недавно введенном в научный оборот А. А. Зиминым (*А. А. Зимин.* Античные мотивы в русской публицистике конца XV в., стр. 128—129), скорее вызваны механическим обрывом текста в протографе. Последняя фраза здесь кончается словами: «Князь великии литовьскыи нача созидати гради многи, зарубил же» [ГБЛ, ф. 113 (Иосифо-Волоколамский монастырь) № 627, л. 87; ср. *Р. П. Дмитриева.* Сказание..., стр. 204].

Родословная таблица литовских князей [1*]



[1*] В таблице курсивом выделены лица, записанные в Чудовской повести; разрядкой — записанные в Послании Спиридона-Саввы.

[2*] В Румянцевском списке записан последним.

[3*] Нет в Архангельском списке.

[4*] Есть только в Архангельском списке.

[5*] Эта ветвь есть только в Архангельском списке.

предположить, что Румянцевский список сохранил самый ранний вариант росписи Патрикеевых, составленный после выезда на Русь Юрия Патрикеевича и его женитьбы на сестре великого князя Василия Анне, но до начала активной политической деятельности его сыновей.

В Послании Спиридона-Саввы по сравнению с Румянцевским и Чудовским списками изменена редакция записи о женитьбе Юрия Патрикеевича на Анне, где особо подчеркивается родство Патрикеевых с московскими великими князьями. Из Патрикеевых здесь записаны прямые предки Василия Ивановича Косого, нет его братьев, он сам уже упомянут с монашеским именем Вассиан. Такая редакция могла появиться только после 1499 г.— пострижения Василия Косого и казни его брата Ивана Мунынды. Кроме Патрикеевых, в Послании появляется роспись князей Бельских, потомков Ольгерда. Она помещена между росписью литовских великих князей, также потомков Ольгерда, и росписью Патрикеевых, хотя в тексте Послания Владимир Бельский назван старшим братом Ягеллы, предка литовских великих князей. Здесь записано четыре поколения Вельских от Владимира Ольгердовича до выехавших на Русь Федора Ивановича (1482 г.), Семена Ивановича (1500 г.) и их старшего брата Януша Ивановича [14].

В Архангельском списке мы уже находим три ветви потомков Гедимина — Патрикеевых, Мстиславских и Вельских. Роспись Патрикеевых полностью совпадает с текстом Чудовского списка, но в ней добавлены слова «все бездетны», относящиеся к детям Ивана Юрьевича. Кроме того, в тексте протографа на полях или между строк был записан сын Ивана Васильевича Булгака Михаил [15]. Дальше в списке помещена роспись предков Федора Михайловича Мстиславского, как по отцовской линии (князья Ижеславские, от Евнутия Гедиминовича до самого Федора), так и по материнской (от Семена-Лугвеня Ольгердовича до матери Федора Ульяны Ивановны Мстиславской). Сообщается и дата выезда Федора Мстиславского на Русь, но она записана неправильно («лета 7030 дня» вместо «лета 7034»).

Роспись князей Бельских, помещенная здесь после росписи Мстиславских, имеет другую редакцию, чем в Послании Спиридона-Саввы: нет князей Андрея Владимировича, Януша и Семена Ивановичей, но записаны все три сына Федора Ивановича (см. таблицу). Запись о Бельских в Архангельском списке аналогична росписи Патрикеевых в Послании Спиридона-Саввы, так как названы прямые предки Дмитрия, Ивана и Семена Федоровичей Бельских, активных деятелей 20—30-х годов XVI в.

В перечне литовских великих князей, имеющемся во всей четырех списках, названы: Гедимин, Ольгерд, Ягелло, Андрей-Казимир и Сигизмунд, именуемый «королем» или «нынешним королем». В литературе уже отмечалось, что упоминание Сигизмунда является более поздней припиской, связанной со временем составления списков памятника [16].

[14] О деятельности Януша Бельского никаких известий нет. По предположению Ю. Вольфа, его женой была Анна, сестра Дмитрия и Семена Федоровичей Воротынских, в 90-х годах XV в. переехавших на службу в Москву (*J. Wolff.* Kniaziowe litewsko-ruscy od konca czternastego wieku. Warszawa, 1895, s. 213, 585—586). Анна умерла до 1492 г., пережив Януша (ibid., s. 213).

[15] О том, что имя Михаила Ивановича Булгакова было вписано в протограф, говорит перебивка текста: «А Ивановы сынове Юрьевича Михаил Колышка, Василий Косой, Иван Мынында, Иванове сынове Булгакова Михаил, все бездетны», где слова «все бездетны», относятся к сыновьям Ивана Юрьевича (*Г. Бугославский.* Указ. соч., стр. 19).

[16] *А. А. Зимин.* Античные мотивы в русской публицистике конца XV в., стр. 134.

В этом нас убеждает и то, что во всех рукописях запись сделана поразному (Чудовский список — «король», Румянцевский — «король нынешний шестыи», Послание — «король нынешний», Архангельский — «король нынешний государь литовский»). Кроме того, между Казимиром и Сигизмундом на Литве правил Александр Казимирович. Если бы текст росписи составлялся или редактировался во время правления Сигизмунда, перед ним должен был быть записан его предшественник — Александр.

В Архангельском списке после Бельских вторично записаны польские короли от Ягеллы до Сигизмунда, и не только названы их титулы, но и полностью перечислены все сыновья Андрея-Казимира. Это наиболее полная роспись, совпадающая с росписью родословных книг [17].

Итак, к концу первой четверти XVI в. было составлено две росписи Патрикеевых. Одна из них была помещена в Чудовской повести, а затем почти без изменений попала в Архангельский список (в середине XVI в. она была включена в родословные книги). Другая, более поздняя редакция появляется в Послании Спиридона-Саввы. В Послание же включена и роспись Вельских, в которой последними записаны лица, жившие в последней четверти XV — начале XVI в. В Архангельском списке редакция росписи Бельских изменена и по сравнению с росписью Послания увеличена на одно поколение. Здесь же приведена первая для русских родословий редакция росписи князей Мстиславских.

Судя по сочетанию указанных росписей в разных редакциях, можно говорить о сходстве Чудовской повести и Архангельского списка; росписи Послания Спиридонова-Саввы самостоятельны.

Обратимся теперь к родословным легендам литовских великих князей этих памятников. По Чудовской повести литовские князья, начиная с того момента, как Юрий Данилович будто бы послал Гедимина восстанавливать Киевскую и Волынскую земли после татарского разорения, находятся в постоянной связи с московскими князьями. В Послании Спиридона-Саввы не только представлены дружеские отношения литовских князей с тверскими, а не с московскими великими князьями, но неоднократно подчеркивается их вассальная зависимость от тверских князей (Гедимин — «слободщик великого князя», Ольгерд обещает принести присягу тверскому князю и «нарекается» великим князем только после женитьбы на Ульяне) [18]. В Архангельском списке сохраняется идея отношений между русскими и литовскими князьями, присущая Чудовской повести, но здесь выступают одновременно и московские и тверские великие князья.

Чтобы выяснить, почему различные редакции родословных легенд сочетались с определенными родословными росписями, остановимся на положении, какое занимали на службе в Москве Гедиминовичи — Патрикеевы, Бельские, Мстиславские.

Роль Патрикеевых при московском великокняжеском дворе XV в. подробно освещена в современной историографии. С момента выезда в Москву князя Юрия Патрикеевича до 1499 г. он, его сыновья и внуки вошли в существующую иерархию званий и должностей, занимали здесь высшие должности [19]. В дипломатической переписке с литовским князем, а ею ведали в последней четверти XV в. Иван Юрьевич и его

---

[17] «Временник ОИДР», кн. X. М., 1851, стр. 19; «Родословная книга князей и дворян российских и выезжих», ч. 1. М., 1787, стр. 49.

[18] *Р. П. Дмитриева.* Сказание..., стр. 167—169.

[19] *Л. В. Черепнин.* Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. 2. М., 1951, стр. 306—310 и сл.

сын Василий, Патрикеевы в русских и литовских документах титулуются однозначно. Литовские документы называют Ивана Юрьевича «воеводой московским» или «воеводой великого князя московского» (1489, 1492, 1493 гг.), московские — именуют Ивана Юрьевича «наивысшим воеводой государя нашего» или «боярином», а его сына Басилия — просто боярином [20].

По-иному случилось с Бельскими. Федор Иванович Бельский и его брат Семен выехали на Русь в 1482 и 1500 гг. В обширной дипломатической переписке Ивана III с Казимиром и Александром неоднократно упоминается этот переезд, причем литовская сторона называет Бельских князьями а московские грамоты — слугами великого князя, приехавшими со своими отчинами [21]. На Руси Бельские занимали положение служилых князей и, как считает ряд исследователей, промежуточное между удельными, потерявшими былые, но суверенные права, и более высокое, чем члены Боярской думы [22].

Князь Федор Михайлович Мстиславский выехал на Русь в 1526 г., через полгода после женитьбы Василия III на его родственнице Елене Васильевне Глинской. Федор Мстиславский как служилый князь получил Юхотский удел. Возможно, что Мстиславский пользовался большими правами, чем Бельские. Бо всяком случае его удельная политика отражена в жалованных грамотах, а об удельной политике Бельских в этот период нам ничего не известно [23]. С. Б. Веселовский полагал, что положение Мстиславских при московском дворе было выше положения Бельских [24].

Сопоставив различные редакции росписей Гедиминовичей, родословные легенды великих князей литовских, предшествующие этим росписям, и реальное положение при московском дворе потомков литовских князей, мы можем предположить, что появление в отдельные периоды различных легенд литовских князей или их редактирование было в определенной степени связано и с изменением служебного положения Гедиминовичей при московском дворе.

Переезд первых потомков литовских великих князей на Русь, занятие ими ведущего положения в государственном управлении в течение длительного времени в момент, когда в России стали появляться первые редакции великокняжеских родословных легенд, нуждались в генеалогическом обосновании. Этому вполне могла соответствовать версия о традиционной связи великих князей литовских с московскими, которую мы находим в родословной легенде Чудовской повести.

Бельские начали свою службу в Москве в 80-е годы как служилые удельные князья, причем они попадали в опалу, их удел конфисковывался, и вообще сама удельная система в это время изменялась [25]. В 30-е годы XVI в. Бельские входят в Боярскую думу. Если тверская ориентация Послания Спиридона-Саввы всегда объяснялась его личной

---

[20] Сб. РИО, т. 35. СПб., 1882, стр. 36, 65, 71, 78, 79, 103, 105, 208.

[21] Там же, стр. 21, 35—36, 133—134, 141, 263, 295, 297.

[22] *С. Б. Веселовский.* Последние уделы в Северо-Восточной Руси.—«Исторические записки», т. 22, стр. 116—118; *А. А. Зимин.* Служилые князья в Русском государстве, стр. 53—56.

[23] *С. Б. Веселовский.* Последние уделы в Северо-Восточной Руси, стр. 116—118; *С. М. Каштанов.* Социально-политическая история России конца XV— первой половины XVI в. М., 1967, стр. 276—282.

[24] *С. Б. Веселовский.* Последние уделы в Северо-Восточной Руси, стр. 118.

[25] Там же, стр. 116—117; *С. М. Каштанов.* Из истории последних уделов.— «Труды МГИАИ», т. 10. М., 1957.

связью с деятелями Тверского княжества и знакомством с тверской литературой, то идея вассальной зависимости литовских князей от тверских, постоянно проводимая в Послании, в какой-то мере может отражать изменение положения Бельских при московском дворе. Редакция росписи Патрикеевых, которая помещена в Послании, также намекает на их пошатнувшееся после событий 1499 г. положение.

Что касается Федора Михайловича Мстиславского, то особое положение его и его потомков на службе в Москве неоднократно отмечалось в исторической литературе. А. А. Зимин предполагает, что какое-то время после выезда в 1526 г. он мог быть претендентом на роль наследника русского престола [26]. Если мы вспомним, что в 80—90-е годы XV в. титул тверского князя закреплялся за наследником московского престола [27], то подчеркивание в легенде, включенной в Архангельский список наряду с генеалогией Мстиславского, связи литовских князей как с московскими, так и с тверскими великими князьями может найти свое объяснение.

Вместе с росписью Мстиславских мы встречаем в Архангельском списке редакцию росписи Патрикеевых, составленную в период расцвета их деятельности в конце XV в. и дополненную именем Михаила Булгакова, а также новую по сравнению с Посланием Спиридона-Саввы роспись Бельских. Такое объединение с одной легендой росписей ряда фамилий, ведущих свое происхождение от единого родоначальника,— новая черта, сближающая Архангельский список с родословными росписями 40-х годов XVI в.

Следовательно родословные росписи, содержащие конкретные сведения о записанных в них лицах, являются важным датирующим элементом при исследовании появления великокняжеских родословных легенд. Русские легенды о происхождении великокняжеских родов — это памятник, не столько освещающий реальную историю правящих домов, сколько отражающий (притом довольно тонко и гибко) положение при московском дворе потомков литовских великих князей, выехавших служить на Русь.

---

[26] *А. А. Зимин.* Россия на пороге нового времени. М., 1972, стр. 315—316.

[27] *А. А. Зимин.* Летописные свидетельства о коронации Дмитрия-внука и заговоре Владимира Гусева (1497—1498 гг.).— В кн.: «Летописи и хроники. Сб. статей. 1973 г. Посвящен памяти А. Н. Насонова». М., 1974, стр. 249—250.

А. И. Клибанов

«ПРАВДА» ФЕДОРА КАРПОВА

Исследование идейного наследия Федора Карпова — выдающегося публициста и социального мыслителя первой половины XVI в. — имеет долгую и богатую по содержанию научную традицию в советской историографии. У ее начала небольшое, но емкое исследование В. Ф. Ржиги. О Федоре Карпове писали Д. С. Лихачев, Я. С. Лурье, А. А. Зимин, Н. В. Синицына, ряд других историков и историков литературы.

Нам представляется, что и в ограниченном круге источников, сохранивших творческое наследие Карпова, остаются нереализованные возможности для обогащения характеристики его социально-политических идей. Это особенно относится к известному Посланию Карпова митрополиту Даниилу [1]. Оно и является предметом научных размышлений и наблюдений, здесь предлагаемых.

Послание Федора Карпова не датировано, и попытки исследователей установить время его написания конкретных результатов не дали. Из Послания явствует, что блестящая государственная карьера Карпова ровной не была, что пришлось вкусить ему и горечь опалы, вызванной конфликтом с высшими властями. Ясно, что послание написано до января 1539 г., когда Даниил был сведен с кафедры. Однако положение Даниила стало шатким уже вскоре после смерти Василия III, последовавшей в 1533 г. Соблазнительно предположить, что Послание Карпова написано в период, когда митрополит силой самих жизненных обстоятельств мог проникнуться сочувствием к опальному государственному деятелю. Карпов писал Даниилу, отдавая себе отчет в политической «неблагонамеренности» своих идей, зная, что Даниил их не разделяет (послание полемическое!), и все же считал, что может митрополиту довериться. Федор Карпов не о всем, о чем думал, делился с митрополитом, но счел возможным поставить митрополита в известность, что наиболее сокровенные (и крамольные) мысли он зарезервировал. Обратимся к источнику: «Пространнее и полнее во иное время благополучное слово изрядно тебе и твоим добродетелям пригодно сотворим, но ныне же, в настоящих, первая вина еже запинает писати многаа, зане великими скорбьми одръжим есмь... Вторая вина есть: аще хощеши, рече, иного да млъчит — первие сам умлъчи, и яз ныне о тех, яже умыслил, млъчание устом моим налагаю» [2]. Сказано почти по Екклезиасту: «время глаголати и время молчати» (III, 7) или по Амосу: «смысляй в то время премолчит,

[1] *В. Г. Дружинин.* Несколько неизвестных литературных памятников из сборника XVI века.— ЛЗАК, вып. 21. СПб., 1909, стр. 106—113.

[2] Там же, стр. 106. Для Карпова это высказывание характерно. Он отчетливо сознавал одиозность своих идей в современном ему обществе: «филосовское писание нас учит, боле нас сам веси,— обращался Карпов к Максиму Греку,— не вся, глаголют, творим, елико можем, ниже всему верим, елико слышим» — и совсем, как в послании Даниилу,— «ниже вся глаголем, елико познаем» (*Н. К. Никольский.* Из истории древнерусской духовной письменности.— «Христианское чтение». СПб., 1909, вып. II, стр. 16).

яко время лукаво есть» (V, 13). Карпов был знатоком Священного писания.

При всем том Карпов недвусмысленно сказал в своем доверительном Послании: «не сумнюся убо и звездою светлою нарищи тебе, от нея же лучи злаго слуха не исходят», и еще: «ты благовонной цвет добродетели, иже смрада оклеветательного гнушаешься я» [3]. Карпов уповает на лояльность митрополита: как на то, что митрополит не станет распускать слухов по поводу мыслей, высказываемых ему в Послании, так и на то, что не будет доверять слухам, враждебным Карпову. У нас нет оснований считать, что Карпова с Даниилом связывали отношения личной дружбы, не были они, как известно, и единомышленниками.

К другим точкам связи обращает внимание исследователя доверительность Послания Карпова: не факт ли это общения двух впавших в немилость представителей общественных верхов? Если бы оправдалось это предположение, оно могло бы содействовать выяснению времени, когда обменялись «епистолиями» Карпов и Даниил, что имело бы значение и для характеристики политической борьбы в общественных верхах. Но это область предположений. Для оценки социально-политической концепции Карпова важен бесспорно устанавливаемый источником факт, что таковая изложена в его Послании «вполголоса», что держался он более крайних мыслей, нежели те, которые излагал в Послании. Этим определяется и задача, во-первых, понять и оценить концепцию Карпова, как она изложена в его Послании, а во-вторых, попытаться вернуть идеям Карпова их полный голос, что, конечно, может быть сделано только предположительно.

Дважды в своем Послании Карпов ссылается на источник, в его глазах авторитетный. Это сочинения Аристотеля. Какие именно? В одном случае Карпов называет десятую книгу «Этики» Аристотеля: «Якоже полнее философ нравоучителны Аристотель беседует во своей 10 книзе Нрав» [4]. В другом случае, сочинение Аристотеля не названо, но, полагаем, что конкретно имеется в виду та же десятая книга «Этики». Основание следующее: Карпов рассматривает вопрос о причинах, ведущих к гибели и разрушению царств, и о том, что может предотвратить это: «Сего ради всяк град и всяко царство, по Аристотелю, управлятися имат от началник в правде и известными законы праведными, а не терпением...» [5]

Десятая книга «Этики» Аристотеля и завершается постановкой этого вопроса: «...постараемся определить, на основании существующих государственных устройств, чем держится и что губит государство вообще и каждое государство в частности, и в силу каких причин одни управляются хорошо, а другие дурно» [6]. На этом кончается десятая книга, а с ней и все сочинение Аристотеля «Этика к Никомаху». В сочинении этом уже содержался и ответ на вопрос, поставленный Аристотелем в заключающих его строках, которые служат одновременно и введением к другому сочинению Аристотеля — «Политика». «Этика» переходит в «Политику», а в ней мы встречаемся с тем же вопросом: «Мы должны теперь... разобрать: вследствие каких причин происходят государственные перевороты, сколько их и какого характера бывают; какие элементы разрушения заключает в себе каждая из форм государственного строя» [7].

---

[3] *В. Г. Дружинин.* Указ. соч., стр. 107. Разрядка моя.— *А. К.*
[4] Там же, стр. 110.
[5] Там же, стр. 109.
[6] «Этика Аристотеля». СПб., 1908, книга X, 10 (далее — *Аристотель.* Этика).
[7] *Аристотель.* Политика. СПб., 1911, книга V, 1.

Видеть в словах Аристотеля, заключающих «Этику к Никомаху», простую связку между ней и «Политикой» было бы неправильно. Связь внутренняя, ибо для Аристотеля, как и почти для всех античных мыслителей, этика осознавалась в ее гражданском, ее общественном значении, как и политика была для них этической. Этика — политична. Политика — этична. И не надо обращаться за цитатами к Посланию Карпова, чтобы подтвердить, что и для него соотношение между этикой и политикой точно такое же. Само по себе принятие Карповым такого понимания этики и политики придает его Посланию значение памятника общественной мысли, не только гуманистической, но и заключающей социально-утопическую потенцию. Политика в качестве полноценного выражения этики, становящейся, благодаря политическому выражению, верховным законом общества, обязательным для его граждан и регулирующим их отношения,— характерная идея многих социальных утопий. Закономерен путь и самого Аристотеля, приводящий его в той же «Политике» к утопии «наилучшего государства». Аристотель занял свое место в истории социальной утопии, но особое — его утопия научнее платоновской да и многих социальных утопий эпохи Возрождения. Она продукт изучения Аристотелем ряда конкретных форм общественно-государственного устройства и выведения идеального государства из наличных отношений греческого полиса. Мы пишем об Аристотеле, имея в нашем подтексте сочинение Карпова, отчасти представляющее собой — мы это покажем — опыт социально-государственной утопии, в котором фантазия парит высоко, но в пределах земной «стратосферы».

Карпов реализовал теоретическую потенцию, о которой мы говорили: «Темже в всяком языце и людех треба есть быти царем и началником, иже подобают имети подобие гуслей игреца Давида в себе, якоже бо гусленик струны блудящие соединяет к согласию и к соединению сладкости бряцания, касая, приводит» [8]. Образ «игреца Давида», столь естественный для русского публициста XVI в., обращающегося к миру библейской этики, политики и поэзии, все же не очень далеко отводит нашего автора и от античности и, в частности, от Аристотеля. Ведь для античных мыслителей музыка в какой-то степени являлась политичной и этичной, как воспитывающая и взращивающая в людях начала согласия и гармонии, как способствующая «музыкальности» строя общественных и государственных отношений. И рисуя свое «наилучшее государство», Аристотель отводит в нем большое место музыкальному обучению и воспитанию граждан.

А теперь приведем отрывок из Послания Карпова, подлежащий обсуждению: «...всяк град и всяко царство, по Аристотелю, управлятися имать от началник в правде и известными законы праведными, а не терпением, зане мы, человеци, иже естьмя в сем море велицем, в нем же бури бедны, требу имамы жити под цари, иже нас в царьствех и градех своих по коегождо сподоблению праведне пасуть, неповинных защищают, вредимых разрешают, вредящих и озлобляющих казнят, не исцельных же весма от среды благых возмут» [9]. Далее следует приведенный текст об «игреце Давиде», после чего: «Тако началник всякаго самодержства блудящих и врежающих грешник понудити имат на согласие благых грозою закона и правды, а добрых подвластных беречи своим жалованием и уроженною милостью и раздражати к добродетелем и добрым делом мздами и сладкыми и благыми словесы умягченными вещании злых же

[8] *В. Г. Дружинин.* Указ. соч., стр. 110.
[9] Там же, стр. 109—110.

казньми полоутшати, и прещении обличати, и от лихости на добро царскыми воспоминании приводити, не насыщаемых же и злых, иже лечбы полоутшениа приняти не хотят, ниже бога любити, отнюдь истребити. Якоже полнее философ нравоучителны Аристотель беседует во своей 10 книзе Нрав»[10].

Воспользуемся ссылкой Карпова, памятуя, что он обращает читателя не только к параллельному его высказыванию тексту Аристотеля, но ко всей его десятой книге. Что касается параллели, то она следующая: «...законодатели должны привлекать к добродетели и побуждать граждан к прекрасному (карповское «раздражати к добродетелем и добрым делом»), в предположении, что те послушаются нравственности (карповское «на согласие благых»), а на непослушных и недаровитых от природы должно налагать наказания (карповское «злых же казньми полоутшати»)»[11]. Здесь остановимся. Нам следует сказать, что если аристотелевскому «непослушных» соответствует карповское «злых», а воспитательное воздействие наказания адекватно толкуется Карповым, то текст Аристотеля «недаровитых от природы» им опущен. Карпов следовал Аристотелю не в духе «терпения», а как свободный мыслитель. Предваряя дальнейший анализ, скажем, что «недаровитые от природы» — это, по Аристотелю, не только рабы, о них и говорить нечего, но еще и земледельцы и ремесленники, которых в своем «наилучшем государстве» он лишал прав гражданства. Поэтому многозначителен пропуск, сделанный Карповым в передаче аристотелевского текста, если, конечно, он не случаен. А он не случаен, в чем убедиться нам предстоит.

Продолжим изложение Аристотеля, на которое ссылается Карпов: «совершенно же неизлечимых (карповское «иже лечбы полоутшениа приняти не хотят») должно удалять из пределов города (карповское «не исцельных же весьма от среды благых возмут»)»[12]. Карпов, как помним, предупредил, что Аристотель «полнее» пишет о предмете, которому посвящено его Послание. Ближайшим образом это относится к последующему за приведенным тексту Аристотеля: «нравственный человек, живущий сообразно с понятием прекрасного, будет повиноваться разуму, между тем как дурной человек, стремящийся к наслаждению, будет удерживаем страданием, подобно животному, несущему ярмо»[13]. В целях понимания этого текста, а с ним и Послания Карпова, обращающегося, хотя и не к тексту, а к идее, в нем заключенной, и к той же, что у Аристотеля, терминологии, скажем, что под прекрасным в данном случае Аристотель понимает высшую задачу человека как существа по природе деятельного, следующего в своей деятельности разуму и осуществляющего ее во всей ему доступной полноте, что он и именует прекрасным.

Карпов знал не одну десятую книгу «Никомаховой этики» Аристотеля. Рассмотрим узловые понятия, которыми пользуется Карпов в своем Послании. Во-первых, это понятие закона, которое он противопоставляет понятию «терпения». Свое теоретическое изложение Карпов начинает с вопроса, что «паче приемлет» для своего сохранения, даже для своей «вечности», гражданское общество («дело народное») и государство («царьство или владычество»), «правду или терпение»?[14] Если ответим «терпение», то тогда «воотще сложены суть законы», тогда «обычаи свя-

[10] *В. Г. Дружинин.* Указ. соч., стр. 110. Разрядка моя.— *А. К.*
[11] *Аристотель.* Этика, X, 10.
[12] Там же.
[13] Там же.
[14] *В. Г. Дружинин.* Указ. соч., стр. 108.

тые и благые уставы разрушены, и в царствех в начальствех во градех сожительство человек (т. е. общество.— *А. К.*) живет без чину...» [15] Что значит для гражданского общества «бесчиние»? Карпов отвечает: «Аще под терпением жити уставиши, тогда несть треба царьству или владычеству правители и князи и живется без чину: с молвою (с шумом.— *А. К.*) силный погнет безсилнаго, да терпение имать. Ниже треба будет судей в царстве имети, иже коемуждо правду учинят, зане тръпение вся исполнит, идеже в тръпении жити будет» [16].

Итак, функция власти противопоставлена бесчинию, противопоставлена произволу, обусловленному господством «терпения». Чей произвол имеет в виду Карпов? Сильных! Угнетателей! Произволу должна быть противопоставлена воля, но воля, облеченная в закон. В закон? Но ведь постановка вопроса у Карпова была несколько иная, а именно: что лучше для долгоденствования (и благоденствования) общества — правда или терпение? Да, закон: «...в сем смертном мире всегда будуть злии меж добрых смешны, и всегда добрии постражуть спротивъства от злых. Сего ради законом быти нужа бе, да тех (законов.— *А. К.*) страхом человеческая дерзость запретится... Того ради даны законы да не кто силне вся възможет» [17].

Итак, закон, но рядом с понятием закона у Карпова неизменно фигурирует «правда». «...но показах токмо,— пишет Карпов,— коль потребны суть во всяком гражаньстве правда и законы ко исправлению неустроиных...» [18] Еще: «долготръпение в людех без правды и закона общества добро разърушает...» [19] И еще: «...всяк град и всяко царьство, по Аристотелю, управлятися имать от началник в правде и известными законами праведными...» [20]

Итак, правда и закон. «По Аристотелю». Отсылка точная. У Аристотеля, в «Никомаховой этике», но уже не в десятой, а в *пятой* книге читаем: «Правда и справедливость — одно и тоже, и обе они хороши; но правда лучше справедливости. Затруднение же возникает в силу того, что правда, будучи справедливостью, не справедлива в смысле буквы закона, а есть исправление законной справедливости («законная справедливость» у Аристотеля= «законы праведные» у Карпова). Причина в том, что всякий закон — общее положение, а относительно некоторых частностей нельзя дать верных определений» [21].

Пусть нас не смущает, что Аристотель сопоставляет и различает не закон и правду, а справедливость и правду. Дело в том, что закон Аристотель рассматривает как выражение справедливости, как ее правовую форму и норму. Поскольку Карпов действительно следует за Аристотелем в различении категорий закона (справедливости) и правды, надо принять во внимание, что последняя определяется у Аристотеля как индивидуализация законной нормы, как применение общей нормы закона в соответствии с особенностями самого объекта закона. Что Карпов пользуется понятием правды в точном смысле, как она определяется Аристотелем, следует из формулировки: «правда есть потребпа во всяком градском деле

[15] Там же.
[16] Там же, стр. 109.
[17] Там же, стр. 110—111.
[18] Там же, стр. 111. Разрядка моя.— *А. К.* «Гражаньство» — понятие, которым Карпов пользуется неизменно, отличая его от «царства» и «владычества», но не противопоставляя его, а, напротив, согласуя к «общества добру», к «делу опщему человеческому» — это все и аристотелевские понятия, и карповские!
[19] Там же, стр. 109.
[20] Там же.
[21] *Аристотель.* Этика, V, 14.

казньми полоутшати, и прещении обличати, и от лихости на добро царскыми воспоминании приводити, не насыщаемых же и злых, иже лечбы полоутшениа приняти не хотят, ниже бога любити, отнюдь истребити. Якоже полнее философ нравоучителны Аристотель беседует во своей 10 книзе Нрав»[10].

Воспользуемся ссылкой Карпова, памятуя, что он обращает читателя не только к параллельному его высказыванию тексту Аристотеля, но ко всей его десятой книге. Что касается параллели, то она следующая: «...законодатели должны привлекать к добродетели и побуждать граждан к прекрасному (карповское «раздражати к добродетелем и добрым делом»), в предположении, что те послушаются нравственности (карповское «на согласие благых»), а на непослушных и недаровитых от природы должно налагать наказания (карповское «злых же казньми полоутшати»)»[11]. Здесь остановимся. Нам следует сказать, что если аристотелевскому «непослушных» соответствует карповское «злых», а воспитательное воздействие наказания адекватно толкуется Карповым, то текст Аристотеля «недаровитых от природы» им опущен. Карпов следовал Аристотелю не в духе «терпения», а как свободный мыслитель. Предваряя дальнейший анализ, скажем, что «недаровитые от природы» — это, по Аристотелю, не только рабы, о них и говорить нечего, но еще и земледельцы и ремесленники, которых в своем «наилучшем государстве» он лишал прав гражданства. Поэтому многозначителен пропуск, сделанный Карповым в передаче аристотелевского текста, если, конечно, он не случаен. А он не случаен, в чем убедиться нам предстоит.

Продолжим изложение Аристотеля, на которое ссылается Карпов: «совершенно же неизлечимых (карповское «иже лечбы полоутшениа приняти не хотят») должно удалять из пределов города (карповское «не исцельных же весьма от среды благых возмут»)»[12]. Карпов, как помним, предупредил, что Аристотель «полнее» пишет о предмете, которому посвящено его Послание. Ближайшим образом это относится к последующему за приведенным тексту Аристотеля: «нравственный человек, живущий сообразно с понятием прекрасного, будет повиноваться разуму, между тем как дурной человек, стремящийся к наслаждению, будет удерживаем страданием, подобно животному, несущему ярмо»[13]. В целях понимания этого текста, а с ним и Послания Карпова, обращающегося, хотя и не к тексту, а к идее, в нем заключенной, и к той же, что у Аристотеля, терминологии, скажем, что под прекрасным в данном случае Аристотель понимает высшую задачу человека как существа по природе деятельного, следующего в своей деятельности разуму и осуществляющего ее во всей ему доступной полноте, что он и именует прекрасным.

Карпов знал не одну десятую книгу «Никомаховой этики» Аристотеля. Рассмотрим узловые понятия, которыми пользуется Карпов в своем Послании. Во-первых, это понятие закона, которое он противопоставляет понятию «терпения». Свое теоретическое изложение Карпов начинает с вопроса, что «паче приемлет» для своего сохранения, даже для своей «вечности», гражданское общество («дело народное») и государство («царьство или владычество»), «правду или терпение»?[14] Если ответим «терпение», то тогда «воотще сложены суть законы», тогда «обычаи свя-

---

[10] *В. Г. Дружинин.* Указ. соч., стр. 110. Разрядка моя. – *А. К.*
[11] *Аристотель.* Этика, X, 10.
[12] Там же.
[13] Там же.
[14] *В. Г. Дружинин.* Указ. соч., стр. 108.

тые и благые уставы разрушены, и в царствех в начальствех во градех сожительство человек (т. е. общество.— *А. К.*) живет без чипу...» [15] Что значит для гражданского общества «бесчиние»? Карпов отвечает: «Аще под терпением жити уставиши, тогда несть треба царьству или владычеству правители и князи и живется без чину: с молвою (с шумом.— *А. К.*) силный погнет безсилнаго, да теръпение имать. Ниже треба будет судей в царстве имети, иже коемуждо правду учинят, зане тръпение вся исполнит, идеже в тръпении жити будет» [16].

Итак, функция власти противопоставлена бесчинию, противопоставлена п р о и з в о л у, обусловленному господством «терпения». Чей произвол имеет в виду Карпов? Сильных! Угнетателей! Произволу должна быть противопоставлена воля, но воля, облеченная в закон. В закон? Но ведь постановка вопроса у Карпова была несколько иная, а именно: что лучше для долгоденствования (и благоденствования) общества — правда или терпение? Да, з а к о н: «...в сем смертном мире всегда будуть злии меж добрых смешны, и всегда добрии постражуть спротивъства от злых. Сего ради законом быти нужа бе, да тех (законов.— *А. К.*) страхом человеческая дерзость запретится... Того ради даны законы да не кто силне вся възможет» [17].

Итак, закон, но рядом с понятием закона у Карпова неизменно фигурирует «правда». «...но показах токмо,— пишет Карпов,— коль потребны суть во всяком гражаньстве п р а в д а и з а к о н ы ко исправлению неустроиных...» [18] Еще: «долготръпение в людех без п р а в д ы и з а к о н а общества добро разърушает...» [19] И еще: «...всяк град и всяко царьство, по Аристотелю, управлятися имать от началник в п р а в д е и известными з а к о н а м и праведными...» [20]

Итак, правда и закон. «По Аристотелю». Отсылка точная. У Аристотеля, в «Никомаховой этике», но уже не в десятой, а в *пятой* книге читаем: «Правда и справедливость — одно и тоже, и обе они хороши; но правда лучше справедливости. Затруднение же возникает в силу того, что правда, будучи справедливостью, не справедлива в смысле буквы закона, а есть исправление законной справедливости («законная справедливость» у Аристотеля = «законы праведные» у Карпова). Причина в том, что всякий закон — общее положение, а относительно некоторых частностей нельзя дать верных определений» [21].

Пусть нас не смущает, что Аристотель сопоставляет и различает не закон и правду, а справедливость и правду. Дело в том, что закон Аристотель рассматривает как выражение справедливости, как ее правовую форму и норму. Поскольку Карпов действительно следует за Аристотелем в различении категорий закона (справедливости) и правды, надо принять во внимание, что последняя определяется у Аристотеля как индивидуализация законной нормы, как применение общей нормы закона в соответствии с особенностями самого объекта закона. Что Карпов пользуется понятием правды в точном смысле, как она определяется Аристотелем, следует из формулировки: «правда есть потребна во всяком градском деле

---

[15] Там же.
[16] Там же, стр. 109.
[17] Там же, стр. 110—111.
[18] Там же, стр. 111. Разрядка моя.— *А. К.* «Гражаньство» — понятие, которым Карпов пользуется неизменно, отличая его от «царства» и «владычества», но не противопоставляя его, а, напротив, согласуя к «общества добру», к «делу общему человеческому» – это все и аристотелевские понятия, и карповские!
[19] Там же, стр. 109.
[20] Там же.
[21] *Аристотель.* Этика, V, 14.

и царстве... поне иже единому комоуждо еже свое есть воздается...»[22]

Карпов пользуется еще и понятием «милость»: «И сиа вся бывают правдою, и милостию и истинною... Милость бо без справды малодушьство есть, а правда без милости мучительство есть, и сиа два разрушают царство и всяко градосожительство». И это понятие мы находим у Аристотеля, а именно в *шестой* книге «Этики к Никомаху»: «Правда есть правильное суждение о должном, требующее снисходительного отношения к людям» [23].

Итак, устанавливается, что объем сочинений Аристотеля, известных Карпову и адекватно им усвоенных, включал десятую, пятую и шестую книги «Никомаховой этики». Ограничивается ли знание Карповым сочинений Аристотеля одной «Никомаховой этикой» (в целом или тремя названными книгами)? В чем политический пафос Послания Карпова? В противопоставлении «правды», «закона», «милости» — «терпению», «долгодушеству терпения». Кажется, Карпов не выдвигает альтернативы монархической форме правления, ибо в его идеале — монархическое государство, основанное на законе, правде и милости. Именно в «Никомаховой этике» Аристотель высказывался в пользу монархии как наилучшей государственной формы. Но в пределах монархической формы правления Аристотель решительно противопоставил собственно монархии ее же извращенную форму, а именно: тиранию. Критерием различения являлось у него то, что монарх преследует как высшую цель (чем и оправдывает свое назначение) общую пользу, тогда как тиран преследует своей властью достижение личных целей и таким образом является деспотом. Из всех форм государственного устройства наихудшей Аристотель считает тиранию. Тирания характеризуется отношениями деспота и рабов, превращением в рабов всех свободных граждан. Подвластные — не граждане, они только рабы. Единственная и исчерпывающая «добродетель» раба — терпение. Но все эти вопросы Аристотель рассматривает не в «Никомаховой этике», а в «Политике».

Картина общественного состояния и нравов, продуцированная «терпением», весь строй жизни «под терпением» характеризуется Карповым так: «Много ныне в мире в наши время на льстеи и лукавства... ныне ум строптивы злых не поучается ползу творити (основной критерий тиранической власти по Аристотелю.— *А. К.*)... Ныне брани везде...» [24] Лесть, человеконенавистничество, взаимная вражда. В «Политике» Аристотель пишет: «Тирану следует возбуждать среди сограждан взаимную борьбу и ссоры, вооружать друзей против друзей, простой народ против знати, богачей против богачей. В виды тирана входит также разорять своих подданных» [25]. Сказано и о лести: «...тираны любят все дурное в людях, когда им льстят, они этому и рады; а льстить разве станет какой-лкбо свободомыслящий человек?» [26]. Сказано и о том, как пользует тиран

---

[22] *В. Г. Дружинин.* Указ. соч., стр. 109. Разрядка моя.— *А. К.*

[23] *Аристотель.* Этика, VI, 1143-а. Цитируем по кн.: *С. Ф. Кечекьян.* Учение Аристотеля о государстве и праве. М.— Л., 1947, стр. 96 (разрядка моя.— *А. К.*). Карпов не был одинок в таком понимании закона, которое требовало судить не нарушения его как таковые, а принимать во внимание и личность нарушителя, учитывать совокупность конкретных обстоятельств, в которых имело место нарушение, т. е. судить и по закону и по правде. Именно так понимал закон современник Карпова дьяк Я. В. Шишкин (*А. И. Клибанов* и *В. И. Корецкий.* Послание Зиновия Отенского дьяку Я. В. Шишкину.—ТОДРЛ, т. XVII. М.— Л., 1961, стр. 201—224).

[24] *В. Г. Дружинин.* Указ. соч., стр. 112.

[25] *Аристотель.* Политика, V, 9, 4.

[26] Там же, V, 9, 6.

то, что названо у Карпова «долгодушием терпения»: «...тиран стремится к проведению трех целей: 1. вселить малодушное настроение в своих подданных... 2. поселить в среду своих подданных взаимное недоверие... 3. лишить подданных политической энергии» [27].

Аристотель сказал о тиранах, что о них думал, и сказал en toutes lettres, Карпов сказал то же самое, но считаясь с правилом, которое формулировал в начале Послания: «аще хощеши... иного да млъчит — первие сам умълчи...» Мы можем судить по Аристотелю, о чем умолчал Карпов. Любопытна самая «фигура умолчания». Аристотель показывает тирана во всей бесчеловечности и отвратительности его деспотизма. Карпов показывает состояние общества, которому «под терпением жити уставиши», и читателю самому предоставляется составить образ тирана. Умолчания Карпова относились к возможностям более широкого и острого использования античной философии (а поскольку в Послании Карпов опирается па Аристотеля, то философии Аристотеля), на что содержится указание в самом Послании. Карпов пишет: «зане убо сиа доволна видится, и аще реку множаиша, тогда нечто тая языческая и чюжа быти речеша» [28].

Мы приходим к выводу, что Карпов знал не одну «Этику к Никомаху», но и «Политику» Аристотеля. Сверх изложенного в пользу этого вывода говорит и то, что именно в «Политике» (в пятой книге) находим рассуждения Аристотеля о принципе умеренности, которым условливается устойчивость монархии, и что уклонение от него как в сторону ослабления, так и в сторону усиления равно ведет к разрушению всего ее строя. Это положение формулировано Карповым точно и лапидарно: «Милость бо без справды малодушьство есть, а правда без милости мучительство есть, и сиа два разрушают царство и всяко градосожительство» [29]. Все Послание Карпова, на наш взгляд, проникнуто духом античной философии, социологии, вообще античной культуры, доказательство чего, однако, увело бы нас слишком далеко в сторону от нашей непосредственной задачи. Ограничимся замечанием, что в анализе Послания Карпова мы шли путем, указанным В. Ф. Ржигой: «Даже с первого взгляда можно отметить знакомство Карпова с классической литературой. Карпов не только цитировал Аристотеля, на что он указывает и сам, по, несомненно, читал и других классиков. В описании зла современной ему общественной жизни мы встречаем две строки, которые представляют собой не что иное как дословный перевод из Метаморфозы Овидия о четырех веках» [30].

Каков же положительный политический идеал Карпова? Монархия, управляемая законом общей пользы, на страже которого стоят монарх, его правители и судьи, «начальства» всех степеней, удовлетворяющие своему назначению постольку, поскольку реализуют в своей деятельности закон общей пользы [31]. Итак, идеальный монарх. «Игрец Давид», «соединяющий к согласию и к соединению сладкости бряцания» все отрасли государственного управления. Но, что есть «общая польза»? Программы со-

---

[27] Там же, V, 9, 8.

[28] *В. Г. Дружинин.* Указ. соч., стр. 112. Разрядка моя.— *А. К.*

[29] Там же, стр. 111.

[30] *В. Ф. Ржига.* Боярин-западник XVI века (Ф. И. Карпов).— «Ученые записки Института истории РАНИОН», т. IV. М., 1929, стр. 47.

[31] «Критерием для определения правильных форм государственного строя Аристотель признает способность формы правления служить делу общественной пользы. Если правители руководятся общественной пользой, то, согласно Аристотелю, такие формы государственного устроения независимо от того, правит ли один, или немногие, или большинство — формы правильные, а те формы, при которых правящие имеют в виду личные интересы — или одного лица, или немногих, или большинства,— представляют формы, отклоняющиеся от нормальных» (*В. Ф. Асмус.* История античной философии. М., 1965, стр. 313).

циальных преобразований Карпов не дает. Он идет «от противного», как до него и после него мыслили и представители русской народной утопии, которым взамен Аристотеля и Овидия служили апокрифы и Толковая Палея. Не должно быть деспотизма, не должно быть угнетения сильным слабого, не должно быть взаимной вражды, лести, обмана, порока. Не должно быть социального хаоса, в который деспотизм поверг окружающий мир: «От сих бо цело уразумел еси,— пишет Карпов,— коль вредными и не угодными стезями, хромыми ногами, слепыми очима она земная власть и все естество человечьское ходить ныне» [32]. Общее благо, провозглашаемое Карповым, основывается не на общности благ, не на равенстве благ; социальная стратификация в «идеальном государстве», судя по Посланию, сохраняет отношение господства и подчинения.

Но ограничиться этой констатацией нельзя. Линия реализации «общей пользы» проходит через соразмерное воздаяние каждому за долю его участия в «общей пользе». Соразмерное в данном случае не означает адекватное, поскольку сохранена иерархия отношений: «единому коемуждо еже с в о е есть воздается». Воздаяние определяется положением на социальной лестнице, и в этих пределах оно не должно быть ни слишком большим, ни слишком малым, мы не решились бы, однако, сказать средним, исходя из всего социологического духа Послания и его источника — этического и политического учения Аристотеля. Это скорее равнодействующая, образуемая сложением многих компонентов, конкретно характеризующих социальное положение разных участников «общей пользы». Мы понимаем карповское «коемуждо свое есть воздается» как максимум воздания от благ «общей пользы», но лимитируемый социальным положением индивида, а следовательно, соотнесенный со вкладом в «общую пользу» индивида, опять-таки лимитируемым его социальным положением. Таким образом, и воздаяние и вклад определяются местом индивида на лестнице социальной иерархии. Конечно, «воздаяния» не равны, но суть дела в том, что вся лестница социальной иерархии, включая ее нижние ступени, вписана в круг «общей пользы» — от «общей пользы» ведется и система отсчета «вкладов» и «воздаяний».

И не «общим местом», не сентиментальными ламентациями являются слова Карпова в Послании Даниилу о разрушающей общество «пагубе», когда отнявший у ближнего «овцу» помышляет, как бы отнять у него и «корову», и не успокаивается, пока не пустит ближнего «по миру», а то и вовсе лишит жизни. Слова еще более пронзительные, еще более обличительные уже готовы сорваться с его пера,— он этого не скрывает, но «время лукаво есть»,— он помнит и это — и прерывает горький сюжет: «Годе ужо да почиет трость (перо.— *А. К.*), путь злых пиша в сом бедном животе...» [33]

А. А. Зимин, имея в виду рассуждение Карпова о «подвластных», что под присмотром «приказчиков» изнемогают от «тяжкой работы», пишет: «Если публицисты нестяжательского толка (в их числе Максим Грек) мрачными красками рисовали положение крестьянства в монастырских вотчинах, то Карпов впервые показал тяжкий гнет, которому подвергались крестьяне во владениях княжат и бояр» [34].

Это совершенно верно. Вместе с тем социальные обличения Карпова — необходимое звено в цепи его общетеоретических суждений. Условия «тяжкой работы», жестокие условия жизни «подвластных» игу «терпения» делают невозможным их участие в «общей пользе». Они обречены

[32] *В. Г. Дружинин.* Указ. соч., стр. 112.
[33] Там же.
[34] *А. А. Зимин.* Россия на пороге нового времени. М., 1972, стр. 348—349.

следовать «похотению чювственному», а не «правому словеста суду» [35]. Это различение «похотения чювственного» и «правого словеста суда», т. е. низких, на чувственном уровне побуждений и поступков человека и, с другой стороны,— поведения человека, продиктованного «словесной» частью души, свободным разумом и высоким помыслом, мы найдем во множестве памятников древнерусской письменности, и переводных и оригинальных. Их литературный источник — патристика, питавшаяся в данном случае (как и в ряде других) наследием античной философской мысли. Не приходится говорить, что различение это последовательно проводит через «Этику» и «Политику» Аристотель. Недостатка в литературных источниках в этом отношении Карпов не испытывал. Так может ли человек, поставленный обществом в нечеловеческие условия, быть соучастником «опщего дела»?

И общество, может ли оно быть обществом «опщего дела», если само оно обрекает «подвластных» следовать «похотению чювственному»? Вот в чем вопрос.

Здесь и следует обратиться к тому самому главному пункту, в котором Карпов проявил себя как свободный мыслитель, вооружившийся против «терпения», конечно, не для того, чтобы самому подпасть под идеологическое «терпение», пусть и Аристотелю. Аристотель, как выше было замечено, исключил из своего идеального государства не только рабов, но и свободных, составлявших социальные низы. Карпов, сохраняя дифференциацию между социальными верхами и низами, ни одной категории населения не выводит из-под охранительной и благоденственной сени закона «общей пользы» («опщего дела»). Каждому обеспечено право быть защищенным законом, как и каждый ответствен за следование ему. Из «опщего дела» не исключен никто. Равенства между членами общества нет, но есть между ними всеми соизмеримость — в противном случае нет и закона, правды, милости, всех социально-идейных ценностей, которые Карпов противопоставляет ненавистному «терпению». Как определить эту соизмеримость? Она необходимо предполагает признание за каждым человеком способности к разумному и нравственному деланию, устремленному к общей пользе, признание человека человеком, потому-то и поддающемуся «полоутшению» (воспитанию) посредством законов, признание каждого в его гражданском достоинстве. Государство Карпова, будучи по форме правления монархическим и сохраняющим социальную иерархию, есть в то же время гражданское государство. В конечном счете, противопоставление «правды» — «терпению» оказывается противопоставлением «гражаньства» — деспотии, правового государства — тираническому.

С полным правом можно сказать о Карпове, что он выводил государственные законы из разума и опыта, а не из богословия. Жить «под терпением» он охотно предоставил, как об этом читаем в его Послании, духовным лицам и монахам, как бы вынося их за пределы закона и правды (что делал Аристотель по отношению к рабам), и комплиментарно добавляя (пишет профессиональный дипломат!), что они «сподобляются сожребиа аггельскаго» [36]. Карпов служил при сильных правителях — Иване III, Василии III. Кривая жизни «под терпением» круто подымалась вверх — впереди лежало царствование Ивана IV. «Гражаньская» монархия, явившаяся социальным идеалом Карпова, отнюдь не была заявкой реакционного боярства на свою долю участия в деспотической власти. Это была политическая утопия русского гуманиста, отталкивавшая-

[35] *В. Г. Дружинин.* Указ. соч., стр. 110.
[36] Там же, стр. 111.

ся от противоречий действительности и весьма далеко выходившая за пределы общества, в котором жил и действовал Карпов. Эта утопия питалась наследием классической древности, вполне вероятно и впечатлениями, которые черпал Карпов в ходе своей внешнеполитической деятельности, и, конечно, традицией русского свободомыслия. С его выдающимся представителем Федором Курицыным Карпов был знаком лично. Как гуманист Карпов раскрывается не в одном Послании к Даниилу, но и в этом, самом значительном из дошедших до нас произведений, он удивительно цельно выразил себя как гуманист.

Послание написано «на одном дыхании». Написано пером, о котором можно сказать, что оно было оружием. Автор не скрывает и горечи и гнева по поводу несправедливости, жертвой которой стал он сам. Он человек живой и захватывающей страсти, какими, как правило, являлись люди Возрождения. Он гуманист и в своей неумеренной похвале адресату, приводящей на память обращения и посвящения, которыми сопровождали западноевропейские гуманисты сочинения, представляемые ими на благоусмотрение высокопоставленных меценатов. Он не только мыслитель и публицист, он поэт. Текст его Послания: «Златыа веки суть воистину ныне: много златом приходит сан, златом советуется любовь, в цене цена ныне есть» [37],— органично и плавно переходит в завершающее двустишие Овидия, ничем не выдающее себя в тексте Карпова в качестве цитаты. Другой текст из Послания, начинающийся словами: «Множайша тебе о сем существе сложил бы, аще бы любезное и плодовитое было лето...» [38],— развивается в дивную лирическую миниатюру, проникнутую живым чувством природы, углубленную идеологическим подтекстом и ритмически организованную.

Внутренняя связь между гуманизмом и социально-утопическим творчеством не нуждается в обосновании и является исторической действительностью передовой общественной мысли эпохи Возрождения [39].

Недоразумением является отнесение к социальной утопии тех слов, которыми оканчивает свое Послание Карпов, желающий Даниилу «взыти» «ко обетованной земле живых» [40]. Карпов желает Даниилу «взыти» «ко обетованной земле живых» *после* смерти—«да скончав настоящих мирских лет число» [41]. В точном соответствии с ортодоксальной доктриной Карпов пишет митрополиту: «благочестен он, кои к толь благочестну отъчеству направляет шествие свое от младеньчества под благим игом и легким бременем господа нашего Иисуса Христа...» [42]

Благочестивое пожелание Даниилу не без привкуса горечи, испытываемой самим Карповым — человеком ищущей, смелой и неразделенной мысли, писавшим в полосе тяжелых жизненных испытаний. Но хотел этого Карпов или не хотел, заключительные слова его Послания говорят как раз о том, что «лучший мир», представлявшийся его уму,— это не «небесная», а земная отчизна — «гражанькое» государство, в котором он и видел Государство Правды. Это был идеал, выношенный им в политическом опыте, размышлениях над антагонизмами своего бурного времени и сладких собеседованиях с Аристотелем и Овидием.

---

[37] *В. Г. Дружинин.* Указ. соч., стр. 112.
[38] Там же, стр. 111.
[39] См. материалы международного коллоквиума, посвященного этой теме: «Les Utopies a la Renaissance». Bruxelles — Paris, 1963, в частности, опубликованный здесь доклад P. Foriers «Les Utopies et le Droit».
[40] *Д. С. Лихачев.* Развитие русской литературы X—XVII веков. Эпохи и стили. Л., 1973, стр. 128.
[41] *В. Г. Дружинин.* Указ. соч., стр. 112.
[42] Там же, стр. 113.

Н. А. Казакова

МАКСИМ ГРЕК И ИДЕЯ СОСЛОВНОЙ МОНАРХИИ

В советской историографии последних десятилетий большое внимание уделяется проблеме сословной монархии [1] в России XVI в. Вопрос же об отражении процесса становления сословной монархии в идеологии русского общества того времени в научной литературе почти не освещен, а между тем он имеет немалое значение для понимания характера и путей развития русской политической мысли XVI в.

О том, что русская публицистика XVI в. касалась вопроса о сословно-представительных органах, говорил еще В. О. Ключевский, по мнению которого известное высказывание А. М. Курбского о том, что царь «должен искати доброго и полезного совета не токмо у советников, но и у всенародных человек», следует понимать как признание и одобрение князем Земского собора [2]. Аналогичную точку зрения высказал А. А. Зимин [3]. Л. В. Черепнин, рассматривая цитируемое высказывание А. М. Курбского, заметил, что «здесь уже ощущается идея сословного представительства, хотя и трудно сказать, в какой форме: расширенного ли совещания Боярской думы с участием дворянства или Земского собора». Л. В. Черепнин обратил внимание также на наличие идеи сословной монархии в другом памятнике публицистики XVI в. — «Беседе Валаамских чудотворцев» [4]. Автор настоящих строк в своей монографии о нестяжателях высказал мысль (без специального ее рассмотрения) о том, что политический идеал Максима Грека соответствовал тенденции развития России по пути сословной монархии [5].

Наиболее полно интересующий нас вопрос освещен в работах историка права Г. Б. Гальперина. По его мнению, сословную монархию поддерживало в XVI в. и боярство и дворянство. «Феодальная знать отстаивала такой вид сословной монархии,— пишет Г. Б. Гальперин,— где во главе управления находился бы однословный орган феодальной аристократии — Боярская дума, которая управляла бы совместно с царем страной. Позиция феодальной знати достаточно определенно выражена Максимом

---

[1] Термины «сословная монархия» и «сословно-представительная монархия» мы употребляем как адекватные для обозначения другой, нежели абсолютная монархия, формы централизованного феодального государства.

[2] «Сочинения князя Курбского» (РИБ, т. 31. СПб., 1914, стб. 214—215); *В. О. Ключевский.* Боярская дума древней Руси. М., 1909, стр. 284—285; см. также: *В. О. Ключевский.* Сочинения, т. II. М., 1957, стр. 166.

[3] *А. А. Зимин.* И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, стр. 429, сн. 170.

[4] *Л. В. Черепнин.* К вопросу о складывании абсолютной монархии в России (XVI—XVIII вв.).— В кн.: «Документы советско-итальянской конференции историков 8—10 апреля 1968 г.». М., 1970, стр. 22. Говоря о «Вселенском совете» или Земском соборе, который «довольно отчетливо вырисовывается в одном из памятников русской публицистики XVI в.— «Беседе Валаамских чудотворцев», Л. В. Черепнин имел в виду, очевидно, прибавление к «Валаамской беседе», известное под названием «Иного сказания».

[5] *Н. А. Казакова.* Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI века. Л., 1970, стр. 282—283.

Греком и Андреем Курбским (наличие идеи Земского собора у Курбского Г. Б. Гальперин отрицает.— *Н. К.*) и с некоторой двойственностью неизвестным автором «Валаамской беседы»». Конкретизируя далее взгляды Максима Грека и князя Курбского, Г. Б. Гальперин отмечает, что и тот и другой допускали участие в совете при царе представителей других феодальных сословий, но ведущую роль отводили: первый — светской и церковной аристократии, второй — светской [6]. Идея сословно-представительной монархии, при которой верховным органом является Земский собор, состоящий из представителей феодального класса, в первую очередь дворянства, и посада, изложена, по мнению Г. Б. Гальперина, в добавлении к «Валаамской беседе» — «Ином сказании», которое Г. Б. Гальперин рассматривает как памятник дворянской идеологии [7].

Поставив своей целью дать общий очерк развития идей сословной и абсолютной монархий в русской политической мысли XVI в., Г. Б. Гальперин не смог уделить много места анализу взглядов их отдельных представителей. Мы считаем целесообразным поэтому специально рассмотреть в указанном аспекте политические воззрения Максима Грека.

Вопрос о политических взглядах Максима Грека в научной литературе является дискуссионным.

Представители русской историографии конца XVIII — середины XIX в. считали, что Максим Грек, будучи идеологом княжеской боярской оппозиции, относился к усилению великокняжеской власти отрицательно. Доказательство этому усматривали в связях Максима с Берсенем Беклемишевым и в читающемся в некоторых публицистических памятниках известии о выступлении Максима Грека против второго брака Василия III. Историография второй половины XIX — начала XX в., сосредоточившая свои усилия на выявлении роли Максима Грека как обличителя «общественных нестроений», сохранила, однако, тезис дворянской историографии и государственной школы буржуазной историографии о приверженности Максима Грека старым политическим порядкам; но этот тезис в построениях ученых отошел на второй план. После того как В. С. Иконников показал сомнительность версии о противодействии Максима Грека второму браку Василия III и об его осуждении за это, исследователи перестали также связывать причину опалы Максима Грека со вторым браком Василия III [8].

Новый взгляд на политическую позицию Максима Грека был высказан уже в советское время крупнейшим знатоком публицистики XVI в. В. Ф. Ржигой. Анализируя политические воззрения Максима Грека, он пришел к выводу, что в произведениях 30—50-х годов Максим Грек развивал теорию координации основных политических сил русского общества (духовенства, боярства, «воинников»-дворян, объединенных вокруг царской власти) и что эта теория соответствовала программе Избранной рады; Максим Грек был идеологом боярства, но не консервативной его части, а боярства, осознавшего неизбежность политического объединения государства под эгидой великих князей московских [9]. На выводы

---

[6] *Г. Б. Гальперин.* Форма правления единого Российского государства в русской политической мысли XV—XVI вв.— «Вестник ЛГУ», Серия экономики, философии и права, 1969, вып. 4 (23), стр. 128 и сл.

[7] *Г. Б. Гальперин.* Форма правления единого Российского государства в русской политической мысли XV—XVI вв.— Там же, 1971, вып. 2 (11), стр. 107—109.

[8] О дореволюционной историографии, посвященной Максиму Греку, см.: *Н. А. Казакова.* Очерки по истории русской общественной мысли, стр. 7—27.

[9] *В. Ф. Ржига.* Опыты по истории русской публицистики XVI века. Максим Грек как публицист.— ТОДРЛ, т. I. Л., 1934, стр. 59—86.

В. Ф. Ржиги опирались в своих исследованиях И. У. Будовниц и автор настоящих строк [10].

В другом ракурсе построил анализ политических воззрений Максима Грека А. А. Зимин. По мнению А. А. Зимина, политические взгляды Максима Грека расходились по всем основным вопросам с политической линией русского правительства. В области внутренней политики это расхождение свое наиболее полное выражение получило в выступлении Максима против второго брака Василия III (А. А. Зимин возрождает здесь точку зрения историографии конца XVIII — середины XIX в.). А. А. Зимин указывает также, что, «выступая из канонических соображений против предполагающегося развода Василия III, Максим Грек и его окружение тем самым отстаивали права Юрия Дмитровского на наследование московского престола» [11]. Логическим следствием из этого указания должен был быть, казалось, вывод о том, что Максим Грек являлся (во всяком случае объективно) рупором удельнокняжеской оппозиции. Этот вывод был бы естествен еще и потому, что А. А. Зимин сомневается в искренности произведений Максима 30—50-х годов и его высказываний в пользу великокняжеской власти во время следствия по делу Берсеня Беклемишева, потому что эти высказывания имели место, как отмечает автор, после заточения Максима [12]. Однако вместо ожидаемого из всего хода рассуждений автора вывода о близости Максима к феодальной оппозиции читатель находит в книге А. А. Зимина прямо противоположное утверждение о том, что Максима часто «бездоказательно» заносят в лагерь «реакционного боярства» [13]. К какому же политическому лагерю принадлежал Максим Грек, для читателя труда А. А. Зимина остается неясным.

Не имея возможности в рамках небольшой статьи дать развернутый анализ политических взглядов Максима Грека, мы постараемся ответить на три вопроса: 1) каково было отношение Максима к происходившему в России процессу государственной централизации; 2) какой форме монархии соответствовал политический идеал Максима Грека; 3) каковы были идейные истоки его представлений об организации государственной власти. Таким образом мы сможем подойти к освещению основного интересующего нас вопроса о месте воззрений Максима Грека на формирование идеи сословной монархии в политической мысли России XVI в.

При том мы не будем рассматривать вопрос об отношении Максима Грека ко второму браку Василия III, отослав читателя к нашим предшествующим работам, в которых доказывается недостоверность версии о выступлении против второго брака Василия III Максима Грека и осуждении его за это выступление [14].

Самое раннее высказывание Максима Грека, касающееся вопроса о государственной власти, мы находим в его Послании 1518 г. Василию III по поводу окончания перевода Толковой псалтыри. В нем Максим Грек, ссылаясь на предисловие к 6-й новелле императора Юстиниана, пишет:

---

[10] *И. У. Будовниц.* Русская публицистика XVI века. М.—Л., 1947, стр. 161, 165; *Н. А. Казакова.* Вопрос о причинах осуждения Максима Грека.— ВВ, т. XXVIII. М., 1968, стр. 109—128; т. XXIX. М., 1969, стр. 109—134; *она же.* Очерки по истории русской общественной мысли, стр. 155—243. О советской историографии, посвященной Максиму Греку, подробнее см.: *Н. А. Казакова.* Максим Грек в советской историографии.— «Вопросы истории», 1973, № 5, стр. 149—157.

[11] *А. А. Зимин.* Россия на пороге нового времени. М., 1972, стр. 277—278, 293.

[12] Там же, стр. 287—288.

[13] Там же, стр. 278.

[14] *Н. А. Казакова.* Очерки по истории русской общественной мысли, стр. 115—118, 180—182; *она же.* Максим Грек в советской историографии, стр. 154—155.

«Превелиа в человецех суть дарованиа божиа от вышняго человеколюбиа дана священство и царство; священство убо божественным служаще, царство же человеческих вещей начальствующе и промышляюще». Далее, приводя примеры из жизни древних царей и духовных деятелей, Максим подчеркивает необходимость тесного содружества духовной и светской властей. Теорию гармонии духовной и светской властей Максим Грек излагает и в Послании против звездочетия, написанном также, вероятно, до 1525 г. Он указывает, что назначение «священства» — духовное просвещение и руководство в делах спасения, назначение «царства» — внешняя оборона и устроение мирной жизни подданных [15]. Являясь сторонником гармонии светской и духовной властей, Максим Грек признавал за обеими божественное происхождение (обе власти — «дар божий» [16]) и отдавал в руки светской власти всю полноту управления государством и мирской жизнью своих подданных. Таким образом, Максиму Греку с самого начала его публицистической деятельности в России было свойственно представление о монархе как носителе верховной государственной власти [17].

Сформулированное Максимом Греком в его ранних произведениях представление о монархе получило дальнейшее развитие в показаниях Максима по делу Берсеня Беклемишева. Передавая содержание своих бесед с Берсенем, Максим показал, что он, в ответ на жалобу Берсеня на перемену великим князем старых обычаев, сказал: «...господине, которая земля преступает заповеди божьи, та и от бога казничает, а обычаи царьские и земьские государи переменяют, как лутче государьству его» [18]. Максим Грек здесь совершенно четко выразил свою симпатию сильной великокняжеской власти, признавая за ней право изменять порядки, касающиеся царя и общества. Однако, признавая за великим князем право изменять «обычаи царьские и земьские», Максим считал (и это существенно для нашей дальнейшей характеристики политических взглядов Максима), что делать это великий князь должен, руководствуясь благом государства — «как лутче государству его».

Еще большую определенность и обстоятельность политические воззрения Максима Грека получили в 30—50-е годы XVI в. В «Слове о неизглаголанием божии промысле, благости же и человеколюбии, в том же и на лихоимствующих», написанном около 1537 г., Максим Грек ополчается против произвола местной администрации — наместников и волостелей [19]. В другом произведении этого периода («Слово, пространнее излагающе, с жалостию, нестроения и безчиния царей и властей последняго жития») Максим с глубокой скорбью и горечью рисует аллегорическую картину упадка царской власти и произвола приближенных бояр, характерную для последних лет правления Елены Глинской [20]. В Послании Ивану IV,

---

[15] «Сочинения Максима Грека», ч. II. Казань, 1860, стр. 296—298; ч. I. Казань, 1859, стр. 302—303.

[16] Там же, ч. II, стр. 297.

[17] В наших прежних работах мы высказали мнение о том, что излагаемая Максимом Греком теория гармонии светской и духовной властей, вывезенная им из Византии, не соответствовала происходившему в России процессу государственной централизации. Однако если учесть, что, согласно даваемой Максимом Греком интерпретации этой теории, монарх являлся обладателем всей полноты светской власти, высказанное нами ранее мнение следует признать преувеличенным.

[18] ААЭ, т. I, № 172, стр. 141—142.

[19] «Сочинения Максима Грека», ч. II, стр. 185—212; *В. Ф. Ржига.* Указ. соч., стр. 37—49.

[20] «Сочинения Максима Грека», ч. II, стр. 319—337; *В. Ф. Ржига.* Указ. соч., стр. 50—59.

написанном не позднее 1551 г., писатель высоко поднимает значение царской власти, определяя ее природу следующими словами: «... царь бо ничто же ино есть разве образ живый и видимь, сиречь одушевлен, самого царя небеснаго»[21]. Во всех приведенных высказываниях Максим Грек неизменно выступает как сторонник сильной великокняжеской власти.

А. А. Зимин отрицает правомерность использования для выяснения политических взглядов Максима его показаний по делу Берсеня Беклемишева, так как они были даны во время следствия[22]. Соглашаясь с А. А. Зиминым, что следственные показания — источник часто ненадежный, мы считаем тем не менее возможным и необходимым его использование при условии, конечно, подтверждения его данных свидетельствами других источников. А высказанное Максимом Греком во время следствия по делу Берсеня Беклемишева сочувствие сильной великокняжеской власти смыкается, как мы уже отметили, с одной стороны, со сформулированным уже в ранних произведениях Максима представлением о монархе как о носителе верховной светской власти, а с другой — находит подтверждение в названных нами сочинениях Максима 30—50-х годов.

Что же касается соображения А. А. Зимина о том, что рассмотренные нами произведения Максима Грека 30—50-х годов были написаны им в заточении и что искренность писавшего сомнительна, то его вряд ли можно признать достаточно убедительным. После второго суда над Максимом Греком в 1531 г. он был переведен в Тверь, где благодаря покровительству тверского епископа Акакия условия заключения Максима были смягчены, и он получил возможность писать. На период тверской ссылки Максима (до 1551 г.) приходится основная часть его литературного наследия, которая всегда использовалась исследователями для характеристики мировоззрения писателя. В этот период Максим Грек обладал достаточной смелостью и писал без оглядки на власти, о чем свидетельствуют такие его произведения, как «Слово о покаянии», «Стязание любостяжателя с нестяжателем», «Слово по поводу тверского пожара», клеймящие пороки черного и белого духовенства, а также используемые нами в настоящей статье «Слово о неизглаголанном божии промысле» и «Слово, пространнее излагающе, с жалостию, нестроения и безчиния царей и властей последняго жития», в которых автор обличает власть имущих[23]. Таким образом, не доверять произведениям Максима периода его заточения и ссылки нет оснований. В них писатель высказывает то же сочувствие укреплению великокняжеской власти, что и в показаниях по делу Берсеня Беклемишева.

Проведенный нами анализ высказываний Максима Грека позволяет дать положительный ответ на первый поставленный в настоящей работе вопрос — об отношении Максима Грека к происходившему в России XVI в. процессу государственной централизации; писатель являлся сторонником сильной великокняжеской власти, сторонником централизованного государства.

Но в исторических условиях XVI в. процесс создания централизованного государства мог протекать в форме либо сословной монархии, либо абсолютной. Попробуем ответить на второй поставленный вопрос о том, какой форме монархии соответствовали взгляды Максима Грека.

---

[21] «Сочинения Максима Грека», ч. II, стр. 350.
[22] См. выше, стр. 153.
[23] «Сочинения Максима Грека», ч. II, стр. 89—147, 185—212, 260—276, 319—337.

С наибольшей полнотой взгляды Максима Грека на царскую власть и ее задачи изложены в написанных им в 1548 г. для молодого Ивана IV «Главах поучительных начальствующим правоверно», а также в двух Посланиях Ивану IV, относящихся к началу 50-х годов [24]. В «Главах поучительных» преобладают моральные наставления, что было естественно, как отмечает В. Ф. Ржига, по отношению к окруженному «ласкателями» молодому царю, отрицательные нравственные качества которого уже отчетливо проявлялись [25]. Но в этом кодексе нравственных наставлений встречаются и определенные практические советы царю, и теоретические высказывания о задачах царской власти. Максим Грек применяет в «Главах поучительных» по отношению к царю термин «самодержец», но под ним он понимает, как это видно из всего содержания произведения, не монарха, обладающего неограниченной властью, правящего, руководствуясь лишь своей личной волей, а монарха, одолевшего свои дурные страсти, держащего их в узде [26]; в термин «самодержец» писателем вложено не государственное, а нравственное понимание.

Важнейшей государственной обязанностью царя, как ее Максим Грек формулирует в «Главах поучительных», является устроение жизни своих подданных «правдою и благозаконием» [27]. Эту же мысль писатель развивает и в Посланиях Ивану IV начала 50-х годов: в одном из них он призывает царя править со «всякою правдою и правосудием», в другом — быть «благотворцом» своей «богохранимой державе» и своим подданным, «подручникам», управляя ими «правдою и правым судом» [28].

Итак, целью деятельности царя должно быть благо государства и его подданных. Чтобы достигнуть этой цели, царь должен руководствоваться хорошими законами и правосудием. Для понимания того, какую роль играл закон в деятельности царя, важно выяснение значения термина «правда», употребляемого Максимом всякий раз, когда он говорит о принципах правления царя. Интересные наблюдения над значением термина «правда» в древнерусской письменности сделал Л. В. Черепнин. Прослеживая употребление термина в древнерусских актах, он отметил, что «правда» — это совокупность правовых норм [29]. Думается, что Максим Грек, употреблявший термин «правда» в своих поздних сочинениях, когда писатель уже хорошо знал русский язык и русскую письменность, исходил из принятого в ней в то время значения этого термина.

Наряду с законом Максим Грек большое значение в деятельности царя придавал совету. В «Главах поучительных» он рекомендует великому князю иметь при себе «дивна советника»; в Послании Ивану IV начала 50-х годов писатель призывает царя выслушивать советы духовенства, в других произведениях он пишет о князьях и боярах как «соправящих царю», его «соначальниках и споспешниках» [30]. Однако право совета Максим Грек не считал исключительной прерогативой высших слоев класса феодалов — духовной и светской аристократии. Это явственно следует из

---

[24] «Сочинения Максима Грека», ч. II, стр. 157—184, 346—356; *В. Ф. Ржига.* Указ. соч., Приложение 2, стр. 117—119. Мы пользуемся датировкой В. Ф. Ржиги (*В. Ф. Ржига.* Указ. соч., стр. 62, 72, 76).

[25] *В. Ф. Ржига.* Указ. соч., стр. 71—72.

[26] Ср. *В. Е. Вальденберг.* Древнерусские учения о пределах царской власти. Пг.. 1916, стр. 264.

[27] «Сочинения Максима Грека», ч. II, стр. 157.

[28] Там же, стр. 349; *В. Ф. Ржига.* Указ. соч. Приложение 2, стр. 118.

[29] *Л. В. Черепнин.* Из наблюдений над лексикой древнерусских актов (К вопросу о термине «правда»).— В кн.: «Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков». М., 1974, стр. 211—212.

[30] «Сочинения Максима Грека», ч. II, стр. 162, 352, 419.

Послания Василию III по поводу нашествия крымского хана Ахмата в 1521 г., в котором Максим писал, обращаясь к великому князю: «Сия же писах к высоте крепкаго и чевствуемаго царствиа твоего, надеявъся в милость его и в дарованную ему от бога благоразумную мудрость, ею же кротко услышит всех могущих съветовати, что полезно обществу и времени пристоящее, избирает же благоразумно ползующаа, аще и от худейшаго будет реченаа» [31].

Таким образом, принадлежность к высшим классам Максим Грек не считал обязательной для царского советника [32], советы царю мог давать каждый, обладающий для этого необходимыми качествами («могущий съветовати»), даже если он был простого («худейшаго») происхождения. В какой степени советники ограничивали власть царя, из высказываний Максима Грека неясно. Из приведенного места Послания Максима Грека Василию III следует скорее, что царь, обязанный выслушивать советы по поводу государственных дел, мог по своему разумению выбирать такие советы, которые были полезны для блага государства. Но каковы бы ни были, по Максиму Греку, взаимоотношения монарха с его советниками, несомненно, что для политических взглядов писателя было характерно подчеркивание совещательного начала.

Общую рекомендацию царю заботиться о благе своих «подручников» (подданных) Максим Грек конкретизирует в Послании Ивану IV, написанному не позднее 1551 г. Указывая на пример Византии, которая погибла по вине своих царей (их гордости, сребролюбия, лихоимства, презрения к боярам и равнодушия к сиротам и убогим), писатель призывает Ивана IV не повторять ошибок византийских царей и всячески заботиться о своих подданных. «...Сущаго у тебе преосвященнаго митрополита и боголюбивыя епископы всякия чести сподобляй и бреги, аки ходатая суща богу и человеком, и о твоем богохранимом царствии безпрестани молящася»,— писал Максим Грек. И далее он продолжал: «Такожде и сущая о тебе пресветлыя князи и боляры и воеводы преславныя и добляя воины и почитай и бреги и обильно даруй: их бо обогащая, твою державу отвсюду крепиши и ограждаеши». И, наконец, последний совет царю — о заступничестве за слабых, вдов и сирот: «Вдовы и сироты убогия обидимы да не презреши воздыхающа и слезы горкия проливающа пред отцем сирых и судиею вдовиц и предстателем убогих» [33]. Если исключить последний совет, как обусловленный христианским мировоззрением Максима Грека, то остается трезвый политический призыв к царю соблюдать интересы основных феодальных сословий Русского государства — духовенства, боярства и дворянства («воинников»).

Несомненно, что созданный Максимом Греком образ царя, правящего с «правдою и благозаконием», выслушивающего мудрые советы и заботящегося о всех основных феодальных сословиях, был далек от сурового идеала царя Ивана Пересветова, правящего с «грозою» и возвышающего «воинников» в ущерб боярам. Еще дальше он был от нарисованного Иваном Грозным образа самодержца, руководствовавшегося в своих действиях лишь собственной волей и обладавшего правом по своему желанию «холопов» —

---

[31] *В. Ф. Ржига.* Указ. соч. Приложение 1, стр. 116.

[32] Об этом писал еще В. Ф. Ржига (там же, стр. 80). Г. Б. Гальперин, подчеркивающий, что идея о советниках «составляет основу воззрения Максима Грека на государственный строй России», считает, что В. Ф. Ржига преувеличивал возможность вхождения в состав царских советников лиц, не принадлежавших к светской и церковной аристократии [*Г. Б. Гальперин.* Указ. соч.— «Вестник ЛГУ», 1969, вып. 4 (23), стр. 129—130].

[33] «Сочинения Максима Грека», ч. II, стр. 352—353.

своих подданных — казнить или миловать. Следовательно, самодержавная монархия, опирающаяся на дворянство, отнюдь не соответствовала контурам идеальной монархии, набросанным рукой Максима Грека [34].

Этим контурам в большей мере отвечала, как нам кажется, сословная монархия. Высказывая эту мысль, мы отнюдь не собираемся утверждать, что Максим Грек в своих сочинениях нарисовал систему государственных учреждений, характерную для сословной монархии. Его политический идеал носил сильный налет морализирования и отвлеченной христианской этики. Но мысль об обязанности царя заботиться о трех феодальных сословиях — духовенстве, боярстве и дворянстве — соответствовала, на наш взгляд, социальному содержанию сословной монархии, когда дворянство не превратилось еще в главную опору власти монарха [35]. Фактическому соотношению сил в сословной монархии соответствовало и признание Максимом Греком видной роли боярства в системе государственного управления, ибо при сословной монархии феодальная знать еще не вытесняется из этой области бюрократией, складывающейся в период абсолютной монархии. Совещательному началу, присущему сословной монархии, отвечал и настоятельный призыв к царю выслушивать мудрые советы. Политические идеи Максима Грека, несмотря на присущее морализирование, обосновывали тенденцию развития России по пути сословной монархии.

Хотя Максим Грек, касаясь вопросов государственной власти и управления, писал, имея в виду русскую действительность, но несомненно, что на его взгляды сильное влияние оказали политические идеи его родины Византии. Это обстоятельство уже отмечено В. Е. Вальденбергом и В. Ф. Ржигой. Но оба исследователя писали о влиянии на Максима византийских политических идей применительно к развиваемой писателем теории гармонии светской и духовной властей, источником которой для него являлось предисловие к 6-й новелле императора Юстиниана. Наблюдения В. Е. Вальденберга и В. Ф. Ржиги можно продолжить. «Главы поучительные начальствующим правоверно» (основное произведение, в котором Максим Грек излагает свои взгляды на царскую власть и ее задачи) связано, несомненно, с византийскими традициями. К византийским образцам восходит и сама форма произведения — наставления царю (в русской оригинальной литературе до Максима Грека эта форма неизвестна), и рисуемый в нем образ царя, обуздавшего собственные страсти и правящего с «правдою и благозаконием» [36].

Но будучи связанными с византийскими традициями, политические идеи Максима Грека не оказались для русской политической мысли чужеродным телом. Обосновывая объективно тенденцию развития России по пути сословной монархии, они получили дальнейшее развитие в произведениях ученика Максима Грека, Андрея Курбского, и неизвестных нам авторов «Валаамской беседы» и добавления к ней — «Иного сказания». Таким образом, с именем Максима Грека следует связывать генезис в русской политической мысли XVI в. идеи сословной монархии, хотя в высказываниях писателя она не приобрела еще четкой и определенной формы.

---

[34] *Н. А. Казакова.* Очерки по истории русской общественной мысли, стр. 282.

[35] Говоря о социальном содержании сословной монархии, мы не касаемся такого ее элемента, как сословие горожан. Мы поступаем так потому, что Максим Грек в своих сочинениях специально вопроса о нем не ставил.

[36] Произведения византийской политической литературы, имеющие форму наставлений царю, рассматриваются в трудах В. Е. Вальденберга и В. И. Барвинока, но без аналогий с интересующим нас сочинением Максима Грека (*В. Е. Вальденберг.* Указ. соч., стр. 59—79; *В. И. Барвинок.* Никифор Влеммид и его сочинения. Киев, 1911, стр. 230—299).

Н. В. Синицына

ЭТИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ НЕСТЯЖАТЕЛЬСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ МАКСИМА ГРЕКА

Около 1548 г., по датировке В. Ф. Ржиги, Максим Грек написал «Главы поучительны начальствующим правоверно» и направил их митрополиту Макарию для передачи «самому великому властелю» [1]. Жанр наставлений и поучений правителю со стороны духовных и светских лиц был популярным в древнерусском обществе середины XVI в., однако сравнение «Глав» с произведениями аналогичного жанра византийской литературы, известными древнерусскому читателю в это время [2], а также с поучениями и челюбитными Ивану IV показывает, что в сочинении Максима Грека значительно большее место занимают вопросы собственности («стяжаний» и «имений», по терминологии того времени), богатства; из 27 глав им посвящены 5 глав полностью, и еще в двух они затронуты частично.

Автор дал вариант ответа на актуальный вопрос политической борьбы и публицистической полемики, неожиданный для публициста «нестяжательского» направления: он рекомендует царю не стремиться к «хищению чужих имений и стяжаний». Их социальная принадлежность названа четко лишь в 23-й главе; это — собственность церквей, автор исходит из факта ее существования, осуждая лишь злоупотребления, допускаемые управителями церкви, прежде всего пренебрежение благотворительной функцией богатства; долг царя — «исправлять» священнические недостатки» [3]. В 5-й и 22-й главах речь идет о недопустимости лихоимств и хищений по отношению к «подручникам», т. е. лицам светским [4]; в 14-й, 21-й, 25-й, где социальная принадлежность «имений» и «стяжаний» не раскрыта, она может быть понята и трактована адресатом весьма широко. В главе 14-й, например, читаем: «Чюже есть отнюд человечьскому естеству, еже по въздуху летати; и царю богомудреному отнюд неподобно и не-

---

[1] *В. Ф. Ржига.* Опыты по истории русской публицистики XVI века. Максим Грек как публицист.— ТОДРЛ, т. I, Л., 1934, стр. 62; «Сочинения Максима Грека», ч. II. Казань, 1860, стр. 383.

[2] В рукописных сборниках середины XVI в. переписаны, например, «Совещательные главы» Агапита царю Юстиниану, «Учительные главизны 66» греческого царя Василия сыну Льву, послание константинопольского патриарха Фотия болгарскому князю Михаилу-Борису, текст об обязанностях «владычествующего», обозначенный принадлежащим «Сократу мудрецу еллинскому», «Аристотеля философа от епистолеи ко Александру Македонскому» и др. [ГБЛ, ф. 113 (Иосифо-Волоколамский монастырь; далее — Вол.), № 522, лл. 305—455; ср. Вол. 489, лл. 325—397 об. (20—30-е годы XVI в.); см. также Вол. 530, лл. 183 об.— 241 об.; Вол. 506, лл. 223—245 об., 252—291; на лл. 292—296 об. помещено послание Максима Грека Ивану IV, о котором см. ссылку 4].

[3] «Сочинения Максима Грека», ч. II, стр. 175.

[4] Эта же мысль проводится в Послании Максима Грека Ивану IV, написанном, по датировке В. Ф. Ржиги, вскоре после «Глав» и не позднее 1551 г. (*В. Ф. Ржига.* Указ соч., стр. 70): причиной гибели Византии было «сребролюбие» и «лихоимство» ее последних царей, которые «хищаху неправедие имения подручников, презираху своя боляры» («Сочинения Максима Грека», ч. II, стр. 351).

полезно есть, еже хотети чюжим имением и стяжаниам; самого бо и страшнаго и праведнаго судию на отъмщение обидимых възставляет чюжих имений желание» [5]. Если учесть, что «Главы» Максима современны «Ответу» Макария в защиту церковных и монастырских имуществ от посягательств светской власти [6], то защита «имений» и «стяжаний» в рекомендациях Максима царю, переданных, кстати, через Макария, оказывается ближе к иосифлянской программе, чем к традиционно «нестяжательскому» направлению.

Позиции двух авторов, конечно, не тождественны: во-первых, Максим не называет конкретно монастырской собственности, она может лишь подразумеваться в контексте, где речь идет о недопустимости «хищения» чужих «имениi» и «стяжаний» вообще; во-вторых, «Ответ» Макария специально посвящен одной проблеме, а в «Главах» Максима она рассматривается наряду с другими. Тем не менее требует анализа тот факт, что наставления и рекомендации, которые Максим Грек дает царю, текстуально совпадают с его требованиями, обращенными к корыстолюбивому монашеству; одна и та же моральная норма, имея разных адресатов, приобретает различный социальный смысл. В каком соотношении находятся «Главы» Максима Грека и его «нестяжательская» концепция?

В оценке нестяжательских воззрений Максима Грека существуют спорные и противоположные точки зрения. Если В. Ф. Ржига связывал формирование этих воззрений с влиянием Вассиана Патрикеева, то А. И. Иванов считает, что они сложились в Италии под воздействием проповедей Савонаролы и порядков нищенствующих католических монастырей и не изменялись в России [7]; если Н. А. Казакова главную причину осуждения Максима Грека видит в критике им вотчинных прав монастырей и обличении пороков господствующей православной церкви, то А. А. Зимин — в расхождении с внутренней и внешней политикой правительства и в отрицательном отношении к разводу и новому браку Василия III [8]; ценные коррективы сделаны благодаря находке Н. Н. Покровского [9]; однако проблема не решена до конца.

Самое понятие «нестяжания» (применительно к Максиму Греку) как будто не вызывает полемики [10], между тем сложность и противоречивость

---

[5] Текст процитирован по списку ГБЛ, ф. 173 (Московская духовная академия). Фунд. 42, л. 270. Здесь же разделение на главы, отсутствующее в печатном издании.

[6] «Летописи русской литературы и древности», изд. Н. Тихонравовым, т. V. М., 1863; *А. А. Зимин.* И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, стр. 84; *Г. Н. Моисеева.* Старшая редакция «Писания» митрополита Макария Ивану IV.— ТОДРЛ, т. XVI. М.— Л., 1960, стр. 466—472.

[7] *В. Ф. Ржига.* Указ. соч., стр. 7, 15, 17—21; *А. И. Иванов.* К вопросу о нестяжательских взглядах Максима Грека.— ВВ, т. XXIX. М., 1969, стр. 137—138, 144—145.

[8] *П. А. Казакова.* Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI века. Л., 1970, стр. 243 и др.; *А. А. Зимин.* Россия на пороге нового времени. М., 1972, стр. 267—299.

[9] «Судные списки Максима Грека и Исака Собаки». Издание подготовил П. П. Покровский под ред. С. О. Шмидта. М., 1971.

[10] *А. А. Зимин.* Основные проблемы реформационно-гуманистического движения в России XIV—XVI вв.— «Доклады советской делегации на V Международном съезде славистов». М., 1963, стр. 116 (борьба «с нищетою и страданиями порабощенных селян», «недопустимость эксплуатации монахами крестьянского труда», владение монастырей селами); *А. И. Иванов.* Указ. соч., стр. 143, сн. 33 («Монастыри не должны иметь вотчин и вообще не допускать стяжания от чужих трудов»; впрочем, сформулированные здесь А. И. Ивановым пункты, в особенности второй, ближе к «Преданию» Нила Сорского, чем к сочинениям Максима Грека); *Н. А. Казакова.* Указ. соч., стр. 162, 164, 166 (обличение и отрицание вотчинных прав мо-

его внутреннего содержания, наряду со специфически источниковедческими трудностями (датировка сочинений Максима Грека, характер Судного списка и др.), является одной из причин возникновения различных точек зрения.

Нестяжатели выступают субъективно как идеологи монашества, поскольку их сочинения направлены на исправление «нестроений» в монашеской среде; «нестяжание» является одной из трех главных монашеских добродетелей (наряду с послушанием и целомудрием), поэтому каждый автор, говоря о монашеской этике, обязан упомянуть «нестяжание»; следовательно, сам по себе этот призыв еще не приближает публициста к нестяжательству как течению общественной мысли, вопрос решается тем, какой социальный смысл вкладывается в это понятие (о «нестяжании» писали и Иосиф Волоцкий, и митрополит Даниил). С другой стороны (и это более существенно), поскольку нестяжательство выступает субъективно как учение, трактующее идеальные нормы монастырского устройства, нестяжательский публицист не может обойти вопрос об источниках материального благосостояния монастыря, и даже у самых радикальных идеологов, декларирующих труд как источник существования монахов, он никогда не бывает единственным источником, прямо или косвенно допускаются и другие. «Нестяжание», переходя из сферы этической в социальную, превращается в различные варианты решения вопроса об источниках материального существования монастыря (поскольку институт монашества не отвергается); в воззрениях того или иного автора важную роль играет его представление о монастыре как социальном организме и его связях с окружающей средой, хотя именно оно оказывается наиболее завуалированным (впрочем, многое зависит от жанра: в монастырских уставах или памятниках, приближающихся к ним по жанру, оно выявляется довольно четко, в нравоучительных трактатах — более расплывчато).

Здесь уместно привести принадлежащую А. П. Каждану характеристику социальной функции монастыря в средневековом обществе (применительно к византийскому монастырю XI—XII вв.): «Монашеская теория и практика, размышления о божестве и церковный обряд занимают в первую очередь время братии; труд же остается на периферии монастырской деятельности. Именно идеальное (дубликатное) бытие монастыря в качестве ἀγγελικὴ πολιτεία[11] делало в конечном счете необходимым внешнее обеспечение его источником существования, его реальное бытие как присвоителя чужого прибавочного продукта», который создается «трудом зависимого населения, доброхотным подаянием и передачей монахам доли налоговых поступлений» [12].

Последнее предварительное замечание. При изучении «нестяжательства» необходимо иметь в виду парадокс понятия «бедности» в средневековом обществе; на него обратили внимание исследователи этого явления: бедность как материальный упадок и бедность как духовная ценность, как одна из христианских добродетелей (состояние бедности выше и совершеннее, чем состояние богатства). Необходимо изучение «взаимоотношений между бедностью реальной и бедностью концептуальной, социальное исследование последней и концептуализация социальной реальности...

настырей и обусловленных ими пороков социального характера: стяжательской деятельности монашества, эксплуатации крестьян, ростовщичества).

[11] Ангельское сообщество.

[12] *А. П. Каждан.* Византийский монастырь XI—XII вв. как социальная группа.— ВВ, т. 31. М., 1971, стр. 53.

Исследование должно непрерывно переходить из интеллектуальной плоскости в социальную и наоборот» [13].

Сочинения Максима Грека не являются в этом смысле исключением. Его «нестяжание» и «нищета» — необходимое звено «монашеской концепции бедности» [14], составная часть духовного идеала средневекового общества [15]. Задача состоит в том, чтобы вскрыть его социальное содержание. Один из путей — анализ конкретных социальных казусов, следов реальной действительности, которые проступают сквозь многословную риторику нестяжательских сочинений Максима Грека.

Эти сочинения включены в виде целостного комплекса в собрание сочинений, составленное на рубеже 40—50-х годов XVI в.[16] Первые 25 глав этого сборника содержат систематическое изложение догматических, этико-философских и политических взглядов автора, предстающих как своеобразная средневековая Summa. Главы 1—12 повторяют, по-видимому, более раннее собрание сочинений рубежа 30—40-х годов, составленное автором с целью доказать свою догматическую ортодоксальность и несправедливость выдвинутых против него в 1525 и 1531 гг. обвинений [17]. Главы 13—20 также представляют собой единый комплекс, где изложены разные стороны этических воззрений Максима Грека. Главы 13—14 трактуют проблему соотношения человеческого самовластья и божественного промысла (в связи с полемикой против астрологии). В главах 15—20 раскрывается христианский аскетизм Максима Грека, его воззрения на монашество; именно здесь помещены основные «нестяжательские» сочинения. Главы 21—22 характеризуют его отношение к белому духовенству. В гл. 23 выражены взгляды автора на внешнюю политику русского правительства [18], а в главах 24 и 25 — на внутреннюю; гл. 24 — Послание Ивану IV, уже цитированное выше; гл. 25 — «Главы поучительны начальствующим правоверно».

В аскетических главах (15—20) центральное место занимают три основных нестяжательских сочинения Максима Грека — «Беседа Ума к Душе» (гл. 15), «Слово о покаянии» (гл. 19), «Стязание любостяжательного и нестяжательного» (гл. 20) [19].

По словам Зиновия Отенского, крылошане, с которыми он полемизировал, со ссылкой на Вассиана Патрикеева и Максима Грека утверждали: «Монастыри, заповеди преступающе нестяжания, имеют села» [20]. Однако в сочинениях самого Максима Грека подобной категоричной формулировки мы не найдем. Термин «нестяжание», как и равнозначный «нестяжательное житие», употребляется довольно редко, но главное даже

---

[13] *М. Молла.* Бедные и средневековое общество.— «XIII Международный конгресс исторических наук». М., 1970, стр. 3—4. «Les pauvres» оригинала соответствует понятиям «бедные», «нищие», «убогие» русских средневековых памятников.

[14] Там же, стр. 4.

[15] Более подробно см.: *А. Я. Гуревич.* Категории средневековой культуры. М., 1972, стр. 248—260.

[16] ГБЛ, ф. 173, МДА Фунд. 42. Более подробно см.: *Н. В. Синицына.* Ранние рукописные сборники сочинений Максима Грека (кодикологическое исследование).— АЕ за 1971 г. М., 1972, стр. 130—140.

[17] Более подробно см.: *Н. В. Синицына.* Максим Грек и Савонарола.— В кн.: «Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. Сб. статей, посвященный Л. В. Черепнину». М., 1972.

[18] «Сочинения Максима Грека», ч. I. Казань, 1859, стр. 377—398; ч. II, стр. 52—88, 260—276, 290—294, 277—289.

[19] Главы 16—18 невелики по объему и трактуют более частные, с точки зрения нашей темы, вопросы монашеского быта и этики.

[20] *Зиновий Отенский.* Истины показание к вопросившим о новом учении. Казань, 1863, стр. 890.

не в частоте употребления, а в неопределенности контекста, который не дает почти ничего для суждения о социальном содержании этого понятия даже в том случае, если оно выступает рядом с «нищетой» [21]. Для выяснения его смысла необходимо обратиться к понятию «стяжание».

В сочинениях Максима Грека противостоят друг другу крупная собственность, богатство монастырей и мелкая собственность «селян». Для их обозначения употребляются термины «стяжание» (применительно к селянам иногда «стяжанище») и «имение». Каково различие между ними?

«Стяжание», по данным И. И. Срезневского, имеет первое значение «собственность, имущество» и соответствует греческому κτῆμα; второе значение — «богатство», третье — «иждивение, средства» [22]. Этот термин, будучи употреблен самостоятельно, без прилагательных и наречий, вне разъясняющего контекста имел нейтральный смысл, лишенный этической или эмоциональной окраски, присущей слову в современном языке, где оно ассоциируется со «стяжательством». О нейтральности этого термина (и производных от него) в сочинениях Максима Грека свидетельствует, в частности, термин «стяжатели», употребленный в «Стязании» не только без отрицательной этической оценки, но, напротив, для обозначения лиц, которым выражается сочувствие: «стяжателями» названы собственники «имений», которых их лишают монахи-лихоимцы за неуплату долга [23]. Участник спора в «Стязании» — не просто «стяжатель», но «любостяжательный», «многостяжательный». В практике социальной и идеологической борьбы конца XV—XVI в. особое внимание уделялось, по-видимому, «недвижимым стяжаниям», т. е. недвижимой собственности. Так, в первом соборном Ответе 1503 г. великому князю говорилось, что соборы и св. отцы предписывают «святителем и монастырем недвижимых стяжаний церковных ни продати, ни отдати». Иван III, вероятно, интересовался содержанием понятия «недвижимые стяжания», так как во втором Ответе появилось разъяснение: «недвижимая ж стяжания — суть прежереченная: грады, власти, села и прочая подобная сим» [24]. Что касается «имения», то в одном из сочинений Максима Грека, посвященном Афону, «имение» расшифровывается как село («вси бо монастыри без имениих, рекше без сел живут» [25]); по-видимому, это и дало Н. А. Казаковой повод трактовать «имениа» как «населенные земли» [26]. Однако в сочинениях рассматриваемого цикла термин имеет иной смысл. Он употребляется часто рядом с монастырским «стяжанием», но иногда служит и для

---

[21] В «Беседе»: лютого зверя, к которому привязана душа, надо укрощать «нищетою последнею» и «нестяжательным житием»; в «Слове о покаянии»: монахи должны жить «во всяком нестяжании, нищете и безмолвии» («Сочинения Максима Грека», ч. II, стр. 22, 123; ср. стр. 35, 48, 89, 106, 117 и др.).

[22] *И. И. Срезневский.* Материалы для словаря древнерусского языка, т. III. СПб., 1903, стб. 856.

[23] «Сочинения Максима Грека», ч. II, стр. 111: «безмерно безчеловечие и зверство, яко не точию имения неких хищати неправедне, но и самех стяжателех горчайшими муками жития сего извести». В Словаре И. И. Срезневского близкие значения приведены для глагола «стяжати» (приобрести): «сътяжал имения мало» (Житие Феодосия); «проста ж одежа и кормля мощен есть кождо нас, аще бо хощем, можем и без приимания чужаго стяжати от рукоделия своего» (Послание Ивана IV в Кирилло-Белозерский монастырь) (*И. И. Срезневский.* Указ. соч., т. III, стб. 856).

[24] «Послания Иосифа Волоцкого». Подготовка текста А. А. Зимина и Я. С. Лурье. М.—Л., 1959, стр. 322, 325.

[25] *В. Ф. Ржига.* Неизданные сочинения Максима Грека.— «Byzantinoslavica», t. VI. Praha, 1935—1936, str. 96.

[26] *И. А. Казакова.* Указ. соч., стр. 175.

обозначения собственности крестьян; по-видимому, это движимая собственность (скот, орудия труда), деньги. В «Беседе» «имения нищих» упомянуты дважды, их отбирают монахи («обнаживше их имений их, руками тощими, своих предел отгнаша бедных»; «обоима рукама нещадно истощает имения нищих»); в «Слове о покаянии» при описании аналогичной ситуации в одном случае употреблен термин «имение», в другом «стяжанище», в «Стязании» в трех случаях «стяжанище» и в одном «имение» («за преумножение многолетных ростъв расхищаху оставшая им от последныя нищеты худая стяжанища»; «расхитивше его стяжанища, от своих предел, увы! гоним его»; «обидяще и хищающе имения бедных селян богомерскими росты не престаем» [27]). В «Повести страшной и достопамятной» «имение» означает «деньги» [28]. Поэтому и в выражении «стяжания и имения» первый термин означает, по-видимому, недвижимую собственность, а второй — движимую, а выражение в целом происходит от греческого κτήματα και χρήματα (иногда, впрочем, стяжание означает не только собственность, но и процесс ее приобретения: «стяжание имений», «стяжание злата»).

Отношение Максима Грека к мелкой собственности, к «стяжанищам нищих» и «имениям бедных» сформулировано ясно, его позиция отличается большой гуманностью, он сочувствует страданиям и тяжелому положению порабощенных «селян», он мобилизует весь арсенал ветхозаветной и особенно новозаветной аргументации, чтобы доказать полное несоответствие высоким этическим принципам того угнетения, которому подвергаются «подручные» крестьяне русских монастырей, «нищая наша братия». Но его отношение к монастырской земельной собственности, к праву монастыря на эксплуатацию крестьянского труда не отличается однозначной прямолинейностью. Он пишет иногда (не часто) о необходимости для монахов собственным праведным трудом добывать себе средства к жизни. Ум обращается к Душе: «Своя праведныя труды яжды... Хлеб бо, рече, свой снеси по вся дни живота твоего в поте лица твоего, ниже стяжи под рукою поселянех акы властель, а якоже христов ученик, живи апостольскы, своима рукама добываюци свой хлеб, вся своа преж раздавши нищим, по заповеди Спасове, работати паче сама иным изволяй, нежели над иными владети... обнищати же изволяй паче нежели сребром облиатися...» [29]. Но в характеристиках конкретных форм взаимоотношений монастыря с принадлежащими ему «селянами», в реальных социальных казусах автор гораздо менее категоричен, а его представления о социальной функции монастыря, о его месте в системе общественных отношений не соответствуют радикальности декларированного им этического принципа. Он осуждает не «стяжание» как таковое, не безусловно, а всегда с дополнительными характеристиками: в сопряженности его с ростовщичеством-«лихоимством» и «неправдой», а также в сочетании с излишним пристрастием монахов к «стяжаниям», алчностью, постоянным стремлением к расширению своих владений, к новым приобретениям;

---

[27] «Сочинения Максима Грека», ч. II, стр. 38, 39, 130, 131, 94, 100, 104, 106.

[28] Рассказан такой эпизод: когда сын бедной вдовицы нашел «мошну камчату», где было 500 «златиц», она отнесла их Савонароле, который спросил публично: «кто погубил имение, да станет всреди, и да глаголет количество погубленнаго имениа и качество мошны и день, дондеже погубил имение» («Сочинения Максима Грека», ч. III. Казань, 1862, стр. 197).

[29] Текст отмечен собственноручной глоссой Максима Грека на полях сборника его сочинений, совпадающего по составу с Иоасафовским: «Приметите прилежне, стяжанолюбцы и лихоимци, и исправитеся ранее» (ГБЛ, ф. 173.III, МДА, 138, л. 145).

другими словами, он критикует «многостяжание», «любостяжание», стяжание-лихоимство (характеристики либо количественные, либо касающиеся методов приобретения «стяжаний» и алчности по отношению к ним их владельцев). Участник спора в «Стязании» обозначается: «многостяжательный», «любостяжательный» (в грецизированной форме «Поликтимон», «Филоктимон»); в этом же произведении читаем: «стяжаний довольных имеющу»; «многостяжанию пользовательну сущу»; «богатства и всяческих стяжаний, им же сопряжена есть неправда и всякое лихоимание, желание же непрестаемо и несытно любление злата и сребра и большаго всегда приложениа стяжаний»; «многостяжанию и лихоимство и неправда ...спряжена»; «стяжания паки себе и стадо всяческих скот... тщимся всегда пристяжати»; «множеством имений да стяжаний себе облагаем» [30].

Существенной частью «стяжаний» были села. Как относится к ним автор? В «Беседе» он пишет: «властью же сел сердце зело превознесша паки, не прилежит к тому селяиом аки своим удом, по заповеди господни, по аки раби куплени частыми уморяет тягостьми трудов всяческих, и аще негде прегрешат, абие оковы железными озлобил есть ноги их, люте яряся». Власть над селом как таковая не осуждается автором, если владеющий «прилежит к тому селяном аки своим удом»; вызывает критику отношение к «селянам» как к купленным рабам, т. е. злоупотребления властью, эксплуатация крестьян как рабов. Об этом же шла речь непосредственно перед приведенной цитатой. Ум критикует Душу, которая забыла «на милостыню простиратися» по отношению к находящимся в «нищете» и вместо этого «без милости, увы, бичи их истязует за лютых сребра резоиманий, отдати же не имущих — или свободы лишили их и рабы себе прочее писаша их, или, обнаживше их, имений их... своих предел отгнаша бедных» [31].

Н. А. Казакова, основываясь на наблюдениях Б. Д. Грекова, пишет, что «Максим Грек отмечает здесь три формы наказания за невыплату долга: 1) истязание бичом — правеж, 2) конфискацию имущества и сгон с земли, 3) обращение в рабство» [32], и рассматривает разные варианты толкования третьего пункта. При любом из них очевидно, что Максим Грек осуждает 1) кабальные формы эксплуатации, тесно связанные с ростовщической деятельностью монастырей в принадлежащих им владениях; 2) отношение к феодально зависимым крестьянам как к холопам. Антиростовщическая направленность «Беседы» подчеркнута автором в заглавии: «на лихоимцов». Страницы произведения пестрят осуждением «лихвенной злобы», «среброрезоимства».

Существенная черта критики ростовщичества у Максима Грека — критика явления, имеющего место не просто в сфере денежного обращения, но в производственных отношениях, в практике взаимоотношений монастыря с феодально зависимым населением. Даже когда он говорит о недопустимости для монахов «владети» людьми, то это «владение» выступает не в чистом виде, а в сопряженности его с «лихоимством»: «Твоими труды, о несмысленая, повеленна еси убогия питати, а не иных

---

[30] «Сочинения Максима Грека», ч. II, стр. 89, 91, 92, 95, 105. Ср. в «Слове о покаянии»: «пристяжавает села и стяжания различна»; «беспрестани пещися, како множайша стяжпт села и стяжания и стада всяких скот, и како много сугубит сребро и злато свое» (там же, стр. 122, 123 и др.).

[31] «Сочинения Максима Грека», ч. II, стр. 38. Ср. в «Стязании»: «или изгонишь вкупе с женою и детьми далече от сел твоих... илп поработиши его вечным порабощением» (там же, стр. 100).

[32] *Н. А. Казакова.* Указ. соч., стр. 161.

крови испивати лихвами, и служити иным, а не владети над иными» [33].

Л. В. Черепнин писал о том, что «кредитование крестьян феодалами в целях их экономического закабаления было явлением распространенным»; «развитие серебреничества — показатель роста крестьянской задолженности, а задолженность крестьян — один из каналов, через которые шел процесс укрепления крепостничества» [34].

Критикуемые Максимом Греком явления касаются не самого факта феодальной эксплуатации, а ее крайностей, злоупотреблений, превышения традиционной ренты («от неправедных лихоимания»; «кровей убогих безщадно испивающи лихвами и всяким делом неправедным»); говоря о «селах», он не отрицает право монастыря на владение ими, но обличает поведение монастырских властей («селища же ради к судилищу учащает и сварится зело с своими соперники...; оружии в поле разсудитися молит судящих пре своей... за малую землицу; яростию и прении, яже о землях и к самем селяном и к соседом своим... тщащися противу оскорбити их, аки врагов»; к этой же сфере относятся и спекуляции хлебом во время голода [35]). О «селе» говорится в контексте, характерной чертой которого является категоричность формулировки в аргументации Филоктимона и отсутствие четкости в словах Актимона о том, какие именно права монастырей на села он критикует. Ср. Ф.: «Ни едино бо нам прибывает осужение от еже стяжати имении и владети землями и селы». А.: «Множае убо лучше... и спасительнее нищетствующим за Христа обходити грады и страны... нежели обливатися сребром и златом и ограженым быти землями и селы» [36]. Такое словоупотребление показывает, что его позиция в отношении прав монастырей на «села» и «селян» не была определенной и категоричной.

В «Слове о покаянии» и «Стязании» автор часто пишет о тяжести «монастырских работ», «трудов», «деланий», «служений» «подручных селян», но он не отрицает их как принцип. Осуждается отношение монахов к работающим на них крестьянам, кабальные формы эксплуатации внутри феодальных монастырских вотчин, практика «заемного сребра» и «ростов»: «тяжчайших ростов истязании моряще их безпрестани и всяческими монастырскими работами»; он осуждает насильственное удержание крестьян в монастырских селах, ограничение права крестьянского отказа (казус, описанный, по наблюдениям исследователей, в 57-й статье Судебника 1497 г.) [37], т. е. формы эксплуатации, свидетельствующие о крепостнических тенденциях. Как автор относится к самому факту крестьянских «трудов» и «служений», если они не сопровождаются теми злоупотреблениями, о которых он пишет? Конечно, мы не вправе требовать от средневекового идеолога четкого разграничения «чисто» феодальных и кабально-крепостнических форм эксплуатации, но критика именно последних в его нестяжательских сочинениях, бесспорно, преобладает. Он осуждает монахов, которые «чрез заповедь евангельскую во всей жизни своей чюжыя труды и поты убогих со всякою неправдою и лихоимством ядят» [38]. Но допустимо ли использование монахами чужого

---

[33] «Сочинения Максима Грека», ч. II, стр. 32.
[34] *Л. В. Черепнин.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960, стр. 239, 245.
[35] «Сочинения Максима Грека», ч. II, стр. 41—44; ср. стр. 107, 110.
[36] Там же, стр. 114, 111.
[37] Там же, стр. 98, 106, 131—132; см. также *Н. А. Казакова.* Указ. соч., стр. 163—164.
[38] «Сочинения Максима Грека», ч. II, стр. 144.

труда, если это не сопровождается «неправдой» и «лихоимством»? Прямого ответа на этот вопрос в сочинениях Максима Грека мы не найдем. В «Стязании» он расшифровывает понятие «хищение чужих трудов»; говоря о фарисее, который «не обидяще, ниже хищаше чужпе труды», он продолжает: «последняя неправда и хищение еже... скопити на земли и всяким лихомством сребро и злато, но еще и росты тяжчайши о взаемнем сребре по вся лета истязати бедных селян и никогда же оставити им истину, много уж лета вземше ю много сугубно многовременными росты» [39]. Итак, не просто «земля» как источник богатства, но в соединении ее с ростовщичеством, лихоимством составляет суть «хищения» и неправды.

Ограниченный характер «нестяжания» Максима Грека отчетливо проявляется в его концепции благотворительной функции богатства, особенно по сравнению с решением этого вопроса Нилом Сорским. Любостяжательный ссылается на библейских героев, угодивших богу, так как они «праведно» и «добре» распоряжались «стяжаниями» и богатством, которыми владели. Ответ нестяжательного неожиданен: он соглашается с этим аргументом любостяжателя. Автор заставляет последнего не понять это парадоксальное согласие и повторить свои доводы; нестяжательный подтверждает свое согласие с оппонентом, говоря о различии между «праведным» и «неправедным» использованием богатства; смысл первого — отсутствие ростовщичества и как его противоположность — широкая и щедрая благотворительность, воплощение заповеди «нищелюбия»: «устроися кроме всякия неправды и лихоимания, всякому нищему и убогому обильно хлеб свой предлагающе и сребром своим нещадно исполняюще». Этому противостоит «неправедное» использование богатства в русских монастырях, прежде всего ростовщическая практика в отношениях с «селянами».

Рисует Максим Грек и свой идеал взаимоотношений монастыря с «подручными селянами», предоставление им ссуд без роста, а в случае необходимости и без возврата занятой суммы: «было бы им утешение немало, еже от тебе взаим даемое им сребро, аще бы без росту... взаим даял им; и от не могущаго отдати последняя ради нищеты не истязал бы от него ниже росты, ниже саму истину, но довольно отдаяние возмнел бы... в будущем веце» [40].

«Нестяжательное житие» и «нищета», проповедуемые Максимом Греком, неравнозначны реальной, имущественной и экономической бедности монастыря в целом: вопроса об источниках монастырского богатства он не ставит (труд монахов рассматривается лишь как источник их существования), но в поле его зрения постоянно находится крупный монастырь с большим хозяйством, где трудятся «подручные селяне», «работы» и «служения» которых «внутрь и вне» монастыря обеспечивают его многочисленные «потребы»; монастырь, связанный (вернее, долженствующий быть связанным) с окружающим обществом, с его «убогими» и «нищими» узами благотворительности. В системе этической философии Максима Грека добродетель «нишеты» сочетается с добродетелью «нищелюбия», хотя эти категории социально несовместимы. Но это понимал лишь Нил Сорский.

В «Предании... учеником своим» Нил начинает описание хозяйственных основ монастыря с вопроса об источниках материального существо-

---

[39] Там же, стр. 104; ср. 95, 107, 112 («злато и сребро себе скопити на земли со всяким неправдованием и лихоимством беззаконных ростов»).

[40] Там же, стр. 99.

вания монахов. В основе находится их собственный труд, «рукоделия», возможно незначительное участие в товарном обмене. Условие, при котором может быть принят вклад, четко оговорено: его небольшой размер («взимати мало... нужная, а не излишняа»). Лишь этот вклад может считаться «милостыней христолюбцев»; ей противопоставлен другой вклад: «Стяжания же, иже по насилию от чюжих трудов събираема, вносити отнюд несть нам на пользу (како бо можем съхранити заповеди господня, сиа имеюще: хотящему с тобою судитися одежу взяти твою отдаждь и срачицу, и прочая елика таковая, страстни суще и немощни), но яко яд смертоносен отбегати и отгоняти». Здесь основной акцент сделан именно на выражении «по насилию», так как далее содержится предписание должным образом, по справедливости оплачивать наемный труд: «Такоже делающих у нас, аще лучится от мирских, не подобает должнаго урока отщетевати, наипаче подаяти с благословением и отпущати с миром» [41]. Скитский устав Нила полемизирует в данном случае с общежительным уставом Евфросина Псковского, небольшая глава которого текстуально близка вышеприведенному высказыванию, однако имеет другой, почти противоположный смысл: «О наемном деле. Стяжание же чюжих трудов вносити каково любо отнуд несть на пользу нам, и паче же яко страстнии душею и немощнии приимати во обители, но яко яд смертоносен отбегати и отгоняти» [42]. Если игумен общежительного Елеазарова монастыря запрещает «стяжание чюжих трудов», заключающееся в использовании «наемного дела», то Нил, допуская, если позволительно употребить такое выражение, «игру слов», рассматривает как «стяжание чужих трудов» вклад, источником которого является насильственное присвоение чужого труда. Монахам допустимо пользоваться плодами чужого труда лишь в том случае, если этот труд должным образом оплачен, но не тогда, когда его продукт присвоен насильственно. Последовательность позиции Нила проявляется, далее, в утверждении, что иноку «не подлежит творити милостыня». На первый взгляд, это кажется противоречащим общему характеру его учения, но в сущности свидетельствует о том, что вопрос глубоко продуман, система логически завершена.

Под «милостыней» подразумевается, в частности, предоставление взаймы («заемлющих не отвращати»). А так как займы часто сопровождались процентами («ростом», «лихоимством»), то в качестве гарантии от ростовщической деятельности предписывается бедность («не имеяй бо излишне нужныа потреба не должен есть таковаа даяниа творити»). Благотворительность — функция богатства; отсутствие последнего делает ненужным и невозможным также и благотворительность. Поэтому в выражении «нестяжание бо выпши есть таковых подаяний» термин «нестяжание» означает отрицание богатства вообще; только отказ от богатства может иметь результатом освобождение от обязанности подаяния. «Нестяжание» Нила отрицает монатырское богатство и провозглашает нищету реально-материальную, а не только концептуальную.

С парадоксом понятия бедности связан вывод Я. С. Лурье о том, что «идея принципиального нестяжания монахов» в раннем творчестве Иосифа Волоцкого (имеется в виду краткая редакция его устава) получила «определенное и отчасти даже более яркое выражение», чем у Нила Сорского, который «в основном имел в виду именно личное не-

[41] [*М. С. Боровкова-Майкова*]. Нила Сорского Предание и устав. СПб., 1912, стр. 5—7.
[42] *Н. Серебрянский*. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. М., 1908, стр. 516.

стяжание и вообще личное совершенствование монахов» [43]. Основой полного личного «нестяжания» монахов в общежительных монастырях Иосифа является именно «коллективное стяжание» монастыря в целом [44]; в скитах же Нила, где принцип «коллективного нестяжания» проведен более глубоко и последовательно, каждый монах вынужден вести свое небольшое хозяйство и потому должен иметь минимум необходимых личных вещей, что понимал и Иосиф Волоцкий [45]. Еще более глубоким «нестяжателем», чем Иосиф, пришлось бы признать волоколамского игумена Даниила, будущего митрополита и антагониста Вассиана Патрикеева и Максима Грека; одно из сочинений Даниила пестрит осуждениями «особных стяжаний», термин «нестяжание» употреблен, кажется, большее число раз, чем во всех сочинениях Максима вместе взятых [46]. Но его «нестяжание» и «нищета» — это отсутствие личной собственности монаха в общежитном монастыре, где каждый получает все необходимое из казны и имеет общую трапезу с остальной братией, а также — «бедность концептуальная». Ей противостоит «коллективное нестяжание» и имущественная монастырская бедность Нила Сорского.

Позиция Максима Грека в сочинениях нестяжательского цикла, включенных в собрание сочинений [47], не отличается четкостью и определенностью. Монахи не должны заниматься «хищением» «имений» и «стяжаний» крестьян; но и царь, согласно «Главам поучительным», не должен стремиться к «хищению чужих имений и стяжаний». Максим выступает против какого бы то ни было перераспределения собственности, он — сторонник консервации существующей системы отношений, но в нравственно обновленном виде.

В послании об Афонской горе, которое В. Ф. Ржига относил к последнему периоду жизни Максима Грека, констатируется отсутствие сел у афонских монастырей, но отношение автора к факту владения селами русских монастырей никак не формулируется, хотя другие стороны русской монастырской практики он осуждает; на первом месте здесь снова ростовщичество: «Вси бо монастыри без имениих, рекше без сел живут, одными своими рукоделии и непрестанными труды и в поте лица своего добывают себе вся потребна житийская. Нет у них в казне сребро лишне лежаще, ни в людех по здешнему обычаю, чиста ест святаа гора от сицевых непохвалных прибыткох». Осуждаются также переходы русских монахов из одного монастыря в другой [48]. Итак, здесь мы снова

[43] *Я. С. Лурье.* Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI века. М.— Л., 1960, стр. 339, 340.

[44] Это возражение Я. С. Лурье выдвинула Н. А. Казакова (указ. соч., стр. 63).

[45] «Послания Иосифа Волоцкого», стр. 309.

[46] ГПБ, Погод. 1149, л. 74 и сл.: «О иночьском законе и правиле общаго жития в святей обители преславная богородицы во общем Иосифове монастыре». Даниил использует, в частности, минейную редакцию устава Иосифа, см. л. 76 об.: «Аще бо и к мирским человеком...», конец «иноком не подобает хотети богатства, но любити нестяжание и христоподобную нищету»; ср. «Великие Минеи Четьи», вып. I, сентябрь 1—13. СПб., 1868, стб. 522.

[47] Не имея возможности подробно остановиться на датировке этих сочинений, отметим лишь, что включение их в собрание в виде единого комплекса служит одним из оснований для суждения об одновременности их создания (30—40-е годы) (ср. *Н. А. Казакова.* Указ. соч., стр. 162, 168; *А. А. Зимин.* Источниковедческие проблемы истории раннего нестяжательства.— «Вопросы историографии и источниковедения. Ученые записки Казанского гос. педагогического института», вып. 121, 1974, стр. 79).

[48] *В. Ф. Ржига.* Неизданные сочинения, стр. 96, 98—99; ср. «Судные списки Максима Грека и Исака Собаки», стр. 113. Максим Грек сначала отрицает на суде факт наличия сел у афонских монастырей, но затем вынужден обвинителями признать его.

сталкиваемся с недостаточной четкостью позиции Максима Грека по отношению к монастырскому землевладению, в особенности к «селам» [49].

Наконец, последнее обстоятельство. Рассуждения о монашеском идеале Максима Грека, Нила Сорского, Вассиана Патрикеева характеризуют взгляды образованной группы общества. Настроения рядовой монашеской братии, некоторые мотивы, привлекавшие монахов в монастырь, рисует челобитная Ивану IV (между 1547—1551 гг.) подмосковных монахов, стоявших «вне тогдашних партий»; монахи просят царя «не о множестве бо потребъных», не о «ядении» или «питии», «но о равеньстве» внутри самой монашеской среды [50]. Оппонент Максима Грека и Вассиана Патрикеева Зиновий Отенский более глубоко, чем они, ощущает противоречия, говоря о социальном неравенстве среди монахов (в сочинениях Максима Грека монашество выступает как социальное целое); непоследовательность нестяжательской позиции Максима и Вассиана Зиновий видит в том, что они распространяют свой нестяжательский принцип лишь на одну социальную группу [51].

---

[49] Следует признать неточной формулировку о том, что одной из черт нестяжательской позиции Максима Грека была «критика монастырского землевладения как владения «селами» с феодально зависимым населением», и характеристику его как «противника монастырского землевладения». (*Н. В. Синицына.* Послание Максима Грека Василию III об устройстве афонских монастырей.— ВВ, т. XXVI. М., 1965, стр. 123, 126). Впрочем, мною было оговорено, что «Максим Грек не осуждает монастырское землевладение, если оно представляет собою не владение селами с феодально зависимым населением, а владение землей, которая обрабатывается с применением наемного труда». Но эта мысль в других сочинениях Максима Грека не получила развития.

[50] *Г. Кунцевич.* Челобитная иноков царю Ивану Васильевичу. СПб., 1912; *В. Ф. Ржига.* Опыты по истории русской публицистики, стр. 33—34.

[51] *Зиновий Отенский.* Указ. соч., стр. 890—892.

Л. А. Никитина

АНГЛИЙСКИЕ ХРОНИКИ О ТИТУЛЕ РУССКИХ ЦАРЕЙ

Вопрос о титуле русских царей в развитии англо-русских отношений второй половины XVI — начала XVII в. имел важное значение. Известны многочисленные столкновения между обеими сторонами по этому вопросу. Свидетельства о них сохранились в дипломатической переписке и в записках иностранцев о России [1].

Вопрос о титуле русских царей имеет значительный круг источников [2]. Однако сообщения английских хроник об их титуле до сих пор не использовались в исторической литературе. А между тем они содержат интереснейшие данные, подтверждающие сообщения других современных источников и в значительной мере дополняющие их.

Вопрос о титуле русских царей ставился на страницах большинства английских хроник. Правда, количество сведений о нем в разных хрониках различно. В ранних хрониках царский титул лишь упоминается, в более поздних вопросу о титуле посвящены целые разделы. Сообщения хроник о России вообще и о титуле русских царей в особенности крайне немногочисленны и фрагментарны: «русская» тема не является основной для авторов хроник. И все же, начиная с самых ранних хроник (содержащих первые в английской анналистике сообщения о начале прямых контактов с Россией), все английские историки ставят вопрос о титуле русских царей. Очевидно, хронисты считали важным его освещение при изложении темы о России. Уже в рассказе хроники Томаса Купера о приезде в Англию первого русского посла Иосифа Непеи русский царь называется императором: «В начале этого года (1556.— *Л. Н.*) прибыл в Лондон посол от императора России (Emperour of Russelande), па побережье которой случилось пристать одному из трех кораблей, посланных через Северные моря» [3].

Другие авторы также особо выделяют вопрос о титуле русских парей: продолжатель хроники Роберта Фабиена, Рафаэль Холиншед, Джон Стоу — Эдмонд Хауэс. Вильям Кэмден, Ричард Бэкер [4].

---

[1] *Ю. В. Толстой.* Первые сорок лет сношений между Россиею п Англиею. 1553—1593 гг. СПб., 1875, стр. 391—392, 413; *Д. Горсей.* Записки о Московии XVI в. сэра Джерома Горсея. Перевод с английского Н. А. Белозерской. С предисловием и примечаниями Н. И. Костомарова. СПб., 1909, стр. 98; «Сэра Томаса Смита путешествие и пребывание в России». Перевод, введение и примечания И. М. Болдакова. СПб., 1893, стр. 28, 33; *Д. Флетчер.* О государстве Русском, или образ правления русского царя. СПб., 1906, стр. 32.

[2] См., например, соответствующий раздел произведения Сигизмунда Герберштейна (*С. Герберштейн.* Записки о московитских делах. Введение, перевод и примечания А. И. Малеина. СПб., 1908, стр. 17—26).

[3] «Cooper's Chronicle». London, 1565, p. 373.

[4] *R. Fabian.* The new Chronicles of England and France in two Parts. Ed. by H. Ellis. London, 1811, p. 718; *R. Holinshed.* Chronicles of England, Scotland and Ireland, vol. 4. London, 1808, p. 86; *J. Stow.* Annales or a General Chronicle of England Faithfully Collected out of the Most Authentical Authors, Records and other Monuments of Antiquity... London, 1631, p. 1027, 1028, 1044; *W. Camden.* The History of the Most Renowned and Victorious Princess Elizabeth Late Queen of England. London, 1675.

Хронисты рассказывают своим читателям о названии Русского государства составе царского титула (характеризуя отдельные его части), об изменении этого титула с течением времени. Они пишут также о соотношении между титулами русских царей и других европейских государей, о роли вопроса о титуле во время переговоров России с различными государями Европы. Они повествуют о силе Русского государства, могуществе русских царей, самодержавном характере их правления, роли боярства, значении отдельных сословий. Они сообщают о личных качествах царей и крупнейших государственных деятелей России, создавая интереснейшие портреты, написанные современниками событий.

Говоря о титуле русских царей, хронисты, по существу, решают две проблемы: о самодержавном характере правления русских царей и о месте России в системе международных отношений Европы того периода.

Русское государство той поры, как и другие крупные и независимые государства Европы, хронисты называют «царством» («королевством» — Kingdome), «империей». Так, Вильям Кэмден, излагая содержание русского проекта союза между Россией и Англией, писал, что царь Иван Васильевич требовал, «чтобы королева (Елизавета.— *Л. Н.*) дала клятву принять его с женой и с детьми, если его изгонят из его королевства мятежники или враги» [5].

Однако Русское государство в хрониках, кроме общего наименования «империя», «королевство», «царство», получает еще и конкретное название — «Московия» и «Россия». При первом же упоминании в хронике Кэмдена оно именуется «Московия» [6]. Другой английский хронист — Джон Стоу — также употребляет термин «Московия». Рассказывая об организации первой английской экспедиции в Россию, Стоу писал: «20-го мая (1553 г.— *Л. Н.*), благодаря поддержке Себастьяна Кабота, три больших, хорошо оснащенных корабля были отправлены, чтобы совершить отважное предприятие — путешествие неизвестным путем в Московию и другие Восточные области Северных морей» [7].

Авторы хроник, наряду с термином «Московия», употребляют для обозначения Русского государства и другой термин — «Россия» («Русь» — «Russia»), не разграничивая оба термина и не поясняя их значения. Рассказывая о посольстве Г. И. Микулина в Англию в 1600—1601 гг., Эдмонд Хауэс писал: «18 сентября некоторые послы из Московии, или России, высадившись на Тауэрской пристани, были приняты олдерменами Лондона» [8]. Очевидно, оба названия используются историком параллельно.

Кэмден, рассказывая о посольстве в Англию С. Твердикова — Ф. Погорелова в 1567—1568 гг., заметил: «Около этого времени приехали в Англию Степан Твердиков и Федор Погорелов от этого могущественного императора России и Московии» [9].

Однако термин «Россия» употребляется в хрониках не только совместно с термином «Московия», но и вполне самостоятельно. Хауэс выносит на поля своей хроники заголовок, касающийся посольства Томаса Смита в 1604—1605 гг.: «Посол в Россию» [10].

---

p. 102 etc.; *R. Baker.* Annales. The True and Royal History of the Famous Empresse Elizabeth Queen of England, France and Ireland. London, 1665, p. 641.

[5] *W. Camden.* Op. cit., p. 103.

[6] Ibid., p. 102. «Московией» называет Русское государство и Томас Купер («Cooper's Chronicle», p. 357 об.).

[7] *J. Stow,* 1601, p. 1029.

[8] Ibid., p. 1308.

[9] *W. Camden.* Op. cit., p. 102.

[10] *J. Stow,* 1631, p. 871.

По мере приближения к современности термин «Московия» встречается все реже на страницах хроник. «Россия» («Russia») сменяет «Московию». Чем объясняется это явление? Можно предположить, что существовавшие в записках иностранцев названия [11] (перешедшие в ранние разделы английских хроник) постепенно сменяются более точной терминологией дипломатической переписки. Подлинное название Русского государства из царских грамот, адресованных английским королям, проникает в работы современных английских историков. Таким образом, по мере развития и углубления англо-русских связей терминология хроник все больше приближается к дипломатической, т. е. к терминологии подлинных русских документов.

То же происходит и с наименованием русского царя. Термин «Московит» сначала (на ранних этапах англо-русских отношений) существует там одновременно, а иногда и параллельно с термином «император». Рассказывая о посольстве С. Твердикова — Ф. Погорелова в Англию в 1567—1568 гг., Кэмден дает такой заголовок: «Послы от Московита». Поручение, данное Антонию Дженкинсону царем Иваном Васильевичем относительно заключения англо-русского оборонительного и наступательного союза, хронист опять-таки называет «тайным посольством от Московита» [12].

Откуда в английских хрониках появляется термин «Московит»? Очевидно, он, как и термин «Московия», переходит из записок иностранцев о России, «летучих листков», материалов о Ливонской войне и других видов источников [13]. Однако постепенно термин «Московит» вытесняется более правильными, так сказать, официальными терминами — «великий князь» (the Great Duke) [14], «император» (the Emperor) [15] и «царь» (the Tehar) [16]. Очевидно, чти термины приходят из подлинных царских грамот, адресованных английским королям. Как известно, эти грамоты содержали полный царский титул [17]. Чаще всего русские цари появляются в английских хрониках под названием «великие князья» и «императоры». Нам известен лишь один случай употребления термина «царь» [18]. Причем автор тут же поясняет, что «название «царь» (the Name of Tehar) означает то же, что и «император»» [19]. В «русских» разделах английских хроник мы находим также толкование терминов «император» и «великий князь» — хронист поясняет свое понимание обоих терминов и соотношение их друг с другом. Рассказывая о посольстве Г. И. Микулина в Англию в 1600—1601 гг., Эдмонд Хауэс писал, что 14 октября 1600 г. русский посол передал королеве Елизавете свои грамоты, «в которых новый императоp (Борис Годунов.— *Л. Н.*), по-

---

[11] То же двойное наименование Русского государства «Россией» («Русскией») и «Московией» находим и в произведении Герберштейна (*С. Герберштейн.* Указ. соч., стр. 1, «Обращение к читателю»).

[12] *W. Camden.* Op. cit., p. 102, 103.

[13] *С. Герберштейн.* Указ. соч., стр. 17—20; *Г. В. Форстен.* Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544—1648).— «Записки Историко-филологического факультета имп. С.-Петербургского университета», ч. 32, т. 1, 1893, стр. 103, 113—116.

[14] *J. Stow,* 1601, p. 1064.

[15] Ibid., p. 1066, 1308; 1631, p. 1012 (вторая), 1027; *W. Camden.* Op. cit., p. 102, 103. 124, 604.

[16] *J. Stow,* 1631, p. 871.

[17] *R. Hakluyt.* The Principal Navigations, Voyages, Traffiques etc. Discoveries of the English Nation, v. I. London, 1903, p. 293.

[18] Имеется в виду рассказ хроники Эдмонда Хауэса о событиях польско-шведской интервенции в России («Краткий рассказ о состоянии России» — *J. Stow,* 1631, p. 871).

[19] Ibidem.

иному и более правильно обычно называемый великим князем, высказывал свое особое желание иметь дружбу с ее величеством» [20].

Каково содержание царского титула в английских хрониках? Царский титул приводится в различных хрониках. Например, в хронике Стоу — Хауэса мы находим выдержки из полного царского титула. Отрывки из царского титула (почти текстуально) вплетаются в ткань хроники. Рассказывая о прибытии в Англию первого русского посольства, хронист писал: «В 1556 г. был отправлен посол от великого (high) и могущественного Ивана Васильевича, царя всея Руси (all Russia), великого князя Володимирского, Московского и Новгородского, царя (Emperour) Казанского и Астраханского и т. д., посланный морем из порта святого Николая в России, его благородный посол по имени Осип Непея к знаменитым и превосходным государям Филиппу и Марии, королю и королеве Англии...» [21]. Выдержка из полного царского титула, несомненно, появилась благодаря знакомству хрониста с подлинной царской грамотой.

В разделе о посольстве Томаса Смита в Россию в 1604—1605 гг. Хауэс отметил: «Томас Смит, достойный джентльмен, бывший олдермен Лондона, был послан от короля Якова Английского к царю всея Руси (императору — the Emperor of all Russia); великому князю Володимирскому, Московскому и Новгородскому, царю Казанскому, царю Астраханскому и т. д. Он начал свое путешествие туда 12 июня» [22]. И в этом сообщении хроники титул русского царя явно заимствован из современной царской грамоты [23].

Эти грамоты публиковались авторами XVI в. Есть такие грамоты и в сборнике Ричарда Гаклюйта. Хронисты были знакомы со сборником Гаклюйта и могли оттуда почерпнуть сведения о титуле русского царя [24]. Затем титул царя содержался в записках иностранцев. Их также знали хронисты [25]. Оттуда титул также мог попасть на страницы английских хроник. Главное же, авторы хроник имели доступ к архивам, где хранились документы, связанные с развитием англо-русских отношений.

Хронистов интересует и история принятия царского титула. Хауэс правильно связывает два крупнейших события русской истории: принятие царского титула и подтверждение великим князем Иваном Васильевичем права на этот титул завоеванием Казани и Астрахани. Хронист писал: «... он (великий князь Иван Васильевич.— *Л. Н.*) был первым, кто принял звание царя (name of Tehar), которое означает то же, что и название «император», и подтвердил свое право на этот титул завоеванием Казани и Астрахани, царей которых он привел в качестве пленников во время триумфа в Москву, свой главный город».

Хауэс пишет и о времени принятия царского титула великим князем Иваном Васильевичем. На поля своей хроники он выносит заголовок: «Они (великие князья московские.— *Л. Н.*) приняли титул импе-

---

[20] *J. Stow*, 1631, p. 791. Разрядка моя.— *Л. Н.*

[21] Слова «и т. д.» указывают на сокращение хронистом полного царского титула подлинной грамоты. Ср., например, приведенный в хронике Джона Стоу текст царского титула с аналогичным текстом грамоты в сборнике Ричарда Гаклюйта (*J. Stow*, 1601, p. 1064; *R. Hakluyt*. Op. cit., v. I, p. 73).

[22] *J. Stow*, 1631, p. 844.

[23] Ср. Сб. РИО, т. 38. СПб., 1884, стр. 9.

[24] *R. Hakluyt*. Op. cit., v. I, p. 73; *J. Stow*, 1631, p. 809.

[25] «Сэра Томаса Смита путешествие», стр. 117; *W. Camden*. Op. cit., «Author to the Reader», p. 1.

раторов около 60 лет тому назад» [26]. Это сообщение вошло в издание хроники 1605 г. Очевидно, хронист относит принятие царского титула к 40-м годам XVI в. Как известно, современные источники полностью подтверждают это сообщение [27].

Хронисты подчеркивают важность вопроса о титуле русских царей в отношениях России с другими государствами. Это, в особенности, можно отнести к рассказу Хауэса о заключении русско-шведского мирного договора 1617 г. Хронист писал о ходе русско-шведских переговоров в январе 1615 г.: «Но было потрачено много времени в частных (private) спорах о титулах государей (их.— *Л. Н.*) представителей и об их старшинстве (the precedence) и о месте их собрания во время великого поста и о том, кто будет первым начинать речь, и на многие другие невообразимые разногласия до того, как они (шведские и русские представители.— *Л. Н.*) смогли приступить к главному делу» [28].

Таким образом, мы видим, что в данном случае вопрос о титуле русского царя приобретает особое значение для договаривающихся сторон и особенно для России: он отражал борьбу русской дипломатии за признание ее независимости и границ. Известно, что в ходе польско-шведской интервенции 1605—1617 гг. от России были отторгнуты важнейшие и жизненно необходимые территории, что создавало крайне тяжелое положение для экономики страны — был отнят и выход к морю.

Поэтому, когда русские дипломаты в Дедёрине и Столбове настаивали на признании полного царского титула, это не было праздным, формальным требованием дипломатической процедуры. Признание полного царского титула, по существу, означало подтверждение принципа целостности границ России.

Вопрос о наследственном характере власти русских царей также обращает на себя внимание авторов хроник. На нем они останавливаются специально и неоднократно к нему возвращаются. Так, Хауэс, рассказав о принятии царского титула Иваном Васильевичем, замечает: «...и с тех пор титул «император» был принят всеми его наследниками» [29]. Сообщая о захвате власти Борисом Годуновым, хронист подчеркивает отсутствие у него законных прав на русский престол. Отсутствие этих прав привело к тому, что Борис Годунов, по словам хрониста, мог получить власть только «с общего согласия или скорее вследствие принуждения всей знати и народа, а сверх того по горячему желанию почтенного духовенства и их святейшего патриарха» [30].

Все хронисты отмечают обширность территории России. Так, Кэмден писал об «обширнейшей империи» царя Ивана Васпльевича, который дал английским купцам разрешение торговать в ней [31]. Громадные просторы России настолько занимают воображение историка, что он возвращается снова к этой теме, описывая царствование Федора Ивановича: «Федор Иванович, сын Ивана Васильевича, ... унаследовал эту обширную империю» [32].

Показания английских хроник об огромных размерах и могуществе Русского государства подтверждают сведения, содержащиеся по этому воп-

---

[26] *J. Stow*, 1631, p. 871; «...about the space of three score years».
[27] Сб. РИО, т. 38, стр. 10; ПСРЛ, т. 29. М., 1965, стр. 149—150.
[28] *J. Stow*, 1631, p. 1027.
[29] Ibid., p. 871.
[30] Ibid., p. 791—792.
[31] *W. Camden*. Op. cit., p. 103.
[32] Ibid., p. 285.

росу в других современных источниках: записках иностранцев о России, английской полемической и художественной литературе [33].

Хронисты особо подчеркивают могущество русских царей. Они единодушно отмечают самодержавный характер их правления. Кэмден называет царя Ивана Васильевича «могущественнейшим императором». Именно на самодержавном характере царствования Ивана IV Кэмден делает особое ударение. Неограниченная власть царя вызывает раздражение. Он с горечью пишет о «жестоком человеке, для которого его собственное желание и воля являются законом». Тираническому правлению русского царя Кэмден противопоставляет миролюбивое и «мягкое» царствование своей государыни (королевы Елизаветы.— *Л. Н.*). Рассказывая о просьбе царя предоставить ему убежище в Англии в случае, «если его изгонят из его королевства мятежники или враги», хронист бросает многозначительную фразу, которая полностью раскрывает его отношение к самодержавному царю: «Таким образом, тиран, от которого не мог уберечься ни один человек, кажется, сам был в опасности» [34].

Ту же мысль о могуществе русского царя, о самодержавном характере его правления находим и во многих других «русских» разделах хроники Кэмдена [35], а также в работах других английских хронистов. Эдмонд Хауэс, рассказывая о царствовании Федора Ивановича, подчеркивает, что слабоумие царя было особенно опасным в стране, «где слово государя является законом, а его распоряжение (приказ — his Command) — статутом» [36].

Позиция хронистов по отношению к самодержавному правлению русских царей совпадает с мнением авторов записок о России, особенно англичан, обращающих внимание на самодержавный характер власти ее царей, на их могущество и силу [37].

Чтобы подчеркнуть величие русских царей и дать представление своим читателям о месте России среди европейских государств, авторы хроник вводят в свои произведения описания торжественных приемов русских послов в английской столице [38].

Дары английских королей русским царям также подтверждают высокий ранг властителей России. Так, первый русский посол Иосиф Непея увозил в Москву в 1557 г. в подарок от короля и от королевы Англии — Филиппа Испанского и Марии Тюдор — льва и львицу. Очевидно, подарок должен был символизировать силу царской власти. Мария Тюдор

---

[33] «Сэра Томаса Смита путешествие», стр. 22—26; «The Works of Thomas Nashe». Ed. from the Original Texts by R. B. Mc. Kerrow, v. III. Oxford, 1958, p. 20, 30. О проникновении «русской» темы в английскую драму и поэзию см.: *E. Seaton.* Marlow's Map (*Marlowe.* A Collection of Critical Essays. Ed. by Clifford Leech. New Jersey, 1964, p. 42—43, 50, 52); *E. K. Chambers.* The Elizabethan Stage, v. III. Oxford, 1903, p. 4, 55; *Л. Парфенов.* Кристофер Марлоу. М., 1964, стр. 116; *В. Шекспир.* Бесплодные усилия любви.— «Библиотека великих писателей» под ред. С. А. Венгерова, т. I. СПб., 1902, стр. 162, 167, 168, 170, 171, 172; *W. Raleigh.* The English Voyages of the Sixteenth Century (*R. Hakluyt.* Op. cit., v. XII. Glasgow, 1905, p. 97, 104); см. также стихи поэта Вильяма Уорнера, прославлявшие открытия Ричарда Ченслера, Стивена Борроу, Антония Дженкинсона и Артура Пета в России (*М. П. Алексеев.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей, т. I. Иркутск, 1932, стр. 168—169).

[34] *W. Camden.* Op. cit., p. 103.

[35] Ibid., p. 102, 125.

[36] *J. Stow,* 1631, p. 871.

[37] *Д. Горсей.* Указ. соч., стр. 26, 27, 34, 55, 101. Д. Флетчер также говорит о «тираническом государстве» русского царя (*Д. Флетчер.* Указ. соч., «Обращение» к королеве Елизавете).

[38] *J. Stow,* 1601, p. 1066.

послала царю Ивану Васильевичу также «прекрасный кусок багряницы». Известно, что багряный цвет был излюбленным у византийских императоров.

В свою очередь и цари посылали английским королям дары, которые подчеркивали их высокое положение и уважение к ним правителей России. Так, Иосиф Непея привез в Англию среди других даров «шесть больших и прекрасных шкурок, очень богатых и редкостных, носимых только императорами вследствие их (большой.— *Л. Н.*) ценности» [39].

Каково же мнение хронистов о месте Русского государства в системе европейских государств этого периода, а русского царя среди государей Европы?

Хроницсты прежде всего именуют русских царей «государями» («...Prince»), вводя их тем самым в круг европейских владык. Тот же титул «государь» встречаем в хрониках и в тех случаях, когда речь идет о других европейских королях. Так, Кэмден, рассказывая о запрещении в Англии книги Джильса Флетчера о России, писал, что причиной этого запрещения было стремление английского правительства «не обидеть государя («a Prince»), находящегося в дружественных отношениях с Англией» [40]. Но наряду с этим в вопросе соотношения между титулом русских царей и титулом других государей хронисты совершенно определенно различают царский и королевский титулы. Сообщая о полномочиях, данных Джону Меррику для участия в ведении русско-шведских переговоров 1615—1617 гг., Хауэс писал: «Он (король Яков I.— *Л. Н.*) давал теперь все полномочия и поручение сэру Джону Меррику, рыцарю, быть третейским судьей (to arbitrate), улаживать все споры и противоречия, как в отношении враждебности, так и другие между императором и королем Швеции (the Emperor and the King of Sweden)» [41].

Итак, титул русских царей — одна из основных тем в «русских» разделах английских хроник. Хронисты освещают ее разносторонне и со значительной достоверностью, опираясь на данные дипломатической переписки и записки английских путешественников. Они рассказывают о составе царского титула, об истории его принятия и подтверждения, о дипломатической борьбе вокруг вопроса о титуле. Они правильно связывают настойчивое стремление русской дипломатии добиться признания полного царского титула европейскими державами с борьбой за самостоятельное существование России и целостность ее государственных границ.

---

[39] Ibid., p. 1066.

[40] *W. Camden.* Op. cit., p. 286.

[41] *J. Stow,* 1631, p. 1027 (разрядка моя.— *Л. Н.*). О борьбе русской дипломатии за признание права русских царей на императорский титул и об отношении к этому вопросу различных европейских государств в XVI—XVIII вв. см. работы А. В. Флоровского и Г. А. Некрасова (*А. В. Флоровский.* Страницы истории русско-австрийских дипломатических отношений XVIII в.— В кн.: «Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. Сб. статей, посвященный Л. В. Черепнину». М., 1972, стр. 389; *Г. А. Некрасов.* Международное признание российского великодержавия в XVIII в.— Там же, стр. 381—388).

В. С. Румянцева

КРУЖОК СТЕФАНА ВНИФАНТЬЕВА

Самодержавное государство и православная церковь — главные идеологические силы, действующие в интересах господствующего класса в русском обществе XVII в. Как и прежде, теология определяла формы духовной жизни, подчиняя себе все остальные виды идеологии. Религиозные убеждения вместе с тем тесно переплетались «со всей совокупностью существующих представлений». «Вследствие этого,— пишет Ф. Энгельс,— всякое общественное и политическое движение вынуждено было принимать теологическую форму» [1]. Чтобы осмыслить религиозно-политическую борьбу XVII в. и, в частности, раскол, важно проследить ее истоки.

Со вступлением на престол 16-летнего царя Алексея Михайловича в 1645 г. фактическим главой государства становится его воспитатель («дядька») боярин Б. И. Морозов. Здравый смысл подсказывал этому хитрому политику тактику удовлетворения потребностей крепнущего государства. Общественно-политическая обстановка была напряженной. Поднималось движение дворян за свои привилегии. Повсеместно назревал взрыв классовой борьбы посадских людей [2]. В среде низшего и среднего белого духовенства также росло недовольство высшей церковной иерархией. Факты свидетельствуют о падении авторитета церкви в обществе, распространении суеверий, упадке нравственности духовенства и прихожан [3]. Патриарх Иосиф и Освященный собор оказались неспособными на какие-либо радикальные меры, поэтому правительство Алексея Михайловича берет в свои руки руководство духовными делами общества. Деятельность правительства в этом направлении раскрывает черты и формы политической идеологии самодержавия в начальный период перехода от средневековья к новому времени.

В 1647—1648 гг. в придворной среде возник кружок боголюбцев, или ревнителей благочестия («духовная братия») [4]. Возглавил его ду-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 21, стр. 313, 314.

[2] *П. П. Смирнов*. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в., т. 1—2. М.— Л., 1947—1948.

[3] ЦГАДА, ф. 210 (Разрядный приказ), Белгородский стол, 1649—1650 гг., стб. 288, лл. 82—88; ААЭ, т. IV, № 19, 37, 324—326.

[4] Наиболее обстоятельно из дореволюционных исследователей осветил деятельность кружка Стефана Внифантьева Н. Ф. Каптерев (*Н. Ф. Каптерев*. Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. Сергиев Посад, 1913, стр. 105—168; *он же*. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович, т. I. Сергиев Посад, 1909, стр. 1—105). В вышедшей недавно на русском языке монографии американского исследователя С. Зеньковского много внимания уделено боголюбцам (*С. Зеньковский*. Русское старообрядчество. Духовные движения семнадцатого века. München, 1970, стр. 102—179). В методологическом плане эти работы далеки от марксистской науки. Отдельные стороны деятельности кружка ревнителей благочестия рассматриваются В. С. Шульгиным (*В. С. Шульгин*. Движения, оппозиционные официальной церкви в России в 30-х — 60-х годах XVII века. Автореферат канд. дисс., М., 1967); А. И. Роговым во вступительной статье к публикации «Па-

ховник царя протопоп Благовещенского собора в Кремле Стефан Внифантьев (Вонифатьев). Близко к нему стоял царский постельничий Ф. М. Ртищев[5]. Б. И. Морозов, по-видимому, поощрял деятельность кружка[6]. Состав кружка до сих пор полностью выявить не удалось. В него входили представители главным образом среднего белого провинциального духовенства. Ведущее положение в нем занимал протопоп Казанского собора на Пожаре (Красной площади) Иван Неронов, прибывший из Нижнего Новгорода, где стал популярен как незаурядный проповедник и организатор школы «без мзды» для обучения детей грамоте; костромской протопоп Даниил, муромский протопоп Логгин, темниковский протопоп Даниил, поп из села Лопатиц Нижегородского уезда Аввакум, поп из Романова Лазарь. В деятельность кружка были посвящены некоторые лица из низшего столичного духовенства, в их числе дьякон Федор Иванов, дьячок Константин Иванов пз Благовещенского собора и др. К боголюбцам (или «христолюбцам», как они себя называли) примыкали отдельные представители черного духовенства: архимандрит Покровского монастыря в Москве, родственник Ф. М. Ртищева Спиридон Потемкин; игумен Макарьева Желтоводского монастыря Иларион (впоследствии архиепископ рязанский и муромский, активный деятель церковной реформы); игумен Златоустовского монастыря Феоктист и др.

Известны имена светских лиц, под покровительством Стефана Внифантьева учившихся у приехавших в Москву в 1649—1650 гг. киевских ученых монахов. В октябре 1650 г. посланы из Разрядного приказа во дворец Иван Засецкий, подьячие Лукьян Голосов и Евсевий Кобелев, а также Терентий Михайлов, псаломщик Благовещенского собора, и Иван Давыдов, дьячок церкви Тихона Чудотворца[7]. По-видимому, молодые люди не проявили усердия и желания учиться «по латыни»[8], так как вскоре по ходатайству Внифантьева «государь указал послать за бесчинство (слово зачеркнуто.— *В. Р.*) их и плутовство» в монастыри[9]. Более успешно продвигалось обучение у Ивана Озерова и Порфирия Зеркальникова из московского посада. Ртищев, сам бравший уроки греческого языка у Епифания Славинецкого, выхлопотал им разрешение на поездку в Киев для завершения образования («поехали де... доучиваться

мятники музыкально-эстетической мысли. Музыкальная эстетика России XI—XVIII веков». М., 1973, стр. 16—17 и А. Н. Робинсоном в недавно изданной монографии «Борьба идей в русской литературе XVII в.» (М., 1974).

[5] *И. Козловский.* Ф. М. Ртищев. Историко-биографическое исследование. Киев, 1906.

[6] *С. Белокуров.* Арсений Суханов, ч. I. М., 1891, стр. 171, прим. 9.

[7] ЦГАДА, ф. 210, Белгородский стол, стб. 298, лл. 138—139, 141—142. В XVII в. в Москве существовал обычай отдавать в церковь детей (подростков) из бояр, дворян, посадских и духовенства для «учения книжнаго». В качестве дьячков, псаломщиков они помогали священнослужителям. Т. Михайлов и И. Давыдов, по всей вероятности, относились к этому числу.

[8] См. опубликованный документ (*Н. Ф. Каптерев.* Патриарх Никон и его противники..., стр. 145—146; прим.1).

[9] Засецкий послан в Пафнутьев Боровский, Кобелев – в Спасо-Евфимьев, Голосов – в Предтечев в Туле, Давыдов и Михайлов — в Иосифов Волоцкий. В челобитной от 19 декабря 1650 г. они просят «ис под начала свободить и к Москве быть», «разосланы мы... в розные городы украинные в монастыри под начал за свои страдничьи вины» (ЦГАДА, ф. 210, Белгородский стол, стб. 298, лл. 358—360, 442—443). Блестящую карьеру впоследствии сделал Л. Т. Голосов, ставший приверженцем европейской учености и хорошо освоивший латынь, с 1667 г.— думный дьяк Посольского и Аптекарского приказов, товарищ по службе А. Л. Ордина-Нащокина (*С. А. Белокуров.* О Посольском приказе. М., 1906, стр. 120). Е. Кобелев в 1667 – 1668 гг. упоминается дьяком в Нижнем Новгороде (РИБ, т. 21. СПб., 1907, стб. 1375; «Дворцовые разряды», т. III. СПб., 1852, стб. 842).

у старцев у киевлян по латыни»)[10]. Особым расположением царя и духовника его Стефана пользовался архимандрит Новоспасского монастыря в Москве Никон (с 1649 г.— митрополит новгородский, в 1652 г. становится патриархом).

Биографических сведений о Стефане Внифантьеве почти не сохранилось. Неизвестны время и место его рождения. С. А. Белокуров полагал, что он мог быть родом из Нижегородского уезда, так как в его окружении было много нижегородцев, а в синодике Макарьева Желтоводского монастыря хранилась развернутая запись его рода[11]. В Отделе редких книг Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (Собрание кириллицы) обнаружена «Минея» за ноябрь 1645 г.[12], на лл. 1—13 вкладная запись скорописью XVII в.: «В лето 7161-го декобря в 22 день д[а]л сию книгу Минею месяц ноябрь благовещенскои протопоп, что у государя на сенех, Стефан Внифантьев по своих родителех и по странных в пустыню Опекалову в церков[ь] Вознесения господи в вечнои поминак, а ис тои пустыни тое книги никгды не отд[а]т[ь] и не прод[а]т[ь], и не заложит[ь], и по душе не отд[а]т[ь]». Может быть, Стефан был родом из Старицкого уезда, где находилась эта пустынь? В письме И. Неронова С. Внифантьеву от 27 февраля 1654 г. упоминаются два его «чады» Гавриил и Иван[13]. Настоятелем собора Благовещения, «что у государя на сенех», Внифантьев стал в 1645—1646 гг., вероятно, уже в преклонном возрасте[14].

Судя по отзывам современников, Стефан был человеком книжным. «Слово учительно во устех имеяй... всегда входя в царския палаты, глаголаше от книг словеса полезная, увещевая с слезами юнаго царя ко всякому доброму делу и врачуя его царскую душу от всяких злых начинаний»,— пишет составитель биографического Жития Неронова. Чтение назидательных книг перед царем и передача ему книг для прочтения часто практиковались протопопом Стефаном. Иногда ночью царь приходил в келью Благовещенского собора, чтобы побеседовать со своим духовником наедине. В письме Внифантьеву от 13 июля 1654 г. Неронов пишет: «...Феодора Исповедника, игумена студийскаго, жития к тебе послах, моля, да часто почитаеши его пред благочестивым царем... Паче же и великаго светильника и вселенней учителя воистинну, и покаянию

---

[10] П. Зеркальников происходил из торговых людей. В мае 1649 г. он был отправлен к киевскому митрополиту Сильвестру Коссову с грамотой царя о присылке ученых монахов в Москву. С ним приехали Епифаний Славинецкий и Арсений Сатановский (*И. Ротар.* Епифаний Славинецкий, литературный деятель XVII в.— «Киевская старина», 1900, октябрь, стр. 17—18). Его дальнейшая судьба неизвестна. И. Озеров из Киева вернулся в Москву, жил в Чудовом монастыре, был справщиком Печатного двора. Поддерживал «дружбу» с Ф. М. Ртищевым, как сообщает автор Жития последнего (*И. Козловский.* Указ. соч., стр. 81—82, 136—137).

[11] В синодике Ростовского Борисоглебского монастыря тоже имелась запись его рода, но более краткая (*С. Белокуров.* Арсений Суханов, ч. I, стр. 170, прим. 7).

[12] Любезно указана автору Т. Н. Каменевой.

[13] «Материалы для истории раскола за первое время его существования» (далее — «Материалы...»), т. I. М., 1875, стр. 77.

[14] В документах сообщается: «Благовещенскаго собора, что у государя на сенех, приходившие к патриарху с праздничною св. водою протопопы: 152 г. Никита; 154—155 г. Стефан Вонифантьев». В Благовещенском соборе Стефан мог служить ранее попом и дьяконом, так как известно, что «145 г. марта 26, попу Исаку на молебен гривна, на праздник арх. Гавриила, взял дьякон С т е ф а н» (*И. Забелин.* Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы, ч. I. М., 1884, стб. 169; разрядка наша.— *В. Р.*). В 1655 г. Стефан основал на средства царя Покровский монастырь в Москве на «убогих домех», в котором постригся под именем Савватия; скончался 11 ноября 1656 г. (*Н. Ф. Каптерев.* Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович, т. I, стр. 132).

проповедника, Иоанна Златоустаго житие почитати молих тя». «От книг» Стефан даже «боляр увещаваше с слезами непрестанно, да имут суд правый без мзды, и не на лица зряще да судят». Ф. М. Ртищев, «любовь к нему (т. е. к Стефану.— *В. Р.*) имея, во многия нощи в дом его приходя, беседоваше». Игумен Феоктист называет Стефана в письме к нему от 13 июля 1654 г. «вселюбезный наш по бозе пастырю и учителю» [15]. Протопоп Аввакум, живя в Москве в 1652—1653 гг., «почасту» приходил в Благовещенский собор. Стефан поощрял его увлеченность чтением: «При духовникове благословении и Неронова Иванна, тешил над книгами свою грешную душу о Христе Исусе» [16].

Пользуясь влиянием на царя, Стефан Внифантьев не только направлял правительственную политику в отношении церкви, но и оказывал влияние на духовную жизнь общества. Об этом свидетельствуют современники. Так, Аввакум через несколько лет после его смерти в челобитной Алексею Михайловичу (1663 г.) противопоставит время патриаршества Никона предшествующему в таких выражениях: «Добро было при протопопе Стефане, яко все быша тихо и немятежно ради его слез ... и негордаго учения: понеже не губил Стефан никого до смерти, якоже Никон, ниже поощрял на убиение». Тот же Аввакум напоминает царю: «Свет-государь, православной царь, самому тебе Стефаново житие известно: не в хитрословии бо силен был, но в простоте сердца, безпрестани о державе царствия твоего бога молил, сему и други своя научил» [17].

Стало быть, в деятельности, направленной на поднятие авторитета официальной церкви в обществе, Стефан исходил из государственных соображений, выражаясь абстрактно, руководствовался интересами «царства». Политическая мысль той эпохи, обусловленная внутренними и внешними потребностями феодального государства, накладывает отпечаток на все его церковные преобразования, в том числе борьбу за единогласие, введение проповедей и поучений в церквах. Однако из-за недостатка документальных сведений легче проследить общие тенденции начинаний, чем давать окончательную историческую оценку тем или иным его действиям.

С патриархом Иосифом и высшими церковными властями Стефан находился в остром конфликте, конкретные причины которого не совсем ясны. Из дошедшей до нас челобитной царю от имени патриарха Иосифа и всего Освященного собора известно, что Стефан присутствовал на церковном соборе, имевшем единственное заседание 11 февраля 1649 г. в «середней» палате царского дворца. Стефан вел себя на нем открыто враждебно по отношению к собору. Со слов челобитной, он «бесчестил» всех «бранными словами», патриарха называл при этом «волком, а не пастырем». Иосиф просит царя разрешить созвать на Стефана собор и, ссылаясь на Соборное уложение, предать его смертной казни [18]. Челобитная патриарха осталась без удовлетворения.

---

[15] «Материалы...», т. I, стр. 97, 273, 110.

[16] РИБ, т. 39. Л., 1927, стб. 168; «Материалы...», т. I, стр. 484.

[17] РИБ, т. 39, стб. 724, 733.

[18] Столбец с записью «деяния» собора поврежден, поэтому неизвестно, какие вопросы на нем обсуждались. Н. Ф. Каптерев считает, что Стефан требовал преобразования церковных порядков (*Н. Ф. Каптерев.* Патриарх Никон и его противники..., стр. 138—145); С. А. Белокуров предполагает, что причиной конфликта послужил отказ собора принять единогласие в церквах (*С. А. Белокуров.* Из духовной жизни московского общества XVII в. М., 1902, стр. 31—52); С. Зеньковский высказал интересное соображение о том, что на деятельность Стефана оказали влияние западнорусские братства, ограничивавшие епископат в церковном управлении (*С. Зень-*

Попытаемся представить политический и умственный кругозор Внифантьева. Необходимо учитывать при этом, что для той эпохи характерна еще нерасчлененность светского и церковного начал в феодальной культуре. Однако под воздействием экономических сдвигов, политики, расширения контактов с другими странами, а также обострения классовой борьбы зарождались новые духовные потребности и идеи, которые впоследствии «переворотили» все средневековое сознание человека,— секуляризировали общественную мысль и культуру.

Стефан Внифантьев, по-видимому, имел собственную библиотеку [19], от которой до нас дошло несколько рукописных и печатных книг. В Отделе рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина обнаружен сборник, содержащий «Катехизис Большой» Лаврентия Зизания (Тустановского) [20]. На листах 9, 12, 15, 18, 21, 24 владельческая запись крупной раздельной скорописью, близкой к полууставу: «Сия книга попа Стефана Внифантиева». Заглавие киноварью: «Книга, глаголемая Беседословие, избрана от божественых писании, ева[н]гельские проповеди и апостольских учении, и святых богоносных отец в вопросех и ответех, рекша во образе хотящаго разумети и во образе могущаго разум подати» [21]. Имя автора нигде не упоминается.

Лаврентий Зизаний, протопоп из Корца на Волыни, активный деятель просвещения белорусского и украинского народов (автор «Азбуки» и «Грамматики») [22], в 1626 г. приехал в Москву и передал рукопись своего Катехизиса Филарету, «а великий государь святейший патриарх те тетради для переводу отдал богоявленскому игумену Илье» [23]. В переведенной

ковский. Указ. соч., стр. 131). И. Неронов, как известно, в своих письмах царю предлагал ввести в состав Освященного собора представителей низшего белого духовенства и мирян («Материалы...», т. I, стр. 66). По нашему мнению, негодование Стефана вызвал специально подобранный патриархом состав церковного собора, на котором не было боголюбцев — представителей интересов царской власти. Челобитная патриарха Иосифа опубликована (*С. А. Белокуров.* Материалы для русской истории. М., 1888, стр. 455—456).

[19] Библиотеки имели царь Алексей Михайлович, патриарх Никон (*С. П. Луппов.* Книга в России в XVII веке. Л., 1970), Иван Неронов, игумен Феоктист, инок Аврамий, дьякон Федор («Материалы...», т. I, стр. 323—339; *А. М. Панченко.* Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973, стр. 82—102; *Н. Ю. Бубнов.* Книга раннего старообрядчества.— «Книговедение и его задачи в свете актуальных проблем советского книжного дела. Секция рукописной книги». Тезисы докладов. М., 1974, стр. 34—37). В сочинениях Аввакума часто встречаются упоминания о принадлежавших ему книгах (РИБ, т. 39).

[20] ГБЛ, ф. 209 (Собрание П. А. Овчинникова), № 452. Любезно указан автору Л. В. Тихановой. Это рукопись на 385 листах, в четвертку (19×15), первой трети XVII в. (конец 20-х — 30-е годы), писанная скорописью на бумаге с филигранью «Кувшинчик» с монограммой «РО» — типа образцов, помещенных в альбоме Гераклитова (*А. А. Гераклитов.* Филиграни XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963, № 616—625, 1626—1630 гг.). Переплет — доски, обтянутые тисненой кожей, вероятно, того же времени. На форзаце запись о продаже: «1737 году декабря 23 дня продал сию книгу купецкой человек Сергей Митрофанов, книжной торговец». Первоначальная пагинация была по тетрадям, лл. 2—5 (оглавление) и лл. 1, 384—385 (с текстом, без начала) не входят в счет тетрадей, приплетены к рукописи.

[21] Заглавие отличается от печатного Катехизиса («Книга глаголемая греческим языком Катихисис, словенским же Оглашение. Сие же первое краткое учение православным христианом малыми вопросы и ответы» [*Лаврентий Зизаний Тустановский*]. Катехизис Большой. [М., ок. 29.I.1627].— ГБЛ. Собрание кириллицы, 2°. Книга без послесловия и даты выпуска в свет. Сравнение текстов позволяет сказать, что они совпадают. Правда, в рукописи Стефана имеются отдельно от основного текста написанные «статьи» (лл. 1, 384—385), которых нет в печатном Катехизисе.)

[22] *М. Ботвинник.* Лаврентий Зизаний. Минск, 1973.

[23] РИБ, т. 9. СПб., 1884, стб. 441.

с польского языка рукописи московские книжники усмотрели ряд отклонений от догматического учения православной церкви. По распоряжению патриарха Филарета эти «статьи» были изъяты, текст отредактирован и набран. Однако после исправления патриарх не решился книгу выпустить в свет [24]. До нас дошла запись бесед игумена Богоявленского монастыря переводчика Ильи и справщика Печатного двора Григория с Лаврентием Зизанием по поводу произведенных в его Катехизисе исправлений. Расхождения касались толкований основных богословских догм — существа троицы, вочеловечевания Христа, сошествия в ад и других пунктов. Лаврентий под влиянием реформационных идей и других религиозных течений, распространявшихся в Литве и Белоруссии, отступал от православно-христианской догматики, утверждая, что бог есть «первообразныи образ, сиреч[ь] греческим языком прототипос», Христос «воображенныи образ» [25] и т. д. По мнению московских книжников, строго придерживавшихся буквы «писания», сами споры о существе троицы «нелепо» вести ради поисков «истины», как это пытался делать Лаврентий. «Прению быти» допустимо только потому, что «некая разнь имать быти в нас и требует исправления». Западнорусскому ученому богослову сурово поставили в укор: «Зело, Лаврентие, смело дерзаеши многоглаголати о божестве святыя троица, или мнишися паче богословцов древних достигнути глубину крайнего богословия?... Много о том правовернии богословцы не писали и нам паче искати не подобает» [26].

Обращение Катехизиса Лаврентия Зизания в кружке Стефана Внифантьева говорит о том, что боголюбцы интересовались догматическими вопросами и их толкованием в западпорусской полемической литературе [27].

Интересна еще одна книга, принадлежавшая Стефану Внифантьеву,— рукописный сборник поучительных и духовных слов «Златоуст» [28], по

---

[24] Известно всего несколько экземпляров печатного Катехизиса (*А. С. Зернова.* Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII веках. Сводный каталог. М., 1958, стр. 34, № 63).

[25] ГБЛ, ф. 209, № 452, л. 385. «Статья» не входит в основной текст.

[26] «Летописи русской литературы и древности», изд. Н. Тихоправовым, т. II. М., 1859, отд. II, стр. 90—91.

[27] Приблизительно через 10 лет, в конце 50-х — начале 60-х годов XVII в., в доме окольничего Ф. М. Ртищева Аввакум «бранился и шумел» с киевскими учеными монахами, в их числе Епифаний Славинецкий и Симеон Полоцкий, о «вере и о законе» (РИБ, т. 39, стб. 221). Отголоски этих «прений» прослеживаются в ожесточенных спорах Аввакума с дьяконом Федором в 70-е годы XVII в. в Пустозерском остроге. Аввакум, общаясь со Стефаном, видимо, познакомился с Катехизисом Лаврентия Зизания в рукописи, так как обнаруживается сходство его толкований богословских догм с «запрещенными» «статьями» Катехизиса. Ср. Л. Зизаний: «Страсть претерпе господь наш Исус Христос, б о г и ч е л о в е к, иже во едином составе совершен есть» (ГБЛ, ф. 209, № 452, л. 56; разрядка наша.— *В. Р.*). Аввакум: «яко никогдаже разлучишася друг от друга (т. е. плоть от божества.— *В. Р.*)... ниже на кресте, ниже во аде... б о г и ч е л о в е к... диявола связа, и ада разруши» (РИБ, т. 39, стб. 343; разрядка наша.— *В. Р.*). Вопрос этот требует специального исследования, мы здесь ограничились только одним примером.

[28] ЦГАДА, ф. 396 (Оружейная палата), оп. 2, д. 3711. Кратко описан: *И. Забелин.* Извлечения из книги «Златоуст».— «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России», кн. 2, 2-я пол., отд. VI. М., 1854, стр. 43—50; *Филарет.* Обзор русской духовной литературы, [кн. I]. Харьков, 1859, стр. 329—337; *И. Забелин.* Опыты изучения русских древностей и истории, ч. I. М., 1872, стр. 179—188. Рукопись в четвертку (30×29), на 315 листах, 40-х годов XVII в., писанная крупным полууставом XVII в. на бумаге с филигранями «Ворота» и «Почтальон» — типа образцов, помещенных в альбоме Гераклитова № 41—42, 1088—1089 (1635—1647 гг.). Переплет — доски, обтянутые тисненой кожей с позолотой,— позднего происхождения.

содержанию отличающийся от известных сборников подобного рода [29]. Заглавие киноварью: «Главы настоящия сия книги, глаголемы[я] Златоуст, другия половины, с четверга после всех святых первыя недели». Сборник начинается со 131 главы, оканчивается 357, всего в нем 227 глав. В каждой главе по нескольку слов. На лл. 1—3 крупной скорописью XVII в.: «Государыни царицы хоромная» (по-видимому, Марии Ильиничны Милославской). На лл. 8, 16, 24, 32, 40, 47, 55, 63, 71 владельческая запись крупным четким полууставом: «Книга, глаголемая Златоуст, другая половина, попа Стефана Внифантиева келеиная».

Кроме обычно встречающихся в «Златоустах» слов Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина, Иоанна Богослова и других отцов греческой церкви, сборник содержит сочинения русских авторов XVI в. Подбор их свидетельствует о том, что составитель сборника не только хорошо разбирался в святоотеческой литературе, но был знатоком русской публицистики и пользовался ею для выражения волновавших его мыслей. Так, в сборнике находятся следующие сочинения Ермолая-Еразма: 1. На лл. 179 об.— 181 («Слово о разсуждении любве и правде и побеждении вражде и лжи») — начало сочинения «Слово о разсужении любви и правде и о побеждении вражде и лже» [30]. 2. На лл. 181—182 об. («Слово о любви») — продолжение того же сочинения [31]. 3. На лл. 182 об.— 184 («Слово к богатым») — продолжение того же сочинения [32]. 4. На лл. 184—185 об.— («Слово о любви и о вражде») — продолжение того же сочинения [33]. 5. На лл. 185 об.— 187 («Слово»,— без названия) — продолжение того же сочинения [34]. 6. На лл. 187—188 об. («Слово о любви») — продолжение того же сочинения [35]. 7. На лл. 188 об.—191 («Слово о умилении души») — начало сочинения «Поучение полезно к своеи комуждо души некого Ермлая» [36]. 8. На лл. 191—192 об. («Слово о гордости») — продолжение того же сочинения [37]. 9. На лл. 192 об.— 194 об. («Слово о милостыни») — окончание того же сочинения [38]. 10. На лл. 194 об.— 196 об. («Слово о правде») — начало сочинения «Благохотящим царем правителница и землемерие» [39]. 11. На лл. 196 об.— 198 («Слово о корчмах и о пиянстве») — окончание того же сочинения Ермолая Еразма [40].

---

[29] Ср. с имеющимися в литературе описаниями «Златоустов»: «Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки», отдел 2. М., 1862, № 231—234; «Описание славянских рукописей библиотеки свято-Троицкой Сергиевой лавры», ч. I. М., 1878, № 142—145; *Леонид.* Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания графа А. С. Уварова, ч. I. М., 1893, № 313—318; «Описание рукописей Соловецкаго монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии», ч. I. Казань, 1881, № 362—364; просмотрен сборник кирилловской печати: «Книга, глаголемая Златоуст» [Почаев, 1795].— ГБЛ. Собрание кириллицы, 2°.

[30] *А. И. Клибанов.* Сборник сочинений Ермолая-Еразма. Тексты.— ТОДРЛ, т. XVI. М.— Л., 1960, стр.188—189. Список имеет мелкие стилистические отличия.

[31] Там же, стр. 189—190.

[32] Там же, стр. 190—191.

[33] Там же, стр. 191—192.

[34] Там же, стр. 192—193.

[35] Там же, стр. 193—194; см. также *В. Жмакин.* Митрополит Даниил и его сочинения. Отдел приложений. М., 1881, стр. 74—75.

[36] *И. Шляпкин.* Ермолай Прегрешный, новый писатель эпохи Грозного.— «Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову». СПб., 1911, стр. 555—558. Редакция отлична от опубликованного Шляпкиным списка, близка к варианту, указанному Ржигой (ГПБ, Софийское собрание, № 1296) — *В. Ф. Ржига.* Литературная деятельность Ермолая-Еразма.— ЛЗАК, вып. 33. Л., 1926, стр. 107—108.

[37] *И. Шляпкин.* Указ. соч., стр. 558—560; *В. Ф. Ржига.* Указ. соч., стр. 107—108.

[38] *И. Шляпкин.* Указ. соч., стр. 560—562; *В. Ф. Ржига.* Указ. соч., стр. 108.

[39] *В. Ф. Ржига.* Указ. соч., стр. 193—195. Редакция имеет мелкие стилистические отличия от варианта, опубликованного В. Ф. Ржигой.

[40] Там же, стр. 198—199.

Составителя сборника, которым мог быть и сам Стефан Внифантьев, интересуют публицистические произведения Ермолая-Еразма, в которых он выступает обличителем стяжательства и корыстолюбия бояр и выражает искреннее сочувствие крестьянам, созидающим материальные блага: «Вел[ь]можи бо суть потребни, но ни от коих своих трудов не издоволятся. Вначале же всего потребни суть ратаеве, от их трудов есть хлеб, от хлеба же всех благих главизна... Вся Земля от царя и до простых людеи труды пх питаются. Сами же ратаеве в скорбных волнениих пребывают и ни единаго ярма тяготу носят всегда...» [41].

В сборнике помещены также слова, в которых встречаются тексты из Домостроя: «Слово св. Иоанна Златоустаго о женах добрых» (лл. 63 об.— 64 об.); его же «О женах» и «Како имети чаляд[ь]» (лл. 64 об.— 66, 69—70 об.); «Слово от притчеи к родителем и к чадом» (лл. 68—69) [42]. Обращает на себя внимание большое количество слов, посвященных задачам учения и учительства: Слова Ефрема Сирина «О почитании книг», «О книжнеи мудрости», «О поучении божественых книг»; Слово Григория, папы римского, «О почитании книг»; Слова Иоанна Златоуста «Како не ленитися книг почитати», «Како учити попом», «Еже не осуждати, но учити», «Яко не подобает престати учити християн», «Слово ползы духовныя исполнено», «С любовью учение слышим и сотворим о Христе Исусе» и т. д. Лейтмотив о пользе книжного чтения и необходимости учения «християн» проходит через весь сборник Стефана, но выражен он, правда, в схоластической форме, облачен еще в традиционные теологические покровы [43].

Если мы обратимся к печатной продукции того времени, то увидим, что эти задачи в какой-то степени начали осуществляться и практически, хотя и очень еще медленно, преодолевали средневековый барьер «чисто литургического печатания» [44]. В течение семи лет с 1646 по 1652 г. «в Москве трижды (7155, 7157, 7159 гг.) издавали азбуку, в количестве 9600 экземпляров, восемь раз учебный часослов (1646 — дважды, 1649, 1651 — трижды, 1652 — дважды), девять раз учебную псалтирь (1645 — дважды, 1647, 1648 — дважды, 1649, 1650, 1651 — дважды)» [45]. В 1648 г. издана впервые «Грамматика» белорусского ученого Мелетия Смотрицкого.

Можно проследить участие Стефана Внифантьева в издании Печатным двором учебных и учительных книг. В 1647 г. дважды издаются «Поучения» Ефрема Сирина. Только что вышедшую книгу Стефан подарил попу Аввакуму Петрову, приехавшему в Москву из маленького сельца Лопатиц Нижегородского уезда [46]. Издание, конечно, не было рассчитано

---

[41] ЦГАДА, ф. 396, оп. 2, д. 3711, л. 194 об.

[42] *И. Забелин.* Извлечения из книги «Златоуст», стр. 44—46; *А. Орлов.* Домострой по Коншинскому списку и подобным. М., 1908.

[43] Дальнейшее изучение сборника продолжается. Не исключена возможность, что под именами отцов церкви скрываются русские авторы. Например, под заглавием «Слово св. Иоанпа Златоустаго» (лл. 17—19 об.) помещены сочинения Кирилла Туровского. Может быть, мы сможем обнаружить сочинения самого Стефана Внифантьева? В сборнике есть и переводные слова. Так, на лл. 225—226 — «Слово, чего ради создан бысть человек», вероятно, переводное, судя по лексике и содержанию (в нем встречаются «рок», «древа полская» и т. д.).

[44] *Н. П. Киселев.* О московском книгопечатании XVII века.— «Книга. Исследования и материалы», сб. II. М., 1960, стр. 123—186.

[45] *А. Голубцов.* Прения о вере, вызванныя делом королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны. М., 1891, стр. 362.

[46] РИБ, т. 39, стб. 67.

на широкие народные массы [47], но по тем временам все же можно говорить о распространенности этой книги. Нами она обнаружена в двух экземплярах в «описи» печатных и рукописных книг, отобранных в 1665 г. у вязниковских «церковных мятежников» [48].

В 1648 г. выпущена в свет «Книга о вере» игумена Киевского Михайловского монастыря Нафанаила [49]. Основой для нее послужили сочинения архимандрита Киево-Печерской лавры Захарии Копыстенского — «Палинодия» и «Азариева книга о вере». Кроме этого, составитель использовал «Книгу о вере» Василия Острожского (изд. 1588 г.); «Апокрисис» Христофора Филалета (изд. 1597—1599 гг.) и другие сочинения [50]. «Книге о вере» принадлежит важная роль в полемике с «латинством» западнорусской литературы. В послесловии указывается цель издания, предназначенного «к подкреплению и утверженню святыя восточныя сионския церкве... на посрамление же болшее и уничижение, и укор прельстившимся от тоя, и отступившим к римскому костелу и... гнусопменитому и кривоучителному папе» [51]. Несмотря на то что острая полемика между православием и католицизмом шла в русле чисто религиозных схоластических тем (что соответствовало самому духу эпохи), она затрагивала политические и национальные вопросы, близкие населению западных областей Русского государства. В предисловии к «Книге о вере» звучат патриотические строки составителя, вполне осознававшего (хотя, конечно, в исторически и классово ограниченной форме), какую угрозу несет насильственное окатоличивание и ополячивание национальной культуре белорусского и украинского народов: «Мнози же и от наших гордостию превознесшеся языком словенским гнушаются, в нем же крестишася, и сподобишася благодати божия, иже широк есть и велпкославен, совокупителен и умилен и совершен, паче простаго и лятскаго обретается и имеет в себе велию похвалу не токмо от писаний богословских и песней церковных з греческаго им переведеных, но и от божественыя литургии и иных таин, иже богоугодным тем языком в Великой и Малой Русии, в Сербех и Болгарех и по иным странам действуются, и мнози ныне свой хлеб и сокровища духовная во чтении и поучении изобилных книг словенских оставивше, за чюжии, иже смертоносным ядом устроеныи хлеб, хапаются» [52].

---

[47] На одном из экземпляров книги Ефрема Сирина (ГБЛ. Собрание кириллицы, 2°, л. 4 об.) запись о продаже 1651 г.: «159-го июня в 14 день продал сию книгу поп Елисеи к великомученику Георгию на Сезенево церковному старосте Данилу Ягодкину, а взял у него церковных денег за нее два рубли. Подписал поп Елисеи своею рукою». Цена книги для того времени довольно высокая.

[48] Им покровительствовали игумен Вязниковского Благовещенского монастыря Моисей и протопоп Меркурий, общавшиеся с игуменьей Вязниковского Введенского монастыря Марфой, поддерживавшей связь со Стефаном Внифантьевым. В дошедшей до нас «описи» указывается несколько учебных псалтырей, учебный часовник, книга «Лествица», изданная в 1647 г., «Евангелие печатное», «Псалтырь, печать киевъская, ветхая», «Житие преподобнаго отца Сергия» (может быть, эта «книга» — «Службы и Жития Сергия и Никона», изданная Печатным двором в 1646 г.), «Книга Иоанна Златаустаго пис[менная]» и др. (ЦГАДА, Госархив, Разряд XXVII, д. 258, ч. VI, лл. 7—9).

[49] Полное ее название: «Книга о вере единой истинной православной и о святей церкви восточной, и о изряднейших правоверных сложениях от божественаго писания въкратце избрана».

[50] *Э. И. Калужняцкий.* Игумена Нафанаила «Книга о вере», ея источники и значение в истории южно-русской полемической литературы.— «Чтения ОИДР», 1886, кн. IV, отд. II, стр. 6—9.

[51] *Нафанаил.* Книга о вере. М., 1648, л. 289.

[52] Там же, л. 3—3 об.

Не случайно «Книга о вере» получила распространение среди первых раскольников. Дьякон Федор, упоминая ее в своем послании сыну Максиму из Пустозерска, пишет: «На Москве в печать издана повелением царевым и тщательством благаго духовника его Стефана Вонифатьевича... во время благочестивное и тихое» [53]. По-видимому, Стефан имел какие-то связи с юго-западной Русью, и по его совету от имени тогда еще совсем молодого царя осуществлялась доставка оттуда рукописных и печатных книг. В описи Печатного двора 1649 г. говорится: «... Книга о вере писменая, в полдесть, розбита была, в переплете по обрезу золотом; прислана с верху (т. е. прямо из дворца.— *В. Р.*) в перевод» [54]. Стефан Внифантьев общался, вероятно, непосредственно с сотрудниками Печатного двора; мы знаем, что в число боголюбцев входил справщик Шестак Мартемьянов, написавший сочинение о единогласии [55].

В эти же годы вышло в свет еще несколько книг церковно-поучительного характера. В 1645 г. в Киеве и в 1646 г. во Львове издается так называемый «Малый Катехизис» Петра Могилы, или «Събрание короткой науки о артикулах веры православно кафолической христианской». В 1649 г. он перепечатывается в Москве под таким же почти названием: «Собрание краткия науки о артикулах веры, сиречь о догматех, или о преданиях веры православно кафолическия христианския». В предисловии указано: «ради учения и ведения всем православным христианом, наипаче же детем учащимся». На лл. 2—4 помещена статья «Символ, рекше исповедание преосвященнаго Афанасия, патриарха Александрийскаго», почти дословно использованная Аввакумом в богословско-дидактическом вступлении (от слов «Афанасии великии рече») к своему автобиографическому Житию [56].

---

[53] «Материалы...», т. VI. М., 1881, стр. 143. В ГИМ (Собрание Воскресенского Новоиерусалимского монастыря, № 143) хранится рукописный сборник. Это рукопись на 108 листах, в четвертку (20×14,5), 30-х годов XVII в., писана скорописью на бумаге с филигранью «Кувшинчик» с монограммой «VI» внизу и «Д» вверху — типа образцов, помещенных в альбоме Гераклитова № 588—592 (1626—1630 гг.). Переплет — доски, обтянутые тисненой кожей со следами золочения. На верхнем форзаце скорописью: «147-го году апреля в 23». На нижнем форзаце: «А сия книга Иванского дьячка Гаврила Иванава сына Скроботова, а подписал сам своею рукою 7148-году марта в 1 день». Заглавие: «О образех. Како покланятися образом, яко от ветхаго и новаго закона писание приях и отказ иконоборцом». В послесловии (л. 101) сказано, что «книжица» пришла «из Литовскиа земли из Белыя Руси, выдрукованна была... полским языком. Переведена.. на наш русии зде в нашеи велиции Росии в велицем Новеграде некоторым нашим доброразумным и смысленным мужем». На лл. 8—9 об. первое «предисловие вкратце», начальные буквы его составляют акростих: «м[но]гогрешнпи поп Стефан, сл[а]вояном радоватися». А. Голубцов предполагал, что переводчиком, а также автором предисловий и послесловия был Стефан Внифантьев, лично хлопотавший об издании «Книги о вере», в состав которой входят главы из этой «книжицы» (*А. Голубцов.* Указ. соч., стр. 94—95, прим. 36).

[54] *С. А. Белокуров.* Московский Печатный двор в 1649 году.— «Чтения ОИДР», 1887, кн. IV, отд. IV, стр. 31. Там же сообщается: «Книга Ефрема Сирина писменая, в полдесть; была в переводе чернена вся; впред к делу в перевод не годится». (Разрядка наша.— *В. Р.*). В ту эпоху перевод означал не только собственно перевод на русский с другого языка, но, по-видимому, и всю работу по подготовке рукописи к изданию.

[55] *С. А. Белокуров.* Из духовной жизни московского общества XVII в., стр. 39—52. Близок к боголюбцам (в частности, к И. Неронову) был также справщик Михаил Рогов, составитель «Кирилловой книги» (издана в Москве, 1644 г.), осужденный Никоном в 1653 г. («Материалы...», т. I, стр. 155).

[56] РИБ, т. 39, стб. 6—7. Тексты из «Малого Катехизиса» П. Могилы встречаются и в других сочинениях Аввакума (*Н. С. Сарафанова.* Произведения древнерусской письменности в сочинениях Аввакума.— ТОДРЛ, т. XVIII. М.— Л., 1962, стр. 338).

Издание полемических богословских сочинений украинских и белорусских авторов Захарии Копыстенского, Василия Острожского, Петра Могилы и других было известным шагом вперед в распространении просвещения; правда, оно выступало в схоластической форме и не отделено было еще от теологии. Тем не менее печатная книга впервые стала объектом размышления и полемики в довольно широких кругах населения, служила расширению умственного и политического кругозора читателя. Этим было положено начало разрушению средневековых представлений.

Мы попытались раскрыть те стороны деятельности главы боголюбцев царского духовника Стефана Внифантьева, которые недостаточно исследованы нашими предшественниками. Выясняется, что Стефан был одним из видных представителей окружения царя Алексея Михайловича конца 40-х — начала 50-х годов XVII в., интересовавшийся русской публицистикой XVI в., теми ее вопросами, которые актуально звучали и в его время. Стефан принадлежал к деятелям господствующего класса, осознававшим необходимость широкого систематического обучения по западнорусскому образцу. Он содействовал публикации в Москве как русских, так и украинско-белорусских сочинений, приглашению в Москву для книжной работы киевских ученых и обучению у них московских молодых людей из дворян, духовенства и купцов.

Л. Н. Пушкарев

ГОСУДАРСТВО И ВЛАСТЬ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ КОНЦА XVII В.

Вопрос о том, как русская общественно-политическая мысль трактовала государство и царскую власть, давно привлекал внимание историков. В. Н. Татищев, Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, В. С. Иконников, В. О. Ключевский, М. А. Дьяконов, В. И. Сергеевич, В. И. Савва, Е. В. Барсов, В. Д. Сокольский многое сделали для того, чтобы привести в известность источники по данной теме, установить эволюцию самой идеи самодержавного правления [1]. В советское время эти проблемы рассматривались как в обобщающих трудах, так и в ряде монографических исследований, посвященных взглядам Иосифа Волоцкого, Нила Сорского, Вассиана Патрикеева, Максима Грека, Ивана Пересветова, «еретиков» XVI в., А. М. Курбского, Зиновия Отенского, Симеона Полоцкого, Юрия Крижанича и т. д. Перечислять все эти исследования едва ли есть необходимость, а сводного труда, обобщающего историографию по данному вопросу, в советской исторической науке еще не создано.

Вопрос о государстве, писал В. И. Ленин, «затрагивает интересы господствующих классов больше, чем какой-нибудь другой вопрос. ...В вопросе о государстве, в учении о государстве, в теории о государстве вы всегда увидите... борьбу различных классов между собой, борьбу, которая отражается или находит свое выражение в борьбе взглядов на государство, в оценке роли и значения государства» [2].

Показательно, что активное обсуждение вопроса о государстве в науке, публицистике, литературе и т. д. обычно бывает приурочено к таким переломным моментам истории, когда меняются формы общественных отношений, когда на общественную арену выдвигаются новые классы и группы, претендующие на руководящую роль. Так, активизировалось обсуждение вопроса о государстве и царской власти в период создания Русского единого государства в конце XIV — начале XV в.; новые учения и взгляды были выдвинуты в XVI в., когда развернулись острые религиозные споры с «еретиками» и активизировались идеологи дворянства — И. С. Пересветов и его современники [3].

Новый подъем в обсуждении вопроса о государстве и царской власти мы наблюдаем и на рубеже XVII—XVIII вв., когда Россия, стоя на пороге нового времени, как бы подводила итоги своей многовековой средневековой истории и вглядывалась в неясные еще перспективы грядущей жизни. Именно в эту переломную эпоху в общественно-политической мысли России снова стали популярными образы идеального царя и царя-тирана,

[1] Своеобразным итогом русской дореволюционной историографии по этому вопросу является книга: *В. Е. Вальденберг.* Древнерусские учения о пределах царской власти. Пг., 1916, где и разобраны (с позиций буржуазной исторической науки, разумеется) труды вышеупомянутых историков по данной проблеме.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 66—67.

[3] *А. А. Зимин.* И. С. Пересветов и его современники. М., 1958; *Л. Н. Пушкарев.* И. Пересветов и его связи с русской литературной традицией.— В кн.: «Сочинения И. Пересветова». М.— Л., 1956, стр. 57—77.

вновь русские мыслители и поэты начали задумываться над путями развития Русского государства, выдвигать свои проекты «разумного управления».

В рамках небольшой статьи трудно охарактеризовать общественно-политическую мысль во всей многоликости и полноте. Поэтому для ее характеристики будут привлечены высказывания лишь виднейших мыслителей (писателей и поэтов), выражавших идеологию правящего класса того времени — С. Полоцкого и Ю. Крижанича, а также представителей демократических слоев общества, противостоявших официальной идеологии,— протопопа Аввакума и безымянных творцов народного творчества. Более мелкие идеологи (С. Медведев, К. Истомин, А. Белобоцкий и др.), выступавшие главным образом по вопросам религиозно-нравственного характера, оставлены за пределами статьи.

Давнюю традицию древнерусской публицистики и литературы продолжил Симеон Полоцкий — виднейший представитель общественно-политической мысли России второй половины XVII в. Сторонник абсолютной монархии, правоверный христианин, выразитель интересов передовых слоев русского общества, он был горячим сторонником просвещения на западноевропейский образец. Стоя в стороне от политики, он много раздумывал над тем, каким должен быть просвещенный монарх и как следует ему исправлять нравы в государстве. Для Полоцкого было крайне характерно стремление поучать, на ряде примеров из всемирной истории воспитывать своих царственных учеников (он был воспитателем детей царя Алексея Михайловича), проповедовать слово нравственного воспитания и умственного совершенствования. В ряде своих поэтических произведений Полоцкий попытался обрисовать образ идеального монарха как образец для подражания. Отличительные черты такого правителя были выделены и проанализированы еще А. И. Белецким [4]; дополнительный материал по этому вопросу мы находим в последних публикациях произведений С. Полоцкого [5]. По мысли этого поэта-иеромонаха, идеальный царь должен быть смиренным и милосердным. Он не должен стыдиться делать все своими руками; его отличает горячая любовь к просвещению, умение прислушиваться к голосу мудрых советников. Тяжела судьба царя, говорит поэт в стихотворении «Диадима». Некто благоразумный был избран на царство; когда он захотел венчаться на царство, то взял в руки диадему и сказал так: «О честный венец, украшение наше! Больше в тебе чести, нежели блаженства, ибо сколько скорби, печали и бед последуют за тем, кто наденет тебя!

«Оставил бы тя в персти земней истлевати
И перстом не хотел бы тебе ся касати!» [6]

Путь, по которому должен идти царь,— это путь строгого, но правого

---

[4] *А. И. Белецкий.* Стихотворения Симеона Полоцкого на темы из всеобщей истории.— В кн.: «Сборник статей в честь проф. В. П. Бузескула». Харьков, 1914, стр. 596—605 (т. XXI «Сборника историко-филологического общества при Харьковском университете»). Как ни странно, но выводы А. И. Белецкого не учтены В. Е. Вальденбергом ни в обобщающей работе, ни в статье «Понятие о тиранне в древнерусской литературе в сравнении с западной» («Известия по русскому языку и словесности АН СССР», 1929, т. II, кн. 1, стр. 214—236).

[5] *С. Полоцкий.* Избранные сочинения. Подготовка текста, статья и комментарии И. П. Еремина. М.— Л., 1953 (Серия «Литературные памятники»); «Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв.» Вступительная статья, подготовка текста и примечания А. М. Панченко. Общая редакция В. П. Адриановой-Перетц. Л., 1970 («Библиотека поэта. Большая серия»).

[6] *С. Полоцкий.* Избранные сочинения, стр. 16.

суда, строгого к нарушителям закона и милостивого к пострадавшим. «Судья, который не казнит злых, носит меч без ума, и за подобную милость он не получит милости свыше»,— говорит поэт в стихотворении «Судия» [7]. В стихотворении «Суд» он рассказывает о кесаре Траяне, собирающемся в поход из Рима. Он сел уже на коня, когда некая вдовица припала к его ноге и стала просить суда над убийцами ее сына. «Подожди, пока я возвращусь,— сказал кесарь,— тогда я и сотворю праведный суд». «Но если ты не возвратишься из похода, кто тогда сотворит суд мне?» — спросила вдова. «Это сделает мой наследник». «Если он это и сделает, то это прославит только его, а я прошу сделать это тебя, это твое дело и твой долг». Смягчилось сердце кесаря, он слез с коня, выслушал ее, взыскал правду и лишь после этого продолжил свой путь [8].

Рисуя образ идеального правителя, Полоцкий всегда подчеркивает глубокую религиозность идеальных монархов, смирение светской власти перед церковью. В стихотворении «Смирение» Полоцкий рассказывает о случае, бывшем с Атиллой — этим «бичем божьим»: когда он подошел к городу с целью разграбить его, то епископ трекассинский Мопус начал со смирением молить бога о спасении. Бог приказал ему открыть ворота и надеяться на его помощь. И — о чудо! — дикий варвар смирился, и город был спасен! [9]

Но будучи искренне верующим христианином, уважающим и почитающим служителей церкви, в государственных делах идеальный царь должен быть единоличным и сильным правителем, пастырем над вверенным ему богом стадом, соединяющим милость со справедливостью, кротость со строгостью.

Полоцкий не ограничился, однако, детальной характеристикой идеального царя, он нарисовал не менее впечатляющий образ и царя-тирана. Тиран тщеславен и славолюбив. Говоря о безмерной гордости царя-тирана, Полоцкий рассказал притчу о гордом египетском царе Сесотре: он повелел построить себе из чистого золота колесницу, украшенную драгоценными камнями, и запрячь в нее вместо лошадей четырех пленных царей. Однажды Сесотр увидел, что один из царей пристально рассматривает золотое колесо. На недоуменный вопрос Сесотра царь ответил, что при вращении колеса та его часть, что была наверху, оказывается внизу и наоборот. Сесотр понял намек и перестал запрягать пленников в свою колесницу [10].

Благости и смиренности идеального царя Полоцкий противопоставляет жестокость и мстительность царя-тирана, который обременяет население противоестественными поборами и налогами; например, налогами на соль и на воду. Особенно сурово осуждает Полоцкий сребролюбие, корыстолюбие и скупость.

Полоцкий приводит яркие примеры наказания скупости. Так, после папы римского Григория на его место сел Савиниан, и во время голода он начал по дорогой цене продавать пшеницу, а не раздавать ее даром, как делал папа Григорий. Трижды приходил с того света Григорий и предупреждал Савиниана, чтобы он не лихоимствовал, но напрасно. Тогда явился папа Григорий, ударил по голове Савиниана, и тот спустя 6 месяцев после поставления в папы скончался [11].

---

[7] «Русская силлабическая поэзия», стр. 158.
[8] *С. Полоцкий.* Избранные сочинения, стр. 20.
[9] БАН, 31.7.3, лл. 456 об.— 457 («Обличение гордого мудрое»).
[10] Там же, л. 568 об.
[11] «Русская силлабическая поэзия», стр. 151—152. В другом стихотворении из цикла «Злато» Полоцкий рассказывает, как галлийский король Бреун полюбил одну

Особенный гнев Полоцкого вызывает бессмысленная жестокость тиранов. В стихотворении «Правды безместие» он рассказывает: персидский царь Камбизес много пил, и вот его верный боярин Праксасп начал его уговаривать не пить без меры. Разгневанный тиран решил доказать своему боярину, что вино не ослабляет его руки, и на следующем пиру, когда у стола служил сын Праксаспа, он велел ему стать за порогом и поднять кверху левую руку, а сам взял лук и выстрелил прямо в сердце юноши. Вынув окровавленную стрелу, он показал ее отцу со словами: «Смотри, не ошибается рука царя, осушающего винные чаши!» Так тиран убил невинного юношу только за то, что ему досадило правдивое слово [12].

Полоцкий не был, конечно, только «любомудром» и поэтом, оторванным от жизни. Он старался сделать свои мысли достоянием и более широких читательских кругов. Последние годы жизни он посвятил работе созданной им так называемой «верхней» типографии.

Однако, будучи вместе с тем и опытным придворным, он прекрасно понимал опасность открытой критики существующей формы правления. Поэтому все свое внимание он сосредоточил на окольном исправлении нравов современного ему общества. Появление в творчестве Полоцкого образа идеального монарха нельзя рассматривать как форму идеологического оправдания и укрепления самодержавной власти (равно как и образ царя-тирана не был отзвуком критического отношения к самодержавной форме правления). Субъективно поэт думал лишь о нравственном воспитании читателей своих произведений, не ставя перед собой задач изменения сложившейся системы общественных отношений. Поэтому и образ царя-тирана у Полоцкого был худосочным, бледным, олитературенным — особенно это бросается в глаза при сравнении его стихов с челобитными И. Пересветова или Повестью о Дракуле. Лишь в последующие годы, в эпоху петровских реформ, образ идеального монарха начнет связываться с обликом Петра I и станет одним из мощных средств апологии и идеологического оправдания абсолютизма. Только во второй половине XVIII в. образ царя-тирана станет средством борьбы передовой общественно-политической мысли с крайностями самодержавия.

Вопрос о государстве, его сущности, форме правления, путях развития и т. д. остался вне поля зрения Полоцкого, он главной целью поставил просвещение своего царственного воспитанника Федора Алексеевича нравоучительными притчами [13].

Другой необычный представитель общественно-политической мысли славян конца XVII в., писатель-хорват Юрий Крижанич, пропагандист идеи «славянского единства» под главенством России и объединения церквей под эгидой Ватикана, прожил в России 17 лет, написал здесь большое количество трудов («Политика» — 1663—1666, «О божием смотрению» — 1666—1667, «Толкование исторических пророчеств» — 1674 и др.), в которых подверг критике различные стороны жизни русского общества и выдвинул собственную программу преобразований Русского государства. Все это дает нам право рассматривать взгляды писателя-энциклопедиста

деву, она же любила не его, а королевское злато. Познав ее лицемерие, король решил ее наказать: он посадил ее, а воинам велел метать в нее золото, и так много было этого золота, что они погребли под ним златолюбицу, и вот любившая злато умерла в златом гробу, и горе было смотреть на это! (там же, стр. 130).

[12] *С. Полоцкий.* Избранные сочинения, стр. 21—22.

[13] Более подробно об общественно-политических взглядах С. Полоцкого см.: *Л. Н. Пушкарев.* Симеон Полоцкий.— В кн.: *Д. А. Жуков, Л. Н. Пушкарев.* Русские писатели XVII в. М., 1972, стр. 305—316 (Серия «Жизнь замечательных людей», вып. 4 (511); *А. Н. Робинсон.* Борьба идей в русской литературе XVII в. М., 1974 (вопроса о государстве и власти А. Н. Робинсон не затрагивает).

как факт не только славянской, но и русской общественно-политической мысли, ибо они основаны на материале русской действительности XVII в. и ставили своей задачей преобразование Русского государства [14]. Все основные труды Крижанича относятся к русскому периоду его деятельности, они написаны в русле не только предыдущего, но и последующего развития русской культуры и общественно-политической мысли.

Как и многие предшествующие ему мыслители, Крижанич лучшей государственной формой считал единоличное правленпе монарха, которое он называет различными терминами — «самовладство», «самодержавие» и т. д. Основой самодержавия является божья воля, проявляющаяся в избрании царя народом. Сравнивая русское самодержавие с формой правления в Речи Посполитой, Крижанич не только все свои симпатии отдает России, но и склоняется к апологии самодержавной формы правлепия. Но Крижанич вместе с тем резко отличает самодержавие от тирании, от «крутого владения», от «людодерства» [15]. Тирапство — паихудший способ правления. «Тиран — это разбойник, не боящийся ни суда, ни наказаний. Это — палач без суда и без закона. Это — человек, отвергший все человеческое. Это — черт в зримом обличьи»,— так говорит Крижанич о тиране в своей книге «Политика», посвящая этому вопросу целый раздел «О призванпи короля, о королевской власти и тирании» [16].

В отличие от Полоцкого, раскрывавшего образ тирана на примерах из средневековой и древней истории, Крижанич основывается главным образом на книгах так называемого «Священного писания». Правда, при этом он привлекает в качестве авторитетных свидетельств и оценки Аристотеля, Цицерона и других мыслителей прошлого. Полоцкий воздействует на чувства, Крижанич — на ум.

Полоцкий лишь иносказательно намекал на то, что абсолютная власть монарха должна быть подчиненной закону. Крижапич — открытый сторонник правового государства, сторонник естественного права, основанного на разуме [17]. Безграничная власть короля противна и божескому и природному закону; законы укрепляют народ; без законов не может быть благополучия — вот образцы названий отдельных «пунктов» в книге Крижанича. Конечно, подобные рассуждения классово ограничены: автор думал и заботился только о судьбе дворянства; положение податных слоев русского общества, а тем более крепостного крестьянства его волновало лишь тогда, когда это отражалось на судьбе привилегированных сословий общества. Поэтому прав А. Л. Гольдберг, критикующий взгляды М. В. Вуича, утверждавшего (на основе мнения Крижанича о законах, служащих общей пользе), что проекты Крижанича сходны с социалистической программой [18].

---

[14] См. об этом в рецензии А. Л. Гольдберга на книгу Б. Д. Дацюка «Юрий Крижанич. Очерк политических и исторических взглядов». М., 1946.— «Вопросы истории», 1947, № 4, стр. 124—126. Заметим, что В. Е. Вальденберг отрицает правомерность привлечения сочинений Ю. Крижанича в качестве источника по истории русской общественно-политической мысли (*В. Е. Вальденберг.* Понятие о тиранне в древнерусской литературе, стр. 225—226).

[15] См. об этом подробнее: *О. В. Трахтенберг.* Общественно-политическая мысль России в XV—XVII вв.— «Из истории русской философии». Сб. статей. М., 1949, стр. 97—98.

[16] *Ю. Крижанич.* Политика. Подготовил к печати В. В. Зеленин. Перевод и комментарии А. Л. Гольдберга. Под ред. М. Н. Тихомирова. М., 1965, стр. 564—569.

[17] Этот вопрос подробно рассмотрел А. М. Ладыженский в рецензии на книгу Б. Д. Дацюка «Юрий Крижанич».— «Советское государство и право», 1947, № 7, стр. 76—78; см. также: *С. В. Бахрушин.* Юрий Крижанич.— «Исторический журнал», 1942, № 1-2, стр. 139—151.

[18] *А. Л. Гольдберг.* Юрий Крижанич о русском обществе середины XVII века.— «История СССР», 1960, № 6, стр. 83.

Естественные, природные, или, как говорит Крижанич, «уроженные законы» под рукой мудрого государя превращаются в «гражданское законоставие»; государь обязан охранять эти законы и им следовать, ибо они — «основание и днище государства». Самодержавная власть, основанная на разуме и на «уроженных законах»,— вот двигатель общественного прогресса, вот основа и благополучие государства [19]. Но все эти буржуазные по своей сущности идеи Крижанич развивал в рамках феодального строя. Он — сторонник незыблемости русского абсолютизма. Да, программа предложенных Крижаничем реформ преследовала цель ускорить развитие феодальной России, «улучшенной» на западноевропейский, главным образом французский, манер.

Взгляды Ю. Крижанича на государство и власть по сравнению с С. Полоцким представляют собой дальнейший шаг в развитии теории русской общественно-политической мысли на рубеже двух эпох ее истории. Если Полоцкого мы можем назвать мыслителем средневековья, творившим уже в формах нового времени, то Крижанич, несомненно, мыслитель нового времени, не ушедший еще от средневековых форм мышления. Он не ограничился обрисовкой образа идеального царя и царя-тирана; он не только охарактеризовал роль законов и правого суда, но и попытался раскрыть задачи государства, проанализировал различные формы правления, высказал свои суждения по поводу гражданской и политической свободы. Крижанич стремился определить роль России во всемирно-историческом процессе; он обрисовал государственный строй России, дал его критику, указал необходимые, по его мнению, пути преобразования России, раскрыл главные направления внешней и внутренней политики, но остался типичным феодальным просветителем [20].

Проблема государства и власти нашла своеобразное воплощение в трудах одного из выдающихся мыслителей и писателей того времени — идеолога старообрядчества «огнепального» протопопа Аввакума. Своеобразие заключается прежде всего в том, что Аввакум переносит эту проблему из отвлеченных теоретических сфер в конкретно-личностный план [21]. Не посягая на институт царизма в целом, он так бесстрашно и беспощадно обличал личность царя Алексея Михайловича и царский произвол, что его критика оставляет далеко позади себя всю предшествующую традицию древнерусской публицистики.

Вместо рассудочных притч о царе-тиране, встречающихся у С. Полоцкого, и умозрительных рассуждений о «людодерстве» Ю. Крижанича в трудах Аввакума мы находим строки, писанные кровью сердца,— гневные, злые, ироничные, горькие размышления о царе — мучителе и гонителе, о царе-отщепенце, «жалком человеке», «дурачище», «безумпом царишке».

Если в первые годы реформ и гонений Аввакум не сомневался в бо-

---

[19] *Л. М. Мордухович.* Философские и социологические взгляды Ю. Крижанича.— «Из истории межславянских связей». КСИС АН СССР, вып. 36. М., 1963, стр. 81—84. Историческая концепция Ю. Крижанича подробно рассмотрена в книге М. А. Алпатова «Русская историческая мысль и Западная Европа XII—XVII вв.» М., 1973, стр. 398—416. Автор дает развернутую характеристику взглядов Ю. Крижанича на государство и власть, что избавляет нас от необходимости более обстоятельно говорить об этом.

[20] Развернутую, хотя и к настоящему времени значительно устаревшую характеристику взглядов Ю. Крижанича см. в монографиях: *В. Е. Вальденберг.* Государственные идеи Крижанича. СПб., 1912; *Б. Д. Дацюк.* Юрий Крижанич. М., 1946. Рецензию В. И. Пичеты на последнюю монографию см.: «Советская книга», 1947, № 2, стр. 67—73.

[21] Это совершенно справедливо подчеркнула В. С. Румянцева (*В. С. Румянцева.* Огнепальный Аввакум.— «Вопросы истории», 1972, № 11, стр. 123—124).

жественном происхождении царской власти («царь от бога учинен»), надеясь, что царь «помаленьку исправится», то в своих последних сочинениях он, не отрицая божественного происхождения власти, не только утверждает невозможность оставления царя Алексея на престоле («Нам надобно царя тово Алексея Михайловича постричь беднова, да пускай поплачет хотя неболшое время» [22]), но и собирается после смерти царя и своей собственной смерти «на том свете» собственноручно расправиться с ним: «А царя Алексея... мне надобне шелепами (особый вид кнута или плети.— *Л. П.*) медяными попарить» [23].

От богоустановленности «благочестивейшего государя» до подчеркивания его равенства перед богом со всеми его подданными [24] — вот какой путь прошел Аввакум, пророк, обличитель «греховного мира», провозвестник грядущего «царствия небесного», где «несть иудей, ни еллин, несть раб, ни свободь,... но вси едино есть...» [25]

Разбирая вопрос о пределах царской власти, Аввакум решительно отказал царю в его праве вмешиваться в духовную жизнь подданных, в вопросы свободы их совести. Выступая против новопечатных церковных книг, Аввакум «с беспримерной для своего времени дерзостью подверг разоблачению насаждавшуюся этими церковными книгами идеологию царского абсолютизма» [26].

Итак, если в работах С. Полоцкого и Ю. Крижанича мы встречаемся с попыткой дать теоретическое решение проблемы государства и власти в России конца XVII в., то Аввакум рассматривает эту проблему в конкретном воплощении ее в лице царя Алексея. Отсюда полемичность и целеустремленность его критики, отсюда идеалы свободы, проповедуемые им. Вместо критики царской власти вообще мы находим у него критику Алексея Михайловича, как носителя и воплощения этой власти. Эта критика велась им с позиций защиты «старой веры», но одновременно и с позиций защиты парода от произвола царя, его слуг и воевод. Недаром он пытался возмутить служилых людей против воеводы А. Ф. Пашкова! В целом взгляды Аввакума были консервативны, а его религиозный фанатизм, проповедь самосожжений — реакционны.

Но это отнюдь не уменьшает значения работ Аввакума, скорее наоборот — подчеркивает доходчивость и популярность их в среде крестьян и посадских людей, а позднее и в раскольничьей среде. Бросается в глаза сочувственное отношение в этих кругах к нему самому и к его доктрине равенства людей пред богом вне зависимости от их материального или социального положения, близость взглядов Аввакума к народному миросозерцанию.

Русское народно-поэтическое творчество также не прошло мимо проблемы государства и власти. Дошедшие до нас сборники пословиц XVII в. [27] убедительно свидетельствуют, что фольклор был пронизан

---

[22] Протопоп *Аввакум.* Книга толкований и нравоучений.— РИБ, т. 39, кн. 1, вып. 1. Л., 1927, стб. 472.

[23] *В. И. Малышев.* Два неизвестных письма протопопа Аввакума.— ТОДРЛ, т. XIV. М.— Л., 1958, стр. 420.

[24] См. об этом подробнее: *Н. С. Сарафанова.* Идея равенства людей в сочинениях Аввакума.— Там же, стр. 388. Много ценных и глубоких наблюдений о «безмерии» в самовластии, о «одинаковости» и равенстве мы находим в статье: *А. И. Клибанов.* Протопоп Аввакум как культурно-историческое явление.— «История СССР», 1973, № 1, стр. 87—90.

[25] *Н. С. Демкова, В. И. Малышев.* Неизвестные письма протопопа Аввакума.— «Записки Отдела рукописей ГБЛ», вып. 32. М., 1971, стр. 177.

[26] *А. Н. Робинсон.* Жизнеописания Аввакума и Епифания. Исследования и тексты. М., 1963, стр. 29.

[27] См. их источниковедческую характеристику в статье: *Л. Н. Пушкарев.* Пословицы

ожесточенной идейной борьбой. С одной стороны, правящий класс и особенно церковь всеми мерами пытались привить народному мировоззрению идеи покорности богу и царю. «Бога бойся, а царя почитай» (С, I, 317) [28] — вот какие изречения встречаем мы в пословичных сборниках. Постоянное стремление поставить рядом бога и царя, подчеркнуть тем самым богоустановленность царской власти необычайно характерны для тех пословиц, которые вышли из среды церковников,— «За богом молитва, за государем служба не пропадет» (БАН, 299) [29] или «Царя не всяк видит, а всяк за него бога молит» (С, I, 2544; О,713) [30].

Царистские иллюзии, глубоко проникшие в крестьянское мировоззрение, находили свое выражение в пословицах, созданных трудовым народом и сочиненных представителями господствующего класса. Эти пословицы прославляли царский суд («Суд царев — суд божий» — С, I, 2119; О,344) и царскую службу («Царю служат — о домех не тужат» — С, I, 2546; О,696), царских слуг («Царевы слуги не жалеют ноги» — С, I, 2562; О,713), при помощи которых царь мудро и справедливо управляет государством («Царь благими воеводы смиряет мира невзгоды» — С, I, 2564; О,715). В этих пословицах царь сравнивается с солнцем («При солнце тепло, а при государе добро» — С, I, 1967; ср. С, II, 567; О,184), подчеркивается верность раба господину («Верен раб, и господин ему рад» — БАН, 146; С, I, 443; С, II, 140).

Но в народно-поэтическом творчестве мы встречаемся и с совсем иной оценкой государства и власти — с пониманием его враждебности мужику, трудовому народу: «Царство Москва, а мужикам тоска» (С, II, 800) [31]. И хотя творцы пословиц и их носители сознавали невозможность ведения борьбы за свои права («Высоко бог, далеко царь» — С, I, 2139) [32], они знали также и то, что «Сила и закон преступает» (С, I, 2139), особенно когда народ вооружался для борьбы со своими захватчиками («Мужик

в записях XVII в. как источник по изучению общественных отношений.— «Исторические записки», т. 92, стр. 312—335.

[28] *П. К. Симони.* Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий, вып. 1, сб. I и II. СПб., 1899 (Отдельный оттиск из Сб. ОРЯС, т. 66. СПб., 1899). В дальнейшем ссылки на пословицы из этого издания будут даваться в тексте с указанием номера сборника (С,I и С,II) и порядкового номера пословицы в сборнике.

[29] Сборник БАН опубликован («Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII—XX вв.» М.— Л., 1961). В дальнейшем ссылки на пословицы из сборника БАН, опубликованные в этом издании, будут даваться в тексте с указанием хранилища и порядкового номера пословицы в этом сборнике.

[30] Эту же пословицу см. в другом списке — отрывке из этого сборника: *Л. А. Дмитриев.* Отрывок сборника пословиц XVII в.— «Рукописное наследие древней Руси. По материалам Пушкинского Дома». Л., 1972, стр. 28—56. В дальнейшем ссылки на пословицы из этого отрывка будут даваться в тексте с указанием порядкового номера пословицы из «Отрывка».

[31] Эта рифма «Москва — тоска», полюбившаяся народу, порождает и другую пословицу на ту же тему: «Жыть на Москве — быть и в тоске» (С, II, 303). «Москва, что доска: спать широка, да везде гнетет» (С, I, 1556) — резюмирует народ свои горькие мысли о столице феодального государства.

[32] Именно эту пословицу использовал позднее К. Ф. Рылеев в своих агитационных песнях против русского самодержавия:

А до бога высоко,
До царя далеко.
Да мы сами
Ведь с усами,
Так мотай себе на ус.

[*К. Ф. Рылеев.* Стихотворения. Л., 1956, стр. 364 («Библиотека поэта. Малая серия»)].

гол, а в руках у него — кол» — С, II, 395), поднимался всем миром, а «Мирская молва, что морская волна» (БАН, 491; ср. С, I, 1569; С, II, 366). В среде восставших и борющихся за свои права была создана, по-видимому, пословица «Чей день — завтра, а наш — севодни» (С, I, 2621). И уж явно бунтарский характер носит гордое утверждение, неоднократно оправдывающееся на ряде исторических примеров: «Бунт не перца фунт, а живет горек» (С, I, 281) [33].

Мы не найдем в русском народно-поэтическом творчестве конца XVII в. ни теоретического решения проблемы государства и власти, ни критики царя как конкретного носителя и воплощения этой власти. Но зато русская пословица того времени сохранила для нас народную оценку государства, стоящего на защите интересов правящего класса, и утверждение свободы действия народа в борьбе за свои права, причем не только оружием, но и свободным словом, потому что «Холопье слово — что рогатина» (С, II, 764; БАН, 1067).

Итак, общественно-политическая мысль России конца XVII в. с разных точек зрения подошла к проблеме государства и власти. Оценка этой проблемы в ту эпоху имела большое политическое значение: она идеологически подготавливала реформы Петра I, влияла на изменение мировоззрения русского общества, была своеобразным итогом литературы и публицистики по вопросу, волновавшему общество с момента образования Древнерусского государства. Широкое распространение этих взглядов и идей обеспечивалось как продолжающейся рукописной традицией, так и деятельностью «верхней» типографии, выпускавшей в свет книги С. Полоцкого.

---

[33] Более подробно о социальной стороне русских пословиц XVII в., о их значении для характеристики народного мировоззрения см.: *Л. Н. Пушкарев.* Русские народные пословицы в записях XVII века.— «Вопросы истории», 1974, № 1, стр. 153—161; *Д. М. Раскин.* Русские пословицы как отражение развития крестьянской идеологии.— «Русский фольклор», т. XIII. Л., 1972, стр. 202—212.

М. Я. Волков

«СОЗЕРЦАНИЕ КРАТКОЕ» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

«Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве» [1] — важнейший источник для изучения истории стрелецкого восстания в Москве 1682 г. и одновременно истории общественно-политической мысли 80-х годов XVII в. Но вопросы о происхождении «Созерцания краткого» и его политической направленности по сути не привлекали внимания исследователей. В настоящей статье предпринято их изучение путем анализа сохранившихся списков памятника.

В историографии еще до попыток сопоставления текста списков памятника утвердилось мнение, что его автором был С. А. Медведев, сторонник царевны Софьи.

Правда, во второй половине XIX в. появились и сомнения. Основанием для них стали показания Медведева при розыске 1689 г. При пытке, уточняя содержание своих бесед с Ф. Л. Шакловитым, он сказал: «И была у них написана книга летописная, начата с девяностого году, с правления великия государыни, и что было с того году. И та де книга у него, Сенки, в палате. А писана та книга с писма Карионова, а чернил тое книгу он, Сенка, а переписывал для чисту Ивашко» [2]. Эту книгу все исследователи справедливо отождествляют с «Созерцанием кратким». Приведенное показание дало повод С. М. Соловьеву и Н. Я. Аристову включить в число возможных его авторов также Кариона Истомина. Но лишь один С. Н. Браиловский настаивал на авторстве Кариона, считая, что это «показание называет главным и единственным автором записок Кариона Истомина, а С. Медведева только редактором его». Причем последний, по мнению Браиловского, не внес в текст Кариона существенных изменений. Обосновывая свой вывод, он отметил также, что изложение и язык сочинения нехарактерны для Медведева и что его содержание «во многих местах обнаруживает в авторе человека, стоящего близко к патриарху», каковым Медведев не был после 1681 г., а Карион, напротив, был.

Сопоставления списков памятника Браиловский не производил. Известные же в его время расхождения в текстах памятника он объяснил тем, что «Карион с любовью продолжал работу над своим историческим трудом, дополняя различными подробностями раз написанное» [3].

---

[1] «Чтения ОИДР», 1894, кн. 4, отд. II. Далее ссылки на текст памятника даются по этому изданию.

[2] «Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках», т. I. СПб., 1884, стб. 630.

[3] *С. Н. Браиловский.* Один из пёстрых XVII-го столетия. СПб., 1902, стр. 318—323. Впервые эту точку зрения С. Н. Браиловский изложил в статье «Кого надо считать автором сочинения «Созерцание краткое»?» («Русский филологический вестник», 1890, № 1). Автором третьей точки зрения о происхождении «Созерцания краткого», существенно отличной от двух отмеченных, является И. Козловский. Однако он не обосновал ни одного из высказанных положений по этому вопросу (*И. Козловский.* Сильвестр Медведев. Очерк из истории русского просвещения и общественной жизни в конце XVII века. Киев, 1895, стр. 93—106).

Однако взгляды Браиловского не получили поддержки. В литературе, в том числе новейшей, утверждается обычно, что автором «Созерцания краткого» был С. А. Медведев, сторонник царевны Софьи [4].

Того же взгляда придерживался и Е. Ф. Шмурло. Поэтому, сравнивая между собой тексты памятника в публикациях Ф. Туманского 1787 г. и И. П. Сахарова 1841 г. и в рукописных списках, он искал текст, который наиболее близок к тексту сочинения Медведева [5].

Шмурло высказал мнение о составе четырех рукописных списков памятника, но значение имеют его выводы лишь о трех, так как списка Оболенского он не видел и оценивал его, основываясь на неточном замечании Н. Г. Устрялова.

Шмурло установил, что тексты Академического и Уваровского списков идентичны. Они настолько близки между собой от начала до конца, указывал он, что или они списывались с одного списка, или одна из этих рукописей служила оригиналом для другой. Список Григоровича исследователь частично сопоставил с Академическим и признал его самым полным. От Академического он отличается, во-первых, тем, что изложению событий 1681—1684 гг. в Григоровичском списке предпослано введение, во-вторых, список Григоровича «содержит в себе некоторые вставки, которых лишен» Академический, и в нем сочувствие к царевне Софье выражено «гораздо ярче и определеннее» [6].

Изложенные выводы не вызывают возражений. Но незнание состава текста памятника по списку Оболенского, неполнота сопоставления Академического и Григоровичского списков и неверная исходная посылка о принадлежности всего текста Медведеву не позволили ему сделать правильные выводы, исходя из результатов сопоставления списков памятника.

А. Прозоровский при подготовке публикации «Созерцания краткого» сравнил 4 рукописных списка (Оболенского, Румянцевский, Григоровичский и Академический) и учел результаты сравнения Академического и Уваровского списков, произведенного Е. Ф. Шмурло [7]. Однако он так же, как Шмурло, искал наиболее исправный список сочинения Медведева. В связи с этим он ограничился выводом о том, что представление о сочинении Медведева дают два списка — Оболенского, наиболее полный и изготовленный в конце XVII в.[8], и, в меньшей мере, Румянцевский,— а остальные списки испорчены либо искажениями текста и некоторыми сокращениями (Григоровичский), либо значительной неполнотой (Академический и Уваровский) [9].

---

[4] *В. И. Буганов.* Московские восстания конца XVII века. М., 1969, стр. 24—25 и др.; *Е. В. Колосова.* «Созерцание краткое» Сильвестра Медведева и традиции русской исторической повести в XVII веке.— В кн.: «Русская литература на рубеже двух эпох (XVII — начало XVIII в.)». Сб. статей. М., 1971, стр. 211—213; *И. И. Павленко.* Об оценке стрелецкого восстания 1682 г. (По поводу монографии В. И. Буганова «Московские восстания конца XVII в.» М., 1969).— «История СССР», 1971, № 3, стр. 88.

[5] *Е. Шмурло.* О Записках Сильвестра Медведева.— ЖМНП, 1889, № 4, стр. 335—369.

[6] Там же, стр. 359—360, 367—368.

[7] *А. Прозоровский.* Сильвестра Медведева Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве. С предисловием и примечаниями.— «Чтения ОИДР», 1894, кн. 4, отд. II.

[8] Эта датировка рукописи была проверена и подтверждена Е. В. Колосовой (*Е. В. Колосова.* Указ. соч., стр. 211).

[9] *А. Прозоровский.* Указ. соч., стр. XLIII—XLVII.

Учитывая эти результаты, изучение памятника целесообразно, мне кажется, начать не с определения имени автора, а с оценки текстовых совпадений и расхождений, имеющихся в его списках [10]. Выявление осуществлено по публикации Прозоровского, в которой воспроизведен текст памятника по списку Оболенского и в подстрочных примечаниях переданы все расхождения с этим текстом, имеющиеся в списках Румянцевском, Григоровичском и Академическом [11].

Как установил Шмурло, списки А и У памятника идентичны по составу текста. Но совпадение его состава обнаруживается также при сравнении между собой трех других списков — О, Р и Г.

Тексты памятника по спискам О и Р расходятся всего в трех случаях. значительное расхождение сводится к отсутствию в Р «Стихов к читателю» (две строфы по 5 строк каждая), которыми начинается текст памяника в списке О; в Р отсутствует также восклицание «хранит господь», а рассказ о расправе с И. К. Нарышкиным дополнен словами, что его «сверху от самой решетки волокли» [12].

Тексты памятника по спискам О и Г расходятся в 20 случаях (сравнительно с Р — в 18), но самым значительным расхождением является опять-таки отсутствие в Г «Стихов к читателю».

Большинство остальных расхождений (16) появилось вследствие попытки, предпринятой скорее всего книжником первой четверти XVIII в. при изготовлении своего списка, улучшить текст «Созерцания краткого» путем замены трудных для понимания слов и частей предложения другими или путем исключения слов и частей предложений. Например, ответ «мудрых» о причинах «смут» читается так: «Егда честные люди и в государстве заслуженые от чинов великих и честных откинены, а мелкие люди *бывают подвзыщены*». В списке Г конец ответа читается иначе: «...а мелкие люди *в оные чины возвышенные*» [13]. Несколько исключений частей предложений и слов, осуществленных книжником, очень неудачны [14]. В итоге это редактирование увеличило число неисправностей в списке Г, но не изменило характера памятника и состава его текста.

Таким образом, списки О, Р и Г по сути идентичны по составу текста.

Рассмотрим теперь расхождения между списками А и У, с одной стороны, и списками О, Р и Г — с другой.

Памятник по спискам А и У — это рассказ современника только о событиях своего времени. Он начинается с изложения событий последнего года царствования Федора Алексеевича и завершается событиями января 1684 г., когда в Курск были высланы новые группы стрельцов, принимавших активное участие в восстании 1682 г. В списках О, Р и Г

---

[10] При этом не учитываются расхождения, которые вызваны неисправностью текста (обычно — это следствия неверного прочтения слова переписчиком, искаженного написания слов или их пропуска). Эти неисправности имеются во всех списках. В частности, только во введении «Созерцания краткого» по списку Оболенского, который Прозоровский обоснованно считал самым исправным, их насчитывается 11 («Созерцание краткое», стр. 3—16 и примечания к ним).

[11] Здесь эти расхождения отмечены под строкой ссылкой на страницы; в скобках указаны номера примечаний к данной странице, приведенные в публикации Прозоровского. При цитировании источника для выделения расхождений в текстах списков мною использован курсив. Сокращенное обозначение списков: А — Академический, Г — Григоровичский, О — Оболенского, Р — Румянцевский, У — Уваровский.

[12] «Созерцание краткое», стр. 2 (1), 53 (53), 57 (98).

[13] Там же, стр. 38 (46).

[14] Там же, стр. 37 (35), 66 (5), 68 (55), 73 (73), 75 (85), 95 (13) и др.

памятник состоит уже из двух частей: из значительного по объему введения и повествования о событиях 1681—1684 гг.

Сравнение текстов позволяет также установить, что памятник по списку А и вторая его часть по списку О содержат изложение одних и тех же событий 1681—1684 гг. и имеют одинаковую последовательность в их изложении. Более того, во второй части памятника по списку О дословно читается почти весь текст памятника по списку А (не менее 98% этого текста). Иначе говоря, повествование о событиях 1681—1684 гг. в обоих списках (следовательно — во всех) имеет в основе один и тот же текст.

Однако текст памятника по списку А составляет примерно 90% текста второй части памятника по списку О, так как эта часть по объему текста заметно больше всего памятника по первому списку. Ее увеличение произошло за счет вставок свыше 300 новых слов, словосочетаний [15], предложений и их законченных частей (в сложных предложениях) и вставок, состоящих из нескольких предложений. Всего же между текстами второй части памятника по списку О и списку А насчитывается 450—460 расхождений стилистического (около 400) и, главное, смыслового характера [16].

Наличие отмеченных расхождений дает право считать, что «Созерцание краткое» имеет две редакции. Одну из них, представленную списками А и У, назовем краткой, а вторую, представленную списками О, Р и Г,— пространной.

Первоначальным, авторским, является текст краткой редакции, а более поздним, отразившим результаты его редактирования,— пространной. На это указывает, во-первых, отсутствие в тексте списков краткой редакции «швов», которые обычно обнаруживаются в тексте, подвергшемся смысловому сокращению, и, во-вторых, наличие в тексте списков пространной редакции вставок явно позднейшего происхождения. Такой характер имеет, в частности, рассказ о знамении 17 января 1683 г.[17]

Вывод о тексте краткой редакции как первоначальном сравнительно с текстом пространной редакции подтверждает и изучение стилистических расхождений. Оценивая все такие расхождения, можно заметить, что в литературном отношении текст списка О отделан более тщательно, чем текст списка А. В списке О улучшено использование глагольных форм и исправлены временные окончания слов, исключены лишние слова, проведена замена слов и читаются вставки [18]. В ряде случаев в одном предложении выявляются как исключения, так и включения слов и словосочетаний, которые привели к заметному изменению состава слов данного предложения, но не изменили его смысла. Такова, например, часть предложения, в котором сказано о появлении раскольников в Граповитой палате [19]:

---

[15] Под словосочетанием понимаются части текста в два и более слов, не имеющие значения законченной части сложных предложений (например, «великий государь», «воинского пешего чина зовемыя», «за его попущением» и т. д.).

[16] При наличии несовпадений двух-трех, а иногда и более слов и словосочетаний в пределах предложения или законченной его части (в сложных предложениях) эти несовпадения принимались за одно расхождение. Если же за расхождение принимать несовпадение каждого слова или словосочетания, то их можно насчитать намного более 500.

[17] «Созерцание краткое», стр. 178—179 (12, 18).

[18] Там же, стр. 17 (21), 35 (17), 40 (72), 41 (56), 43 (14), 44 (29), 51 (28), 61 (49), 67 (30) и др.

[19] Там же, стр. 85 (97, 99, 100, 2).

Текст списка А	Текст списка О
«...инии невежды, миряне и неуки ярыжныя, с кобаков пропощы, нагло с велиим буйством, безчинием *вскочивше* в палату *с свечами и с тетратками* пред их царское величество, поставиша аналогии и скамьи, иконы же и книги положивше, свещи возженныя держаху, без царского величества повеления и без благословения святейшаго патриарха, яко бесноватии, с великим безстудством и криком».	«...инии невежды, миряне и неуки *самыя худыя люди и* ярыжныя, с кобаков пропойцы, нагло с велиим буйством, безчинием *же и невежеством вшед* в палату пред их царское величество *и пред весь освященный собор*, поставиша аналогии и скамьи, иконы же и книги положивше, свещи возженныя держаху, без царского величества повеления и без благословения святейшаго патриарха, *своеволно*, яко бесноватии, с великим безстудством и криком».

Все эти изменения текста были призваны сделать повествование о событиях 1681—1684 гг. более выразительным и ярким. За счет вставок в тексте пространной редакции, сравнительно с краткой, стало заметно больше сравнений и эпитетов, в том числе двусловных («жизнебедствуемый», «благоподражательный», «благодерзновенье», «злочестие» и т. д.). Следовательно, редактированию подвергся текст краткой редакции, и это редактирование имело целенаправленный характер.

Сопоставление расхождений, имеющих смысловой характер, целесообразно, мне кажется, начать с рассмотрения концепции автора памятника и лишь потом рассмотреть изменения, внесенные редактором.

В повествовании о событиях 1681—1684 гг. по списку А ключевое значение для понимания концепции автора имеет рассказ о причинах «смут». Он начинается и кончается упоминанием об одной из реальных причин восстания 1682 г.— о «неправдах», вызвавших «нестерпимыя» обиды «на временников и великих судей и на началных людей», которые «мздоимательством очи себе послепили».

Остальной его текст посвящен осуждению перемен. «Инии же, ближние предстатели,— пишет автор,— точию вымышляли ими мнимое разумно сами, а не многих людей советом; и презирая искусных, мудрых и в старости сущих людей, всякия советы же великие в государстве и чины в даянии чести и суды новочиновны во гражданстве покусишася вводити, иноземским обычаем подражающе». Осуждая возвращение к практике созыва земских соборов («советов великих»), он заявляет: если «великия будут сеймы многонародные, да некое злое определенное оттуду выскочит; к сим велможам, бояром, началником пагубно будет». Отстранение «от чинов великих» людей «заслуженных» и «честных» (т. е. знатных) и замена их «мелкими людьми» есть, по его утверждению, причина «смут» и «мятежей» в государстве. К «смутам» ведут распри в царском «сигклите». Их же порождает введение «вновь и внезапу» «иностранских обычаев, чинов председательства и чести званием, не слыханным в своем государстве», перемены «в одеждах и обувах и в пищии и в питии», допуск «в совет государственных дел иноземцов» и иные нововведения: «Аще бо какое дело новое в государство внидет, за тем делом последуют великия злобы» [20].

При этом автор строит свой рассказ таким образом, что его осуждения названных перемен и предсказания бед, ожидающих государство и его правителей от этих перемен, относятся как к прошлому, т. е.

[20] «Созерцание краткое», стр. 37—40.

царствованию Федора, так и настоящему, т. е. к правлению царевны Софьи.

Следовательно, возврат к созыву земских соборов, новые «дела» и их проекты, которые вызвали конфликт между «ближними предстателями» и «в старости сущими людьми», выдвижение «мелких людей», обращение к иностранному опыту и распространение иноземных обычаев, иначе говоря, всякие нововведения и перемены — это и есть главная причина «смут» вообще и лишь в частности «смут» и «мятежей» 1682 г.

Сами «смуты» выявляют опасность, таящуюся в переменах для государства и его правителей,— «за смутою погибель государству последует» [21]. И в рассказе о восстании 1682 г. автор стремился раскрыть этот тезис подробным описанием гибели «велмож, бояр, началных людей» 15—17 мая, передачей доноса на И. А. Хованского, в котором сообщалось о замысле восставших «царской корень известь» и убить патриарха и многих бояр, и другими средствами. Восставшие стрельцы в его изображении — это «злые убийцы», они ведут себя, «яко псы сквернии» [22].

В 1682 г., по концепции автора, бог не оставил Российское царство без милости и спас его от гибели. Избранницей для осуществления его замысла стала Софья, которую бог «к пособию правления царства... Петра Алексеевича... в юных его государских летех воздвиже..., ей же даде чюдный смысл и суждение...» [23]. Она сыграла главную роль в организации подавления восстания.

Высокая оценка личности Софьи и ее действий в 1682 г., а ранее, в начале повествования,— личности царя Федора и его правления, не противоречит концепции автора, в частности предсказанию «смут» и в конечном итоге «погибели государству», если правительство не откажется от нововведений, так как вину за все перемены он возлагает не на царскую власть, а на «ближних предстателей».

Таким образом, цель повествования о событиях 1682—1684 гг., как и цель выступлений патриарха Иоакима и его сторонников, в том числе публицистических, состоит в обосновании того взгляда, что правящая верхушка сможет сохранить «целость государства своего» путем охраны незыблемости старых порядков и, следовательно, отказа от реформ. Это придало сочинению характер выступления против попыток правительства Софьи — В. В. Голицына осуществить нововведения.

На близость автора памятника к патриарху указывают и некоторые детали его повествования. Так, при описании «явных» проявлений «смуты» он возлагает вину на стрелецких полковников и за «неправедное» рассмотрение челобитной стрельцов Пыжова полка — на И. М. Языкова, а о роли судей Стрелецкого приказа, отца и сына Долгоруких, умалчивает. Как известно, Языков был первым из «ближних предстателей» царя Федора и главным противником патриарха в его правительстве.

Учитывая все изложенное, мне представляется, что автором памятника, который читается в списках краткой редакции, мог быть только единомышленник патриарха Иоакима и близкий к нему человек. На последнее указывает и то, что он имел доступ к архиву патриарха и опубликовал в своем сочинении большое число документов, имевшихся в этом архиве (царские грамоты, речь патриарха при венчании на царство Петра, его же послание в Троице-Сергиевский монастырь, донос на И. А. Хованского и др.).

---

[21] Там же, стр. 38; см. также стр. 39.
[22] Там же, стр. 55 (80), 59 (27).
[23] Там же, стр. 58 (13).

Среди близких к патриарху писателей 80-х годов XVII в. предпочтение следует отдать, по-видимому, Кариону Истомину. В пользу его авторства свидетельствует также показание Медведева, приведенное выше. Поэтому ниже памятник по спискам краткой редакции будет именоваться также сочинением Кариона Истомина.

В памятнике по списку О автор введения и предпосланных ему «Стихов к читателю» выступает за иной, «созерцательный» подход к событиям недавнего прошлого и их оценке. Ему же скорее всего принадлежит и название памятника, имеющееся в этом списке, «Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве».

Необходимость такого подхода автор введения обосновывает при рассмотрении цели исторического повествования вообще и повествования о событиях 1681—1684 гг. в частности.

Он считает, что историческое повествование должно быть как «законное... зерцало». Оно должно отображать всякие события, в том числе и «неправедные», и, читая его, «можно бело черно знати, и яко тебе будет умирати» — «праведным» или «грешным». Обосновывая это положение, автор приводит рассказы-примеры о «подобиях» и «делах», случившихся в «древние времена», заимствуя сведения о них из Библии. Их изложение автор заключает следующими словами: «И колико обретается в писании в ветхом завете и новем и во отеческих преданиях подобий и самых дел, кто и за что похвалися, или осудися, или чем спасеся,— все писанием... человецы вразумляются» [24].

Такой же, по его мнению, должна быть и цель повествования о событиях недавнего прошлого. Иначе говоря, автор считает, что в этих событиях заслуживает внимания только их нравственно-поучительная сторона.

Обоснованию той же цели служат и сюжеты из Библии, использованные во введении. Часть их отобрана автором для того, чтобы показать пригодность «подобий и самых дел» далекого прошлого для оценки недавнего прошлого и, как следствие, важность именно нравственных оценок. Таков, например, рассказ о Ровоаме, сыне Соломона,— он «царствуя над Израилем, и презрев совет людей старых и ведящих разум и послуша младых совоспитанцев своих неискусных совещанием» [25]. Этот рассказ созвучен описанию и оценке дел и замыслов «ближних представителей» царя Федора. Сюжет о Мариам и Аароне использован так, что его оценка созвучна осуждению местничества в грамоте от 12 января 1682 г., опубликованной во второй части памятника: «Кто же достоин в жизни сей ради разума или его нрава коего сана и чина, да будет достоин; отеческим же и сродника своего пороком никогда же да укоритца, сие бо есть грех смертный» [26].

Наличие в памятнике по списку О такого введения, предшествующего описанию событий 1681—1684 гг., снижает в глазах читателя остроту и злободневность «дел» недавнего прошлого и настраивает его на «созерцательное» к ним отношение.

Изменений смыслового характера во вводном разделе второй части памятника (до описания «явных» возбуждений «к народному возмущению») насчитывается 8. Из них 5 внесены в рассказ о причинах «смут» [27].

---

[24] «Созерцание краткое», стр. 2—15.
[25] Там же, стр. 15.
[26] Там же, стр. 9, 16.
[27] Там же, стр. 34 (97, 99, 100, 1), 36 (24, 29), 37 (37, 38, 40), 37—38 (42), 39 (58, 59), 40 (67).

Из описания дел и замыслов «ближних предстателей» исключено упоминание о «советах великих», т. е. о созыве земских соборов. В связи с этим следующее за ним осуждение «сеймов многонародных» (к тому же дополненное вставкой) приобрело абстрактный характер. Ниже редактор включил большую вставку «поучительного» характера, что усилило оторванность осуждения «сеймов многонародных» от реальной действительности [28].

Редактор изменил смысл осуждения всяких «дел новых», исключив слово «новое» и дополнив его: «Аще какое дело скоро в государство внидет *и за то люди приимутся, тогда уже приносит бесконечное дело злое,* а за тем делом последуют великия злобы» [29]. В новой редакции осуждение адресовано людям вообще, а не «ближним предстателям». Заключая рассказ о причинах «смут», редактор, дополнив его вставкой, напомнил читателю, что все изложенное в рассказе относится к прошлому, а не к настоящему («И во оно время глас народа сицевых крепляшеся...») [30].

Об ином отношении редактора к «ближним предстателем» царя Федора и их нововведениям свидетельствуют и другие изменения, которые он внес в первоначальный текст. Из описания перемены в платье (т. е. введения взамен длинных охабней и однорядок в качестве парадного платья коротких кафтанов) он исключил текст, осуждавший это нововведение. В двух случаях он изменил оценку действий И. М. Языкова. В первом случае вместо «и оных челобитчиков, по совету Иоанна Языкова» били кнутом и сослали стало: «И яко же Иоанн Языков, по совету полковников,... учиниша», их били кнутом и сослали. Во втором случае, в рассказе о коллективной челобитной стрельцов на полковника Грибоедова, которую И. М. Языков был вынужден отчасти удовлетворить, появилась вставка о том, что он поступил таким образом, как бы понимая желание бога [31].

Все остальные расхождения смыслового характера находятся в повествовании о событиях восстания 1682 г. Они касаются двух важных вопросов: оценки поведения стрельцов и главным образом оценки личности и действий царевны Софьи.

Редактор исключил оценки стрельцов как «злых убийц» и «псов скверных», а из сообщений о расправе восставших с Ю. А. Долгоруким и думным дьяком Ларионом Ивановым он исключил слова, которыми автор подчеркнул жестокость стрельцов (например, Ю. А. Долгорукого они «убиша во дворе его, *и тело его в мелкие части изсекли*»). Сообщение о запрете восставшими грабежей и казней грабителей, он дополнил вставкой, отметив в ней, что за нарушение этого запрета карались смертью и «служивые» (стрельцы) [32].

В целом же позиции автора первоначального текста и его редактора в отношении стрельцов и простого народа вообще совпадают. В частности, в стихах, завершающих рассказ о «мятеже» раскольников в списке О, редактор, имея в виду и стрельцов, писал: «Простым же людям ни в чем (нельзя.— *М. В.*) прощати, яко не могут право разсуждати; не знают владык и самого бога, в безумстве своем обид творят много» [33].

---

[28] Там же, стр. 37—38 (37, 38, 40, 42).
[29] Там же, стр. 39 (58, 59).
[30] Там же, стр. 40 (67). Разрядка моя.— *М. В.*
[31] Там же, стр. 34 (100, 1), 41 (92—96), 42 (3, 5).
[32] Там же, стр. 54 (70), 55 (72, 80), 57 (3), 59 (27). См. также рассказ о казни полковника С. Янова 14 июня 1682 г.— там же, стр. 93 (92—95).
[33] Там же, стр. 92 (76).

Поэтому рассмотренные изменения оценок поведения стрельцов можно объяснить, на мой взгляд, только тем, что редактор, в отличие от патриарха и автора первоначального текста, принадлежал к той партии, которая искала поддержки стрельцов и в связи с этим была готова кое-что простить им.

Для оценки изменений, внесенных редактором в описание действий и личности Софьи, определяющее значение имеют пять рассказов.

В сочинении Кариона Истомина Софья избрана самим богом, но значение этого факта для будущего России он не определил, так как описывал события, происходившие до избрания Ивана царем, а Софьи — правительницей.

Редактор восполнил этот «пробел» вставкой: «...яко и в древния роды, чюдодетельствуя, премудро воздвиже во Израили пророчицу Девору в судиах, и во спасение людем Исраилевым от иноплеменник праведную Июдифь, от мидян мудрую Есфирь, и в царствующем Констянтинополи во дни царя Феодосия юнаго во управление сестру его единородную, философствующую царевну деву Пулхерию, яже не токмо в гражданских делах пособствовала брату своему, царю Феодосию, но и всей церковной православной полноте на третьем и четвертом соборех, яко истинная церкве святыя дщерь, помощь и пособие твориша, тако и зде», в России, бог «воздвиже» Софью [34]. Причем он склонен уподобить ее Пульхерии и поэтому выделяет последнюю в ряду предшественниц Софьи.

В сочинении Кариона Истомина избрание Софьи правительницей передано путем включения в повествование текста из записной книги дворцовых разрядов 7190 г. Уже в этом тексте оно представлено по сути как всенародное избрание (по прошению «всего Московского государства всяких чинов людей»).

Редактор, включив ряд вставок в эту запись (они увеличили объем ее текста в полтора раза), представил избрание Софьи как подлинно всенародное и подчеркнул это обстоятельство, повторив, что «по многом отрицании» Софья согласилась стать правительницей по прошению царей, патриарха и освященного собора, «бояр и околничих, и думных, и всего Московского государства всяких чинов всенародного множества людей». Объясняя причину ее избрания, он указал, что именно ее бог благоволил «упремудрити паче инех и кроме ее правити Российское царствие никому невозможно», а упоминание о начале ее правления дополнил следующим образом: «И по своей *государской благоподражательной* ревности *и милосердному нраву* изволила всякия государственныя дела управляти своим *государским богом дарованным, высоким* истинным разсуждением» [35].

Характер изменений, внесенных в третий рассказ — о диспуте с раскольниками, сходен с рассмотренными. Здесь назначение вставок состоит в том, чтобы к оценкам Софьи как мудрой и богом избранной правительницы «гражданских дел» добавить новые, показав ее столь же мудрой и в церковных делах.

Новым здесь является объяснение действий Софьи, так как ее заслуги в подавлении «мятежа» раскольников достаточно обстоятельно описал уже Карион Истомин. Правда, дополнив его текст, редактор показал их более выпукло, выделив узловые сюжеты,— опасность, грозившую со сто-

---

[34] «Созерцание краткое», стр. 58 (8). Другие вставки в этот рассказ см. на стр. 58 (13—15), 59 (16, 17, 21).

[35] Там же, стр. 65—68 (99, 100, 1—4, 6—9, 12—14, 17—24). Подчеркнуто мной.—*М. В.*

роны раскольников правительству и особенно церковным властям, опасность козней И. А. Хованского, растерянность бояр, мужество, находчивость и иные качества царевны. Но главное изменение, внесенное им, сводится к следующему объяснению ее действий: еще прежде «на свою божественную славу, и на общую православных ползу, и церкви своея святыя на защищение благоволи (бог.— *М. В.*)... царевну Софию Алексеевну избрати». Более того, он «благоволи оною (т. е. Софьею.— *М. В.*), яко своею избранною, и (сам.— *М. В.*) действовати» [36].

«Защищение» церкви было обязанностью верховной власти, т. е. царей. И Софья, в итоге изменений первоначального текста, выступает уже не просто как ревностная поборница православной веры, а как «*истинная святыя православныя церкве зищитница*», она «готова церкве святей *и святейшему патриарху со всем собором* в заступление» [37].

В четвертом рассказе — о принесении повинной выборными от стрелецких полков в Троице-Сергиевском монастыре (т. е. капитуляции восставших) — заслуживает внимания большая вставка о выходе Софьи к выборным. Вставка отличается детальным описанием самого выхода и главным образом полнотой и образностью описания «добродетелей» царевны. Подчеркивая ее «добродетели», редактор дважды использует образ солнца: она «девства чистотою и правостию и человеколюбием сердца свое паче солнца светящая и суждение дающая», «солнце бо воспримет нощ, правды же и мудрости (Софьи.— *М. В.*) и мрачная злоба не одолевает» [38].

С темой солнца связан и пятый рассказ — о небесном знамении 17 января 1683 г., который дополнен рисунком, изображающим это знамение. Его видели «сущии люди», и оно было уже после волнений стрельцов полка Бохина. Суть знамения сводится к следующему: богу угодно, чтобы и впредь сохранился порядок, установившийся в 1682 г., а именно вверху — «солнце» Софья, справа и слева от нее, но ниже,— «яко солнце», цари Иван и Петр [39].

Формально все изменения, внесенные в первоначальный текст повествования о событиях 1681—1684 гг., позволили редактору, следуя объявленной во введении цели, показать, «кто и за что похвалися, или осудися, или чем спасеся». Реально же его изменения смыслового характера внесены с целью обоснования прав Софьи быть правительницей и в будущем. Именно это обоснование и стало определять политическую направленность памятника, читающегося в списках пространной редакции, хотя и во второй его части сохранились почти все осуждения перемен и нововведений, определявшие направленность сочинений Кариона Истомина.

Характер изменений, сюжеты повествования, которые привлекли внимание редактора, и приведенное выше показание при розыске 1689 г. подтверждают, как мне кажется, то, что этим редактором был С. А. Медведев, до 1682 г. связанный с Федором и его «ближними предстателями» (И. М. Языков, А. Т. и Т. Т. Лихачевы), а с 1682 г.— с Софьей, В. В. Голицыным и Ф. Л. Шакловитым. Причем Медведев «чернил» список с «письма Карионова» без ведома и согласия автора. Об этом свидетельствует прежде всего смысл внесенных им изменений, а также характер его отношений с Карионом Истоминым. Медведев не доверял Ка-

[36] Там же, стр. 83 (73).
[37] Там же, стр. 81 (50), 82 (70).
[38] Там же, стр. 126 (92, 95).
[39] Там же, стр. 178—179 (12, 18).

рпону, видимо, обоснованно считая его доносчиком, и последний знал об этом [40].

Таким образом, изложенные результаты сопоставления пяти списков, изготовленных в конце XVII — первой половине XVIII в., позволяют считать, что памятник, известный в историографии как «Созерцание краткое» Сильвестра Медведева, дошел до нас в двух редакциях. Краткая его редакция, представленная двумя списками — А и У,— это повествование о событиях 1681—1684 гг. Оно было закончено, судя по содержанию, не ранее второй половины 1684 г.[41] и, видимо, не позднее начала 1687 г., а его автором является скорее всего Карион Истомин. Памятник в этой редакции отражает оценку событий 1681—1684 гг. той частью правящего лагеря, которая группировалась вокруг патриарха и выступала против проведения каких-либо реформ.

Пространная редакция, представленная списками О, Р и менее исправным Г,— это и есть собственно «Созерцание краткое». Хотя во второй ее части читается почти полностью текст краткой редакции, но составу текста и, как следствие, по содержанию пространная существенно отличается от нее. Это отличие появилось в основном за счет введения и расширения первоначального текста. Автором введения и дополнительных вставок является С. А. Медведев, он же осуществил и литературное редактирование первоначального текста.

Учитывая характер внесенных им изменений, можно полагать, что пространная редакция была подготовлена в то время, когда царевна Софья стала добиваться венчания ее на царство, т. е. не ранее сентября 1687 г. и не позднее лета 1689 г. (до августа 1689 г. «книга летописная» Медведева была уже переписана набело). Памятник в этой редакции (собственно «Созерцание краткое») отражает интересы той части правящего лагеря, которая добивалась сохранения и укрепления власти царевны Софьи.

---

[40] «Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках», т. I, стб. 520.

[41] Повествование завершается описанием событий января 1684 г. («Созерцание краткое», стр. 194—197). При датировке учтен также объем повествования.

А. И. Юхт

В. Н. ТАТИЩЕВ О РЕФОРМАХ ПЕТРА I

В. Н. Татищев не оставил труда о событиях первой четверти XVIII в., за исключением небольшой записки в два листика («Краткое изъятие из великих дел Петра Великого, императора всероссийского») [1], в которой была дана общая оценка деятельности и личности Петра I. Эта записка была составлена весной 1725 г. в Стокгольме в помощь шведской поэтессе Софии Бреннер, которой Татищев предложил написать поэму о Петре I. Но он много размышлял о преобразованиях и деятельности Петра, сравнивал и сопоставлял их с политикой его преемников, по-видимому, собирал даже материалы по истории петровской эпохи. Эти раздумья и отчасти воспоминания отражены в его работах по истории и географии, записках и письмах. В них отсутствует изложение общего хода дел во время правления Петра I, но встречаются высказывания о его социальной политике, реформах в области промышленности, торговли, просвещения и науки и т. д. Внешней политики России Татищев касается мало: его записки были посвящены главным образом вопросам экономического и внутриполитического развития России.

В нижеследующих строках на основе этих высказываний предпринята попытка кратко охарактеризовать отношение Татищева к преобразованиям Петра I. При этом следует иметь в виду два обстоятельства. Во-первых, время Петра I для Татищева не было далеким прошлым, историей. Он был не только современником, очевидцем громадных перемен, которые произошли в стране, но и активным участником событий. Татищев прошел петровскую школу (трудную и суровую) хозяйствования и государственного управления, он имел возможность общаться с царем, особенно часто в 1724 г., когда до отъезда в Швецию (в начале ноября) он почти целый год находился при дворе и нередко сопровождал Петра I в его поездках. Впоследствии, в письме М. И. Воронцову от 12 мая 1748 г., он с гордостью вспоминал, что благодаря совместной работе с Петром I, его наставлениям и собственному опыту многолетней административной деятельности он постиг способы «к знанию экономии государственной» [2]. Более того, Татищев писал, что он всем обязан «великому монарху». «Все, что имею — чины, честь, имение и, главное над всем, разум — единственно все по милости его величества имею, ибо если бы он меня в чужие краи не носылал, к делам знатным не употреблял,

---

[1] Копия записки хранится в ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. II, кн. 74, лл. 40—41. Записка опубликована (*П. П. Пекарский.* Новые известия о В. Н. Татищеве. СПб., 1864, стр. 18—19). Подробнее об этой записке см.: *А. И. Юхт.* Поездка В. Н. Татищева в Швецию (1724—1726 гг.).— «Исторические записки», т. 88, стр. 325—327.

[2] «Переписка В. Н. Татищева за 1746—1750 гг.» Публикация А. И. Андреева.— «Исторический архив», т. VI. М.— Л., 1951, стр. 279.

а милостию не ободрял, то бы я не мог ничего того получить»[3]. Все это в целом определило апологетическое отношение Татищева к Петру I и его деятельности, хотя, как увидим ниже, и не исключало критических замечаний по поводу некоторых сторон петровской политики.

Во-вторых, реформы Петра I, его политика, наконец, сама личность преобразователя были предметом ожесточенных споров и борьбы между передовыми и консервативными кругами господствующего класса. В. Н. Татищев, А. Д. Кантемир, Ф. Прокопович и другие лица, отстаивавшие петровские преобразования, видели в Петре образец просвещенного монарха и выступали за продолжение его политики. Отсюда публицистичность, полемическая заостренность многих высказываний Татищева.

Татищев рассматривал экономическую политику Петра I как могучий рычаг роста производительных сил, преодоления отсталости России и укрепления ее политической независимости. Он особо отмечал такие черты этой политики, как строительство казенных мануфактур, привлечение частного капитала к развитию горнозаводской и легкой промышленности, предоставление субсидий и различных льгот предпринимателям, создание коллегий, ведавших промышленностью и торговлей, Главного магистрата, а также последовательное проведение в жизнь жесткой протекционистской политики. Одобрял он и мероприятия Петра I, направленные на развитие внутренней и внешней торговли: упрочение позиций России на Балтийском и Каспийском морях, строительство флота, новых портов и городов, каналов и дорог. Несмотря на тяжкую и долголетнюю Северную войну и «внутренние войны» (Татищев, по-видимому, имел в виду выступления стрельцов, Астраханское и Булавинское восстания и другие факты обострения классовой и внутриклассовой борьбы в России), Петр I «государство свое обогатил, мануфактуры и купечество многократно размножил» — таков был, по мнению Татищева, итог экономической политики преобразователя[4].

Как видим, к оценке экономического развития страны Татищев подходил с идеалистических позиций, придавая решающее значение политике правительства. Не отмечает от также, что экономическая политика Петра I отвечала прежде всего интересам дворянства — господствующего класса.

К экономической политике ближайших преемников царя Татищев относился резко критически, расценивал ее как отход от принципов Петра I и считал, что она отрицательно сказывается на хозяйственном положении страны. Характеризуя эту политику, он с «великою досадою» писал: «Магистрат был разорен, Берх- и Мануфактур-коллегия засуныты были в угол Коммерц-коллегии, заводы овчарные и другие совсем разорены, училисча не токмо вновь не устроены, но и устроенные оставлены и многие полезные его величества уставы и учреждения отринуты или переменены»[5].

В этой оценке много справедливого, хотя она и грешит преувеличением. Политика бездарных преемников Петра I, засилие иностранцев, расхищавших государственное добро, отнюдь не способствовали развитию хозяйства страны. «Овчарные заводы» действительно захирели. Однако и при преемниках Петра экономическое развитие России продолжалось.

[3] *В. Н. Татищев.* История Российская, т. I. М.— Л., 1962, стр. 87.
[4] *П. П. Пекарский.* Указ. соч., стр. 18.
[5] *В. Н. Татищев.* Например представление о купечестве и ремеслах.— «Исторический архив», т. VII. М., 1951, стр. 415.

Татищев предлагал правительству Елизаветы Петровны вернуться к экономической политике Петра I, внеся в нее определенные коррективы. Исходя из собственного богатого административного опыта, практики других стран (с экономикой некоторых из них и, прежде всего Германии и Швеции, он имел возможность ознакомиться), учитывая рекомендации политико-экономической литературы того времени, Татищев наметил программу, которой и предложил правительству руководствоваться [6]. Татищев рекомендовал также отказаться от некоторых мероприятий Петра I (о них ниже), которые, по его мнению, ограничивали сословно-дворянские привилегии.

Эта программа характеризует Татищева как выразителя взглядов передовых кругов дворянства, заинтересованных в развитии промышленности и торговли с целью укрепления экономического могущества абсолютистского государства и упрочения господства дворянства.

Одобряя в целом социальную политику Петра I, Татищев при оценке ее высказал ряд критических замечаний, которые шли по линии дальнейшего расширения сословных привилегий дворянства.

Татищев отводил дворянству главную роль в управлении государством. «Дворянство... есть главный и честнейший стаи государства,— писал он,— зане оно есть природное для обороны государства воинство и для расправы министерство или градоначальство» [7]. Но чтобы дворянство могло успешно выполнять столь ответственную роль, оно должно пользоваться исключительным правом владения землей и крестьянами. Всякое отступление от этого принципа Татищев рассматривал как нарушение привилегий дворянства, ослабление его экономического и политического положения. Поэтому он критиковал петровский указ 1721 г., предоставивший промышленникам право приобретать деревни с крестьянами [8].

Недостаток петровского (впрочем и последующего) законодательства Татищев видел и в том, что в нем не определены права и обязанности каждого сословия, а главное — не проведена четкая грань, отделяющая шляхетство от «подлости». «У нас,— писал Татищев,— междо шляхтичем и подлым никакой разности, ни закона о том нет, а почитаются все имеющие деревни; подьячие, поповичи, посадские, холопи, имеющие отчины купленные пли иным случаем полученные, за шляхетство гербы

---

[6] Эта программа в общем виде изложена Татищевым в записках 1743 и 1748 гг. «Рассуждение о ревизии поголовной и касающемся до оной» (*Н. А. Попов.* Татищев и его время. М., 1861, Приложение XVI, стр. 718—720) и упомянутом представлении о купечестве и ремеслах («Исторический архив», т. VII, стр. 416—426). Общая характеристика экономических взглядов Татищева дана в работах П. К. Алефиренко («Вопросы истории», 1948, № 12, стр. 89—97), И. С. Бака («Исторические записки», т. 54, стр. 362—381), М. П. Кузьминой (автореферат канд. дисс. Свердловск, 1966, стр. 1—19); см. также: *С. А. Александров.* Экономические и политические взгляды В. Н. Татищева.— «Известия АН СССР. Отделение экономики и права», 1951, № 3, стр. 186—207; *А. И. Юхт.* Проекты В. Н. Татищева 1721—1726 гг. о развитии промышленности и торговли на Урале и в Сибири.— «История и историки. Историографический ежегодник. 1971». М., 1973, стр. 293—330.

[7] *В. Н. Татищев.* Лексикон гисторической, географической и гражданской..., ч. II. СПб., 1793, стр. 120.

[8] Указ 1721 г. противоречит древним законам, писал Татищев в 1748 г., ведет к разорению купцов и крестьян (ибо купцы якобы переплачивают вдвое при покупке деревень и не умеют управлять ими) и не имеет аналогии в других странах Европы. «И ежели сей вред не пресечется, то опасно, чтоб все наше купечество торгу не лишилось, и так мы как купцов для торгу, как шляхетства службы иметь достаточно не будем» (*В. Н. Татищев.* Например представление о купечестве и ремеслах, стр. 418). Как известно, в 1762 г. в угоду дворянству указ 1721 г. был отменен.

себе берут, кто какой сам вымыслит, и почитаются по богатству, чего нигде не ведется» [9].

По мнению Татищева, представители бюрократии на местах (назначенные центральными правительственными учреждениями) согласно законодательству Петра I наделены чрезмерной властью по отношению к дворянству. «Губернаторы и воеводы надмерную над шляхетством власть имея, не токмо сами, но подьячим дают способ со шляхетством презрительно поступать, и по своей воле их, когда хотят, употребляют и грабят» [10]. В то же время он отмечал стремление Петра I исправить это положение, в частности, путем предоставления дворянам больших возможностей для участия в местных органах власти. Поддерживая эти намерения Петра I (которые не были осуществлены его преемниками), Татищев предлагал в 1748 г. передать дворянам руководство городскими магистратами. Свое предложение он обосновывал тем, что, во-первых, дворяне, а также помещичьи и государственные крестьяне связаны с купцами торговлей и различными договорами, поэтому при спорных делах защиту интересов этих сословий смогут обеспечивать только представители шляхетства; во-вторых, президенты и бургомистры, «самовластвуя», обижают и притесняют посадских людей, а «некоторых и в конечное разорение уже привели» [11]. Татищев, разумеется, не задавал вопрос, где гарантия, что дворяне, поставленные во главе магистратов, не будут еще более разорять и притеснять горожан. Отстаивая необходимость участия дворянства в местных (в том числе и в городских) органах власти, Татищев преследовал более широкую цель — усиление политической роли дворянства.

Сложным было отношение Татищева к Табели о рангах — одному из важнейших законодательных актов Петра I в области социальной политики. Поддерживая бюрократический принцип личной выслуги как основы продвижения по иерархической лестнице чинов, он все же полагал, что нельзя при этом сбрасывать со счетов породу, знатность. Надо ограничить действие Табели о рангах, чтобы тем самым затруднить доступ в дворянство «подлородным», т. е. выходцам из других сословий. «У нас всяк, кто только похочет, честь шляхетскую похищает. О пресечении сего великого беспорядка и оскорбления... видится забыто»,— с досадой писал Татищев [12]. Он отдавал явное предпочтение дворянству родовитому перед выслужившимся и рассматривал последнее как неполноценное, второразрядное [13]. Татищев отнюдь не был одинок в своем мнении, его разделяли и другие представители господствующего класса (например, А. Д. Кантемир, А. П. Волынский) [14]. Он предлагал составить для каж-

[9] *В. Н. Татищев.* Рассуждение о беглых мужчинах и женщинах, и о пожилых за побег.— В кн.: *Н. А. Попов.* Указ. соч. Приложение XVII, стр. 771. О том же Татищев писал ранее в другой работе: «Для пристойности и доброго в народе порядка, чтоб всяк свою должность знал», нужна «разность станов шляхетского, купечества и поселянства» (*В. Н. Татищев.* Разговор о пользе наук и училищ. М., 1887, стр. 146).

[10] *В. Н. Татищев.* Рассуждение о беглых..., стр. 772.

[11] *В. Н. Татищев.* Например представление о купечестве и ремеслах, стр. 416.

[12] *В. Н. Татищев.* Произвольное и согласное рассуждение и мнение шляхетства русского о правлении государственном.— В кн.: «Утро». Литературный сборник. М., 1859, стр. 384.

[13] «Хотя и никому того [дворянства] из подлости дослужиться и равномерную честь получить не препятствует, но *природное во всей Европе предпочитаемо*» (*В. Н. Татищев.* Лексикон..., ч. II, стр. 120. Курсив мой.— *А. Ю.*).

[14] А. Кантемир, например, писал: «Благородные обычно большие имения и владения в государстве имеют и потому с большим усердием и от внешних неприятелей защищают и внутренней того пользы ищут» (*А. Д. Кантемир.* Сочинения, письма и избранные переводы, т. I. СПб., 1867, стр. 219).

дой категории раздельные родословные книги: одну — для «подлинного шляхетства» (в которую считал возможным включить и выходцев из других сословий, получивших за особые заслуги в результате царского пожалования дворянство и имения), а другую — для лиц («из какого бы чина они ни были»), добившихся дворянства в результате выслуги [15].

Татищев был против службы дворян в качестве солдат в негвардейских полках, выступал за сокращение сроков военной службы шляхетства. В его высказываниях явно сквозит тенденция к превращению дворян в замкнутое сословие, наделенное исключительными правами и привилегиями.

Татищев выступал за то, чтобы дворянство занимало командные позиции не только в армии, но и в государственном аппарате. Он был обеспокоен тем, что в массе своей дворяне предпочитали военную службу гражданской, в результате чего многие должности в бюрократических органах власти заполнялись представителями непривилегированных сословий. Такое положение, указывал он, не отвечает интересам ни шляхетства, ни абсолютистского государства. Аргументируя свое мнение, Татищев писал, что чиновники, определенные «из подлости и убожества», бессовестно разоряют государство. Между тем дворяне, особенно родовитые, имеющие доходы и, следовательно, более обеспеченные, будут якобы меньше грабить казну, заниматься взяточничеством и допускать произвол в отношении населения. Это утверждение Татищева не имело под собой почвы и находилось в вопиющем противоречии с действительностью. Татищев-администратор в этом отношении тоже не являлся исключением. Он неоднократно обвинялся во взяточничестве.

Лично Татищев придавал гражданской службе первостепенное значение. «Гражданская услуга в государстве есть главная», и она требует «гораздо более памяти, смысла и разсуждения», чем военная,— внушал он своему сыну [16]. Он одобрял меры Петра I, направленные на привлечение дворян к гражданской службе (учреждение в коллегиях для дворян должности юнкеров, запрещение производить в секретари недворян, направление в гражданские учреждения отставных офицеров и т. д.) [17].

Татищев считал, что при преемниках Петра I этот курс на пополнение бюрократического аппарата дворянством последовательно не проводился. В частности, не делалось должного для обучения дворянства и подготовки его к деятельности на гражданском поприще. «Шляхетство не учено и училищ не устроено, да видится вся прилежность и узаконения о том преславного в мире государя в презрении и забвении оставлено»,— писал Татищев [18].

Вместе с тем он был против установившейся практики определения на гражданскую службу лиц, уволенных из армии за различные преступления или пороки, поскольку они своими действиями подрывают авторитет государственных органов власти и вызывают недовольство населения [19].

Взгляды Татищева на укрепление кадров государственного аппарата дворянами разделял и А. П. Волынский. «По примеру европских госу-

---

[15] *В. Н. Татищев.* Произвольное и согласное рассуждение..., стр. 377.
[16] *В. Н. Татищев.* Духовная моему сыну. СПб., 1896, стр. 19—20.
[17] Для привлечения дворян на гражданскую службу Петр I предусмотрел ряд мер в Табели о рангах. Этот вопрос обстоятельно исследован в недавно вышедшей работе С. М. Троицкого «Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии» (М., 1974, стр. 77, 85, 93—107).
[18] *В. Н. Татищев.* Рассуждение о беглых..., стр. 771.
[19] *В. Н. Татищев.* Избранные труды по географии России. М., 1950, стр. 201.

дарств, следует,— писал он,— ввести шляхетство и в духовный и в приказный чип, ибо доныне в канцеляриях все люди подлые» [20].

Татищев отрицательно относился к придворной службе и считал ее мало полезной для государства. Поэтому, а также из этических соображений [21] он советовал сыну никогда «сего чина» не искать «и никаким тут благополучием» не прельщаться и быть в придворном штате разве только по повелению монарха. Не одобряя действий преемников Петра I, установивших лицам придворного штата более высокие ранги и оклады, чем чиновникам государственных учреждений, Татищев ставил в пример Петра I, который «сей чин придворных ни во что вменял, и в ранг их не токмо на конце, по весьма ниский положил» [22].

Для укрепления дворянского землевладения и развития помещичьего хозяйства, а также прекращения постоянных столкновений между помещиками Татищев предлагал осуществить Генеральное межевание земель. Он сообщает интересные сведения, что у Петра I было намерение начать подготовку к межеванию земель еще до окончания Северной войны. Царь обсуждал с Татищевым данный вопрос в 1719 г. и поручил ему составить наказ межевщикам, решил определить его к этому делу, о чем даже словесно объявил в Сенате [23]. Петру I не удалось приступить к осуществлению своего намерения. После смерти Петра I Татищев неоднократно ставил перед правительством вопрос о межевании земель, указывая, что тогда прекратится «великая внутренняя вражда», увеличатся и более исправно будут поступать казенные подати, шляхетство возымеет большую охоту к службе, перестав бояться покидать свои имения. Как известно, попытки начать межевание предпринимались, но практически проведено оно было в последней трети XVIII в.

Итак, Татищев, в целом одобряя политику Петра I в отношении дворянства, в то же время критиковал некоторые ее аспекты, утверждая, что они не в полной мере отвечают интересам помещиков. Татищев выступал за расширение прав и привилегий шляхетства, за превращение его в первенствующее сословие в государстве.

Мне представляется справедливым мнение П. К. Алефиренко о том, что во взглядах Татищева на права и обязанности дворянства проявлялись аристократические тенденции [24]. Они находили отражение в критическом отношении к Табели о рангах и стремлении ограничить доступ в дворянство представителям непривилегированных сословий, в предпочтении, отдаваемом потомственным дворянам перед выслужившимися, и требовании обеспечить за первыми руководящее положение в государственном аппарате. К этому следует добавить, что Татищев не только высказывал эти взгляды, но и придерживался их в своей административной практике, что, кстати, нередко вызывало возражения со стороны бюрокра-

---

[20] «Записка об Артемии Волынском» («Чтения ОИДР», 1858, кн. 2, отд. V, Смесь, стр. 155).

[21] Среди придворных, отмечал Татищев, преобладают такие чувства, как «лицемерство, коварство, лесть, зависть и ненависть», некоторые из них «ушпичеством ищут свое благополучие приобрести» (*В. Н. Татищев.* Духовная моему сыну, стр. 25).

[22] Там же. О преимуществах, предоставленных придворным при Анне Иоанновне и Елизавете Петровне, см.: *С. М. Троицкий.* Указ. соч., стр. 122—123.

[23] *Н. А. Воскресенский.* Законодательные акты Петра I, т. I. М.— Л., 1945, стр. 70—71; ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. II, кн. 74, л. 64—64 об.; «Переписка В. Н. Татищева за 1746—1750 гг.», стр. 264; *В. Н. Татищев.* Например представление о купечестве и ремеслах, стр. 406—407.

[24] *П. К. Алефиренко.* Социально-политические воззрения В. Н. Татищева.— «Вопросы истории», 1951, № 10, стр. 106.

тии, стремившейся действовать в соответствии с существующим законодательством [25].

Положительно оценивая политику Петра I в отношении купечества и ремесленников, Татищев все же находил ее недостаточно эффективной и считал, что необходимо создать более благоприятные условия для торгово-промышленной деятельности посадского населения. Он был против участия дворян в торговле и промышленности и наметил программу поощрительных мер по отношению к купечеству и ремесленникам, осуществление которой должно было содействовать дальнейшему росту промышленности, внутренней и внешней торговли, что отвечало интересам укрепления абсолютистского государства.

Татищев предлагал построить казармы на средства горожан и тем самым освободить их дома от постоев солдат, оградить купечество от произвола местных властей, восстановить магистраты, ликвидированные после смерти Петра I [26], отменить откупа и подряды, которые препятствовали торговле и вызывали недовольство среднего и мелкого купечества. Русское купечество, указывал Татищев, испытывает недостаток в капиталах, между тем как у духовенства и дворянства имеются значительные и часто никак не используемые средства. Нужны банки для кредитования купцов и ремесленников, надо улучшить вексельное дело. В интересах торговли и купечества Татищев считал полезным учредить вновь ярмарки «в некоторых пристойных местах», объявить «всенародно» сроки торговли на всех ярмарках, ибо местные власти «по своим прихотям как хотят, так начинают», а по окончании торговли «купцов невмерно долго волочат»; организовать почту, чтобы торговые люди могли получить необходимые сведения о ценах, об ассортименте товаров, пользующихся спросом на данной ярмарке, и т. д. [27] Короче говоря, Татищев предлагал избавить купечество от разного рода ограничений и притеснений, предоставить ему возможность свободно вести торговлю и тем открыть путь к его обогащению. В тех странах, где купечество «свободно торгует,— писал он,— тамо и богато, а когда купечество богато, то все государство сильно и почтенно» [28].

Под свободой торговли Татищев понимал отмену монополии казны на продажу товаров. Торговля казенными товарами, широко практиковавшаяся при Петре I, была отменена в 1719 г. Но реформа не была проведена последовательно, ибо казна сохранила за собой право на торговлю некоторыми товарами. При преемниках Петра I казна также прибегала к монополии как одному из средств для «поправления» финансов. Однако ограничения в торговле сдерживали рост внутри- и внешнеторговых оборотов и вызывали недовольство купечества [29].

Требование свободы торговли отнюдь не означало, что Татищев выступал за полную самостоятельность действий купечества. Напротив, он был сторонником регламентации и опеки над торгово-промышленной деятельностью купечества со стороны государственных органов власти. В ос-

---

[25] В этом отношении характерны, например, замечания Берг-коллегии в адрес Татищева (*А. И. Юхт.* Поездка В. Н. Татищева в Швецию, стр. 317—319).

[26] Подобные же требования выдвигал А. П. Волынский: «Взять меры к прекращению чинимых воеводами купечеству обид и разорений в торгах..., учредить магистрат как было прежде» («Записка об Артемии Волынском», стр. 155).

[27] *В. Н. Татищев.* Например представление о купечестве и ремеслах, стр. 416—424.

[28] *В. Н. Татищев.* Рассуждение о ревизии поголовной.— В кн.: *Н. А. Попов.* Указ. соч. Приложение XVI, стр. 719.

[29] *Р. И. Козинцева.* Участие казны во внешней торговле России в первой четверти XVIII в.— «Исторические записки», т. 91, стр. 325—337.

нове такого взгляда лежало два соображения. Во-первых, Татищев отводил абсолютистскому государству главную роль в выработке экономической политики и руководстве хозяйственным развитием страны. Во-вторых, как и многие представители господствующего класса, он был далеко не лестного мнения о предприимчивости и инициативе русского купечества.

Наиболее приемлемой формой правления в России Татищев считал монархию, прочность которой, по его мнению, основывалась на крепостном праве. Вследствие этого было бы, разумеется, неестественным ожидать от него осуждения или критики крепостнической политики Петра I.

Как известно, церковная реформа Петра I встретила у Татищева горячее сочувствие и поддержку. В «Истории Российской» и других работах он отстаивал и защищал основные принципы этой реформы. Взгляды Татищева на взаимоотношение духовной и светской власти в значительной мере и сложились под воздействием петровского законодательства и практики по отношению к церкви.

Татищев выступил против тезиса, что общество может иметь две равные власти — светскую и духовную,— и был убежден в необходимости полного подчинения церкви государству. Ссылаясь на опыт русской и мировой истории, он доказывал, что притязания иерархов церкви на верховенство над светской властью опасны для государства и вмешательство церкви в государственные дела ничего, кроме вреда, не приносит. Он резко критиковал «многих невежд» (под которыми он, очевидно, подразумевал большую часть духовенства), придерживавшихся мнения, что «якобы духовная власть выше государственной», обрушился на иерархов церкви, не довольных реформой Петра I, упрекая их в «гордости и властолюбии» [30]. Татищев отчетливо представлял, что Петр I старался подорвать политическое и экономическое могущество церкви и использовать богатства церкви для укрепления абсолютистского государства [31].

Особенно приветствовал Татищев указ Петра I 1724 г., согласно которому огромные монастырские доходы должны были употребляться на содержание больниц, богаделен, устройство училищ, а не на «роскошность, пиянство и блуд или великолепие духовных» [32]. Однако, с огорчением отмечал Татищев, указ 1724 г. не был выполнен. Школы были созданы лишь в Новгородской и Белгородской епархиях, а не повсеместно, более того, даже основанные ранее были «оставлены и разорены, а вместо того архиереи конские и денежные заводы созидать прилежали» [33]. В обскурантизме и невежестве духовенства видел Татищев главное препятствие распространению просвещения и науки в России [34].

Согласно рационалистической философии, господствовавшей на рубеже XVII—XVIII вв. в Европе, развитие общества определялось действиями ума и воли людей. Отсюда Вольф, Пуфендорф, Бейль и другие философы (с трудами которых был хорошо знаком Татищев) придавали решающее значение распространению знаний и науки, просвещению человеческого ума. Татищев, полностью разделявший эти идеи [35], считал, что вопросы просвещения должны быть постоянно в центре внимания правительства. «Научение от младенчества разуму есть главная государству польза»,—

---

[30] *В. Н. Татищев.* История Российская, т. I, стр. 380.
[31] Там же, стр. 381—382.
[32] *В. Н. Татищев.* История Российская, т. II. М.— Л., 1963, стр. 236, 242.
[33] *В. Н Татищев.* Разговор о пользе наук и училищ, стр. 111.
[34] *В. Н. Татищев.* История Российская, т. I, стр. 442 (прим. 36—36).
[35] Подробнее об этом см.: *С. Н. Валк.* О «всемирном умопросвясчении» В. Н. Татищева.— В кн.: «Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. Сб. статей, посвященный Л. В. Черепнину». М., 1972, стр. 170—171.

писал он, ибо посредством образования люди приобретают «разум и премудрость», способность «о всем правильно разсуждать» и действовать на пользу «себе и отечеству или всему сообсчеству». Именно поэтому все европейские государства, будь то монархии или республики, не жалеют средств на развитие просвещения [36].

Исходя из своих просветительских взглядов, Татищев и подходил к оценке преобразований Петра I в области просвещения, науки и культуры в России. По его словам, царь более всего старался о распространении в народе знаний и об искоренении суеверий; он «вольные науки и искусства открыл», был «ученых людей великий любитель и защитник» [37]. С именем Петра, писал Татищев, связано основание Академии паук, перед которой он поставил не только научные, по п практические задачи оказания помощи правительству в экономическом и культурном развитии страны [38]. Критикуя преемников Петра I за то, что опи не поддержали многих его начинаний в области просвещения [39], Татищев предлагал расширить сеть учебных заведений в стране — открыть в городах кадетские корпуса, два университета, 4 гимназии и 200 семинарий, в которых могли бы обучаться до 20 тысяч детей дворян, духовенства и купечества [40]. Успехи в распространении науки и просвещения он связывал также с отменой монополии казны на печатание книг и разрешением «вольного книгопечатания» и свободной продажи книг. Только тогда можно будет добиться того, чтобы книг было достаточно, чтобы их везде продавали и чтобы они были недороги. «Если вольного книготиснения допусчено не будет, никаким книгам полезным и наукам нуждным распространиться невозможно» [41].

Для Татищева, как и для многих сподвижников и современников Петра I, характерно преклонение перед личностью царя-реформатора. Петр I у него — «отец отечества», «премудрый в свете государь», «бессмертной славы и пользы российской умножитель», монарх, достойный «вечного от России благодарения», и т. д.

Но когда Анна Иоанновна предложила Татищеву взяться за подготовку истории Петра Великого, он отказался под тем предлогом, что еще многие участники событий живы, они могут обидеться, если он напишет правду, а лгать не желает. Татищев понимал, что никто не разрешит ему написать историю Петра так, как он считал нужным, а писать подругому значило грешить против памяти Петра I и своей совести. С воцарением Елизаветы Петровны возникла более благоприятная обстановка. Осенью 1744 г. Татищев через кабинет-секретаря И. А. Черкасова обратился к императрице и выразил свою готовность приняться за подготовку труда о Петре I [42]. Однако его предложение не было принято.

Спустя несколько лет, в 1747 г., Татищев предложил Академии наук подготовить и издать все заслуживающие памяти потомков изречения Петра I. Он рекомендовал начать эту работу, не откладывая, пока еще живы

---

[36] *В. Н. Татищев.* Избранные труды по географии России, стр. 199.
[37] *В. Н. Татищев.* История Российская, т. I, стр. 382; *П. П. Пекарский.* Указ. соч., стр. 19.
[38] *В. Н. Татищев.* Например представление о купечестве и ремеслах, стр. 415.
[39] «С какою горестию сердца то вспомянем и с коликою досадою видеть принуждены были, что, по кончине его величества, злостными и отечеству неверными, или невежеством тех, на кого то положено было, так все упусчено, что едва следы того остались»,— писал Татищев (*В. Н. Татищев.* Избранные труды по географии России, стр. 200).
[40] *В. Н. Татищев.* Разговор о пользе наук и училищ, стр. 161—162.
[41] *В. Н. Татищев.* История Российская, т. I, стр. 97.
[42] *П. П. Пекарский.* Указ. соч., стр. 43.

люди, которые часто общались с царем и помнят многие беседы с ним. В памяти Татищева тоже запечатлелись наиболее яркие рассказы о беседах Петра I, и некоторые из них он привел в «Истории Российской» и письмах [43]. Примеры эти стали хрестоматийными и, как правило, используются почти во всех работах о Петре.

Татищев достаточно полно определил основные направления и итоги петровских преобразований. Суть этих итогов он видел в том, что Россия в первой четверти XVIII в. достигла значительных успехов в экономическом, политическом и культурном развитии, укрепила свое военное могущество и международное положение. Укрепление экономического положения России при Петре I он связывал прежде всего с ростом промышленности, ремесла и торговли. Главный итог в области внутриполитического развития этого периода, по мнению Татищева, состоял в ликвидации патриаршества и полном подчинении церкви государству, усилении самодержавной власти, создании основ государственного устройства России.

К оценке реформ Петра I Татищев подходил не столько как историк, сколько как государственный деятель, стремившийся извлечь практические уроки из недавнего прошлого. Отстаивая, защищая и развивая основные принципы петровских преобразований, Татищев, так же как Прокопович, Кантемир и др., пытался воздействовать на политику правительства в послепетровское время.

Изучение оценок Татищева о реформах Петра I важно для понимания его социально-экономических и политических взглядов, отношения дворянства к преобразованиям, поскольку он был одним из идеологов господствующего класса и, наконец, классовой сущности самих реформ.

---

[43] См., например: *В. Н. Татищев*. История Российская, т. I, стр. 87—88; «Переписка В. Н. Татищева за 1746—1750 гг.», стр. 261, 262.

Л. А. Никифоров

ЗАПИСКИ ВИЛЬБУА

Записки Вильбуа о России при Петре I и Екатерине I впервые стали известны у нас в начале 40-х годов прошлого века. Отечественные историки XVIII — начала XIX в., и в том числе Голиков, посвятивший себя изучению времени Петра I, не упоминают этих Записок, хотя в «Деяниях Петра Великого» имя Вильбуа встречается около 30 раз.

Впервые отрывок из Записок Вильбуа был опубликован в журнале «Русский вестник» в 1842 г. При этом публикатор указал, что рукопись Записок находится «в Парижской Королевской библиотеке, где списаны они были одним из почтенных любителей отечественной истории, который позволил нам пользоваться своим списком» [1].

В фонде Русского исторического общества, хранящемся в ЦГАДА, нам удалось обнаружить рукописную копию сочинения Вильбуа [2]. Тщательное сопоставление соответствующего раздела ее с отрывком, опубликованным в «Русском вестнике», показало их полную идентичность. Это говорит за то, что список ЦГАДА является точной копией рукописи, хранящейся в Национальной библиотеке в Париже, и, быть может, с него-то и был сделан перевод отрывка, опубликованный в 1842 г.

Несколько позднее, в 1853 г., эти Записки или мемуары были опубликованы в Париже со ссылкой на подлинную рукопись Вильбуа [3].

Однако сочинение Вильбуа не привлекло внимания наших отечественных историков, оно не использовано в нашей исторической литературе и, более того, остается неизвестным подавляющему большинству историков. Нет у нас и критического разбора этого сочинения как источника для истории нашей страны в первые десятилетия XVIII в., не выяснены ни достоверность сообщаемых в нем фактов, ни вопрос об авторстве Вильбуа.

Сочинение Вильбуа — это записки мемуарного характера, написанные, как следует из введения к ним, от имени адъютанта Петра I и офицера русского флота Франца (Никиты Петровича) Вильбуа.

Вильбуа — выходец из Франции, где он начал свою морскую службу в 1690 г. Через два года, в 1692 г., он был взят в плен англичанами в морском сражении и несколько лет после этого находился на службе в английском флоте. Когда из Англии в Голландию в начале 1698 г. была послана эскадра, чтобы перевезти Петра I со свитой в Лондон [4], Вильбуа находился на одном из военных кораблей, входивших в эту эскадру. Здесь-то, видимо, и произошла его встреча с Петром I, и Вильбуа перешел на русскую службу. Из автобиографических сведений, содержащихся в

---

[1] «Русский вестник», 1842, № 2, стр. 139.
[2] ЦГАДА, ф. 1292, оп. 1, д. 124.
[3] «Memoirs secrets pour servir a l'histoire de la cour de Russie sous les regnes de Pierre le Grand et de Catherine Ire...». Paris, 1853.
[4] *М. М. Богословский.* Петр I, т. II. М., 1941, стр. 293—297.

прошении Вильбуа 1746 г. об отставке, поданном на имя Елизаветы Петровны, следует, что вступил он на русскую службу еще до отъезда Петра из Голландии в Англию [5].

С этого времени Вильбуа «безотлучно» сопровождал Петра I в Англии и Голландии и далее постоянно находился при царе, отлучаясь только для выполнения его поручений. Так, в 1699 г. он дважды был с Петром I в Воронеже, оттуда ездил с ним в Азов и на закладку Таганрога, ходил с Петром I на русском флоте во время посольства Украинцева, до Керчи. Круг его обязанностей как адъютанта царя был очень широк. Всюду он выполнял ответственные поручения Петра I, высоко ценившего этого отважного офицера.

О расположении Петра к Вильбуа свидетельствует и тот факт, что он женил его на старшей дочери пастора Глюка, в семье которого воспитывалась будущая жена Петра I — Екатерина.

Вильбуа деятельно участвовал во всех важнейших событиях Северной войны: в 1700 г. в первом походе под Нарву, в 1701 г. побывал с Петром I у Архангельска — в Соловецком монастыре, в 1702 г. активно действовал при взятии Шлиссельбурга, в 1703 г.— при взятии Канец, в 1704 г. — при взятии Нарвы, в 1710 г. — под Выборгом, в 1711 г. — в Прутском походе. Именно он был послан Петром I к генералу Янусу с приказом отступить и соединиться с главными силами русской армии. В 1712—1713 гг. Вильбуа находился в составе русской армии, действовавшей в Померании, в том числе при осаде Штеттина, при капитуляции Тонингена и т. д. В 1716 г. Вильбуа был в походе с Петром под Гданьск, затем — в Ростоке. В том же 1716 г. прибыл с русским флотом к Копенгагену, где сосредоточивались русские войска и флот, предназначенные для десанта на территорию Швеции. В 1717 г. ему было поручено во главе небольшого отряда военных судов наблюдать, чтобы Гданьск не вел торговых сношений со Швецией. Только в 1718 г. он захватил 7 призов — торговых кораблей, нарушавших русскую блокаду Швеции. В 1719 г. Вильбуа находился вместе с Петром I в походе русского флота к Аландским островам. После заключения Ништадтского мира Вильбуа, получивший к этому времени чин капитана первого ранга [6], принимал участие в Персидском походе Петра I [7].

Вильбуа значительно пережил Петра, дослужился до контр-адмирала и в 1747 г. был уволен по прошению в отставку с чином вице-адмирала, пробыв на русской службе около 50 лет. Умер в 1760 г.[8]

Введение к Запискам написано не от имени Вильбуа и содержит некоторые биографические сведения о нем, не совсем совпадающие с его автобиографией и порой носящие несколько фантастический характер. Можно предположить, что автор введения и автор Записок — разные лица. Впрочем, установить это трудно или даже невозможно, тем более что мы не располагаем подлинником Записок.

Помимо введения Записки Вильбуа содержат пять разделов [9]:

---

[5] «Русский архив», год пятый, 1867, стб. 1188—1199. Дату вступления на русскую службу — 12 октября 1696 г.— Вильбуа в этом прошении дает явно ошибочную.

[6] «Военный энциклопедический лексикон», ч. 3. СПб., 1839.

[7] «Русский архив», год пятый, 1867, стб. 1196—1198.

[8] «Общий морской список», ч. I. СПб., 1885, стр. 79.

[9] Мы считаем, что копия Записок Вильбуа, хранящаяся в ЦГАДА, соответствует подлиннику, который находится в Национальной библиотеке в Париже, и даем изложение в том порядке, как оно имеется в этой копии. Французский издатель Записок Вильбуа обращался с ними вольно — изменял порядок глав, разбивал

«1. О подлинной причине смерти царя Петра I и о торжестве празднования Собора, учрежденного этим государем при своем дворе.

2. Стрельцы. Восстание стрельцов и подавление их в царствование Петра I или Великого.

3. Краткие рассказы, или анекдоты, о жизни царицы Евдокии Федоровны, первой жены царя Петра I.

4. Анекдоты, или короткие рассказы, о жизни Екатерины, русской императрицы, второй жены царя Петра I.

5. Короткие рассказы, или анекдоты, о жизни киязя Меншикова и его детей до 1734 г.»

Большая часть первого раздела Записок Вильбуа посвящена истории возникновения Всешутейшего собора и описанию этого праздника. Автор считает, что цель создания Собора — желание Петра внушить подданным отрицательное отношение к папизму и католической церкви и вместе с тем представить в смешном свете сан патриарха московского. «Это вытекало из стремления этого умного и смелого государя подорвать влияние старого русского духовенства, уменьшить это влияние до разумных пределов и самому встать во главе русской церкви, а затем устранить многие прежние обычаи, которые он заменил новыми, более соответствующими его политике».

Автор ставит создание Собора в прямую связь с преобразовательной деятельностью Петра.

В этом же первом разделе автор останавливается на причине смерти Петра I. Он решительно опровергает версию об отравлении, а также о простудном заболевании. «В действительности,— пишет Вильбуа,— его смерть была вызвана застаревшей язвой на шейке мочевого пузыря, где произошло воспаление».

К этому вопросу — о причине смерти Петра — Вильбуа возвращается и в разделе Записок, посвященном Екатерине. Здесь, отвергая ходившие в то время слухи об отравлении Петра Екатериной [10], Вильбуа повторяет свою версию: «Этот государь умер от задержания мочи, вызванного воспалением язвы, которая с давних пор была у него на шейке мочевого пузыря. Он постоянно лечился от этой болезни, но все средства были безуспешными». Едва ли Записки Вильбуа дают что-либо новое по этому вопросу: они не содержат ни подробного описания болезни Петра, ни ссылок на мнение лечивших его врачей.

Небольшая глава о стрельцах содержит отдельные детали о подавлении восстания стрельцов и их казни. Вильбуа, пожалуй, усугубляет страшную картину расправы со стрельцами, сообщая явно преувеличенную численность стрельцов, казненных в Москве в один день по возвращении Петра,— 7000 человек. По сути дела он осуждает поведение Петра во время казни стрельцов. Считая справедливым постигшее стрельцов возмездие, он пишет, что «нельзя оправдать то, что он утолял свою ненависть с топором в руках».

В главе о царице Евдокии Вильбуа пишет, что ее жизнь со времени выхода замуж была сплошной трагедией. Он отмечает и отрицательные черты характера Евдокии, называя ее «ревнивой, властолюбивой интриганкой». По его сведениям, когда, уже после смерти Петра I и Екатерины,

---

крупные главы на несколько меньших, составлял развернутые заголовки глав и т. д.

[10] Основанием для таких слухов было то, что Петр незадолго до своей смерти уличил Екатерину в измене с Вилимом Монсом. Монс был казнен якобы за взятки, и Екатерина должна была опасаться за свою безопасность.

на престол вступил Петр II и Евдокия, бабушка этого царя, была освобождена из тюрьмы, «она сохранила свой властолюбивый дух и стремление к интригам». Он утверждает, что Евдокия пыталась стать регентшей или по крайней мере надеялась активно участвовать в управлении делами в пору малолетства внука. «Однако министры этого юного государя, зная честолюбие и беспокойный характер этой женщины, сумели так повернуть дело, что заставили ее продолжать вести прежний образ жизни»— оставаться монахиней.

Весьма интересна глава Записок, посвященная Екатерине. Эта глава наиболее обширна и содержит много материала о жизни второй жены Петра I, унаследовавшей его престол. Создается впечатление, что здесь в распоряжении автора были наиболее полные и в целом достойные доверия источники.

Автор начинает главу с описания происхождения Екатерины, ее горестного сиротского детства. После гибели родителей, умерших от чумы, будучи трехлетней девочкой, она оказалась на попечении священника города Мариенбурга. Но эпидемия унесла и этого священника и его семью, и Екатерина вновь осталась одинокой, до прибытия в город пастора Глюка, который и подобрал ее. Никто не мог сообщить Глюку ничего ни о ее родителях, ни о месте ее рождения.

Дальше Вильбуа шаг за шагом прослеживает жизнь Екатерины в семье Глюка, говорит о ее браке со шведским драбантом, которому, однако, пришлось немедленно отправиться в Польшу, об осаде Мариенбурга войсками Шереметьева и о том, как юная Екатерина оказалась в его распоряжении, а от него вскоре перешла к Меншикову, где ее и увидел Петр I.

Вильбуа описывает затем, как Екатерина была привезена в Москву, как росла любовь к ней Петра, как она уединенно жила в доме, где Петр тайком посещал ее вечерами, и как постепенно таяла та секретность, которая окружала их отношения вначале. Он уверяет, что, поскольку министры Петра стали все чаще бывать в этом доме, Екатерина постепенно привыкла участвовать в их беседах и проявила способности к пониманию тех государственных дел, которые занимали самого Петра.

«Именно тогда,— говорит автор,— слушая рассуждения царя и его министров, она вошла в курс различных интересов виднейших семей России, а также соседних монархов. Так она познакомилась с главными принципами государства и правительства, которые в дальнейшем она так хорошо осуществила на практике».

Высоко оценивая дарования Екатерины, автор высказывает подозрение, что она уже тогда замыслила стать женой Петра и воспользовалась для достижения этой цели разладом, существовавшим в его семье.

Ссылаясь на свидетельства людей, принимавших участие в советах Петра, Вильбуа утверждает, что Екатерина часто подсказывала им способы решения некоторых сложных дел, и это привело к ее духовной близости с будущим мужем. Вильбуа приписывает Екатерине мысль начать мирные переговоры с турками во время Прутского похода, когда русская армия, окруженная огромными силами врага, находилась в отчаянном положении. По его словам, она предложила Петру подкупить визиря и не только отдала для этой цели свои драгоценности, но и собрала деньги среди офицеров русской армии. Приводит он и интересный эпизод, как был найден оставшийся в живых брат Екатерины Шарль Скавронский, причем их встреча произошла, по словам автора, в доме «одного из дво-

рецких Петра I» — Шепелева. Между тем Д. А. Шепелев — обер-гофмейстер, был мужем младшей дочери пастора Глюка, сестры жены Вильбуа, что также является косвенным подтверждением и достоверности Записок, и авторства Вильбуа.

В этой интереснейшей главе Записок находится и рассказ о деле Вилима Монса — любовника Екатерины. Здесь-то автор и приводит рассказ француженки-фрейлины об ужасном состоянии Петра в дни, когда проходил допрос Монса. Петр, по словам автора Записок, замышлял поступить с Екатериной «так, как поступил Генрих VIII, английский король, с Анной Болейн». Удар отвели, по его словам, Толстой и Остерман, указавшие ему, что никто из европейских принцев не захотел бы после такого скандала жениться на дочерях Петра, о чем в это время шли переговоры. Опасность тем не менее продолжала висеть над головой Екатерины, и только скорая смерть Петра спасла ее от царского гнева.

Этот раздел Записок исключительно интересен, богат фактическим материалом, часто сообщаемым впервые, и читается как первоклассный детектив.

Последний раздел Записок посвящен «полудержавному властелину» Меншикову. Жизнь Меншикова, поднятого с самых низов до вершин богатства и власти и вновь низвергнутого на положение сибирского узника, может служить сюжетом для занимательного романа. Автор кратко повествует о его жизни с тех пор, как он торговал пирогами на московских улицах, показывает постепенный рост его славы и богатства и крушение всех его замыслов стать ближайшим родственником — тестем Петра II, чтобы править государством от его имени. Виновником падения Меншикова в Записках предстает Остерман, будто бы прежде глубоко оскорбленный Меншиковым.

Большая часть главы о Меншикове рассказывает о пребывании его в ссылке, о его смирении и встречах там с людьми, которые знали его в пору славы и могущества. Заканчивается глава описанием возвращения сына и дочери Меншикова из ссылки Анной Ивановной. Это возвращение, говорит автор, было связано с тем, что Меншиков имел значительные суммы в банках Амстердама и Венеции, чьи директора заявили, что вернут деньги только тогда, когда будут уверены, что князь или его наследники освобождены и смогут ими распоряжаться. Эти громадные суммы и стали приданным княжны Меншиковой, которую царица Анна выдала замуж за брата Бирона.

Возникает вопрос о достоверности сведений Записок и об их авторе. Для окончательного решения этих вопросов нужны дополнительные исследования. Ограничимся некоторыми предварительными наблюдениями.

Человек, близкий Петру и выполнявший различные и ответственные его задания, по характеру службы знавший многие секреты русского двора и правительства, женатый на особо доверенной фрейлине императрицы и имевший широкие связи с хорошо информированными людьми из придворных и военных кругов, Вильбуа мог располагать теми сведениями, которые находятся в приписываемых ему «Анекдотах».

Это говорит в пользу *достоверности* Записок Вильбуа. В пользу *авторства* Вильбуа говорит большая, чем в других частях Записок, фактическая насыщенность главы о Екатерине и особенно о ее детстве и юности. Именно Вильбуа, будучи тесно связан через жену и с самой Екатериной и с семьей пастора Глюка, мог располагать такими сведениями. Кстати говоря, это обстоятельство — женитьба на дочери Глюка, близкого Екатерине (жена Вильбуа — Елизавета Ивановна была статс-дамой им-

ператрицы [11]), придает большую достоверность сведениям, сообщаемым Вильбуа, и разделу его Записок, посвященному Екатерине.

Автор не раз подчеркивает достоверность своих Записок. Он как бы предвидит возможность наших сомнений. Более того, кое-где он оправдывает возможность недоверия, объясняя его тем, что сам считает многие из событий, о которых идет речь в «Анекдотах», невероятными, такими, в которые трудно поверить, если не быть их очевидцем. Таков его большой рассказ о судьбе Меншикова, или еще больший — о жизни Екатерины, которая, как он пишет, из бедного голодного подкидыша сделалась «неограниченной самодержицей огромной империи, грозной для всех государств Севера и Азии». «Все необычно, все ново, все так удивительно с самого начала и до самого конца дней Екатерины,— пишет он,— что я не удивлюсь, если многие не поверят в точность этих рассказов. Я охотно извиняю им это. И хотя еще имеются тысячи свидетелей тех фактов, которые здесь изложены, я понимаю, что нужно быть самому очевидцем, чтобы поверить всем этим фактам».

Автор подчеркивает не раз, что все его сообщения основаны на точных, проверенных фактах, на собственных дневниковых записях или на показаниях, достойных доверия очевидцев. Так, в начале рассказа о Екатерине он говорит, что его мемуары написаны «человеком, очень длительное время находившимся в свите российского двора. Его обязанности требовали, чтобы он точно знал все то, что там происходило, даже самое важное и самое тайное. Обо всем этом он вел нечто вроде дневника, из которого взяты нижеследующие рассказы, на правдивость которых можно положиться».

В конце главы о Меншикове и его детях автор говорит, что малоосведомленные люди «примут этот рассказ за роман, написанный для развлечения, а не за подлинную историю». «Однако в этой истории старались не упоминать ни одного факта, который не был бы тщательно проверен. А что касается бесед, которые здесь изложены, они все переданы на основе разговоров молодого князя Меншикова и его сестры госпожи Бирон с наиболее доверенными людьми, которые когда-то заботились об их воспитании, а позднее, когда они вернулись ко двору, служили им наставниками. О беседе офицера, которого встретил князь Меншиков на дороге между Тобольском и Камчаткой, тот рассказал нескольким лицам, когда вернулся в Москву».

Некоторые факты в Записках Вильбуа, как нам кажется, говорят в пользу не только их достоверности, но и подлинности авторства Вильбуа. Так, например, он сообщает, что Петр имел всегда рядом со своей кроватью карандаш, привязанный к грифельной доске, на которой записывал свои сны, чтобы утром, проснувшись, вспомнить о них. Или сообщает, что Петр нередко записывал свои мысли или очередные предстоящие дела «на дощечках». Эти «дощечки» — видимо, те грифельные записные книжки Петра, которые и сейчас хранятся в архиве вместе с обычными его записными книжками. Едва ли человек, не видевший Петра и не знавший мельчайших подробностей самой обстановки его жизни, мог бы так писать.

Автор довольно часто ссылается на свидетельства определенных лиц. Например, сообщая о том, как Екатерина жила замкнуто первые годы в Москве в доме одной небогатой женщины, где ее почти ежедневно инкогнито навещал Петр, желавший сохранить свой роман в глубокой тай-

---

[11] «Статс-дамы и фрейлины русского двора в XVIII столетии».— «Русская старина», 1870, ноябрь, стр. 480.

не, Вильбуа заявляет, что знает об этом от самой хозяйки дома. Вильбуа — адъютант Петра, должен был знать эту женщину, обитавшую в «малонаселенном районе» Москвы.

В той же главе о Екатерине, описывая поистине страшное состояние Петра, вернувшегося из Петропавловской крепости после допроса Вилима Монса — любовника Екатерины, автор не только ссылается на французскую девушку-фрейлину, прислуживавшую принцессам Анне и Елизавете, но и приводит с ее слов живую и ужасную сцену гнева Петра [12].

Все это как будто говорит в пользу утвердительного ответа на вопрос об авторстве Вильбуа.

Нельзя, однако, исключить и возможности, что подлинные Записки Вильбуа дошли до нас в позднейшей обработке. В пользу такого предположения говорит то, что в большей части Записок изложение ведется от третьего лица.

Воздерживаясь пока от окончательного ответа на вопросы о достоверности Записок и их авторе, следует тем не менее сказать, что они представляют значительный интерес и важны для изучения времени Петра I.

---

[12] Приступ гнева Петра против Екатерины был таков, что он едва не убил детей, которых имел от нее. «Он имел вид,— рассказывала фрейлина,— такой ужасный, такой угрожающий, такой вне себя, что все, увидев его, были охвачены страхом. Он был бледен как смерть. Блуждающие глаза его сверкали. Его лицо и все тело, казалось, было в конвульсиях. Он несколько минут походил, не говоря никому ни слова, и, бросив страшный взгляд на своих дочерей, ...он раз двадцать вынул и спрятал свой охотничий нож, который носил обычно у пояса. Он ударил им несколько раз по стенам и по столу. Лицо его искривлялось... страшными гримасами и судорогами... Эта немая сцена длилась около получаса, и все это время он лишь тяжело дышал, стучал ногами и кулаками, бросал на пол свою шляпу и все, что попадалось под руку. Наконец, уходя, он хлопнул дверью с такой силой, что разбил ее».

С. М. Троицкий

ДВОРЯНСКИЕ ПРОЕКТЫ СОЗДАНИЯ «ТРЕТЬЕГО ЧИНА»

При изучении истории «просвещенного» абсолютизма исследователи сосредоточили основное внимание на анализе «Наказа» Екатерины II, в котором дано обоснование принципов политики «просвещенного монарха», а также на характеристике работы Уложенной комиссии и последующей деятельности правительства [1]. Начальный этап этой политики, а также меры, свидетельствовавшие о намерении правительства Екатерины II расколоть посад и в большей мере опираться на верхушку формирующейся буржуазии, не изучены. В предлагаемой статье исследованы проекты создания в России особого сословия — «среднего рода людей», или «третьего чина», обсуждавшиеся в правительстве в 60-х годах XVIII в.

В середине XVIII в. наметилось обострение классовых противоречий, что было связано с формированием капиталистического уклада и буржуазии. Дальнейшее втягивание помещичьего и крестьянского хозяйства в рыночные отношения сопровождалось повышением всех видов ренты, способствовало капиталистическому расслоению деревни. Рост эксплуатации крестьян со стороны феодалов и государства вызвал широкую волну народного протеста. В волнениях участвовали сотни тысяч помещичьих, монастырских, приписных крестьян, однодворцев.

Горожане настойчиво добивались устранения стеснительных ограничений в занятиях торговлей и промышленностью, заявляли правительству о своем недовольстве конкуренцией со стороны представителей других сословий, особенно «капиталистых» крестьян и дворян. Одновременно углублялись социальные противоречия в городах между немногочисленной, но экономически сильной верхушкой буржуазии и основной массой посадских людей [2]. В этих условиях правительство Екатерины II было вынуждено проводить политику «просвещенного» абсолютизма, осуществить ряд мер, которые ослабили бы остроту классовых противоречий, а также сделать уступки развивающимся буржуазным отношениям.

Острые разногласия в правящих кругах между группами Шуваловых и Воронцовых по вопросу о выработке курса внутренней политики, а также противоречия между дворянами и посадскими людьми привели к тому, что созданная в 1754 г. комиссия так и не смогла выработать но-

---

[1] *Н. М. Дружинин.* Просвещенный абсолютизм в России.— В кн.: «Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.)». Сб. статей к 70-летию со дня рождения и 45-летию научной и педагогической деятельности Б. Б. Кафенгауза. М., 1964, стр. 428—459.

[2] *М. Я. Волков.* Формирование городской буржуазии в России XVII—XVIII вв.— В кн.: «Города феодальной России». Сб. статей памяти Н. В. Устюгова. М., 1966, стр. 193—198; *Ю. Р. Клокман.* Социально-экономическая история русского города. Вторая половина XVIII в. М., 1967, стр. 31—77; *Е. И. Индова.* Торгово-промышленная деятельность крестьян северных и северо-западных дворцовых селений в первой половине XVIII в.— В кн.: «Русское население Поморья и Сибири (период феодализма)». Сб. статей памяти чл.-корр. АН СССР В. И. Шункова. М., 1973, стр. 305—319.

вое Уложение и определить права сословий [3]. В 1758 г., по предложению графа П. И. Шувалова, Елизавета Петровна учредила при Сенате Комиссию о коммерции, которая должна была рассмотреть нужды купечества и найти способы улучшения торговли, чтобы укрепить таким образом экономическое и финансовое положение государства. Однако комиссия просуществовала недолго и не решила своих задач [4].

Новая попытка рассмотреть состояние «коммерции» и положение городского населения была связана с деятельностью Комиссии о коммерции, созданной Екатериной II 8 декабря 1763 г. Эта Комиссия подчинялась императрице и заседала в Зимнем дворце, что подчеркивало ее особое положение в системе бюрократических учреждений. В ее состав были включены видные государственные деятели, пользовавшиеся доверием новой императрицы: сенаторы И. И. Неплюев и князь Я. П. Шаховской, камергер граф А. П. Шувалов, главный директор над таможнями граф Э. Миних, вице-президент Юстиц-коллегии лифляндских, эстляндских и финляндских дел Т. фон Клингштет [5]. Фактическим руководителем Комиссии о коммерции был действительный статский советник и статс-секретарь императрицы Г. Н. Теплов, игравший важную роль в правительстве Екатерины II в первые годы ее царствования. Во внутренней политике он являлся продолжателем программы П. И. Шувалова и его сторонников, выступавших за создание более благоприятных условий для развития торговли и промышленности и формирования буржуазии [6].

11 февраля 1764 г. Теплов представил в Комиссию записку из 27 пунктов с предложениями по улучшению коммерции [7]. Несколько позже он написал «Примечание о поправлении коммерции», насчитывавшие 44 вопроса, и на их основе более обширный проект «О коммерции» из 44 пунктов [8], который развивал и дополнял положения записки от 11 февраля 1764 г. В обоих проектах была предложена программа работы Комиссии о коммерции, которая охватывала чрезвычайно широкий круг вопросов экономической политики государства. Как и другие современники, Теплов включал в состав «государственной коммерции» самые различные отрасли экономики: внутреннюю и внешнюю торговлю, ремесло и мануфактуры, рыболовство и морские промыслы, лесное хозяйство и добычу полезных ископаемых. Земледелие он тоже считал важной отраслью «коммерции» государства [9], в чем сказалось влияние модных в Европе идей физиократов.

В проектах Теплова можно выделить две группы вопросов, тесно связанных между собой: меры по созданию более благоприятных условий для развития экономики России, а также предложения по улучшению положения городского населения.

Теплов охарактеризовал состав и положение горожан среди других сословий. «Как и у других наций», писал он, в городах имеются «мещане», «кои третьим классом между дворянским и крестьянским состоят в государстве, а сей класс составляют купцы, которые обыкновенно имя носят посацких». В другом месте своей записки он отметил, что в состав

---

[3] *Н. Л. Рубинштейн.* Уложенная комиссия 1754—1766 гг. и ее проект нового уложения «О состоянии подданных вообще» (К истории социальной политики 50-х— начала 60-х годов XVIII в.).— «Исторические записки», т. 38.
[4] Там же, стр. 217.
[5] ПСЗ, т. XVI, № 11985; ЦГАДА, ф. 397 (Комиссия о коммерции), д. 29, лл. 1—2.
[6] *Н. Л. Рубинштейн.* Указ. соч., стр. 214—217, 250—251.
[7] ЦГАДА, ф. 397, д. 32, лл. 1—6.
[8] Там же, лл. 7—8 об., 9—38.
[9] Там же, л. 30.

«мещан» входят и городские ремесленники. Теплов указал на зависимое положение и сословную неполноправность представителей «третьего класса» — «их здесь жребий тот же, что и крестьянский по почтению, которое им от дворян приписывается, и по налогам, которым они часто подвержены бывают от управителей городских и воевод или от офицеров, коим случается временную команду иметь по городам». Мещане страдают также от многочисленных и тяжелых казенных служб и повинностей [10].

Интересы государства, считал Теплов, требуют улучшения положения посадского населения, ибо богатство казны «всегда состоит в обогащении его величества подданных». Поскольку купечество играет важную роль в государстве, то правительству выгоднее во всех тех случаях, когда сталкиваются интересы купцов и «казны государевой» «в жертву отдать малую отрасль доходу для пользы в купечестве общенародной». «Поправление» коммерции с лихвой окупит такие жертвы. Убеждая членов Комиссии о коммерции согласиться с его предложениями, Теплов в соответствии с распространенными в Европе рационалистическими взглядами апеллировал к их разуму: «Здравое разсуждение велит поспешно хвататься за такое основание, которое нимало не сумнительно» [11].

В записке «О коммерции» обращает на себя внимание то обстоятельство, что автор предлагал весьма различные меры для улучшения положения городской верхушки и низших слоев посадского населения. Теплова интересовали главным образом способы укрепления экономического положения богатой буржуазии, которая вела крупную экспортную торговлю с заграницей и владела заводами и фабриками.

Что касается купцов, то Теплов считал необходимым, «чтоб они больше у нас свободы и почтения имели». С этой целью он рекомендовал освободить их от подушной подати и впредь «не называть их обложенными», а взимать с них в казну ежегодно сбор в зависимости от размеров торговых оборотов и капиталов; необходимо также разделить всех купцов на гильдии, «каждой гильдии дать к почтению некоторые преимущества», и не назначать купечество к казенным сборам, заменив его отставными офицерами [12].

Одновременно Теплов поставил на обсуждение членов Комиссии о коммерции и другой важный и чрезвычайно острый для своего времени вопрос — «Об отвращении подрыву в торге купцам от скупщиков». Господство феодально-крепостнических порядков в стране задерживало развитие городов и рост численности их населения. Однако, несмотря на тормозящее влияние крепостного права, в целом торгово-промышленное население увеличивалось главным образом за счет формирования сельской буржуазии — торгующих крестьян и вотчинных ремесленников.

Конкуренция сельской буржуазии, которой покровительствовали дворяне и монастыри, серьезно ущемляла экономические интересы городского населения, добивавшегося от правительства записи в посадское тягло торгующих крестьян [13].

---

[10] ЦГАДА, ф. 397, д. 32, л. 31.
[11] Там же, л. 22 об.
[12] Там же, лл. 31 об.— 32.
[13] *М. Я. Волков.* Указ. соч., стр. 195—203; *Е. И. Индова.* Роль дворцовой деревни первой половины XVIII в. в формировании русского купечества.— «Исторические записки», т. 68, стр. 189—210; *Г. Л. Вартанов.* Купечество и торгующее крестьянство Центральной части Европейской России во второй половине XVIII в.— «Ученые записки Ленинградского гос. педагогического института им. А. И. Герцена», т. 229, 1962, стр. 163—188.

Теплов предлагал два решения вопроса о «скупщиках»: подтвердить указами правительства запрещение крестьянам торговать без записи в посадское тягло, в чем были заинтересованы и купцы и феодалы, или отказаться от принудительной регламентации крестьянских промыслов и торговли, так как после предоставления купечеству по его проекту льгот и освобождения от подушного оклада «всякому торговать нужды нет воспрещать». Сам Теплов был за второе решение этой проблемы [14].

Не менее интересны предложения Теплова и об изменении положения городских ремесленников, которых надлежало освободить от подушной подати. В отличие «от всей Европы», писал он, «в России нет распорядку в рукодельниках», отчего «и рукоделья наши не процветают». Теплов правильно указал, что главной помехой на пути развития промыслов и ремесел в городах было крепостное право, недостаток «вольных работников»: «Прочие все или в службе находящиеся, или крепостные». В результате, «хотя бы кто обучился из не положенных в подушной оклад», ему мешает заниматься ремеслом конкуренция вотчинных ремесленников. Поэтому для укрепления городских промыслов Теплов предложил записать всех ремесленников в цехи, а каждому крепостному ремесленнику разрешать заниматься своим промыслом «с платежом двойного оброка» (помещику и в цех) и лишь в тех случаях, «ежели он мастером быть по одобрению цеховому удостоится». Помещики, по его проекту, в дальнейшем не могли пользоваться трудом крепостных ремесленников, если те не записаны в цехи. Однако, как и в случае с правами купцов, Теплов намечал и другое решение вопроса о борьбе мещан с конкуренцией частновладельческих ремесленников: государство должно установить определенную сумму, уплатив которую крестьянин «право имел от помещика и вовсе откупиться». Такая мера «возвысить, кажется, может всем рукоделиям в государстве искусство, а напоследок произведет между дворянством и крестьянством третий стан людей, то есть мещанской» [15].

Теплов предлагал весьма радикальные для своего времени меры, которые должны были улучшить положение «мещан» и привести к созданию «третьего чина» людей. Замена подушной подати уплатой торгово-промыслового сбора и освобождение посадского населения от других государственных повинностей и служб отвечали интересам городского населения, объективно создавали более благоприятные условия для развития буржуазных отношений. По существу, этой же цели отвечали меры Теплова об ограждении посадского населения от конкуренции торгующих крестьян. Эта часть его предложений совпадала с аналогичными требованиями купечества, однако Теплов шел еще дальше, рекомендуя для укрепления городов разрешить выкуп частновладельческих крестьян-ремесленников и переход их в разряд мещан. Реализация данного предложения Теплова, несомненно, ущемляла бы интересы дворян-помещиков, ревниво оберегавших свои сословные привилегии. Однако Теплов в интересах всего дворянского государства считал необходимым пойти на подобные меры, от которых выигрывало все «общество». В качестве компенсации владельцы освобождающихся от крепостной неволи крестьян получали выкуп, размер которого автор проекта точно не определял. Появление подобных предложений отражало желание некоторых представителей правящих кругов более гибко реагировать на изменения в экономике страны, чтобы путем частичных уступок и реформ еще крепче привязать к абсолютизму буржуазию, особенно ее верхушку.

---

[14] ЦГАДА, ф. 397, д. 32, л. 34—34 об.
[15] Там же, лл. 36 об.—37.

Выдвигая программу создания «третьего класса», а по сути дела, расширения и укрепления сословных привилегий «мещанства» в России, Теплов связывал ее осуществление с деятельностью «просвещенного монарха» и соблюдением законности, что постепенно устранит «неискусство в купечестве», т. е. в торговле. При этом, считал он, «положить надобно за главное основание и то, чтоб единожды учрежденные и постановленные порядки действие свое непрерывное имели». За их соблюдением должно следить доверенное лицо императрицы [16]. Последнее замечание свидетельствует, что расширение «свободы» купечества он связывал с усилением правительственного контроля за его деятельностью.

Составляя свои записки, Теплов пользовался дворянскими и купеческими проектами о «поправлении» торговли, подававшимися в 1758—1762 гг. в Комиссию о коммерции, Елизавете Петровне и Петру III, в Сенат и другие высшие учреждения [17]. Признание важной роли купечества в жизни общества и государства, предложения о расширении сословных прав и привилегий купечества (замена подушной подати поимущественным торгово-промысловым сбором, отмена казенных служб, предоставление частновладельческим крестьянам-ремесленникам и торговцам права выкупать свою свободу для записи в купцы или в мещане и т. д.) рисуют Теплова как последователя внутриполитической программы группы П. И. Шувалова, изложенной в 50-х годах XVIII в. в ряде законодательных актов правительства и намеченной в первой редакции проекта (1754 г.) нового Уложения. Но в тепловском проекте создания «третьего чина» нашли отражение некоторые требования и русской буржуазии, изложенные купеческими депутатами в Уложенной комиссии в двух записках на имя Екатерины II в 1762—1763 гг.[18]

Содержание проектов Теплова свидетельствует и о его знакомстве с некоторыми идеями, изложенными в «Кратком изъяспении о вольности французского дворяпства и о пользе третьего чина». Эта записка была составлена 12 февраля 1763 г. в Москве неким французом М. де Буляром для канцлера графа М. И. Воронцова и по его распоряжению переведена на русский язык [19]. Де Буляр написал «Краткое изъяснение» на следующий день после создания Екатериной II секретной комиссии из высших сановников империи для рассмотрения вопроса о привилегиях первенствующего сословия и организации его службы после издания 18 февраля 1762 г. Манифеста о вольности дворянам. В ее состав был включен и Воронцов, который, видимо, намеревался использовать записку о положении дворян и буржуазии во Франции при обсуждении прав русских помещиков.

М. де Буляр развивал мысль, что для укрепления могущества абсолютной монархии во Франции был необходим «третий чин», который не только обслуживает интересы дворян в экономической сфере, но и играет

---

[16] ЦГАДА, ф. 397, д. 32, л. 38.

[17] Там же, д. 29, лл. 7—86. Часть этих записок передала в Комиссию о коммерции Екатерина II.

[18] Ср. *Н. Л. Рубинштейн.* Указ. соч., стр. 245—246, 248—249.

[19] «Архив князя Воронцова», т. XXVI. М., 1882, стр. 315—324. Издателю П. И. Бартеневу не были известны имя автора и дата составления записки. «Краткое изъяснение» написано М. де Буляром; копии с него сохранились в архиве М. И. Воронцова, который, возможно, и заказал де Буляру сочинение о положении сословий во Франции, а также среди бумаг Екатерины II. К нему обращались и составители «Проекта о правах благородных» во время работы Уложенной комиссии 1767—1768 гг. [ЦГАДА, ф. 1261 (Воронцовы), оп. 1, д. 2809; ф. 370 (Дела, относящиеся до образования различных государственных учреждений), д. 53, лл. 44—52 об., 53—59 об., 111—116 об., 117—128 об.].

важную роль в развитии науки и культуры. Третий чин — это «душа общества, он политическому корпусу есть, что желудок человеческому», это «убежище наук и освященное место человеческого познания», «училище великих людей», в котором воспитываются «добрые подданные всех родов». А раз так, то «всякая держава, в коей не находится третьего чина, есть несовершенна, сколько бы она ни сильна была» [20].

Обращаясь к России, автор «Краткого изъяснения» полагал, что и здесь «третий чин не трудно учредить». Для этого надо разрешить «продавать освобождение всем знатным купцам и славным художникам», т. е. отпускать за выкуп на волю торгующих крестьян. «Все художества» следовало разделить по цехам, а «каждый цех должен купить освобождение своим членам, что всегда... полезнее будет государству и знатным господам». В «третий чин», по мнению М. де Буляра, должны также войти и «все те, кои, упражняясь с успехом в науках, обучатся в университетах великим наукам», ибо они «должны иметь освобождение по аттестатам». В итоге, заключал свои рассуждения автор, «в России надлежит быть 1) дворянству вольному, 2) третьему чину, совершенно освобожденному, и 3) народу, упражняющемуся в земледельстве, хотя и не совсем свободному, но по крайней мере имеющему надежду быть вольными, когда будут они такими художниками, чтоб со временем могли привести в совершенство деревни или мануфактуры господ своих» [21].

В записке Теплова и его предложениях получила своеобразное преломление идея выкупа зависимым населением феодальных повинностей для перехода в «третий чин»: если де Буляр считал необходимым разрешить выкуп торгующим крестьянам (возможно, он не знал действительного положения посадского населения России), то Теплов на первый план выдвигал освобождение городского населения от феодальных платежей. И хотя он разделял мысль о выкупе на свободу части торгующих крестьян, однако она не получила детального развития в его проекте, надо полагать потому, что реализация подобного предложения могла вызвать недовольство многих помещиков.

Отмечая радикальный характер предложений Теплова о создании «третьего класса» людей, необходимо отметить, что в этом важном вопросе он, возможно, был также проводником замыслов самой императрицы Екатерины II, которая в 1763—1764 гг. не только разрабатывала планы образования «среднего рода людей», но и приступила к их осуществлению на практике, следуя в этом вопросе рекомендациям идеологов «просвещенного» абсолютизма. 22 марта 1764 г. она утвердила доклад главного директора Академии художеств генерал-поручика И. И. Бецкого «О воспитании юношества обоего пола», в котором объявляла о намерении создать «третий чин» путем воспитания «новой породы людей» [22].

Возвращаясь к обсуждению проектов Теплова, заметим, что большинство членов Комиссии о коммерции одобрило его предложения о создании особого сословия — «третьего чина» людей и наделении его привилегиями, ибо это было выгодно дворянскому государству. «Чем достаточнее будут мещане,— писал, например, граф Э. Миних,— тем больше умножится число их годоров, тем больше земледелец будет ободрен, сколько можно, вырабатывать свою землю, имея больше способностей к продаже произраще-

[20] «Архив князя Воронцова», т. XXVI, стр. 320—322.
[21] Там же, стр. 322—323, 324.
[22] ПСЗ, т. XVI, № 12103, стр. 669—670; см. подробнее: *А. С. Лаппо-Данилевский.* И. И. Бецкой и его система воспитания. СПб., 1904, стр. 30—45; *С. В. Рождественский.* Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII—XIX веках, т. I. СПб., 1912, стр. 255, 258—306.

пий»[23]. Действительно рост численности мещан благоприятно сказался бы на развитии крупной промышленности, которая испытывала недостаток в вольнонаемной рабочей силе. С улучшением положения горожан, считал он, появится больше «людей молодых, годных для мануфактур, в которые работников поныне большею частию употребляли из крестьян, потому что нужда требовала дозволить мануфактурщикам покупать крестьян и землю». На практике же мануфактуры «не процветают», а многие их владельцы «к иному не прилагаются, как пользоваться своими деревнями и жить дворянами, чему видели примеры»[24]. Для развития промышленности России «не достает еще вольных средних людей, которые бы могли самоизвольно употребить себя к фабрикам»,— писал в своем мнении и Т. Клингштет[25].

Итак, если Теплов в своих рассуждениях о необходимости создания «третьего чина» людей выдвигал на первый план интересы укрепления могущества всего дворянского государства, то Миних, соглашаясь с ним в главном, отдавал предпочтение обеспечению монополии помещиков на эксплуатацию крепостных крестьян и повышению доходности дворянских имений, чему должно было способствовать создание экономически крепкого городского сословия и увеличение спроса на продукты земледелия. Одновременно Миних и Клингштет связывали вопрос об обеспечении крупной промышленности вольнонаемным трудом с увеличением численности горожан и укреплением «третьего чина» в России.

Предложения Теплова о наделении посадских людей привилегиями поддержали также И. И. Неплюев[26] и князь Я. П. Шаховской, который особенно подробно аргументировал свою точку зрения. 14 февраля 1764 г. он предложил в Комиссии срочно собрать сведения о положении посадских людей, чтобы выяснить, «где и в чем именно купечеству российскому отягощении, притеснении и в размножении их торгов помешательствы и изнеможения приключаются». После этого следовало «тако учредить, чтоб лутчии государственные и общенародные пользы происходили», ибо «торги», «яко дела, принуждения не любящие», требуют свободы купцов в их хозяйственной деятельности[27].

5 мая 1764 г. Шаховской предложил разделить купечество на четыре класса и определить им «разные в торгах и промыслах участии (паподобие, как и прежде в России одни пред другими некоторые различия и по тем преимуществы и почести имели, яко то есть гости, [члены] гостиной сотни и протчие)». В I класс он включил лиц, которые ведут заграничную торговлю и платят в казну пошлин с 30 тыс. руб. капитала, во II класс — тех, кто платит с 20 тыс руб., и в III класс — с суммы от 5 до 10 тыс. руб. Купцы I и II классов должны также иметь не менее трех морских судов. В IV класс попадали «мало и бескапитальные» купцы, т. е. большинство посадских людей, которым следовало заниматься скупкой товаров по городам и подвозом их к портам. Горожане, не имевшие капиталов, могли записываться в цехи, служить приказчиками, сидельцами, заниматься черной работой[28].

Шаховской поддержал и развил предложение Теплова об освобождении купцов от подушной подати и казенных служб. В качестве выкупа купцы I класса должны заплатить в казну по 1000 руб. с души м. п.,

---

[23] ЦГАДА, ф. 397, д. 32, л. 44.
[24] Там же, л. 45 об.
[25] Там же, л. 61.
[26] Там же, лл. 42—43.
[27] Там же, лл. 40—41.
[28] Там же, Госархив, X разряд, оп. 3, д. 68, лл. 384 об., 387.

II класса — 800 и III класса — 600 руб.[29] Шаховской пошел дальше Теплова в вопросе о наделении «третьего чина» привилегиями. Купцам двух первых классов следовало разрешить «шпаги носить, платье... шелковых российских фабрик употреблять, во дворец ездить в надлежащие дни обще з дворянами» [30].

Представитель родовитой княжеской фамилии рассматривал занятия купцов торговлей как своеобразную разновидность службы государству (подобно их корпорациям XVI—XVII вв.). Поэтому он предложил привести «классы» купцов в соответствие с делением дворян-чиновников по рангам, установленным Табелью, чтобы купцы могли занимать подобающие им места на публичных церемониях и ассамблеях. Купцы I класса должны иметь место «против» асессора, II класса — титулярного советника, III класса — протоколиста. Купцам I класса разрешалось ездить в каретах, II класса — «в половинчетых городских колясках, токмо парами», купцам III класса можно «только одноколки иметь». В зависимости от «класса» назначался и штраф за «бесчестье» купцов (500, 300 и 100 руб.). Наконец, по мнению Шаховского, в знак особой милости и признания заслуг верхушки купечества перед дворянским государством членам I и II классов позволялось «до некоторого числа душ мужеска и женску полу для своих услуг, но без земли покупать. И тех, яко своих крепостных, самим иметь и наследникам своим оставлять».

Однако эти привилегии не следовало предоставлять всем купцам. Они должны быть паградой за их верную службу государству, добросовестное выполнение обязанностей: «Но не прежде б им оные места иметь и означенное число за бесчестие определять, [но] как исправность торгов своих во всем без упущения так, как выше по классам описано, а действительным исполнением докажут». Нерадивых купцов полагалось наказывать, исключая из «классов», а следовательно и лишая соответственных привилегий [31]. Шаховской допускал пополнение рядов «классного» купечества разбогатевшими мещанами и торгующими крестьянами, лишь бы не страдали интересы их владельцев. «И того неотменно наблюдать,— писал он,— чтоб те, у кого такие по крепостям во владении быть должны, против своей воли оных не лишались» [32].

Ремесленников Шаховской тоже считал необходимым объединить в цехи и исключить из подушного оклада. С целью поощрения старостам цехов («олдеманам») позволялось носить шпаги. После трех лет добросовестной службы их можно награждать похвальными «аттестатами», а через 6 лет разрешать «вечно» носить шпаги [33].

Содержание проекта Шаховского красноречиво свидетельствовало о его стремлении еще больше привязать формирующуюся буржуазию к абсолютизму, заставить ее послушно обслуживать нужды дворянского государства с помощью как материальных, так и моральных поощрений. Примечательно стремление автора расколоть посадское население и прежде всего опираться на немногочисленную, но экономически крепкую верхушку торгующего в портах купечества, получавшую основные приви-

[29] Там же, л. 388—388 об.

[30] Эта часть его проекта имела некоторое, чисто внешнее, сходство с рассуждениями идеолога купечества И. Т. Посошкова, предлагавшего 40 лет назад Петру I издать указ о том, «чтобы всякой чин свое бы определение имел, посадские люди и все купечество собственное свое платье носили» в зависимости от своего богатства и «статьи» (*И. Т. Посошков.* Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. М., 1951, стр. 128—131).

[31] ЦГАДА, Госархив, X разряд, оп. 3, д. 68, лл. 384—385 об.

[32] Там же, л. 387—387 об.

[33] Там же, лл. 389—390 об.

легии. Предложение Шаховского создать среди городской буржуазии привилегированную прослойку из числа крупных купцов, потомков «прежних гостей» имело реакционный характер, ибо не только консервировало сословную обособленность городского населения, но и, по сути дела, возрождало давно изжитое корпоративное деление посадского населения на гостей и членов гостиной и суконной сотен. Реакционно и предложение о проведении выкупа купцами личной свободы, ибо плата в десятки раз превышала общую сумму прямого налога, уплачиваемого посадским человеком в течение всей жизни. Преследуя фискальные интересы казны и стремясь переложить на верхушку купечества все тяготы намечаемой им реформы, Шаховской не учитывал реальных возможностей посадского населения, которое постоянно испытывало недостаток в капиталах.

Нельзя признать реальными и те расчеты, которыми руководствовался Шаховской при установлении размеров имущественного ценза для записи купцов в гильдии, так как он во всех случаях непомерно завышал сумму капиталов. При проведении в мае 1775 г. податной реформы для записи в купечество, освобождавшееся от уплаты подушной подати, посадским людям достаточно было пметь не менее 500 руб. капитала. При этом в I гильдию записывались купцы, объявившие капитал более 10 тыс. руб., во II гильдию — от 1 до 10 тыс. и в III гильдию — от 500 до 1 тыс. руб.[34]

В своем проекте Шаховской использовал идеи 23-й главы «Право купеческое» III части проекта нового Уложения «О состоянии подданных вообще». Она была основательно переработана в 1761 г. после включения в состав Уложенной комиссии графа Р. И. Воронцова и Я. П. Шаховского, активно выступавших в защиту узко дворянского курса в противовес группе П. И. Шувалова, которая больше учитывала потребности буржуазии [35]. В частности, из проекта нового Уложения он заимствовал предложения о наделении верхушки купечества разного рода привилегиями, напоминавшими привилегии гостей и членов гостиной и суконной сотен, и другие. Но в его предложениях имелись и некоторые отличия. Если составители проекта Уложения намечали создание особой привилегированной прослойки из купцов, потомков «прежних гостей», которые «во всем должны иметь перед купцами первой гильдии первенство» [36], то в 1764 г. Шаховской рекомендовал правительству дать такие привилегии всей верхушке купечества (купцы I—III гильдий) и предлагал ряд мер (освобождение от подушной подати, казенных служб и др.), которые объективно отвечали потребностям всех слоев городского населения. Однако дворянская ограниченность этих мер практически увеличила бы фискальное бремя горожан.

19 мая 1764 г. Шаховской подал в Комиссию о коммерции третью записку с подробным планом использования казной средств, получаемых государством при освобождении купцов и мещан от подушной подати и различных повинностей [37].

Ознакомившись с мнениями членов Комиссии о коммерции относительно «третьего чина», Екатерина II отдала предпочтение проекту Шаховского, ибо его осуществление сулило казне немалую прибыль. Это и повлияло на решение императрицы: казна испытывала большую нужду в

---

[34] *М. Я. Волков.* Указ. соч., стр. 203.
[35] *Н. Л. Рубинштейн.* Указ. соч., стр. 225, 227, 235—236, 246—247.
[36] Ср. «Проект нового Уложения, составленный законодательной комиссией 1754—1756 гг.» (ч. III. «О состоянии подданных вообще»). Под ред. В. Н. Латкина. СПб., 1893, стр. 188—194.
[37] ЦГАДА, Госархив, X разряд, оп. 3, д. 68, лл. 382—383.

средствах [38]. 12 августа 1764 г. Екатерина II приказала обсудить вместе с представителями столичного и провинциального купечества вопрос об отмене подушной подати и казенных служб [39]. 29 августа главный директор над таможнями Э. Миних сообщил, что в Комиссию велено явиться 18 крупнейшим купцам России, ведущим заграничную торговлю и живущим в настоящее время в Петербурге [40]. Главный магистрат назначил для этой цели еще 10 богатейших купцов столицы [41]. Среди них, в частности, был и И. Володимеров, и некоторые другие купцы — инициаторы отмены внутренних таможен и активные защитники интересов своего сословия в Уложенной комиссии [42].

Крупнейшие воротилы торгово-промышленного мира 30 сентября 1764 г. пришли в Комиссию о коммерции и, выслушав план разделения купечества на классы и освобождения его от подушной подати, поблагодарили императрицу за ее «милость», заявили, что для ответа «следует иметь им общей совет», и запросили копию плана намечаемой реформы. После этого они начали торговаться с правительством из-за льгот. 13 октября 1764 г. выборные лица заявили, что для купцов II класса надо уменьшить выкуп с 800 до 600 руб., а для III класса — вдвое (до 300 руб.). Что касается привилегий каждого класса, то об этом они скажут не позже 25 октября, «согласяся со всем сего города (Петербурга.— *С. Т.*) купечества». Затем представители купечества предложили вдвое уменьшить сумму пошлин для включения в тот или иной класс по сравнению с предложениями Я. П. Шаховского, а также распространить намечаемые им привилегии для членов I и II классов на всех купцов, мануфактуристов и заводчиков. Одновременно они просили расширить права мещан и дать им те привилегии, которыми пользовались жители г. Риги [43].

Выдвинув дополнительные требования и не получив согласия правительства на их удовлетворение, привлеченные к работе Комиссии о коммерции купцы предложили правительству запросить мнения иногороднего купечества о подготавливаемой реформе. Однако провинциальные купцы не дали своего согласия на проведение финансово-административной реформы [44], еще более усиливавшей экономические позиции верхушки гильдейского купечества и закреплявшей его привилегированное положение во внутренней и внешней торговле. Отрицательное отношение основной массы провинциального купечества к намечаемой реформе привело к тому, что Екатерина временно отказалась от проведения реформы посадского населения. Вопрос о создании «третьего чина», или «среднего рода людей» вновь встал через два года в связи с завершением Екатериной II своего «Наказа» и созывом в 1767 г. Уложенной комиссии.

---

[38] *С. М. Троицкий.* Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М., 1966, стр. 231, 237, 240, 243.

[39] ЦГАДА, ф. 397, д. 448, л. 26. Предложение о привлечении купцов для обсуждения их положения вносили Теплов и другие члены Комиссии о коммерции (там же, д. 32, л. 37 об.).

[40] Это: Г. Семин (Белев), Е. Акутин (Волоколамск), А. Губкин (Калуга), М. Евреинов (Москва), С. Яншин, Н. Бумажный (Мосальск), М. Кононов, Ф. Попов (Олонец), Т. Чупятов, П. Сазонов (Ржев), Н. и Ф. Кишкины (Серпухов), И. Пастухов, И. Володимеров, Л. Лугинин, И. Левенцов, Г. Баташев (Тула), И. Затрапезный (Ярославль) (там же, д. 32, лл. 30—31).

[41] Это: обер-директора Петербургской торговой таможни С. Яковлев, С. Роговиков, бывший бургомистр Н. Пучков и «ратсгер» Д. Кукин, директора И. Чиркин, И. Щукин, купцы Ф. Ямщиков, Е. Бармин, С. Галактионов, М. Вонифатьев (там же, л. 33).

[42] *Н. Л. Рубинштейн.* Указ. соч., стр. 228—231, 248—249.

[43] ЦГАДА, ф. 397, д. 32, лл. 46—55.

[44] Там же, л. 66.

Итак, рассмотрение в правительстве вопроса о «поправлении» коммерции государства сопровождалось одновременно изысканием способов улучшения положения городского населения. Постановка этого вопроса была обусловлена глубокими сдвигами в экономике страны в связи с формированием капиталистического уклада, а также обращением буржуазии за поддержкой к абсолютизму и ее жалобами на конкуренцию торгующих крестьян. И хотя члены Комиссии о коммерции употребляли популярную среди идеологов «просвещенного» абсолютизма в Европе терминологию и писали о необходимости создания в России «третьего чина», или «третьего класса», на самом деле они вели речь о расширении сословных привилегий посадского населения. Несмотря на отдельные разногласия, все члены Комиссии о коммерции разделяли мнение о необходимости предоставления новых льгот и привилегий городскому населению и создания более благоприятных условий для его хозяйственной деятельности (отмена подушной подати, казенных служб и т. п.), что отвечало интересам всего дворянского государства. При этом, если одни авторы (Теплов, Минпх) старались в своих предложениях учесть и пример стран (Франция), где буржуазия играла видную роль в хозяйственной жизни страны, то другие (Шаховской) больше ориентировались на опыт России и настаивали на принятии правительством таких мер, которые в целом имели реакционный характер, ущемляя экономические интересы значительной части торгово-промышленного населения. В предложениях членов Комиссии о коммерции, а затем и в действиях Екатерины II весьма отчетливо прослеживается стремление опираться в первую очередь на верхи формирующейся буржуазии городов, которая и должна была получить наибольшие выгоды от предлагавшихся членами Комиссии о коммерции реформ. Такой подход к нуждам городского населения был весьма характерен для политики «просвещенного» абсолютизма.

М. Д. Курмачева

ПРОЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА ИВАНА ТРЕВОГИНА

В ЦГАДА сохранилось весьма объемистое следственное дело о писателе из народа Иване Ивановиче Тревогине [1]. Почти на 500 листах этого дела представлены не только материалы, касающиеся непосредственно хода следствия, но и подлинники сочинений, которые принадлежали перу обвиняемого. Эти рукописи не исчерпывают списка его трудов; известно о существовании некоторых его печатных произведений [2], но поскольку работы, опубликованные при его жизни, не дошли до нас, сочинения, включенные в состав следственного дела, являются единственным источником для изучения воззрений И. И. Тревогина.

Дело Тревогина уже привлекало внимание исследователей: на его основе написаны статьи А. Старцева и Л. Б. Светлова [3]. В статье Старцева освещены основные вехи жизненного пути И. И. Тревогина, Светлов охарактеризовал некоторые существенные черты его мировоззрения. Однако произведения Тревогина заслуживают углубленного и разностороннего изучения. Каждое из них может стать предметом специального рассмотрения.

Сочинения Тревогина, относящиеся к концу 70-х — началу 80-х годов XVIII в., дают материал для изучения взглядов представителей разночинной демократической интеллигенции в дорадищевский период истории русской общественной мысли, а значит, выявлению особенностей разных этапов ее развития.

Мы рассмотрим отношение Тревогина к проблемам государства и попытаемся проследить воздействие на его представления современной ему действительности и общественной мысли. Обращение к биографии Тревогина помогает глубже осветить его мировоззрение.

История жизни И. И. Тревогина во многом характерна для представителей интеллигенции, вышедших из непривилегированных сословий. Нужда, трудности, неосуществленные замыслы, преследования, ранняя смерть — все это относилось и к его судьбе. Родился Тревогин в 1761 г.

---

[1] «Дело о малороссиянине Иване Тревогине, распускавшем о себе в Париже нелепые слухи и за то отданного в солдаты. При том бумаги его, из которых видно, что он хотел основать царство на острове Борнео» (ЦГАДА, Госархив, VII разряд, д. 2631, лл. 1—476).

[2] «Надпись к Санктпетербургу для приезжающих в оный. Соч. И. Т.» (*В. Сопиков.* Опыт российской библиографии, ч. III. СПб., 1845, № 6442). Из показаний Тревогина известно, что ему принадлежал перевод сочинения «Погребальный обряд сеамцев» (ЦГАДА, Госархив, VII разряд, д. 2631, л. 153). Он был также автором статей, напечатанных в первых трех номерах журнала «Парнасские ведомости». Журналы не сохранились, и мы лишены возможности исследовать идейную направленность работ Тревогина этого периода.

[3] *А. Старцев.* Иван Тревогин — издатель «Парнасских ведомостей».— «Новый мир», 1958, № 9, стр. 278—284; *Л. Б. Светлов.* Неизвестный литератор XVIII в. Иван Тревогин и его утопические проекты.— «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», 1961, т. XX, вып. 4, стр. 326—331.

на Украине в с. Гороховатке (Изюмская провинция). Его отец [4] содержал семью заработком от росписи церквей. После смерти отца Тревогин был отдан в воспитательный сиротский дом при народном училище в Харькове. Стремление к знаниям, природные способности позволили ему с пользой провести несколько лет в стенах этого учебного заведения [5]. Здесь он начал работать над своим произведением «Область знаний». Но обстановка в училище была тяжелой — занятия проводились нерегулярно, ученики жили впроголодь. Когда положение дошло до крайности, Тревогин выступил с протестом, подав жалобу харьковскому губернатору. Из-за последовавших гонений со стороны дирекции Тревогин в январе 1781 г. был вынужден бежать из училища. До конца 1781 г. он жил в Воронеже, подрабатывая репетиторством, затем переехал в Петербург, где безуспешно пытался получить место учителя. Не привели к успеху и хлопоты получить место переводчика французского языка в Академии наук.

Круг знакомых и друзей Тревогина в Воронеже и Петербурге — это «философический учитель», секретарь в наместнической палате, придворные певчие (бывшие ученики харьковского училища), корректор Академической типографии — не мог не оказать демократического влияния на его мировоззрение.

Проработав некоторое время корректором в типографии Академии наук, Тревогин оставляет эту должность и решает издавать собственный журнал. По следственному делу А. Старцев установил, что ежемесячный журнал «Парнасские ведомости» реально существовал, а его издателем в 1782 г. являлся 20-летний начинающий литератор Иван Тревогин, скрывавшийся под инициалами «И. Т.» [6]. Тревогин был не только издателем, но, видимо, и единственным автором первых трех номеров журнала. Известно, что по выходе журнала он стал получать отклики читателей. Впоследствии Тревогин указывал, что не боялся критики и отвечал на нее. К этому же периоду жизни в Петербурге относится любопытный факт его литературной деятельности: случай помог ему показать свои юмористические произведения Л. А. Нарышкину; будучи образованным человеком, тот положительно отозвался о них.

Издание журнала требовало больших денежных расходов. Доходами от подписки, заработком от частных уроков Тревогин не смог покрыть быстро растущих долгов. В автобиографии Тревогин рассказывает: «Не имея уже никакого средства достать или занять у кого-нибудь денег для продолжения начатых сочинений..., вознамерился продать все свое последнее и, уплатя что-нибудь, как надлежит, из долгов, оставить вечно свое состояние и, сделавшись простым мужиком, итти искать уже не разумом своего щастия, но потовыми работами, которые крестьянину приличны» [7]. В этих словах чувствуется осуждение порядков, которые препятст-

---

[4] На допросах Тревогин сообщил, что его отец был положен в подушный оклад (ЦГАДА, Госархив, VII разряд, д. 2631, л. 147 об.).

[5] В рапорте правителя Харьковского наместничества Д. А. Норова харьковскому и воронежскому губернатору В. А. Черткову сообщалось, что Тревогин «вступил в классы с 774 года генваря с 10 дня, обучался закону божию, в французском языке — синтаксису и переводил с французского на российский и с российского на французкой язык, в немецком — грамматике и переводам, також географии, истории, геометрии, рисовать, и красками масленными писал и во всем успехи имел хорошие» (там же, л. 185 об.).

[6] *А. Старцев.* Указ. соч., стр. 278—284. В контракте Тревогина с содержателем типографии Артиллерийского и Инженерного корпуса Фридрихом Клееном сделана следующая подпись: «Харьковских новоприбавочных классов французского диалекта адъюнкт и сочинитель Парнасских ведомостей Иван Тревога» (ЦГАДА, Госархив, VII разряд, д. 2631, л. 175).

[7] ЦГАДА, Госархив, VII разряд, д. 2631, л. 160.

вовали представителям податных сословий заниматься умственным трудом. Опасаясь ареста за неуплату долга (295 руб.), Тревогин в 1782 г. покинул город, а затем и пределы России, «в которой столько раз был во всем нещастен чрез целые два года, и, не думая уже найти более в ней щастие, поехал онаго искать в других землях, чтобы хоть там оное найтить» [8].

В Кронштадте Тревогин нанялся на голландское судно матросом, на котором 27 сентября 1782 г. прибыл в Амстердам. С этого дня начинается его жизнь за границей. Очень скоро он убедился, что здесь его ждут еще большие невзгоды. Много дней бродил юноша-беглец по городам Голландии в поисках работы и безуспешно пытался поступить в университет в Лейдене. Оказавшись в безвыходном положении, Тревогин в Роттердаме завербовался в голландский флот под именем француза Ролланда Инфортюне (Обездоленный). Прослужив несколько месяцев, он бежал, но был пойман и наказан. Уволившись с судна, он в феврале 1783 г. направляется во Францию. В Париже, придя в русское посольство, Тревогин просит отправить его на родину. От скрыл действительные причины бегства из Петербурга и рассказывал, что за границей оказался как пленный. Тревогина поселили в пансионе посольства. Свободное время он проводил, посещая лекции в университете, за чтением книг в парижских библиотеках. Русский посол в Париже князь И. С. Барятинский писал в Петербург в донесении 19 мая 1783 г., что встречавшиеся с Тревогиным служащие посольства составили о нем мнение как о человеке, который «имеет несколько знаний и оказывал любопытство к большему преобретению оных», и говорили, что он хочет «выучить наизусть все библиотеки королевства» [9].

История, рассказанная Тревогиным, не показалась Барятинскому правдивой, поэтому он осторожности ради предполагал отправить его в Россию под конвоем. Узнав об этом, Тревогин решает бежать в Азию или Африку, приняв имя «иноземного принца». «Но зная, что до тех пор испытывал он щастие свое без всякого успеха в питомцах, гардиропцах, живописцах, архитектурном подмастерье, в регистраторе губернском, в учителях медицины, придворной конюшенной, в корректоре сенатском и академическом, в стихотворце, прожекторе, в мужике, матросе и прочем, думал, наконец, чем бы таким мог оное найтить посредством уважения к себе. Наконец, и вздумал, зделав себе платье и неизвестные знаки, каковы приличны знатным отличающимся людям, да под имянем какого-нибудь князя или другого ехать куда-нибудь и принять службу. Он знал, что Борнео-остров никому почти и нигде не известен. Так под именем какого-нибудь из оного владетеля нещастнаго щастия свое отведывать пожелал»,— писал Тревогин в своих показаниях, находясь в Петропавловской крепости, начальнику Тайной канцелярии С. И. Шешковскому в июне 1783 г.[10]

Он уже начал заказывать парижскому ювелиру Ж. Вальмону гербы и медали (по собственному рисунку) голкондского царства Иоапии. Для оплаты этих заказов Тревогин похитил несколько серебряных вещей из посольского пансиона, рассчитывая их в дальнейшем вернуть. Все это открылось, и Барятинский передал Тревогина в руки парижской полиции.

Уже в Париже после первого допроса французским властям показалось, что в истории Тревогина, которая «в первом аспекте, кажется хотя и баснословная история, но может быть, что есть в оной нечто

[8] Там же.
[9] Там же, лл. 7, 164—165.
[10] Там же, л. 165—165 об.

еще и такое сокровенное, которое подлинно заслуживает внимания» [11]. Парижский полицмейстер Леноар характеризовал его как «великого просвещения» умного человека, с которым можно о многом говорить, с редко встречающимся «твердым духом» [12]. В то же время он говорил о Тревогине, что «сей бродяга... не домашний только вор» [13].

В своих показаниях во время заключения в Бастилии Тревогин [14] сообщил, что он якобы является сыном «голкондского короля», что из турецкого плена он попал в Россию, прожил в ней некоторое время и теперь ожидает в Париже брата, с которым вместе отправится на остров Борнео, где они намерены заложить город. Протоколы своих допросов он подписывал как Пьер Голкондский. Впоследствии Тревогин сообщил, что все, о чем говорил в Париже, он слышал «от одного француза, а иное и сам выдумал» [15].

Дело кончилось тем, что Тревогина в сопровождении сотрудника русского посольства Петра Обрескова и французского полицейского инспектора Ланпре отправили в Россию.

В пути на родину Тревогин решил отказаться от самозванства. Но следствие получило уже свой ход, и по приезде в Петербург его заключили в Петропавловскую крепость. О деле Тревогина доложили Екатерине II. 1 июля 1783 г. генерал-прокурор Сената А. А. Вяземский получил указание императрицы: если подтвердится то, что рассказывал Тревогин о себе, то отдать его в солдаты. Очные ставки и свидетельские показания лиц, встречавшихся с Тревогиным в Петербурге, подтверждали его правдивость. Однако первоначальное решение о мере наказания Тревогина было изменено, и в августе 1783 г. его на два года заключили в смирительный дом. Первое время узник пытался протестовать. В октябре 1785 г. петербургский губернатор П. Коновницын докладывал Вяземскому, что заключенный «оказывал развращенные поступки, а ныне, как наружный вид его показывает, пришел в раскаяние и исправился» [16].

После смирительного дома по распоряжению Вяземского, утвержденному Екатериной II, Тревогина отправили в Сибирь с предписанием держать под строгим надзором. Команда, в которой будет служить солдат Тревогин, не должна была находиться вблизи границы. Перед отправкой из Петербурга с него взяли подписку о неразглашении дела.

В декабре 1785 г. Тревогин как «секретный арестант» был доставлен в Тобольск и зачислен в местный гарнизон, в котором прослужил более года. Видимо, одаренность и широкие знания ссыльного расположили к нему губернатора Е. П. Кашкина. Он добился разрешения при переезде в Пермь забрать с собой Тревогина, где ссыльный служил в наместнической канцелярии, а через год получил место учителя рисования в народном училище. Предписание строго следить «за жизнью и поведением» Тревогина сохраняло силу.

В последние годы жизни положение Тревогина ухудшилось. Он потерял место учителя. Некоторое время он преподавал французский язык в частном пансионе, но пансион закрылся. В доношении 30 марта 1789 г. из

---

[11] ЦГАДА, Госархив, VII разряд, д. 2631, л. 24 об.
[12] Там же, л. 42.
[13] Там же, лл. 22 об.—23.
[14] Показания следователю парижской полиции он давал на пяти языках — русском, французском, аваэском, голкондском и картезском, придумав для каждого из трех последних особые оригинальные алфавиты (*Л. Б. Светлов.* Указ. соч., стр. 326—331).
[15] ЦГАДА, Госархив, VII разряд, д. 2631, л. 2.
[16] Там же, л. 191.

Перми Вяземскому сообщалось, что Тревогин «достает пропитание своими трудами». 1 марта 1790 г. он умер, когда ему было всего 29 лет.

Так расправилась Екатерина II с тем, кто осмелился назваться чужим именем. Напуганная недавними событиями Крестьянской войны 1773—1775 гг., императрица всеми мерами пыталась «предать оное забвению», поэтому строго приказала Тайной экспедиции жестоко преследовать все, что напоминало об этих событиях и Е. И. Пугачеве, выступившем под именем «императора Петра III». Отсюда тщательное расследование и суровый приговор за самозванство даже за пределами России, которое, казалось, не представляло реальной политической угрозы.

В стихах, написанных в Бастилии, Тревогин говорил о своей тяжелой судьбе:

«Пою гоним у жизнь несчастного Тревоги,
Который, проходя судьбы своей пороги,
Неоднократно был бедами окружен,
В темницу брошен, чуть жизни не лишен».

Свое несогласие с сословным неравенством он выражает в другом стихотворении:

«О люты варвары! О аспиды презлобны!
К чему творец вам дал названья благородны?
Скажите: для чего вас почестьми почил
И власть над бедными вам вручил?» [17]

В самозванстве Тревогина было одно обстоятельство, которое особенно насторожило следователей. Его отметил А. Старцев [18]. Как указывал в донесении Барятинский, Тревогин в разговоре с парижским ювелиром Вальмоном упоминал «государя над казаками». Хотя имя не было названо, но, видимо, Тревогин имел в виду Е. И. Пугачева.

В своем донесении из Парижа Барятинский дважды обращался к тому, что стало известно от ювелира. Вначале сообщалось о том, что Тревогин называл «азиатского владетеля» «государем над казаками, который вскоре будет в Париже..., он и вся его свита носят козацкое платье..., козацкие области весьма обширны п богатства того государя неизчислимые». И ниже Барятинский писал: «Я точно ведаю, что он Вальмону именно сказал, что все те ордены делаются для козацкого государя, что он со своею свитою, в которой будет и он сам, Тревогин, к нему, ювелиру, придут в казацком платье» [19].

Остановившись на факте самозванства, А. Старцев отмечал «наивность и вместе с тем фантастичность» [20] планов Тревогпна, а Л. Б. Светлов считал, что «сознание своей обреченности и юношеская фантазия толкнули его на сомнительную авантюру» [21] — решение отстаивать вымышленную историю. Психологические моменты нельзя не учитывать, но они вряд ли могут являться единственным объяснением. Поэтому правомерно обращение Л. Б. Светлова к выяснению влияния распространенных в ту эпоху идей на формирование взглядов Тревогина. Этот исследователь отметил, что писатель Тревогин изложил довольно стройную утопическую систему государственного устройства, характерную для мыслителей XVIII в.

---

[17] Там же, л. 404—404 об.
[18] *А. Старцев.* Указ. соч., стр. 283.
[19] ЦГАДА, Госархив, VII разряд, д. 2631, лл. 11 об., 17 об.
[20] *А. Старцев.* Указ. соч., стр. 281.
[21] *Л. Б. Светлов.* Указ. соч., стр. 326.

Сохранившиеся автографы И. И. Тревогина, хотя и различаются по степени своей завершенности, дают богатый материал для изучения общественно-политических взглядов молодого разночинца. Согласно описи, составленной в Париже 5 мая 1783 г., конфискованные во время ареста Тревогина рукописи были разделены на три части: 1) Бумаги «О заведении царства Борнейского»; 2) Бумаги об «Установлении империи знаний»; 3) «Разные сочинения и записки». В перечне рукописей Тревогина более 90 номеров [22]. Судя по приведенным наименованиям, он подготовил проекты, наброски штатов, тексты манифестов, написал автобиографию, работал над стихами, поэмами и трагедиями.

Из описи видно, что рукописи Тревогина концентрируются по двум темам и отчетливо отражают его интерес к проблемам общественно-государственного устройства и организации просвещения среди населения России. Именно по этим проблемам социальной жизни, волновавшим (как и крестьянский вопрос) современное общество, он стремился выразить свое мнение в подавляющем большинстве произведений. Сочинения Тревогина написаны в годы, предшествующие ссылке в Сибирь [23]. Он начал их писать, еще будучи учеником харьковского училища, а продолжал в своих скитаниях, а затем в тюремных камерах Бастилии и Петропавловской крепости.

Тревогин не отвергал монархию как форму власти, но он предлагал оригинальное решение вопроса об ее переустройстве. С этой целью им составлен проект, согласно которому новое государство создавалось вдали от существовавших. Тем самым в сочинениях Тревогина отразились социально-утопические представления и легенды, бытовавшие среди народных масс.

Вслед за просветителями Тревогин предъявлял высокие требования к личности монарха, на деятельность которого возлагал большие надежды. В материалах о создании Борнейского царства и записке «Область знаний» [24] Тревогин писал, что государство должен возглавлять мудрый и просвещенный правитель — «друг народа», долг которого — блюсти его интересы: принц обязан быть трудолюбивым, «как разумом, так и телом, и стараться о сохранении покоя и о благе тех, коих бог ему в сохранение поверил». Его жизнь есть «строгая, отягощенная заботами и трудами» [25]. Государь должен быть защитником справедливости и законов — «за вольность и обиду общественную и за закон не должен он никогда щадить своего войска, но оным защищать сии вещи до последней капли крови» [26].

В проектах Тревогина выражен распространенный в то время взгляд о божественном происхождении монархии, но Тревогин считает, что это не всегда избавляет народы от тирании и страданий. Касаясь «свойств и добродетелей принцов», Тревогин писал: «Бог дарует всем народам принцов. коих он любит и коих он наказывает. Принц, богом на престол возведенный, есть благополучием народу, а принц, коему он никакой власти над народами не поручает, есть мздой божиею оным. Одного дает он по благости, а другого по ожесточению. Одного награждает премудростью и правосудием, а иному позволяет следовать только своим страстям и своим tenebres (т. е. темным инстинктам.— *М. К.*). Хотя они

[22] ЦГАДА, Госархив, VII разряд, д. 2631, лл. 460, 476.
[23] О литературных занятиях Тревогина в Сибири данных нет.
[24] Этот проект имеет и другие названия — «Империя знаний», «Храм знаний», «Ученая республика», «Офир».
[25] ЦГАДА, Госархив, VII разряд, д. 2631, л. 238.
[26] Там же, л. 237.

имеют законную власть, однако один употребляет оную во благо, а другой во зло. От первого ожидать надобно всех благ и добродетели, а от второго всех зол и пороков» [27].

Мечтая о «благополучии народа», Тревогин отдавал должное необходимости его широкого просвещения. Веря в силу труда и просвещения, он подробно разрабатывал проекты, касавшиеся организации системы просветительных и учебных заведений. В них он изложил положение и штаты этих учреждений. Он считал, что претворение в жизнь этих проектов будет «очень полезным для Российского отечества» [28]. «Империя знаний», писал Тревогин, «сама по себе должна быть столь обширна, сколько кто может себе представить обширными все те науки, художества и ремесла, изобретенные человеческими стараниями, которые касаются почти до всего света; ибо нет ни одной такой в свете вещи, которая бы не принадлежала какой-нибудь вещи; почему и думать надобно, что обширность империи знаний простирается во весь свет и что имя: империя знаний — берется за самое справедливое название для того, что латинское слово «империя» означает самое великое пространство земли» [29]. В своем проекте «Империя знаний» Тревогин отводит особое место автономному положению науки: «Однакож ученая область к тем делам, которые не к знаниям принадлежат, как-то войска, дворяне и сему подобное, никогда дела иметь не должны. Напротив того и другие области по правилам своим никакого дела к ученой области или делам иметь не могут» [30].

В отношении правления, которое должно быть установлено в «Империи знаний», Тревогин писал, что оно «есть по большей части демократическое, ибо дела принимаются и решаются общими советами». Общим советам передавал Тревогин и прием служащих, желающих работать в области науки и просвещения. В «Империи знаний» «престолы не наследственны, но возводятся на оные из членов те, которых чрезвычайный совет способными к правлению найдет» [31]. В этих предложениях, довольно радикально звучащих для условий феодально-крепостнического режима России, нельзя не видеть критического отношения к организации просвещения в стране и, в частности, к системе управления, принятой в Петербургской Академии наук. Глава, или руководитель «Области знаний» должен поощрять своих подчиненных к трудам и учениям, сохранять правосудие, избегать лихоимства, содержать свое правление в «тишине и спокойствии», чтобы в короткое время «могла счастливая Россия показать в свете самое чудо, которое откроет миру все сокрывающиеся в природе вещи» [32]. Все это созвучно тому, о чем писал за несколько десятилетий до него замечательный русский ученый М. В. Ломоносов.

Не менее важно поставить вопрос о влиянии Крестьянской войны 1773—1775 гг. на формирование взглядов И. И. Тревогина. Попытка рассмотреть в таком аспекте сочинения представителя разночинной интеллигенции является закономерной, учитывая воздействие Крестьянской войны на мировоззрение идеологов разных слоев общества. Можно предположить, что какие-то слухи о восстании Е. И. Пугачева дошли еще до Тревогина-подростка (ему было 12—14 лет). Стремление связать свои

[27] Там же, л. 243.
[28] Там же, л. 153 об.
[29] Там же, л. 333.
[30] Там же, л. 294 об.
[31] Там же, л. 290.
[32] Там же, л. 300.

действия с «козацким государем» говорит в пользу этого предположения. Примечательно, что Тревогин писал «манифесты». Их он готовил от имени «главы» будущего справедливого и благоустроенного государства. Не заимствовал ли он это из опыта Крестьянской войны?

И. И. Тревогин написал тексты нескольких манифестов. Ими начинает он свое сочинение «Основание царства Иоанийского или Борнео в Азии на острове того же имени его величеством царем и самодержцем Борнским». Первый манифест — об основании столицы, города св. Иоана, второй — о принятии престола Иоаном Первым, третий — об основании Иоании, четвертый — об учреждении ордена Св. Иоана.

Первый манифест состоит из трех пунктов (4-й пункт обозначен, но не написан). В нем единственная правка — когда говорится о награде, то вначале было указано из «собственной суммы», затем зачеркнуто и вписано «государственной суммы» [33].

Второй манифест (в отличие от первого в левом верхнем углу листа имеет № 2) также почти без правки. На этом листе с правой стороны — черновые наброски стихов.

Текст третьего манифеста об основании Иоании краток. Внимание привлекают записи, сделанные на полях этого манифеста и касавшиеся государственных учреждений — коллегий. В них Тревогин указал 10 коллегий: 1) духовенства, 2) штатская, 3) придворная, 4) дворянская, 5) купеческая, 6) военная сухопутная, 7) военная морская, 8) ученая, 9) экономическая, 10) иностранная [34]. Впоследствии, возвращаясь к этим вопросам, Тревогин дополнил перечень двумя коллегиями: мещанской и коллегией «сокровищ государственных» [35]. Названия государственных учреждений в известной мере отражают и социальный состав населения, представленного в проектах Тревогина духовенством, дворянами, купцами и мещанами. Характерно, что проекты будущего государства Тревогина не знают крепостного сословия.

Четвертый (в левом углу он под № 4) манифест посвящен учреждению ордена св. Иоана.

Наиболее интересны первые два манифеста, поэтому рассмотрим их подробно, сопоставляя с текстами пугачевских манифестов.

Начало манифестов И. И. Тревогина почти дословно совпадает с манифестами, которые были написаны в штабе Е. И. Пугачева. В манифестах Петра III — Пугачева говорилось: «Божиею милостию мы, Петр третий, император и самодержец всероссийски и прочая, и прочая, и прочая. Объявляется во всенародное известие» [36]. Точно так же начинал Тревогин: «Божиею милостию мы, Иоан Первый, природный принц Иоанийский, царь и самодержец Борнский и проч., и проч., и проч. Объявляем чрез сие во всенародное известие» [37]. После появления указа от 2 декабря 1774 г. такое начало будет воспроизводиться почти во всех последующих указах Пугачева. Возможно, Тревогин зафиксировал эту наиболее распространенную формулировку.

Но если форма его манифестов не может исключить заимствования их из официальных бумаг, то содержание приближает их к документам, вышедшим из лагеря восставших.

В повстанческих воззваниях переданы обстоятельства, при которых Петр III был лишен престола. В манифестах Тревогина тоже описана

[33] ЦГАДА, Госархив, VII разряд, д. 2631, л. 225.
[34] Там же, л. 227.
[35] Там же, л. 236.
[36] «Пугачевщина», т. I. М.— Л., 1926, № 14, стр. 37.
[37] ЦГАДА, Госархив, VII разряд, д. 2631, л. 225.

судьба царя Борнского. У Пугачева: «Небезъизвестно есть каждому верноподданному рабу, каким образом мы *не от доброжелателей и зависцов* [38] общего покоя всероссийского и по всем правам принадлежащего престола лишины были». «А ныне всемогущий господь неизреченными своими правидными судьбами паки возъвести нас соизволит, наших верноподданных рабов скипетру нашыму покаряет, а зависников общему покою под ноги наши повергает...» [39]. В именном указе Пугачева от 25 ноября 1774 г. говорилось: «Довольно известно вам ис публикованных манифестов... общего покоя всероссийского престола беззаконно лишены были» [40].

В обращении к донским казакам в августе 1774 г. Пугачев писал, что «для общаго спокойствия и тишины претерпел *великия странствии и немалые бедствии...*» [41] В знаменитом обращении (8 января 1774 г.) атамана И. Н. Грязнова к жителям г. Челябинска читаем: «Дворянство же премного щедрого отца отечества великого государя Петра Феодоровича за то, что он соизволил при вступлении своем на престол о крестьянех указать, чтоб у дворян их не было во владении, но то дворянем нежели ныне, по и тогда не ползовало, а кольми паче ныне изгнали всяким неправедным наведением. И так чрез то принужденным пашолся *одиннадцать* лет отец наш странствовать, а мы, бедные люди, оставались сиротами» [42].

Подобным же образом обосновывает свои «законные права» на престол И. И. Тревогпн: «Всем известно, что мы, будучи лишены нашего отцовского наследства, трона великой Голконды, *не войною и не врагами*, но своими же подданными: *злоумышленниками и лстецами*, которыми и изгнаны из нашего отечества в ров злоключений, от коих избавились проведением божием щасливо и не вредимо *по восемнадцатилетнем* страдании, и ныне, желая жизнь свою проводить в спокойствие, намереемся мы искать своего же трона собственного». Тревогин утверждал, что он стремится не возвратить прежний престол Голконд-ский, а основать «с потом и трудом» [43] «новое царство в Борнео» [44].

Главное стремление жителей столицы нового царства, так же как, видимо, всей страны,— «жизнь свою проводить в *спокойствие и тишине*» [45]. Здесь мы сталкиваемся с распространенным представлением об условиях жизни, во имя которых боролись восставшие под предводительством Е. И. Пугачева. В знаменитом июльском манифесте 1774 г. повелевалось: «Кои прежде были дворяне в своих помест[иях] и водчинах, оных противников нашей власти и возмутителей империи и раззорителей крестьян ловить, казнить и вешать и поступать равным образом так, как они, не имея в себе христианства, чинили с вами, крестьянами. По истреблении которых противников и злодеев-дворян, всякой может возчувствовать *тишину и спокойную жизнь*, коя до века продолжатца будет». Следовательно, устранение угнетателей-дворян было условием жизни трудовых масс в «тишине и спокойствии» [46]. У Тревогина лишь в

[38] В указе 1 декабря 1773 г.— «возмутителей и ненавистпиков» («Пугачевщина», т. I, № 13, стр. 36).
[39] «Пугачевщина», т. I, № 11, стр. 34. Здесь и далее курсив мой.— *М. К.*
[40] Там же, № 12, стр. 35.
[41] Там же, № 21, стр. 42.
[42] Там же, № 70, стр. 74—75.
[43] ЦГАДА, Госархив, VII разряд, д. 2631, л. 226.
[44] Тревогин пишет, что государство будет расположено на острове Борнео, который «лежит в Азии между Сундскими островами» (там же, л. 225).
[45] Там же, л. 226.
[46] «Пугачевщина», т. I, № 19, стр. 40—41; см. также № 21, стр. 42.

общей форме сказано о желании жить «в спокойствие и тишине», и в этом не только утопизм проектов Тревогина, их оторванность от реальной действительности, но и присущая им доля книжности.

И. И. Тревогин считал, что центр нового государства — столицу Иоанию — необходимо сделать большим и многолюдным городом: «тщетно за оную приниматься для малого числа людей». Он писал о том, какими должны быть жители столицы. Это «благосклонные», «верные и доброжелательные подданные». Надо думать, таким же он желал видеть и все население государства. Видимо, и на него распространялись привилегии, которые давались «отныне и во веки веков» [47].

В первом манифесте говорится, что кто из прибывших в столицу объявит до 1 млн. талантов, тому даются в награждение ордена, чины и «вечное в их потомство дворянство». Кто построит на собственные средства дома, тому дается чин штатского заседателя, в течение 10 лет возвращаются истраченные деньги и ежегодно выдается из государственной суммы награда по 1 тыс. талантов [48]. Сохранение сословности находится в противоречии с тем, что предлагал Тревогин, учитывая интересы народа — освобождение от «всяких податей и государственных поборов на десять лет» [49]. Освобождение от податей и налогов провозглашали и повстанческие воззвания, но это было лишь одним из лозунгов восставших, которые добивались уничтожения крепостного права, изгнания дворян-помещиков и передачи земли народу.

Во втором манифесте Тревогина конкретно изложены два пункта привилегий, которые касались тех, кто приходил на жительство в «столичный град» — «в награждение» они получали по 10 талантов, обязывались строить дом «на государственном иждивении, не требуя во век от них ни малейшей за то суммы». Кто же построит дом за свой собственный счет, получит от государства награду в 50 талантов, и «притом полагалось ему на десять лет по тысячи талантов» ежегодного дохода из «нашего собственного доходу» [50].

Итак, наряду с чертами сходства манифесты Тревогина и повстанческие манифесты имели и весьма существенные различия, что объяснялось разными условиями и целями их создания: одно из индивидуальных выражений недовольства существующими порядками — в первом случае, и открытое антифеодальное движение — во втором. Сопоставление текстов этих документов свидетельствует, что, работая над своими проектами, Тревогин не забывал о недавнем прошлом. Этот факт знаменателен. Он показывает, что восстание Е. И. Пугачева оставило заметный след и в истории общественно-политической мысли последней четверти XVIII в. Крестьянская война, идеи русского и западноевропейского просвещения определили демократическую направленность творчества И. И. Тревогина — выходца из народной среды, его недовольство общественными отношениями и попытки найти пути их усовершенствования.

---

[47] ЦГАДА, Госархив, VII разряд, д. 2631, л. 226.
[48] Там же, л. 225.
[49] Там же, л. 225 об.
[50] Там же, л. 226.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

КЛАССОВЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОЯ

А. Н. Сахаров

РУССКОЕ ПОСОЛЬСТВО В ВИЗАНТИЮ. 838—839 ГГ.

Есть явления, которые сегодня стали уже классическими вехами при изучении политической истории Древней Руси. И чем далее события уводят нас в глубь веков, тем этих явлений, естественно, становится все меньше и тем большее значение они приобретают для историка. К их числу относится и упоминание народа «Русь», которое было связано с внешнеполитической активностью руссов в 30-е годы IX в., за двадцать с лишним лет до первого похода (860 г.) Руси на Константинополь и почти за семьдесят лет до появления под царьградскими стенами Олега.

В 839 г. при дворе франкского короля Людовика Благочестивого (814—841 гг.) в Ингельгейме появились послы византийского императора Феофила (829—842 гг.) епископ Феодосий Халкидонский и спафарий Феофан [1]. Вместе с византийцами в Ингельгейм пришли русские послы, возвращавшиеся кружным путем из Константинополя к себе на родину. Этот факт описан в Вертинской хронике епископом Пруденцием.

Византийские послы привезли, как сообщает Пруденций, Людовику подарки и личное послание императора Феофила, в котором тот предлагал подтвердить «мир и любовь», существующие между двумя странами. Византийское посольство было торжественно принято в Ингельгейме 18 мая 839 г. Далее Пруденций сообщает: «Послал он (византийский император.— *А. С.*) с ними (послами.— *А. С.*) также некиих людей, которые говорили, что их (т. е. их народ.— *А. С.*) зовут рос (Rhos), и которых, как они говорили, царь их, по имени Хакан (Chacanus), отправил к нему (Феофилу.— *А. С.*) ради дружбы. В упомянутом письме Феофил просил, чтобы император милостиво дал им возможность воротиться в свою страну и охрану по всей своей империи, так как пути, какими они прибыли к нему в Константинополь, шли среди варваров, весьма бесчеловечных и диких племен, и он не желал бы, чтобы они, возвращаясь... подверглись опасности» [2]. Согласно сообщению Пруден-

[1] *В. Г. Васильевский.* Введение в житие св. Георгия Амастридского.— *В. Г. Васильевский.* Труды, т. III. Пг., 1915, стр. CXV.

[2] Цит. по кн.: «Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XIII вв.», ч. I. М., 1953 (далее — «Очерки»), стр. 74 (перевод осуществлен на основе издания: «Annales Bertiniani».— «Monumenta Germaniae Historica. Scriptores», t. I, 1877, p. 434).

ция, Людовик Благочестивый расспросил послов о причинах их появления в земле франков и узнал, что они являются шведами. Послы были заподозрены в шпионаже и задержаны, пока не выяснятся истинные цели их прибытия в Ингельгейм. В ответном письме Феофилу Людовик сообщил, что если послы окажутся невиновны, то он либо отпустит их на родину, либо вернет обратно в Византию, чтобы Феофил принял относительно них решение по своему усмотрению [3]. На этом информация Пруденция кончается. Дальнейшая судьба русского посольства остается невыясненной.

В течение долгой историографической жизни этого сообщения Пруденция его оценивали с разных точек зрения, и только один аспект, непосредственно связанный с самой сущностью явления,— дипломатический, не нашел до сих пор детального отражения ни в отечественной, ни в зарубежной литературе. Практически в данном случае, как и при анализе других аналогичных явлений (например, при изучении состава посольств Олега в Константинополь в 907 и 911 гг.), дело сводилось к вопросу, какой национальной и государственной принадлежности были послы — норманнами или русскими.

Первым на этот вопрос попытался ответить А.-Л. Шлёцер. Он высказал мысль, которая на сто с лишним лет определила позицию «норманистов» в трактовке данного конкретного исторического факта. «Люди, называемые в Германии шведами,— писал он,— ... в Константинополе называют себя руссами — вот главное положение, выводимое нами из сего места» [4]. Титул «каган» Шлёцер перевел как скандинавское имя собственное Хакан (Hakan) [5]. Наконец, Шлёцер упорно отстаивал мысль о том, что в Константинополе престиж русского посольства стоял невысоко, так как оно представляло народ, для Византии неизвестный [6]. Итак, если следовать Шлёцеру, в Византии появилось какое-то неизвестное северное норманское посольство, которое никакого отношения к Киевской Руси не имело.

Вслед за Шлёцером эту же точку зрения высказал Н. М. Карамзин. Он считал каганом, пославшим русских послов, одного из владетелей Швеции по имени Гакон. Узнав о силе и достоинстве Византийской империи, Гакон направил туда своих людей, а «народ шведский... именовался россами» [7]. В соответствии со своей концепцией о скандинавском происхождении варягов-руси решал вопрос С. М. Соловьев. Ссылаясь на Вертинскую хронику, он писал: «Народ рос принадлежит к племени свеонов» [8]. Активно поддерживал норманистскую оценку русского посольства 839 г. М. П. Погодин: «Норманцы, из племени Русь, пришли к Феофилу для заключения союза» [9]. Ясно, писал он, что ««Rhos» северное племя, и такому племени естественно искать дороги западной...» Под хаканом Погодин также разумел северного владетеля Гакона [10]. Эту точку зрения разделяли А. А. Куник и В. Томсен [11]. Ф. И. Успенский, решая проблему также в духе норманизма, предложил несколько иной

---

[3] «Annales Bertiniani», p. 434; см. об этом: *В. Г. Васильевский.* Введение в житие св. Георгия Амастридского, стр. CXIV; *A. A. Vasiliev.* The Russian Attack on Constantinople in 860. Cambridge, Mass., 1946, p. 6—8.

[4] [*А.-Л. Шлёцер.*] Нестор, т. I. СПб., 1809, стр. 319.

[5] Там же, стр. 322.

[6] Там же, стр. 323.

[7] *Н. М. Карамзин.* История государства Российского, т. I. СПб., 1830, стр. 56—57.

[8] *С. М. Соловьев.* История России с древнейших времен, кн. I. М., 1959, стр. 125.

[9] *М. П. Погодин.* Г. Гедеонов и его система о происхождении варягов и руси.— «Записки ими. Академии наук», т. 6, № 2. Приложение. СПб., 1864, стр. 31—32.

[10] Там же, стр. 73—74, 77—78.

[11] *В. Томсен.* Начало русского государства.— «Чтения ОИДР», 1891, кн. 1, стр. 39.

вариант. «Нельзя ли допустить,— писал он,— что в 838 г. часть варягов, вытесненная из Новгорода, при содействии царя Феофила пробилась к своим сородичам в Скандинавию, чтобы собрать новых охотников и сделать новую попытку утвердиться в России?» [12] Версию о скандинавском происхождении посольства поддерживал М. Д. Приселков. Факт появления посольства важен, писал он, «для истории того пути вокруг Европы из Черноморья на Скандинавский Север, которого искали руссы в 839 г., выдавая себя за посланцев «хакана»». Приселков пошел даже дальше своих предшественников в отрицании славянского характера посольства. Он полагал, что руссы — скандинавы — не смогли вернуться на родину именно из-за враждебного отношения к ним восточных славян [13]. Интересовавшийся данной проблемой С. Ф. Платонов нашел ее противоречивой и практически неразрешимой. Историка смутило то, что послы, назвав себя шведами, представляли государство Русь, а главой государства являлся Каган, что соответствовало тюркской владетельной терминологии [14].

Точка зрения отечественных «норманистов» нашла отзвук в работах буржуазных зарубежных авторов. Еще в 1930 г. немецкий историк Г. Лаер отрицал русский характер посольства, считая его хазарским лишь на основе титула «хакан», упомянутого Пруденцием [15]. Француженка И. Сорлен вообще отрицала данное посольство как таковое, полагая, что речь у Пруденция шла лишь о «частных взаимоотношениях» Руси с Византией [16], хотя двумя страницами выше отмечала, что Бертинская хроника, несомненно, предполагает в этом случае не торговую, а дипломатическую миссию [17]. Русско-американский историк А. А. Васильев в соответствии со своей концепцией норманской Руси [18] считал членов посольства представителями «русско-варяжско-шведского государства на Днепре» [19].

В последнее время к истории посольства обратился английский историк Д. Оболенский. Но он не внес в решение проблемы ничего нового. Изложив историю посольства, он заключил, что хотя греки и знали Русь ранее по нападениям на Амастриду, в Византии и Ингельгейме появилась то ли дипломатическая, то ли торговая миссия, но в обоих случаях — норманская [20].

Особую позицию в вопросе о посольстве 839 г. занимали Е. Е. Голубинский и В. Г. Васильевский. Первый считал, что посольство было отправлено в Византию не Киевской, а тмутараканской или азово-черноморской Русью, которая издревле поддерживала отношения с Империей. Голубинский полагал, что послы представляли черноморских норманнов [21], Васильевский считал их представителями поднепровской Руси,

---

[12] *Ф. И. Успенский.* Первые страницы русской летописи и византийские перехожие сказания.— «Записки имп. Одесского общества истории и древностей», т. XXII. Одесса, 1915, стр. 206.

[13] *М. Д. Приселков.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913, стр. 42—43.

[14] *С. Ф. Платонов.* Лекции по русской истории. Пг., 1918, стр. 64—65.

[15] *G. Laehr.* Die Anfange des russischen Reiches. Politische Geschichte in 9. und 10. Jahrhundert. Berlin, 1930, S. 16, 122.

[16] *I. Sorlin.* Les Traites de Byzance avec la Russie au X-e siecle.— «Cahiers du monde Russe et sovietique», vol. II, N 3, Paris, 1961, p. 319.

[17] Ibid., p. 317.

[18] Критику взглядов А. А. Васильева см.: *М. В. Левченко.* Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, стр. 42—55.

[19] *A. A. Vasiliev.* Op. cit., p. 9.

[20] *D. Obolensky.* The Byzantine Sources on the Scandinavians in Eastern Europe.— «Varangian problems. Scando-slavica». Supplementum I. Copenhagen, 1970, p. 149—150.

[21] В Ингельгейм «успели пробраться... с посольством константинопольского импера-

жившей ближе к Черному морю и находившейся под властью хазар; под каганом можно разуметь, писал он, как хазарского верховного правителя, так и русского князя, носившего этот хазарский титул [22].

Однако наряду с формированием норманистских взглядов на посольство 839 г. складывалась и иная точка зрения, утверждающая, что Пруденций упомянул представителей Киевской Руси, Руси славянской, нарождающегося Древнерусского государства. Еще Г. Эверс, выступая против мнения Шлёцера, заметил, что никогда ни один шведский правитель не называл себя каганом и что франки прекрасно знали шведов под их собственным именем задолго до появления в Ингельгейме русского посольства; в 829 г. шведское посольство просило того же Людовика Благочестивого способствовать в распространении среди шведов христианства. И в шпионаже россов заподозрили потому, что они назвались шведами, а лишь за два года до этого скандинавы совершили устрашающий набег на владения франков [23].

Группа русских историков XIX—XX вв. как в специальных исследованиях, так и в общих трудах выступила против отождествления «хакана», упомянутого Пруденцием, с неким скандинавским Гаконом. К. Н. Бестужев-Рюмин, В. С. Иконников, Д. И. Иловайский, Д. И. Багалей, В. И. Ламанский утверждали, что славяне позаимствовали титул «каган» от хазар, которые властвовали над Поднепровьем в VII—VIII вв. Следы хазарского влияния эти историки усматривают в употреблении титула «каган» первым русским митрополитом Иларионом в «Слове о законе и благодати» и «Похвале» князю Владимиру.

Бестужев-Рюмин, в частности, считал, что посольство 839 г. могло идти из Киева от наместника хазарского кагана, так как в это время Киев еще находился под властью хазар. Иловайский писал, что под именем кагана здесь имеется в виду не кто иной, как киевский князь [24]. Ламанский выступил против точки зрения Голубинского об отождествлении Руси 839 г. с азово-черноморской норманской Русью [25]. Но особенно подробно идею о киевском славянском представительстве посольства 839 г. защищал С. А. Гедеонов. Он отрицал так называемую «шведскую Русь» и говорил о трех-четырех норманнах, «случайно попавших в Киев в 839 году» [26]. Гедеонов считал совершенно неестественным, во-первых, чтобы в Византии не угадали шведского имени Гакон под тюркским титулом «каган», а во-вторых, чтобы шведы называли себя не по имени народа, их пославшего (Русь), а согласно со своим дружинным именем (Rods). Гедеонов обратил внимание и на то, что никогда ни шведы, ни датчане не называли себя у других народов своими дружинными именами, сохраняя этнические [27]. Пруденций же узнал о названии народа, чьи интересы представляли послы, от византийских дипломатов, для которых слово

тора Феофила несколько черноморских норманнов с целью соглядания, надеясь посредством обмана пройти и высмотреть всю империю» (*Е. Голубинский.* История русской церкви, т. I, 1-я пол. М., 1880, стр. 49).

[22] *В. Г. Васильевский.* Введение в житие св. Георгия Амастридского, стр. CXVII.

[23] [*Г. Эверс.*] Предварительные критические исследования Густава Еверса для Российской истории. М., 1826, стр. 116—117.

[24] *К. Бестужев-Рюмин.* Русская история, т. I. СПб., 1872, стр. 91; *В. С. Иконников.* Опыт русской историографии, т. I, кн. 1. Киев, 1891, стр. 119, 136; *Д. И. Иловайский.* История России, т. I, изд. 2. М., 1906, стр. XVI; *Д. И. Багалей.* Русская история, т. I. М., 1914, стр, 170; *В. И. Ламанский.* Славянское житие св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение и как исторический источник. Пг., 1915, стр. 43.

[25] *В. И. Ламанский.* Указ. соч., стр. 38.

[26] *С. Гедеонов.* Варяги и Русь, ч. I. Варяги. СПб., 1876, стр. 3; ч. II. Русь. СПб., 1876, стр. 400.

[27] Там же, ч. II, стр. 409.

«Русь» издавна означало собирательную форму поднепровских и северо-восточных славянских племен [28]. Гедеонов также отмечает наличие титула «каган» в Киевской Руси XI в.[29] и пишет, что император Феофил назвал каганом правителя Руси, так как узнал его от русских послов [30].

Дискуссия среди отечественных историков оказала влияние и на зарубежную буржуазную историографию. Некоторые из ее представителей активно выступили в защиту тезиса о славянском происхождении государства, пославшего в 838 г. шведов в Константинополь. Наиболее серьезную аргументацию этого тезиса мы встречаем у А. В. Рязановского [31], который подчеркивает, что русские норманисты подменяли суть вопроса поверхностным его рассмотрением, так как старались установить национальную принадлежность послов (кто они — шведы, готы, славяне, хазары), а не национальную принадлежность пославшего их государства, правителя. Титул «каган», пишет автор, был распространен среди хазар, дунайских болгар, аваров и других восточноевропейских народов. Рязановский приводит отрывок из письма от 871 г. императору Людовику II византийского императора Василия Македонянина, где тот пишет, что титул «каган» не был известен норманнам, но использовался аварами и болгарами [32]. Автор тоже обращается к «Слову» Илариона и делает вывод: «Каган россов, который направил посольство... в Константинополь, был в действительности князем киевским» [33]. Причерноморско-русской или русско-хазарской миссии было незачем возвращаться кружным путем — ведь Причерноморье находилось под контролем дружественных Византии хазар [34]. Если же принять версию о киевском происхождении миссии, то обратный путь посольства из Ингельгейма оправдан, пролегая по старинной торговой дороге через Ингельгейм — Краков — Киев [35]. И. Свенцицкий также утверждал, что Вертинская хроника сообщает о «русской миссии» при византийском дворе, считая ее началом отсчета дипломатических отношений Киевской Руси и Византии [36].

Не поддержал своих коллег — зарубежных норманистов в данном вопросе и Г. Вернадский, который кое в чем, как заметил И. П. Шаскольский, отступал от «традиционных норманистских концепций» [37]. Г. Вернадский писал, что посольство 839 г. было не норманским, а русским и ходило оно в Константинополь для заключения соглашения между Русью и Византией [38].

---

[28] Там же, стр. 412.
[29] Там же, стр. 488—489.
[30] Там же, стр. 489.
[31] Положительную оценку «антинорманистским» взглядам А. В. Рязановского дали советские ученые В. Т. Пашуто и И. П. Шаскольский (*В. Т. Пашуто.* Русско-скандинавские отношения и их место в истории раннесредневековой Европы.— «Скандинавский сборник», XV. Таллин, 1970, стр. 51; *И. П. Шаскольский.* Норманская теория в современной буржуазной науке. М.— Л., 1965, стр. 29—30).
[32] *A. V. Riasanovsky.* The Embassy of 838 Revisited: some Comment on Early Russian History.— «Jahrbücher fur Geschichte Osteuropas», Neue Folge, Bd. 70, Heft 1, April. Wiesbaden, 1962, p. 2. Первым обратил внимание на ценность этого документа для решения вопроса о характере посольства 839 г. Гедеонов (*С. Гедеонов.* Указ. соч., ч. II, стр. 484).
[33] *A. V. Riasanovsky.* Op. cit., p. 5.
[34] Ibid., p. 10—11.
[35] Ibid., p. 11.
[36] *I. Swiencickyj.* Die Friedensvertrage der Bulgaren und der Russen mit Byzanz.— «Studi Bizantini e Neoellenici», vol. 5. Atti del V Congresso internazionale di Studi Byzantini. Roma, 1939, S. 324.
[37] *И. П. Шаскольский.* Указ. соч., стр. 24.
[38] *G. Vernadsky.* The Problem of the Early Russian Campaigns in the Black sea Area.— «The American Slavic and East European Review», vol. VIII. New York, 1947, p. 1.

Несмотря на многие правильные наблюдения и аргументы отечественных и зарубежных «антинорманистов», их методология решения норманского вопроса так и не вышла за эмпирические рамки. Наглядно это проявилось и при анализе истории посольства 839 г.

С принципиально иных позиций повели разработку проблемы советские и зарубежные историки-марксисты. Вопрос о возникновении государства на Руси стал решаться в плане изучения надстроечных явлений, в тесной связи с уровнем социально-экономического развития русских земель. В работах Б. Д. Грекова, М. Н. Тихомирова, Б. А. Рыбакова, П. Н. Третьякова, В. Т. Пашуто и др. было убедительно показано, что к IX в. Древняя Русь осуществляла переход от первобытнообщинного строя к феодальному, что в древнерусских землях шли процессы классообразования, становления государственности, формирования феодальной внешней политики, закладывались основы древнерусской культуры [39]. Высокий уровень политического развития русских земель в IX—X вв. и значение «славяно-скандинавского социального и культурного синтеза» подчеркнул недавно В. Т. Пашуто. Автор убедительно показывает, что применительно к этому времени следует говорить не о русских племенах, а о конфедерации или федерации племен, об отдельных русских княжествах — полян, древлян, дреговичей, полочан, словен. «Вся структура тогдашней Руси оказывается не этнографической, племенной, а политической... Славянская конфедерация пришла в соприкосновение с северными странами, столкнувшись с норманскими «находниками» и наемниками» [40]. Уже в наиболее ранних доступных источниках русские княжества «выступают внутри страны и во внешних сношениях как политические организации, по преимуществу имеющие территориальные и социальные (князь, знать, народ) членения» [41]. Думаю, что генезис этих государственных образований восходит к тем временам, когда руссы атаковали Сурож и Амастриду и посылали посольство в Византию, т. е. к концу VIII — первой половине IX в.

Значительный вклад в разработку проблемы внес польский историк Х. Ловмяньский, который, опираясь на широкий круг археологических, языковых, этнографических, письменных источников, показал сходство процессов классообразования, развития государственности в славянских странах в I тысячелетии н. э.[42], в том числе в Древней Руси.

С позиции изучения социально-экономического, политического, культурного и этнического развития русских земель в IX—X вв. решают историки-марксисты и норманский вопрос. Не отрицая роли чужеземного элемента в формировании древнерусской государственности, историки-

---

[39] *Б. Д. Греков.* Киевская Русь. М., 1949; *М. Н. Тихомиров.* Древнерусские города. М., 1946; *он же.* Происхождение названий «Русь» и «Русская земля».— «Советская этнография», вып. VI—VII, 1947; *Б. А. Рыбаков.* Образование Древнерусского государства. М., 1955; *он же.* Спорные вопросы образования Киевской Руси.— «Вопросы истории», 1960, № 9; *он же.* Обзор общих явлений русской истории IX — середины XIII в.— Там же, 1962, № 4; *он же.* Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963; *П. Н. Третьяков.* Восточнославянские племена. М., 1953; *В. Т. Пашуто.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.

[40] *В. Т. Пашуто.* Русско-скандинавские отношения и их место в истории раннесредневековой Европы, стр. 55.

[41] *В. Т. Пашуто.* Норманский вопрос в свете летописной традиции о племенах и княжениях.— В кн.: «Тезисы докладов Пятой всесоюзной конференции по изучению скандинавских стран и Финляндии», ч. I. М., 1971, стр. 46; см. также: *В. Т. Пашуто.* Летописная традиция о «племенных княжениях» и варяжский вопрос.— В кн.: «Летописи и хроники. Сборник статей. 1973 г.» М., 1974.

[42] *В. Т. Пашуто.* Труды польского академика Г. Ловмяньского по истории Литвы, Руси и славянства.— «Вопросы истории», 1959, № 10, стр. 113.

марксисты подчеркивают, что варяги являлись по существу не внешним импульсом становления древнерусской государствеенности, а одним из внутренних факторов. Х. Ловмяньский — автор специальной работы о роли норманнов в становлении славянской государственности — писал: «Не Киев обязан норманнам началом своей государственной организации, а норманны благодаря развитию государственного устройства на Руси и особенно на среднем Днепре нашли условия для участия в этом процессе главным образом в качестве купцов и наемных воинов» [43].

Эту же мысль проводит и И. П. Шаскольский, разоблачая взгляды буржуазных норманистов А. Стендер-Петерсена, Г. Пашкевича и др. о решающем значении норманнов в образовании Древнерусского государства. «Норманны,— писал И. П. Шаскольский,— лишь включились в грандиозный процесс формирования классовых обществ и государства на огромной территории от Приладожья до низовьев Днепра» [44]. Д. С. Лихачев на копенгагенском симпозиуме по истории викингов в 1968 г., рассматривая вопрос о «призвании» варягов, также отметил, что «в дополнение к династии Рюрика имелись другие княжеские династии на Руси, как скандинавского, так и местного происхождения» [45]. Еще раз эта точка зрения о «славяно-скандинавском социальном и культурном синтезе» [46], базирующаяся на работах советской историко-археологической школы, разоблачившей «норманскую» теорию о решающем влиянии скандинавских элементов для развития древнерусской государственности, прозвучала на сессии по истории норманнов в Сполето (1968 г.). Там М. Хеллманн говорил, что «образование средневековой России рисуется как продолжительный и сложный процесс. Туземные и внешние факторы играли при этом свою роль, не во все времена одинаково интенсивную, но они все содействовали тому, чтобы Киевское государство в течение полутора веков выросло в значительную политическую силу» [47]. Единственно, что вызывает здесь возражение,— так это мотив равнозначности «туземных и иноземных» элементов в формировании древнерусской государственности, который противоречит фактам и основанной на них концепции советской исторической школы о преимущественном значении славянских элементов и о второстепенном — чужеземных элементов, в том числе скандинавских, в генезисе государства на Руси.

С этих методологических позиций мы и должны оценивать факт появления шведов в составе русского посольства в Византии и Ингельгейме.

Правильные в принципе определения этого посольства как миссии славянского Древнерусского государства не нашли до сих пор исследова-

---

[43] *H. Łowmiański.* Zagadnienie roli normanów w genezie państw słowiańskich. Warszawa, 1957, str. 116.

[44] *И. П. Шаскольский.* Указ. соч., стр. 17.

[45] *D. S. Lichacev.* The Legend of the Calling-in of the Varangians and political Purposes in Russian Chroniclewriting from the second Half of the XI-th to the Beginning of the XII-th Centure.— «Varangian Problems. Scando-slavica». Supplementum I. Copenhagen, 1970, p. 176. Наконец, в недавней работе М. А. Алпатова еще раз прозвучала мысль о том, что попытка связать появление варягов на Руси лишь с «послерюриковским» периодом приводит к искусственному разделению истории Древней Руси на «дорюриковский» и «послерюриковский» периоды, т. е. фактически играет на руку «норманистам». М. А. Алпатов совершенно справедливо считает, что господствующий класс, государственная организация и войско в Древней Руси «формировались не только из местных, но и из варяжских элементов» (*М. А. Алпатов.* Русская историческая мысль и Западная Европа XII—XVII вв. М., 1973, стр. 63).

[46] *В. Т. Пашуто.* Русско-скандинавские отношения и их место в истории раннесредневековой Европы, стр. 55.

[47] Цит. по статье: *В. Т. Пашуто.* Летописная традиция о «племенных княжениях» и варяжский вопрос, стр. 103—104.

тельского подтверждения. Так, М. В. Левченко подчеркивал, что сам факт посольства является доказательством существования русского княжества на Днепре в первой половине IX в. Он повторил прежние аргументы относительно существования на Руси титула «каган» и вслед за историками XIX в. отрицал принадлежность посольства к азово-черноморской Руси или к хазарам, так как иначе оно могло бы без особых осложнений вернуться на родину через Северное Причерноморье [48]. М. И. Артамонов считал, что русы, упоминаемые в связи с нападением на Амастриду и посольством 839 г., представляли среднеднепровское политическое образование. «О том же,— писал М. И. Артамонов,— свидетельствует и титул главы этой Руси — каган, который невероятен для северных славян, но вполне понятен для славян среднеднепровских, находившихся под властью хазар. Принятием этого титула киевский князь заявлял о своей независимости от хазар» [49]. Г. Г. Литаврин рассматривал посольство как начало непосредственных контактов Русн с Константинополем, как попытку установить регулярные отношения между Древней Русью и Византией [50]. В. Т. Пашуто характеризовал посольство как русскую славянскую дипломатическую миссию, которая подтверждает существование мирных связей между Русью и Византией [51].

Истории посольства 839 г. уделялось внимание и в общих трудах. В «Очерках истории СССР» о посольстве говорится как о форме дипломатических отношений Руси и Византии; «именно киевские русские князья именовались каганами» [52]. И в многотомной «Истории СССР» отмечается, что «восточный титул хакана известен в применении к Руси с 839 г.» [53]

А теперь попробуем взглянуть на историю посольства с точки зрения дипломатической практики первой трети IX в.

Несколько слов о хронологии посольства. В Ингельгейме оно было принято в мае 839 г. Появилось оно там, конечно, раньше, так как согласно практике дипломатических отношений средних веков прием посольства осуществлялся не сразу после его прибытия в страну, а после его устройства, предварительного обмена мнениями относительно церемониала приема и т. д. Можно думать, что оба посольства появились ранней весной, проделав долгий путь от Константинополя до Ингельгейма. А это значит, что русское посольство зимовало в византийской столице. Таким образом, крайний срок появления русских послов в Константинополе можно отнести к поздней осени 838 г.— к концу навигации, ибо только водным путем посольство и могло туда попасть. Длительное пребывание русских послов в Византии уже само указывает на определенный их статус: руссы были не случайно забредшими странниками, а вполне определенной политической миссией, чьи сроки пребывания в византийской столице вполне обычны для тогдашней дипломатической практики.

Каковы же были исторические условия появления русского посольства в Византии? Это было время, когда император Феофил в отчаянной борьбе с Арабским халифатом обратился за помощью к странам Европы, впервые выдвинув идею крестового похода против мусульманского мира. В 837—838 гг. византийское войско потерпело ряд поражений в Малой

---

[48] *М. В. Левченко.* Указ. соч., стр. 55—56.
[49] *М. И. Артамонов.* История хазар. Л., 1962, стр. 366.
[50] *Г. Г. Литаврин.* Византия и Русь в IX—X вв.— В кн.: «История Византии», т. II. М., 1967, стр. 228.
[51] *В. Т. Пашуто.* Внешняя политика Древней Руси, стр. 58.
[52] «Очерки», стр. 74—75.
[53] «История СССР с древнейших времен до наших дней», т. I. М., 1966, стр. 360.

Азии, возникла угроза арабского удара непосредственно по Константинополю [54]. Неспокойно было и на севере. Хазары обратились к Византии с просьбой построить на Дону военные крепости (будущий Саркел), чтобы воспрепятствовать движению новых кочевых орд — угров [55] и оттеснивших их печенегов [56], а возможно, опасаясь давления со стороны поднепровской Руси [57], которая своими морскими и сухопутными набегами беспокоила границы и Византии, и Хазарии. Так, в первой половине IX в., согласно византийским источникам, Русь дважды наносила удары по византийским владениям. Эти факты отразились в «житиях» святых Стефана Сурожского и Георгия Амастридского [58]. Один раз руссы напали на крымские города Византии и разгромили Херсонес, Керчь и Сурож, затем напали на малоазиатские владения империи и прошли огнем и мечом от Пропонтиды (вход в Босфор) до города Амастриды. М. И. Артамонов считал, что одного нападения новгородской рати на Сурож было достаточно, чтобы вызвать страх в Хазарии и способствовать договоренности Империи и Хазарского каганата о постройке крепости [59]. Вскоре на Дон прибыли греческие строители во главе со спафарокандидатом Петроной. Об этом подробно рассказал в X в. в своем труде «Об управлении империей» Константин VII Багрянородный. Саркел был выстроен не на речной, а на сухопутной дороге, при переправе через Дон и должен был прикрыть и Хазарию, и крымские владения Византии с запада и северо-запада [60].

В дальнейшем попытка византийцев использовать постройку Саркела для усиления своего влияния в этом районе путем насаждения христианства встретила сопротивление хазар [61]. В ответ византийцы пошли на создание в Крыму самостоятельной фемы (византийской территориально-административной единицы) во главе с тем же Петроной, получившим ранг протоспафария [62]. Начало IX в. Хазария встретила в обстановке ожесточенных внутренних конфликтов, потери своего международного престижа [63].

Вот в этой-то сложной международной обстановке в 838 г. и появляется русское посольство в Византии, а затем в 839 г. вместе с византийскими послами и в Ингельгейме.

Прежде чем говорить о характере и целях посольства, отметим, что история посольских взаимоотношений древних славян с Византией и другими соседними народами восходит к V—VI вв. н. э. Византийские авторы пишут не только о постоянных набегах склавинов и антов на ви-

---

[54] «История Византии», т. II, стр. 76.

[55] Такова точка зрения, выраженная в «Истории Византии» (т. II, стр. 75). О борьбе с уграми как основными врагами Хазарского каганата писал также М. В. Левченко (*М. В. Левченко.* Указ. соч., стр. 56).

[56] Эта точка зрения выражена впервые Ф. И. Успенским (*Ф. И. Успенский.* Указ. соч., стр. 218; ср. «Очерки», стр. 75).

[57] *Д. И. Иловайский.* Разыскания о начале Руси. М., 1876, стр. 156; *В. Пархоменко.* Начало христианства Руси. Полтава, 1913, стр. 61—62; *I. Sorlin.* Op. cit., p. 318—319; *В. Т. Пашуто.* Внешняя политика Древней Руси, стр. 58. М. И. Артамонов считал, что постройка Саркела была предпринята в ответ на появление и угров, и печенегов, и на возвышение Древнерусского государства (*М. И. Артамонов.* Указ. соч., стр. 297).

[58] *В. Г. Васильевский.* Введение в житие св. Стефана Сурожского.— *В. Г. Васильевский.* Труды, т. III; *он же.* Введение в житие св. Георгия Амастридского.— Там же; *Е. Э. Липшиц.* О походе русских на Византию ранее 842 г.— «Исторические записки», т. 26; *М. В. Левченко.* Указ. соч., стр. 11—12, 42—55.

[59] *М. И. Артамонов.* Указ. соч., стр. 304.

[60] Там же, стр. 299.

[61] «История Византии», т. II, стр. 75.

[62] *Ф. И. Успенский.* Указ. соч., стр. 218.

[63] *М. И. Артамонов.* Указ. соч., стр. 324.

зантийские владения, но и о договорной, посольской практике этого периода. С 527 г., когда славяне нанесли удар по Константинополю при Юстиниане I, Византия стремится поставить себе на службу военную мощь славянских племенных союзов, отгородиться при помощи славянских наемных отрядов и славянских пограничных поселений от натиска аваров и болгар [64].

К VI—VII вв. относятся и первые политические международные комбинации с активным участием славянских племенных союзов. Прокопий Кесарийский (VI в.) сообщает о заключении «мирного договора» антов и склавинов против Империи [65].

Маврикий Стратег (конец VI — первая половина VII в.) [66] упоминает о договорах, заключаемых антами и склавинами со своими соседями, как о само собой разумеющемся деле. «В общем,— пишет он о дипломатической практике древних славян,— они коварны и не держат своего слова *относительно договоров*; их легче подчинить страхом, чем подарками» [67–68]. В этом коптексте интересно упоминание о подарках, которыми византийцы стремились откупиться от своих грозных п беспокойных соседей, что указывает на применение к антам обычных для того времени приемов византийской дипломатии. В союзе с Византией славяне не раз выступали против персов, остготов, а затем вместе со своими бывшими противниками наносили удары по византийским владениям.

Отрезанные в VII в. от Византии аварами, славянские племена Поднепровья и северо-востока на долгие годы выпали из поля зрения византийской политики, однако это вовсе не означало, что Византия не учитывала возрастающую мощь славянских государственных образований.

Да и в «житиях» Стефана Сурожского и Георгия Амастридского рассказывается, как нападения руссов на Сурож и Амастриду фактически заканчивались мирными соглашениями руссов с местными византийскими властями. Среди условий договоров были: приостановление военных действий, прекращение грабежа на захваченной территории, возврат награбленного имущества, бережное обращение с православными храмами, отпуск пленных, крещение вождя руссов видным византийским иерархом и т. д. [69]

Следовательно, славянское посольство в Византию в первой половине IX в. не представляет собой чего-то из ряда вон выходящего: вся практика политических взаимоотношений древних славян с окружающими народами подтверждает, что оно было ординарным явлением в истории давнишних дипломатических отношений древнеславянского мира и Византии.

Не случайно посольство появляется в Византии именно в то время, когда, как мы видели, завязывается сложный международный узел в Причерноморье. Византия стремится в этих условиях сохранить и упрочить свое влияние на северных берегах Черного моря и одновременно заручиться поддержкой западных соседей в борьбе с арабами. Именно к

---

[64] См. об этом подробнее: «История Болгарии», т. I, стр. 39, 40; «История Византии», т. I. М., 1967, стр. 339; «История СССР с древнейших времен до наших дней», т. I, стр. 352; *З. В. Удальцова.* Идейно-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV—VII вв.). М., 1974, стр. 188.

[65] «Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. э.» — «Вестник древней истории», т. I, 1941, стр. 236.

[66] *З. В. Удальцова.* Указ. соч., стр. 300.

[67–68] «Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. э.», стр. 254. Курсив мой.— *А. С.*

[69] «Житие св. Стефана Сурожского».— В кн.: *В. Г. Васильевский.* Труды, т. III, стр. 96; «Житие св. Георгия Амастридского».— Там же, стр. 65—68.

этому времени относятся ее посольства в Венецию, Испанию [70], к королю франков. Ввиду сказанного все версии о случайном характере посольства представляются несостоятельными.

Существенно и то, что русские послы появились в Ингельгейме вместе с официальным посольством императора Феофила, которое имело высокий ранг (его возглавляли епископ и спафарий) и весьма ответственные цели — подтвердить с франками «мир и любовь» перед лицом растущей арабской опасности [71].

Практика подобных сопровождений была обычной как для древнего мира, так и для средневековья. В дальнейшем эта традиция нашла свое развитие и на Руси. Так, после завершения очередных переговоров с посольствами германских императоров в Москве в XV—XVI вв. вместе с ними в Вену собирались и русские посольства, которым надлежало продолжать переговоры с германскими монархами. А затем русская миссия привозила с собой очередное немецкое посольство. Подобная практика «ответных», «сопровождающих» посольств имела место и в отношениях с Польшей, Швецией, Англией и другими странами вплоть до конца XVII в., когда в столицах европейских государств появились постоянные дипломатические резиденты.

Обычно сопровождающему посольству поручалась охрана в пути иноземных послов, помощь в обеспечении их средствами передвижения, питанием, наблюдение за ними, а в столице иноземного государства — проведение нового тура переговоров. Нередко вместе путешествовали не два, а даже три посольства или легкие гонецкие миссии; это было в том случае, когда речь шла о выработке общих решений, скажем, в трех столицах — Вене, Кракове и Москве. В этом смысле путешествие русского посольства в Ингельгейм совместно с византийским посольством не только подтверждает обычную практику обращения с посольством дружественного государства, но может указать и на общность политических вопросов, которые могли обсуждаться с руссами в Византии и с франками (в присутствии руссов) в Ингельгейме.

Важно отметить и тот факт, что русское посольство шло в Ингельгейм в сопровождении личного императорского послания. Феофил информировал Людовика Благочестивого о русском посольстве, просил оказать ему содействие в возвращении на родину, предоставить ему охрану, что также указывает на определенный государственный статус послов. В Византии, как это следует, например, из сочинений Константина Багрянородного, вообще очень ревниво относились к посольскому ритуалу. Жесткая бюрократическая регламентация приемов и отпусков послов — согласно международному престижу их страны или ее месту в политике данного дня — тщательно соблюдалась. На определенное достоинство русского посольства указывал уже С. Гедеонов [72]. А. В. Лонгинов высказал интересную мысль о том, что забота византийского императора о благополучном возвращении на родину русского посольства находит аналогию в позднейшей статье договоров Руси с Византией от 907 г. и особенно 944 г. [73], где говорится: «и да возъвращаются съ спасениемъ въ страну свою» [74].

---

[70] *A. A. Vasiliev.* Op. cit., p. 6.

[71] На эту сторону вопроса справедливо обратил внимание А. В. Рязановский: «Император Феофил разрешил русским послам путешествовать с официальной греческой миссией в Ингельгейм, показывая свою заботу об их безопасном возвращении» (*A. V. Riasanovsky.* Op. cit., p. 10).

[72] *С. Гедеонов.* Указ. соч., ч. I, стр. 271—272.

[73] *А. В. Лонгинов.* Мирные договоры русских с греками, заключенные в X веке. Одесса, 1904, стр. 48.

[74] ПВЛ, т. I, стр. 36.

Когда в X в. русские посольства отправлялись из Константинополя в обратный путь, они, кроме корабельных снастей, припасов, получали и императорскую охранную грамоту [75]. На благосклонное отношение Феофила к руссам обратил внимание и М. В. Левченко [76].

Все это, на наш взгляд, позволяет сделать вывод, что ни небольшие готско-норманские очаги в Крыму, ни случайные скандинавские отряды не имеют к этому посольству никакого отношения. Обстановка диктовала серьезные переговоры с возможным сильным союзником. Отсюда и соответствующий статус посольства при византийском дворе. Представляются убедительными и доводы тех историков, которые обращали внимание на нелогичность характеристики посольства как хазарского или азово-черноморского, так как в этом случае возвращение по землям дружественных хазар не представляло бы для него большой трудности. Другое дело — традиционный путь по Днепру: он был перехвачен уграми и печенегами, а это могло нарушить первоначальные планы послов.

Главный аргумент против характеристики посольства 839 г. как миссии Киевской Руси заключается в самом факте упоминания о послах как о шведах (свеонах). Действительно, расследование, произведенное в Ингельгейме, заставило послов, отрекомендовавшихся от имени Руси, признать себя шведами. А раз так, то, по мнению целой группы историков, шведов следует отождествить с Русью. Но согласиться с этим — значило бы не только вернуться к вопросу об уровне посольства, об уровне и престиже пославшего его государства, но и принять некоторые чисто формальные моменты за существо дела. То, что послы были шведами, не имеет никакого отношения к этнической характеристике пославшего их государства.

Как княжения IX—X вв. уже носили в основном не этнический, а политический характер, так и представительство этих княжений или их федерации имело не этническое, а политическое, государственное значение. Более того, вновь организующееся государство, слабо знакомое с дипломатической практикой решения международных вопросов, не располагавшее людьми, подготовленными для этой цели (знание дипломатических обычаев, иноземных языков), могло воспользоваться услугами опытных и бывалых скандинавов. Это точно соответствовало тогдашним обычаям, когда не национальная принадлежность дипломатов, а знание ими своего дела, мастерство ведения переговоров, служебная преданность тому или иному престолу определяли состав миссии [77].

Членами посольства являлись шведы — постоянные участники и смелых набегов, и пограничных переговоров, и дружинной службы при восточнославянских князьях, а также при константинопольском дворе. Говорившие, наверное, одинаково плохо на нескольких известных в те времена языках — русском, греческом, возможно, болгарском, прошедшие через весь тогдашний восточноевропейский мир, они были незаменимы для дипломатических поручений. Привлекали их к дипломатическим переговорам и позднее, во времена Олега и Игоря. Да и в пору Русского централизованного государства нередко образованные греки, голландцы и др. представляли его при дворе германского императора. Позднее,

---

[75] *А. В. Лонгинов.* Указ. соч., стр. 48.
[76] *М. В. Левченко.* Указ. соч., стр. 56.
[77] Ср. А. В. Рязановский: «Практика использования послов иностранного происхождения не была необычной для средних веков... Киевский князь использовал иностранцев, и среди них скандинавов, для дипломатических миссий (*A. V. Riasanovsky.* Op. cit., p. 11).

в XVII в., заезжие английские негоцианты, обитатели Кокуя — немецкие и голландские офицеры, ученые греки-эмигранты выполняли важные дипломатические поручения.

Служебную функцию шведов в составе русского посольства отметил еще К. Н. Бестужев-Рюмин: «Эти шведы служили у какого-нибудь наместника каганова между руссами киевскими...» [78] М. В. Левченко полагал, что «шведов русский князь послал потому, что они состояли при нем дружинниками и были известны как люди опытные в дипломатических переговорах» [79]. И. П. Шаскольский и В. Т. Пашуто также писали о них как о норманнах, служивших Руси. Подробно этот вопрос разобрали А. В. Рязановский и Х. Ловмяньский. А. В. Рязановский отметил, что в русской истории варяги, особенно в составе посольств, неоднократно выступали «от рода русского». Так было на переговорах между послами Олега и Византией в 907 г., а также во время русского посольства в Константинополь в 911 г. Послы 839 г. были русскими, так как представляли Древнерусское государство, киевского кагана-князя, хотя по национальной принадлежности являлись шведами [80].

Х. Ловмяньский в соответствии с современной концепцией славяно-варяжского социального синтеза выдвинул положение о том, что на различных этапах истории Древней Руси варяги выполняли разные функции. До третьей четверти IX в. они выступали прежде всего как купцы «ввиду присущей им ловкости в торговых делах, знания чужих стран, которое облегчало им также функции дипломатические». Тогда же Русь использовала в своих целях их навыки в военном деле, мореплавании. А с последней четверти X в. торгово-дипломатическая роль варягов падает, зато возрастают их функции «военно-наемные». Вспомогательные отряды варягов оставляют заметный след во внутренней и внешней политике Руси при Владимире I, Ярославе Владимировиче [81]. Х. Ловмяньский допускает, что понятие «Русь» ассоциировалось в Византии со шведами, норманнами, а западные хронисты, в их числе автор Вертинской хроники, лишь отразили византийскую точку зрения [82]. Думаю, что ближе к истине те ученые, которые считали характеристики Пруденция относительно шведов вполне самостоятельными: ведь скандинавское происхождение русских послов было выяснено только во время расследования.

Нам кажется, что сам факт представительства варягов в русском посольстве указывает на устойчивую дипломатическую традицию, существовавшую возможно до конца X в., когда Древнерусское государство в Византии, а может быть, и в других странах пользовалось их услугами при ведении дипломатических переговоров. Только то, что в составе посольства были шведы и оно говорило от имени Руси, достаточно, чтобы точно определить государственную принадлежность посольства — Киевская Русь. Ведь имя Русь в течение долгого времени являлось для Византии одним из собирательных для всех восточнославянских племен. Оно прозвучало в «житии» Георгия Амастридского применительно к первой половине IX в., в 60-е годы IX в. в энциклике патриарха Фотия восточным церковным иерархам после первого нападения Руси на Константинополь. Оно звучало в сочинениях Константина Багрянородного в середине X в. Впервые в том же контексте, что у Фотия и у Констан-

---

[78] *К. Бестужев-Рюмин.* Указ. соч., т. I, стр. 9.
[79] *М. В. Левченко.* Указ. соч., стр. 55.
[80] *A. V. Riasanovsky.* Op. cit., p. 11—12.
[81] *H. Łowmianski.* Op. cit., str. 182.
[82] Ibid., str. 171.

тина, имя Русь появляется и в известии Пруденция, записанном со слов византийцев.

Наконец, следует поставить вопрос — каковы же были цели русского посольства, прибывшего в Константинополь? Ряд историков считает, что целью посольства было заключение союзного договора. Посольство, писал В. О. Ключевский, прибыло «для установления или восстановления дружбы, т. е. для заключения договора» [83]. О достигнутом в 839 г. с «ромеями» соглашении, после которого «началось движение Руси на юг», писал А. А. Шахматов [84]. В «Очерках истории СССР» говорится, что цель посольства — «установление союза с Византией перед лицом нового опасного врага — печенегов» [85]. Г. Вернадский был уверен, что цель посольства заключалась в установлении «какого-либо соглашения», которое, однако, не состоялось [86]. Начало дипломатических отношений Руси и Византии с 839 г. вел И. Свенцицкий [87]. Другие как дореволюционные, так и советские историки оценивали цели посольства более осторожно: о «сношениях» Руси и Византии писал Д. И. Багалей [88], о начале установления «регулярных отношений» с Империей говорил Г. Г. Литаврин [89], в установлении «мирных связей между Русью и Византией» видит цель посольства В. Т. Пашуто [90].

Нужно прежде всего обратить внимание еще на один аспект истории посольства, не отмеченный исследователями. Из сообщения Пруденция узнаем, что оно было заподозрено франками в шпионаже. Это отнюдь не ново для истории дипломатических отношений. История знает немало примеров выполнения посольскими и торговыми миссиями древности и средних веков разведывательных функций. Едва ли не о первом случае подобного рода рассказывает Геродот [91]. В средние века при всех европейских дворах посольства содержались под наблюдением, фиксировались их встречи и разговоры. И позднее, во времена Ивана III иностранных дипломатов не раз обвиняли в шпионаже, доставалось и русским послам за границей. Очевидна ординарность самого обвинения. Посольство, появившееся в Ингельгейме под сомнительным предлогом невозможности возвратиться на родину из-за «бесчеловечных и диких племен», перекрывших все пути, скандинавская национальная принадлежность русских посланцев — не могли не вызвать подозрения у франков.

Нам кажется, историки вообще слишком серьезно воспринимают версию, предложенную в письме Феофила, о том, что послы были лишены возможности вернуться восвояси традиционным путем. Возможно, трудности с возвращением послов на родину действительно существовали, но франки подошли к этому реалистично и верно оценили функции попавшего к ним русского посольства. У Пруденция сказано, что русский хакан отправил послов к Феофилу «ради дружбы» (amicitae causa). По тогдашним международным понятиям, это не было посольством ни о конкретном политическом союзе, ни о военном соглашении, ни даже об установлении между государствами устойчивого отношения «мира и любви». Кстати, именно о такого рода отношениях шла речь в связи с посольст-

---

[83] *В. О. Ключевский.* Сочинения, т. I. М., 1956, стр. 145.
[84] *А. А. Шахматов.* Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919, стр. 58.
[85] «Очерки», стр. 75.
[86] *G. Vernadsky.* Op. cit., p. 1.
[87] *I. Swiencickyj.* Op. cit., S. 324.
[88] *Д. И. Багалей.* Указ. соч., т. I, стр. 171.
[89] *Г. Г. Литаврин.* Указ. соч., стр. 228.
[90] *В. Т. Пашуто.* Внешняя политика Древней Руси, стр. 58.
[91] *Геродот.* История. Л., 1972, стр. 144—146.

вом в Ингельгейм епископа Феодосия Халкидонского и спафария Феофана. Посольство руссов, на наш взгляд, выполняло более ограниченную задачу — войти в дружеские, мирные отношения с Византийской империей, что, возможно, было связано и с их нападением на малоазиатские владения Византии и город Амастриду [92].

Такое посольство могло выполнять и наблюдательные функции. Отсюда его неширокий состав, расплывчатая цель и включение в его состав шведов — бывалых воинов и путешественников. Появление русского посольства в Ингельгейме было вызвано, конечно, не столько опасным состоянием путей в Причерноморье (позднее русские посольские и торговые караваны прорывались в Константинополь через печенежские заставы, гибли в степях и на порогах), сколько все тем же интересом молодого Древнерусского государства к окружающим соседям, необходимостью сбора определенной информации для правильной политической ориентации, а также для военных целей. Это — миссия возникающего государственного образования, ищущего внешнеполитических контактов.

В Византии посольство встретили доброжелательно, так как установление дружеских отношений с Русью соответствовало ее целям. Отсюда и помощь в осуществлении дальнейших задач русской миссии — ознакомлении с тогдашним политическим миром. Рискнем предположить, что появление русского посольства в Константинополе относится к тому времени, когда исторически кончалась полоса изоляции, в которой оказались восточнославянские племена после нападения аваров, а позднее в связи с зависимостью от хазар. Посылка в Византию первого русского посольства и его появление с ознакомительными целями в землях франков знаменует собой новый этап в становлении древнерусской государственности.

---

[92] Мнение М. В. Левченко, будто цель посольства заключалась в получении подарков, по обычаю «варварских» государств, нам представляется несостоятельным (*М. В. Левченко.* Указ. соч., стр. 55). «Варвары» действительно стали позднее большими мастерами вымогать подарки, но пока еще в начале мирных отношений Руси с Империей до вымогательств было далеко.

И. П. Старостина

СУДЕБНЫЙ ИММУНИТЕТ В ЗАКОНАХ КАЗИМИРА 1468 Г.

Процесс ликвидации феодальной раздробленности и становления централизованного государства в Великом княжестве Литовском, проявившийся при Витовте и продолжавшийся при его преемниках, имел свои особенности. С конца XIV в. литовские князья последовательно осуществляли массовую раздачу феодалам государственных земель, ранее находившихся в их непосредственном подчинении [1].

Такое перераспределение земельной собственности, сопровождавшееся уступками со стороны великого князя и расширением шляхетских прав и свобод, привело в конечном счете и к перераспределению объема судебно-административных прав между феодалами и монархом. Оформление сословных прав литовского боярства происходило ускоренно, а уния с Польшей облегчала проведение реформ, почва для которых отчасти была подготовлена прежде [2].

Характерную особенность процесса централизации в Литовском государстве составляет распространение иммунитетных прав в системе сословных привилегий на всех феодалов, ведущая роль среди которых принадлежала аристократии — князьям и панам. Другой отличительной особенностью была неполнота централизации, осложненной неоднородным этническим составом и неравномерностью развития отдельных земель страны. Только в собственно Литве централизация была осуществлена с достаточной полнотой. Отношения с Жемайтией и некоторыми областями бывшего Древнерусского государства регулировались особыми привилеями, предоставившими им широкую внутреннюю автономию. Стремясь удержать славянские земли, тяготевшие к обособлению, особенно опасному для Литвы в связи со становлением Русского централизованного государства, литовские великие князья были вынуждены не только подтвердить в областных привилеях старые права этих земель, но и распространить на их боярство вновь полученные права литовских феодалов [3]. Правда, при этом ограничения политических прав не католиков, предусмотренные еще Городельским привилеем 1413 г., были отменены только в 1563 г.

Пока нет монографий, специально исследующих формирование и эволюцию феодального иммунитета в связи с централизационными процессами в Литовском государстве, подобных, например, работам Л. В. Череп-

---

[1] *H. Łowmianski.* Uwagi w sprawie podłoza społecznego i gospodarczego unji jagiellonskiej.— «Ksiega pamiątkowa ku uczczeniu 400-ej rocznicy wydania Pierwszego Statutu Litewskiego». Wilno, 1935, s. 287–296.

[2] *H. Łowmianski.* Z zagadnien spornych społeczenstwa litewskiego w wiekach srednich.— «Przegląd historyczny», t. XL (za rok 1949), 1950, s. 112—115, 127; *он же.* Uwagi, s. 265.

[3] О признании широкого иммунитета белорусского боярства и роли украинских и смоленских бояр на более раннем этапе — при образовании Литовского государства — см.: *В. Т. Пашуто.* Образование Литовского государства. М., 1959, стр. 318—320; *он же.* Страны Прибалтийского региона.— *А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин.* Пути развития феодализма. М., 1972, стр. 295—296.

нина, С. М. Каштанова, А. А. Зимина и др. по истории России XIV — первой половины XVI в.[4] Хотя отдельные аспекты этих проблем нашли отражение как в общих работах по истории Великого княжества Литовского, Белоруссии и Украины[5], так и в исследованиях, посвященных рассмотрению его социальной структуры[6], приходится констатировать, что в отличие от глубоко изученного процесса образования Литовского государства[7] особенности его развития в период централизации не получили должного освещения в современной исторической литературе.

В настоящей статье предпринята попытка проследить отражение в Судебнике Казимира 1468 г. судебного иммунитета и направление его эволюции путем сопоставления норм Судебника с общеземскими привилеями и I Литовским статутом 1529 г. Считаем необходимым подчеркнуть, что окончательные выводы могут быть сделаны только после изучения всего комплекса сохранившихся источников.

Судебник представляет собой первый сохранившийся сборник узаконений, изданный для собственно Литовской земли[8]. Отметим, что название «Судебник», не отвечающее ни содержанию, ни назначению памятника, продолжаем употреблять только в связи с укоренившейся в историографии традицией. Заголовок этот, поздний по происхождению, закрепился за ним после его первого издания в 1826 г. Самоназвание источника в тексте — «лист» (грамота). Объем его небольшой, в нем всего 25 статей[9], в основном посвященных уголовному и процессуальному праву. Кроме того, в нем имеются статьи, фиксирующие правила разрешения конфликтов между подданными разных владельцев (9—11), устанавливающие общий порядок судопроизводства, запрещающие самоуправство и регулирующие ведение дел по земельным спорам (20—22), а также о мостовой повинности (25).

Иммунитетные права литовских и русских феодалов получили свое развитие в целом ряде привилеев, изданных великими литовскими князь-

[4] *Л. В. Черепнин.* Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. 1. М., 1948; ч. 2. М., 1951; *он же.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках, М., 1960; *С. М. Каштанов.* Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в. М., 1967; *А. А. Зимин.* Россия на пороге нового времени. М., 1972.

[5] *М. К. Любавский.* Очерк истории Литовско-Русского государства, изд. 2. М., 1915. (там же указания на предшествующую литературу); *В. И. Пичета.* Белоруссия и Литва XV—XVI вв. М., 1961; «История Украинской ССР», т. I. Киев, 1969, стр. 116—156; *K. Jablonskis.* Lietuvos valstybes ir teises istorija nuo XIV a. pabaigos iki XVI a. vidurio. Vilnius, 1971; «Гісторыя Беларускай ССР», т. I. Мінск, 1972, стр. 143—176; *H. Łowmianski.* Uwagi; *он же.* Zagadnienie feodalizmu w W. Księstwie Litewskiem.— «Pamiętnik VI Powszechnego zjazdu historykow polskich». Lwow, 1935, s. 209—219; *он же.* Z zagadnien; «Historia Polski», t. I, cz. 1, s. 562—583 и др.; cz. 2, s. 243—251, Warszawa, 1957; *J. Ochmanski.* Historia Litwy. Wrocław — Warszawa — Krakow, 1967, s. 64—90 и др.

[6] *M. Krasauskaité.* Die litauischen Adelsprivilegien bis zum Ende des XV. Jahrhunderts. Leipzig, 1927; *Z. Ivinskis.* Geschichte des Bauernstandes in Litauen. Von den altesten Zeiten bis zum Anfang des 16. Jahrhunderts.— «Historische Studien», H. 236. Berlin, 1933; *W. Kamieniecki.* Społeczenstwo litewskie w XV w. Warszawa, 1947; *J. Jurginis.* Baudziavos įsigalejimas Lietuvoje. Vilnius, 1962; *S. Vansevičius.* Lietuvos didziosios kunigaikstystes zemes privilegijos. Vilnius, 1962; и др.

[7] *H. Łowmianski.* Studia nad początkami społeczenstwa i państwa litewskiego, t. 1. Vilno, 1931; t. 2. Vilno, 1932; *В. Т. Пашуто.* Образование Литовского государства.

[8] *М. К. Любавский.* Указ. соч., стр. 83, 91; *С. И. Барысенак.* Нацыянальны характар Літоускага статуту 1529 г.— «Полымя», 1927, № 6, стр. 154—157; *он же.* Звичаево право Литовсько-руськой держави на поч. XVI ст.— «Праці комісії для виучування звичаєвого права України», вип. 3. Київ, 1928, стр. 73—81; *И. И. Лаппо.* «Судебник» Казимира Ягайловича.— «Записки Русского научного института в Белграде», вып. 17. Белград, 1939, стр. 23—36.

[9] Нумерация статей Судебника по изданию «Kazimiero Teisynas» (Vilnius, 1967).

ями с 1387 по 1568 г.[10] Исследователи давно отметили связь между ст. 12 Привилея 1447 г.[11] и статьями 9—11 и 3 Судебника Казимира.

Ст. 12 гласит:

Item super subditos praedictorum principum, baronum, nobilium et boiarorum ministeriales alias dzietzkie non dabimus, nisi prius a domino, cuius subditus fecerit iniuriam, iustitia fuerit postulata; qui si certo termino eandem facere renuerit, extunc noster ministerialis vel nostrorum officialium est dirigendus, et reus, qui poenam meruerit, illam domino suo et non alteri soluere sit astrictus.

А тако ж на подданных предреченных княжат, рытерев, шляхтичов, бояр, местичов децькых не дамы: оли жь бы первей от пана, которому ж тот поддан, который кривду вчинил, правда пожадана была; ачь бы он на рок не хотел к праву поставити, тогды наш децкый, а любо наших заказников имать быти послан, а виноватый, который вину заслужил, пану своему, а не иному будеть обязан заплатити.

Среди исследователей нет расхождений в том, что эта статья сыграла большую роль в закрепощении крестьянства. Однако неоднозначно решается вопрос о наличии и степени распространения вотчинной юрисдикции в Великом княжестве Литовском изучаемого периода, а также о полноте ее осуществления в Привилее 1447 г. Основываясь, вероятно, на русском тексте ст. 12 Привилея, М. Ф. Владимирский-Буданов[12] и И. П. Новицкий[13] полагали, что в соответствии с ней владельцы не судят своих крестьян, а только представляют их к суду господарских урядников и получают судебные штрафы. М. Ф. Владимирский-Буданов позднее признал, что Привилей 1447 г. предоставил владельцу право суда над крестьянами[14]. М. К. Любавский, отметив наличие в Литовском государстве отдельных иммунитетных владений, видел значение ст. 12 Привилея 1447 г. в расширении прав вотчинного суда на всех вообще князей, панов, бояр — шляхту и мещан[15]. Польский ученый В. Каменецкий считал, что Привилей, вероятно, санкционировал положение, бывшее в имениях, пользующихся индивидуальным иммунитетом[16]. Исследовав глубокие изменения, проявившиеся в хозяйственной и политической жизни Литовского государства с конца XIV в., Х. Ловмяньский пришел к выводу, что «общественные перемены, жертвой которых стало подданное население», были обусловлены не земскими привилеями, а развитием крупной собственности и иммунитета, причем «развитие иммунитета, например, судебного, происходило даже независимо от привилеев»[17].

---

[10] *И. Б. Якубовский.* Земские привилеи Великого княжества Литовского.— ЖМНП, 1903, № 4; *M. Krasauskaitė.* Op. cit.; *S. Vansevicius.* Op. cit.

[11] Нумерация и латинский текст статьи дан по изд.: *М. К. Любавский.* Указ. соч., стр. 328; русский текст по изд.: *М. Ф. Владимирский-Буданов.* Христоматия по истории русского права, вып. 2, изд. 4. СПб.,— Киев, 1901, стр. 29. Об уточнении даты Привилея, а также о том, что латинский текст носил официальный, а русский неофициальный характер, см.: *И. Б. Якубовский.* Указ. соч.— ЖМНП, 1903, № 4, стр. 245—247.

[12] *М. Ф. Владимирский-Буданов.* Немецкое право в Польше и Литве. СПб., 1868, стр. 56.

[13] *И. П. Новицкий.* Очерк истории крестьянского сословия Юго-Западной России. Киев, 1876, стр. 19.

[14] *М. Ф. Владимирский-Буданов.* Христоматия, вып. 2, изд. 4, стр. 36.

[15] *М. К. Любавский.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства. М., 1892, стр. 628—630; см. также: *он же.* Литовско-русский сейм. М., 1900, стр. 99—100. И он, и М. Ф. Владимирский-Буданов подчеркивали значение польского влияния на установление объема вотчинного суда. Не будем здесь касаться польского влияния, поскольку этот вопрос требует специального рассмотрения.

[16] *W. Kamieniecki.* Op. cit., s. 92.

[17] *H. Łowmianski.* Z zagadnien, s. 115; см. также s. 122—123; *он же.* Zagadnienie, s. 213—214.

Он обратил внимание на то, что ст. 12 Привилея «молчит о предоставлении папам юрисдикции над подданными, очевидно, они осуществляли ее и раньше; однако до 1447 г. заинтересованные могли, если хотели, обращаться за правосудием не к пану, а к господарскому суду, обычно правитель ограничивал свою юрисдикцию теми случаями, когда землевладелец отказывал в рассмотрении дела» [18]. В советской историографии значение указанной статьи усматривается, с одной стороны, в предоставлении феодалам права суда над крестьянами [19], с другой — в закреплении этого права [20].

Остановимся несколько подробнее на значении ст. 12 как этапа в развитии вотчинного суда. Прежде всего рассмотрим, в какой форме выражено в Привилее право вотчинной юстиции. В настоящее время литовская дипломатика только начала разрабатываться [21], поэтому наши наблюдения над формулами, выражающими судебный иммунитет, носят сугубо предварительный и общий характер. Предоставление полного иммунитета в отдельных привилеях, изданных на латинском языке, имело иногда форму пожалования «cum omnibus...iuribus, dominiis...nihil iuris, dominii et proprietatis...pro nobis vel nostris successoribus reservantes», а специально судебного иммунитета — освобождения от суда великокняжеских урядников и штрафов служебникам, называемым детскими (т. е. лицами, в обязанности которых, наряду с другими, входило доставление виновного к суду): «ab omnibus...serviciis...nostrorum officialium iudiciis, castigacionibus et penis ministerialibus vulgariter dzieczskye» [22]. Иногда же судебный иммунитет подразумевался в запрещении вступаться в подданное иммунисту население. Такая формула применена, например, в жалованной грамоте Казимира 1440—1444 гг. пану Довкшю на данников в Рогачевской и Бобруйской волостях: «не надобе вступатисе и ни пропойскому наместнику, а ни чичерскому в тые люди» [23]. В более развернутом виде предоставление судебного иммунитета сформулировано в жалованной грамоте конца XIV в. монастырю Иоанна Предтечи: «...в люди святого Иоана не вступатися никому ... А от кого будеть какая обида нашему монастырю, ино досмотрять и боронить нам самим, а по нас роду нашему; а старци и люди, которыи живуть на святого Иоана земли, и судити и рядити игумену Иоаньскому самому з братьею, а иному никому не вступатися; а владыце не вступатися в нашь монастырь» [24]. В середине XV в. полный судебный иммунитет зафиксирован в жалованной грамоте князя Юрия Лингвеньевича Мстиславского Онуфриевскому монастырю 1443 г.: «и тых людей монастырских нашим наместником и тивуном и всим нашим заказником пе судить, а ни рядить, ни детских не посылать... ведати тыи

---

[18] *H. Łowmianski.* Z zagadnien, s. 122.

[19] *S. Vansevicius.* Op. cit., s. 15; «Kazimiero Teisynas», p. 3—4.

[20] «Гісторыя Беларускай ССР», т. I, стр. 145; *K. Jablonskis.* Op. cit., p. 28.

[21] *M. Kosman.* Sredniowieczna dyplomatyka litewska. Stan i potrzeby badawcze.— «Zeszyty naukowe uniw. im. A. Mickiewicza», Historia, 1967, N 7, s. 179—192; *он же.* Kancelaria wielkiego księcia Witolda. Dokumenty wielkiego księcia Witolda.— «Studia Zrodłoznawcze», 1969, N 14, s. 91—119; 1971, N 16, s. 139—169; *А. Л. Хорошкевич.* Жалованные грамоты Литовской метрики конца XV в. и их классификация.— В кн.: «Источниковедческие проблемы истории народов Прибалтики». Рига, 1970, стр. 47—74.

[22] «Kodeks dyplomatyczny katedry i diecezji Wilenskiej», t. I. Krakow, 1948, s. 5, 14; см. также *H. Łowmianski.* Uwagi, s. 263—264. О влиянии польских формул на литовские в конце XIV — начале XV в. см.: *M. Kosman.* Dokumenty wielkiego ksiecia Witolda, s. 154—159.

[23] *М. В. Довнар-Запольский.* Акты Литовско-Русского государства, вып. I. М., 1899, № 11.

[24] «Грамоти XIV ст.» Київ, 1974, № 76

люди монастырские архимандриту святого Онофрея... судить ему и рядить тые люди самому... митрополиту того архимандрита Опофрейского не судить, а ни рядить...владыце того архимандрита Онофрейского не судить, а ни рядить: коли кому будет до него которое дело, ино нам самым того архимандрита Онофрейского судить... А коли будет которому человеку нашому дело до монастырского человека, ино нашим наместником и тивуном тых людей судить с архимандритом Онофрейским: а коли будет наш человек прав...а вина на монастырском человеце архимандриту; а будет монастырский человек прав...а вина на нашем человеце нам» [25]. Вместе с тем в жалованных грамотах специально судебный иммунитет оговаривается не всегда.

Итак, признание полного судебного иммунитета выражается в освобождении населения, подчиненного иммунисту, от суда княжеских урядников и отказе от посылки детского во владения иммуниста; предоставлении иммунисту права на суд и управление подчиненным ему населением; подчинении иммуниста суду князя; решении сместным судом спорных дел между населением, подчиненным князю и иммунисту. Отметим, что судебный штраф — «вина» идет владельцу виновного. Выделенные статьи очень близки формуляру несудимых грамот Русского государства XIV—XV вв. [26], похожи и применяемые формулы [27]. В собственно литовскую дипломатику они, вероятно, перешли из жалованных грамот, даваемых великими литовскими князьями православному духовенству. В конце XV — начале XVI в., кроме того, эти формулы начали употребляться в особо льготных пожалованиях: при изъятии иммуниста из обычного присуда и подчинении его суду великого князя [28], передаче в аренду мыт и корчем [29], закладе господарских имений [30], т. е. в случаях, требующих специальных разъяснений относительно подсудности самого иммуниста и населения, переходящего в его подчинение.

В свете сказанного ст. 12 содержит только один компонент формуляра — отказ от посылки детского, что, надо думать, ассоциировалось у современников с признанием широкого судебного иммунитета. В ней не рассмотрены вопросы внутренней вотчинной юрисдикции, поскольку она, вероятно, принадлежала владельцам. В статье, с одной стороны, подтверждены иммунитетные права феодалов, с другой — предусмотрено вмешательство государственной власти в вотчинную юстицию, что можно рассматривать как проявление централизаторских тенденций в Литовском государстве середины XV в. Прежде всего нужно было обратиться за правосудием к владельцу обвиняемого, и только в случае отказа великий князь или его урядники посылали детского. В статье в общей форме определен порядок разрешения конфликтов между подданными разных владельцев и зафиксирован принцип (который стал основным в юстиции Литовского государства) осуществления правосудия хозяином обвиняемого. Последовательное его внедрение привело к тому, что в Великом княжестве Литовском в XVI в. феодалы судили своих подданных даже по таким важным делам, как убийство и татьба с поличным [31]. Закрепив

---

[25] АЗР, т. I, № 43.
[26] *Л. В. Черепнин.* Русские феодальные архивы, ч. 2, стр. 112.
[27] Там же, стр. 113, 125, 135, 143, 188, 191 и др.
[28] РИБ, т. 27. СПб., 1910, стб. 768—769, 826.
[29] *М. В. Довнар-Запольский.* Указ. соч., № 55, 56, 57 и др.
[30] Там же, № 144.
[31] *И. А. Малиновский.* Сборник материалов, относящихся к истории панов-рады Великого княжества Литовского. Томск, 1901, стр. 400; «Статут Великого княжества Литовского 1529 г.» Минск, 1960 (далее — «Литовский статут»), р. 6, ст. 4; р. XIII, статьи 4, 5.

за феодалами право суда над крестьянами, ст. 12 Привилея не установила ни объема вотчинной юрисдикции, ни подробностей порядка обращения к суду. Более детально эти вопросы определены в Судебнике Казимира 1468 г.

Статьи 9—11 Судебника устанавливают порядок судопроизводства в трех наиболее общих возможных случаях: 1) господарские подданные выступают обвинителями частновладельческих, 2) частновладельческие подданные обвиняют господарских, 3) конфликты возникают между подданными разных владельцев. Закон предписывает осуществление суда властью, в подчинении которой находится обвиняемый.

Ст. 9 гласит: «А коли бы наш человек вину дал князьскому или паньскому или боярьскому человеку, а в котором повете, под нашим наместничьством или тивуньством: ино нашему наместнику, а любо тивуну, обослати, ижьбы нашому человеку стало ся право; а пак ли усхочеть на обчий суд, ино их на обчий суд пустить и рок дати» [32]. По смыслу статьи если господарский человек обвинял княжеского, панского или боярского, наместник или тиун повета «обсылал» владельца обвиняемого с просьбой о правосудии. Пострадавший, если хотел, мог также обратиться к «обчему суду» [33]. В Судебнике его функции и порядок действия не определены, но он известен из позднейшей судебной практики, где применялся очень широко. Из актов начала XVI в. видно, что судьи, его осуществлявшие, назывались также «полюбовными» [34]. Вероятно, к той же категории следует отнести судей «злюбонных» [35], «слюбных» [36], «сторонних» [37] и т. п. В случае обчего суда истец и обвиняемый брали каждый со своей стороны судей, причем не всегда прибегая к посредничеству господарского уряда [38], которым они доверяли разрешение конфликта — «што мы, судьи, промежку их милости знайдем, того они терпети мели» [39]. На сейме или перед господарскими урядниками обчих судей брали или по добровольному соглашению [40], или по жалобам сторон [41]. При этом назначался срок, часто «под страченьем права» (неявившаяся сторона проигрывает дело), иногда же для подкрепления взаимных обязательств стороны договаривались о закладе на господаря и его урядников, если одна из них не явится в установленный срок к суду [42]. Постановления обчего суда могли докладываться великому князю или урядникам [43] для принятия или утверждения ими окончательного решения. Как правило же, резолюция обчего суда была обязательной, и к великому князю или к господарскому уряду обращались только за посредничеством, если одна из сторон уклонялась от ее исполнения [44]. В таком случае после рас-

---

[32] Цитируется по изданию «Kazimiero Teisynas».

[33] В изданиях Судебника и в общих работах по литовскому праву обчий суд охарактеризован в самых общих чертах и не всегда однозначно (см., например: *I. N. Daniłowicz.* Statut Kazimierza Jagiellonczyka. Wilno, 1826, s. 56; *Ф. И. Леонтович.* Крестьяне юго-западной России по литовскому праву XV и XVI столетий.— «Университетские известия», Киев, 1863, № 10, стр. 40; *М. Ф. Владимирский-Буданов.* Христоматия, вып. 2, изд. 4, стр. 36; *М. К. Любавский.* Областное деление, стр. 650—657 и др.).

[34] РИБ, т. XX. СПб., 1903, стб. 835—837, 889—890, 1417—1419.

[35] Там же, стб. 171.

[36] Там же, стб. 328, 1448.

[37] Там же, стб. 1343.

[38] Там же, стб. 1417—1419, 1447—1448.

[39] Там же, стб. 1448.

[40] Там же, стб. 497, 1474.

[41] Там же, стб. 491—492, 1314—1315.

[42] Там же, стб. 497.

[43] Там же, стб. 328—329, 1234.

[44] Там же, стб. 889—890.

смотрения листов с постановлением, а в спорных ситуациях после показаний самих судей [45], господарский уряд изменив, а чаще утвердив решение, в случае необходимости назначал сроки его выполнения, по истечении которых посылал своего служебника [46]. Введение этого института в Судебник служило интересам обвинителя, который мог рассчитывать на более объективный ход судебного разбирательства.

Сравнение с соответствующей статьей I Литовского статута 1529 г. показывает направление эволюции рассмотренных выше норм. В Статуте предписывается, что обсылка владельца обвиняемого должна производиться дважды, обчий суд не упоминается, хотя в судебной практике он применялся и после издания Статута [47]. В случае если владелец не производил суда, великокняжеские урядники посылали детского. Хотя в ст. 9 Судебника о детском не упоминается, вероятно, право его посылки в данном случае принадлежало урядникам, поэтому здесь скорее всего расхождений между Судебником и Статутом на практике не было. Вообще же, по сравнению со Статутом в ст. 9 Судебника предусмотрено более прямое вмешательство государственной власти, которое впоследствии ослабевало под влиянием роста сословных прав феодалов.

Рассмотрим теперь ст. 10: «А будуть ли на нашом человеце кпязьскыи или паньскыи или боярскыи люди чого искати: ино тому суд и право перед нашими наместьникы и тивуны, которыи от нас где што дръжить; а нашим урядником дати право на обе стороне». Здесь рассмотрен наиболее простой и не вызывающий осложнений случай, поскольку господарские урядники в суде отказывали редко. Если обвинителями против господарских подданных выступали частновладельческие, следовало обратиться к суду наместников и тиунов, которые давали «право на обе стороне». Этот случай, вероятно, как не требующий специальных разъяснений, в Статуте не отражен.

Ст. 11 рассматривает конфликты между частновладельческими подданными: «А которому человеку князьскому или паньскому или боярьскому до князьских и до паньских или до боярьских людей дело: ино хто ищеть на ком, ехати ему искати правом пред осподарем его; а не уделаеть ли права, ино обчий суд, рок положив со обу сторон, а тогды уделати и справедливость. Пак ли будет некоторый отводити, ино нам дати децького; а не пригодить ся нас в великом князьстве Литовьском, ино воеводам нашим моцно дати децького».

Здесь, как и в ст. 9, утверждается принцип правосудия владельцем обвиняемого и допускается институт обчего суда. Характерно, что право посылки детского в случае отказа в правосудии владельца обвиняемого принадлежит великому князю, а в его отсутствие высшим государственным урядникам — воеводам. В сравнении с этой статьей нормы Статута 1529 г. отразили несколько иной порядок. Здесь предусмотрена предварительная двойная обсылка с просьбой о правосудии, после чего предписывалось обращение к государственному суду. Нужно также учитывать, что при конфликтах между подданными жалоба иногда направлялась непосредственно против владельца. Но ко времени появления I Статута 1529 г. детскими к суду ставили лишь простых людей; шляхтичей же нужно было позвать на суд двумя позвамп. Только если он и после этого не вставал перед судом, посылался детский. Вмешательство великокняжеской власти в форме посылки детского ограничивалось в областных

[45] РИБ, т. XX, стб. 1343—1345.
[46] Там же, стб. 171—172, 228, 399—400, 890, 1343—1345.
[47] «Литовский статут», р. 6, ст. 7.

привилеях, выданных Полоцкой и Витебской землям, а также Жемайтии, согласно которым запрещалась посылка детского из Литвы за их жителями. Даже по важнейшим делам их должны были судить в пределах своей земли [48]. Это является свидетельством областной автономии и проявлением недостаточной степени централизации Великого княжества Литовского.

Вопросу о том, кому шла «вина» — судебный штраф,— посвящена особая статья, не связанная с вышеуказанными,— ст. 3: «А в кого будеть украдено, а што судьи присудять: ино прво заплатити истьцю, а потом осподарь татя того вину свою бери».

В отличие от Судебника в Привилее, утвердившем шляхетские вольности и свободы, подчеркнуты прежде всего права владельца обвиняемого. В Судебнике же, посвященном в основном уголовному праву, на первый план выступают интересы пострадавшего. Учитывая, что, как правило, виновные в краже принадлежали к малоимущим слоям населения и их имуществом не всегда можно было вознаградить истца, статья эта имела немаловажное значение.

Специальная статья Судебника (21) посвящена делам о насильственных захватах и наездах: «А которыи бы сами собою порубы делали, а любо наезды чинили: ино, кому сталася кривда, тот и маеть ся нам жаловати; а пак ли не пригодиться нас у великом князьстве Литовьском, и он имаеть паном раде нашей жаловати; и панам воеводам нашим по того послати и велети пред собою моцно поставити, а и досмотрети: будеть ли то так чинил, а всадити его у казнь и держати до нашего щастного приеханиа: бо тот ис права земьского выступил, а над право сягнул, как у верху писано. Мы, пак, снемься с паны радою нашою великого князьства Литовьского, осмотрим того, какою казнью того казнити».

Это постановление Судебника находится в комплексе статей, регулирующих общий порядок производства суда, запрещающих самоуправство, а также определяющих правила решения земельных споров. Хотя здесь не указана сословная принадлежность виновного в наезде, но не оговаривается также, что боярство не подлежит действию этих законов. При выяснении реального смысла статьи следует учесть и то, что наиболее общим преступлением феодалов были именно наезды.

По Судебнику дела о наездах находятся в руках верховной власти — великого князя, а в случае его отсутствия в стране — высшего правительственного органа — рады. Пострадавший сразу обращается с жалобой к господарю или радным панам. Посланец воеводы «моцно», т. е. силой, доставлял обвиняемого. Если воеводы усматривали, что обвинение обосновано, обвиняемого сажали в тюрьму, где он должен был дожидаться приезда великого князя. В статье подчеркнута виновность обвиняемого в наезде как нарушителя земского права, а не прав пострадавшего. Размеры наказания еще не определены и зависели от решения великого князя и рады. Статья чрезвычайно интересна. Отнесение важнейших преступлений, в том числе наездов и самоуправных действий, к ведению верховной власти известно законодательству разных стран. Особенность же ее составляет способ расправы с виновным, очевидно не пойманным «па горячем учинку» (на месте преступления). Она кажется свидетельством наличия в Литве второй половины XV в. сильной великокняжеской власти.

---

[48] *М. Н. Ясинский.* Уставные земские грамоты Литовско-Русского государства. Киев, 1889, стр. 121; «Литовский статут», р. VI, статьи 4, 6, 7, 17.

Вместе с тем один из основных принципов шляхетской чести — личная неприкосновенность — был провозглашен еще в Привилее 1434 г.[49] и более развернуто представлен в Привилее 1447 г.[50] В соответствии с этим шляхтича до судебного разбирательства нельзя было наказывать конфискацией имения, денежным штрафом, тюремным заключением и смертной казнью. Личная неприкосновенность боярства бывших древнерусских земель Литовского государства и запрещение подвергать его наказанию без суда, помимо распространения на него действия общеземских привилеев, особо зафиксированы и в некоторых областных привилеях[51]. Выше уже комментировались положения областных привилеев, утвердивших права местных феодалов на суд над ними только в пределах их земель. Судебник таким образом зафиксировал более значительную зависимость литовского боярства от великого князя во второй половине XV в.

Сохранившиеся судебные решения более позднего времени показывают существенный отход от норм Судебника. Виновного в наезде феодала не всегда удавалось вообще поставить к суду, если он этого не желал. При наезде пострадавший подавал жалобу господарю или уряду, и дело решалось обычным порядком[52]. В Статуте делам о наездах посвящен целый ряд статей, они отнесены как особо важные к компетенции государственного суда[53]. Подобное внимание объясняется тем, что в начале XVI в. наезды вследствие феодального разгула стали обыденным явлением. Наезды, сопровождавшиеся убийствами, уподоблялись настоящим разбоям; по Статуту они карались смертью[54]. Виновные в наезде, не сопровождавшемся убийством, помимо уплаты всех причиненных убытков, присуждались к уплате «гвалта» 12 рублей и такой же суммы штрафа государству[55]. Однако нормы Судебника о «моцном» поставлении к суду и предварительном тюремном заключении виновного в наезде в Статуте отсутствуют. Все эти изменения — следствие развития и возросшего значения сословных прав феодалов.

Итак, нормы судебного иммунитета, зафиксированные Судебником Казимира 1468 г., в своей дальнейшей эволюции отразили расширение сословных привилегий феодалов, что находится в соответствии с общим процессом перераспределения земельной собственности и власти между великим князем и феодалами[56]. Конечно, статья далеко не исчерпывает этой сложной задачи, которая может получить адекватное истолкование в связи с полным изучением проблемы феодального иммунитета в Литовском государстве во всей ее совокупности (с привлечением данных земских и областных привилеев, отдельных пожалований, судебной практики и других источников). Весьма перспективно также сопоставление с аналогичными процессами в соседних государствах.

Особенно плодотворным было бы сопоставление с Польшей и Русью, с которыми Литовское государство было связано на различных этапах

---

[49] *М. К. Любавский.* Очерк, стр. 324.
[50] Там же, стр. 326.
[51] *М. Н. Ясинский.* Указ. соч., стр. 123—125, 131—132, 188—189.
[52] РИБ, т. XX, стб. 139, 168—169, 1057—1058, 1507—1508.
[53] «Литовский статут», p. VII, статьи 1—5, 19; p. VI, статьи 5, 7.
[54] Там же, p. VII, статьи 1—3.
[55] Там же, p. VII, ст. 19.
[56] Ввиду небольшого объема статьи мы ограничились только самым общим сопоставлением норм Судебника и Статута. Совершенно оставлены в стороне перемены, происшедшие в связи с возросшей дифференциацией внутри господствующего класса, что нашло выражение в различной подсудности крупных землевладельцев и рядовой шляхты.

своей истории. Эволюция польской государственности привела к особой форме сословной монархии с избираемым королем, своего рода дворянской республике. В Русском государстве в ходе централизации при различных колебаниях и противоречиях в области иммунитетной политики происходила перестройка и сужение иммунитета [57], а развитие привело к самодержавию.

Недавно Б. Н. Флоря для установления времени прекращения типологической общности феодализма в Польше и на Руси попытался сопоставить эволюцию иммунитета в этих государствах в период централизации. Он пришел к выводу, что на стадии, предшествующей формированию сословно-представительной монархии в этих странах, соотношение сил между светскими феодалами и государством стало «принципиально различным, хотя рост власти феодала над подданными шел... в одинаковом направлении» [58]. В этой связи особый интерес представляет уяснение иммунитета в Литовском государстве периода централизации, которое, с одной стороны, испытывало влияние (более сильное на раннем этапе) включенных в его состав земель бывшего Древнерусского государства, а с другой — подвергалось польскому воздействию, проявившемуся с конца XIV в., а впоследствии усиливавшемуся.

---

[57] *Л. В. Черепнин.* Русские феодальные архивы, ч. 2, стр. 97—210; *Л. В. Данилова.* Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв. М., 1955, стр. 53—64; *С. М. Каштанов.* Указ. соч.

[58] *Б. Н. Флоря.* Эволюция иммунитета светских феодалов в период образования единых Польского и Русского государств.— В кн.: «Польша и Русь». Сб. статей. М., 1974, стр. 328.

А. Д. Горский

НОВГОРОДСКИЕ АКТЫ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ БОРЬБЫ ЗА ЗЕМЛЮ

Истории Великого Новгорода посвящена обширная литература, однако еще далеко не все стороны его жизни достаточно изучены. В числе их — борьба за землю. В советской исторической литературе прилагались усилия для восполнения этого пробела [1], но специального исследования истории борьбы за землю в Новгородской феодальной республике еще не проведено. Притом, если для освещения борьбы за землю известия летописей, Новгородской судной и Двинской уставной грамот, «житий святых», а также берестяных грамот [2] в основном использованы, то данные новгородского актового материала на этот счет с достаточной полнотой еще не выявлены и не проанализированы. Выполнение этой работы связано с оценкой теперешнего состояния документального наследия Новгородской феодальной республики.

Характеризуя известный в настоящее время комплекс новгородских актов периода независимости Новгорода Великого, прежде всего приходится констатировать немногочисленность входящих в него документов (за время с XII в. по 1478 г. их известно менее 400). Наряду с «обычными» причинами утраты средневековых русских документов, были и специфические причины плохой сохранности новгородской документации (особенно, относящейся к центральным районам феодальной республики). Одна из них — гибель практически всего государственного архива Великого Новгорода периода его самостоятельности [3]. Вторая — весьма вероятная — конфискация архивов многих новгородских вотчинников, светских и духовных, при конфискациях боярских и части церковных земель, проводившихся после присоединения Новгорода правительством Ивана III. Известно, что в те времена при переходе земель из рук в руки новому владельцу передавалась и вся документация на отчуждаемые (или закладываемые) земли [4]. Вряд ли, отбирая земли у новгородских

---

[1] См., например: *Л. В. Черепнин.* Русские феодальные архивы XIV–XV веков, ч. 1. М.–Л., 1948, стр. 341–343, 346–347 и др.; ч. 2. М., 1951, стр. 89, 114–115; *он же.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. М., 1960, стр. 699, 741–742; *Л. В. Данилова.* Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV–XV вв. М., 1955, стр. 16–18, 228–230 и др.; *В. Н. Вернадский.* Новгород и Новгородская земля в XV в. М.— Л., 1961, стр. 55, 60, 63—64 и др.; «Аграрная история северо-запада России. Вторая половина XV – начало XVI в.» Л., 1971, стр. 65—66, 70—71, 282—286, 291; *Н. Н. Покровский.* Актовые источники по истории черносошного землевладения в России XIV — начала XVI в. Новосибирск, 1973, стр. 154, 156—157, 160—161 и др.

[2] См., например: *Б. Б. Кафенгауз.* Заметки о новгородских берестяных грамотах.– «История СССР», 1960, № 1, стр. 171, 173; *Л. В. Черепнин.* Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969, стр. 96—98, 114, 117, 119—122 и др.

[3] *Л. В. Черепнин.* Русские феодальные архивы, ч. 1, стр. 224–239, 334–353; *И. П. Шаскольский.* Судьбы государственного архива Великого Новгорода.– «Вспомогательные исторические дисциплины», вып. IV, Л., 1972.

[4] *Л. В. Черепнин.* Русские феодальные архивы, ч. 2, стр. 59; ГВНП, № 118, 138, 139, 155 и др.

бояр и духовных феодалов, московские власти оставили бы в их руках документы на владение этими землями. Предположение о такой конфискации по крайней мере архивов новгородских монастырей подтверждается, хотя и косвенным образом, тем, что большинство сохранившихся новгородских частных грамот составляют акты, относящиеся не к центральным, а к окраинным (по отношению к Новгороду Великому) территориям феодальной республики, особенно к Двинской земле. Эта документация дошла до нас главным образом через архивы двинских монастырей, не подвергшихся конфискации в конце XV в. [5] Отсюда несомненный «крен» в «двинскую» и вообще «окраинную» сторону.

Существенно повлияла на состояние архивов новгородских монастырей также целенаправленная и широкая конфискация их документации в 1570 г., когда Иван IV во время опричного разгрома Новгорода «взял... под манастырем грамоты к себе к Москве жаловалныи по всем. И пришла грамота по всем монастырем с Москвы по грамоты в Великии Новгород...» [6]. Это летописное известие подтверждается грамотой 1592 г. царя Федора Ивановича Отенскому монастырю, в которой сообщается, что «в 78-м году, как ... царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии был в Великом Новгороде, и тогды де у них в монастыре (Отенском.— *А. Г.*) всякие крепости и духовные грамоты утерялись» [7]. Из этого сообщения следует также, что в 1570 г. у монастырей изымались не только жалованные грамоты, а, вероятно, вся документация без разбора [8].

Исходя из всего сказанного вполне объяснима скудость сохранившейся документации, а применительно к нашей теме — понятно отсутствие таких наиболее насыщенных разнообразными сведениями о земельных конфликтах актов, как правые грамоты, судные списки, бессудные, срочные и им подобные, оседавшие как раз в архивах частных феодалов (и, очевидно, крестьянских миров — в случаях выигрышей ими земельных тяжб). О том, что подобные виды актов существовали, свидетельствуют упоминания «утягальных» (и «вытягальных»), «судных» и «бессудных» грамот в сохранившихся актах республиканского периода и в Новгородской судной грамоте [9].

Немногочисленность известных новгородских актов XII—XV вв., почти абсолютное отсутствие среди них документов, специально посвященных земельным конфликтам, естественно, не могли не обусловить малочисленность, случайность, отрывочность известий о борьбе за землю. Поэтому приходится мобилизовывать весь актовый материал, содержащий даже самые скудные известия об этой борьбе. Сведения же о ней встречены в различных актах: данных, вкладных, купчих, рядных, раздельных, докончальных, мировых, духовных и других грамотах. Всего таких актов насчитывается около 70 (из них около половины — подлинники). Но эти известия крайне неоднородны, начиная от вполне ясных сообщений о совершенно конкретных фактах земельных конфликтов и кончая самыми общими (без определенного адресата) запрещениями «вступаться» кому-либо в такие-то земли или вообще нарушать распоряжения, записанные в духовных.

---

[5] «Аграрная история северо-запада России», стр. 268.
[6] ПСРЛ, т. XXX. М., 1968, стр. 158; *И. Л. Маяковский.* Очерки по иостории архивного дела в СССР, ч. I. М., 1941, стр. 124.
[7] *В. И. Корецкий.* Вновь открытые новгородские и псковские грамоты XIV–XV вв.– АЕ за 1967 г. М., 1969, стр. 283, 287 (№ 8).
[8] Ср. *Р. Г. Скрынников.* Опричный террор. Л., 1969, стр. 101.
[9] ГВНП, № 110, 130, 142, 255; ПРП, вып. 2, стр. 213, 215–218.

Наиболее ценны, конечно, акты первой группы. Таких документов нам известно 17. Около половины из них (8) — рядные грамоты. Это естественно: составлением многих из них завершились как раз земельные споры. К ним примыкают две мировые. Сведения о конкретных земельных конфликтах содержатся также в двух духовных, двух данных, вкладной, купчей грамотах и «списках Двинских земель».

Различны по характеру и сами эти известия. Наиболее определенны они в рядных и мировых грамотах. Так, в мировой грамоте 1315—1322 гг. о продаже Шенкурского погоста старостой Азикой с «братьей» боярину Василию Матфееву о земельном конфликте, предшествовавшем продаже, свидетельствует указание на то, что староста и другие представители погоста жаловались на боярина новгородскому князю и что дело едва не дошло до суда («А наставиле подвоискии и не идуче к суду и урядилися рядом») [10]. Также недвусмысленно сообщение «рядницы» первой четверти XV в. крестьян-княжеостровцев и Авксентия Григорьевича: последний «позва» старосту княжеостровского «Левонтея... и княжоостровчов дворянином на суд о земли о Карпови участъки» (Подвинье). Далее сказано, что спорящие стороны «шод суда срядишася рядом» [11]. В рядной начала XV в. боярина Василия Федорова, его детей и братанов с новгородским посадником Иваном Даниловичем о более раннем конфликте по поводу ряда владений (в Двинской земле) узнаем из сообщения о том, что посадник до этого даже «грамоту» брал «бесудную» [12]. «По суднеи грамоты» (т. е. после судебного разбирательства) «срядилися поп Семен» с Михайловским Архангельским монастырем относительно права владения рыболовным угодьем (в Двинской земле), на что указывается в рядной (не ранее первой четверти XV в.) [13]. В рядной середины XV в., по которой Прокопий Юрьев сын «отступился» части своей земли (в Подвинье) тому же монастырю (за что монахи дали Прокопию «полтора сорока белки» — «на прощеньи»), сказано, что эта земля была до этого «межу ими в спори» [14]. Об упорном сопротивлении новгородским феодалам, стремившимся захватить рыболовные участки по реке Выгу (Обонежье), со стороны местного карельского населения прямо сообщает рядная (не позднее 1447 г.) некоего Никиты Ивановича с новгородским тысяцким Дмитрием Васильевичем: когда тысяцкий послал «своих ловцов» на Выг, «корела тысячкого Дмитреевых людеи сгониле, и сети выкинуле корела, хто в Выгу участки» [15]. О конфликтных отношениях, предшествующих соглашениям по земельным делам, в рядных свидетельствуют указания на то, что одни из участников заключенного «ряда» ранее «взыскали» или «искали» на других таких-то земель и угодий, что кто-то из участников «ряда» «отступился» от земель, о которых идет речь в грамоте [16].

В одной рядной (вторая половина XV в., Двинская земля) речь идет об отчуждении водного угодья в счет возмещения долга. Судя по тому, что должники («Еванова жена», ее сын и ее деверь) — явно бедняки (они не в состоянии вернуть ничтожный долг в 9 белок), и по тому,

---

[10] ГВНП, № 279; см. также ПРП, вып. 2, стр. 200–201; *Л. В. Данилова.* Указ. соч., стр. 228, 229, 249 и др.; *В. Н. Бернадский.* Указ соч., стр. 52.
[11] ГВНП, № 138.
[12] Там же, № 130.
[13] Там же, № 142.
[14] Там же, № 212; *Л. В. Данилова.* Указ. соч., стр. 241–242.
[15] ГВНП, № 290; *Л. В. Данилова.* Указ. соч,. стр. 254.
[16] ГВНП № 221 (до 1478 г.), 251 (XV в.). В обеих грамотах речь идет о владениях в Двинской земле.

что они «даша» заимодавцу Обекану Курову «воду», лишь «став перед людми», процедуре передачи предшествовал конфликт между должниками и Обеканом [17]. О том, что примирению, отраженному в мировой грамоте XV в. Григория Степановича со Степаном Семеновым сыном Стегачом по поводу земли на Павшине горе в Курье (в устье Двины), предшествовал спор, свидетельствует фраза: «Стегач вывезл позывницу на Григорья о тои земле» [18].

Если указания на земельные конфликты в рядных и мировых грамотах обычно непосредственно связаны с целью составления этих документов, фиксирующих урегулирование земельных споров, о которых идет в них речь, то в других видах актов упоминания о таких конфликтах вовсе случайны. Так, в духовной конца XIV — начала XV в. боярина Остафия Ананьевича о подобном споре говорит одна фраза: «А что есми утягали з дядею своим с Семеном Онисима земчя в тои Ясеническои земли, а та грамота утягальная у Семена» [19]. В двух грамотах — данной (1456—1471 гг.) и духовной (не позже 1471 г.) посадника Ивана Лукинича — содержится довольно необычное признание им «вины своей», заключавшейся в том, что он, Иван Лукинич, «силно володел землею» Островского Никольского монастыря на реке Вишере [20]. Во вкладной грамоте (XV в.) Андрея Михайловича, его жены и детей Николаевскому Корельскому монастырю на землю по Хмелеву ручью о бывшем конфликте (земельном, конечно, учитывая весь контекст грамоты) свидетельствует упоминание «вытягалнои грамоты» у Андрея [21].

Менее очевидны указания в купчей XIV в. и данной XV в. В купчей (не ранее 1359 г.) неких Акинфия, Ивана, Марка и Федора, купивших у Гошкуя, Якова, Бориса и Игната Жирятиничей «Разуев острово, у Пикиниче земли» (в южной части Обонежской пятины) на то, что покупке предшествовал спор о земле, указывают именование участников сделки «истцами», а также слова: «А боле Жирятиничямо ненадобе у Пикиниче земли» [22]. В данной же (середина XV в.) чернеца Алексея Николаевскому Чухченемскому монастырю на земли в нижнем течении Двины на такой же конфликт намекает известие о том, что несколько лиц (Игнат. Сава Петров, Терех Омельянов, Степан Левунов, Иван Петров, «Кузма з братом с Федутою Самсоновы дете») «отступилися Васильевы земли, Алексова (видимо, самого чернеца Алексея.— *А. Г.*) братана, отчины его» [23].

Наконец, о целой серии земельных конфликтов в Подвинье упоминают много раз анализировавшиеся в литературе «списки Двинских земель», составленные в 70-х годах XV в. [24] Они настолько известны, что достаточно лишь отметить значительные масштабы развернувшейся здесь борьбы против новгородских феодалов, захвативших ряд черных земель, и активное участие в этой борьбе старост — представителей крестьянских

---

[17] Там же, № 235.
[18] Там же, № 277.
[19] Там же, № 110. Об этой грамоте см.: *Л. В. Данилова.* Указ. соч., стр. 283—284, 422; *В. Н. Бернадский.* Указ. соч., стр. 57; *В. Л. Янин.* Новгородские посадники. М., 1962, стр. 219, 376.
[20] ГВНП, № 114, 120; «Аграрная история северо-запада России», стр. 70.
[21] ГВНП, № 225 (Двинская земля).
[22] Там же, № 106.
[23] Там же, № 167.
[24] АСЭИ, т. III, № 16. См., например: *Л. В. Черепнин.* Русские феодальные архивы, ч. 1, стр. 341, 343, 346—350; *Л. В. Данилова.* Указ. соч., стр. 229—230; *В. Н. Бернадский.* Указ. соч., стр. 57; «Аграрная история северо-запада России», стр. 280—284 и др.; *Н. Н. Покровский.* Указ. соч., стр. 160—161, 175.

миров, а также время, когда, по-видимому, эти конфликты произошли,— примерно 1459—1469 гг. (видимо, ближе к концу этого периода).

Приведенные факты довольно разносторонне характеризуют поземельные конфликты в XIV—XV вв. в Новгородской феодальной республике, позволяя судить об участии в них самых различных слоев населения (бояре, в том числе посадники и тысяцкие, другие светские феодалы, земцы, монахи, представители белого духовенства, крестьяне) [25], о классовой и внутриклассовой борьбе в связи с поземельными спорами, об упорстве, масштабах и объектах борьбы. Легко заметить, что известия данного комплекса актов охватывают лишь XIV—XV вв., причем отражают положение дел главным образом в Двинской земле (особенно в нижнем течении Двины и бассейне Ваги) и только единичные известия относятся к отдельным местностям Обонежской пятины.

Восполнить эти временные и территориальные лакуны в какой-то мере позволяет использование тех актов, которые, не сообщая о конкретных, свершившихся или происходящих в момент их составления земельных конфликтах, содержат возможные известия о них. Так, в рядной (около 1456 г.) инока Алексея с Николаевским Вяжицким монастырем об условиях пожизненного владения его вкладом в монастырь, «вотчиною» в Толвуе (на Онежском озере) сказано: «А где будет о тои земли... каково слово обидное, ино им (Алексею и монастырю.— *А. Г.*) стоять сь единого» [26]. Инок-вкладчик и монастырь объединяют свои усилия для отстаивания земли против возможных на нее покушений, которые они, как явствует из грамоты, считают опасностью вполне реальной. В «приговоре» 1465—1478 гг. того же монастыря с Василием Алексеевичем, Яковом Леонтьевичем и женой Василия Покинарьей выражается опасение, что на два села из трех, в которых заинтересованы договаривающиеся стороны, могут «потворить» «купную грамоту» некая Настасья и ее сын Юрий Иванович и поэтому придется эти земли «в суду очистить», т. е. доказать, что они Настасье с сыном не принадлежат. Поскольку в грамоте речь идет о ряде сел, и Василий, Яков и Юрий (сын Настасьи) имеют отчества с окончанием на «вич», а за нарушение приговора устанавливается очень высокий штраф, полагаем, что грамота имеет в виду межфеодальные споры [27].

О возможности земельных споров говорят имеющиеся в некоторых актах клаузулы с взаимным обязательством договаривающихся сторон не претендовать («не вступаться») на земельные владения контрагента по сделке [28]. О том, что эти записи не были голой формулой, свидетельствует существование ее в рядных грамотах, в которых имеются также сведения (рассмотренные нами выше) о уже бывших земельных конфликтах [29]. Есть свидетельства и о подобных же, но односторонних обя-

---

[25] Далеко не всегда в актах указана социальная принадлежность участников земельных конфликтов. Для определения ее надо учитывать различные признаки. Это и данные о размерах земельных владений, как являющихся предметом спора, так и других земель и угодий, принадлежащих спорящим сторонам, и сведения о наличии зависимых людей у участников конфликтов, и состав свидетелей («рядцов», «послухов»), упоминаемых в рассматриваемых актах, и высота штрафов с нарушителей зафиксированных в этих документах земельных соглашений, и форма написания имен и прозвищ участников земельных конфликтов, «рядцов» и «послухов» и т. п. (ср., например: *Л. В. Данилова.* Указ. соч, стр. 235—238, 243—245, 253; *В. Н. Бернадский.* Указ соч., стр. 59).

[26] ГВНП, № 294: *Л. В. Данилова.* Указ. соч., стр. 259.

[27] ГВНП, № 314. По мнению Л. В. Даниловой, Василий Алексеевич и Яков Леонтьевич — бояре (указ. соч., стр. 260).

[28] ГВНП, № 122, 137; *Л. В. Данилова.* Указ. соч., стр. 288—289.

[29] ГВНП, № 130, 138, 142, 212, 221, 235, 251.

зательствах [30]. Подтверждают возможность возникновения земельных конфликтов и встречающиеся в купчих грамотах условия о необходимости продавцам «очищивати» землю, если «кому будеть слово о тых землях», если «кто почне вступатся... в землю» и т. п. [31]

Как косвенные известия о возможных земельных конфликтах можно рассматривать содержащиеся в жалованных, данных, духовных грамотах запреты «вступатись» в ту или иную землю, причем в ряде духовных и данных грамот подобные запреты адресованы родственникам завещателя или дарителя. Авторы этих запретов — обычно крупные землевладельцы, феодалы. Земли же по этим грамотам были переданы монастырям и светским феодалам [32]. Некоторые из этих запретов связаны с правом родового выкупа, однако оно само было порождено борьбой за владение земельными участками. Иногда предусматривается материальная ответственность родственников завещателя за нарушение ими его распоряжений о земле [33].

Наиболее интересный материал содержат грамоты, где имеются прямые указания на социальную принадлежность возможных нарушителей земельной собственности, на социальное лицо, так сказать, активной стороны земельных конфликтов. Древнейшее известие такого рода содержится в грамоте XII в. великого князя Изяслава Мстиславича Пантелеймонову монастырю на село Витославицы и другие земли неподалеку от Новгорода [34]. В грамоте сказано: «А боле в тую землю, ни в пожни не вступатися ни князю, ни епископу, ни болярину, ни кому» [35].

Две данные (1389—1391 гг.) «спинских сябров» Спасо-Верендовскому монастырю на земли и ловли на реках Веренде и Видогоще в Паозерском погосте Шелонской пятины запрещают крестьянам — «паозеричанам и веренжанам без игуменова веления в Видогощу реку... вьезжати запаса добывати», лишая таким образом крестьян фактического владения «водами» в Видогоще. Одна из этих данных содержит также запрет, свидетельствующий о возможном (или уже происшедшем) споре между феодалами — боярами и монастырем: «А что Есифа посадника земля, и лес, и пожни его участок или иных нашеи братьи бояр по Видогоще реки, а в то ся чернцам не вступатца» [36].

В данной «скотников и помужников» Толвуйской земли Палеостровскому монастырю (первая половина XV в.) содержится запрет пользо-

---

[30] Там же, № 280; *В. И. Корецкий.* Новгородские грамоты XV века из архива Палеостровского монастыря.— АЕ за 1957 г. М., 1958, стр. 438, 447 (№ 1).

[31] ГВНП, № 121, 177, 180, 251; АСЭИ, т. I, № 2. Об участниках некоторых из этих сделок (ГВНП, № 121, 177) см.: *Л. В. Данилова.* Указ. соч., стр. 243—245, 279.

[32] ГВНП, № 99, 111, 156, 171, 192, 226, 295; АЕ за 1957 г., стр. 448 (№ 4); АЕ за 1967 г., стр. 282—283, 287 (№ 6); *Е. В. Барсов.* Палеостров, его судьба и значение в Обонежском крае.— «Чтения ОИДР», 1868, кн. 1, стр. 147—148. О некоторых из этих грамот см.: *Л. В. Данилова.* Указ. соч., стр. 259, 283—284; *В. Н. Бернадский.* Указ. соч., стр. 55, 59, 174; *В. Л. Янин.* Указ. соч., стр. 324.

[33] ГВНП, № 155.

[34] *В. Л. Янин.* Из истории землевладения в Новгороде XII в.— В кн.: «Культура древней Руси». М., 1966, стр. 316—319.

[35] *В. И. Корецкий.* Новый список грамоты великого князя Изяслава Мстиславича Новгородскому Пантелеймонову монастырю.— «Исторический архив», 1955, № 5, стр. 204; ГВНП, № 82; *Л. В. Черепнин.* Русские федальные архивы, ч. 2, стр. 115; *Л. В. Данилова.* Указ. соч., стр. 55; «Аграрная история северо-запада России», стр. 66 (текст А. Л. Шапиро). Мы придерживаемся мнения А. Л. Шапиро о трактовке приведенного текста этой грамоты.

[36] ГВНП, № 107, 109. Дата грамот — по В. Л. Янину («Новгородские посадники», стр. 216, 376). О том, что «паозеричане» и «веренжане» — крестьяне, свидетельствует само именование их по местности, где они живут (ср., например, упоминания «хрестьян избоищан», «хрестьян черешан» новгородскими берестяными грамотами № 307 и 311).

ваться переданными ему угодьями в районе Палья острова «селянам» (очевидно, черным крестьянам), а также боярам, «ни селникам, ни купцам, ни их селянам» [37]. Совершенно очевидно, что эти установления вызваны происходившими столкновениями по поводу пользования палеостровскими угодьями.

К 1477—1478 гг. относится грамота игумена Николаевского Вяжицкого монастыря, адресованная монастырским ключнику и крестьянам с таким же запретом пользоваться теми же угодьями Палеостровского монастыря. «А хто... почнет наступатися» на эти угодья, говорится в конце грамоты, «ино тот будет лишен лотки и сетеи, а за свою вину дасть нам рубль». Но и этого мало: «А хто почнет с ними супоровати, ино его звати нашею позовницею, а суд ему предо мною» (перед вяжицким игуменом) [38]. Приведенные тексты говорят об остроте, которой достигали конфликты крестьян с монастырями в этом районе. О запрете вступаться в сельцо, пожни и нивы, данные тому же Палеостровскому монастырю вотчинницей Марией Офоносовой, говорится в ее данной (первая половина XV в.). Запрет адресован на этот раз персонально — боярину Дмитрию Васильевичу, с которым у Марии был земельный конфликт [39].

В 1459—1469 гг. Соловецкому монастырю, по челобитью его монахов, была выдана от имени архиепископа, посадников и тысяцких, бояр, житьих людей, купцов, черных людей жалованная грамота на Соловецкий и другие острова. «А боярам новгородчкым, ни корельским детем, ни иному никому ж,— сказано в ней,— в тыи островы не вступатися... А боронити игумена и всех старчев всим Великим Новымъгородом. А хто иметь наступатися на тыи островы чрес сию жалованную... грамоту, а тои дасть Великому Новугороду сто рублев в стену» [40]. Широкий круг возможных нарушителей владельческих прав монастыря, предвидение, что «наступатися» будут и «чрес сию жалованную грамоту», высокий штраф с нарушителей — все это говорит о большом размахе и упорстве борьбы за различные земли (и воды) и в этой отдаленной части Новгородской боярской республики.

Указания на вероятность земельных конфликтов, возможно, скрываются за общими, обычно заключительными пунктами рядных и некоторых близких к ним по характеру грамот (мировых, «приговорных» и раздельных), где предусматривается ответственность за нарушение достигнутой договоренности. С виноватого, «хто сен ряд порушит» (или «подвинет», или «наступит на сеи ряд», или «в сем приговоре не устоит»), полагался более или менее крупный денежный штраф (одна, пять, десять, двадцать «гривен золота», 50 рублей, 1000 или 3000 белок), уплачиваемый властям: «князю и владыце», «князю и посаднику», «посадникам двинским» или «судьям» [41]. В некоторых случаях предусматривается и вознаграждение потерпевшей стороне («а виноватыи правому... гривну золота») [42] и, по-видимому, свидетелям или судным мужам («а правым и старцам, виноватым истицы пятдесят рублев») [43]. Предполагаемое данными пунктами нарушение чаще всего касалось «ряда» именно о земле.

---

[37] ГВНП, № 90 (с датой 1415—1421 гг.); *Л. В. Данилова.* Указ. соч., стр. 248—249; *В. Н. Бернадский.* Указ соч., стр. 53, 64. В. Л. Янин датирует эту грамоту 1430-ми годами («Новгородские посадники», стр. 279, 376).

[38] ГВНП, № 316; *Л. В. Данилова.* Указ. соч., стр. 262; *В. Н. Бернадский.* Указ. соч., стр. 63—64.

[39] АЕ за 1957 г., стр. 439—440, 449 (№ 6).

[40] ГВНП, № 96.

[41] Там же, № 122, 130, 138, 142, 212, 221, 251, 277, 278, 279, 290, 314.

[42] Там же, № 122.

[43] Там же, № 314 (текст, видимо, испорчен; надо читать «виноватыи», «истины»).

Об этом свидетельствует то, что в основном тексте почти всех (кроме одного) [44] указанных документов имеются известия о совершенно конкретных земельных конфликтах (о них шла уже речь выше) [45]. Полюбовная же раздельная с таким пунктом целиком посвящена разделу («делу») земли, нарушение которого само по себе должно было вызвать земельный конфликт.

Рассмотренные известия актов о возможности возникновения земельных конфликтов существенно обогащают наши представления о борьбе за землю в Новгородской феодальной республике. Во-первых, значительно раздвигаются хронологические рамки наших сведений на этот счет — вплоть до XII в. Во-вторых, в актах отражена более обширная (по сравнению с грамотами, сообщающими о конкретных земельных конфликтах) территория, которая включает теперь и земли, непосредственно примыкающие к самому Новгороду, местности Деревской, Обонежской, Шелонской и Бежицкой пятин, Новоторжского уезда, Обонежья п, конечно, Двинской земли, а также острова Белого моря. По этим же известиям можно судить о том, что объектами «вступлений» могли явиться земли и светских феодалов и монастырей (Юрьева, Николаевского Вяжицкого, Палеостровского, Спасо-Верендовского, Богородицкого, Спасского Ковалева, Николаевского Чухченемского, Богословского Важского, Соловецкого). Некоторые из рассмотренных известий сообщают и о категориях населения, посягавших на земли упомянутых владельцев (бояре, житьи люди, монахи, купцы, крестьяне, черные и владельческие). Рассмотренные акты содержат данные об упорстве и накале земельной борьбы.

Наконец, к косвенным свидетельствам актов о борьбе за землю в Новгороде Великом могут быть отнесены встречающиеся в жалованных, данных, вкладных и духовных грамотах «сакральные формулы», или «заклятья» [46], т. е. угрозы (в той или иной форме) небесной карой нарушителям владельческих прав на те или иные земли и воды [47]. Особенный интерес для нас представляют «заклятья» с указанием на предполагаемых нарушителей земельной собственности. Такие заклятья содержатся, например, в двух знаменитых грамотах XII в. великих князей Мстислава Владимировича с сыном Всеволодом Юрьеву монастырю на волость Буицы и Изяслава Мстиславича Пантелеймонову монастырю на село Витославицы с другими землями. В первой из них говорится: «Да же которыи князь по моемь княжении почьнеть хотети отъяти у святаго Георгия, а бог буди за темь и святая богородица, и тъ святыи Георгии у него то отимаеть». Таким образом, предусматривается возможность конфликтов князей с Юрьевым монастырем. В грамоте Изяслава подобный сюжет разработан еще более подробно: «А кто почнеть въступатися вь тое землю, и в воду, и в пожьни или князь, или епископ, или кто иметь силу деяти, и он в второе пришьствие станеть тяжатися с святым Пантелеимоном» [48]. Столь конкретное представление о возможных нарушителях (выше в тексте грамоты упомянут среди них и «болярин») монастырской земельной собственности — несомненно, отражение жизненной практики, реальных земельных конфликтов.

---

[44] Но и в тексте этой рядной (там же, № 122) оговорено взаимное обязательство сторон «не вступаться» в чужие земли.

[45] Там же, № 130, 138, 142, 212, 221, 251, 277, 279, 290.

[46] Эти термины употребляют, например, Л. В. Черепнин («Русские феодальные архивы», ч. 2, стр. 80, 114) и В. Н. Бернадский (указ. соч., стр. 64).

[47] ГВНП, № 79—82, 90, 102, 104, 109, 169, 224, 244, 255, 258, 280, 323; АСЭИ, т. I, № 2.

[48] ГВНП, № 81, 82. Еще в двух грамотах XII в. великого князя Всеволода Мстиславича Юрьеву монастырю «заклятья» сформулированы лаконичнее (там же, № 79, 80).

Менее конкретно, но достаточно ясно и эмоционально выражено беспокойство за неприкосновенность монастырских земель еще в одном акте XII в.— данной грамоте (около 1192 г.) Варлаама Спасо-Хутынскому монастырю на земли и угодья у Волхова: «Аще кто диаволъмь научен и злыми человеки наважен, цьто хочеть отъяти, от нив ли, от пожьнь ли, или от ловищь, а буди ему противен святый Спас и в сь век и в будущии» [49]. В грамоте не указано, кто именно может посягнуть на монастырскую землю, но явно предполагается, что могут найтись способные на это «злые» люди.

Обусловленность подобных «заклятий», которыми землевладельцы (особенно феодалы, в первую очередь духовные) пытались обеспечить неприкосновенность своих вотчин, действительностью того времени видна из того, что в некоторых грамотах, содержащих эти «заклятья», имеются рассмотренные выше известия о конкретных земельных конфликтах [50] или разного рода прямые запреты «вступаться» в ту пли иную землю или воды [51]. Примечательно, что в ряде актов в самой формулировке указывается назначение «заклятий» — защитить именно земельные владения от возможных посягательств. «А хто наступит на ту землю», «воду», «нивы», «пожни», «ловища»; «хто почне отъимати... тот лоскут», «село» [52].

В связи со всем сказанным, возможно, надо рассматривать, хотя и в качестве очень общих и косвенных известий о борьбе за землю, аналогичные «заклятья», встречающиеся в завещаниях древних новгородцев, угрозы тому, «хто се рукописание переступит», «посудит», «полудит», «порядит», судом с завещателем перед богом в день страшного суда и т. п. Разумеем, конечно, лишь те завещания, в которых содержатся распоряжения о земельных владениях. Таких завещаний более полутора десятков [53] (в некоторых из них есть также сведения о запретах посягать на завещаемые земли или о происшедших земельных конфликтах [54]). Они разновременны (вторая половина XIII—XV в.), относятся к разным местностям (Деревская и, возможно, Бежицкая пятины, Подвинье) и защищают земли самых разных владельцев: светских феодалов, возможно купцов, Софийского собора, монастырей (Юрьева, Колмова, Палеостровского, Михайловского Архангельского, Николаевского Чухченемского, Соловецкого), церквей, а также, может быть, крестьян. Конечно, традиционные [55] формулы — «заклятья» не могут идти ни в какое сравнение с другими видами известий о борьбе за землю (особенно — о конкретных земельных конфликтах), но и они передают общую атмосферу этой борьбы.

Таким образом, проведенные наблюдения показывают, что новгородские акты содержат разнообразные и разносторонние (хотя не слишком многочисленные и подчас сложные для анализа) известия о земельных конфликтах.

---

[49] ГВНП, № 104.

[50] Там же, № 255.

[51] Там же, № 90, 109, 280.

[52] Там же, № 82, 102, 104, 169, 224, 244, 255, 323. О датировке грамоты № 102 (50-ми годами XIV в., а не XII веком) см.: *В. Л. Янин.* Новгородские грамоты Антония Римлянина и их дата.— «Вестник МГУ», серия IX, История, 1966, № 3.

[53] ГВНП, № 105, 110, 111, 126, 129, 144, 217, 226, 230, 239, 256, 259, 295, 328; АЕ за 1957 г., стр. 449 (№ 7); АЕ за 1967 г., стр. 285 (№ 3). О лицах и местностях, упоминаемых в некоторых из этих актов, см.: *М. Н. Тихомиров, М. В. Щепкина.* Два памятника новгородской письменности. М., 1952, стр. 5—17; ПРП, вып. 2, стр. 114; *А. И. Попов.* О новом издании новгородских грамот.— «Вестник ЛГУ», 1949, № 9, стр. 111; *Л. В. Данилова.* Указ. соч., стр. 239—240, 243, 257.

[54] ГВНП, № 110, 111, 144, 226, 295.

[55] В актах Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. такие «заклятья», впрочем, встречаются редко (АСЭИ, т. I, № 4, 5, 71; т. II, № 84; т. III, № 52, 86, 90, 94).

Б. Н. Флоря

О ПУТЯХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

(на примере Тверской земли)

Вопрос о путях централизации, о разных методах правительственной политики, направленной на создание единой государственной и сословно-политической структуры после объединения русских земель и княжеств под властью московских государей, давно привлекает к себе внимание исследователей. Однако до сих пор более основательно изучен лишь один вариант централизации, примененный на землях Новгородской и Псковской феодальных республик, с такими характерными чертами, как массовое удаление с присоединенной территории местной части господствующего класса («вывод»), раздача земель местных феодалов в условное держание представителям московских фамилий и создание системы управления, преемственно не связанной с прежними политическими институтами [1].

Между тем уже Л. В. Черепнин в своем фундаментальном труде «Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках» отметил разнообразие политических методов, применявшихся при включении отдельных земель и княжеств в состав России [2]. В исследованиях В. С. Шульгина и А. А. Зимина были прослежены некоторые специфические черты правительственной политики по отношению к ряду территорий Северо-Восточной Руси. В. С. Шульгин показал, что ярославские князья сохранили свои земли и после присоединения Ярославля. Затем А. А. Зимин выяснил, что массовый «вывод» феодалов не имел места также на территории бывших Тверского и Рязанского княжеств. Тот же исследователь, дав насыщенную биографическую сводку о представителях феодальной верхушки Тверского и Рязанского княжеств, пришел к выводу о длительности процесса слияния местной знати с московской аристократией [3].

Уже эти наблюдения говорят о том, что на целом ряде территорий Северо-Восточной Руси политика централизации по своим формам существенно отличалась от хорошо изученных мер по присоединению Новгорода и Пскова. Сохранение на этих землях старого состава земельных

---

[1] О Пскове см.: *Н. Н. Масленникова.* Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955; результаты изучения политики московского правительства в Новгородской земле суммированы в работе: *В. Н. Бернадский.* Новгород и Новгородская земля в XV в. М.— Л., 1961; ряд уточнений в выводы этого исследователя внесла проведенная коллективом ленинградских историков статистическая обработка новгородских писцовых книг («Аграрная история северо-запада России. Вторая половина XV — начало XVI в.» Л., 1971).

[2] *Л. В. Черепнин.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960, стр. 813—887.

[3] *В. С. Шульгин.* Ярославское княжество в системе Русского централизованного государства в конце XV — первой половине XVI в.— «Научные доклады высшей школы. Исторические науки», 1958, № 4; *А. А. Зимин.* Феодальная знать Тверского и Рязанского великих княжеств и московское боярство конца XV — первой трети XVI века.— «История СССР», 1973, № 3.

собственников позволяет ставить вопрос о том, какова была в этих условиях судьба традиционных форм организации местной власти, как осуществлялось их включение в общерусскую систему управления и изменялся характер их участия в органах власти и как это влияло на взаимоотношения между разными слоями феодалов одной и той же земли.

Ниже мы попытаемся дать ответ на поставленные вопросы на примере Тверской земли [4].

Существенно, что в Твери не претерпела больших изменений традиционная структура землевладения господствующего класса. Правда, в Тверском сборнике указывается, что Иван III «бояр Тверьских много и князей на Москву свел» [5], но это свидетельство вызывает большие сомнения. Разумеется, не могло быть речи о «своде» тех тверских феодалов, которые перешли на службу к Ивану III еще до присоединения Твери. Они, конечно, вернули себе свои прежние земли [6]. Но и по отношению к тем феодалам, которые еще оставались в 1485 г. под властью тверского князя, свидетельство Тверского сборника можно применить лишь с большими оговорками. Составленная А. А. Зиминым сводка сведений о землевладении и службах членов тверского княжеского рода показывает, что из них был сослан и лишился вотчин лишь один кн. М. Д. Холмский [7].

Как показывают сохранившиеся фрагменты писцовых описаний Тверского уезда 40-х годов XVI в. и перечни наиболее видных землевладельцев с территории бывшей Тверской земли в составе Дворовой тетради 1551/52 г., еще и в это время десятки представителей тверских боярских родов продолжали владеть землями на территории, некогда входившей в состав Тверского великого княжения [8]. Не менее важно, что в Дворовой тетради не зафиксированы значительные группы феодалов тверского происхождения, которые были бы связаны с уездами, лежащими далеко от Твери. Единственное исключение — Суздаль, где в 50-х годах XVI в. находились на поместьях родственные семьи Шетневых и Зюзиных и одна из отраслей рода Левашовых [9]. Поэтому, можно думать, выселили лишь немногие семьи, что существенно не меняло общей картины.

Показательно, что новая власть признавала законность пожалований тверских князей: еще в середине XVI в. отдельные вотчинники предъявляли при проверке прав на землю жалованные грамоты Бориса Александровича и Михаила Борисовича [10]. Вероятно, к тому же времени, когда определялось положение Тверской земли в рамках Русского государства, следует отнести и «уложение» Ивана III, устанавливавшее для тверских феодалов запрет продавать земли «мимо» своих «городов» [11], что объек-

---

[4] Подробную характеристику условий, в которых произошло присоединение Твери, и роли местной верхушки в борьбе за присоединение см.: *Л. В. Черепнин.* Указ. соч., стр. 887—895.

[5] ПСРЛ, т. XV. СПб., 1863, стб. 500.

[6] Свидетельства источников XVI в. о земельных владениях Микулинских, Дорогобужских, Бороздиных в Тверском уезде приведены А. А. Зиминым (указ. соч., стр. 127, 129, 131—132).

[7] Там же, стр. 126—129.

[8] Таких лиц насчитывается 74 человека в уездах бывшей Тверской земли и 48 человек в Торжке — старом «сместном» владении Твери и Новгорода.

[9] ТКиДТ, стр. 153—155; «Боярская книга 1556 г.» — «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России», изд. Н. Калачовым, кн. III. СПб., 1861, отд. II, лл. 2, 97 об.

[10] ПКМГ, ч. 1, отд. 2, стр. 168, 169, 197, 256.

[11] Упоминания об этом «уложении» сохранились в законодательстве 50-х — 60-х годов XVI в. (ПРП, вып. 4, стр. 524, 555—556).

тивно способствовало сохранению тверских земель во владении старых местных родов.

Еще более существенно, что Тверская земля и после присоединения продолжала существовать как особое политическое образование — «Великое княжение Тверское», во главе которого уже в 1485 г. стал особый правитель — внук по матери тверского великого князя и старший сын Ивана III Иван Молодой, а после его смерти в 1490 г. тверской стол перешел (хотя без великокняжеского титула) к его младшему брату Василию [12]. Эти князья из московской династии осуществляли свою власть в значительной мере через традиционные органы управления «землей». Укажем в этой связи на особую Тверскую думу, в которой по-прежнему заседали представители тверских боярских родов. В местническом споре 1576 г. между представителями тверских родов В. Зюзиным и Ф. Нагим имеется ясное упоминание, почерпнутое, конечно, из родовой традиции тверского боярства, что Иван Молодой «бояр тверских, которые были у прежнего своего государя у великого князя Михаила Борисовича тверского в боярах, тех и у себя пожаловал, в боярех учинил» [13].

Упоминания о существовании тверских думных чинов имеются и в более ранних источниках (в том числе — официального происхождения). Так, в разряде поездки Ивана III в Новгород в 1495 г. особо отмечено, что его сопровождали «цзо тверские земли... бояре» [14]. На соборе 1503 г. активно поддерживал великого князя «тверские земли боярин» Василий Борисов [Бороздин] [15]. Наконец в разряде осени 1509 г. также особо выделены в перечне чинов «тверской боярин» П. И. Житов (однородец Бороздиных) и «окольничий» А. С. Сакмышев (из тверского рода потомков Александра Леваша) [16].

Упоминание Василия Борисова и П. И. Житова как тверских бояр позволяет раскрыть смысл пометок в «Бархатной книге», восходящей к «Государеву родословцу» 1553 г., что эти представители тверской знати и их братья были «в боярех на Москве и во Твери» [17]. Этим указанием составитель «Родословца», несомненно, хотел подчеркнуть их особое положение — отличие одновременно от тверских бояр периода самостоятельности [18] и от московских думных чинов. Пометы в «Бархатной книге» показывают, что в конце XV — начале XVI в. тверскими боярами были трое братьев Бороздиных: Иван, Петр и Василий и их двоюродные братья Ф. Г. Бороздин [19], П. И. и И. И. Житовы, т. е. едва ли не половина представителей этой ветви потомков Ивана Борозды. Ясно, что в новой Тверской думе местные боярские роды были достаточно широко представлены.

Вместе с тем разрядные книги позволяют выявить и определенные

---

[12] *С. М. Каштанов.* Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI века. М., 1967, стр. 25, 31—34, 35 и сл. Некоторые поправки к выводам автора см. в моей рецензии — «История СССР», 1969, № 3, стр. 182; см. также *А. А. Зимин.* Указ. соч., стр. 125—126.

[13] «Русский исторический сборник», ч. V. СПб., 1842, стр. 2.

[14] РК, стр. 26.

[15] *Ю. К. Бегунов.* «Слово иное» — новонайденное произведение русской публицистики XVI в. о борьбе Ивана III с землевладением церкви.— ТОДРЛ, т. XX. М.— Л., 1964, стр. 351.

[16] РК, стр. 44.

[17] «Родословная книга князей и дворян российских и выезжих», ч. 2. М., 1787, стр. 141.

[18] Представители предшествующего поколения Г. Н. Бороздин и И. Н. Жито отмечены в том же источнике просто как «бояре во Твери» (там же, стр. 143).

[19] Там же.

перемены в составе Тверской думы. Так, в записи 1495 г. «тверские бояре» — это представители тверского княжеского рода кн. О. А. Дорогобужский, кн. М. Ф. Телятевский и кн. В. А. Микулинский. В росписи 1509 г.— «тверской боярин» — кн. М. Ф. Телятевский [20]. Ясно, что с присоединением Тверской земли члены местного княжеского рода утратили статус удельных князей и стали тверскими боярами, заняв в новой Тверской думе первые места [21]. Тем самым московская великокняжеская власть как бы попутно завершила в новых условиях процесс ликвидации уделов внутри Тверской земли, начатый еще в правление тверских великих князей.

Тверские думные чины не были чисто почетными званиями. Об этом говорит прежде всего наличие осуществлявшей решения Думы особой тверской канцелярии, существование которой подтверждается формулярным анализом документов Ивана Молодого и княжича Василия. Если одни из них воспроизводили московские образцы [22], то в других — очевидны отступления от этого формуляра [23], а в третьих — налицо явное влияние терминологии тверских актов периода самостоятельности [24].

Еще более существенны в этом плане военно-административные назначения тверских бояр. Особенно важны здесь сведения о передаче в управление тверским феодалам городов и волостей на территории Тверской земли. Сохранилась купчая конца XV в. на земли в Кашинском уезде, представленная на утверждение «боярина великого князя Ивана Борисовича» [25]. И. А. Голубцов отождествил данное лицо с тверским боярином И. Б. Бороздиным и сделал правильное заключение, что он занимал пост кашинского наместника. Известна также грамота князя Василия о передаче Покровской волости в управление И. Г. Садыку из тверского боярского рода Шетневых [26].

Показательно, что в конце XV в. тверское войско в ряде случаев ходило в поход во главе со своими воеводами. Разряды 1493 г. фиксируют, что «того ж году были на берегу (т. е. на Оке.— *Б. Ф.*) изо Твери воеводы»: кн. О. А. Дорогобужский, кн. М. Ф. Телятевский и И. Б. Бороздин [27]. В Псковской I летописи отмечено, что в составе армии, ходившей в 1500 г. на Ливонию, были «тверские воеводы Иван да Петр оба Борисовича и с тверпци» [28].

---

[20] РК, стр. 44. См. также пометку в «Государеве родословце», что «он был во Твери и на Москве в боярах» («Родословная книга...», ч. 1. М., 1787, стр. 64).

[21] По мнению А. А. Зимина, «некоторые из тверских княжат сохранили остатки своих суверенных прав и по своему положению приближались к довольно влиятельной прослойке «служилых княжат»» (указ. соч., стр. 142; ср. стр. 129). К сожалению, автор не определяет точнее, в чем заключались эти «остатки суверенных прав» и в чем именно тверские князья «приближались» к «служилым княжатам».

[22] АСЭИ, т. I, № 517—519.

[23] *Б. Н. Флоря.* Кормленные грамоты XV—XVI вв. как исторический источник.— АЕ за 1970 г. М., 1971, стр. 116.

[24] См. жалованную грамоту 1486 г. А. Шетневу (АСЭИ, т. III, № 180) с употреблением таких характерных для грамот тверских князей оборотов, как «не надобе... никоторая пошлина, никакова тягота», «А сплететца Офонасьев человек з городским человеком» и др. Влияние старой тверской терминологии см. также в «льготной» записи, выданной в 1496 г. «по слову» князя Василия Ивановича дворским Жабенской волости Кашинского уезда местным крестьянам (там же, № 163).

[25] Там же, № 166.

[26] Там же, № 183 и прим.

[27] РК, стр. 23.

[28] ПЛ, вып. I, стр. 85. Косвенно на существование таких порядков указывает и тот факт, что в ряде разрядов отдельные полки возглавлялись только тверскими вое-

Сказанное о думных чинах в значительной мере можно отнести и к чинам «дворцовым». Продолжало существовать дворцовое хозяйство тверских князей: еще в писцовом описании Тверского уезда конца 40-х годов XVI в. зафиксированы волостки и деревни «ловчего» и «сокольничьего» «путей» [29], где «сокольники» и «псари» предъявляли в обоснование своих прав на землю жалованные грамоты великого князя Михаила Борисовича [30]. Сохранялись и «чипы», управлявшие этими землями. Описывая земли «ловчего пути», писцы 40-х годов дважды отметили: «а владеют деревнями ловчие тверские» [31]. Таким образом, в середине XVI в. особый чин тверских ловчих сохранялся как реальная, а не почетная должность: передача в управление ловчим определенных земель «ловчего пути», несомненно, была связана с несением определенных служб (поддержание в порядке великокняжеских охотничьих угодий и др.).

Все это позволяет утверждать, что в Тверской земле после присоединения уцелела в своей основе не только традиционная структура землевладения, но частично и система старых политических институтов, в немалой степени обеспечивавших сохранение власти в «земле» в руках местной феодальной верхушки.

Вместе с тем почти с самого момента присоединения эта традиционная система организации власти начинает трансформироваться под сильным воздействием московского великокняжеского центра. Наряду с особым князем и его Думой можно отметить существование в Твери особого наместника — московского боярина В. Ф. Образца, поставленного самим Иваном III [32]. Уже Иван Молодой раздавал должности наместников и волостелей в тверских землях выходцам из московских родов. В 1488 г. в Холме был волостелем владимирец Нечай Обобуров [33]. При княжиче Василии в 1490 г. половину Зубцова получил в кормление сначала К. С. Пешков (из рода Сабуровых), а затем — И. Г. Осока (из потомков князей Фоминских, служивших на Москве уже в XIV в.) [34]. В 1492 г. волостелем в Старице был кн. Василий Тулуп из рода Стародубских князей [35]. Хотя они получали свои должности скорее всего как члены двора тверского князя [36], все же такие назначения означали постепенную утрату местным боярством монополии на административные должности в Тверской земле.

Новая власть активно содействовала и изменению характера поземельных отношений в Тверской земле, раздавая земли по новым выработанным в Москве формам условного держания,— поместного права. Как видно из позднейших упоминаний в Тверской писцовой книге конца 40-х годов XVI в., такие поместные грамоты выдавал уже в 80-х годах XV в. Иван Иванович Молодой [37]. Развитие поместной системы ослабляло

водами. Так, в рати, ходившей в 1493 г. на Литву во главе с кн. Д. В. Щеней, все воеводы полка левой руки были тверскими князьями и боярами (РК, стр. 23), и то же самое повторилось во время похода на Литву в 1500 г. (там же, стр. 30).

[29] ПКМГ, ч. 1, отд. 2, стр. 160, 177, 258, 287, 288, 290.

[30] Там же, стр. 160, 177.

[31] Там же, стр. 287, 290.

[32] ПСРЛ, т. XV, стб. 500. Характер власти В. Ф. Образца из источника неясен.

[33] Сб. РИО, т. 35. СПб., 1882, стр. 37. О связи Обобуровых с Владимиром см.: АФЗиХ, ч. II, № 276, 279.

[34] АСЭИ, т. III, № 181; *С. Б. Веселовский.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969, стр. 171, 172, 363—365.

[35] Сб. РИО, т. 35, стр. 74.

[36] Дворянами Ивана Молодого дипломатический документ 1488 г. называет таких лиц, как князь В. Оболенский и Ю. Елизаров-Добрынский (Сб. РИО, т. 35, стр. 16).

[37] ПКМГ, ч. 1, отд. 2, стр. 200 (поместная грамота июня 1489 г.), стр. 239 (поместная грамота 1485/86 г.).

самостоятельную позицию тверского боярства по отношению к государственной власти и одновременно изменяло и состав землевладельцев. Уже в 80-х годах поместья давались феодалам московского происхождения. Так, поместье от Ивана Молодого получил москвич Белеутов.

Кроме мер по переустройству местных порядков можно отметить попытки распространить на территорию Тверской земли сферу действия центральных правительственных органов: наряду с поместными грамотами Ивана Молодого упоминаются и поместные грамоты Ивана III, выданные в 1487—1488 гг.[38] Еще более интересна в этом плане мировая старицких вотчинников Карачевых[39], которая в 1490/91 г., когда в Твери сидел собственный князь, была представлена на утверждение боярину Ивана III кн. И. Ю. Патрикееву, рассматривавшему дело со своим судьей В. Чубаровым[40] и московским же феодалом И. Д. Татищевым. К этому следует добавить и посылку из Москвы во второй половине 1491 г. писцов «Тферскиа земли писати по-московски в сохи»[41].

Окончательное подчинение местной тверской администрации центральным правительственным органам произошло к концу 90-х годов, когда Тверская земля перестала быть особым княжеством[42].

Прекратилось существование особой тверской канцелярии, а города Тверской земли были включены в состав тех административных центров, откуда не входящие в компетенцию местных властей дела должны были поступать на рассмотрение великокняжеского суда в Москве[43]. Разбор таких дел стал одной из функций нового административного органа — Тверского дворца. В духовной Ивана III 1504 г. «тверский дворецкий» уже фигурирует со штатом подчиненных ему «тверских дьяков» и «приказщиков»[44]. Он осуществлял управление местными дворцовыми землями, по его приказу выдавались жалованные грамоты феодалам на тверской территории, а суд дворецкого имел для населения значение высшей апелляционной инстанции[45]. Дворецкие не назначались из числа местных феодалов, а все были представителями близких великому князю старомосковских боярских фамилий[46].

В качестве верховного судьи дворецкий был как бы преемником тверского князя Василия Ивановича, но можно отметить одно важное отличие: если князь по традиции должен был разбирать дела вместе с думой, то дворецкий не был связан этими нормами. Запись судебного дела между клинскими феодалами, производившегося в Тверском дворце на протяжении 30-х годов XVI в.[47], показывает, что судебные решения принимались дворецкими единолично, а судьи, высылавшиеся для первоначального расследования, могли и не принадлежать к числу местных фе-

---

[38] ПКМГ, ч. 1, отд. 2, стр. 162, 202.
[39] АСЭИ, т. I, № 549.
[40] О В. Чубарове как члене судейской коллегии при И. Ю. Патрикееве см.: АСЭИ, т. II, № 400, 402, 409, 411, 412; т. III, № 48а, стр. 73.
[41] ПСРЛ, т. VIII. СПб., 1859, стр. 223.
[42] *А. А. Зимин.* Указ. соч., стр. 126; ср. *С. М. Каштанов.* Указ. соч., стр. 44, 48, 51—52.
[43] См. ст. 30 Судебника 1497 г. («Судебники XV—XVI веков». М.— Л., 1952, стр. 23).
[44] ДДГ, № 89, стр. 363.
[45] О деятельности областных дворцов первой половины XVI в. см.: *А. А. Зимин.* О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI в.— «Исторические записки», т. 63, стр. 185—186; *А. К. Леонтьев.* Образование приказной системы управления в Русском государстве. М., 1962, стр. 40—42.
[46] *А. А. Зимин.* О составе..., стр. 189, 192, 197; *А. К. Леонтьев.* Указ. соч., стр. 128—129.
[47] АГР, т. I, № 49.

одалов[48]. Кроме того, свой суд дворецкие вершили на Москве[49], что также ограничивало воздействие на него местных сил.

Вместе с тем Тверская земля продолжала оставаться особым целым со своими «чинами», своим войском и, очевидно, своим аппаратом власти, хотя и подчиненным теперь непосредственно московскому великокняжескому правительству. Новые важные изменения произошли в 1504 г.

Как известно, по завещанию Ивана III Тверская земля пошла в раздел между всеми членами великокняжеской семьи. Главный центр земли — Тверь с двумя небольшими городами Клином и Городней отходил к главному наследнику Василию III, второй после Твери город — Кашин должен был получить Юрий Иванович, Зубцов и Опоки — третий сын, Дмитрий Жилка, и, наконец, самому младшему из сыновей — Андрею передавались Холм, Старица, Новый городок и волости Олешня и Синяя[50].

С выполнением распоряжений завещания отдельные части Тверской земли оказались в составе четырех разных княжеств. Правда, некоторые из них (уделы Дмитрия, затем — Юрия) к началу 30-х годов XVI в. прекратили свое существование, но это не привело к восстановлению старых административно-территориальных связей Кашина и Зубцова с Тверью[51]. Поэтому к 1504 г. можно отнести рубеж, на котором окончилась история Тверской «земли» как особого, сложившегося еще в XIII в. политико-территориального целого.

Отдельная организация тверских феодалов (Тверской двор) сохранялась некоторое время и после событий 1504 г.[52], но те группы тверских феодалов, которые оказались под властью удельных князей, в его состав больше не входили. В равной мере было подтверждено Василием III «уложение», запрещавшее отчуждать тверские земли «иногородцам», но в новой ситуации его действие касалось лишь Твери и Микулина[53], и никак не могло повлиять на мобилизацию земельной собственности в составе московских уделов[54].

В результате была не только перекроена политическая карта Тверской «земли», но и разрушена та основа, на которой зиждилось ее историческое единство,— общая корпоративная организация тверских феодалов.

Одновременно создавались и более благоприятные условия для дальнейшей ломки еще сохранившихся на собственно тверской территории особых политических институтов: Тверского двора и связанных с Тверской думой традиционных органов управления.

Выше уже говорилось о включенной в «Государев родословец» росписи тверского рода Бороздиных, составители которой внимательно

---

[48] Так, один из последних судей, разбиравших дело,— Г. Ф. Заболоцкий — в середине XVI в. служил по Можайску (ТКиДТ, стр. 184).

[49] О докладе судных списков на Москве прямо говорится в указанном судном деле. См. также ряд упоминаний в тверских писцовых книгах середины XVI в. о грамотах, которые «залегли» на Москве «в суде» у дворецких (*А. К. Леонтьев.* Указ. соч., стр. 128—129).

[50] ДДГ, № 89, стр. 357, 359, 360.

[51] Эти города оказались в ведении Углицкого и Дмитровского дворцов, созданных для управления бывшими уделами братьев Василия III.

[52] Еще в разрядной записи января 1542 г. тверские феодалы кн. С. И. и Д. И. Микулинские, а также Н. В. Борисов были выделены особым заголовком «Двор тверской» (Сб. РИО, т. 59. СПб., 1887, стр. 148).

[53] ПРП, вып. 4, стр. 524.

[54] Положение отдельных частей Тверской земли в составе уделов XVI в. заслуживает особого исследования.

фиксировали «тверское боярство» отдельных его членов. При этом обращает на себя внимание, что пометкой «был (*или*: были) на Москве и во Твери в боярех» в росписи отмечены лишь лица, действовавшие до начала XVI в.[55] Из следующего поколения представителей этого рода никто такого определения уже не получил. В разрядных книгах лица, носящие титулы тверских бояр и окольничих, отмечены в последний раз в записи от осени 1509 г. Сопоставление этих двух фактов позволяет сделать вывод, что где-то сразу после 1509 г. особые чины «тверских» бояр и окольничих были упразднены. Характерно, что именно в это время обрушилась опала на семью «тверского» боярина М. Ф. Телятевского. Телятевские в течение длительного времени не только не получали разрядных назначений, но и утратили свои родовые вотчины[56]. Этот факт приобретает особое значение, если учесть, что к 1509 г. М. Ф. Телятевский был старшим среди тверских князей и, следовательно, возглавлял Тверскую думу. Его опала — определенный показатель того, что упразднение думных чинов натолкнулось на какое-то сопротивление тверского боярства.

Теперь вопрос о назначениях на административные должности на территории Тверской земли должен был стать исключительным делом московских правительственных органов. Это обстоятельство кажется особенно существенным, так как именно в первые десятилетия XVI в. утвердилась та практика административных назначений, когда представители верхушки господствующего класса получали посты наместников и волостелей не на тех территориях, где располагались их земельные владения[57]. К сожалению, у нас нет данных об административных назначениях на территории Тверского или Клинского уезда той поры, но можно думать, что и эти территории не составляли исключения из общего правила. Ведь уже в конце XV в. административные должности в Тверской земле стали раздаваться московским феодалам, а при Василии III даже на тверские дворцовые должности назначались представители московских родов[58].

Правильность такого заключения определенно подтверждается и тем, что тверская знать стала получать административные назначения в других районах Русского государства. Наиболее раннее свидетельство такого рода относится к разрядам под 1509 г., где говорится о пребывании кн. М. Ф. Телятевского на посту владимирского наместника[59]. В 20-х годах XVI в. и кн. В. А. Микулинский побывал наместником во Пскове и Смоленске, а в 1546/47 г. Д. И. Микулинский был наместником в Рязани[60]. Подобные назначения получали не только представители княжеской

---

[55] См. сводку данных о службах членов рода Бороздиных в конце XV — начале XVI в.: *А. А. Зимин.* Феодальная знать..., стр. 131—132.

[56] С осени 1509 г. М. Ф. Телятевский и его сын Иван исчезают из разрядов, где представители этой семьи снова появляются лишь в 1544 г. (РК, стр. 107). В Дворовой тетради внуки М. Ф. Телятевского — Василий и Петр записаны как «ярославские помещики» (ТКиДТ, стр. 123). У одного из них, Василия, как отмечено в Боярской книге 1556 г. (л. 6),— «вотчины нет, поместья на 300 четвертей».

[57] Об этом ясно свидетельствует проведенное Н. Е. Носовым систематическое сопоставление корпоративной принадлежности кормленщиков и местоположения отданных им в управление земель (*Н. Е. Носов.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969, стр. 423—525).

[58] Так, тверским ловчим был при Василии III И. А. Бобрище из рода Пушкиных (*П. В. Долгоруков.* Российская родословная книга..., т. IV. СПб., 1857, стр. 58).

[59] Известны также судные списки 1501 г. галицкого наместника А. Шетнева (АСЭИ, т. III, № 250—251), но они могли быть выданы после переселения семьи Шетневых в Суздаль.

[60] *А. А. Зимин.* Список наместников Русского государства первой половины XVI в.— АЕ за 1960 г. М., 1962, стр. 37, 39.

верхушки. Уже при Василии III клинский феодал Д. Хидырщиков держал в кормлении волость Кусь Костромского уезда [61], а в 1541 г. тверич Ф. Киндырев стал наместником на Вологде [62].

Одновременно была ликвидирована и военная обособленность тверских войск. Разряды первых десятилетий XVI в. уже не знают группировки тверских воевод по отдельным полкам. Разделение списков «голов» в текстах разрядов на лиц «Московской» и «Новгородской» земель (тверичи причислялись к первой группе) [63] показывает, что Тверская земля более не рассматривалась как особое военно-административное целое.

В этих условиях дальнейшее существование Тверского двора становилось чистой формальностью для представителей тверских княжеских и боярских родов, которым служба по особому тверскому списку могла создавать лишь помехи в их новой общерусской военно-административной карьере [64]. Включение тверских феодалов к концу 40-х годов в состав общерусского Двора [65] и последовавшие затем первые назначения в Думу тверских князей и бояр [66] означали уже не только фактическое, но и формальное упразднение особого положения тверских феодалов в составе общерусского господствующего класса.

Резюмируем основные итоги правительственной политики по отношению к Тверской земле. Постепенное отстранение местной феодальной верхушки от управления этой территорией было связано с ликвидацией и системы традиционных политических институтов, и самой «земли» (как особого политического и территориального целого). Одновременно произошло постепенное превращение этой верхушки в неотъемлемую составную часть общерусской организации верхов господствующего класса — «Государева двора» и ее приобщение к общерусской организации государственной власти.

Одним за важнейших следствий такой политики стало глубокое нарушение исторически сложившегося единства тверских феодалов, заключавшегося в их общей связи с интересами земли, сначала как особого княжества, а затем — автономной политической единицы в рамках Русского государства. Общерусская административная карьера представителей тверской знати вела к ослаблению их местных интересов и связей, их заинтересованности в политическом контакте с тверскими феодалами. Вместе с тем, выступая за пределами Тверской земли, как представители правительственного аппарата, чуждые местным сословным группам, аристократы-«кормленщики» постоянно оказывались с ними в конфликте. Естественно, что для этой верхушки вопрос о борьбе за автономию Тверской земли в новых условиях утрачивал всякий смысл.

---

[61] *А. А. Зимин.* Феодальная знать..., стр. 134.

[62] *А. А. Зимин.* Список..., стр. 29.

[63] РК, стр. 94, 96.

[64] Думается, именно формальное существование особого Тверского двора было одной из причин того, что ни в правление Василия III, ни в малолетство Ивана IV никто из тверских князей или бояр не смог попасть в состав Думы.

[65] Как указал В. Д. Назаров (см. настоящее издание, стр. 50, 53), в список князей и детей боярских, составленный, вероятно, осенью 1547 г. в связи со свадьбой Юрия, брата Ивана IV, тверские феодалы были внесены под заголовком «Тферь», а не «Двор тверской», как это имело место в 1542 г. То же и в Тысячной книге 1550 г. (ТКиДТ, стр. 56, 79—80).

[66] К 1550 г. стал боярином кн. С. И. Микулинский, в начале 50-х годов получил окольничество В. П. Борисов из рода Бороздиных (*А. А. Зимин.* Состав Боярской думы в XV—XVI веках.— АЕ за 1957 г. М., 1958, стр. 62), кн. Д. И. Микулинский попал в число детей боярских «1-й статьи», т. е. ближайших кандидатов на думные должности (ТКиДТ, стр. 56).

В свою очередь и широкие круги мелких и средних феодалов утрачивали интерес и к сохранению старых традиционных форм организации и к политическому взаимодействию с социальными верхами своей «земли». Отсюда — оформившаяся к середине XVI в. программа создания органов власти на местах из среды выборных представителей дворянства, никак не связанная с восстановлением старых «земель» и явно ущемляющая права всех кормленщиков.

Таким образом, для разных слоев феодалов старое понятие «земли» потеряло всякое значение и между ними наметилось серьезное расхождение интересов на почве разного отношения к характеру общерусской системы управления.

Этот важнейший объективный итог политики централизации на землях Северо-Восточной Руси следует учитывать и при анализе отношений между господствующим классом и государственной властью, и при изучении генезиса форм сословного представительства в России.

Специфика такого варианта централизации на стадии складывания сословно-представительной монархии ярко выступает при сопоставлении с процессом политического объединения польских земель в XIII—XIV вв. Отдельные «земли», вошедшие в состав возрожденного Польского королевства, в значительной мере сохранили возникшие в предшествующий период местные «чины», и королевская власть признала, что эти должности могут замещаться только местными землевладельцами. В результате территориальные сословные организации феодалов сложились в Польше на основе исторических «земель», и политическое руководство этими организациями оказалось в руках представителей местной верхушки. Выступая в глазах широких слоев мелких и средних феодалов как защитники особых интересов и привилегий земли, польские магнаты сумели добиться того, что в конфликтах с государственной властью масса польского «рыцарства» к концу XIV в. стала на их сторону, добиваясь расширения полномочий местных «чинов» за счет компетенции королевской власти.

С. М. Каштанов

РОСТ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПОВИННОСТЕЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI В.

В историографии уже отмечалось, что середина XVI в.— время резкого усиления налогового гнета в Русском государстве. Однако конкретно эта проблема не изучена. Основное внимание исследователей было обращено на реформу сошного письма и введение новых налогов — полоняничных денег и денег за городовое, ямчужное и засечное дела [1]. Обременительными для широких народных масс являлись и натуральные повинности, связанные с обслуживанием усложнившихся внутренних функций государства — его деятельности по сбору пошлин и подавлению классовой борьбы социальных низов. Установление таких повинностей, как постройка тюрем и охрана их, участие в губном деле и денежных сборах, характеризует стремление правительства разработать и привить систему непосредственного участия представителей тяглого населения в укреплении органов феодальной надстройки. Эти новые повинности возникли в связи с проводившимися в конце 30-х — 50-х годах XVI в. реформами местного управления [2]. Губная реформа привела к расширению и укреплению аппарата насилия на местах. На почве распространения губных учреждений была введена повинность, заключавшаяся в привлечении тяглого населения к участию в губных органах и в обслуживании их. Очевидно, именно губная, а затем и земская реформы стимулировали интенсивное строительство тюрем в городах. Отсюда повинность тяглых людей по строительству тюрем и службе в них в качестве сторожей. Ограничение власти наместников и волостелей в сфере местного управления способствовало внедрению института «верных» таможенников, обязанных доставлять государству определенную, установленную на год сумму денег, взимая таможенные пошлины на местных рынках и торговых путях. Служба тяглых людей в целовальниках (целовавших крест

---

[1] *Н.* [*Н*]. *Милюков.* Спорные вопровы финансовой истории Московского государства. СПб., 1892; *Н. А. Рожков.* Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. М., 1899; *С. Б. Веселовский.* Сошное письмо, т. I—II. М., 1915—1916. Из новых работ о налоговой системе XVI в. см., например: *Н. Е. Носов.* Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. М.— Л., 1957, стр. 66—149; *С. М. Каштанов.* Отражение в жалованных и указных грамотах финансовой системы Русского государства первой трети XVI в.— «Исторические записки», т. 70, стр. 251—275; *А. И. Копанев.* О государственных налогах черносошных крестьян середины XVI в.— «Проблемы истории феодальной России». Сб. статей к 60-летию В. В. Мавродина. Л., 1971, стр. 127—134; *Г. В. Абрамович.* Государственные повинности владельческих крестьян Северо-западной Руси в XVI — первой четверти XVII века.— «История СССР», 1972, № 3, стр. 65—84.

[2] Подробнее о них см.: *Н. Е. Носов.* Указ. соч.; *он же.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969; *А. А. Зимин.* Реформы Ивана Грозного. М., 1960; *С. М. Каштанов.* К проблеме местного управления в России первой половины XVI в.— «История СССР», 1959, № 6, стр. 134—148; *он же.* Ценное свидетельство о земской реформе середины XVI века.— «Советские архивы», 1968, № 5, стр. 49—54.

и приносивших клятву верности царю в соблюдении его и государственных интересов) — новое явление в административно-финансовой практике.

Изучая поставленную тему, автор был ограничен в своих выводах материалом 50-х — начала 80-х годов XVI в. Середина XVI в.— время введения рассматриваемых повинностей, 1584 г.— момент, когда были отменены монастырские тарханные привилегии. Финансовая политика правительств Федора Ивановича и Бориса Годунова здесь не исследуется.

Насколько нам известно, впервые тюремная повинность упомянута в общей жалованной грамоте сентября 1550 г. Троице-Сергиеву монастырю на все вотчины, где, в частности, сказано: «ни камени, ни извести к городу не везут, ни к зелейным анбаром дров и земли не возят, ни анъбара зелейнова не делают, ни мостов не мостят, ни тюрем по городом не ставят, ни сторожей к тюрмам не дают ни х которым делам» [3]. Зелейная повинность известна уже из более ранних грамот — 40-х годов XVI в.[4]

Поэтому можно предположить, что и тюремная повинность, фигурирующая в одном контексте с зелейной, возникла до 1550 г. Своим происхождением тюремная повинность обязана, вероятно, резкому усилению классовой борьбы в последние годы боярского правления и реакцией на нее со стороны правительственного аппарата (отсюда — строительство тюрем) [5].

Ряд новых натуральных повинностей указан в сентябрьской грамоте 1551 г. Путивльскому Спасо-Преображенскому монастырю на вотчины в Новгород-Северском и Путивльском уездах: «целовальников им к губному делу, и к денежному збору, и к тюрмам, ни к засекам пожаловал посошных людей ни в которой город не давать» [6]. По месту своего исполнения новые повинности являлись преимущественно городскими, и упоминаются они часто в грамотах, где в числе объектов пожалования указаны как сельские, так и городские владения. Однако эти повинности, подобно городовому делу, раскладывались не только на посадском населении, но и на крестьянах. Согласно цитированной грамоте Спасо-Преображенскому монастырю, «посошные люди» давались для выполнения названных повинностей «в город». Эта формулировка предполагает наличие широкой сельской сферы, откуда поставлялись «посошные люди». Ограничивать состав населения, принуждаемого к выполнению новых повинностей, лишь посадскими людьми нельзя еще и потому, что в грамотах монастырям речь идет обычно о всех тяглецах, а не о монастырских дворниках, живших в городских дворах монастырей. В майской приговорной грамоте 1577 г. Кирилло-Белозерского монастыря, появившейся вслед за царской жалованной грамотой на сельские вотчины, прямо сказано: «...в город их крестьян в целовалники и в таможню не

---

[3] *С. М. Каштанов.* Общие жалованные грамоты Троице-Сергиеву монастырю 1550, 1577 и 1578 гг. на все вотчины (соотношение текстов).— «Записки Отдела рукописей» ГБЛ, вып. 28. М., 1966, стр. 139.

[4] «Акты Уварова», № I/27.

[5] Интересно показание одной грамоты августа 1548 г. о том, что трое крестьян Троице-Сергиева монастыря были посажены в тюрьму за неуплату податей («Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве». Изданы М. А. Дьяконовым, вып. II. Юрьев, 1897, № 14). За более раннее время подобных указаний нет.

[6] *С. М. Каштанов.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в., ч. II.— АЕ за 1960 г. М., 1962 (далее — ХП, ч. II), стр. 138, № 657.

выбирают»[7]. В грамоте 1574/75 г. указывается: «во Владимир с села Коврова целовальника в пошлинах... имать»[8].

Освобождение от новых повинностей вотчин некоторых влиятельных духовных феодалов являлось частной формой компромисса между ними и государством. Эта льгота не получила широкого распространения по крайней мере до 1574 г. Даже такой привилегированный землевладелец, как митрополичий дом, жаловался в 1564 г. на тяжелое положение митрополичих слобожан в городе Переславле, где «посадцкие люди тянут их...» «...и в тюремные сторожи, и в наем губных дьячков...» и «емлют посадцкые ж люди к земскому черному и губному делу, и к тамгам, и к иным нашим делом целовальников с трети сохи по четыре человека на год»[9]. Тут крайне интересно сообщение о размерах повинности (хотя они, конечно, были произвольно увеличены посадскими людьми): если с $^1/_3$ сохи бралось 4 человека, значит, с сохи взималось 12 человек. Учитывая, что для ямского дела в привилегированных вотчинах взималось по 1—2 человека с сохи[10], можно понять крайнюю обременительность новых повинностей даже по сравнению с такой распространенной и тяжелой повинностью, как «ямская стряпня и дворовая поделка».

После отмены опричнины в 1572 г. наблюдается новый подъем борьбы феодалов за крестьянские «рабочие руки», приобретшие особую ценность в обстановке растущего разорения. 70-е годы XVI в.— время широкого проникновения в иммунитетные грамоты духовным феодалам постановлений, освобождавших вотчинных крестьян от ряда натуральных повинностей. Очевидно, экономические трудности в стране заставляли правительство идти на уступки влиятельным монастырям в вопросе о самых обременительных повинностях. Дело в том, что платежеспособность владений светских феодалов, мелких монастырей и черных крестьян к 70-м годам резко снизилась в результате разорения, которое выдерживали в основном крупные монастыри, всегда имевшие, наряду с «пустом», какую-то «живущую» часть. Правительство и его местные сборщики довольно бесцеремонно облагали двойными окладами «живущие» монастырские земли, а борьба с такими нарушениями не всегда была успешной[11]. Очевидно, соглашаясь на уплату определенного денежного оброка за ямские деньги и другие основные налоги, монастыри упорно добивались отмены для своих крестьян натуральных государственных повинностей, с тем чтобы получить возможность усиленной эксплуатации трудящихся в пределах монастырских вотчин.

Н. К. Никольский привел весьма интересные данные относительно последствий освобождения в 1577 г. крестьян трех подмонастырных ключей Кирилло-Белозерского монастыря от государственных податей и повинностей (в том числе и от целовально-таможенной повинности). Игу-

---

[7] ГПБ, Собр. СПб. Д/А, № AI/16, л. 47; ср. *Н. К. Никольский.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397—1625), т. I, вып. 2, СПб., 1910, стр. 59—60.

[8] ХП, ч. II, стр. 178, № 967.

[9] ЛОИИ СССР, Собр. Беллюстина, № 12; АФЗиХ, ч. I, № 223.

[10] «Исторические акты Ярославского Спасского монастыря». Изданы И. А. Вахрамеевым, т. I. М., 1896, № 47, 50; РИБ, т. 2. СПб., 1875, № 240.

[11] Указная грамота 1575 г. о невзимании ямских охотников с сох Солотчинского монастыря (РИБ, т. 2, № 240) показывает, что ухудшение экономического положения в стране приводило не к ослаблению, а к усилению финансового гнета. В 1568/69 и 1569/70 гг. с вотчин Солотчинского монастыря было взято по человеку с сохи, а «после... мору и татарские войны», в 1572/73 г.,— по 2 человека с сохи. Вероятнее всего, это объясняется сокращением числа платежеспособных монастырских сох вследствие запустения, так как грамота подчеркивает, что в 1572/73 г. ямских охотников собирали «с живущего», которого осталось только 2 сохи.

мен и старцы в связи с предоставленными льготами приговорили: «за то им (крестьянам.— *С. К.*) в монастыре по вся лета монастырское дело делати: пашня им пахати..., и навоз возити..., и пожни косити..., а дрова хлебенные и уголпие и овинные сечи и возити...» и т. д.[12], т. е. был резко увеличен объем отработочной ренты, барщины.

По грамотам 1574—1578 гг. довольно ясно прослеживается политика облегчения или отмены для владений ряда духовных корпораций тюремной, губной и целовально-таможенной повинностей. В указной грамоте 1574/75 г. во Владимир предписывалось с села Коврова (Спасо-Евфимьева монастыря) взимать всего одного человека «целовальника в пошлинах» [13]. В указной грамоте октября 1574 г. запрещалось брать в целовальники к денежному сбору дворников белых дворов Калязина монастыря в Кашине и Угличе [14]. Аналогичное постановление содержится в грамоте 1574/75 г. казанскому архиепископу Тихону на слободку в Казани [15] и в грамоте 1575 г. Кирилло-Белозерскому монастырю на села и деревни Углицкого и Пошехонского уездов [16]. В грамоте 1575 г. Новодевичьему монастырю на мельницу в Московском уезде монастырского мельника «ни в какие тягли и к делом нашим ни х которым притягивати ни во что не велели» [17]. В грамоте 1575 г. Астраханскому Троицкому монастырю сказано: «и к нашим делам их ни к которым не емлют» [18]. В указной грамоте 1576 г. запрещалось взимать целовальников к ямчужному амбару с белозерских вотчин Кириллова монастыря [19].

В грамоте 1576 г.[20] и повторяющей ее грамоте 1580 г.[21] Спасо-Евфимьеву монастырю давалось освобождение от всех рассматриваемых повинностей: «...и тюрьмы не ставят, ни у тюрем сторожи пе стерегут, и целовальников к губному делу и к денежному збору и в тамги и к мыту и к перевозу не емлют...» Те же пункты содержатся в грамоте 1576 г. Владимирскому Рождественскому монастырю [22] и в грамоте 1577 г. Луховской Тихоновой пустыни [23]. Очень похожая формулировка имеется в грамоте 1578 г. суздальскому епископу: «и тюрмы не ставят, и у тюрем сторожи не стерегут, и целовалников к губному делу и к ямчужному анбару, и к денежному ни в тамги ни к мыту к сбору и к перевозу не емлют» [24]. Эта привилегия была включена и в грамоту 1578 г. Троице-Сергиеву монастырю на всю вотчину (нет только слов «и к ямчужному анбару») [25]. Близкое постановление (без освобождения от тюремной повинности) — в апрельской грамоте 1577 г. Кирилло-Белозерскому монастырю на шехонские земли: «и целовалников к губному делу, ни к денежному збору, к мыту и к томгам, ни к душегубному делу ни в какие зборы их крестьян не выбирают» [26]. Тождественное

---

[12] *Н. К. Никольский.* Указ. соч., стр. 59; см. ГПБ, Собр. СПб. Д/А, № AI/16, л. 47 об.
[13] ХП, ч. II, стр. 178, № 967.
[14] ЦГАДА, ф. 1193 (Калязин монастырь), кн. 4, № 161—163.
[15] *И. Покровский.* Казанский архиерейский дом. Казань, 1906. Прил., стр. XIV.
[16] ЛОИИ СССР, Собр. Шегрена, № 16.
[17] ГПБ, Собр. актов и грамот, № I-173.
[18] АИ, т. I, № 193.
[19] РИБ, т. 32. СПб., 1915, № 261.
[20] ЦГАДА, ф. 1203 (Спасо-Евфимьев монастырь), кн. 1, лл. 423—426.
[21] Там же, лл. 427—429 об.; оп. 4, гр-та № 1.
[22] Там же, ф. 281 (Грамоты Коллегии экономии), по Владимиру, № 65/1842.
[23] *П. Илинский.* Луховская Тихонова пустынь Костромской губернии. Кострома, 1898. Прил., стр. I—VI.
[24] АИ, т. I, № 200.
[25] Грамота сохранилась в ряде списков XVI—XVII вв. Полный перечень их см. в кн.: *С. М. Каштанов.* Очерки русской дипломатики. М., 1970, стр. 166, прим. 1.
[26] ЛОИИ СССР, Собр. актов до 1613 г., № I/360, л. 2.

определение встречается в грамотах 1578 г. Коневскому монастырю на владения в Ореховском уезде [27] и Валаамскому на земли в Ковде [28].

В грамотах 1577 [29] и 1578 [30] гг. Кирилло-Белозерскому монастырю на земли в Поморье указано: «и к нашим государьским ни к которым [31] к тамге и ко всяким збором монастырских крестьян не выбирают и не посылают никоторыми делы». В двух мартовских грамотах 1577 г. тому же монастырю на все его владения формулировка лаконичнее: «...и в целовальники во всякие дела не емлют» [32]. В грамоте 1577 г. Важскому Клоновскому монастырю употреблена другая формула: «ни в выборы, ни в земские судьи, ни в таможники, ни в данные целовальники их монастырских крестьян не выбирают» [33].

В грамоте 1581 г. разрешалось не брать целовальников к денежному сбору из крестьян Архангельского монастыря Двинского уезда [34].

Упомянутые выше грамоты в своей совокупности охватывают основную территорию Русского государства, свидетельствуя о том, что рассматриваемые повинности или, во всяком случае, освобождения от них приобрели к 70-м годам XVI в. общерусское распространение.

Различия в формулировках, употребляемых в грамотах разным корпорациям, возможно, отражают различия в степени важности отдельных повинностей для разных районов страны. Так, вотчины Спасо-Евфимьева, Владимирского Рождественского, Троице-Сергиева монастырей, Луховской пустыни и суздальского епископа, расположенные преимущественно в центральных уездах, освобождались от всех трех новых повинностей: тюремной, целовально-губной и целовально-таможенной. Большинство грамот Кирилло-Белозерскому монастырю, а также грамоты монастырям Важскому Клоновскому и Двинскому Архангельскому на земли в северных уездах, представлявших собой первоначальную арену проведения губной реформы, не содержат освобождения от тюремной и губной повинностей. Вероятно, монастырские крестьяне не получили освобождения от губного дела вследствие реального существования здесь аппарата губного управления, тогда как наличие его в центральных уездах не всегда ясно. Для Пошехонья и крайних северо-западных районов— Ореховского уезда и волости Ковды,— возможно, был характерен менее высокий уровень классовой борьбы, чем для Двины и Белоозера, а также меньшая налаженность системы губных органов, и поэтому в грамотах на некоторые вотчины Кирилло-Белозерского монастыря и на земли Валаамского и Коневского монастырей крестьяне получили освобождение от участия в губном и «душегубном» делах.

Новые повинности и способ их отбывания создали такую систему низовой администрации, при которой на самих представителей тяглого населения возлагалась фискальная ответственность за соблюдение на определенной территории необходимого феодального правопорядка и государственных интересов. Эта система формировала в тяглом населении элементы «служилой» прослойки, хотя и текучей по составу, но зато тесно связанной с остальными слоями трудовой массы и вместе с тем противопоставленной им в силу материальной заинтересованности в выполнении требований государства.

---

[27] ДАИ, т. I, № 122.
[28] ААЭ, т. I, № 300.
[29] Сб. ГКЭ, т. I, № 217-а.
[30] Там же, № 221-а.
[31] Цит. по грамоте 1577 г.; в грамоте 1578 г. «которым делом».
[32] *П. А. Садиков.* Из истории опричнины. Прил., № 72—73.— «Исторический архив», кн. III. М.— Л., 1940.
[33] Сб. ГКЭ, т. II, № 205.
[34] ЛОИИ СССР, Собр. актов до 1613 г., № I/390.

А. А. Зимин

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ И УЧРЕЖДЕНИЕ ОПРИЧНИНЫ

История архивов феодальной Руси до XVII в. изучена неравномерно. Монография Л. В. Черепнина по истории архивов Московского великого княжества, Твери, Рязани, Великого Новгорода и Пскова XIV—XV вв. проложила новые пути марксистского исследования архивных комплексов феодального периода [1]. Л. В. Черепнин показал, какие неисчерпаемые возможности для раскрытия темы таятся в комплексном подходе к ней. Только на основе сочетания источниковедческого анализа материалов и исследования социально-экономической и политической истории общества возможно плодотворное решение архивоведческих проблем. Труд Л. В. Черепнина во многом определил направленность поисков и методику исследования советских историков при изучении архивов феодальной эпохи.

Значительно менее изучены собрания Русского государства XVI столетия. Прежде всего следует назвать новое издание описи Царского архива XVI в., предпринятое С. О. Шмидтом, и его же ряд этюдов по изучению этой описи [2].

Уже Л. В. Черепнин говорил «о необходимости рассматривать происхождение каждого отдельного документа в связи с историей того феодального архива, к которому он относится, а историю архивов — в связи с классовыми противоречиями, с борьбой отдельных феодальных центров и внешнеполитическими мероприятиями феодального государства» [3].

История Государственного архива кануна и первых лет после введения опричнины является доказательством плодотворности именно такого подхода к материалам, связанным с правительственной канцелярией.

Дошедшая до нас опись Царского архива характеризует материалы, хранившиеся в этом архивохранилище до конца 60-х годов XVI в. с дополнениями до 1572 г. Она представляет собою копию 70-х годов, сделанную с тетради посольского дьяка Андрея Васильева, начатой составлением около 1562 г.[4] В основу же тетради положены книги дьяка Ивана Михайловича Висковатого, доведенные примерно до этой даты.

---

[1] *Л. В. Черепнин.* Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. 1. М.— Л., 1948; ч. 2. М., 1951. В известной мере продолжением этого труда является книга Л. В. Черепнина «Новгородские берестяные грамоты как исторический источник» (М., 1969).

[2] «Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года». [Подг. к печати С. О. Шмидт и С. А. Левина]. Под ред. С. О. Шмидта. М., 1960; см. также *С. О. Шмидт.* Царский архив середины XVI в. и архивы правительственных учреждений.— «Труды МГИАИ», т. 8. М., 1957, стр. 260—278; *он же.* К истории Царского архива середины XVI в.— Там же, т. 11. М., 1958, стр. 364—407; *он же.* К истории составления описей Царского архива XVI века.— АЕ за 1958 г. М., 1960, стр. 54—65.

[3] *Л. В. Черепнин.* Русские феодальные архивы, ч. 1, стр. 5.

[4] В описи Посольского приказа 1626 г. упоминается аналогичная сохранившейся описи «Книга перепись новая», сделанная «по старой переписной тетрати дьяка Ондрея Васильева» (ДДГ, стр. 479).

Они начаты были около 1549 г. (когда Висковатому поручили посольское дело и Государственный архив) и включали в себя главную массу ящиков, упомянутых описью (преимущественно до 190 включительно).

А. Васильев, переписав текст книг Висковатого, стал их продолжать. Уже в записи о ящике 191 содержалось сведение о царском указе об опричнине («в нем указ, как государь приехал из Слободы, о опришнине»). Указ до нас не дошел, но им пользовался составитель официальной летописи [5]. С. Ф. Платонов полагал, что в летописи содержится «не вполне удачное и вразумительное сокращение указа» [6], но более прав, на наш взгляд, С. Б. Веселовский, считавший, что «сокращенный пересказ подлинного указа дает все необходимые сведения для понимания сущности и смысла Опричного двора» [7].

В том же ящике 191 упоминается «отпуск в Озерища Григорья Плещеева о Курбъского грамоте, а грамота у государя». Конечно, здесь не сказано, какому Курбскому принадлежала «грамота» и каково ее содержание. В ней прямо даже не говорится, что грамота адресована Грозному [8]. Эта лапидарная запись, конечно, нуждается в истолковании. В своей рецензии на книгу Р. Г. Скрынникова Э. Кинан ограничивается серией риторических вопросов: «Что это за грамота?» «Какого Курбского?». «Имела ли она что-нибудь общее с текстом, которым мы обладаем?» [9]. Но, как показал Р. Г. Скрынников [10], в описи речь идет о князе Андрее Михайловиче Курбском, что в данном случае вытекает из всего контекста записи о содержании ящика 191 (упоминание его духовного отца, т. е. Феодорита) и из датировки этих материалов. То, что речь идет о первом Послании князя Андрея царю Ивану, является наиболее вероятным объяснением существа дела (о других грамотах князя Андрея Грозному за указанное время никаких известий нет). Настораживает только отсутствие упоминания в описи ответного Послания Ивана IV беглому боярину. Но можно полагать, что Послания царя вообще хранились не в Государственном архиве, а в его личной канцелярии. Разобщенность «Печорского сборника» и первого Послания Грозного Курбскому в ранних списках может быть объяснена разной архивной судьбой этих произведений.

Но если относительно Курбского мысль Р. Г. Скрынникова верна, то краткое упоминание о Г. Плещееве он без нужды окружил шаткими догадками. По его мнению, «в русской дипломатической практике шестнадцатого столетия термин «отпуск» имел вполне определенное значение: царь «отпускал» за рубеж» [11]. И, следовательно, Плещеев был отпущен «за рубеж», т. е. в Озерище, до ноября 1564 г., когда эта крепость перешла под власть Ивана IV. Если так, то в описи упоминается первое Послание Курбского (написанное после бегства князя в Литву, т. е. между маем и октябрем 1564 г.). Данные о том, что грамоту привез царю Шибанов, Р. Г. Скрынников отвергает, заменяя слугу опального князя царским вельможей. Не смущает его и то, что Послание написано в Вольмаре, а не в Озерище. «Перед Курбским,— пишет Р. Г. Скрын-

---

[5] ПСРЛ, т. XIII, 2-я пол. СПб., 1906, стр. 391—396.
[6] *С. Ф. Платонов.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1937, стр. 107.
[7] *С. Б. Веселовский.* Исследования по истории опричнины. М., 1963, стр. 133.
[8] *Б. П. Флоря.* Новое о Грозном и Курбском.— «История СССР», 1974, № 3, стр. 144.
[9] «Kritika», Cambridge, Mass., 1973, vol. X, N 1, p. 32.
[10] *Р. Г. Скрынников.* Переписка Грозного и Курбского. Парадоксы Эдварда Кинана. Л., 1973, стр. 88—94.
[11] Там же, стр. 90.

ников,— вскоре возник вопрос, как переслать царю послание, написанное в Вольмаре. Рисковать одним из немногих оставшихся слуг боярин, наверное, не хотел. Не по этой ли причине царь должен был направить своего посланца в неприятельскую крепость за «грамотой Курбского»?» [12] Гнев на полученное царем Послание привел к набегу русских воевод на Озерище в июле 1564 г.[13]

Прежде всего «отпуск» не обязательно означает посылку с дипломатическим поручением. В той же описи Царского архива, где помещено сведение об отпуске в Озерище, есть «отпуск... в Новгород на дьячество», отпуск в Псков, Смоленск и др. Следовательно, Плещеев мог быть послан в Озерище уже после того, как эта крепость перешла под русскую власть. Совсем непонятно, почему царь Иван решил послать в Озерище своего дворянина из-за того, что Курбский не хотел рисковать своим слугой!? Как очутилась грамота князя Андрея в Озерище?

Из краткой ремарки описи можно сделать очень ограниченные выводы. Судя по окружению другими документами и по другим упоминаниям в ящике 191, речь идет о Послании князя Андрея, возможно, о первом Послании царю Ивану — и только. Во всяком случае документы ящика относятся к 1564—1568 гг.[14] Можно предположить, что в Озерище Г. Плещеев был послан не для «изъятия» грамоты, а по делу о грамоте (если считать, что один экземпляр Послания Курбского находился в Печерском монастыре и был изъят во время похода Грозного 1570 г.). Конец фразы о Плещееве из описи «а грамота (Курбского.— *А. З.*) у государя» можно понять и в том смысле, что Плещеев был послан расследовать дело о грамоте, которая уже находилась у государя.

В заключение рассуждений Р. Г. Скрынников говорит: «Там, где пахло изменой, на сцене неизменно появлялись Плещеевы» [15]. Отнюдь не всегда дела об измене связывались с Плещеевыми, да и не все Плещеевы были близки к царю. Сомнительно и то, что в описи сообщается о том самом Григории Плещееве, который осенью 1563 г. ездил в Кабарду, а в 1569 г. был казнен [16]. В середине XVI в. действовало по крайней мере четыре Григория Плещеева [17], и к кому из них относилась запись о посылке в Озерище, остается неизвестным.

---

[12] *Р. Г. Скрынников.* Указ. соч., стр. 93.

[13] В более ранней работе Скрынников без каких-либо доказательств считал, что царь прислал в Озерище Плещеева за вторым (? и третьим) Посланием Курбского в 1579 г. (*Р. Г. Скрынников.* Курбский и его письма в Псково-Печерский монастырь.— ТОДРЛ, т. XVIII. М.— Л., 1962, стр. 115—116).

[14] Р. Г. Скрынников при датировке документов ящика придает значение тому, что «предпоследний документ» в нем датирован ноябрем 1569 г. (*Р. Г. Скрынников.* Переписка..., стр. 90). Но в описи при перечислении документов далеко не всегда соблюдается их хронологическая последовательность. Кстати, п посольство Букрябы датируется не ноябрем 1569 г., а ноябрем 1568 г. (Сб. РИО, т. 71. СПб., 1892, стр. 571—582).

[15] *Р. Г. Скрынников.* Переписка..., стр. 91.

[16] Р. Г. Скрынников по месту упоминания в Синодике опальных считает, что Г. Плещеев был убит не позднее 1569 г. (там же). Но, во-первых, Скрынников преувеличивает возможность строгой хронологизации данных Синодика, не имеющих прямой переклички с другими источниками, а во-вторых, нам трудно сказать, идет ли речь в обоих случаях об одном Г. Плещееве, ибо в Синодике и в описи не указано отчество этого лица (или этих лиц).

[17] Григорий Васильевич Плещеев (упоминается в Дворовой тетради 50-х годов XVI в.— ТКиДТ, л. 107 об.), Григорий Григорьевич (участник заседаний Земского собора 1566 г.), Григорий Федорович (упомипается в разрядах под 1567 г.— «Синбирский сборник». М., 1844, стр. 20) и Григорий Семенович (упоминается в 1562—1563 гг.— ПСРЛ, т. XIII, 2-я пол., стр. 370—371; СГГД, ч. I, № 175, стр. 476). С последним С. Б. Веселовский, а вслед за ним и Р. Г. Скрынников отождествляют Григория Плещеева Синодика Ивана IV.

Недавно Б. Н. Флоря опубликовал отрывок царского наказа русскому послу в Польшу 1581 г., в котором говорится, что Курбский, «изменивши, грамоту ко государю невежливо писал» [18]. Б. Н. Флоря справедливо полагает, что речь должна идти о первом Послании Курбского царю. Дело в том, что второе Послание князя Андрея долгое время (во всяком случае до 1579 г.) оставалось неотправленным, а третье он написал только в 1579 г. Судя по рукописной традиции, последние Послания Курбского вообще попали на Русь не ранее середины XVII в. и дошли до нас в составе так называемых «сборников Курбского», появление которых в рукописной литературе датируется временем не ранее 60—70-х годов XVII в. Таким образом, находка Б. Н. Флори подкрепляет анализ сведения описи Царского архива и служит новым доказательством того, что царь Иван получил «невежливую» грамоту Курбского, т. е. его первое Послание.

В ящике 191 хранились и другие документы, связанные с Курбским. Это — «речи старца от Спаса из Ярославля, попа черного, отца духовного Курбьского». Ю. Д. Рыков считает, что речь идет об архимандрите Спасо-Евфимьева монастыря Феодорите (о нем Курбский писал: «исповедник мне был») [19], «согласнике и товарище» старца Артемия, обвиненного в ересичестве еще в 1554 г. По сообщению Курбского, Феодорит был «погублен» (утоплен) по распоряжению Ивана IV. Запись, очевидно, имеет в виду допрос «старца от Спаса» в связи с бегством Курбского. Впрочем, речь могла идти и не о Феодорите.

Позднее в ящик была положена «сказка литовского гонца Улана Букрябы про государева изменника, про князя Ондрея Курбского». Букряба был в Москве в ноябре 1568 г.[20] В сохранившейся посольской документации сведений о его «сказке» или каких-либо других его сообщений о Курбском нет.

Большой интерес представляют местнические дела, помещенные в ящиках 198, 215, 217, 223. Они находились среди тех, что содержали документы 60-х годов XVI в. (в ящике 214 хранились материалы 1562—1563 гг., в 219—1566 г. и др.). Однако местнические дела часто относились к более раннему времени. Посмотрим, почему же они попали в эти ящики.

В ящике 198 хранилась «отписка в Колугу ко князю Михаилу Глинскому от князя Юрья Темкина [о] местех». Двоюродный брат царя кн. Михаил Васильевич Глинский боярином стал в 1547 г., а последний раз разрядными книгами он упомянут в 1559 г.[21]; кн. Юрий Иванович Темкин-Ростовский также получил боярское звание в 1547 г., а последний раз встречается в разрядах в 1560 г.[22] Итак, местничать князья могли в 1547—1559 гг. Дата уточняется. Осенью 1555 г. они оба служили в Калуге (соответственно воеводой передового полка и левой руки). Тогда же Темкин местничал с кн. Иваном Ивановичем Пронским [23].

Во время событий 1553 г. Глинский и Темкин, очевидно, придерживались разных позиций: первый (как и Пронский) выступал за кандидатуру царевича Дмитрия на престол, а Темкин — Владимира Старицкого [24].

---

[18] *Б. Н. Флоря.* Указ. соч., стр. 144.

[19] РИБ, т. 31. СПб., 1914, стб. 342; *Ю. Д. Рыков.* «История о великом князе Московском» кн. А. М. Курбского как источник по истории опричнины. Автореф. канд. дисс. М., 1972.

[20] Сб. РИО, т. 71, стр. 578—580.

[21] РК, стр. 110, 180.

[22] ЦГАДА, ф. 135 (Древлехранилище), отд. IV, рубр. II, № 5, л. 11; РК, стр. 183.

[23] РК, стр. 153—154.

[24] *А. А. Зимин.* Реформы Ивана Грозного. М., 1960, стр. 310.

Материал мог заинтересовать Грозного в начале 60-х годов в связи с делом Владимира Старицкого и проверкой благонадежности московской знати. Брат Темкина Василий, в 1555—1559 гг. боярин князя Владимира, казнен в опричные годы.

«Дело князя Ондрея Катырева с воеводами юрьевскими, как приходил маистр ливонской к Юрьеву» (ящик 198) датируется ноябрьским походом ливонцев 1559 г. Ко князю Андрею Ивановичу на подмогу посланы были воеводы Алексей Данилович Плещеев-Басманов, Захарий Иванович Очин-Плещеев и Замятня Иванович Сабуров. Воеводы действовали «оплошно», в связи с чем и производилось расследование. Дело заинтересовало Грозного, конечно, позднее, около 1565 г., когда в Свияжск в почетную ссылку отправлен был кн. А. И. Катырев-Ростовский (потом казненный) [25].

В ящике 215 находилось дело кн. Дмитрия Семеновича Шастунова и кн. Александра Ивановича Прозоровского. Шастунов последний раз в разрядах упомянут в 1559 г.[26], а Прозоровский встречается еще в 1566 г. среди участников заседаний Земского собора. Пути этих деятелей перекрестились в 1560 г., когда был воссоздан Углицкий удел: дворецким там был Д. С. Шастунов, а боярином А. И. Прозоровский [27]. Возможно, их местничество относилось именно к этому времени. Интерес к делу Шастунова, вероятно, связан с опалой его двоюродных братьев Дмитрия и Ивана в 1565 г., сосланных в Казань [28]. Еще ранее в Литву бежал их родич Василий Шамазея Шастунов.

Дело Замятни Ивановича Сабурова и кн. Ивана Федоровича Гвоздя Ростовского (ящик 215) могло состояться только до введения опричнины (первый был земским человеком, второй — опричником). Вероятнее всего, его следует датировать можайским походом Ивана IV 1562 г., когда Грозный наложил опалу на князя Ивана Гвоздя (к тому же году относятся другие известные нам местнические дела Замятии Сабурова — с кн. Петром Семеновичем Серебряным, кн. Дмитрием Ивановичем Хилковым, Владимиром Васильевичем Карповым) [29].

Местнический спор Ивана Яковлевича Чеботова с Долматом Федоровичем Карповым (ящик 215) мог состояться в 1552 г., когда оба воеводы участвовали в Казанском походе, или в 1557 г., когда во время Коломенского похода они оставлены были в Москве [30]. Чеботов к декабрю 1562 г. стал уже боярином. Известно, что он сопровождал царя во время похода в Александрову слободу в конце 1564 г., но по пути был раздет донага и в таком виде отправлен в Москву [31] (в годы опричнины погиб брат Д. Ф. Карпова). Интерес к местническому делу мог возникнуть в связи с опалой Четобова (т. е. в конце 1564—1565 гг.).

Ясельничие Василий Дровнин и Петр Васильевич Зайцев упоминаются в одном разряде 1559 г., когда они, очевидно, и местничали (позже имя Дровнина не встречается в источниках, а Зайцев впервые известен как ясельничий в 1558 г.) [32]. Вскоре после введения опричнины Зайцев сделался одним из ее руководителей. Вводя опричные порядки,

---

[25] *С. Б. Веселовский.* Указ. соч., стр. 434; *Р. Г. Скрынников.* Начало опричнины. Л., 1966, стр. 414.
[26] РК, стр. 177.
[27] ПСРЛ, т. XIII, 2-я пол., стр. 329; *Р. Г. Скрынников.* Начало опричнины, стр. 151.
[28] *А. А. Зимин.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964, стр. 143.
[29] РК, стр. 194—195.
[30] Там же, стр. 138; ПСРЛ, т. XIII, 1-я пол. СПб., 1904, стр. 163.
[31] «Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе».— «Русский исторический журнал», кн. 8. Пг., 1922 (далее — *Таубе* и *Крузе*), стр. 32.
[32] РК, стр. 182.

Грозный уделял пристальное внимание проверке благонадежности опричников. Поэтому дела Чеботова, Гвоздя Ростовского (гофмаршал, т. е. дворецкий в опричнине) и Зайцева из ящика 215 относятся скорее всего к начальным годам опричнины.

В ящике 215 лежало и дело (местническое) Михаила Петровича Репнина с кн. Петром Ивановичем Татевым. Оно скорее всего относилось к лету 1557 г., когда оба князя были воеводами в Курске [33]. Интерес к делу возник в 1564 г., когда и погиб кн. Репнин.

Местничали около 1559—1560 гг. кн. Иван Дмитриевич Бельский с кн. Василием Ивановичем Барбашиным. Позднее первый оставлен был в земщине, а второй стал опричником. В 1562 г. Иван Бельский на некоторое время попал в опалу. В том же 215 ящике хранился и список его свадьбы (1554 г.), а некоторые материалы о нем — в ящиках 214 и 217. В целом же в ящике 215 не было документов, которые можно было бы уверенно датировать временем позже 1565 г.

Очень важные, по мнению правительства Грозного, местнические дела содержались в ящике 217. Это — дело кн. А. М. Курбского с Дмитрием Плещеевым. Скорее всего речь идет о Дмитрии Михайловиче Плещееве и о времени с 1550 г. (когда впервые в разрядах упоминается Плещеев) и до 1556 г. (когда Курбский стал боярином). Документ заинтересовал Ивана IV, конечно, в связи с побегом князя Андрея в 1564 г.

«Дело о местех» кн. Михаила Ивановича Воротынского с кн. Петром Михайловичем Щенятевым связано с одним историографическим спором. Дело в том, что князь Михаил упоминается в разрядах с 1543 г., а князь Петр только с конца 1548 г.[34] По данным Царственной книги, П. Щенятев, К. Курлятев и М. Воротынский «распрешася о местех» в декабре 1544 г.[35] Д. Н. Альшиц считал, что рассказ летописи был придуман задним числом, чтобы опорочить названных военачальников, подвергшихся опале [36–38]. Д. Н. Альшицу справедливо возражал Н. Е. Андреев [39]. Запись из ящика 217 подтверждает достоверность Царственной книги («дело о местех», очевидно, и было источником ее рассказа). Делом Воротынского со Щенятевым Грозный мог заинтересоваться в связи с опалой князя Михаила (1562 — весна 1566 г.) и казнью Щенятева (август 1565 г.).

Местническое дело между кн. Иваном Михайловичем Троекуровым и Василием Семеновичем Ложкою Карповым точно датировать трудно. Во всяком случае князь Иван последний раз упоминается в 1559 г., а первые сведения о местниках относятся к 1525—1528 гг.[40] Интерес к делу мог возникнуть у царя Ивана после бегства дальнего родича Троекурова кн. А. М. Курбского, с которым ходил вместе «па луговых людей» сын Ивана Федор, сосланный в 1565 г. в Казань [41].

---

[33] Там же, стр. 162.
[34] Там же, стр. 105, 117.
[35] ПСРЛ, т. XIII, 2-я пол., стр. 445.
[36–38] *Д. Н. Альшиц.* Источники и характер редакционной работы Ивана Грозного над историей своего царствования.— «Труды ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина», т. 1 (IV). Л., 1957, стр. 141—142. Сходную точку зрения высказывал С. Б. Веселовский на том основании, что Щенятев «начал служить не ранее 1549 г.» (*С. Б. Веселовский.* Указ. соч., стр. 264). Но это не вполне точно: надо было бы сказать, что в разрядных книгах нет сведений о более ранней службе Щенятева.
[39] *Н. Е. Андреев.* Об авторе приписок в лицевых сводах Грозного.— ТОДРЛ, т. XVIII. М.— Л., 1962, стр. 146—147.
[40] РК, стр. 9, 72, 182.
[41] Там же, стр. 153; *С. Б. Веселовский.* Указ. соч., стр. 456—457; *А. А. Зимин.* Опричнина..., стр. 140.

Весной 1554 г. безуспешно «бил челом... о счете» с князем Иваном Александровичем Стригиным-Оболенским князь Михаил Федорович Прозоровский [42]. Женатый на сестре А. М. Курбского, Прозоровский погиб вскоре после введения опричнины [43]. Около 1564 г. погиб и родич Ивана Стригина кн. Дмитрий Федорович Оболенский-Овчинин [44]. Местническое дело скорее всего интересовало правительство в годы введения опричнины.

Весной того же 1554 г. бил челом «о счете» кн. Федор Иванович Кашин с кн. Дмитрием Ивановичем Хилковым, но был «обинен» [45]. И в данном случае внимание к документу связывается с роковыми событиями 1564—1565 гг., когда погибли кн. Д. И. Хилков (1563/64 г.), брат князя Федора Кашина Юрий (около 1564—1565 гг.) и Иван Иванович Сухово-Кашин [46]. Если брать и другие материалы ящика 217, то можно прийти к выводу, что большинство его материалов могло интересовать правительство примерно в 1562—1565 гг., когда он и мог быть сформирован.

Одним из самых насыщенных документами ящиков был 223. Среди местнических дел, хранившихся в нем, прежде всего отметим «челобитные» кн. Дмитрия Семеновича Шастунова с кн. Александром Ивановичем Воротынским. Местническое дело обоих князей относится скорее всего к 1559 г., когда Шастунов служил «на берегу» вторым воеводой правой руки (это его последнее упоминание в разрядах), а Воротынский возглавлял передовой полк [47]. Воротынский попал в опалу в 1562 г., а в апреле 1563 г. по нем были взяты поручные записи. В 1565 г. опала постигла двоюродных братьев Шастунова Дмитрия и Ивана. В связи с этими событиями Иван Грозный и заинтересовался местническим делом 1559 г.

В ящике хранилась «посылка» князей «Михаила» (надо: Никиты) и Федора Яновых ко князю Петру Михайловичу Щенятеву. Датировать этот документ трудно. Во всяком случае в 1565 г. Н. Д. Янов-Ростовский сослан на воеводство в Поволжье и оставался там в 1566 г. Там же был и его младший брат Федор [48]. П. М. Щенятев еще в октябре 1565 г. назначен был одним из воевод русских полков, двинутых против Девлет-Гирея. Однако князь Петр разместничался с другим воеводой И. В. Шереметевым Меньшим, и царю пришлось направить к Волхову опричные полки [49]. Щенятев впал в немилость. Его владения (еще до февраля 1566 г.) были конфискованы [50], а сам он пострижен в монахи. В апреле 1566 г. царь побывал на Болхове, провел дополнительное расследование, подверг Щенятева пытке, отчего тот в августе и скончался [51].

По С. Б. Веселовскому, опирающемуся на неясное высказывание Курбского, Щенятев «выразил свое отрицательное отношение к опричнине тем, что постригся, быть может, без разрешения царя» [52].

---

[42] РК, стр. 146—147.
[43] *С. Б. Веселовский.* Указ. соч., стр. 430—431; *А. А. Зимин.* Опричнина..., стр. 140.
[44] *С. Б. Веселовский.* Указ. соч., стр. 421; *А. А. Зимин.* Опричнина..., стр. 108—109.
[45] РК, стр. 144.
[46] *С. Б. Веселовский.* Указ. соч., стр. 393—394, 438; *А. А. Зимин.* Опричнина..., стр. 108—109, 134.
[47] РК, стр. 148—149.
[48] Там же, стр. 214; *А. А. Зимин.* Опричнина..., стр. 140, 144; *Р. Г. Скрынников.* Начало опричнины, стр. 295, 414.
[49] РК, стр. 224.
[50] ПСРЛ, т. XIII, 2-я пол., стр. 400.
[51] РИБ, т. 31, стб. 283; *Таубе* и *Крузе,* стр. 41; *С. Б. Веселовский.* Указ. соч., стр. 474 (ошибочно: 1565 г.).
[52] *С. Б. Веселовский.* Указ. соч., стр. 474.

По Р. Г. Скрынникову, Щенятев постригся в монахи около весны — лета 1566 г., ибо в поручной по князе М. И. Воротынском (апрель этого года) отсутствует формула «в чернцы не постричися», а в аналогичных грамотах Очина-Плещеева и Охлябинина (весна — лето того же года) она уже есть [53]. Но, во-первых, формула могла появиться и без всякого отношения к пострижению Щенятева, а во-вторых, и формулы грамот могли отставать от реальных событий. Следуя осторожному предположению С. Б. Веселовского об уходе Щенятева в монахи «самовольно», Р. Г. Скрынников считает, что князь Петр стал монахом «в знак протеста» против конфискации его вотчин. С этим согласиться трудно. Курбский пишет, что Щенятев стал монахом, «оставя все богатство», т. е. как будто еще до конфискации или во всяком случае одновременно с нею. Весной же 1566 г. по прошествии нескольких месяцев после конфискации вряд ли бы Щенятев надумал на нее отвечать протестом. По Р. Г. Скрынникову, Щенятева забрали из монастыря и пытали уже после заседаний Земского собора 1566 г.[54] Данных для подобной датировки событий у нас нет.

Грамоту «о местех» кн. Василия Федоровича Лопатина-Оболенского и Алексея Даниловича Басманова (ящик 223) можно датировать августом 1550 г., когда они служили вместе «на Бобрике» [55]. В. Ф. Лопатин (последний раз упоминается в разрядах как раз в 1550 г.) — двоюродный брат князя Д. Ф. Овчинина-Оболенского, казненного около 1564 г.

Грамоту Федора Михайловича Плещеева с кн. Петром Ивановичем Кашиным скорее всего следует датировать летом 1544 г., когда Плещеев в бытность свою в Калуге «в левой руке не пошол». Кашин тогда служил на Муроме [56]. Более поздних сведений о Плещееве у нас нет. Интерес к грамоте, вероятно, связан с опалами Кашиных 1564—1565 гг. и ростом влияния А. Д. Басманова в эти годы (он был двоюродным братом Ф. М. Плещеева). С теми же событиями связано внимание и к грамоте А. Д. Басманова и Ф. М. Плещеева с кн. Иваном Александровичем Копырею Кашипым (примерно 1544—1550 гг.) [57].

До 1550 г., скорее всего во время Казанского похода 1549 г., кн. Михаил Иванович Воротынский местничал с кн. Петром Ивановичем Шуйским [58]. Опала Воротынского в 1562—1566 гг., как мы писали выше, обострила интерес Грозного к документам, связанным с этим князем.

Зимой 1549 г. и летом 1553 г. среди других вельмож в Москве были оставлены Иван Дмитриевич Шеин и кн. Федор Андреевич Куракин, которые, возможно, именно тогда, а может быть, и во время похода 1550 г. заместничали [59]. В 1565 г. опала постигла и Шеиных и братьев кн. Федора [60]. Тогда, очевидно, и вспомнили о местнической грамоте середины XVI в., которую и положили в ящик 223.

Спор «о местех» Семена Дмитриевича Пешкова-Сабурова с Долматом Федоровичем Карповым относится скорее всего к Казанскому походу 1552 г., в котором оба принимали участие [61]. Об интересе к документам

---

[53] *Р. Г. Скрынников.* Начало опричнины, стр. 338—339.
[54] Там же, стр. 350—351.
[55] РК, стр. 128.
[56] Там же, стр. 108, 107.
[57] Копыря последний раз в разрядах упомянут в 1550 г., а Ф. М. Плещеев впервые в 1544 г. (РК, стр. 108, 125).
[58] Шуйский стал боярином только в конце 1550 г. В 1549 г. оба князя участвовали в походе (там же, стр. 121).
[59] Там же, стр. 124, 126, 141.
[60] *С. Б. Веселовский.* Указ. соч., стр. 403, 470.
[61] РК, стр. 138.

Карпова нам уже приходилось говорить. Тщательно изучались и документы, относящиеся к А. М. Курбскому. В частности, и «грамота на Резань» к нему, «чтоб молвил князем, которым велено быти со князем Михаилом Воротынским, чтобы ко князю Михаилу ездили и были с ним без мест: князь Ондрей Катырев, князь Дмитрей Куракин, князь Данило Одоевской, князь Петр Телятевской и иные князи» (ящик 223). На Рязани князь Андрей с Михаилом Воротынским находились в конце 1551 г., а кн. Данило Семенович Одоевский тогда же служил в Козельске [62]. Заметим, что в 1565 г. в опалу попал кн. И. А. Катырев-Ростовский (Воротынский находился в опале с 1562 г.), а также некоторые из Куракиных (брат Дмитрия Иван Андреевич Куракин пострижен в монахи в феврале 1565 г., а Петра постигла опала) [63]. Зато дети Телятевского сделались опричниками.

Упоминания о местнических делах в описи Царского архива — ценнейший источник по истории местничества. Кроме ящиков 198, 215, 217, 223, подобные документы хранились в ящике 145, сформированном около 1550 г. в связи с ограничением местничества приговорами 1549—1550 гг., а в ящике 178 — еще одна грамота (известная по сохранившейся копии). Местнические дела за 1539—1563 гг. не сохранились вовсе. Причину этого необходимо еще исследовать. Упоминания о них есть в разрядных книгах и в описи дел, вынесенных из Разрядного приказа во время пожара 1626 г. По данным В. Ф. Тиханкиной, за 1539—1563 гг. известно всего 79 упоминаний о местнических грамотах. Теперь к ним прибавляется еще 21 случай, которые знает только опись [64]. Поскольку эти случаи хронологизированы, исследователь местничества получает серьезное пополнение комплекса источников, касающихся взаимоотношений среди представителей московской аристократии.

Но этого мало. Содержимое ящиков 198, 215, 217, 223 важно и для понимания напряженной политической борьбы периода введения опричнины. Местнические дела были в это время извлечены из забвения и явились предметом самого пристального изучения. Правительство Ивана IV они, по-видимому, заинтересовали как материалы, связанные с лицами, подвергшимися в эти годы репрессиям. Таким образом, документы, хранившиеся в ящиках 198, 215, 217, 223, подтверждают вывод тех исследователей, которые связывают опричные и предопричные казни и ссылки с определенной тщательно продуманной политической линией царя Ивана и его окружения. Вместе с тем заметен интерес правительства и к лицам, вошедшим в состав опричнины. Это вызвано было тщательной проверкой благонадежности всех членов опричного корпуса, проводившейся при зачислении служилых людей в состав гвардии опричников.

---

[62] РК, стр. 132, 133.

[63] ПСРЛ, т. XIII, 2-я пол., стр. 395—396; РИБ, т. 31, стб. 283; *С. Б. Веселовский.* Указ. соч., стр. 403.

[64] В ящике 145 хранилось дело кн. Юрия Михайловича Голицына с кн. Даниилом Дмитриевичем Пронским, которое можно датировать 1537 г. (ср. РК, стр. 91), дело Кашиных с Мещерским, возможно 1550 г. (ср. там же, стр. 125), Федора Михайловича Плещеева с Петром Ивановичем Телятевским, возможно около 1544 г. (там же, стр. 107, 108), Ивана Федоровича Мстиславского с кн. Юрием Михайловичем Голицыным около 1549 г. (там же, стр. 121, 122; ПСРЛ, т. XIII, 1-я пол., стр. 159) или 1551 г. (РК, стр. 131).

С. О. Шмидт

О ДАТИРОВКЕ ПРИПИСОК В ЛИЦЕВОМ ЛЕТОПИСНОМ СВОДЕ

Последние тома грандиозного Лицевого летописного свода — т. н. Синодальная летопись (или «Никоновская летопись с рисунками») [1] и Царственная книга [2], излагающие события времени правления Ивана Грозного, привлекают особое внимание историков Российского государства. Там имеются многочисленные редакционные поправки и, главное, интерполяции, содержащие уникальные сведения по политической истории (о Московском восстании 1547 г., боярском «мятеже» 1553 г. и других событиях) и истории общественной мысли.

О времени и причинах этой редакционной работы у исследователей, однако, нет единого мнения. В историографии проблемы наблюдается странная особенность. Важнейшей вехой в конце XIX в. явился фундаментальный труд Н. П. Лихачева о бумажных водяных знаках (филигранях). Было установлено, что для томов Лицевого свода (во всяком случае, последних томов) использовали очень дорогую французскую бумагу большого формата (на подобной же бумаге высшего качества писали французские короли). Некоторые ранние разновидности этой бумаги появляются в середине XVI в., но чаще всего такая бумага встречается в 1566—1585 гг. и исчезает около 1600 г. Отдельные филиграни известны только по документам 1580-х годов [3] Н. П. Лихачев же выяснил, что такую бумагу в России использовали составители польских посольских книг за 1570—1571 и 1575—1579 гг. (посольские книги обычно составлялись вскоре после первичного оформления включенных в них материалов) и для лицевых псалтырей времени Бориса Годунова. Это позволило Н. П. Лихачеву предположить, что закупка бумаги была сделана около 1575 г., а работа над последними томами Лицевого свода происходила около 1580 г.[4]

Исследование Н. П. Лихачева выявило несостоятельность представлений тех ученых (среди них были и крупные специалисты—палеографы), которые относили время составления лицевых летописей к XVII в. Датировка Ф. И. Буслаевым летописных миниатюр [5], а также предположе-

---

[1] Опубликована в ПСРЛ (т. XIII. СПб., 1904, 1906. Фототипически воспроизведено в 1965 г.). Описание рукописи см.: «Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева)». Подготовлено Т. Н. Протасьевой под ред. М. В. Щепкиной. М., 1970, стр. 127—128 (№ 749 — Син. 962). См. также *Т. Н. Протасьева.* К вопросу о миниатюрах Никоновской летописи (Син. № 962).— В кн.: «Летописи и хроники. Сб. статей». 1973 г. М., 1974.

[2] Опубликована в ПСРЛ (т. XIII, 2-я пол. СПб., 1906. Фототипическое воспроизведение — в 1965 г.). Описание рукописи см.: «Описание рукописей Синодального собрания», стр. 128—130 (№ 750 — Син. 149).

[3] *Н. П. Лихачев.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков, ч. I. СПб., 1899, стр. CLXXV—CLXXVI (глава IV «Лицевые летописцы и Царственная книга»), стр. 302—303, 308—312.

[4] Там же, стр. CLXXXI.

[5] *Ф. И. Буслаев.* Для истории русской живописи XVI века.— В кн.: *Ф. И. Буслаев.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. II (Древнерусская народная литература и искусство). СПб., 1861, стр. 308 и сл.

ния А. Е. Преснякова, основанные на историко-источниковедческих и текстологических наблюдениях [6], позволявших датировать приписки к рукописям, вероятнее всего, второй половиной XVI в., нашли полное подтверждение.

Датировка Н. П. Лихачева была сразу же поддержана А. А. Шахматовым и А. Е. Пресняковым [7], обнаружившими уже тогда много точек соприкосновения друг с другом в изучении летописей XVI в. [8], а затем и С. Ф. Платоновым, готовившим к печати XIII том «Полного собрания русских летописей» и предложившим позднее своему ученику Б. А. Романову изучать приписки именно как памятник времени Ивана Грозного [9].

Впоследствии процедура установления Н. П. Лихачевым времени создания Лицевого свода вошла как образцовый пример в учебные пособия по источниковедению отечественной истории (М. Н. Тихомирова) и русской палеографии (Л. В. Черепнина) [10].

Датировку Н. П. Лихачева, А. Е. Преснякова, А. А. Шахматова признает твердо доказанной А. В. Арциховский [11]. Д. С. Лихачев [12], С. Б. Веселовский [13] датировали интерполяции в тексте лицевых летописей также 1570-ми годами. Ко времени после 1570 г. относит и О. И. Подобедова «варианты листов Царственной книги» и ныне утраченный лист с изображением венчания на царство Федора Ивановича [14].

Однако в некоторых работах, где приписки к лицевым летописям рассматриваются специально в плане политической истории и истории общественной мысли, данные филигранологии учитываются недостаточно или даже вовсе игнорируются. Авторы таких трудов (Д. Н. Альшиц, Н. Е. Андреев, А. А. Зимин, О. И. Подобедова и др.) [15] — хотя и расхо-

---

[6] *А. Е. Пресняков.* Царственная книга, ее состав и происхождение. СПб., 1893.

[7] *А. А. Шахматов.* Критический отзыв на работу Н. П. Лихачева «Палеографическое значение бумажных водяных знаков».— ИОРЯС, т. IV, кн. 4. СПб., 1899; *А. Е. Пресняков.* Московская историческая энциклопедия XVI в.— Там же, т. V, кн. 3. СПб., 1900.

[8] *С. В. Чирков.* А. А. Шахматов и А. Е. Пресняков.— «Исторические записки», т. 88.

[9] «Исследования по социально-политической истории России. Сб. статей памяти Бориса Александровича Романова» («Труды ЛОИИ», т. 12). Л., 1971, стр. 12 (статья С. Н. Валка), стр. 396—397 (изложение доклада Н. Е. Носова).

[10] *М. П. Тихомиров.* Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в., т. I. М., 1940, стр. 130—131; *он же.* Источниковедение истории СССР, вып. I (С древнейших времен до конца XVIII века). М., 1962, стр. 258—259; *Л. В. Черепнин.* Русская палеография. М., 1956, стр. 320—323, 335.

[11] *А. В. Арциховский.* Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944, стр. 42.

[12] *Д. С. Лихачев.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.— Л., 1947, стр. 478.

[13] *С. Б. Веселовский.* Последние уделы в Северо-Восточной Руси.— «Исторические записки», т. 22, стр. 106; *он же.* Исследования по истории опричнины. М., 1963, стр. 286—288.

[14] *О. И. Подобедова.* Лицевой летописный свод.— «Советская историческая энциклопедия», т. 8. М., 1965, стр. 746—747.

[15] *Д. Н. Альшиц.* Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени.— «Исторические записки», т. 23; *он же.* Происхождение и особенности источников, повествующих о боярском мятеже 1553 г.— там же, т. 25; *он же.* Источники и характер редакционной работы Ивана Грозного над историей своего царствования.— «Труды ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина», т. 1 (IV). Л., 1957; *он же.* Царь Иван Грозный или дьяк Иван Висковатый? — ТОДРЛ, т. XVI. М.— Л., 1960; *N. Andreyev.* Interpolation in the Sixteenth Century Muscovite Chronicles.— «The Slavonic and East European Review», t. XXXV, N 84, London, 1956 (переиздано в кн. *N. Andreyev.* Studies in Muscovy: Western Influence and Bysantine Inheritance. London, 1970;

дятся между собой в датировке приписок — полагают, что интерполяции и поправки появились в лицевых летописях не позднее лета 1570 г.— времени казни И. М. Висковатого.

Предположения о датировке приписок 1560-ми годами — зачастую остроумные и, казалось бы, опирающиеся на данные многообразных источников — можно было бы признать основательными только в том случае, если они не противоречат точным (более или менее) палеографическим данным. Между тем палеографические наблюдения Н. П. Лихачева остались неопровергнутыми [16]: большинство исследователей, относящих приписки к 1560-м годам, специально палеографическим изучением лицевых летописей не занимались.

При решении вопроса о датировке приписок приходится учитывать комплекс обстоятельств — не только фактическую содержательность правки (что именно исправляли) и ее направленность (государственно-политическая тенденция, субъективная тенденциозность), но и палеографические данные (датировка бумаги, чернила, характер редакционной правки, сходность почерка во всех случаях правки). Характерный для двух последних томов Лицевого свода как бы единый стиль правки и тождественность чернил и почерка отмечены были еще А. Е. Пресняковым, что позволяет сближать даты редакторской работы над обеими рукописными книгами.

«Несомненно, что знание водяных знаков весьма важно для датировки рукописных текстов»,— замечает Л. В. Черепнин. Далее он пишет: «Изучение бумажных водяных знаков имеет вспомогательное значение. Однако топология и хронология водяного знака — это *ключ к выяснению условий возникновения исторического источника.* А топология и хронология источника помогает правильному пониманию исторических явлений, им освещаемых» [17]. И нельзя согласиться с утверждением Р. Г. Скрынникова по поводу даты приписок, будто «наблюдения за сортом бумаги в данном случае не помогают решению вопроса: классификация бумаги не отличается большой точностью и позволяет определить разве что десятилетие, но никак не год составления рукописи» [18]. Классификация бумаги, действительно, редко позволяет определить год составления рукописи, но дает

Н. Е. Андреев. Об авторе приписок в лицевых сводах Грозного.— ТОДРЛ, т. XVIII. М.— Л., 1962; *А. А. Зимин.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964, стр. 67—72; *О. И. Подобедова.* Миниатюры русских исторических рукописей. М., 1965, стр. 322—332. Об этих трудах см. в статье С. О. Шмидта «Когда и почему редактировались лицевые летописи времени Ивана Грозного» («Советские архивы», 1966, № 1—2). См. также недавние работы: *Р. Г. Скрынников.* Начало опричнины. Л., 1966, стр. 25—33; *он же.* Переписка Грозного и Курбского. Парадоксы Эдварда Кинана. Л., 1973, стр. 81—88; *А. А. Зимин.* Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси.— В кн.: «Источниковедение. Теоретические и методические проблемы». М., 1969, стр. 441—442; *он же.* О методике изучения повествовательных источников XVI в.— В кн.: «Источниковедение отечественной истории», вып. I. М., 1973, стр. 187—196.

[16] Мнение Д. Н. Альшица (датирующего приписки 1560-ми годами), что польские посольские книги были написаны на остатках бумаги после завершения работы над Лицевым сводом (*Д. Н. Альшиц.* Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени, стр. 287—288; см. также *О. И. Подобедова.* Миниатюры русских исторических рукописей, стр. 139, прим. 20), может изменить представление о последовательности использования этого запаса французской бумаги (сначала для лицевых рукописей, потом для посольских книг, а не наоборот, как полагал Н. П. Лихачев), но не о времени производства бумаги и соответственно привоза ее в Россию.

[17] *Л. В. Черепнин.* Русская палеография, стр. 224, 338—341. Курсив мой.— *С. Ш.*

[18] *Р. Г. Скрынников.* Начало опричнины, стр. 26, прим. 1.

достаточно оснований для определения времени, *ранее* которого рукопись вероятнее всего не могла быть составлена.

Наблюдения Н. П. Лихачева о филигранях бумаги Лицевого свода были подтверждены, а в отдельных случаях и существенно дополнены Ш.-М. Брике и другими специалистами и учтены в «Новом Брике» [19]. Дальнейшие исследования (и отечественных, и зарубежных ученых) позволили детально определить и нормы «залежности» бумаги, т. е. времени, которое могло пройти от изготовления бумаги до написания рукописи. Для стран Западной Европы залежность бумаги во второй половине XVI в.— около 5—6 лет [20], для меньшей части бумаги — 10 и более лет. Для России в конце XVI — начале XVII в., как установили В. Н. и М. В. Щепкины, средняя залежность иностранной бумаги равна 12,5 годам [21]. Тем самым датировка Н. П. Лихачева (обычно не учитывавшего залежность бумаги и условно датировавшего время ее производства «черной датой», т. е. датой точно датированного документа, где впервые выявлена подобная филигрань) представляется как самая ранняя из возможных [22] (1570—1580-мп годами датирован и второй том Лицевого свода, т. н. Хронографический сборник, в «Описании Рукописного отдела Библиотеки АН СССР» [23]).

В недавнее время особое внимание обращено на значение вержеров и нонтюзо, т. е. горизонтальных и вертикальных линий, видных на бумаге ручного производства, для датировки и локализации рукописей и определения составных частей рукописных сборников [24]. Эти наблюдения, однако, не колеблют представления о «черной дате» как о наиболее вероятной ранней дате распространения бумаги. (Более того, в «Новом Брике» рядом с воспроизведением филиграни указывается «черная дата».)

Синодальная летопись, согласно наблюдениям Н. П. Лихачева и Ш.-М. Брике, написана на схожей бумаге высшего качества, вошедшей в употребление, как правило, не ранее конца 1560-х годов. Царственная книга написана на листах бумаги того же типа. Бумага в этих рукописях близко напоминает ту, которая встречается во Франции уже в 1560-е годы, иногда даже начиная с 1530—1540-х годов, но имеются и листы с филигранями, известными только по бумаге документов 1580-х годов.

Царственная книга, безусловно, была написана позднее Синодальной летописи, так как в тексте ее учтена редакционная правка этой летописи. Последние же листы переплетенного в XVIII в. тома Царственной кни-

---

[19] The New Briquet (*C.-M. Briquet.* Les Filigranes. Ed. by A. Stevenson. Amsterdam, 1968).

[20] *С. А. Клепиков.* Использование филигранен в работе с недатированными рукописными и печатными книгами XIII—XVI веков.— «Советские архивы», 1968, № 6, стр. 54—55.

[21] *В. Н. Щепкин.* Русская палеография. М., 1967, стр. 201—205; *В. Н. Щепкин* и *М. В. Щепкина.* Палеографическое значение водяных знаков.— ПИ, вып. VI. М., 1958, стр. 336—339.

[22] В. Н. Щепкин рекомендовал: «Претендовать практически на точность большую, чем десятилетие, вообще не следует, а научная осторожность, очевидно, может заключаться только в том, чтобы не преувеличивать древности нашего документа, относя его скорее к концу, чем к началу десятилетия» (*В. Н. Щепкин.* Русская палеография, стр. 209).

[23] «Исторические сборники XV—XVII вв.» — «Описание Рукописного отдела БАН СССР», т. 3, вып. 2. М.— Л., 1965, стр. 14.

[24] См. об этом: *D. C. Waugh.* Soviet Watermark Studies — Archievements and Prospects.— «Kritika», Cambridge, Mass., 1970, vol. VI, N 2; *Т. В. Дианова.* Метод датировки и принципы публикации водяных знаков.— АЕ за 1974 г. (в печати).

ги (лл. 664—683) — новые варианты текста и миниатюр, сделанные уже с учетом редакционной правки, внесенной в Царственную книгу (т. е. как раз приписок о событиях 1553 г., а также 1546 и 1547 гг.). Это набело переписанный текст — последний этап редакционной работы над рукописью (видимо, перед окончательным ее просмотром каким-то очень ответственным лицом, едва ли не самим Иваном IV) [25]. Некоторые из этих листов дошли до нас в явно незавершенном виде — на лл. 667, 667 об., 668 об., 671 об., 672, 672 об., 677, 677 об., 678 об. художники не сделали рисунков, ограничившись предварительными карандашными прорисями, а на лл. 674, 674 об., 675, 675 об., 676, 676 об. и, видимо, 679 оставлены вовсе пустые места для рисунков.

Для заготовки новых листов Царственной книги использована однотипная бумага, но с различными водяными знаками, причем с такими, которые известны уже по основной части рукописи. Филиграни такого или близкого типа [26] воспроизведены в альбоме «Нового Брике» под № 7079 (встречаются на документах 1540—1570 гг.), 1838 и 1839 (на документах 1565 и 1569—1583 гг.), 13 154 (на документах 1530—1574, 1591 гг.), 13 183 (на документах 1576 г.), 5455 (на документах 1558 г.) или 5459 (на документах 1520—1583 гг.). Очевидно, что бумага с подобными водяными знаками имела сравнительно длительный период использования — несколько десятилетий (даже в самой Франции, как явствует из данных, приведенных Брике). Некоторые водяные знаки обнаружены на бумаге, на которой написаны были документы уже в середине XVI в.; в то же время среди филиграней выявляются и такие, которые не встречаются в документах ранее 1570-х и даже 1580-х годов [27].

Следовательно, как таковой комплекс бумаги схожего качества с определенным «набором» филиграней мог образоваться не ранее этих лет.

Особенно важно отметить, что на листах Царственной книги (лл. 650—653) со знаменитой интерполяцией о боярском «мятеже» 1553 г. (где Висковатый выступал деятельнейшим сторонником Ивана Грозного) филиграни такого типа, который известен только по документам конца 1570—1580-х годов: на лл. 651, 652, 653 — инициалы «B» и «F» с трилистником и короной (близкая филигрань по Брике № 9285—1599 г.; схожая филигрань «B» и «C» по Брике № 9281 — на письме португальского короля 1579 г.); на л. 650 — филигрань (корона — по Брике № 4679, со ссылкой на альбом Лихачева), обнаруженная только в документе 1584 г.

Исследование Е. С. Сизова убеждает в том, что работа и над предшествовавшим этим томам Лицевого свода т. н. Шумиловским томом (хранится в ГПБ, F. IV, 232), была завершена также не ранее середины 1570-х годов [28]. В Шумиловском томе на л. 891 (старой нумерации) име-

---

[25] О таком методе оформления лицевых рукописей см.: *С. О. Шмидт.* Заметки о Синодальном списке Лицевого летописного свода.— В кн.: «Культура Древней Руси (Сб. статей к 60-летию Н. Н. Воронина)». М., 1966, стр. 300.

[26] Филиграни в соответствующих изданиях обычно изображены в виде прорисей, которые, как отмечают современные исследователи, неизбежно неполно представляют водяной знак и могут иметь искажения (см. об этом: *D. C. Waugh.* Op. cit., p. 91).

[27] Глубоко признателен за консультации Т. В. Дмановой— виднейшему нашему специалисту в области филигранологии.

[28] *Е. С. Сизов.* К вопросу о датировке Шумиловского тома Лицевого летописного свода XVI в.— В кн.: «Проблемы палеографии и кодикологии в СССР». М., 1974, стр. 126—140.

ется и редакционная правка. Она относится к описанию крещения Ивана IV — вычеркнуты слова «Третий же старець троетцкои Иев Коурцовъ» [29]. Правка эта напоминает правку последующих томов Лицевого свода — она сделана чернилами, тонким пером. Правка отпечаталась на предыдущем листе, точнее сказать, на обороте его (л. 890 об.) — следовательно, листы лежали стопой и правку делали спешно. Таким же образом правили и текст Царственной книги, где на л. 304 об. отпечатались отдельные слова и буквы текста интерполяции л. 305 о Московском восстании июня 1547 г.[30] Можно думать, что одна и та же редакторская рука касалась всего летописного текста, излагающего события времени Ивана Грозного, а не только текста Синодальной летописи и Царственной книги [31].

Выяснение причин и уточнение времени такой редакторской работы — тема особого исследования [32]. Однако при любой постановке вопроса о времени и общественно-политической направленности редакторской правки придется учитывать — опираясь на данные о времени производства бумаги, использованной в лицевых рукописях,— что работа в целом вероятнее всего не могла быть завершена ранее 1570-х годов [33].

---

[29] ПСРЛ, т. XIII, 1-я пол., стр. 51.

[30] ПСРЛ, т. XIII, 2-я пол., стр. 455—456; *С. О. Шмидт.* Становление российского самодержавства. М., 1973, стр. 72.

[31] Самостоятельный интерес представляет и правка, сделанная карандашом,— в тексте и на полях Царственной книги, неполностью отраженная в издании летописи в т. XIII ПСРЛ (не отмечена правка на л. 459 об. и др.). Правка крупным почерком, мало напоминающим почерк правки чернилами. Любопытно отметить, однако, датировку филиграней (точнее сказать, «черных дат») этих листов в альбоме Лихачева № 3209, 3210, 3240, 3242 (1566 г.), 3334, 3335 (1577 г.), 3230 (1580 г.), 3249 (1584 г.). За консультацию очень признателен А. А. Амосову.

[32] Предположения об этом имеются в моей статье 1966 г. «Когда и почему редактировались лицевые летописи времени Ивана Грозного», где предпринята была попытка рассмотреть приписки в плане публицистического поединка Курбского и Ивана Грозного.

[33] Это не означает, конечно, что при редакционной работе не могли быть использованы старые летописные заготовки и варианты, созданные до 1570 г.

А. Г. Маньков

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ТОРГОВЫХ ПУТЕЙ

Возросшие в XVII в. масштабы законодательства о торговле отражали реальные потребности развивающегося товарного производства и рынка в России. В дореволюционной и в особенности в советской литературе основательно изучены важнейшие правовые материалы эпохи — таможенные грамоты, Торговый устав 1653 г. и Новоторговый устав 1667 г.[1] Историки обоснованно использовали указанные акты для изучения покровительственной политики самодержавия в отношении внутренней и внешней торговли. В центре внимания исследователей было таможенное дело. Историки права, естественно, рассматривали те же вопросы с позиций истории финансового права [2].

Однако вне поля зрения историков остались вопросы правового обеспечения внутренних путей сообщения, в том числе торговых путей. Это следует подчеркнуть, поскольку возникновение и развитие правового статуса путей сообщения в немалой степени связано с законодательством о таможенном деле и, следовательно, в значительной мере с тем же кругом источников.

Заметный рост ремесла, торговли, начальный этап складывания всероссийского рынка, усложнение государственного аппарата в центре и на местах — все эти процессы сделали необходимым правовое регулирование режима внутренних путей сообщения. Дорожный правовой статус, постепенно сложившийся к середине XVII в., получил наиболее полное выражение в крупнейшем законодательном памятнике феодальной России — Уложении 1649 г.[3] По содержанию он делится на две части: регламентация сбора проезжих пошлин и обеспечение сохранности и благоустройства дорог. В какой мере эти явления в законодательстве отражают сдвиги, происшедшие в экономике и государственном аппарате, показывает то обстоятельство, что столетие назад, в Судебнике 1550 г., ничего не

---

[1] *Е. Осокин.* Внутренние таможенные пошлины в России. Казань, 1850; *К. В. Базилевич.* Элементы меркантилизма в экономической политике правительства Алексея Михайловича.— «Ученые записки МГУ», вып. 41. М., 1940; *С. А. Покровский.* Внешняя торговля и внешняя политика России. М., 1947; *А. Т. Николаева.* Отражение в уставных таможенных грамотах Московского государства XVI—XVII вв. процесса образования всероссийского рынка.— «Исторические записки», т. 31, стр. 245—266; *Ю. А. Тихонов.* Таможенная политика Русского государства с середины XVI в. до 60-х годов XVII в.— Там же, т. 53, стр. 258—290; «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в.». М., 1955, стр. 113—138, 411—439; *Е. В. Чистякова.* Новоторговый устав 1667 года.— АЕ за 1957 г. М., 1958, стр. 102—126; *Р. И. Козинцева.* Практика применения Новоторгового устава.— В сб.: «Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России». М., 1961, стр. 94—100.

[2] *М. Ф. Владимирский-Буданов.* Обзор истории русского права, изд. 4. Киев, 1906, стр. 206—212; *С. В. Юшков.* История государства и права СССР, ч. I, изд. 2. М., 1947, стр. 275, 278, 308—310; ПРП, вып. 6, стр. 73.

[3] *М. Н. Тихомиров* и *П. П. Епифанов.* Соборное уложение 1649 г. М., 1961, стр. 91—95.

говорилось о проезжих пошлинах и правовом режиме дорог [4]. Это не означает, конечно, что регламентация сбора таможенных пошлин вообще отсутствовала в те времена. Право собирать пошлины за проезд через владения было следствием феодальной собственности на землю. Это право закреплялось обычно жаловапными иммунитетными грамотами, исходившими от великокняжеской, а затем царской власти.

К XVI в. состав, размер и места таможенных сборов были определены в уставных таможенных грамотах, исходивших от верховной власти [5]. Все пошлины, взимавшиеся в сфере торговли, делились на проезжие и торговые и были весьма разнообразны. Для правового статуса дорог имели значение проезжие пошлины. Они собирались за провоз товаров по дорогам и рекам — с возов или судов (мыты), с торговых людей (головщина, задние калачи, костки) или с тех и других за переезд по мосту (мостовщина), за перевоз через реку (перевоз) [6].

Сложившаяся таможенная система стала препятствием экономического развития. Касаясь такого рода явлений в других странах Европы, Ф. Энгельс писал: «Местные привилегии, дифференциальные пошлины и всякого рода исключительные законы стесняли не только торговлю чужестранцев..., но довольно часто также и торговлю целых категорий собственных подданных государства...» [7]

Произвол и злоупотребления, имевшие место при взимании проезжих и иных пошлин, в особенности во владениях крупных феодалов — бояр, монастырей и т. п., делали сложившуюся таможенную систему непригодной для страны. От нее страдали не только люди, занятые торговлей, но и широкие слои рядового дворянства, на плечи которого падали многие казенные поручения, связанные с разъездами по стране, и крестьяне, которые также терпели от произвола таможенных откупщиков и целовальников. Вот почему в составе Уложения 1641 г. по делам о сыске и вывозе крестьян, принятом в ответ на челобитье дворян, имеется пункт, касающийся проезжих пошлин [8]. Эти установления вошли позднее в Уложение 1649 г. (IX глава: «О мытах, и о перевозех и о мостах», статьи 1, 2, 9, 10, 19, 20).

Затруднительно назвать источник статей, установивших ответственность за техническое состояние и благоустройство дорог, мостов и перевозов [9]. Вполне вероятно, что редакция этих статей самостоятельна, тем более что уже в древнерусском законодательстве состояние дорог было объектом государственно-правового надзора. Можно назвать и прецедент из недавнего прошлого. В Судебнике 1589 г. волостным общинам Севера предписывалось государеву дорогу от Москвы до Холмогор, в том числе перевозы и мосты на ней, держать в полном порядке. Регламентировалась ширина дороги и мостов на реках ($1^1/_2$ сажени). Если из-за плохого состояния дорог и мостов проезжие люди потерпят материальный урон, то ущерб возмещает та волость, которая ответственна за данный отрезок пути [10]. Таким образом, в IX главе Уложения 1649 г. слились установ-

[4] В Судебнике 1550 г. имеются только две статьи (94 и 95), говорящие о пошлине за клеймение купленных лошадей («Судебники XV—XVI веков». М.— Л., 1952, стр. 174—175).

[5] *А. Т. Николаева.* Указ. соч., стр. 245 и сл.; *Ю. А. Тихонов.* Указ. соч., стр. 258 и сл.

[6] *Е. Осокин.* Указ. соч., стр. 26.

[7] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 20, стр. 107.

[8] ПРП, вып. 5, стр. 368—369.

[9] Статьи 7, 11—18. К. Верховский источником этих статей называет Литовский статут (*К. Верховский.* Источники Уложения царя Алексея Михайловича.— «Юридический вестник». 1889. т. III, ноябрь, стр. 369—388).

[10] «Судебники XV—XVI веков», стр. 413.

ления, наметившиеся в законодательстве прошлых времен лишь в общих чертах или по частному поводу.

Рассмотрим содержание IX главы, состоящей из 20 статей. Первые три статьи провозглашали освобождение дворян, служилых людей, в том числе иноземцев и гонцов, посланных по государственным делам, от уплаты проезжих пошлин (мыта, перевоза и мостовщины) по всем дорогам, как проходящим по государевым и дворцовым землям, так и в вотчинах и поместьях. От уплаты пошлин освобождалось и имущество указанных лиц, провозимое не для продажи самими дворянами и их крестьянами. При нарушении запрета взыскания проезжих пошлин в указанных случаях в отношении виновных определялась санкция: возмещение материального ущерба втрое и наказание кнутом. При взыскании пошлин с крестьян, провозивших имущество господ не для продажи, закон ограничивал санкцию только возмещением убытка в указанных размерах. Основанием для вчинения иска служила жалоба потерпевшего, а доказательством — крестное целование.

Если же дворяне и иные служилые люди будут провозить с собой торговых людей с товарами, то санкция обращается против них как нарушителей закона: взыскание проезжих пошлин втрое и наказание кнутом. И обратно — попытка торговых людей выдать себя на таможенных пунктах за служилых лиц карается телесным наказанием и взысканием пени в пользу государя в размере 5 рублей с человека. Косвенно отсюда следует, что торговые люди и провозимые ими товары подлежали обложению проезжими пошлинами. Однако в ряде последующих статей IX главы Уложения видна тенденция к ограничению действия этого правила. Закон оставлял в силе только прежние («изстари») таможенные пункты и сборы на них, на которые в прошлом даны жалованные грамоты. Учреждать же по дорогам, на реках, плотинах, мостах и т. п. новые таможенные пункты и пошлины «без указа», «своим вымыслом», запрещалось под угрозой изъятия этих пунктов в пользу государя. Соответственно воспрещалось самовольное устройство таможенных пунктов на водах, принадлежащих феодалам.

В зимнее время торговые люди получали по желанию легальную возможность объезда мостов по льду, освобождались тем самым от уплаты мостовщины, а сборщикам проезжих пошлин запрещалось окалывать лед у берегов и у мостов «для своей корысти». Нарушение закона влекло телесное наказание и пеню в пользу государя. И только в тех владениях, где дороги плохи, а на них настилов и на непроходимых реках мостов нет и исстари не бывало, законодатель в целях улучшения состояния дорог и идя навстречу потребности оборудования новых, допускал возможность по челобитьям феодалов учреждения новых пунктов сбора проезжих пошлин, как возмещение затрат, связанных со строительством настилов, мостов и перевозов.

В целях устранения препятствий для судоходства строить на реках новые запруды, плотины и мельницы разрешалось только при непременном условии строительства проходов для судов. Если строительство новых плотин и мельниц влекло затопление прежних дорог и бродов, а владельцы сооружений, пропуская проезжих людей, незаконно брали с них перевоз и мостовщину, то мельницы, мосты и перевозы подлежали сносу. Они получали санкцию только в ответ на челобитье владельцев о их сохранении при отсутствии незаконного сбора пошлин и при условии в дальнейшем беспошлинного проезда по мостам, плотинам и перевозам, сооруженным на местах затопления прежних дорог.

В комплекс правового обеспечения дорог входили и предписанные

законом обязанности феодалов по их сохранению и благоустройству. Закон обязывал чинить настилы и мосты и держать их в порядке, чтобы проезжим людям не было убытка от неисправных дорог. Если из-за плохих дорог будет причинен ущерб имуществу служилых или торговых людей, то должно следовать возмещение убытка — в государевых землях со стороны должностных лиц или откупщиков, а в частных — их владельцев. На них же возлагается обязательство взамен пришедших в ветхость сооружений построить новые. С юридической точки зрения здесь вступают в силу обязательства из причинения вреда. В случае хозяйственной необходимости за феодалами сохраняется право затопить или распахать старые дороги, но при непременном условии построить новые хорошего качества и вблизи от прежних дорог. Если новые пути окажутся хуже старых или будут иметь большой объезд, надлежало восстановить прежние. Как видим, содержание IX главы ставит под сомнение возможность отнести ее нормы к финансовому праву [11]. Дело в том, что в данном случае нет установлений о составе и размере проезжих пошлин. Законодатель ставит целью разработку правового режима, диктующего, с кого и при каких обстоятельствах брать или не брать проезжие пошлины на дорогах. Глава содержит, таким образом, определенный комплекс гражданско-правовых норм, существенную часть которых составляет сервитутное право.

Итак, Уложение 1649 г. включает в себя определенный правовой статус сухопутных и водных путей как средств сообщения и торговли, сложившийся в первой половине XVII в. В его основании лежит двоякий интерес — государственный, связанный с необходимостью облегчить передвижение по дорогам служилых людей и гонцов, и торговый, продиктованный целью оградить интересы торговли. Признавая прежнее право феодалов на сбор проезжих пошлин на дорогах, проходящих через их владения, фиксированное в жалованных грамотах, Уложение изымало из его действия служилых людей, а в отношении лиц, занятых торговлей, проявляло тенденцию к ограничению таможенных сборов, ограничивало произвол феодалов и возлагало на них ответственность за сохранность и содержание сухопутных и водных путей.

Однако развитие промышленности и торговли выдвигало необходимость дальнейшей регламентации таможенного дела в стране. Характерной его особенностью продолжала оставаться дифференцированная система обложения. Наличие многочисленных проезжих и торговых пошлин само по себе тормозило рост торговли, но кроме того, открывало путь для всякого рода злоупотреблений откупщиков и других сборщиков пошлин. Не случайно поэтому, что инициатива проведения реформы таможенного дела исходила от торговых людей и прежде всего от их наиболее зажиточной и влиятельной части. В августе 1653 г. Данила Строганов и другие видные торговые люди подали царю Алексею Михайловичу челобитную, в которой просили отменить проезжие пошлины, а все остальные пошлины, взимавшиеся с цены товара, заменить единой рублевой [12].

Правительство быстро откликнулось на эту просьбу. В октябре 1653 г. была принята единая уставная таможенная грамота для всей страны, нередко называмая Торговым уставом. Торговый устав 1653 г. заменял все прежние торговые пошлины единой рублевой пошлиной в размере 10 денег с рубля или 5% с продажной цены товара. Проезжие пошлины отменялись не все: отменялась основная из них — мыт и ряд мелких, оставались мостовщина и перевоз. Устав предписывал их размеры. Наряду с

[11] См., например: ПРП, вып. 6, стр. 73.
[12] ААЭ, т. IV, стр. 97—100.

этим Устав подтвердил норму Уложения о беспошлинном проезде там, где без государева указа устроены новые мельницы, мосты и настилы. В тех же местах, где плотины и мосты старые, а бродов не бывало и нет, мостовщину и перевоз предписывалось брать в размерах, которые указаны для малых рек. Оставалась в силе и норма Уложения об освобождении дворян, служилых людей и гонцов от перевоза и мостовщины [13].

Положения Торгового устава 1653 г. были повторены в уставной грамоте 1654 г. Ее особенностью является то, что она объясняла ликвидацию дифференцированного обложения злоупотреблениями сборщиков пошлин, что, по словам грамоты, наносило большой ущерб торговле. Грамота подтверждала ряд норм IX главы Уложения, имевших целью обеспечить определенную свободу передвижения по торговым путям. Подтверждалось право проезда в брод или по льду мимо перевозов и мостов без уплаты мостовщины или перевозного. Проезд через новые мельницы, запруды, мосты и перевозы оставался безденежным. Подтверждалась необходимость держать в вотчинах и поместьях прежние мосты и перевозы и не препятствовать проезду через них [14].

Покровительственная в отношении торговли политика правительства получила дальнейшее выражение в Новоторговом уставе 1667 г., в котором законодательное разрешение вопросов внутренней торговли, включая использование дорог, базировалось главным образом на Торговом уставе 1653 г. [15] Не следует думать, что законы о режиме торговых путей вовсе не исполнялись. В челобитной 1657 г. вологодскому архиепископу Маркелу вологодские мостовые целовальники извещали о недоборе мостовых денег, объясняя его тем, что в засушливое лето реки обмелели и «проезжие люди всяких чинов с товары» на государевы мосты не ездят, а «ездят объезжими дорогами на броды, а не по мостам». Опасаясь опалы за недобор пошлин, целовальники писали далее: «не указано нам, сиротам, с тех людей мостовово имать, хотя кто поедет и подле мосту на брод в сухую воду...» [16]

Более ярко ту же ситуацию раскрывает сказка 1688 г. коломенского верного головы Аверкия Мещенина. В прошлых годах, по его словам, скотопромышленники перегоняли скот через реки Оку и Коломенку перевозом и по мосту, платя с головы скота. Ныне по грамоте из Приказа Большой казны на берегах рек у перевоза и моста на столбах расклеено разрешение по желанию перегонять скот вброд или вплавь мимо моста и перевоза. Этим Мещенин объяснял недобор пошлин [17].

Число примеров такого рода легко увеличить. Но, несомненно, и другое — широко распространенными были нарушения закона. Вследствие слабости надзора и самовластия феодальной администрации правительст-

---

[13] ПСЗ, т. I, стр. 302—305.

[14] Там же, стр. 329—332. Уставная грамота рассылалась по городам. Известна, например, такая уставная грамота, присланная в Ярославскую земскую избу («Княжие и царские грамоты Ярославской губернии», изданные И. А. Вахромеевым. М., 1881, стр. 9—13).

[15] ПРП, вып. 7, стр. 303—328, 345—356. Реформа таможенного дела первоначально распространялась не на всю территорию государства. В Сибири положения торговых уставов 1653 и 1667 гг. были введены лишь с 1687 г. А до этого здесь было, как и в первой половине века, около трех десятков различных таможенных пошлин — торговых и проезжих (*А. Н. Копылов.* Таможенная политика в Сибири в XVII в.— В сб.: «Русское государство в XVII в.» М., 1961, стр. 330—371).

[16] *С. Шнеевров.* Эксплуатация мостов в России в XVII и XVIII столетиях.— «Дорога и автомобиль», 1936, № 10, стр. 59.

[17] ДАИ, т. XII, стр. 340.

ву не удавалось в сколько-нибудь значительной мере оградить торговых людей, даже именитых, от произвола сборщиков пошлин, феодалов и воевод. В ноябре 1698 г. Григорий Строганов и ряд купцов подали царю челобитную, сообщая, что во многих городах им приходится нести крупные убытки от насилий местных воевод. Воеводы произвольно устанавливали заставы на дорогах и реках, задерживали возы и суда с грузами, требуя от провожатых взятки под видом пошлины. Такие заставы, по словам челобитной, появились в Муроме, Касимове, Елатьме, Серпухове, Кашире, Калуге, Орле и в ряде других городов. Расследование дела подтвердило сведения челобитной. К сожалению, нет данных о том, какие меры были приняты в отношении воевод, допустивших самоуправство [18].

Именно этим следует объяснить неоднократные требования правительства соблюдать законы о режиме проезда по дорогам, отраженные в грамотах об отдаче сбора пошлин на откуп и перешедшие в XVIII в. Такова, например, грамота 1702 г. Петра I об отдаче мостов на откуп по «большой московской дороге», почти без исключений повторяющая установления IX главы Уложения 1649 г. [19]

Слабость и нерадивость исполнительной власти на местах были причиной тому, что и законы о поддержании дорог не всегда исполнялись. Иностранцы, бывавшие в России, неоднократно писали о плохом состоянии ее дорог, в особенности не в зимний сезон. В лесах дороги часто проходили по пням срубленных деревьев; по топям и болотам не всегда были настилы и мосты. От Москвы до Смоленска поляк Таннер насчитал 533 моста, которые состояли из толстых бревен, плохо связанных между собой. Проезд по ним в тяжелом экипаже был небезопасен. А швед Пальмквист даже предположил, что русские умышленно испортили дорогу, чтобы затруднить доступ иностранцам в глубь страны [20]. И все же мы располагаем данными, говорящими о том, что правительство стремилось возможно быстрее приводить дороги в порядок. Заметную роль в этом отношении сыграло учреждение почты в России. Когда первый русский почтмейстер А. Виниус в челобитной 1683 г. указал на плохое состояние дорог и просил царского указа о их починке и сооружении мостов, вскоре же были разосланы соответствующие приказания воеводам. И позднее правительство рассылало указы по городам о сооружении дорог и приведении в порядок пришедших в негодность [21]. Нелегкой задачей было обеспечение безопасности проезжих, в том числе торговых, людей даже на больших торговых дорогах. В челобитной 1688 г. иноземные купцы просили о вырубке леса на большой ярославско-вологодской дороге между Ухорским и Обморским ямами ввиду частых разбоев и грабежей. В челобитной вместе с тем указано, что на значительной части дороги лес вырублен по обеим сторонам саженей на 50 [22].

Разумеется, строительство и поддержание в порядке дорог ложилось большим дополнительным бременем прежде всего на плечи владельческих и черносошных крестьян.

---

[18] *А. Кизеветтер.* Заградительные отряды XVII века.— В кн.: «Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову». М., 1922, стр. 314—322.

[19] *С. Шнееров.* Указ. соч., стр. 59.

[20] *И. Я. Гурлянд.* Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века. Ярославль, 1900, стр. 258—259.

[21] *М. Н. Виташевская.* Старинная русская почта. М., 1962, стр. 74. Например, в указе 1693 г. об учреждении почты от Москвы до Архангельска велено «по дороге, буде где есть на болотах топкия места, намостить мосты тамошними окольними жителями» (СГГД, ч. IV, стр. 640).

[22] ДАИ, т. XII, стр. 333.

Н. А. Горская

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПОВИННОСТИ МОНАСТЫРСКИХ КРЕСТЬЯН XVII В.

Круг важнейших натуральных и денежных платежей монастырского крестьянства XVII в. государству в общих чертах нашел отражение в советской историографии, посвященной вопросам финансов [1]. Задача настоящей статьи — выявление на материале архивов монастырей центра Русского государства (Покровского Суздальского, Солотчинского Рязанского, Знаменского Московского, Иосифо-Волоколамского, Донского и приписных к нему) конкретной картины государственных повинностей, выполняемых крестьянским двором, и соотнесение их с повинностями в пользу феодала-монастыря [2].

Принципиальным рубежом для рассмотрения государственных повинностей XVII в. служит сентябрь 1679 г., когда была введена новая утяжелившая государственное обложение окладная единица — дворовое число (как для денежных, так и для натуральных сборов) [3]. В связи с этим все имеющиеся в нашем распоряжении данные о государственных платежах монастырских крестьян и соотношение их с владельческими платежами рассматриваются нами по двум периодам — до и после 1679 г.

В историографии установлено, что государственные платежи монастырских крестьян делились на натуральные и денежные — по своему характеру и на окладные (годовой оклад которых установлен на длительный срок или определяется для следующего года по предыдущему), запросные и чрезвычайные — по форме их взимания.

Главным окладным натуральным платежом монастырских крестьян, как и частновладельческих, на протяжении всего XVII в. был стрелецкий хлеб, а окладным денежным — ямские (и полоняничные) деньги [4]. До 1679 г. общий оклад монастырских крестьян стрелецким хлебом менялся так: в январе 1614 г. он был назначен в размере 100 четв. хлеба с сохи, в начале 40-х годов — повышен до 1400 четв. (700 юфтей) с твердой ценой по 32 алт. за юфть, в 1663 г. оклад удвоен — 2800 четв. (1400 юфтей), в 1673 г.— опять почти удвоен — 5012,5 четв. (2506 юфти) с сохи [5].

---

[1] «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в.» (далее — «Очерки...»). М., 1955, стр. 411—425 (автор раздела — Н. В. Устюгов); *С. М. Троицкий.* О влиянии фискальной системы на положение крестьян России в XVII—XVIII вв.— В кн.: «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1963 г.» Вильнюс, 1964, стр. 283—295.

[2] Владения этих монастырей располагались главным образом в Бежецком, Брянском, Владимирском, Волоцком, Галицком, Дмитровском, Зубцовском, Кашинском, Козельском, Малоярославецком, Московском, Рузском, Рязанском, Старицком, Суздальском, Тверском, Перемышльском и Шуйском уездах.

[3] *Н. В. Устюгов.* К вопросу о раскладке повинностей по дворовому числу в конце XVII в.— В кн.: «Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия». Сб. статей. М., 1952, стр. 221—231.

[4] Стрелецкий хлеб деньгами вносили только северные монастыри («Очерки...», стр. 411).

[5] Там же, стр. 414.

Ямские деньги, новый повышенный оклад которых был введен в 1614 г., в 1618 г. платились в размере 800 руб. с сохи, а в 1643/44—1679 гг.— в размере 784 руб. с сохи [6].

Для 20—30-х годов XVII в. источники упоминают следующие окладные государственные платежи монастырских крестьян: 1) ямские деньги (в том числе «малые ямские деньги» — «от отдачи»); 2) стрелецкие хлебные запасы или стрелецкие деньги; 3) деньги на городское и острожное дело (варианты — валовое, мостовое), или выполнение работ на постройке городов и острогов и заготовка леса для этих целей [7]. Крестьяне Покровского Суздальского монастыря в 20—30-х годах платили ежегодно с одной четверти сошного оклада 80 коп. ямских, 2 коп. ямских «малых», 25 коп. стрелецких и 15 коп. на городское строение, т. е. 1 руб. 22 коп. окладных платежей. Есть возможность установить количество дворов, приходящихся в 30-х годах на одну четверть сошного оклада в отдельных селах этого монастыря (см. табл. 1), и, в зависимости от этого, величину окладных государственных платежей на двор в этих селах.

Таблица 1

Соотношение четвертного оклада и количества дворов по селам Покровского Суздальского монастыря в 30-х годах XVII в. *

Уезды и села	Четвертей сошного оклада	Дворов	Дворов на четверть	Окладных государственных платежей на двор (коп.)
Суздальский у.				
Гавриловское	14	66	4,7	26
Вышеславское	15,66	66	4,2	29
Бережок	18	99	5,5	22,2
Владимирский у.				
Усолье	12,5	148	11,8	10,3
Талецкая волость (Михеевский, Семаковский, Медвежий углы)	31,2	140	4,5	27,1
Шуйский у.				
Ярлыково	26	156	6	20,3

ГАВО, ф. 575, оп. 1, № 35, 93.

Таким образом, на двор приходилось от 10,3 до 29 коп. окладных денежных платежей феодальному государству.

Сопоставим владельческие и государственные денежные платежи среднего двора этих селений (см. табл. 2).

В барщинных вотчинах Суздальского у. государственные денежные платежи превышали владельческие в 2, 3 и более раза. В с. Усолье — вотчине с невысокой барщиной — государственные платежи в 30-х годах

[6] «Очерки...», стр. 413.

[7] ЦГАДА, ф. 1192 (Иосифо-Волоколамский монастырь), оп. 1, № 1467 (1616 г.); оп. 1, № 509 (1623 г.); ГАВО, ф. 575 (Покровский Суздальский монастырь), оп. 1, № 35, лл. 6—11 об., 56—60, 61—66; № 60, лл. 33—43 об., 60—65, 97; «Акты Уварова», № 143, 144; ГИМ, ОПИ, ф. 450 (Покровский девичий монастырь в г. Суздале), № 136 (1625, 1628, 1629, 1631 гг.). См. также отписки об уплате государственных платежей по Спасо-Кукоцкому монастырю (с. Сербилово в Опольском стане Суздальского у., 20 дворов в первой половине XVII в.— ГИМ, ОПИ, ф. 17 (Уварова), картон XVII, № 3—33, 1628—1678 гг.).

Таблица 2

Соотношение средних дворовых норм окладных государственных и владельческих платежей крестьян Покровского Суздальского монастыря в 30-х годах XVII в.

Села	Оброк в пользу монастыря * (коп.)	Государственные платежи (коп.)	Государственные платежи в % к владельческим
Бережок	6,3	22,2	352,4
Вышеславское	12,2	29	245,9
Ярлыково	10,0	20,3	203,0
Гавриловское	14,3	26	111,1
Усолье	14,5	10,3	71,0
Талецкая волость	50	27,1	54,2

* ГАВО, ф. 575. оп. 1, № 93.

оказываются меньше владельческих. Оброчные крестьяне Талецкой волости Владимирского у. платили государству почти вдвое меньше, чем своему феодалу. Если же мы учтем денежные платежи приказчику (судя по с. Усолью — 11 коп. на двор), то для сел Гавриловского и Ярлыкова соотношение владельческих и государственных платежей окажется примерно 1 : 1, для сел Вышеславского и Бережок государственные останутся выше владельческих на 25 — 28%; а в с. Усолье и в оброчной Талецкой волости, наоборот, государственные окладные платежи двора составят 40—44% владельческих.

Наиболее тяжелый чрезвычайный государственный побор — «на даточных» конных и пеших, а таких сборов на каждое десятилетие падало не менее двух,— увеличивал сумму платежа с двора в отдельные годы не менее чем в 10 раз. Так, в 1639 г. на пеших даточных людей с двора Покровского Суздальского монастыря полагалось по 2 руб., исходя из 882 крестьянских и бобыльских дворов, числившихся в вотчинах по писцовым книгам [8]. Для реальных дворов такой побор оборачивался еще более высокой ставкой. В июне 1631 г. при сборе на конных и пеших даточных с вотчин Иосифо-Волоколамского монастыря взыскивали 1659 руб. 3 алт. 2 д. «Нам платить нечем, хотя на правеже умереть стоя, взять не с ково»,— писали из монастыря в Москву игумену представители монастырской администрации, ссылаясь на литовское разорение. К отписке прилагался расчет, по которому с каждой выти для сбора этой суммы надо взять по 30 руб.[9] При средней населенности выти в 10,6 двора на двор должно было приходиться около 3 руб. чрезвычайного побора. Несмотря на челобитья с просьбой освободить от платежа, из других источников известно, что к концу 1631 г. деньги с вотчин Иосифо-Волоколамского монастыря были собраны, при этом с тяглой выти брали «с одно» (видимо, имеются в виду другие государственные, а может быть, и владельческие сборы) по 37 руб. 10 алт.[10]

[8] «Акты Уварова», № 170, стр. 179. На 1613—1619 гг. приходится семь экстренных сборов — шесть «пятин» и одни запросные деньги (*С. Б. Веселовский.* Семь сборов запросных и пятинных денег в царствование Михаила Федоровича. М., 1908).

[9] ЦГАДА, ф. 1192, оп. 1, № 1303, 1416.

[10] Там же, № 2043. Ставка для оброчных, менее населенных вытей была ниже — 22 руб. (там же, № 2044; оп. 2, № 84).

В 1631 г. «датошные недоплатные» деньги платят и крестьяне Покровского Суздальского монастыря [11]. В сумме за два побора на даточных один двор Покровского Суздальского монастыря в 30-х годах уплатил не менее 4 руб., т. е., в расчете на десятилетие, не менее 40 коп. в год, что увеличивает ежегодную среднюю сумму государственных денежных поборов за десятилетие не менее чем в 2,4—3 раза (а для с. Усолья — почти в 5 раз). Кроме того, крестьяне Покровского Суздальского монастыря в 30-х годах платили еще всей вотчиной с четвертного оклада «немецкий запас» (муку, сухари, солод, мясо и масло), а крестьяне сел Ярлыкова, Хрипелева, Рудников «наряжали» в том же 1631 г. людей «по лес, в чем ставит в Суздале острог и башни» [12].

Не претендуя на абсолютную точность расчета, представим в табл. 3 соотношение общих средних годовых денежных платежей дворов (в коп.) по 6 вотчинам Покровского Суздальского монастыря в 30-х годах XVII в.

Таблица 3

Соотношение общих средних годовых денежных владельческих и государственных платежей крестьянских дворов в селах Покровского Суздальского монастыря 30-х годов XVII в.

Села	Монастырю и администрации	Государству	Всего	% государственных платежей
Бережок	17,3	62,2	79,5	78,2
Вышеславское	23,2	69	92,2	74,8
Ярлыково	21,0	60,3	81,3	74,2
Гавриловское	25,3	66	91,3	73,4
Усолье	25,5	50,3	75,8	66,4
Талецкая волость	66	67,1	133,1	50,4

Таким образом, при том, что средний тяглый двор в барщинных селах платил от 75,8 до 92,2 коп., а в оброчной части Талецкой волости — 133,1 коп., платежи государству составляли в барщинных селах примерно $^3/_4$ всех платежей (в Усолье — $^2/_3$), а в оброчных — около 50%. Учитывая, что крестьянский мир постоянно собирал деньги на подводы, постоялое целовальникам в городе, при уплате ими тех или иных податей, для подкупа подьячих и т. п.[13], можно считать, что все платежи барщинного двора в 30-х годах приближались к 1 руб., а оброчного — к 1,5 руб.

40-е годы приносят монастырским крестьянам еще два ставших регулярными государственных денежных побора — «поворотные деньги», которые взимались «по государеву указу» в вотчинах Иосифо-Волоколамского монастыря в размере 20 коп. с дыма или двора, и «ратным людям на жалованье» — по 25 коп. с двора [14]. Вотчины Знаменского мона-

[11] ГАВО, ф. 575, оп. 1, № 35, лл. 30—34 об. Крестьяне платили эти деньги даже дважды, так как стряпчий потерял первоначально собранную сумму (там же, лл. 61—66).

[12] Там же, лл. 40—44, 56—60; ГИМ, ОПИ, ф. 450, № 136.

[13] ГАВО, ф. 575, оп. 1, № 35, лл. 1—76 (Книги приходные «мирским четвертным деньгам», «государевым ямским четвертным деньгам» и т. п. за 1631/32 г.).

[14] ЦГАДА, ф. 1192, оп. 1, № 1316, л. 15; № 1471, 1530; оп. 2, № 206, 207, 432. Первый подымный сбор приходится на 1638/39 г.

стыря, с которых в 40—50-х и 60-х годах, кроме ямских денег и стрелецкого хлеба, полагались и «поворотные деньги», в 40-х годах платили их в размере 8 д. с двора [15]. От 1654 г. сохранились отписки «в поворотных деньгах..., что плачены за хлебные запасы» с двора по 8 алт. 2 д.[16], а в 1662, 1664, 1665, 1670 гг. те же вотчины платят «поворотные деньги» уже в размере 1 руб. с двора [17] (по переписным книгам 1646/47 г.). Ратным людям на жалование в 1664/65 г. здесь также собирали по 25 коп. с двора [18]. Кроме того, вотчины Знаменского монастыря по крайней мере с 1647 г. платили «уголье в Приказ ствольного дела» [19] и вместо «сенного платежа» возили «государево сено». В тех случаях, когда стрелецкий хлеб взимался натурой, на двор в вотчинах Знаменского монастыря в 60-х годах приходилось по одному четверику ржи и одному четверику овса (или сухарей) [20].

Состояние источников не позволяет произвести точный учет всех ежегодных разнообразных денежных, а тем более натуральных и издельных повинностей в пользу государства (в основном—повозы на дальние расстояния, ломка камня и изготовление извести, заготовка и повоз сена, изготовление телег и т. п.). Приблизительный расчет средних дворовых платежей в пользу государства возможен лишь для начала 70-х годов.

Так, в 1671 г. крестьяне вотчины Знаменского монастыря с. Хабоцкого с деревнями (Бежецкий у.) платили: ямские (плюс подьячим за отписки), полоняничные, поворотные деньги, за слугу, отправленного на государственную службу, стрелецкий хлеб (10,5 четв. ржи и столько же овса), деньгами — на житничную поделку и от уплаты стрелецкого хлеба (подьячим, сторожам и т. п.). В итоге в среднем на двор с. Хабоцкого в 1671 г. пришлось по 40 коп. денежных платежей и по 1 четверику хлеба [21].

Соответствующий расчет по вотчинам Иосифо-Волоколамского монастыря (включая стоимость собранного деньгами хлебного платежа) во Владимирском, Дмитровском, Тверском, Рузском, Старицком, Зубцовском, Клинском и Волоцком уездах для 1672 г. дает нам 48,2 коп. государственных платежей на двор [22].

С крестьян обоих этих монастырей в 1671 и 1672 гг. поворотные деньги взимались в размере 20 коп. с двора. В годы, на которые приходилось по 1 руб. поворотных денег, государственные сборы поднимались до 1—1,08 руб. с двора, а при одновременном сборе по 1 руб. с двора на «даточных» (как, например, в вотчинах Знаменского монастыря в 1664 г.) [23],— до 2 руб. с двора.

Таким образом, средние (ежегодные [24]) государственные платежи крестьянского двора в монастырских вотчинах выросли с 30-х годов XVII в. весьма ощутимо: в 30-х годах на двор приходилось от 10,3 до

---

[15] Там же, ф. 1191 (Знаменский монастырь), оп. 1, № 34, лл. 2 об.— 3, 24 об.
[16] Там же, № 558, л. 28 об.
[17] Там же, л. 26; № 48, 49; № 552, л. 39.
[18] Там же, № 49.
[19] Там же, № 563 (записи от 1647, 1653, 1654, 1670, 1672, 1673, 1674, 1675, 1677, 1679, 1680, 1681, 1682 и 1683 гг.).
[20] Там же, № 558, л. 26.
[21] Там же, № 14.
[22] Там же, ф. 1192, оп. 1, № 2061, лл. 1—11 (деньги взяты с 479 дворов или с 40,72 вытей).
[23] Там же, ф. 1191, оп. 1, № 48.
[24] В 70-х годах на те годы, когда в источниках не упоминается сбор по вотчине 20 коп. «поворотных» денег, приходится сбор «ратным людям на жалованье» по 25 коп. с двора (см., например, там же, ф. 1192, оп. 2, № 452).

29 коп. (в среднем около 22 коп.) окладных денежных платежей феодальному государству, а к 70-м годам — не менее 50 коп.[25] Рост (с учетом понижения курса денег на 5,8%) — примерно на 115%. Ставшие же почти регулярными и повторявшиеся каждый не реже чем раз в 3 года чрезвычайные поборы («поворотные» в размере 1 руб., сборы на даточных, повышение сбора на жалование ратным людям до 50 коп. с двора)[26] увеличивали ежегодные сборы в государственную казну в среднем за десятилетие 70-х годов еще не менее чем на 80 коп. с двора. В итоге, если в среднем за десятилетие в 30-х годах на двор в монастырской вотчине (Покровского Суздальского монастыря) приходилось около 62 коп. окладных и чрезвычайных платежей, то за десятилетие с конца 60-х до конца 70-х годов эта средняя должна была быть порядка 1 руб. 30 коп. в год, т. е. все государственные платежи монастырских крестьян увеличились к концу 70-х годов по крайней мере в 2 раза.

После введения в качестве окладной единицы дворового числа внутри общины продолжал сохраняться принцип мирской раскладки повинностей, обеспечивающий более исправное поступление государственных платежей[27].

В 1679—1700 гг. основными окладными государственными поборами в монастырской деревне были: 1) ямские (в том числе «малые») и полоняничные деньги (10,5—12 коп. с двора); 2) отставным стрельцам на корм (10 коп. с двора); 3) на житничную поделку (2 коп. с двора); 4) сенные, за сено государевым лошадям (10—12 коп. с двора); 5) стрелецкий хлеб (5 четвериков ржи и овса с двора до 1688 г. и 7 четвериков — после 1688 г.[28]) или стрелецкие деньги. Сбор сена и овса на корм государевым лошадям превратился в окладной (по образцу каждого предыдущего года) в течение 80-х годов XVII в. Сбор «отставным стрельцам на корм» касался всех монастырских вотчин, однако одни платили его деньгами, а другие (например, вотчины Иосифо-Волоколамского монастыря до 1688 г.) натурой[29]. Средний двор в монастырских вотчинах платил, по-видимому, в 1679—1697 гг. 35—50 коп. окладных государственных сборов (кроме стрелецкого хлеба)[30].

В то же время чрезвычайные по своему характеру сборы на жалование ратным людям, покупку лошадей становятся по существу также ок-

[25] В «Росписи Иосифова монастыря крестьяном, которые живут в Волоцком уезде Ламскова и что оне платят всяких великого государя денежных поборок на Волоку в съезжей избе» на 1663 г. круг окладных платежей в пользу государства самими крестьянами определен так: 1) ямские и полоняничные деньги; 2) стрелецкий хлеб; 3) житничному целовальнику на год — 10 руб.; 4) подьячему — 6 руб. (прежде платили 2 руб.); 5) заплечному мастеру — 4 руб.; 6) истопнику в съезжей избе — 2 руб.; 7) биричу — 2 руб. 11 алт. 1 д.; 8) в съезжую избу за бумагу — 20 алт. (ЦГАДА, ф. 1192, оп. 1, № 2062). На осмак, по утверждению крестьян, «в тот платеж сходит по 26 алт.» (там же, л. 6), т. е. около 52 коп. на двор, с учетом всех сопутствующих платежей. Не исключено, что крестьяне в этой сказке несколько завысили величину окладных платежей с осмака, так как преследовали цель заставить такую же сумму платить и монастырских слуг.

[26] Там же, ф. 1191, оп. 1, № 552, л. 39; ф. 1192, оп. 1, № 699, 1424, 1437. С вотчин Иосифо-Волоколамского монастыря в 1673 г. была взыскана, кроме того, огромная сумма «пенных денег» (2500 руб.) за 25 человек конных, сбежавших с рейтарской службы (там же, ф. 1192, оп. 1, № 888).

[27] *Н. В. Устюгов.* Указ. соч., стр. 221; *С. М. Троицкий.* Указ. соч., стр. 287.

[28] «Очерки...», стр. 423.

[29] ЦГАДА, ф. 1192, оп. 1, № 2073.

[30] Там же, ф. 1191, оп. 1, № 26, лл. 34 об.— 43; ф. 1192, оп. 1, № 1437, 1439, 1445, 1446, 1447, 1448, 1458, 1502. Отметим, что вытная ставка окладных государственных платежей возросла после 1679 г. очень заметно, например, по с. Обобурову Владимирского у. и с. Вейне Козельского у. с 1 руб. 30 коп. до 3 руб. (там же, ф. 1192. оп. 1, № 1445, 1502).

ладными лишь с разными погодными ставками с двора — в 25,50 коп. и 1 руб.

В исследуемых пами вотчинах эти сборы осуществлялись в 1679, 1680, 1682, 1685, 1686, 1687, 1689, 1692, 1693, 1694, 1695, 1696, 1699, 1701 гг., увеличивая ежегодные средние поборы с двора не менее чем на 80 коп.[31] В итоге на двор в среднем приходится до 1 руб. 30 коп. денежных сборов, к которым следует прибавить не менее 22 коп. за стрелецкий хлеб,— всего около 1 руб. 52 коп. Однако в последние 20 лет XVII в. очень часто взимался еще и «запросный» хлеб; точно известно о сборах «запросного» хлеба в 1685, 1686, 1687, 1697, 1698, 1700 гг.[32] В с. Высоково Рязанского у. в 1687 г. уплата «запросного» хлеба (вместе со стрелецким) обошлась каждому двору в 1 руб. 50 коп.[33] В состав «запросного» хлеба обычно входили дорогостоящие крупы и сухари, а размеры «запроса» достигали 9 четвериков с двора [34].

Выведенные нами средние цифры государственных поборов носят, естественно, условный, приблизительный характер. Приведем сведения о реальных сборах государственных доходов по отдельным монастырским вотчинам.

Крестьяне Железноборовского монастыря (Галицкий у.) в 1692 г. платили с 657 дворов ямские и полоняничные, сенные деньги (273 руб.) и стрелецкий хлеб (143 руб.), всего на сумму 416 руб.[35], т. е. 63,3 коп. на двор обычных окладных сборов, а с учетом рублевого сбора 1692 г. на жалование ратным людям — 1 руб. 63,3 коп. с двора. В 1693 и 1694 гг. со двора той же вотчины собрано в среднем также по 63 и 53 коп. окладных сборов. По книгам записи денежных сборов мирских старост за 1693/94 г. устанавливается, что государственные поборы составляли не менее 43% всех денежных поборов (в том числе и на мирские нужды), поступавших со среднего крестьянского двора этой в основном оброчной вотчины [36].

Последнее пятилетие XVII в. принесло монастырскому крестьянину дальнейшее увеличение государственных платежей. С введением ежегодных сборов на корабельное строение, снаряжение и починку платежи в пользу феодального государства крестьян Железноборовской вотчины выглядят следующим образом. На 1696/97 г. здесь полагалось собрать всего 720 руб. 23 коп. (по 109,6 коп. с двора), в действительности собрали 583 руб. 84 коп. (по 81,3 коп. с двора). В 1697/98 г. с двора полагалось по 1 руб. 54,4 коп., а в 1698/99 г.— уже по 223,4 коп.[37]

---

[31] Там же, ф. 1192, оп. 1, № 1437; ГАВО, ф. 575, оп. 1, № 299, лл. 48—51; ГИМ, ОПИ, ф. 440 (Донской монастырь), № 436; там же, картон 89, № 830/1763; картон 86, № 830/1664; картон 119, № 830/2127; картон 105, № 830/2011; картон 128, № 830/2332; картон 126, № 830/2310; «Акты Уварова», № 333; ЦГАДА, ф. 1202 (Солотчинский монастырь), оп. 1, № 393; ЦГА г. Москвы, ф. 421 (Донской монастырь), оп. 1, № 51.

[32] ГИМ, ОПИ, ф. 440, картон 86, № 830/1664; картон 105, № 830/1978; картон 113, № 830/2069; ЦГАДА, ф. 1191, оп. 1, № 31; ЦГА г. Москвы, ф. 421, оп. 1, № 40; ЦГАДА, ф. 1202, оп. 1, № 483.

[33] ЦГАДА, ф. 1191, оп. 1, № 31, л. 6.

[34] Так, в 1696 г. в рязанских вотчинах Солотчинского монастыря собирали с двора 3 четверика ржаной муки, 5 четвериков сухарей и по 0,5 четверику овсяных круп и толокна (там же, ф. 1202, оп. 1, № 483).

[35] ЦГА г. Москвы, ф. 421, оп. 1, № 34.

[36] ГИМ, ОПИ, ф. 440, картон 128, № 830/2332.

[37] Ямские, на конские кормы и стрелецкие деньги, а также на корабельное строение (ГИМ, ОПИ, ф. 440, картон 124, № 830/2300 (58, 82); картон 126, № 830/2309 (21); картон 98, № 830/1883; картон 82, № 830/1590 (1, 2). Успело ли сказаться на этом повышении очередное изменение курса денег, относимое исследователями к 1698 г. (*Е. И. Каменцева, Н. В. Устюгов.* Русская метрология. М., 1965, стр. 160), сказать трудно.

Козельская вотчина Иосифо-Волоколамского монастыря с. Вейна в 1696/97 г. платила обычных окладных сборов и на корабельное строение 189,4 коп. с двора (без стрелецкого хлеба), т. е. более 2 руб.[38] В вотчине Покровского Суздальского монастыря с. Ярлыкове (Шуйский у.) с крестьянского двора в 1699 г. полагалось: 1) на Воронеж — 2 коп.; 2) за железные пушки (на подводы) — 15 коп.; 3) «в строение медных пушек и на порох» — 25 коп.; 4) «в строение галера и якорей и на медь» — 40 коп.; 5) за бомбы — 56,5 коп.; 6) иноземцам «в дачи» — 38 коп. Всего, вместе с ямскими деньгами и отставным стрельцам, крестьяне платили 196,5 коп. с двора [39]. Вместе со стрелецкими деньгами крестьяне этой вотчины платили государству примерно 2 руб. 20 коп. с двора [40].

Таким образом, по сравнению с концом 70-х годов, к исходу XVII в. средние окладные и чрезвычайные государственные поборы с двора монастырского крестьянина в сумме выросли ориентировочно с 1 руб. 30 коп. до 2 руб. 20 коп. в год по номиналу, а с учетом падения курса рубля по сравнению с 70-ми годами (на 60%) — с 2 руб. 8 коп. до 2 руб. 20 коп.

Однако этими суммами платежи не исчерпывались: самой обременительной повинностью в пользу государства оказывается к концу столетия подводная [41]. В 1700 и 1701 гг. крестьяне всех вотчин Иосифо-Волоколамского монастыря обязаны были поставить под «государевы запасы» по одной подводе с каждого двора (по книгам 1678 г.). Судя по челобитью осташковских крестьян 1701 г., они были не в состоянии вносить все другие государственные платежи, «потому...что по указу великого государя со всякого двора по подводы с телеги, и с проводники, и с путевыми припасы 221 подвода по переписным книгам, п а й м у ю ч и п о д в о д у р у б л е в п о с е м и и, лошади покупая в долги, поставили в Торжку для повоски великого государя воинских припасов и служилых людей...» [42], с этих же крестьян стольник из г. Ржева требует одновременно «другие подводы».

Суммарная оценка самими крестьянами всех поборов в пользу государства в начале XVIII в. содержится в челобитье крестьян Тихоновой пустыни Малоярославецкого у. властям Донского монастыря по поводу злоупотреблений монастырского слуги. «А он, Григорей,— писали крестьяне,— владеет нашим крестьянским жеребьем землею и лугами лет с 20, и ничего нам в подати государевы не платит. А у нас с жеребья в г о д с о й д е т с ж е р е б ь я в п о д а т и и в п о д в о д ы рублев по 10 и больше...» [43] «Жеребий» здесь — «другонять» — $^1/_{12}$ выти; следовательно, с выти на государевы подати и подводы шло до 120 руб., а с двора, при 23,24 дворах на выть[44],— не менее 5 руб. 16,4 коп. Такой же примерно результат дает расчет, произведенный на основании другого по характеру источника применительно к перемышльской вотчине Шаровкиной пустыни. В 1701 г. крестьяне с. Варваренки с деревнями жаловались архимандриту Донского монастыря на старосту, обвиняя его

---

[38] ЦГАДА, ф. 1192, оп. 1, № 1458, 1459, 1511.
[39] ГАВО, ф. 575, оп. 1, № 293.
[40] На рубеже XVII и XVIII вв. продолжали собирать и «запросный» хлеб — в 1700 г. он обошелся крестьянам Медведевой пустыни Дмитровского у. в 72,5 коп. с двора (ГИМ, ОПИ, ф. 440, картон 96, № 830/1841).
[41] Учесть точное денежное выражение этой повинности в течение столетия невозможно.
[42] ЦГАДА, ф. 1192, оп. 1, № 1551. Разрядка моя.— *Н. Г.*
[43] ГИМ, ОПИ, ф. 440, картон 103, № 830/1950 (2), 1703/04 г. Разрядка моя.— *Н. Г.*
[44] Там же, картон 103, № 830/1946.

в том, что он подати собирал «все сполна», «а отчету он, староста,... во всех тех денежных поборах не дает...». Крестьяне просили указания «ево старосту сшчесть» [45]. Документ и содержит «счет» «великого государя поборов и монастырских подымно и по тяглу», произведенных старостой в 1699 г. На каждый двор в вотчине в среднем пришлось по 5 руб. 29 коп. Учитывая, что сумма окладных владельческих денежных доходов (вместе с приказчичьими) со двора этой вотчины к 1700 г. в среднем не превышала 20 коп., а неокладные и мирские сборы могли повысить ее не более чем вдвое [46], следует признать, что на государственные подати вместе с подводной повинностью приходится примерно около 4,9 руб., не менее 92% всех денежных платежей двора этой барщинной вотчины. По-видимому, исполнение дальних повозов на государственные нужды увеличивало сумму государственных поборов в конце XVII в. не менее чем вдвое.

Именно поэтому последствия повышения государственных повинностей начинают особенно отчетливо сказываться во второй половине 90-х годов XVII в., с введением ежегодных сборов на корабельное строение и с расширением военной и организаторской деятельности государства, когда не только сами крестьяне жалуются — «а мы от государевых податей вконец разорилися» [47], но и местная монастырская администрация вынуждена отметить, что «вряд бедным крестьяном управляться и корабельными погодно деньгами» [48].

Особенно разорительными поборы в пользу государства оказываются для монастырских крестьян тех вотчин, в которых параллельно происходило не менее интенсивное повышение владельческих оброков, как это имело место в вотчине Железноборовского монастыря, откуда за период 1695—1700 гг. убыло («пошли для прокормления в низовые городы», записались в солдаты, вымерли) до 200 дворов [49].

Соотношение долей прибавочного продукта, отчуждаемого в конце столетия у монастырского крестьянина в пользу владельца, с одной стороны, и государства — с другой, отчетливее всего можно представить себе именно на материале вотчины Железноборовского монастыря. Как отмечалось выше, в 1698/99 г. на двор здесь приходилось по 223,4 коп. денежных платежей государству. Удвоив эту сумму с учетом затрат кре-

---

[45] ГИМ, ОПИ, ф. 440, № 481, лл. 1—63.

[46] ЦГА г. Москвы, ф. 421, оп. 1, № 40, л. 5; № 60 а. Ср. ГАВО, ф. 575, оп. 1, № 39, лл. 61—101; № 93, лл. 1—10; № 216, лл. 90 об.—113 об.

[47] ЦГАДА, ф. 1192, оп. 1, № 1460 (1697/98 г.); ГИМ, ОПИ, ф. 440, картон 74, № 830/1756 (ок. 1700 г.). В челобитьях крестьян с. Раменья Дмитровского у. (Медведева пустынь) властям Донского монастыря 1698—1700 гг. влияние подводных государственных повинностей на крестьянское хозяйство охарактеризовано так: «По указу великого государя спрашивают на нас, сиротах, под государевы запасы беспрестанно подводы, а у нас, сирот (это челобитье составлено от имени двух крестьян.— *Н. Г.*), нет ни одной лошади, которые, государь, были лошади, и те лошади под государевыми запасы пропали, а купить стало не на что, от податей вконец разорилися... Мы бедные и дрова из лесу на себе возим...»; о том же жалуются все крестьяне с. Раменьи во главе со старостой: «Многие... у нас в мире хлебом оскудали и скотинишкою опали, пить и есть нечего, хлеб покупаем дорогою ценою, а иные государь сидят без соли и купить не на что, а иные бродят по миру, кормятся христовым именем...» (ГИМ, ОПИ, ф. 440, № 448, лл. 5, 8).

[48] ГИМ, ОПИ, ф. 440, картон 113, № 830/2069 (1698 г.).

[49] ЦГА г. Москвы, ф. 421, оп. 1, № 51; ГИМ, ОПИ, ф. 440 (Краткая опись), ч. 1, № 385 б, 385 в [из 657 дворов, а по данным Я. Е. Водарского, из 622 дворов — см. *Я. Е. Водарский*. Церковные организации и их крепостные крестьяне во второй половине XVII — начале XVIII в.— В кн.: «Историческая география России XII — начала XX в.» Сб. статей к 70-летию Л. Г. Бескровного (в печати)].

стьян на исполнение подводной повинности, получаем около 4,5 руб., в то время как все оброчные платежи монастырю (с переводом на деньги ренты продуктами) по оценке самих крестьян равнялись 2 руб. с двора[50]. Таким образом, доля государственных платежей выросла почти до 70%. Такой же расчет для конца столетия с таким же результатом можно провести для тверской и кашинской оброчных вотчин Донского монастыря и шуйской вотчины Покровского Суздальского монастыря с. Ярлыкова. В 30-х годах XVII в. в оброчных же владениях Покровского Суздальского монастыря доля платежей государству была равна 50%.

Итак, основной рост денежных платежей монастырских крестьян происходил именно за счет ренты, шедшей в пользу государства. Размеры прямых денежных платежей государству увеличились с 30-х до конца 70-х годов в среднем на двор не менее чем в 2 раза и продолжали расти в последней четверти XVII в. (примерно на 6% по сравнению с концом 70-х годов). Общие же платежи в пользу государства, с учетом колоссально возросшей, в связи с военной и организационной деятельностью правительства Петра I, подводной повинности, увеличивали реальные суммы денежных платежей государству среднего двора еще не менее чем вдвое. В результате на двор монастырского крестьянина к исходу XVII в. приходилось в среднем до 4,5—4,9 руб. государственных платежей.

Соотношение долей прибавочного продукта непосредственного производителя, шедших владельцу, с одной стороны, и государству — с другой, в первой и во второй половинах XVII столетия свидетельствует, что рост эксплуатации со стороны государства значительно опережал рост владельческой эксплуатации на землях духовных собственников. В этом факте заключается наиболее существенное материальное воплощение политики формировавшегося абсолютистского государства в отношении монастырской собственности.

---

[50] Отработочная рента в этой вотчине занимала столь скромное место, что ее стоимостным выражением можно пренебречь.

И. А. Булыгин

БОРЬБА ГОСУДАРСТВА С ФЕОДАЛЬНЫМ ИММУНИТЕТОМ

История генезиса абсолютизма в России стала в последние годы предметом пристального внимания советских историков. Однако, как показала проведенная в 1968—1972 гг. на страницах журнала «История СССР» дискуссия по этой сложной проблеме, для решения ее необходимы новые дополнительные исследования и разыскания. В частности, недостаточно изучена история складывания абсолютизма, процесс постепенного «собирания власти» сословно-представительной монархией и превращение ее в абсолютную, неограниченную. В этом процессе, безусловно, важную роль сыграла борьба центральной власти с иммунитетными правами и привилегиями светских и духовных феодалов. Эти привилегии не только приносили им большие экономические выгоды, но и ставили их в известной степени в независимое от монарха положение в политическом отношении. Изучение этих явлений позволит также лучше понять складывание предпосылок образования абсолютизма и лучше разобраться в сложном переплетении и противоборстве различных общественных сил, которые сопутствовали утверждению абсолютизма.

Успешная борьба верховной власти с феодальным иммунитетом началась в период образования и укрепления централизованного государства и становления сословно-представительной монархии. Она продолжалась и в первые десятилетия XVII в. Уже тогда светские и духовные феодалы лишились большей части своих податных и судебных прав и привилегий. Однако некоторые из этих привилегий, а также значительную долю льгот в области торговли и промыслов иммунисты, особенно духовенство, сохранили до середины XVII в.[1] Между тем, как известно, вторая половина XVII в. стала временем, когда становление абсолютной монархии вступило в решающую стадию и формирующийся абсолютизм, естественно, не мог мириться с дальнейшим существованием иммунитетных привилегий и начал борьбу за их полную и окончательную ликвидацию. Один из аспектов этой борьбы — ликвидация финансовых, главным образом торговых, привилегий и рассматривается в настоящей статье, поскольку данная тема до сих пор не исследована в исторической литературе. Статья написана преимущественно на основании законодательных источников, прямо или косвенно освещающих рассматриваемую проблему.

Как показывают имеющиеся материалы, в 50—60-х годах XVII в., хотя и в ограниченных размерах, еще продолжалась выдача жалован-

[1] *С. Б. Веселовский.* К вопросу о пересмотре и подтверждении жалованных грамот в 1620—1630 гг. в сыскных приказах. М., 1907; *он же.* К вопросу о происхождении вотчинного режима. М., 1926; *И. И. Смирнов.* Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. М.— Л., 1958; *С. М. Каштанов.* Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в. М., 1967; *Н. Е. Носов.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969; *Б. Н. Флоря.* Эволюция податного иммунитета светских феодалов России во второй половине XV — первой половине XVI в.— «История СССР», 1972, № 2.

ных тарханных грамот с различными торговыми и другими финансовыми льготами. Например, 20 августа 1652 г. Макарьев Троицкий Калязин монастырь в ответ на свою просьбу получил право беспошлинно покупать в разных городах страны припасы, но только в количествах, необходимых для монастырского «обихода» [2]. В феврале 1653 г. царь Алексей Михайлович пожаловал патриарху Никону два своих рыбных учуга в Астрахани. Один из них, Комызяк, был дан безоброчно, а за второй, Чеганчет, патриарх должен был уплачивать оброк в сумме 427 руб. 24 алт. в год. Оба учуга жаловались «беспошлинно, ввек, неподвижно». Это означало, что суда (насады, струги и др.), на которых патриаршие власти повезут из Нижнего Новгорода в Астрахань все необходимое для эксплуатации учугов, не должны были облагаться пошлиной. Это правило распространялось и на суда, которые пойдут в обратный путь из Астрахани в Нижний Новгород с готовой продукцией (рыбой, икрой и т. д.). В грамоте Никону также указывалось, чтобы не взимались пошлины и с той части добытых рыбных припасов, которая останется сверх «домового обихода» и будет продаваться патриаршими властями в Москве и других городах [3].

Однако не все пожалования этого года сопровождались освобождением от уплаты торговых пошлин. 17 июня 1653 г. Алексей Михайлович дал астраханскому Преображенскому монастырю свой учуг Чюрку без уплаты оброка с него. Но если монастырь захотел бы продавать излишнюю рыбу и рыбные припасы, т. е. оставшиеся после домового обихода, то пошлины с них должны были взиматься «по указу и уставным грамотам», а беспошлинно «не продавать» [4]. В том же 1653 г., 29 октября ростовскому воеводе М. И. Хрипунову была послана царская грамота с требованием не нарушать жалованные тарханные грамоты, выданные прежними государями на патриаршую Карашскую волость. Они содержали широкий перечень иммунитетных привилегий волости, в том числе освобождение от уплаты стрелецкого хлеба и стрелецких денег, ямских денег, различных пошлин и др. Вместе с тем в царской грамоте указывалось, что «иным патриаршим и властелинским и монастырским вотчинам то наше жалованье не в образец» [5], т. е. оно не распространяется на другие церковные владения.

В последующее время продолжалась выдача жалованных тарханных грамот отдельным владельцам в ответ на их просьбы с освобождением от торговых и некоторых других финансовых сборов. Например, в 1654 г. патриарший Иверский монастырь получил освобождение от пошлин с товаров, покупаемых на «домовой обиход», и со всех продаваемых товаров [6]. В 1657 г. Алексей Михайлович подтвердил прежние жалованные грамоты Троице-Сергиеву монастырю на вотчины и различные финансовые привилегии [7]. В 1666 г. царской грамотой кольскому воеводе И. Я. Эверлакову предписывалось разрешить Соловецкому монастырю по старым жалованным грамотам ловить рыбу про монастырский обиход без платежа десятины и пошлин [8].

Как видим, пожалования торговыми и иными льготами давались только именитым владельцам, таким, как патриарх Никон, который именно

---

[2] ПСЗ, т. I, № 81, стр. 259.
[3] Там же, № 93, стр. 276.
[4] АИ, т. IV, № 67, стр. 182—184.
[5] Там же, № 73, стр. 195—198.
[6] ПСЗ, т. I, № 124, стр. 321.
[7] Там же, № 205, 206, стр. 414—419.
[8] АИ, т. IV, № 188, стр. 259—260.

в это время приобрел особо большую власть и влияние, а также крупным монастырям — Троице-Сергиеву, Соловецкому и др. Мелкие монастыри, вроде астраханского Преображенского, таких преимуществ не получали. Примечательно, что объектом иммунитетных пожалований являлись только духовные феодалы.

Новый этап в иммунитетной политике правительства наблюдается в начале 70-х годов XVII в. В конце своего правления Алексей Михайлович именным указом от 1 марта 1672 г. отменил все жалованные тарханные грамоты, выданные прежними царями и им самим патриарху, митрополитам, Троице-Сергиеву и другим монастырям «на низовые насадные промыслы», и установил, чтобы «впредь никому в тех местах тарханам не быть» [9]. Отмена мотивировалась тем, что тарханщики грузят на свои суда не только собственные товары, но и товары других торговых людей, называют их своими и поэтому провозят их беспошлинно, отчего в городах происходят недоборы таможенных пошлин. Отныне устанавливалось, чтобы «с тех их тарханщиковых промыслов таможенные пошлины имать в. г. в казну таможенным головам и целовальникам так же, как и с торговых людей собирают». Тут же в указе помещена и роспись тарханщиков: патриарх имел астраханский учужный и судовой промысел, казанский митрополит — судовой промысел, астраханский митрополит—учужный промысел, Троице-Сергиев, Новодевичий, свияжский Богородицкий, казанский Преображенский и казанский Богородицкий девичий монастыри — судовой промысел, Чудов монастырь — самарский рыбный и судовой промыслы, астраханские Троицкий, Воскресенский и Преображенский монастыри имели рыбный и соляной промыслы. Следовательно, патриарх, крупные столичные и местные приволжские монастыри владели в низовьях Волги рыбными и соляными промыслами, а также имели судовой промысел, т. е. содержали суда, которые специально использовались для перевозки товаров. Указ предусматривал определенную компенсацию патриарху за потерю пошлинных привилегий. Учуг Чеганчет, который был пожалован ему в 1653 г. с уплатой оброка 427 руб. 24 алт., отныне становился безоброчным, потому что «с того промыслу велено имать пошлину».

Указ затронул не только духовенство. В нем предписывалось также, чтобы и с русских людей, мурз, татар и разных иноземцев, которые торговали на низовых промыслах беспошлинно по тарханным грамотам, впредь пошлины также собирать и тарханам у них «не быть». О новом порядке взимания пошлин во все низовые города к боярам и воеводам должны были быть посланы специальные царские грамоты, а в приказы «для ведома» памяти и именные росписи тарханщиков, с кого «ныне велено имать пошлины».

Указ явился поворотным моментом в процессе полной ликвидации иммунитетных привилегий. Характерно, что на него ссылается, как увидим ниже, все последующее законодательство по данному вопросу. Весьма показательно также, что хотя в указе совершенно ясно говорилось об отмене тарханов только на промыслы в Нижнем Поволжье, в ряде случаев он был истолкован как отмена жалованных тарханных грамот на все привилегированные промыслы вообще. Именно так был он изложен в грамоте Новгородского приказа, посланной 20 марта 1672 г. новгородскому воеводе кн. И. П. Пронскому. В ней указывалось, чтобы с перечисленных выше тарханщиков собирать пошлины «со всяких их промыслов», а к таможенным головам и целовальникам «для ведома» требова-

[9] ПСЗ, т. I, № 507, стр. 839—840.

лось послать памяти, чтобы «впредь тарханщиком никому не быть» [10]. На этой почве возник конфликт между Соловецким монастырем и местными властями. В сентябре 1672 г. настоятель монастыря Иосиф писал Алексею Михайловичу, что по прежним жалованным грамотам монастырь добытую им на своих морских промыслах соль в количестве 130 тыс. пудов мог провозить и продавать беспошлинно в городах Архангельске, Холмогорах, Устюге Великом, Тотьме и Вологде, а указную соляную пошлину в сумме 660 руб. вносил прямо в Новгородский приказ в Москве. А теперь, ссылаясь на указ 1672 г., таможенные головы в некоторых из этих городов стали на монастырских старцах и служках в тех пошлинах брать «поручные записи, а с иных и деньги». Настоятель просил царя сохранить прежний порядок, поскольку-де в его указе 1672 г. «опричь астраханской пошлины во всех великого государя городах тарханом велено быть по прежнему» [11]. Алексей Михайлович удовлетворил просьбу настоятеля, поскольку в указе 1672 г. Соловецкий монастырь с его соляными и рыбными промыслами в росписи тарханщиков не написан и для того, что «по нашему великого государя указу тарханом не велено быть только низовым» [12].

Как мы видели, издание указа 1672 г. мотивировалось стремлением пресечь злоупотребления владельцев тарханов и оградить государственную казну от таможенных убытков. Но были и другие существенные причины. Вряд ли случайно отмена торговых привилегий ударила прежде всего по интересам патриарха и ряда крупнейших московских монастырей. Вероятно, Алексей Михайлович стремился прежде всего подорвать экономическую основу могущественных церковных корпораций и ослабить их политические позиции. Ведь совсем недавно ему пришлось выдержать длительную и упорную борьбу с притязаниями патриарха Никона возвыситься над царской властью, которые поддерживались многими другими высшими церковными иерархами. С другой стороны, указ 1672 г., несомненно, отвечал интересам купечества, так как ослаблял конкурентную способность их торговых соперников и лежал в общем русле правительственной политики по укреплению торгово-промышленного сословия.

Правительство нового царя Федора Алексеевича продолжало политику его отца. Именным указом 9 августа 1677 г. Федор Алексеевич подтвердил постановление 1 марта 1672 г. и ввел важное дополнение: все жалованные тарханные грамоты на соляные и всякие другие торговые промыслы, выданные прежними государями, в том числе и подтвержденные им самим монастырям и «иным чинов людям», «отставить же и впредь тарханом никому не быть». В конце указа еще раз отмечалось, чтобы со всяких торговых промыслов патриарха, митрополитов, Троице-Сергиева монастыря и других монастырей таможенные пошлины взимать так же, как и с торговых людей берут [13]. Отмена тарханных привилегий на различные торговые промыслы распространялась на всю территорию страны и касалась и духовных, и светских владельцев.

Но с отменой тарханов на торговые промыслы были ликвидированы далеко не все иммунитетные привилегии, которыми пользовались феодалы. В частности, продолжали существовать льготы на покупку товаров, приобретаемых для «домового обихода». Сохранился интересный матери-

---

[10] АИ, т. IV, № 224, стр. 480—481.
[11] Там же, № 228, стр. 496—499.
[12] Там же.
[13] ПСЗ, т. III, № 699, стр. 109.

ал о таких привилегиях у Савво-Сторожевского монастыря. В 1660 г. Алексеем Михайловичем монастырю было пожаловано Надеинское усолье с варницами и со всем варничным заводом, принадлежавшее ранее гостям Надею и его сыну Семену Светешниковым. Усолье находилось на Волге между Симбирском и Самарой и входило в Казанский уезд.. Отсюда монастырские власти посылали на Яик своих людей для покупки рыбы и икры на «домовой обиход». Всего покупалось 500 белуг, 1000 осетров и 300 пудов икры. С этих покупок в Самаре и уезде брали пошлины — десятую «лутчую» рыбу, «подужные» деньги, а с людей — «головщину». В 1680 г. власти монастыря обратились к царю Федору Алексеевичу с просьбой освободить их от этих сборов, так как по его указу и уставной грамоте «подужные» и «головщину» вообще брать не велено, а от десятой части потому, что покупают они рыбу для своих нужд. Федор Алексеевич их просьбу удовлетворил, но указал, что если монастырь будет возить рыбу и икру для продажи, то с него брать десятую часть, как и с других продавцов [14].

Однако на местах эту привилегию Савво-Сторожевского монастыря нарушали, и он вновь обратился с жалобой к царской власти. Поэтому 1 апреля 1683 г. от имени царей Ивана и Петра Алексеевичей было предписано самарскому воеводе стольнику К. П. Пущину не брать названных выше пошлин с монастыря, а взятое в 1683 г. возвратить. Пущин ответил царям, что монастырские крестьяне из Надеинского усолья приезжают в Самару для своего «Яицкого промысла» на 500—600 подводах и больше, везут при себе деньги и берут с собой крестьян других верховых городов, называют их своими и провозят на Яик на тех подводах хлеб и вино, которые продают там яицким казакам, не платя в Самаре таможенных пошлин. С Яика они везут рыбу и икру, в том числе купленные посторонними крестьянами, и также называют их своими и не платят десятой части. Воевода спрашивал, как быть с такими нарушениями. В ответ в мае 1683 г. новая царская грамота подтвердила льготы монастыря и даже увеличила количество «домового обихода» на 1000 белуг, 1000 осетров, 1500 стерлядей и 2000 пучков вязиги. А чтобы не было злоупотреблений (и в торговле не участвовали посторонние), у монастырских крестьян должны быть проезжие письма с указанием, когда и сколько будет послано с ними подвод, припасов и денег на покупку рыбы, и эти проезжие письма объявлять в Самаре воеводам и записывать у таможенного головы в книги. На обратном пути монастырские люди должны были объявлять в Самаре покупные рыбные припасы в таможне, и с указного числа пошлин и десятой части не брать, но с того, что окажется излишним, взимать и пошлину и десятую рыбу [15].

Приведенные материалы, важные сами по себе, интересно характеризуют торговлю как монастырских, так и других крестьян Поволжья.

Рассмотренный пример с Савво-Сторожевским монастырем свидетельствует, что в годы совместного царствования Ивана и Петра не предпринималось активных мер против иммунитетных прав феодалов. Позднее, 17 мая 1690 г., цари подписали на свое имя жалованную грамоту на вотчины и различные привилегии Троице-Сергиеву монастырю, выданную ему Михаилом Федоровичем в 1625 г.[16]

Но в дальнейшем, когда Петр стал единоличным правителем, он ввел новые ограничения на иммунитетные привилегии и затем вообще ликви-

---

[14] АИ, т. V, № 62, стр. 91—93; № 115, стр. 186—190.
[15] Там же, № 107, стр. 170—175.
[16] ПСЗ, т. III, № 1376, стр. 68; т. I, № 206, стр. 429—435.

дировал их. Так, в указе 11 октября 1699 г. о сборе печатных пошлин подтверждается указ 187 г. царя Федора Алексеевича об отмене жалованных тарханных грамот [17]. Указ 187 г. нами не найден, вероятнее всего, здесь опечатка, и речь идет об указе 1677 г. (185 г.), который нами рассмотрен выше. А спустя немногим более полугода, 15 июня 1700 г., Петр издал общий указ об отмене всех тарханных грамот, освобождавших от уплаты пошлины. Отныне пошлины должны были взиматься со всех по Торговому уставу и Новоуказным статьям [18].

Особый вид привилегий составляли сборы торговых пошлин с товаров, продаваемых на торгах и ярмарках, находившихся в вотчинах феодалов. Многие, особенно церковные владельцы, по жалованным грамотам собирали их в свою пользу. Так, в 1682—1698 гг. дважды подтверждались грамоты Макарьеву Желтоводскому монастырю на сбор пошлин в его пользу с Макарьевской ярмарки [19]. Но затем Петр I рядом указов лишил некоторых из этих владельцев таких привилегий. 24 ноября 1699 г. он отобрал у Песношского монастыря право собирать в свою пользу пошлины с товаров, продаваемых на торжке в его с. Рогачеве Дмитровского уезда [20]. Характерна мотивировка такого решения: «и быть им довольным крестьянами, которые есть за тем монастырем» [21]. 1 декабря того же 1699 г. запрещено было собирать таможенную пошлину и питейную прибыль Симонову монастырю в его Весьегонской вотчине Бежецкого уезда. Из этого сбора приказано было давать монастырю только 100 руб.[22] Через две недели, 15 декабря 1699 г., отнят сбор таможенной пошлины и питейной прибыли у Пурдожского монастыря с мотивировкой: «а довольствоваться им крестьянами» [23]. 16 февраля 1700 г. правительство лишило Троице-Сергиев монастырь права собирать таможенную пошлину и питейную прибыль в его Клементьевой слободе [24].

В некоторых вотчинах эти пошлины находились у владельцев на откупе или оброке, и, следовательно, собирая их в свою пользу, они обязаны были вносить в казну определенные суммы. Указом 3 февраля 1700 г. Петр ликвидировал эти откупа и оброки и приказал на всех торжках как в церковных, так и в светских владениях собирать таможенные пошлины и питейную прибыль выборным бурмистрам прямо в казну [25].

Имела церковь и другие привилегии, приносившие ей немалые выгоды. Одна из них — право курить вино на собственные нужды. Указами 1681 и 1688 гг. и эта привилегия была отнята. А 18 февраля 1694 г. издано новое постановление, которым еще раз подтверждалось запрещение церковным владельцам, в том числе патриарху, производить вино на «домовой обиход» и рекомендовалось при необходимости покупать вино на кружечных дворах в Москве и других городах. Этим же постановлением отменялось и разрешение, данное в 1683 г. Савво-Сторожевскому монастырю на выгонку вина из 300 четвертей хлеба в год [26].

---

[17] ПСЗ, т. III, № 1711, стр. 656—665.
[18] Там же, т. IV, № 1799, стр. 59.
[19] АИ. т. V, № 99, 277.
[20] ПСЗ, т. III, № 1721, стр. 672.
[21] Там же.
[22] Там же, № 1725, стр. 672.
[23] Там же, № 1733, стр. 679.
[24] Там же, т. IV, № 1762, стр. 13.
[25] Там же, № 1750, стр. 5.
[26] Там же, т. III, № 1486, стр. 175.

К иммунитетным привилегиям относилось и освобождение от взимания печатных пошлин с разных грамот, выдаваемых феодалам и отдельным группам населения. В Соборном уложении 1649 г. специальная 18-я глава подробно указывала, с кого взимать печатные пошлины и с кого нет. В частности, освобождались от них бояре, окольничие, дворяне и думные дьяки, Троице-Сергиев и Новодевичий монастыри, головы и сотники московских стрельцов, ружные монастыри и церкви и др.[27]

В дальнейшем освобождения от уплаты печатных пошлин добились многие церковные и светские владельцы. Среди них — патриарх Никон, Чудов, Вознесенский девичий, Симонов, Донской, Савво-Сторожевский, Воскресенский на Истре и другие монастыри, киевский митрополит Варлаам, царские кравчие князья В. Ф. Одоевский, И. Г. Куракин, Б. А. Голицын, А. П. Прозоровский, а также В. Ф. Салтыков и К. А. Нарышкин, царские постельничие И. М. Языков, И. С. и Г. И. Головкины, И. И. Самарин, А. Т. Лихачев и М. А. Татищев, стряпчие «с ключем» М. Т. Лихачев и П. Б. Сумароков, сибирские и касимовские царевичи и др.[28]

Так продолжалось до 11 октября 1699 г., когда Петр I издал закон, ликвидирующий эти привилегии. Отныне сбор печатных пошлин производился со всех и со всяких грамот, в том числе и с монастырей, которые прежде пользовались освобождением. Тут же делалось предупреждение, чтобы впредь никто ни о каких льготах в сборе печатных пошлин не просил и не писал[29].

Сказанное позволяет утверждать, что в 50—60-х годах XVII в. духовные и светские феодалы пользовались еще многими торговыми и другими финансовыми иммунитетными правами и привилегиями и некоторые, наиболее крупные владельцы получали новые преимущества и льготы. Перелом наступил в 70-х годах, когда часть существенных торговых привилегий отменяется. В 80—90-х годах наблюдается некоторое отступление в правительственной политике от этой линии. Но в 1699—1700 гг. все иммунитетные права и привилегии ликвидируются, что непосредственно связано с рождением абсолютной монархии, которая не могла мириться с проявлениями политической независимости феодалов, вытекавшими из этих привилегий. Указанные меры отвечали одновременно интересам купечества и всего торгового населения.

---

[27] «Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года». М., 1907, стр. 124—134.
[28] ПСЗ, т. III, № 1711, стр. 656—665.
[29] Там же.

Г. А. Некрасов

УЧРЕЖДЕНИЕ КОЛЛЕГИЙ В РОССИИ И ШВЕДСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Административные реформы — создание и укрепление центрального и местного аппарата управления «чиновничьи-дворянской монархии»[1] являлись важной составной частью преобразований первой четверти XVIII в. Эти реформы вызывают большой интерес у исследователей.

Мы намереваемся поделиться некоторыми наблюдениями над использованием правительством Петра I шведского законодательства при учреждении коллегий.

Уже в XVIII в. Петра I упрекали в механическом перенесении шведских установлений в Россию и король Фридрих II, и историк М. М. Щербатов. П. Н. Милюков[2], критикуя петровские реформы, тенденциозно подчеркивал их стихийный, бессистемный характер; он тоже говорил о механическом заимствовании иностранных форм учреждений. Против этих обвинений возражал Э. Н. Берендтс[3], на примере учреждения коллегий он рассмотрел отношение Петра I к государственным институтам Швеции и Дании и к проектам административных преобразований, составленным А. Х. Люберасом и Г. Фиком. А. Д. Градовский[4] правильно подметил основные причины русских заимствований из Швеции, усматривая их в общности исторического и политического развития обеих стран.

Проблема творческой переработки шведских узаконений при организации коллегий и в текущей государственной практике давно привлекает внимание советских ученых. Не отрицая интереса Петра I к иностранной юриспруденции, Д. С. Бабурин[5] и Н. И. Павленко[6], подвергнув анализу регламенты мануфактур- и берг-коллегий, не обнаружили в них прямых заимствований из шведского законодательства. Н. А. Воскресенский[7], а затем Г. А. Некрасов[8], А. Г. Маньков[9] и С. М. Троицкий[10] за-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 17, стр. 346; т. 20, стр. 121.

[2] *П. Н. Милюков.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905; *он же.* Очерки по истории русской культуры, ч. III, вып. 1. СПб., 1909, стр. 163—164.

[3] *Э. Н. Берендтс.* Барон А. Х. фон Люберас и его записка об устройстве коллегий в России. СПб., 1891; *он же.* Несколько слов о «коллегиях» Петра Великого. Ярославль, 1896.

[4] *А. Д. Градовский.* Высшая администрация России XVIII столетия и генерал-прокуроры. СПб., 1866, стр. 45—62, 98.

[5] *Д. С. Бабурин.* Очерки по истории «Мануфактур-коллегии». М., 1939, стр. 48—58, 75—103.

[6] *Н. И. Павленко.* Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в. М., 1953, стр. 102—106, 161—162, 514—517.

[7] См. его комментарии к публикации: *Н. А. Воскресенский.* Законодательные акты Петра I (далее — ЗА), т. I. М.— Л., 1945.

[8] *Г. А. Некрасов.* Русско-шведские отношения и политика великих держав в 1721—1726 гг. М., 1964, стр. 20, 22—24, 27—29, 32—33.

[9] *А. Г. Маньков.* Использование в России шведского законодательства при составлении проекта Уложения 1720—1725 гг.— «Исторические связи Скандинавии и России IX—XX вв.» Сб. статей. Л., 1970, стр. 112—126.

[10] *С. М. Троицкий.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М., 1974, стр. 30—31, 49, 52—53, 58—61, 69—72, 112—113.

тронули отдельные аспекты проблемы творческого использования шведских источников правительством Петра I. Разработка данной проблематики, однако, далеко не завершена. Необходимо дополнительно выявить и изучить в архивах СССР новые шведские документы, что позволит исследователям определить объем и характер привлечения правительством Петра I шведских источников, а также степень их воздействия на правотворчество петровского времени.

Истории учреждения коллегий касались и зарубежные буржуазные историки. Среди них Э. Путткамер [11], Р. Виттрам [12] и Э. Амбургер [13] отмечали творческий подход Петра I к шведскому опыту.

Архивы СССР хранят обширные материалы, служившие источниками при учреждении коллегий в России. Видное место среди этих материалов принадлежит документам шведского происхождения [14].

В настоящее время удалось обнаружить значительную часть из тех конкретных юридических памятников, которые непосредственно использовались при организации коллегий. Даже краткий обзор этих материалов (приводимый ниже) представляет несомненный интерес, ибо позволяет охарактеризовать широту источниковедческой базы правотворчества правительства Петра I. Разбросанное по различным архивным фондам богатейшее собрание шведских источников включает многочисленные памятники шведского законодательства и правовой практики XVII — начала XVIII в. Например, в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА) имеются в русских переводах Земское уложение — Ландслаг Карла IX, Городовое уложение (Стадлаг) [15] и др.

В Архиве внешней политики России (АВПР) есть ценная коллекция шведских источников и документов из фамильного архива И. Л. Любераса [16]. Там же хранятся шведские материалы, присылавшиеся русскими посланниками при реляциях из Стокгольма [17].

---

[11] *E. von Puttkamer.* Einflüsse schwedischen Rechts auf die Reformen Peters des Großen.— «Zeitschrift fur auslandische offentlichen Recht und Volkerrecht», Bd. 19, N 1—3 (August, 1958), S. 369—384.

[12] *R. Wittram.* Peter I. Czar und Kaiser, Bd. II. Gottingen, 1964, S. 41, 114—115.

[13] *E. Amburger.* Geschichte der Behordenorganisation Russlands von Peter dem Grossen bis 1917. Leiden, 1966, S. 11—13, 118—119.

[14] *Г. А. Некрасов.* Архивы СССР и их значение для исследования русско-скандинавских отношений и истории Скандинавских стран и Финляндии XIV—XIX вв.— «Скандинавский сборник», вып. XVII. Таллин, 1972, стр. 272—279.

[15] ЦГАДА, ф. 342 (Уложенная комиссия 1720—1725 гг.), д. 32, ч. I—III (см. *А. Г. Маньков.* Указ. соч., стр. 115). Кроме того, в ЦГАДА хранятся «росписи» шведских коллегий, датируемые не ранее 1719 г. [ф. 9 (Кабинет Петра Великого), оп. 4, отд. II, д. 88, лл. 90—93, 95—97], регламент шведской военной коллегии 1723 г. [ф. 20 (Разряд XX Архива Госсовета), Дела военные], свод регламентов Швеции, Дании, Франции, Голландии и Англии (ф. 9, оп. 2, д. 45 и 46), список шведских чинов 1710-х годов (ф. 9, оп. 4, отд. II, д. 93, лл. 188—192). «записка» Г. Фика 1718 г. о государственных учреждениях Швеции [ф. 248 (Канцелярия Правительствующего Сената)], «записка» Г. Фика от 20 марта 1719 г. о «ранге шведскому гражданскому стату» [ф. 370 (Дела, относящиеся до образования различных государственных учреждений), д. 19, лл. 30—30 об., 34—42 об. См. *С. М. Троицкий.* Указ. соч., стр. 70)].

[16] АВПР, ф. 207 (Архив И. Л. Любераса). Здесь имеются реляция А. Х. Любераса 1719 г. об управлении в Швеции при Карле XI (д. 48, на немецком языке), «формы правления» Ульрики-Элеоноры 1719 г. и Фредрика I 1720 г. (д. 109 и 110, на немецком и шведском языках), уставы и инструкции коллегий — канцелярии, статс-конторы, коммерц, каммер и военной 1720—1723 гг. (д. 111, 112, 113, на немецком и шведском языках), известия о берг-коллегии 1719 г. (д. 65, на немецком языке), и др.

[17] АВПР, ф. 96 (Сношения России со Швецией). Тут имеются «форма правления» Фредрика I 1720 г. (оп. 1, 1720 г., д. 5 и 22), шведские правительственные указы

ЛОИИ СССР АН СССР располагает регламентами и инструкциями шведских коллегий — каммер, коммерц и берг (1720—1723 гг.) [18], «реляцией» А. Х. Любераса о «шведской государственной экономии» (1719 г.) [19] и др.

В ЦГИА ЭССР (г. Тарту) находится архив Г. Фика (1679—1750 гг.) [20] с материалами о его поездке в Швецию (1716 г.) [21].

Крупными документальными публикациями, содержащими материалы об использовании шведских источников при учреждении коллегий, являются «Полное собрание законов Российской империи» (ПСЗ) и «Законодательные акты Петра I» (ЗА), т. I, подготовленный и изданный П. А. Воскресенским.

Исследование указанных источников дает возможность утверждать, что при организации коллегий Петр I и его сподвижники были хорошо информированы о европейском (в том числе шведском) законодательстве. Собранные русским правительством многочисленные документы позволили изучить в деталях государственное устройство Швеции, органы ее центрального управления, текущую административную и правовую практику.

Осведомленность Петра I о европейских коллегиях относится к очень раннему времени; еще во время первого заграничного путешествия в 1697—1698 гг. он познакомился с коллегиальным устройством в Бранденбурге и в Англии. Начало длительной и тяжелой Северной войны отодвинуло осуществление административных реформ, хотя мысль о коллегиях не оставляла Петра I и в дальнейшем. В 1710—1713 гг., после взятия Риги, Ревеля и вступления русских войск в Финляндию, он имел возможность лично наблюдать работу местных коллегиальных органов шведского образца.

Царя заинтересовали эти административные учреждения; он стал собирать о них сведения от различных людей (Ф. С. Салтыкова, П. А. Толстого и др.), в том числе от иностранцев, состоявших у него на службе. В 1710 г. из плена возвратился генерал А. А. Вейде, изучивший шведское центральное управление, от него Петр I, в частности, узнал об организации государственного совета (риксрода). В 1710 г. Петр I принял на службу немецкого барона Г. Гюйссена и предложил ему собрать данные о коллегиях и о рангах гражданской и военной службы. В дальнейшем по этим вопросам он пользовался советами, услугами и информацией различных лиц — генералов Я. В. Брюса и А. А. Вейде, вице-адмирала К. И. Крюйса, шведского майора М. В. Нирота, немецкого философа Г.-В. Лейбница, вице-президента рижского гофгерихта (надворного суда) Г. Бреверна, тайного советника А. Х. Любераса и его сына генерала И. Л. Любераса, немца-голштинца Г. Фика и др.

1712 г. стал переломным в проведении внутриполитических реформ: Петр I учредил тогда «коллегиум для торгового дела» с целью улучшения внешней торговли [22], а также приказал переводить на русский язык

1721—1723 гг. и документы сессии риксдага 1723 г. (оп. 1, 1721 г., д. 14; 1723 г., д. 20, 27 и 29), инструкция военной коллегии 1723 г. (1730 г., д. 5, лл. 543—631) и др.

[18] ЛОИИ СССР, ф. 36 (Воронцовы), д. 317/455 — «Разные сведения о Швеции, XVIII в.», лл. 159—182, 196—200.

[19] Там же, кн. 177.

[20] См. о Г. Фике и его деятельности: *A. R. Cederberg.* Heinrich Fick.— «Acta et Commentationes universitas Tartuensis (Dorpatensis)», Bd. XVII, 1930.

[21] ЦГИА ЭССР, ф. 1429 (Архив Г. Фика), д. 64—74 (на немецком языке). Здесь имеются «штаты» шведских коллегий и контор (коммерц, адмиралтейской, военной, берг, каммер, статс-конторы, каммер-ревизии и канцелярии королевского замка в Стокгольме) и др.

[22] ЗА, № 247, стр. 205.

«права других государств» [23]. В последующие годы, несмотря на разгар Северной войны, он изучал иностранное право, а затем много работал над уставами, регламентами, указами относительно устройства коллегий. 4 апреля 1714 г. Петр I издал указ об упорядочении дел в Сенате, в войсках и губерниях и о коллегиальном решении всех вопросов в государственных учреждениях [24]. Этот указ утверждал коллегиальный принцип в качестве основы при проведении реформы центральных и местных органов.

Окончательное решение об устройстве коллегий было принято царем в 1715 г.: 23 марта Петр I составил список коллегий (юстиц, канцелярии чужеземных дел, адмиралтейской, кригс, камер и коммерц) [25], но этот проект не был осуществлен. Заметим, что он не являлся сколком со шведских коллегий: в него включена не существовавшая в Швеции юстиц-коллегия, в то же время в нем отсутствовала весьма важная в Швеции статс-контора. Следовательно, весной 1715 г. Петр I еще не склонился к признанию преимуществ шведских учреждений.

В 1715—1716 гг. царь повелел собрать подробную информацию о коллегиях в Пруссии, Франции, Дании и Швеции, одновременно он предпринимал шаги для подбора кадров в новые учреждения. 20 августа 1715 г. Петр I утвердил предложения А. А. Вейде об условиях приглашения ученых и опытных юристов из Лифляндии и из-за границы для работы в коллегиях. 13 ноября 1715 г. им отдано аналогичное предписание послу в Копенгагене В. Л. Долгорукому и генерал-адъютанту П. И. Ягужинскому о приискании там знающих и опытных людей для организации коллегий. 16 декабря отослан подобный указ русскому послу А. П. Веселовскому в Вену о наборе сведущих людей славянского происхождения из австрийских коллегий. 25 января 1716 г. царь распорядился отправить в Кёпигсберг для овладения немецким языком 30—40 молодых подьячих с целью использования их в коллегиях [26].

Одновременно Петр I изучал административную структуру и законодательство европейских стран [27]. 12 сентября 1715 г. он приказал написать посланному в Копенгаген П. И. Ягужинскому о присылке положения о датских коллегиях и их штатах. В мае 1716 г. В. Л. Долгорукий прислал из Копенгагена Уложения датского королевства, «правы и артикулы воинскии, светскии и духовныи» [28].

Во время пребывания в Копенгагене в 1716 г. Петр I лично осмотрел коллегии и даже списал правила их делопроизводства [29]. После изучения организации управлепия Пруссии, Франции и Дании Петр I признал ее для русских условий (для «сетуации» России) неудовлетворительной. Он предпочел тогда шведский тип коллегий, как более соответствующий целям формировавшегося российского абсолютизма [30].

Трудно сказать, когда пробудился у царя интерес к шведским коллегиям. В ЦГАДА (ф. Кабинет Петра Великого) хранится любопытный

---

[23] Сб. РИО, т. 11. СПб., 1873, стр. 238.
[24] ЗА, № 250, стр. 209.
[25] Там же, № 254, стр. 213.
[26] Там же, № 255, стр. 213; № 27, стр. 45—46; № 32, стр. 47; № 258, стр. 215.
[27] Ср. ЦГАДА, ф. 9, оп. 2, д. 45 и 46, своды регламентов Франции, Англии, Дании, Голландии и Швеции.
[28] ЗА, № 25, стр. 44—45; № 39, стр. 53.
[29] *Э. Н. Берендтс.* Несколько слов о «коллегиях»..., стр. 17.
[30] ЗА, № 49, стр. 60; *П. Н. Милюков.* Государственное хозяйство России..., стр. 574, 589; *Э. Н. Берендтс.* Несколько слов о «коллегиях»..., стр. 18—19; *Д. С. Бабурин.* Указ. соч., стр. 51.

собственноручный указ Петра I генералу кн. И. Ю. Трубецкому (к сожалению, без даты) с требованием о присылке им полного комплекта шведских законов, «рангов и звания» всех коллегий и пр.[31] Очевидно, Петр I, не получив материалов от И. Ю. Трубецкого, прибегнул тогда к услугам Г. Фика, рекомендованного на русскую службу голштинским дипломатом Г.-Ф. Бассевичем. 3 декабря 1714 г. Я. В. Брюс просил кабинет-секретаря А. В. Макарова распорядиться о пропуске Г. Фика в Россию[32]. Г. Фик был принят на русскую службу в декабре 1715 г. и затем отправлен в качестве «тайного агента царя» в воевавшую с Россией Швецию для изучения ее «аншталта экономии». Там он пробыл в течение 1716 г., собирал материалы о коллегиях и государственном аппарате, которые потом были переданы Петру I[33].

Одновременно с Г. Фриком к работе по устройству коллегий привлекается и А. Х. Люберас[34]. Он был представлен царю в курортном местечке Спа (Бельгия) вице-канцлером П. П. Шафировым в 1716 г.; в беседе с Петром I А. Х. Люберас высказал мнение о реформах государственного управления и был принят на русскую службу: ему поручили составить описание шведских государственных учреждений и мемориал о возможности применения подобных порядков в России[35].

В течение 1717 г. шла напряженная подготовка коллежской реформы: подыскивали знающих людей, продолжали изучать иностранный опыт. 28 июня в Спа Петр I отдал распоряжение Сенату о содействии Я. В. Брюсу в приискании асессоров для коллегий[36]. 20 августа в Амстердаме по указу царя была дана инструкция А. Х. Люберасу о подборе нужных людей (со знанием чешского языка) для коллегий[37].

Нехватка кадров натолкнула Петра I на мысль об использовании шведских военнопленных. 9 ноября 1717 г. и повторно 18 декабря 1718 г. он издал указы, призывавшие для работы в коллегиях военнопленных, имевших гражданские специальности,— камериров, комиссаров, рентмейстеров, секретарей, аудиторов, писарей и пр.[38] В связи с этими указами были подготовлены «росписи» лиц, пригодных для данной цели[39]; в списках встречаются лифляндцы, эстляндцы, курляндцы, мек-

---

[31] ЗА, № 34, стр 50. И. Ю. Трубецкой был взят шведами в плен под Нарвой в 1700 г., и только на Аландском конгрессе (1718 г.) его обменяли на генерал-фельдмаршала К.-Г. Реншельда (*С. А. Фейгина.* Аландский конгресс. М., 1959, стр. 294—295). Видимо, указ Петра I относится ко времени пребывания И. Ю. Трубецкого в плену. Мы не располагаем сведениями об отправке им затребованных материалов, да и вряд ли ему удалось это сделать, тем более что шведские власти часто задерживали почту военнопленных. Так, в Государственном архиве в Стокгольме (раздел «Extranea») хранятся перехваченные письма Ирины Трубецкой (1709—1710 гг.) своему мужу И. Ю. Трубецкому, а также и ее письма из Стокгольма (1715 г.) разным лицам.

[32] ЗА, № 21, стр. 42.

[33] Там же, № 29, стр. 46; см. также *П. Н. Милюков.* Государственное хозяйство России..., стр. 427; *R. Wittram.* Op. cit., Bd. II, S. 114.

[34] Ананиас-Христиан-Потт фон Люберас (1651—1722 гг.) — шотландец, до присоединения Прибалтики к России находился на шведской службе (*R. Wittram.* Op. cit., Bd. II, S. 516, 41). Сын А. Х. Люберасa — Иоганн-Людвиг Люберас (ум. 1752 г.) — инженер, полный генерал, строитель Кронштадтского канала, привлекался отцом к выполнению заданий по организации коллегий.

[35] *Э. Н. Берендтс.* Барон А. Х. фон Люберас..., стр. 51.

[36] ЗА, № 260, стр. 216.

[37] *Д. С. Бабурин.* Указ. соч., стр. 52—53.

[38] ПСЗ, т. V, № 3101, стр. 506; № 3259, стр. 602.

[39] В составлении «росписей» принимал участие и Г. Фик, представивший в начале 1718 г. список военнопленных, которые «шведскому штату и языку русскому искусны» (ПСЗ, т. V, № 3208, стр. 573—575; ЗА, № 269, стр. 224; *Я. К. Грот.*

ленбуржцы [40] и только несколько шведов (комиссары — Николаус Гофман и Андреас Крок, адвокат Габриель Страуб, вице-херадсхёвдинг [41] Таураниус, бухгалтер Эрик Берман) [42].

18 декабря 1718 г. поручику гвардии кн. Хованскому было приказано выехать в Нижний Новгород и Казань для вербовки военнопленных [43]. Эти попытки, однако, не дали желаемых результатов: в 1722 г. в гражданском управлении числилось мало иностранцев, их было всего до 20 человек [44], а из шведских военнопленных встречались единицы [45]. Одной из причин слабого притока иностранцев в государственный аппарат являлось незнание ими русского языка [46].

11 декабря 1717 г., после почти трехлетней подготовительной работы, Петр I издал указ о штатах коллегий, о работе их президентов и о сроках начала действий новых центральных органов [47]; в состав каждой коллегии предлагалось включать: русских людей — на посты президента, советников, асессоров, секретарей и др., а иностранцев (в качестве специалистов, общей численностью не более четырех человек) — на должности советника или асессора, секретаря и «шкрейвера» (писаря) [48]. 15 декабря отдан указ о назначении президентов и вице-президентов девяти коллегий [49]. Учреждение коллегий представляло принципиально новое явление, качественно отличавшееся от приказного строя; в коллегиях появились канцелярские штаты, не имевшие связи со старыми приказными должностями,— нотариусы, регистраторы, протоколисты.

В основу организации коллегий был положен шведский коллегиальный строй. В качестве образца Петр I избрал именно коллегиальные порядки при Карле XI [50], годы правления которого являлись временем расцвета шведского абсолютизма; последовавшие при Карле XII перемены в государственном управлении почти не учитывались Петром I, ибо тогда из-за длительных отлучек короля и усиления феодальной аристократии ослабела компетенция центральной власти и ограничивалась деятельность старинных коллегиальных учреждений [51]. Петр I усмотрел в коллегиях Карла XI стройную бюрократическую систему, лучшее (по сравнению

О пребывании пленных шведов в России при Петре Великом.— ЖМНП, 1853, № 2, стр. 124—125).

[40] В ЦГАДА сохранилось несколько «росписей» военнопленных (документы, видимо, конца 1717—1718 г.): ф. 9, отд. I, д. 65, лл. 251—252; оп. 4, отд. II, д. 88, л. 493; см. также отд. II, д. 58, л. 751 (1722 г.); д. 65, л. 170 (1723 г.).

[41] Вице-херадсхёвдинг — помощник председателя уездного суда в Швеции.

[42] ЦГАДА, ф. 9, отд. I, д. 65, лл. 251—252.

[43] ПСЗ, т. V, № 3259, стр. 602.

[44] *А. Д. Градовский.* Указ. соч., стр. 94.

[45] *Я. К. Грот.* Указ. соч., стр. 126—127.

[46] Владение русским языком было непременным требованием: в памятной записке из Кабинета к капитану Измайлову (от 13 декабря, год не указан, может быть — 1717 или 1718) говорилось, если «явятца из арестантов (шведских.— *Г. Н.*) потребныя в гражданскую службу в Коллегии и будут склонны к тому, то их принимать; только смотреть, чтоб умели по-руски говорить и писать» (ЦГАДА, ф. 9, отд. I, д. 65, л. 253).

[47] ЗА, № 261, 263 и 271, стр. 216—219, 225—226; см. «Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I». М., 1954, стр. 297—298.

[48] Употребление в тексте указа слова «шкрейвер» (skrivare — писарь, писец) служит дополнительным аргументом о привлечении Петром I шведских источников.

[49] ЗА, № 265, стр. 219—220.

[50] Подробные сведения о них поступили к Петру I от Г. Фика (ср.: ЗА, № 414, стр. 542—549, записка Г. Фика в коллегию иностранных дел от 25 апреля 1718 г. в Петербурге; ЗА, № 266 и 267, стр. 221).

[51] *Г. А. Некрасов.* Швеция в первой половине XVIII в.— В кн.: «История Швеции». М., 1974, стр. 253, 267—268.

с другими странами Европы) разделение функций между коллегиями, т. е. черты, более приемлемые для феодально-абсолютистской России.

Сопоставляя состав коллегий, собственноручно начертанный Петром I в декабре 1717 г.[52], со шведскими коллегиями, можно заметить не только общие черты, но и различия. Внешнее сходство выразилось в названиях ряда коллегий[53], например каммер, штатс-контор[54], адмиралтейств-, кригс-, коммерц- и берг-коллегии. При внимательном же анализе обнаруживаются существенные отличия в функциях некоторых русских и шведских коллегий: так, в Швеции не было политической коллегии, первоначально предлагавшейся в петровском плане в декабре 1717 г.[55], не существовала и юстиц-коллегия (ее компетенция принадлежала трем надворным судам); в круг обязанностей коммерц-коллегии входили торговля и мануфактуры (в России же учреждалась специальная берг- и мануфактур-коллегия), и т. д. Следовательно, Петр I и его сподвижники, учитывая шведский образец, подошли к нему критически и несомненно творчески, отбирая из него приемлемое и полезное для русских условий. По сравнению со Швецией, в России был сделан шаг вперед в направлении более рационального распределения функций между коллегиями, что, в частности, нашло отражение в учреждении особой мануфактур-коллегии (ввиду значительного развития в России мануфактурного производства, в то время как в Швеции оно было слабо развито)[56].

28 апреля 1718 г. Петр I предписал президентам камер-, коммерц- и военной коллегий составить законопроекты регламентов на «основании шведского Устава..., а которыя понкъты в шведском Регламенте не удобны, или с сетуациею сего государства не сходны, и оныя ставить по своему разсуждению»[57]. В этом указе содержится методическое указание Петра I по использованию иностранного законодательства, аналогичное ранее сформулированному при подготовке Воинского устава и других законодательных памятников петровского времени.

С конца 1717 г. при организации коллегий, кроме Я. В. Брюса[58] и А. А. Вейде (умер в 1720 г.), непосредственно и постоянно привлекался Г. Фик. Не следует, однако, преувеличивать роль Г. Фика в проведении реформы центральных учреждений, он был только агентом и исполнителем воли и распоряжений Петра I и его сподвижников. По заданию царя Г. Фик оперативно поставлял различные необходимые материалы, «записки», мемориалы и сведения (из источников, вывезенных им из Швеции)[59]. По приказанию Петра I Г. Фик 25 апреля 1718 г. передал в коллегию иностранных дел (наряду «с протчими делами»!) описа-

---

[52] ЗА, № 263 и 265, стр. 218—220.

[53] Эти названия взяты из шведского языка при помощи языка посредника — немецкого.

[54] В Швеции эта коллегия называлась: статс-контора.

[55] По мысли Петра I, позднее оставленной без реализации, политическая коллегия должна давать «все указы и потенты и наряды людем» (ЗА, № 263, стр. 218—219).

[56] *Г. А. Некрасов.* Швеция в первой половине XVIII в., стр. 259—260.

[57] ЦГАДА, ф. 9, отд. I, д. 34, лл. 450, 452—453, указ Петра I от 28 апреля 1718 г. (публикация: ЗА, № 49, стр. 60).

[58] Я. В. Брюсом, например, была добыта во время мирных переговоров со шведами в Леве (на Аландах) в ноябре 1718 г. шведская инструкция ландсхёвдингам, требовавшаяся для регламентов коллегий (ЗА, № 53, стр. 62).

[59] Там же, № 266 и 267, стр. 221. Г. Фик составил краткое описание шведских коллегий (там же, № 269, стр. 224). Он добыл и «штаты» шведских коллегий и контор (с указанием названия должностей и общей годовой суммы жалованья); списки с этих документов сохранились в его архиве (ЦГИА ЭССР, ф. 1429, д. 64—74).

ние [60] «о прежнем управлении королевства Швецкого и о собственных трудах и способах короля во управлении ево» [61]; в данной «записке» охарактеризованы шведские порядки времен абсолютизма Карла XI и Карла XII, функции коллегии-канцелярии и формы делопроизводства.

9 мая 1718 г. Г. Фик представил Петру I подробный мемориал, содержавший ряд конкретных предложений по организации коллегий. На эти предложения Петр I наложил 11 июня собственноручные резолюции, на основании которых уточняли штаты коллегий и оклады сотрудников, обеспечивали иностранцев и приезжих жильем и жалованьем, разрабатывали регламенты и инструкции коллегий [62]; тогда же Петр I вновь повторил приказание об использовании шведского опыта («шведской Регламент... с руским сводить») [63].

В 1718—1723 гг. составлялись, редактировались и утверждались регламенты и уставы коллегий, в процессе работы неизменно привлекалось шведское законодательство. Так, 9 мая 1718 г. Петр I предложил подготовить регламент юстиц-коллегии на базе «Уложения и уставов шведских» [64]; составление регламента и устава поручалось Герману фон Бреверну — вице-президенту коллегии [65]; при подготовке регламента учитывались переведенный на русский язык (!) «шведский Устав» и выписка из шведских законов о штатах судебных чинов в ландсхёвдингствах (губерниях) [66].

В конце 1718—1719 г. шведское законодательство привлекалось при выработке регламента камер-коллегии («экстракт» из «Камор-Учреждения» [67] и «штат» «камор-коллегии») [68]. 10 декабря 1718 г. Петр I отдал указ президенту штатс-контор-коллегии И. А. Мусин-Пушкину о ведении дел с 1719 г. «по швецкому маниру» [69].

В декабре 1718 г. при подготовке первоначального проекта Генерального регламента был привлечен Г. Фик, который использовал для этого шведский источник — Cantselie Ordningh (Устав канцелярии) от 22 сентября 1661 г., заимствовав из него нормы бюрократических канцелярских порядков [70]. Названным документом в 1720 г. по требованию Петра I и канцлера Г. И. Головкина пользовался советник канцелярии В. П. Степанов при составлении инструкции или «стата» иностранной коллегии [71].

---

[60] Речь идет о его «записке» «Краткое описание Королевско-Швецкой Государственной Канцелярии, или Коллегия-Канцелярии, в Стокгольме» (публикация: ЗА, № 414, стр. 542—549).

[61] ЗА, № 332, стр. 277, «докладная записка» Г. Фика от 11 ноября 1723 г.

[62] Там же, № 269, стр. 222—225; № 51, стр. 60.

[63] Там же, № 51, стр. 60.

[64] Там же, № 50, стр. 60; см. также *Л. А. Стешенко.* Образование коллегий юстиции (1719—1725 гг.).— «Вестник МГУ. Право», 1966, № 6.

[65] Г. Бреверн был президентом рижского гофгерихта, а при Карле XI служил в Лифляндии по судебной части, хорошо знал шведские порядки и пользовался репутацией опытного администратора; он принимал активное участие в создании коллегий: в 1715—1718 гг., когда обсуждались различные варианты, он предложил свой проект (*Э. Н. Берендтс.* Несколько слов о «коллегиях»..., стр. 20).

[66] ЗА, № 378, стр. 369; № 380, стр. 370—371.

[67] В частности, § 2 этого источника нашел почти дословное отражение в инструкции камер-коллегии: пункт XII, § 4 (ЗА, № 419 и 420, стр. 571—572, 575).

[68] *Э. Н. Берендтс.* Барон А. Х. фон Люберас..., стр. 4. Видимо, тут идет речь о «штате» шведской каммер-коллегии, представленном советником каммер-коллегии Г. Фиком.

[69] ЗА, № 423, стр. 589.

[70] Там же, стр. 411—412.

[71] Там же, № 406, 408 и 409, стр. 519, 527, 529—531; см. § 4 русской инструкции, где содержится прямое указание на шведский источник.

Выработка регламентов продвигалась медленно, причем регламенты не всех коллегий учитывали опыт Швеции. Например, регламент адмиралтейской коллегии, представленный адмиралом Ф. М. Апраксиным и его товарищами (издан 5 апреля 1722 г.), явился плодом тщательного изучения английского, голландского, французского и шведского регламентов [72], ярко выраженного шведского влияния в этом регламенте не обнаруживается.

При учреждении берг-коллегии, создание которой заняло много времени (уточнение компетенции и укомплектования штатами), организаторы ее были далеки от копирования западноевропейских образцов [73]. На основе собственного опыта они создали свою систему управления горной и металлургической промышленностью, соответствовавшую русским условиям [74].

Составление регламента мануфактур-коллегии тоже затянулось на длительный срок. Первоначально это дело поручили А. Х. Люберасу. В конце ноября 1718 г. он передал П. И. Ягужинскому предварительный текст регламента вместе с проектами регламентов и уставов других коллегий; однако эти его предложения запоздали, они не только не были приняты, но не были даже частично использованы [75].

19 марта 1719 г. в Петербурге А. Х. Люберас представил Петру I специальную «записку», в которой поднимал вопрос о возможной степени использования опыта шведского коллегиального устройства: А. Х. Люберас полагал допустимым следовать шведским образцам лишь в общих чертах и одновременно отмечал их недостатки, в частности, в работе каммер-коллегии (относительно контроля и отчетности по казенным суммам). В Швеции не существовало отдельной мануфактур-коллегии и управлением мануфактурами заведовала коммерц-коллегия, что А. Х. Люберас считал неприемлемым для России; кроме того, он рекомендовал учредить полицейскую и экономическую коллегии, которых вовсе не было в Швеции [76].

Следовательно, А. Х. Люберас отнесся к шведским образцам более самостоятельно, чем требовалось петровскими указами, вместе с тем его проект (по числу и названиям коллегий) не походил на план, уже выработанный Петром I. В этом следует усматривать одну из причин того, что «программу» Люберасa оставили без внимания. К тому же он сильно запоздал с подачей материалов, в этом его опередил Г. Фик, чьи пред-

---

[72] В 1714—1715 гг. Петр I неоднократно отдавал приказание о переводе на русский язык морских законов и уставов Франции, Англии, Голландии, Дании и Швеции для сравнительного изучения этих узаконений (ЗА, № 20, 22, 24 и 25, стр. 42—44).

[73] Имеются сведения, что Петр I интересовался шведской берг-коллегией и Я. В. Брюс, ведя в ноябре 1718 г. переговоры со шведами на Аландах (в Леве), обещал прислать о ней краткую «ведомость» (там же, № 53, стр. 62); пока не обнаружено никаких ее следов. Но в архиве И. Л. Люберасa имеется документ 1719 г., содержащий известия о шведской берг-коллегии (АВПР, ф. 207, д. 65); он мог быть представлен Люберасами в распоряжение Петра I.

[74] *Н. И. Павленко.* Указ. соч., стр. 102—106, 514—517. Это обстоятельство не дает оснований утверждать, что Петр I не уделял внимания шведской промышленности и формам ее управления, наоборот, в ноябре 1724 г. он специально направил в Швецию советника берг-коллегии В. Н. Татищева для изучения промышленности и горных заводов, приглашения в Россию мастеров и ремесленников и размещения в Швеции русских учеников для обучения горному делу (*Г. А. Некрасов.* Русско-шведские отношения..., стр. 31; *А. И. Юхт.* Поездка В. Н. Татищева в Швецию (1724—1726 гг.).— «Исторические записки», т. 88, стр. 301).

[75] *Э. Н. Берендтс.* Барон А. Х. фон Люберас..., стр. 6—7.

[76] Там же, стр. 10—15.

ложения и «записки» более соответствовали идеям Петра I[77]. А. Х. Люберас, едва успев лично представиться Петру I, заболел в Петербурге и, передав все бумаги В. Н. Татищеву, скончался в 1722 г.[78] При составлении в 1723 г. президентом мануфактур-коллегии В. Я. Новосильцовым ее регламента, рекомендации А. Х. Любераса, да и вообще какое-либо шведское законодательство не учитывались; этот регламент был оригинальным[79].

Реорганизация центральных административных учреждений в России являлась венцом административных реформ первой четверти XVIII в., проводимых в целях укрепления феодально-абсолютистской власти. В процессе длительной подготовки отрабатывались структура, функции, состав и штаты коллегий. Широко использовался при этом иностранный опыт, на последнем этапе в особенности шведское законодательство; из шведских источников отбиралось то, что отвечало условиям жизни России. Ряд регламентов, однако, совсем не испытывал шведского влияния, к ним относятся регламенты духовной, мануфактур- и берг-коллегий, а также Главного магистрата.

При составлении других регламентов и уставов заимствования из шведских узаконений не представляли простой компиляции, а были плодом творческой переработки и своеобразного синтеза. Шведские заимствования касались преимущественно внешних признаков — названий коллегий, титулов и рангов чиновников, порядка бюрократического делопроизводства, в то время как компетенция и распределение обязанностей между коллегиями (за исключением штатс-конторы) далеко не совпадали со шведскими и имели самостоятельные черты. Использование правительством Петра I шведского опыта объяснялось некоторыми общими, сходными линиями в социально-экономическом и политическом развитии России и Швеции того времени.

---

[77] 29 ноября 1721 г. Сенат отдал распоряжение перевести на русский язык регламенты и инструкции, составленные по-немецки Г. Фиком (ЗА, № 112, стр. 95).
[78] *R. Wittram.* Op. cit., Bd. II, S. 41, 516.
[79] *Д. С. Бабурин.* Указ. соч., стр. 77, 83; *R. Wittram.* Op. cit., Bd. II, S. 41.

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ АКАДЕМИКА Л. В. ЧЕРЕПНИНА И ЛИТЕРАТУРА О ЕГО ЖИЗНИ И ТРУДАХ

1972 г.

[Выступление в прениях по основным докладам].— В кн.: Россия и Италия. Материалы IV конференции советских и итальянских историков. Рим, 1969. Русский и итальянский средневековый город. Русско-итальянские отношения в 1900—1914 гг. М., с. 282—287.

[Выступление на расширенном заседании Ученого совета Института истории СССР (октябрь—ноябрь 1971 г., Москва), посвященном дискуссии об абсолютизме в России].— «История СССР», № 4, с. 76.

К вопросу о характере и форме Древнерусского государства X — начала XIII в.— В кн.: «Исторические записки», т. 89. М., с. 353—408.

К вопросу об иммунитете на Руси и у южных славян.— В кн.: Славяне и Россия. К 70-летию со дня рождения С. А. Никитина. М., с. 63—70.

Письмо от академика.— «Ленинский путь» (Сарат. ун-т), 22 декабря, № 36.

Публикации русских актов XIV—XVI вв., осуществленные в советское время.— В кн.: Археографический ежегодник за 1971 г. М., с. 36—49.

Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 338 с. с карт. (Совместно с А. П. Новосельцевым и В. Т. Пашуто.)

Спорные вопросы изучения Начальной летописи в 50—70-х годах.— «История СССР», № 4, с. 46—64.

Ред.: Книги московских приказов в фондах ЦГАДА. Опись 1495—1718 гг. М., 327 с.

Отв. ред.: Советов П. В. Исследования по истории феодализма в Молдавии, т. I (Очерки истории землевладения в XV—XVIII вв.). Кишинев, 510 с. Здесь же — От редактора, с. 3—5.

Член ред. колл.: История и историки. Историографический ежегодник. 1970.— Историческая концепция В. И. Ленина. Методология. Лаборатория. М., 568 с.

Член ред. колл.: «История СССР», журн. М., 1972—1975.

Член ред. колл.: Россия и Италия. Материалы IV конференции советских и итальянских историков. Рим, 1969. Русский и итальянский средневековый город. Русско-итальянские отношения в 1900—1914 гг. М., 477 с.

1973 г.

Актуальные проблемы истории Юго-Восточной Европы эпохи феодализма (Вместо предисловия).— В кн.: Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма. Резюме докладов Кишиневского симпозиума 1973 г. Кишинев, с. 3—10.

Задачи советской исторической науки на современном этапе ее развития.— «История СССР», № 5, с. 3—16. (Совместно с И. И. Минцем и М. В. Нечкиной.)

К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин.— В кн.: Источниковедение отечественной истории. Сб. статей, вып. I. М., с. 32—63.

К спорам о методологии изучения Начального летописания (Ответ А. Г. Кузьмину).— «История СССР», № 4, с. 231—237.

Крестьянские войны в России периода феодализма. К 200-летию начала восстания крестьян под водительством Е. И. Пугачева.— «Коммунист», № 13, с. 77—88.

Пер. на нем. яз.: «Sowjetwissenschaft», Berlin, 1974, № 10, S. 1069—1081; то же на англ. яз.: «Social sciences», Moscow, 1974, № 3(17), p. 139—151; на франц. яз.: «Sciences sociales», Moscou, 1974, № 3 (17), p. 145—158.

[О характере крестьянских войн в России в период феодализма. Доклад на симпозиуме об идеологической борьбе в исторической науке. 14—15 июня 1973 г. Москва. Краткое изложение].— «Новая и новейшая история», № 6, с. 208.

[Обсуждение доклада В. Т. Пашуто «Цели и задачи издания корпуса древнейших источников по истории народов СССР»].— В кн.: Корпус древнейших источников по истории народов СССР. Материалы совещания археографов-медиевистов РСФСР 11—12 апреля 1972 г. М., с. 99—103.

Отв. ред.: Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII—XVII вв. М., 476 с.

Член ред. колл.: Источниковедение отечественной истории. Сб. статей, вып. I. М., 396 с.

Член ред. колл.: История и историки. Историографический ежегодник. 1971. М., 411 с.
То же — 1972. М., 408 с.

1974 г.

Академик Михаил Михайлович Богословский.— В кн.: «Исторические записки», т. 93. М., с. 223—271.

Введение. Об изучении крестьянских войн в России XVII—XVIII вв. (К теории проблемы).— В кн.: Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв.: проблемы, поиски, решения. Сб. статей. М., с. 5—25.

Выступления на научной сессии, [посвященной вопросам социально-экономической и политической истории Среднего Поволжья и Приуралья в период феодализма. Вступительное слово и подведение итогов].— В кн.: История и культура Чувашской АССР. Сб. статей, вып. 3. Чебоксары, с. 437—446.

Из наблюдений над лексикой древнерусских актов (К вопросу о термине «правда»).— В кн.: Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. М., с. 211—218.

К вопросу о складывании сословно-представительной монархии в России (XVI в.).— «История СССР», № 5, с. 51—70.

М. В. Ломоносов и Академия наук.— «История СССР», № 3, с. 19—30.

[Письмо в редакцию о памятнике архитектуры XVII века на Кий-острове].— «Литературная Россия», 15 августа, № 33, с. 19. (В соавторстве с другими.)

Пути и формы политического развития русских земель XII— начала XIII в.— В кн.: Польша и Русь. Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII—XIV вв. М., с. 23—50.

Русская палеография и другие вспомогательные дисциплины.— В кн.: Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. [Сб. статей]. М., с. 8—29.

Сергей Константинович Богоявленский как историк (1872—1947).— В кн.: Археографический ежегодник за 1972 г. М., с. 206—217.

Il ruolo del commercio e dei mercanti nel medio evo (XIII—XV sec.). [Изложение доклада на VI конференции советских и итальянских историков (май 1974 г., Венеция) в статье R. Risaliti].— «Rassegna sovietica», N 5, p. 107—109.

Рец.: Горский А. Д. Борьба крестьян за землю на Руси в XV — начале XVI века. М., 1973, 215 с.— «История СССР», № 6, с. 201—203.

Рец.: История Москвы. Краткий очерк. М., 1974, 515 с.— «Правда», 16 декабря, № 350. (Совместно с А. М. Самсоновым.)

Отв. ред.: Крестьянские войны в России XVII—XVIII веков: проблемы, поиски, решения. Сб. статей. М., 447 с.

Член ред. колл.: Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. [Сб. статей]. М., 442 с.

1975 г.

Декабристы в Москве. Письмо в редакцию.— «Литературная газета», 9 июля, № 28. (Совместно с Н. М. Дружининым, М. В. Нечкиной, Р. А. Киреевой и Я. Н. Щаповым.)

Некоторые вопросы истории докапиталистических формаций в России.— «Коммунист», № 1, с. 63—73.

Памяти Алексея Андреевича [Новосельского].— В кн.: Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв. Сб. статей, посвященный памяти А. А. Новосельского. М., с. 17—27.

The Formation of the Russian Centralited State Viewed from a Comparative-Historical Aspect (XVI—XVII Centuries).— XIV International Congress of Historical

Sciences. San Francisco, 1975. [Report]. 32 p. (Совместно с В. Т. Пашуто.)

De l'histoire des rapports agraires en Russie avant le XVI[e] siecle.– «Le village en France et en URSS des origines a nos jours». Travaux de l'Universite de Toulouse, t. II, Toulouse, p. 105–122.
Discussion, p. 123—125.

Сост. и науч. ред.: Библиография по истории Мордовской АССР. Саранск, 378 с.

Рец.: Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский. М., 1974, 635 с. – «История СССР», № 4, с. 167–171.

Отв. ред.: Акты Русского государства 1505–1526 гг. М., 436 с.

Отв. ред.: Правила издания славяно-молдавских и молдавских грамот XV—XVII вв. Сост. А. Н. Никитич. Кишинев, 75 с.

Член ред. колл.: История и историки. Историографический ежегодник. 1973. М., 367 с.

Член ред. колл.: Проблемы социально-экономической и политической истории СССР. Научная конференция молодых ученых. Тезисы докладов. М., 180 с.

Член ред. колл.: Словарь русского языка XI–XVII вв., вып. 1 (А–Б). М., 372 с.; вып. 2 (В – Волога). М., 320 с. *.

ЛИТЕРАТУРА О ЖИЗНИ И ТРУДАХ Л. В. ЧЕРЕПНИНА

О присуждении Государственных премий Молдавской ССР 1972 года. (В области науки и техники [доктору исторических наук Л. В. Черенину и др.— за двухтомный труд «История Молдавской ССР»]).— «Советская Молдавия», 1972, 12 октября, № 240.

Глушко Б. К новым горизонтам науки и техники. [О присуждении Государственных премий Молдавской ССР Л. В. Черепнину и др.].— «Советская Молдавия», 1972, 12 октября, № 240.

Награды вручены лауреатам [о вручении Государственных премий Молдавской ССР доктору исторических наук Л. В. Черепнину и др.].— «Советская Молдавия», 1972, 19 декабря, № 295.

Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. Сб. статей, посвященный Льву Владимировичу Черепнину. М., 1972, 439 с.
Здесь же — Ученый-патриот, с. 5—6; Крайнева Н. Я. и Пронина П. В. Список научных трудов Л. В. Черепнина, с. 7—28.

Новые члены Академии наук СССР [Список].— «Вестник АН СССР», 1973, № 1, с. 61—63. [Отделение истории: академики – Л. В. Черепнин], с. 63.

Новое пополнение Отделения истории Академии наук СССР [Избрание Л. В. Черепнина в действительные члены АН СССР].— «Вопросы истории», 1973, № 1, с. 150–151.

Черепнин Лев Владимирович. [К избранию действительным членом АН СССР].— «Преподавание истории в школе», 1973, № 2, с. 33, портр.

Черепнин Лев Владимирович. [Биографическая справка].— В кн.: Ежегодник БСЭ. 1973. М., 1973, с. 632.

Назаров В. Д. Лев Владимирович Черепнин.— «Советская историческая энциклопедия», т. 15. М., 1974, стлб. 840—841.

Дружинин Н. М., Пашуто В. Т. К семидесятилетию академика Л. В. Черепнина.— «История СССР», 1975, № 2, стр. 224—228.

О награждении орденом Трудового Красного Знамени за заслуги в развитии советской исторической науки, подготовке научных кадров и в связи с 70-летием со дня рождения. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 11 апреля 1975 г.— «Правда», 1975, 12 апреля, № 102.

Назаров В. Д., Янин В. Л. К семидесятилетию академика Л. В. Черепнина.— «Вопросы истории», 1975, № 5, с. 149—155.

[Юбилей Л. В. Черепнина]. – «Вестник АН СССР», 1975, № 6, с. 120, портр.

*

Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972, 338 с. с карт. (Совместно с А. П. Новосельцевым и В. Т. Пашуто).

Рец.: *Бейлис В. М., Мавродин В. В., Фроянов И. Я., Шаскольский И. П.*—«История СССР», 1974, № 1, с. 194—200; *Пушкарев Л.*—«Новый мир», 1973, № 3, с. 272—274; *Сахаров А. М.*—«Вопросы

---

* В список научных работ включены исследования, вышедшие до сентября 1975 г.

истории», 1973, № 5, с. 160—162; *Ямпольский З.*—«Известия АН Азерб. ССР. Серия литературы, языка и искусства», 1973, № 1, с. 146—148; *Hellie R.*—«American historical review», Washington, 1974, N 2, p. 532—533; *Kosman M.*—«Roczniki dziejów społecznych i gospodarczych», Warszawa—Poznań, 1974, t. 35, s. 199—202; *Zowmiański H.*—«Przegląd historyczny», Warszawa, 1973, t. 64, N 1, s. 143—150; *Russocki S.*—«Czasopismo prawno-historyczne», Poznań, 1973, N 1, s. 221—222; *Russocki S.*—«Przegląd historyczny», Warszawa, 1973, t. 64, N 1, s. 151—160; *Serczyk W. A.*—«Studia historyczne», Kraków, 1974, N 1, s. 141—144.

Спорные вопросы изучения Начальной летописи в 50—70-х годах.— «История СССР», 1972, № 4, с. 46—64.

Дискуссия: Кузьмин А. Г. Спорные вопросы методологии изучения русских летописей.—«Вопросы истории», 1973, № 2, с. 32—53; *Лихачев Д. С., Янин В. Л., Лурье Я. С.* Подлинные и мнимые вопросы методологии изучения русских летописей. [По поводу статьи]А. Г. Кузьмина «Спорные вопросы методологии изучения русских летописей»].—«Вопросы истории», 1973, № 8, с. 194—203; *Кузьмин А. Г.* К спорам о методологии изучения Начального летописания [Письмо в ред.]—«История СССР», 1973, № 4, с. 219—231; *Л. В. Черепнин.* К спорам о методологии изучения Начального летописания (Ответ А. Г. Кузьмину).—«История СССР», 1973, № 4, с. 231—237.

Составитель *П. В. Пронина*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

А) Архивы

АВПР — Архив внешней политики России Министерства иностранных дел СССР.

БАН – Библиотека Академии наук СССР.

ГАВО – Государственный архив Владимирской области.

ГБЛ – Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина.

ГИМ – Государственный исторический музей.

ГИМ, ОПИ – Государственный исторический музей, Отдел письменных источников.

ГПБ – Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

ЛОИИ СССР – Ленинградское отделение Института истории СССР Академии наук СССР.

ЦГА г. Москвы – Центральный государственный архив г. Москвы.

ЦГАДА – Центральный государственный архив древних актов.

ЦГВИА – Центральный государственный военно-исторический архив.

ЦГИА СССР – Центральный государственный исторический архив СССР (в Ленинграде).

ЦГИА ЭССР – Центральный государственный исторический архив Эстонской ССР.

Б) Издания

ААЭ — «Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею имп. Академии наук». СПб., т. I, 1836; т. IV, 1836.

АГР – «Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России». Собр. и изд. А. Федотов-Чеховский. Киев, т. I, 1860; т. II, 1863.

АЕ — «Археографический ежегодник».

АЗР – «Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею», т. I. СПб., 1846.

АИ — «Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею». СПб., т. I, 1841; т. IV, 1842; т. V, 1842.

«Акты Уварова» – «Описание актов собрания графа А. С. Уварова. Акты исторические, описанные И. М. Катаевым и А. С. Кабановым». Под ред. проф. М. В. Довнар-Запольского. М., 1905.

«Акты Юшкова» – «Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества». Собр. и изд. А. Юшков. М. 1898.

АСЭИ – «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в.» М., т. I, 1952; т. II, 1958; т. III, 1964.

АФЗиХ — «Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков». М., ч. I, 1951; ч. II, 1956; ч. III, 1961.

ВВ – «Византийский временник».

«Вестник АН СССР» – «Вестник Академии наук СССР».

«Вестник МГУ» — «Вестник Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова».

«Временник ОИДР» — «Временник имп. Московского общества истории и древностей российских».

ГВНП – «Грамоты Великого Новгорода и Пскова». Под ред. С. Н. Валка. М.– Л., 1949.

ДАИ — «Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею». СПб., т. I, 1846; т. XII, 1872.

ДДГ – «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.» Подг. к печ. Л. В. Черепнин. М.– Л., 1950.

ДРВ – «Древняя Российская Вивлиофика, содержащая в себе: собрание древностей Российских, до истории, географии и генеалогии Российские касающихся...», изд. 2, ч. XIII. М., 1790.

ЖМНП – «Журнал Министерства народного просвещения».

ИОРЯС — «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук».

КСИС АН СССР – «Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР».

ЛЗАК — «Летопись занятий Археографической комиссии».

НПЛ – «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов». Под ред. и с предисловием А. Н. Насонова. М.– Л., 1950.

ПВЛ, т. I — «Повесть временных лет», т. I. Подг. текста Д. С. Лихачева. М.— Л., 1950.

ПИ – «Проблемы источниковедения».

ПКМГ – «Писцовые книги Московского государства». Под ред. Н. В. Калачева. СПб., ч. 1, отд. 1, 1872; отд. 2, 1877.

ПЛ, вып. I—II — «Псковские летописи». Подг. к печ. А. Н. Насонов, вып. I. М., 1941; вып. II. М., 1955.

ПРП – «Памятники русского права». М., вып. 1, 1952; вып. 2, 1953; вып. 4, 1956; вып. 5, 1959; вып. 6, 1963; вып. 7, 1963.

ПСЗ – «Полное собрание законов Российской империи».

ПСРЛ — «Полное собрание русских летописей, изданное Археографическою комиссиею».

РИБ – «Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею».

РИЖ – «Русский исторический журнал».

РК – «Разрядная книга 1475–1598 гг.» Подг. текста и введение В. И. Буганова. М., 1966.

Сб. ГКЭ — «Сборник грамот Коллегии экономии». Л., т. I. 1922; т. II, 1929.

Сб. ОРЯС – «Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности имп. Академии наук».

Сб. РИО – «Сборник Русского исторического общества».

СГГД – «Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел». М., ч. I, 1813; ч. II, 1819; ч. IV, 1828.

ТКиДТ — «Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в.» Подг. текста и введение А. А. Зимина. М.– Л., 1950.

ТОДРЛ – «Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР».

«Труды МГИАИ» – «Труды Московского государственного историко-архивного института».

«Чтения ОИДР» – «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете».

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 1

Н. М. Дружинин, В. Т. Пашуто. К семидесятилетию Л. В. Черепнина 3

Я. С. Гросул, Н. А. Мохов. Роль Л. В. Черепнина в становлении исторической науки в советской Молдавии 9

Раздел первый

КЛАССОВАЯ И СОСЛОВНАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА

Я. Н. Щапов. О функциях общины в Древней Руси 13

Ю. Г. Алексеев. «Наймит» и «государь» Псковской судной грамоты 22

В. Л. Янин. Комплекс берестяных грамот № 519—521 из Новгорода 30

В. Д. Назаров. О структуре «Государева двора» в середине XVI в. 40

В. И. Буганов. К изучению состава «Государева двора» XVI в. 55

А. М. Сахаров. О термине «город» в источниках XVI в. 62

А. А. Преображенский. Об эволюции классово-сословного строя в России . . . 67

П. Г. Рындзюнский. Сословно-податная реформа 1775 г. и городское население 86

Е. И. Дружинина. Судьбы крупнейшего государственного предприятия Новороссии 96

В. А. Александров. Общинное управление в помещичьих имениях XVIII — начала XIX в. 104

Раздел второй

СОСЛОВИЯ И ВЛАСТЬ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

А. Л. Хорошкевич. История государственности в публицистике времен централизации 114

И. С. Чичуров. К вопросу о формировании идеологии господствующего класса Древней Руси в конце XV—XVI в. 125

М. Е. Бычкова. Первые родословные росписи литовских князей в России . . . 133

А. И. Клибанов. «Правда» Федора Карпова 141

Н. А. Казакова. Максим Грек и идея сословной монархии 151

Н. В. Синицына. Этический и социальный аспекты нестяжательских воззрений Максима Грека 159

Л. А. Никитина. Английские хроники о титуле русских царей 171

В. С. Румянцева. Кружок Стефана Внифантьева 178

Л. Н. Пушкарев. Государство и власть в общественно-политической мысли конца XVII в. 189

М. Я. Волков. «Созерцание краткое» как источник по истории общественно-политической мысли 198

А. И. Юхт. В. Н. Татищев о реформах Петра I 209
Л. А. Никифоров. Записки Вильбуа 219
С. М. Троицкий. Дворянские проекты создания «третьего чина» 226
М. Д. Курмачева. Проекты государственного устройства Ивана Тревогина . . 237

Раздел третий

КЛАССОВЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОЯ

А. Н. Сахаров. Русское посольство в Византию. 838—839 гг. 247
И. П. Старостина. Судебный иммунитет в законах Казимира 1468 г. 262
А. Д. Горский. Новгородские акты как источник по истории борьбы за землю 272
Б. Н. Флоря. О путях политической централизации Русского государства (на примере Тверской земли) 281
С. М. Каштанов. Рост государственных повинностей во второй половине XVI в. 291
А. А. Зимин. Государственный архив и учреждение опричнины 296
С. О. Шмидт. О датировке приписок в Лицевом летописном своде 305
А. Г. Маньков. Государственно-правовое обеспечение торговых путей 311
Н. А. Горская. Государственные повинности монастырских крестьян XVII в. 317
И. А. Булыгин. Борьба государства с феодальным иммунитетом 327
Г. А. Некрасов. Учреждение коллегий в России и шведское законодательство 334

Список научных трудов академика Л. В. Черепнина и литература о его жизни и трудах 344
Список сокращений 348

ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО ФЕОДАЛЬНОЙ РОССИИ

Сборник статей, посвященный 70-летию академика Л. В. ЧЕРЕПНИНА

Утверждено к печати
Отделением истории
и Институтом истории СССР АН СССР

Редактор издательства **С. А. Левина**
Художник **Г. А. Клод**
Художественный редактор **В. А. Чернецов**
Технический редактор **П. С. Кашина**
Корректоры **Ф. А. Дебабов, А. Д. Полосова**

Сдано в набор 25/VI 1975 г.
Подписано к печати 4/XII 1975 г.
Формат 70×100¹/₁₆. Бумага № 1.
Усл. печ. л. 28,7. Уч.-изд. л. 31,6.
Тираж 3600 экз. Т-18372. Тип. зак. 2521.

Цена 2 р. 41 к.

Издательство «Наука». 103717 ГСП,
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука».
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10